СБОРНИКЪ

ХАРЬКОВСКАГО

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО

ОБЩЕСТВА.

Томъ 11-й.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія. Петровскій пер., д. № 17-й.
1899.

Одиннадцатый томъ Сборника Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества печатается и выпускается въ свѣтъ по опредѣленію Историко-Филологическаго Общества при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Харьковскомъ Университетѣ, состоявшемуся въ засѣданіи 11 Декабря 1897 г.

Предсѣдатель Профессоръ *Н. Сумцовъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1) Отчеты и протоколы.

2) Изслѣдованія и матеріалы.

Отчетъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества за $18\frac{96}{97}$ акад. годъ.

1) Денежный отчетъ.

Остатокъ отъ $18^{95}/_{96}$ г.	166 р. 00 к.
Продано изданій Общества на	771 „ 99 „
Членскихъ взносовъ И.-Ф. Общ.	100 „ 00 „
„ „ Педаг. Отд.	138 „ 00 „
Субсидія отъ Полт. Губ. Земства	300 „ 00 „
Отъ Университета на изданіе трудовъ	400 „ 00 „
Отъ Университета архиваріусу	600 „ 00 „
Итого	2475 р. 99 к.

Израсходовано:

Правленіемъ Университета архиваріусу	600 р. 00 к.
„ „ на изд. IX т. Сборника.	400 „ 00 „
Почтовые расходы и привѣтственныя телеграммы	22 „ 83 „
Наградные Н. Чудному и наборщикамъ	25 „ 50 „
Бланки, конверты, бумаги и др. мелкіе расходы	12 „ 40 „
Корректору за сборникъ Милорадовича	26 „ 00 „
Кульженку за портретъ Лащенки	27 „ 50 „
Расходы по 11 засѣданіямъ И.-Ф. Общ. и Пед. Отд.	22 „ 00 „
Переплетчику Тямину за переплетъ книгъ	53 „ 60 „
Зильбербергу за 4-е изд. Тетради для запис. книгъ	85 „ 50 „
Въ Губ. Типографію за 3 вып. Трудовъ Педаг. Отд.	243 „ 35 „
Итого	1518 р. 68 к.

Остатокъ къ 1 сентября 1897 г. выразился въ суммѣ 957 р. 31 коп. Изъ этой суммы 13 ноября 1897 г. вполнѣ оплочены X т. Сборника и IV вып. Трудовъ Педаг. Отдѣла въ суммѣ 666 руб. совмѣстно (росписка Губернской Типографіи за № 301). За исключеніемъ этой суммы остатокъ выразился къ 15 ноября въ 291 руб. 31 коп.

ОТЧЕТЪ

по устройству общедоступныхъ чтеній членовъ И.-Ф. Общ. и Педаг. Отдѣла въ $18\frac{97}{98}$ г.

(съ марта 1897 г. по сентябрь 1898 г.).

Всѣхъ чтеній 9.

ПРИХОДЪ (валовой).

Чтеніе Е. К. Рѣдина	154 р.	60 к.
„ А. В. Ордынскаго	154 „	00 „
„ Н. И. Алякритскаго	156 „	60 „
„ Н. А. Федоровскаго.	142 „	72 „
Два чтенія Н. Ѳ. Сумцова	176 „	00 „
Чтеніе С. В. Соловьева.	85 „	00 „
„ В. П. Бузескула.	123 „	60 „
„ Н. Ѳ. Сумцова	91 „	60 „
Итого . .	1084 р.	12 к.

РАСХОДЪ.

Пріобрѣтено 216 картинъ на сумму	309 р.	86 к.
За электрическое освѣщеніе по 25 руб. за первые 4 чтенія и по 15 руб. за остальные	175 „	00 „
Печатаніе афишъ, билетовъ и программъ	68 „	10 „
Афишной конторѣ.	18 „	00 „
Швейцарамъ при вѣшалкахъ	57 „	00 „
Служителю при актовомъ залѣ	18 „	00 „
Николаю Чудному (развѣска билетовъ).	9 „	00 „
Двумъ служителямъ при фонарѣ.	40 „	50 „
Пять рундуковъ	30 „	00 „
Экранъ	31 „	45 „

Мелкіе расходы (подсвѣчники 3 р. 70 к., конфекты учен. оркестра 3 р. 75 к., занавѣсъ 3 р. 75 к., за жестяное корыто, утерянную шапку, неразысканныя галоши, извощики и др.) всего . . . . 34 р. 21 к.

Итого . . 791 р. 12 к.

Чистый остатокъ . . . . 293 р. 00 к.

23 марта 1898 г.

Проф. Н. Ѳ. СУМЦОВЪ.

Ко времени начала общедоступныхъ чтеній 18⁹⁸/₉₉ г., т. е. съ лекціи Е. К. Рѣдина о Помпеяхъ, остатокъ въ 293 руб. израсходованъ т. о.:

Ефиму Ткаченку за 5 ящиковъ для картинъ	16 р. 00 к.
Мольтени за картины	27 „ 75 „
Демидову по счету № 281 за картины	20 „ 60 „
Александрову въ Вологду за картины и отпр. ихъ . .	11 „ 45 „
За волшебный фонарь и его доставку	210 „ 20 „
Итого . .	286 р. 00 к.

Остается на 18⁹⁸/₉₉ г. . . . . . 7 р. 00 к.

2) Протоколы засѣданій

Историко-Филологическаго Общества при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ.

I.

2 октября 1897 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ Н. Ѳ. Сумцова. при секретарѣ Е. К. Рѣдинѣ, г.г. члены: Н. И. Алякритскій, Д. И. Багалѣй, С. П. Бобинъ, В. П. Бузескулъ, А. В. Ветуховъ, Г. Э. Гинце, П. А. Гинкинъ, Н. К. Грунскій, Н. О. Куплеваскій, М. Д. Линда, М. А. Масловъ, Д. П. Миллеръ, Т. Н. Никитскій, В. И. Савва, М. П. Савиновъ, С. Н. Самойловъ, І. Ѳ. Тихій, М. Е. Халанскій и В. И. Харціевъ.

С Л У Ш А Л И:

I. Прошеніе состоящаго при Одесской таможнѣ чайнаго контролера И. С. Заруднаго о выдачѣ ему изъ Историческаго Архива Общества копіи съ послужнаго списка его предка Іосифа Ѳеодорова Заруднаго, съ метрики, или какихъ-нибудь другихъ документовъ.

Постановили: просить г. Архиваріуса навести справки.

II. Докладъ предсѣдателя о посылкѣ телеграммы отъ имени Общества въ Бѣлградскую Королевскую Академію—по случаю перенесенія тѣла В. Караджича изъ Вѣны въ Бѣлградъ, слѣдующаго содержанія:

„Харьковское Историко-Филологическое Общество, вспоминая неоцѣнимыя заслуги Караджича въ развитіи славянскаго самосознанія, науки и литературы, съ глубочайшимъ сочувствіемъ присоединяется къ торжественному чествованію его памяти, предпринятому благодарными его соотечественниками. Предсѣдатель Сумцовъ".

III. Докладъ предсѣдателя о состоявшемся 12 Сентября с. г. чтеніи лекціоннаго комитета Педагогическаго Отдѣла Общества.

Постановили: уплатить за туманныя картины къ чтеніямъ по счету Дредера 81 р. 75 к., Заикина—46 р.—изъ спеціальныхъ средствъ; вы-

разить благодарность г. Тутковскому за присылку въ даръ фотографій Берестовецкаго вулкана и просить проф. В. В. Сапожникова о высылкѣ фотографій, вошедшихъ въ его сочиненіе объ Алтаѣ; одобрить проэктъ обращенія отъ имени Педагогическаго Отдѣла къ начальникамъ и начальницамъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній объ указаніи преподавателей, могущихъ быть полезными лекціонному комитету при устройствѣ чтеній.

IV. Сообщеніе М. Е. Халанскаго о принесеніи въ даръ Обществу преподавателемъ Бѣлгородской Гимназіи Ѳеодоромъ Степановичемъ Абрамовымъ писцоваго наказа и нѣкоторыхъ документовъ.

Постановили: наказъ и документы передать въ Историческій Архивъ Общества, и Ѳ. С. Абрамова благодарить.

V. Постановленіе предыдущаго засѣданія: произвести въ этомъ засѣданіи выборъ архиваріуса.

Выбранъ Евг. Мих. Ивановъ. Постановили: о выборѣ сообщить Правленію Университета, а г. Завѣдующаго архивомъ просить выработать инструкцію занятій архиваріуса.

VI. Докладъ предсѣдателя о составленіи альбома фотографій членовъ Общества и Педагогическаго Отдѣла.

Постановили: пріобрѣсти альбомъ для фотографій.

VII. Рефератъ Д. И. Багалѣя: „Изъ исторіи Харьковскаго Университета"[1]).

VIII. Рефератъ Е. К. Рѣдина: „Памяти Ле-Блана": „Не стало еще одного—старѣйшаго и замѣчательнаго—послѣ Дж. Бат. де-Росси—дѣятеля въ области христіанской археологіи: недавно умеръ Эдмондъ *Ле-Бланъ,* членъ Института Франціи.

Родился онъ въ 1818 году 12 Августа, получилъ юридическое образованіе. Любовь къ занятіямъ археологіей онъ получилъ послѣ поѣздки въ 1846 г. въ Италію. Здѣсь онъ познакомился съ отцомъ христіанской археологіи де-Росси, и съ извѣстными учеными дѣятелями въ той-же области—о. Марки, Гарруччи и др. Общеніе съ ними, бесѣды, знакомство съ памятниками древне-христіанскаго искусства—возбудили въ немъ сильную любовь къ изученію послѣдняго и даже тему для первой и замѣчательной своей работы онъ получилъ отъ де-Росси. Въ то время де-Росси составлялъ сборникъ христіанскихъ надписей Рима; Ле-Бланъ задумалъ, по совѣту де-Росси, собрать надписи Галліи. За это дѣло онъ принялся съ необыкновенной энергіей и черезъ шесть лѣтъ уже онъ представилъ

---

[1]) Рефератъ—VII глава труда Д. И. Багалѣя „Опытъ исторіи Харьковскаго Университета"; будетъ напечатанъ въ IV в. „Запис. Имп. Харьковс. Универ." за 1897 г.

свой трудъ Академіи надписей и изящной литературы, увѣнчавшей его первой преміей. Recueil des inscriptions chrétiennes de la Gaule—вышло въ трехъ томахъ въ 1856, 1865 и 1892 (послѣдній подъ заглавіемъ Nouveau recueil des inscriptions chrétiennes de la Gaule). Одного этого труда достаточно было бы для обезпеченія покойному славы и извѣстности: на столько онъ цѣнится въ ученой литературѣ. Но имъ совершенъ рядъ и другихъ не менѣе важныхъ и цѣнныхъ трудовъ. Таковы изслѣдованія его о положеніи христіанъ во времена гоненій (Les persécuteurs et les martyrs aux premiers siècles de notre ère, Paris, 1893), объ актахъ мучениковъ (Supplément aux Acta sincera de dom Ruinart, Paris, 1882), объ христіанскихъ саркофагахъ Арля, Галліи, съ замѣчательными комментаріями, обнаруживающими въ авторѣ глубокое знакомство съ христіанской литературой, съ памятниками искусства (Étude sur les sarcophages chrétiens antiques de la ville d'Arles, Paris 1878; Les sarcophages chrétiens de la Gaule, Paris, 1886).

Не перечисляя другихъ многочисленныхъ мелкихъ трудовъ покойнаго, свидѣтельствующихъ о той-же его глубокой учености, любви къ избранному предмету своихъ научныхъ занятій, укажемъ на предсмертный его трудъ: 750 inscriptions de pîerres gavées inédites ou peu connues, Paris, 1896.

Такимъ образомъ въ лицѣ покойнаго историческая наука понесла большую потерю, которую вмѣстѣ съ другими раздѣляетъ и наше Общество".

II.

31 Октября 1897 года.

31 октября, въ присутствіи г. попечителя Харьковскаго учебнаго округа И. П. Хрущова и многихъ профессоровъ Харьковскаго университета, состоялось соединенное засѣданіе историко-филологическаго общества и его педагогическаго отдѣла въ память заслуженнаго профессора и академика Өедора Ивановича Буслаева. Засѣданіе было открыто слѣдующею рѣчью предсѣдателя общества, проф. *Н. Ө. Сумцова*:

„М. Г.! Настоящее засѣданіе историко-филологическаго общества и педагогическаго отдѣла посвящается всецѣло памяти Өедора Ивановича Буслаева. Немногіе изъ присутствующихъ здѣсь пользовались его непосредственными указаніями и совѣтами. Посредственно же, заочно, по книгамъ, мы всѣ въ большей или меньшей мѣрѣ оказываемся его учениками, учились на его сочиненіяхъ и отчасти по его же сочиненіямъ те-

перь учимъ другихъ. Можно положительно утверждать, что имя Буслаева самое популярное въ русской наукѣ. По широтѣ, силѣ и благотворности вліянія съ Буслаевымъ могутъ сравниться лишь весьма немногіе дѣятели русской науки и литературы.

Судьба была очень милостива къ Ѳедору Ивановичу. На первыхъ же порахъ его житейской и научной дѣятельности она дала ему высоко образованнаго руководителя и покровителя въ лицѣ графа Строганова. Она открыла молодому ученому самый широкій доступъ къ первоисточникамъ западной науки и литературы—въ такое время, когда доступъ къ нимъ былъ обставленъ всевозможными препятствіями. Далѣе она дала Ѳедору Ивановичу возможность развернуть свои силы въ центрѣ русской земли подъ покровомъ старѣйшаго и наиболѣе вліятельнаго московскаго университета. Наконецъ, она отмѣрила для Ѳ. И. много лѣтъ жизни, почти полныхъ 80 лѣтъ, изъ которыхъ лишь послѣдніе годы были омрачены слѣпотой.

Щедрые дары судьбы пали на богатую духовную почву. Съ природнымъ сильнымъ и яснымъ умомъ Ѳ. И. соединялъ доброе, отзывчивое сердце и вмѣстѣ съ тѣмъ тонкое художественное чутье. Оттого онъ необыкновенно быстро и удачно оріентировался въ громадныхъ запасахъ нѣмецкой науки и итальянскаго искусства. Онъ въ высшей степени искусно воспользовался ими для разносторонняго и глубокаго изученія русскаго языка, словесности и искусства. Примкнувъ къ господствовавшимъ въ недавнее время на западѣ научнымъ направленіямъ, Ѳ. И. вполнѣ сохранилъ свою духовную свободу, съумѣлъ придать русской наукѣ самостоятельное теченіе и выработалъ довольно оригинальное научное направленіе, въ основу котораго положилъ гуманитарное изученіе русской народности, съ полнымъ устраненіемъ одностороннихъ пристрастій. Къ этимъ основнымъ достоинствамъ Буслаева нужно присоединить многія другія, такія крупныя, какъ обширная эрудиція, ясность мысли, стройное изложеніе, превосходный языкъ—съ оттѣнкомъ такого изящества и благородства, котораго нельзя опредѣлить теоретически, но которое чувствуется на каждой страницѣ его письма. Оттого даже устарѣвшія его статьи читаются съ интересомъ и, при всей исключительности односторонней миѳологической теоріи, сохраняютъ до сихъ подъ важное образовательное и воспитательное значеніе".

Н. И. Аляктитскій сообщилъ свои воспоминанія о Ѳ. И. Буслаевѣ, какъ профессорѣ. Обрисовавъ наружность Ѳ. И., указавъ на его энергію,

живость, (не смотря на преклонные въ то время годы), на то особенное чувство симпатіи, которое съ перваго же раза возбуждалъ Ѳ. И. въ своихъ слушателяхъ, отмѣтивъ общій характеръ его лекцій, въ высшей степени увлекательныхъ, онъ перешелъ къ краткому изложенію тѣхъ общихъ курсовъ, которые были читаны профессоромъ въ теченіе 186^5/$_6$ и 186^6/$_7$ учебныхъ годовъ. Задача этихъ курсовъ состояла въ ознакомленіи слушателей съ разными методами изученія литературы и языка, въ связи съ развитіемъ цивилизаціи. Познакомивъ далѣе съ характеромъ практическихъ занятій, которыя велись на послѣднемъ курсѣ, референтъ обрисовалъ взгляды Ѳ. И. на нѣкоторые спорные вопросы русскаго правописанія и закончилъ свое сообщеніе характеристикой Ѳ. И., какъ учителя и наставника, въ лучшемъ, благороднѣйшемъ значеніи этого слова, любившаго молодежь, какъ человѣка, всецѣло преданнаго только одной наукѣ, которой онъ и посвятилъ всю жизнь.

Проф. *М. Е. Халанскій* въ своей рѣчи, посвященной трудамъ Буслаева по русскому языку и словесности, указалъ въ началѣ на общее значеніе этихъ трудовъ, и отмѣтилъ правильность сравненія Буслаева съ Карамзинымъ, впервые сдѣланнаго проф. А. И. Кирпичниковымъ и самъ подробно развилъ его: „Буслаевъ, какъ и Карамзинъ, говорилъ референтъ, всецѣло отдалъ себя на служеніе излюбленному дѣлу, не отвлекаясь отъ него побужденіями честолюбія: Карамзинъ былъ только литераторомъ, Буслаевъ былъ только профессоромъ. И тотъ, и другой ввели въ русскую литературу новое направленіе, заимствованное въ западной Европѣ— Буслаевъ въ научной, Карамзинъ въ художественной; оба стремились сдѣлать научные факты общедоступными, для чего оба заботились о тщательной внѣшней отдѣлкѣ своихъ произведеній; оба были прекрасными людьми по нравственнымъ чертамъ характера; оба, наконецъ, будучи воспитаны на идеяхъ западно-европейской науки и литературы, по своимъ убѣжденіямъ были русскими славянами". Далѣе, говоря о трудахъ Буслаева по изученію русскаго языка, референтъ остановился на капитальныхъ его сочиненіяхъ въ этой области „О преподаваніи отечественнаго языка" (М. 1844), „О вліяніи христіанства на славянскій языкъ" (М. 1848) и на „Исторической грамматикѣ русскаго языка" (М. 1858). Въ заключеніе указано было на значеніе его трудовъ, посвященныхъ исторіи русской литературы, народной словесности, всеобщей литературѣ, на вліяніе ихъ на послѣдующіе труды посредственныхъ и непосредственныхъ учениковъ его школы.

Е. К. Рѣдинъ, указавъ въ началѣ своей рѣчи на высокое значенiе дѣятельности Буслаева въ различныхъ областяхъ историко-литературныхъ наукъ, далѣе спецiально обозрѣлъ главнѣйшiе труды его по археологiи и исторiи искусства. На первомъ мѣстѣ и въ хронологическомъ порядкѣ, и по значенiю поставленъ былъ имъ трудъ „Историческiе очерки", вышедшiй въ свѣтъ въ 1861 году, а затѣмъ „Общiя понятiя о русской иконописи". Указавъ на содержанiе и значенiе этихъ трудовъ, г. Рѣдинъ замѣтилъ, что „если принять во вниманiе, что въ русской археологической литературѣ ранѣе Буслаева ничего подобнаго сдѣлано не было, что сдѣланное имъ ложится и уже легло въ основу науки археологiи и исторiи русскаго искусства, что многое изъ намѣченнаго имъ развито и обслѣдовано въ трудахъ учениковъ его школы, то нельзя не признать, что онъ вполнѣ заслуживаетъ названiе отца науки русской археологiи". Далѣе референтъ подробно остановился на трудахъ его по исторiи русскаго орнамента въ связи съ византiйскимъ; и на капитальномъ трудѣ по исторiи русскаго лицеваго Апокалипсиса, указалъ на плодотворность впервые приложеннаго имъ къ изслѣдованiю русскихъ памятниковъ искусствъ сравнительно-историческаго метода, и кратко обозрѣлъ многочисленные мелкiе его труды, посвященные отчасти византiйскому искусству, а главнымъ образомъ древне-русскому; далѣе указалъ на труды и популярныя статьи по до-исторической археологiи восточной, средневѣковой и эпохи Возрожденiя, печатавшiяся въ различныхъ журналахъ и отчасти собранныхъ въ „Моихъ досугахъ", изданныхъ въ 1886 году. Во второй части своей рѣчи референтъ, пользуясь воспоминанiями Буслаева, познакомилъ съ тѣми факторами въ его жизни, которые способствовали развитiю въ покойномъ ученомъ несомнѣнно прирожденнаго вкуса къ изящному, любви и знакомству его съ памятниками искусства. Заканчивая обозрѣнiе подготовительныхъ работъ и занятiй Буслаева, а равно его трудовъ по изученiю древне-русскаго искусства, референтъ сказалъ: „лишь съ широкой, основательной подготовкой возможно было сдѣлать то, что сдѣлалъ Буслаевъ для русской науки: установилъ методъ изученiя русскихъ памятниковъ искусства, далъ примѣръ примѣненiя его въ своихъ спецiальныхъ изслѣдованiяхъ и популярныхъ статьяхъ и очеркахъ. Онъ положилъ фундаментъ для науки русской археологiи и далъ богатѣйшiй разработанный матерiалъ для исторiи русскаго искусства. Исходя отъ его трудовъ, поучаясь изъ нихъ, русская наука въ лицѣ учениковъ „буслаевской школы" уже начинаетъ обогащаться изслѣдованiями въ разработкѣ того-же ма-

теріала, который онъ впервые плодотворно началъ разрабатывать, освѣщать, уясняя прошлое нашей національной культуры. Въ его трудахъ, въ его высоко-нравственной, обаятельной личности послѣдующіе дѣятели въ области научной разработки исторіи нашей культуры найдутъ всегда образецъ, поученіе..... Мы надѣемся, имя Буслаева будетъ скоро знакомо нашему учащемуся поколѣнію, какъ ему знакомы имена великихъ русскихъ писателей, что многія изъ его произведеній войдутъ въ составъ той сокровищницы обязательныхъ знаній, въ которой теперь совершенно отсутствуетъ—исторія искусствъ, исторія родной художественной старины—лучшихъ показателей культуры и залога народнаго просвѣщенія".

В. И. Харціевъ познакомилъ со взглядами Буслаева на преподаваніе отечественнаго языка и словесности въ средней школѣ. Онъ подробно передалъ содержаніе труда Буслаева „О преподаваніи отечественнаго языка", заключающаго въ себѣ указанные взгляды, указалъ на извѣстное значеніе, какое они имѣли для реформы преподаванія отечественнаго языка въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и какое они имѣютъ для нихъ и теперь; „педагогическія сочиненія Буслаева, высказалъ въ заключеніе референтъ, не могутъ быть обойдены никакой современной дидактикой и методикой и незнакомство съ ними можно поставить въ вину каждому преподавателю русскаго языка, какъ считается предосудительнымъ для каждаго занимающагося научно исторіей русской словесности незнакомство съ трудами Буслаева въ этой области".

По предложенію предсѣдателя, память знаменитаго русскаго ученаго была почтена вставаніемъ.

Прочитанные доклады предположены къ напечатанію—одни въ XI томѣ Сборника историко-филологическаго общества, другіе въ V вып. Трудовъ Педагогическаго Отдѣла.

Въ концѣ засѣданія были избраны единогласно въ члены Общества, безъ баллотировки: Николай Александровичъ Ѳедоровскій и Николай Алексѣевичъ Максимейко.

По предложенію Ѳ. А. Павловскаго, отъ имени Общества была послана поздравительная телеграмма М. М. Стасюлевичу по поводу пятидесятилѣтія его научно-публицистической дѣятельности.

III.

12 Ноября 1897 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ Н. Ѳ. Сумцова, при секретарѣ Е. К. Рѣдинѣ, г.г. члены: Н. И. Алякритскій, Д. И. Багалѣй, В. П. Бузескулъ, А. В. Ветуховъ, А. С. Лебедевъ, М. Д. Линда, И. Н. Миклашевскій, Н. А. Максимейко, Ѳ. А. Павловскій, В. И. Савва, I. Ѳ. Тихій.

Гости: К. А. Андреевъ, г-жа Андреева, Н. А. Гредескулъ, В. Ф. Левитскій, г-жа Миклашевская, Е. М. Ивановъ, А. Е. Зайкевичъ.

С Л У Ш А Л И:

I. Заявленіе М. М. Плохинскаго и Е. М. Иванова о сдачѣ первымъ и о пріемѣ вторымъ Архива историческаго, Библіотеки при немъ и другого имущества.

Постановили: Заявленіе пріобщить къ дѣламъ Общества.

II. Просьбу Подольскаго Епархіальнаго Историко-Статистическаго Комитета объ обмѣнѣ съ Обществомъ изданіями.

Постановили: Просьбу удовлетворить.

III. Отношеніе Полтавской Городской Управы (№ 5591) съ увѣдомленіемъ о полученіи 14 руб., собранныхъ по подпискѣ на памятникъ И. П. Котляревскому и съ выраженіемъ благодарности г.г. жертвователямъ.

Постановили: отношеніе пріобщить къ документамъ Общества.

IV. Докладъ предсѣдателя о полученіи отъ Орловскаго губернскаго казначейства квитанціи на 25 руб., собранныхъ среди членовъ Общества и отдѣла на памятникъ Тургеневу въ Орлѣ.

Постановили: квитанцію пріобщить къ документамъ Общества.

V. Докладъ предсѣдателя квитанцій книжнаго магазина Джунковскаго, по которымъ Общество, благодаря банкротству магазина, теряетъ: 10 экз. Трудовъ Отдѣла, 50 экз.—„Памяти А. А. Потебни", 50 экз. Иванова, Народные разсказы о долѣ.

Постановили: указанные экземпляры исключить изъ числа остающихся въ складѣ Общества, а квитанціи пріобщить къ документамъ Общества.

VI. Отчетъ о чтеніи Н. И. Алякритскаго „о Пушкинѣ" отъ Отдѣла: сборъ 156 руб. 60 коп., расходъ 50 руб.; чистый остатокъ 106 руб. 60 коп.

Постановили: Н. И. Алякритскаго благодарить, а деньги причислить къ спеціальнымъ суммамъ по устройству чтеній.

VII. Докладъ предсѣдателя о поступленіи сочиненія „Процессъ художественнаго творчества Гоголя“ (по Мертвымъ душамъ) на премію имени А. А. Потебни.

Постановили: передать сочиненіе на разсмотрѣніе коммиссіи.

VIII. Докладъ предсѣдателя о поступленіи въ даръ Обществу отъ члена П. В. Иванова двухъ рукописей, въ переплетахъ:

1. Копія съ „Секретной Информаціи о силѣ и состояніи Китайскаго государства“ Саввы Владиславича Рагузинскаго 1731 г. (напечатано въ *Русск. Вѣстн.*, 1842 г., т. V, 180—243, 281—337).

2. Раскольническій сборникъ XVIII ст. со многими статьями, различнаго весьма четкаго и красиваго письма. Въ этомъ сборникѣ въ послѣдовательномъ порядкѣ помѣщены слѣдующія статьи: 1) житіе св. муч. Георгія; 2) отрывокъ риторики о составленіи поученій; 3) „слово возгласительное на дѣвственный соборъ“—противъ бракоборцевъ, съ приложеніемъ житія св. Евфимія изъ печатныхъ Чети-Миней; 4) Слово Іоанна Златоустаго; 5) изъ „Зерцала мирозрительнаго“ (т. е. изъ Великаго Зерцала) о грѣсѣ блуда—краткое поученіе въ 7 стран.; 6) Изъ книги Никона Черной горы; 7) Изъ двухъ посланій ап. Павла, противъ глаголющихъ аллилуе и въ четвертыхъ „Слава тебе Боже“, съ извлеченіями изъ житія преп. Евфросина псковскаго, изъ сочиненій Максима Грека, изъ соч. Кирилла Іерусалимскаго; 8) Показаніе, какъ своей воздержностью Ѳеодосіево согласіе обновило древнихъ еретиковъ многія ереси—рядъ статей противъ бракоборцевъ; 9) Преніе священнодіакона Ѳедора съ митроп. Аѳанасіемъ иконійскимъ о сложеніи перстъ при крестномъ знамени; 10) Бесѣда царя съ двумя монахами о крестномъ знаменіи (1669 г.); 11) Посланіе инока Авраамія страдальца къ нѣкоему боголюбцу (объ антихристѣ); 12) Списокъ Соловецкой челобитной (безъ конца); 13) О омраченномъ пьянствѣ—слово увѣщательное; 14) Слово Іоанна Златоустаго объ исповѣданіи грѣховъ; 15) Слово мниха Евагрія о цѣломудріи; 16) Нила объ осьми помыслахъ; 17) Слово Василія Великаго; 18) Слово Іоанна Златоустаго о волхвованіи и наузахъ; 19) Поученіе Нила; 20) „Сумнительныя вещи познаніе“—статья 1752 г. противъ мощей св. Димитрія Ростовскаго; 21) Тропарь преп. Сергію Радонежскому и житіе его (безъ начала); 22) О началѣ монастыря, иже на Кержачѣ; 23) О еписк. Стефанѣ Пермскомъ; 24) Начало Андроникова монастыря; 25) Начало Симоновскаго монастыря; 26) О видѣніи ангела, служаща съ блаженнымъ Сергіемъ; 27) Сказаніе о Пересвѣтѣ и Ослабѣ; 28) О Голутвен-

скомъ монастырѣ; 29) О Высокомъ монастырѣ; 30) О посѣщенiи преп. Сергiя Богоматерью; 31) Изъ книги Старчества—О Великомъ днѣ и о яйцѣ (пасхальномъ); 32) Изъ книги Зипарь о исполненiи грѣховъ; 33) О божествѣ и человѣчествѣ Христовомъ; 34) Повѣсть о старцѣ Агаѳонѣ.

Постановили: жертвователя благодарить, а рукописи передать въ Историческiй архивъ Общества.

IX. Докладъ *В. И. Саввы* „О посольскомъ обрядѣ Московскаго государства". Указавъ на литературу вопроса, референтъ отмѣтилъ, что одни изслѣдователи московскаго посольскаго обряда (Рихтеръ и Веселовскiй) объясняли происхожденiе его заимствованiемъ отъ татаръ, другiе (Сахаровъ, Пирлингъ, Рамбо)—изъ Византiи. Не соглашаясь съ этими и другими мнѣнiями, референтъ указалъ, что предшественники его не воспользовались богатыми матерiалами для уясненiя происхожденiя московскаго посольскаго обряда, заключающимися въ памятникахъ дипломатическихъ сношенiй Московскаго государства съ европейскими государствами, въ извѣстiяхъ иностранныхъ писателей о Московскомъ государствѣ и въ извѣстномъ сочиненiи Котошихина. Отмѣтивъ характеръ отношенiй древней Руси къ Византiи и татарамъ (зависимость церковную отъ первой и политическую отъ вторыхъ), референтъ привелъ описанiе прiема иностранныхъ пословъ изъ De ceremoniis aulae Byzantinae, указалъ на иностранныя описанiя татарскаго посольскаго обряда, на данныя для сравненiя посольскаго обряда, практиковавшагося въ сношенiяхъ Московскаго государства съ крымскимъ ханомъ. Въ своемъ изслѣдованiи о московскомъ посольскомъ обрядѣ референтъ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ: Въ Московскомъ государствѣ практиковалось два вида обряда прiема иноземныхъ пословъ: одинъ для пословъ европейскихъ государей, другой для азiатскихъ. Первый создался и развился на почвѣ сношенiй Московскаго государства съ европейскими. Въ основѣ его была идея равенства и братства между государствами, въ немъ выражалось уваженiе къ иноземному послу, какъ представителю своего государя. Въ этомъ заключается его основное отличiе отъ восточнаго посольскаго обряда, въ которомъ выражалась идея подчиненности и неравенства между государями. Московскiе государи, не признавая подчиненности между независимыми государями, не только не являлись блюстителями восточнаго посольскаго обряда, но наоборотъ, насадителями западно-европейскаго обряда въ сношенiяхъ съ мусульманскими государями. Монголо-татарское иго, вообще отразившееся на жизни русской, и сношенiя московской Руси съ

другими народами востока наложили только извѣстный колоритъ на московскій посольскій обрядъ, практиковавшійся съ европейскими державами, но основныя черты этого обряда были тѣ-же, что и на западѣ Европы.

Проф. Н. А. Максимейко указалъ, что нельзя видѣть въ византійскомъ посольскомъ обрядѣ выраженія идеи византійскаго императора, такъ какъ это былъ обрядъ международный. Референтъ отвѣтилъ, что и въ византійскомъ посольскомъ обрядѣ выражался взглядъ византійцевъ на своего царя, какъ на главу всѣхъ христіанъ, единственнаго царя по своему положенію, отъ котораго находятся въ зависимости прочіе государи.

Проф. Д. И. Багалѣй отвѣтилъ, что заключеніе референта естественно приводитъ на мысль, что онъ въ своемъ рефератѣ исходитъ изъ готовыхъ положеній, что матеріалъ о византійскомъ посольскомъ обрядѣ недостаточенъ, восходитъ лишь къ X вѣку. Референтъ отвѣтилъ, что къ сообщеннымъ имъ выводамъ онъ пришелъ путемъ изслѣдованія, что посольскій обрядъ, какъ онъ нарисованъ въ извѣстномъ сочиненіи Константина Порфиророднаго, несомнѣнно, соблюдался и позже X вѣка, когда Русь была въ политическихъ сношеніяхъ съ Византіей, что описанія византійскаго посольскаго обряда отъ времени послѣ X вѣка, не сохранились въ такомъ видѣ, какъ въ указанномъ сочиненіи, что извѣстія какъ восточныхъ, такъ и западныхъ писателей о монголо-татарахъ даютъ полную картину татарскаго посольскаго обряда, но не приведены они референтомъ in extenso за недостаткомъ времени.

X. Докладъ И. Н. Миклашевскаго „О бортничествѣ въ древней Руси“ (предположенъ къ напечатанію въ одной изъ ближайшихъ книгъ Сбор. И. Ф. О.).

IV.

23 Ноября 1897 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ Н. Ѳ. Сумцова, при секретарѣ Е. К. Рѣдинѣ члены и гости Общества.

С Л У Ш А Л И:

I. Докладъ *В. В. Лесевича:* „Теорія познанія съ эмпиріо-критической точки зрѣнія“ [1]).

---

[1]) Содержаніе доклада—изложеніе теоріи Авенаріуса, которому посвящена статья докладчика въ „*Рус. Богат.*“ 1896 г., № 12 подъ заглавіемъ „Философское наслѣдіе XIX вѣка“.

II. Докладъ *Н. А. Максимейка*: „Проектъ новаго уложенія законодательной Коммиссіи 1754—1766 г.г., ч. III. О состояніи подданныхъ вообще".

Въ докладѣ во 1-хъ разсматривался вопросъ о томъ, кѣмъ былъ составленъ проектъ; оказывается, что въ составленіи его принимали участіе представители отъ населенія; это уясняется не только фактомъ нахожденія депутатовъ въ коммиссіи, но и протоколами коммиссіи, сходствомъ проекта по содержанію съ депутатскими наказами въ Екатерининскую коммиссію 1767 г.; существомъ многихъ положеній проекта, тонъ котораго таковъ, что они не могли исходить отъ чиновниковъ. Во 2-хъ опредѣляются источники проекта, чѣмъ въ то же время опредѣляется та часть проекта, которая должна быть отнесена на счетъ участія депутатовъ въ коммиссіи. Въ 3-хъ указывается та роль, которую сыгралъ проектъ въ дальнѣйшей исторіи русскаго законодательства. Въ 4-хъ излагается содержаніе проекта съ слѣдующихъ трехъ сторонъ: а) на сколько отрицались въ немъ сословныя тенденціи русскаго общества половины XVIII-го вѣка; в) насколько въ населеніи выработались и созрѣли идеи гражданской свободы и личной чести и с) въ какой мѣрѣ общество прониклось по тому времени крѣпостническими тенденціями. Въ 5-хъ проектъ сравнивается съ жалованной грамотой дворянства и съ городовымъ положеніемъ Екатерины II-й 1785 г. На основаніи этого сравненія указывается въ проектѣ то, что вызвало отрицательное отношеніе къ нему со стороны власти и то, съ чѣмъ власть была согласна и солидарна. Отсюда выводятся данныя для характеристики верховной власти въ половинѣ XVIII вѣка.

Въ обсужденіи доклада принимали участіе: А. С. Лебедевъ, Н. О. Куплеваскій, Д. И. Багалѣй, В. П. Бузескулъ, И. Н. Миклашевскій.

V.

11 Декабря 1897 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ Н. Ѳ. Сумцова, при секретарѣ Е. К. Рѣдинѣ, г.г. члены: Д. И. Багалѣй, В. П. Бузескулъ, А. В. Ветуховъ, Г. Э. Гинце, П. А. Гинкинъ, Н. К. Грунскій, А. Ѳ. Котовъ, Н. О. Куплеваскій, А. С. Лебедевъ, М. Д. Линда, Б. М. Ляпуновъ, И. Н. Миклашевскій, Д. П. Миллеръ, Т. Н. Никитскій, В. И. Савва, М. П. Савиновъ, С. В. Соловьевъ, І. Ѳ. Тихій, Е. П. Трифильевъ, М. Е.

Халанскій, В. И. Харціевъ, Н. А. Өедоровскій, гости: г-жа Андреева, г-жа Лебедева, г-жа Миклашевская, г.г. О. М. Габель, Ө. А. Зеленогорскій, В. В. Ивановъ, И. А. Красусскій, В. В. Лапинъ, В. Ф. Левитскій, И. П. Осиповъ.

С Л У Ш А Л И:

I. Отношеніе Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества— о присылкѣ Обществу бронзовой медали въ память участія въ празднованіи пятидесятилѣтія существованія Археологическаго Общества.

Постановили: благодарить Археологическое Общество.

II. Сообщеніе предсѣдателя о посылкѣ привѣтственныхъ телеграммъ отъ имени Общества проф. А. И. Кирпичникову и проф. И. В. Помяловскому—ко дню чествованія тридцатилѣтія ихъ учено-педагогической дѣятельности.

III. Сообщеніе предсѣдателя о пожертвованіи казначеемъ Университета г. Зборомирскимъ манифеста Петра II-го (1727 г.).

Постановили: жертвователя благодарить, а манифестъ передать въ Архивъ.

IV. Просьба секретаря Харьковскаго Губернскаго Статистическаго Комитета о доставленіи отчета о дѣятельности Общества за 1896 г. для помѣщенія въ Харьковскомъ Календарѣ за 1898 г.

Постановили: просьбу исполнить.

V. Просьбу Кишиневской городской Общественной Библіотеки (при отношеніи Правленія Харьковскаго Университета, за № 2171) о пожертвованіи Обществомъ указанной Библіотекѣ своихъ изданій.

Постановили: послать X-й томъ Сборника, IV-й томъ трудовъ Педагогическаго Отдѣла, и высылать впредь выходящія изданія Общества.

VI. Отношенія съ выраженіемъ благодарности за 10-й томъ Сборника Общества: отъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, Подольскаго Епархіальнаго Историко-Статистическаго Комитета, Сердобской Уѣздной Земской Управы, Высшаго Училища въ Софіи.

VII. Сообщеніе членовъ коммиссіи по присужденію преміи имени Потебни: Халанскаго, Харціева и Сумцова.

Постановили: представленное на соисканіе этой преміи сочиненіе г. Оконевскаго наградить половинной преміей.

VIII. Предложеніе Н. Ө. Сумцовымъ и В. И. Харціевымъ новыхъ темъ сочиненій для соисканія преміи имени Потебни: первымъ—„Англійскія и шотландскія баллады и аналогіи имъ въ русской народной сло-

весности“; вторымъ—„Барбаризмы въ русской литературѣ Петровскаго времени“.

Постановили: темы принять и объявить ихъ г.г. студентамъ.

IX. Докладъ о собраніи портретовъ членовъ Университета и Общества, исполненныхъ фотографомъ Иваницкимъ, и объ уплатѣ по счету типографіи губернскаго правленія.

Постановили: за 206 экз. фотографій уплатить г. Иваницкому 65 руб. 50 к.; и просить Правленіе Университета возмѣстить этотъ расходъ Обществу; по счетамъ типографіи губернскаго правленія уплатить 16 р. 75 к.

X. Сообщеніе о пожертвованіи покойнымъ Г. С. Шведовымъ портрета Филатьева, бывшаго попечителя Харьковскаго Учебнаго Округа.

XI. Отчетъ о чтеніяхъ, устраиваемыхъ отъ Педагогическаго Отдѣла Общества.

Постановили: разрѣшить лекціонной коммиссіи производить вызываемые обстоятельствами расходы по устройству чтеній.

XII. Рефераты *А. С. Лебедева:* [1]) Поѣздки Бѣлгородскихъ архіереевъ по епархіи; и 2) Къ исторіи землевладѣнія.

Въ обсужденіи реферата приняли участіе: г. попечитель округа И. П. Хрущовъ, И. Н. Миклашевскій, М. А. Остроумовъ, В. Ф. Левитскій, Д. И. Багалѣй.

XIII. Рефератъ *М. Е. Халанскаго* „о частицѣ ста“[2]). Проф. Соболевскій (Ж. М. Н. П. 1897, XI) производитъ частицу изъ государь чрезъ посредство формы суда (осударь) и сда. Исходя отъ формъ, встрѣчающихся въ комедіяхъ Лукина (XVIII в.): ста, сте, стеми, референтъ производитъ частицу отъ глагола стать; основное синтаксическое значеніе ста—усиленіе значенія слова или цѣлой фразы.

XIV. Рефератъ *Ѳ. А. Зеленогорскаго*—по поводу доклада В. В. Лесевича, сдѣланнаго въ предшествовавшемъ засѣданіи Общества. Рефератъ былъ посвященъ уясненію значенія метафизики въ исторіи древней философіи и современной.

Въ обсужденіи реферата приняли участіе: Н. О. Куплеваскій, И. Н. Миклашевскій, М. А. Остроумовъ, В. Ф. Левитскій.

XV. Просьбу В. М. Милорадовича о высылкѣ ему книгъ для занятій. *Постановили:* просьбу по возможности исполнить.

---

[1]) Будетъ напечатанъ въ ближайшемъ томѣ Сборника Общества.

[2]) Будетъ напечатанъ въ Извѣстіяхъ II-го отдѣленія Импер. Акад. Наукъ.

XVI. Докладъ о предполагаемыхъ къ изданію XI т. Сборника и Трудовъ Педагогическаго Отдѣла.

Постановили: обратиться въ Харьковское Земство съ просьбой о пособіи въ 200 руб. на изданіе сборника П. В. Иванова.

XVII. Докладъ о предполагаемомъ къ изданію переводѣ „Поэтики“ Шерера.

Постановили: просить С. В. Соловьева, Б. М. Ляпунова, М. Е. Халанскаго разсмотрѣть переводъ, провѣривъ его съ подлинникомъ.

VI.

5 Февраля 1898 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ Н. Ѳ. Сумцова, при секретарѣ Е. К. Рѣдинѣ, г.г. члены: Н. И. Алякритскій, Д. И. Багалѣй, В. П. Безескулъ, А. В. Ветуховъ, А. С. Вязигинъ, Ф. Л. Германъ, Г. Э. Гинце, П. А. Гинкинъ, Н. К. Грунскій, Я. А. Денисовъ, Н. О. Куплеваскій, Б. М. Ляпуновъ, Н. А. Максимейко, М. А. Масловъ, Д. П. Миллеръ, М. Д. Линда, І. Ѳ. Тихій, Е. П. Трифильевъ, М. Е. Халанскій, Л. Ю. Шепелевичъ.

Гости: В. В. Лапинъ.

С Л У Ш А Л И:

Почтили вставаніемъ память гр. И. Д. Делянова.

I. Отчетъ за 189$^6/_7$ г., прочитанный предсѣдателемъ Общества.

Постановили: поручить М. Г. Халанскому, Н. О. Куплеваскому произвести ревизію даннаго отчета и наличнаго имущества.

II. Предложеніе въ члены Общества Н. А. Гредескула.

По поводу возбужденнаго принципіальнаго вопроса о баллотировкѣ, постановили: примѣнять § 7 Устава ко всѣмъ лицамъ, предлагаемымъ въ члены

Произведенной баллотировкой Н. А. Гредескулъ избранъ въ члены (19 избирательныхъ, 1 неизбир.).

III. Докладъ предсѣдателя о чтеніяхъ отъ Педагогическаго Отдѣла Общества.

Постановили: поручить лекціонной Коммиссіи пріобрѣсти волшебный фонарь и шкафъ.

IV. Увѣдомленіе Общества „Société de Linguistique de Paris“ объ открытіи имъ конкурса съ преміей въ 1 т. фр. за грамматику, словарь, исторію римскихъ языковъ.

Постановили: принять къ свѣдѣнію.

V. Увѣдомленіе философскаго Общества при С.-Петербургскомъ Университетѣ о 1-мъ его засѣданіи, съ приложеніемъ Устава.

VI. Отвѣтную телеграмму проф. А. И. Кирпичникова на посланное ему привѣтствіе отъ имени Общества ко дню тридцатилѣтія его ученой дѣятельности:

„Сердечно благодарю Общество и Отдѣлъ. Всю жизнь буду гордиться, что былъ въ числѣ основателей такого высокополезнаго научнаго учрежденія. Кирпичниковъ“.

VII. Просьбу Кременчугской Городской Общественной Библіотеки о высылкѣ ей безплатно нѣкоторыхъ изданій Общества.

Постановили: просьбу исполнить.

VIII. Отношеніе Коммиссіи для организаціи домашняго чтенія (при учебномъ отдѣлѣ О. Р. Т. З.) съ просьбой о содѣйствіи ей.

Постановили: принять къ свѣдѣнію.

IX. Благодарность Совѣта Общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III за присылку 10-го тома Сборника Общества.

X. Объявленіе Совѣта Кіевской Духовной Академіи объ установленіи премій за сочиненія о жизни и трудахъ преосвященнаго Георгія Конисскаго.

Постановили: принять къ свѣдѣнію.

XI. Сообщеніе Предсѣдателя о принятіи Правленіемъ Университета уплаты фотографу Иваницкому—за портреты дѣятелей Университета—65 руб. 75 коп.

XII Отчетъ, составленный г. архиваріусомъ Общества, о количествѣ изданныхъ Обществомъ книгъ, имѣющихся въ складѣ Общества къ 14 ноября 1897 г.:

Сборника: I т.—52 экз., II —46, III—38, IV—39, V—53, VI –60, VII—108 (2 на лучш. бум.), VIII—159, IX—277 (4 на лучш. бум.).

Пособіе—2-е изд. 1518 (43 на лучш. б.), 1-е изд. 69 (37 на лучш. б.).

Тетради для записи проч. книгъ—2529.

„*Основа поэтики*“—159; „Памяти Потебни“—263.

Труды Педагог. Отд. I в.—25, II—47, III—203, IV—232 (4 на л. б.).

XIII. Докладъ В. В. Лапина „Описаніе лѣтъ Петра Великаго". Познакомивъ съ содержаніемъ рукописи, докладчикъ указалъ на ея значеніе и высказалъ нѣсколько соображеній о неизвѣстномъ авторѣ „Описанія".

Нѣсколько замѣчаній по поводу формы литературной „Описанія", отношенія сочиненія къ другимъ современнымъ произведеніямъ, относительно личности автора—были сдѣланы Н. О. Куплеваскимъ, Н. Ѳ. Сумцовымъ, М. Е. Халанскимъ, Д. П. Миллеромъ.

XIV. Докладъ Д. И. Багалѣя „Проф. Ѳ. В. Пильгеръ".—Докладъ представляетъ первую біографію проф. Пильгера, написанную на основаніи новаго матеріала, почерпнутаго докладчикомъ изъ архива Министерства Народнаго Просвѣщенія и Харьковскаго Университета.

Ф. Л. Германъ и Н. А. Максимейко сдѣлали замѣчанія по поводу доклада; первый, что борьба проф. Пильгера съ медицинскимъ факультетомъ—борьба изъ за практики; второй, что Пильгеръ такъ же трудился и дѣйствовалъ, какъ другіе профессора иностранцы и не является поэтому типичной фигурой въ томъ смыслѣ, какъ указываетъ докладчикъ. Д. И. Багалѣй цѣлымъ рядомъ примѣровъ подтвердилъ свою мысль.

XV. Докладъ Л. Ю. Шепелевича „Донъ-Кихотъ Авелляneды".

VII.

30 Апрѣля 1898 года.

Въ засѣданіи прочитаны были рефераты проф. *Д. И. Багалѣя* изъ исторіи Харьковскаго Университета (напечатанъ въ Запискахъ Харьк. Унив.) и проф. *Н. Ѳ. Сумцова* объ анекдотахъ о недомысліи (напеч. въ XI т. Сборн. Ист.-Фил. Общ.). Въ обсужденіи послѣдняго реферата принимали участіе г.г. профессора: К. А. Андреевъ, Д. И. Багалѣй и И. Н. Миклашевскій.

В. И. Харціевъ сдѣлалъ докладъ о слѣд. статьяхъ А. А. Потебни: 1) Вступительная лекція о языкознаніи. 2) Языкъ и народность. Возраженія М. Мюллеру и другимъ по поводу всемірныхъ языковъ. 3) Условія процвѣтанія и паденія поэзіи. Постановлено дать цензурное разрѣшеніе на печатаніе и выпускъ въ свѣтъ этихъ статей.

Въ члены Общества по баллотировкѣ избранъ Андрей Демьяновичъ *Маляренко*, получившій 18 избирательныхъ и 2 неизбирательныхъ шара.

Постановлено, по предложенію предсѣдателя, открыть *иногородныя лекціи* по образцу читавшихся въ Харьковѣ общедоступныхъ чтеній и утверждены выработанныя по сему поводу правила.

Постановлено принять участіе въ *чествованіи памяти В. Г. Бѣлинскаго*—26 мая отправить въ Пензу телеграмму, а осенью публичное засѣданіе съ чтеніемъ рефератовъ о Бѣлинскомъ.

Постановлено пріобрѣсти волшебный фонарь лучшей системы на остатки отъ общедоступныхъ чтеній 189⁷/₈ года.

Данъ отпускъ архиваріусу Е. М. Иванову съ 25-го іюня по 1-е августа 1898 года.

Отъ харьковскаго историко-филологическаго общества въ Пензу на имя Лермонтовской библіотеки была послана слѣдующая телеграмма по случаю истеченія 50-ти-лѣтія со дня кончины Бѣлинскаго: „Харьковское историко-филологическое общество присоединяется къ чествованію памяти Бѣлинскаго, великаго сѣятеля правды и славнаго дѣятеля отечественной литературы“.

Въ Прагу по случаю столѣтія со дня рожденія Палацкаго историко-филологическимъ обществомъ на имя чешской академіи наукъ послана слѣдующая телеграмма: „Харьковское историко-филологическое общество съ глубокимъ уваженіемъ вспоминаетъ о Палацкомъ и присоединяется къ чествованію его памяти, какъ знаменитаго дѣятеля на поприщѣ славянской науки и славянскаго самопознанія“.

Кромѣ того, за подписью многихъ профессоровъ, входящихъ большею частію въ составъ историко-филологическаго общества, подъ общей редакціей была послана въ Прагу въ юбилейный комитетъ Палацкаго телеграмма слѣдующаго содержанія: „Шлемъ привѣтъ золотой Прагѣ и сердечно присоединяемся къ чествованію Палацкаго, освѣтившаго историческія судьбы чешской народности, изстари съ самоотверженіемъ служившей идеаламъ права и правды и давшей прекрасные образцы культурной самодѣятельности славянства“.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

О собираніи историко-этнографическихъ матеріаловъ.

Цѣль харьковскаго историко-филологическаго общества состоитъ въ развитіи и распространеніи историческихъ и филологическихъ знаній и въ сохраненіи словесныхъ и вещественныхъ памятниковъ старины.

Лица, интересующіяся русской исторіей вообще, исторіей южной Россіи въ частности, могутъ оказать полезное содѣйствіе харьковскому историко-филологическому обществу сообщеніемъ свѣдѣній о старинѣ и доставленіемъ старинныхъ вещей. Желательно: 1) Приведеніе въ извѣстность числа, величины и формы городищъ и кургановъ и сообщеніе связанныхъ съ ними народныхъ преданій и разсказовъ. Если городища и курганы раскапывались, то нужно знать, когда, кѣмъ, какимъ способомъ, что было найдено и гдѣ найденное въ курганѣ нынѣ хранится. 2) Доставленіе древнихъ вещей всякаго рода, глиняныхъ, каменныхъ, бронзовыхъ, желѣзныхъ, какъ-то: предметовъ вооруженія, украшенія, одежды, утвари, монеты. Доставленіе иконъ стараго письма, преимущественно съ чертами мѣстнаго южно-русскаго искусства. Указаніе и описаніе старинныхъ портретовъ, хранящихся въ монастыряхъ, церквахъ или въ фамильныхъ собраніяхъ частныхъ лицъ. Доставленіе списковъ съ разныхъ древнихъ надписей на сволокѣ, камнѣ, книгѣ и пр.; при этомъ желательны письменныя объясненія, гдѣ, когда и кѣмъ вещь была найдена. Если нельзя получить вещей, то желательно получить точные съ нихъ рисунки или фотографическіе снимки. 3) Сообщеніе свѣдѣній о малорусскомъ языкѣ, словарей мѣстныхъ говоровъ, сказокъ, повѣрій, заклинаній, пѣсенъ и обрядовъ всякаго рода, разсказовъ о цѣлебныхъ источникахъ, кладахъ, колдунахъ, вѣдьмахъ, чертяхъ, чародѣйствѣ и т. п. 4) Сообщеніе преданій и разсказовъ о церквахъ, монастыряхъ, иконахъ, о происхожденіи селъ и городовъ, о старинномъ землевладѣніи и въ частности о заимкѣ, государственныхъ и общественныхъ дѣятеляхъ, о старинныхъ войнахъ, татарахъ, казакахъ, гайдамакахъ, о шляхахъ, о чумачествѣ. 5) Доставленіе свѣдѣній объ остаткахъ церковныхъ братствъ, о старинныхъ школахъ и способахъ обученія, о школьной жизни, о формахъ общественнаго призрѣнія (шпиталяхъ), о бандуристахъ (гдѣ живетъ, у кого учил-

ся, какія пѣсни и преданія знаетъ и проч.). 6) Сообщеніе о хранилищахъ рукописей и доставленіе оригиналовъ или копій съ рукописей, а именно: грамотъ, въ томъ числѣ грамотъ на данныя отдѣльнымъ лицамъ земли, юридическихъ документовъ, межевыхъ записей, фамильныхъ лѣтописей, историческихъ записокъ, писемъ, дневниковъ, сельско хозяйственныхъ документовъ, старинныхъ учебниковъ, проповѣдей, не напечатанныхъ повѣстей, драмъ и лирическихъ стихотвореній на малорусскомъ языкѣ, сборниковъ литературнаго или историческаго содержанія, литературныхъ альбомовъ, панегириковъ, старинныхъ пасквилей, лѣчебниковъ, каталоговъ старинныхъ рукописныхъ собраній и библіотекъ и проч. т. п. 7) Доставленіе старинныхъ книгъ.

Согласно съ 3 § устава общества, археологическіе и этнографическіе предметы, пріобрѣтенные обществомъ, поступаютъ въ музей изящныхъ искусствъ и древностей при харьковскомъ университетѣ; рукописи и книги остаются въ вѣдѣніи общества и входятъ въ составъ его библіотеки, которая помѣщается въ зданіи университета.

Общество имѣетъ въ виду, по мѣрѣ денежныхъ средствъ, согласно со 2 § устава, издавать ученыя изслѣдованія, памятники, мелкія замѣтки, критико-библіографическія статьи и обозрѣнія. Въ эти изданія войдутъ рефераты членовъ общества въ цѣломъ видѣ или въ сокращеніи и отчеты о сдѣланныхъ въ архивъ и въ библіотеку общества вкладахъ и пожертвованіяхъ. По § 19 устава, въ случаѣ закрытія общества, все его имущество поступаетъ въ вѣдѣніе харьковскаго университета.

Письменныя сообщенія и приношенія присылать по слѣдующему адресу: въ Харьковъ, въ университетъ, въ историко-филологическое общество.

II.

Темы на соисканіе преміи имени А. А. Потебни, въ 1898 году.

Срокъ подачи къ 1-му Ноября 1898 года. Полная премія 100 руб., половинная 50 руб. Темы предлагаются студентамъ Импер. Харьк. Универс., безъ различія факультета. Ближайшія разъясненія по первой темѣ даетъ Н. Ѳ. Сумцовъ, по второй В. И. Харціевъ.

I. Англійскія и шотландскія баллады и параллели къ нимъ въ русской народной словесности.

Основной источникъ и главное пособіе—Сборникъ Child'а, The english and scottish ballads, 8 т.; второстепенное пособіе Энциклоп. словарь

Брокгауза и Ефрона IV, 305. Нѣмецкій переводъ нѣкоторыхъ балладъ у Кнорца. Для сравненій сборники пѣсенъ Чубинскаго, Головацкаго, Шейна и др. Пособія для сравненій у Чайльда и въ рецензіи Н. Ѳ. Сумцова на сборники Романова. Требуется: 1) общая исторія баллады; 2) Краткая передача содержанія англійскихъ и шотландскихъ балладъ (по Чайльду) и 3) Указанія на аналогичныя литературныя явленія. Допускаются отступленія отъ плана, при спеціальномъ изученіи отдѣльныхъ его частей.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

II. О варваризмахъ въ параллели съ преобразованіями Петра Великаго.

Источники: 1) Переводы: соч. Пуфендорфа, о должностяхъ....., Введеніе въ исторію...., соч. бар. Боргсдорфа, Воинскія правила Аларда, Новое голландское кораблестроеніе, Вобана. Новый способъ укрѣпленія городовъ, учебники и др. 2) Соч. Ѳеофана Прокоповича, Татищева, Посошкова, путешествія, записки, газеты, письма.

Пособія: а) Исторія России: Соловьевъ С. М.; б) Исторія литературы: Галаховъ, Пыпинъ; в) Теорія словесности Бенъ, стилистика, Wackernagel, Rhetorik, Poetik and Stilistik (отдѣлъ d. Stil des Verstandes); Исторія языка: Буслаевъ, о преподаваніи отечественнаго языка (матеріалы для стилистики, приложеніе), изд. II. Срезневскій, Мысли объ исторіи русскаго языка; д) В. Гумбольдтъ А. Потебня и др. passim о націонализмѣ языковъ; Миклошичъ, Гаттала, Валицкій и др. о чужихъ словахъ въ славянскихъ нарѣчіяхъ (какъ руководящія сочиненія).

Программа сочиненія: 1) Краткій обзоръ засоренія языка варваризмами до Петра Великаго. 2) Вторженіе варваризмовъ при Петрѣ I и классификація ихъ по національностямъ и отдѣльнымъ видамъ преобразованій. 3) Отношеніе варваризмовъ къ другимъ новообразованіямъ (солицизмамъ, неологизмамъ, провинціализмамъ). 4) Судьба и значеніе новообразованій (главнымъ образомъ варваризмовъ) Петровской эпохи въ дальнѣйшей исторіи русскаго языка (реформы Ломоносова и Карамзина).

Примѣчаніе. Главнѣйшими и обязательными частями программы слѣдуетъ считать 2-ю и 3-ю.

В. Харціевъ.

III.

Организація иногородныхъ чтеній.

Харьковское Историко-Филологическое Общество и его Педагогическій Отдѣлъ съ 1897 г. устраиваютъ общедоступныя научныя чтенія главнымъ образомъ для учащихся средне-учебныхъ заведеній старшихъ классовъ и для желающихъ пополнить свое самообразованіе. Цѣль состоитъ въ томъ, чтобы въ художественной формѣ въ словѣ и въ картинахъ ознакомить съ характерными, типичными культурными явленіями и памятниками извѣстной эпохи, съ памятниками быта и искусства, съ родной природой.

Удовлетворяя посильнымъ образомъ въ указанномъ отношеніи учащимся и другимъ лицамъ въ г. Харьковѣ, Ист. Фил. Общество и Педагогическій Отдѣлъ естественно съ не меньшимъ успѣхомъ и пользой могутъ послужить той-же задачѣ въ другихъ ближайшихъ къ Харькову городахъ, которые лишены тѣхъ просвѣтительныхъ средствъ и пособій, которыми располагаетъ онъ. Къ тому же Отдѣлъ уже располагаетъ цѣлымъ рядомъ готовыхъ чтеній, богатымъ запасомъ къ нимъ картинъ; ему обѣщанъ членами Общества, Отдѣла, лекціонной коммиссіи и другими членами Университета рядъ новыхъ чтеній.

Филологическое Общество и состоящій при немъ Педагогическій Отдѣлъ въ 1897 г. устроили въ г. Харьковѣ девять публичныхъ общедоступныхъ чтеній съ туманными картинами и съ 1898 года приступаютъ къ устройству одновременно съ мѣстными иногородныхъ чтеній, съ цѣлью распространенія научныхъ знаній въ обществѣ. Примѣнительно ко 2 § Устава, могутъ быть соединены ученыя экскурсіи, съ порученіемъ лекторамъ собирать предметы археологическіе, этнографическіе и старыя рукописи.

Лекторами могутъ быть лишь члены Историко-Филологическаго Общества и Педагогическаго Отдѣла.

Организаціей чтеній мѣстныхъ и иногородныхъ завѣдываетъ коммиссія изъ членовъ И.-Ф. Общества и Педагогическаго Отдѣла.

Въ интересахъ популяризаціи научныхъ знаній предпочитаются чтенія съ туманными картинами, но не устраняются чтенія и безъ картинъ, при отвлеченности темы или другихъ препятствіяхъ.

И.-Ф. Общество 1) заботится о приглашеніи лекторовъ и о подборѣ картинъ и 2) въ предѣлахъ Харьковской губерніи беретъ на себя ходатайства о разрѣшеніи чтеній.

Иногородные устроители принимаютъ на себя 1) хлопоты о разрѣшеніи чтеній, 2) подысканіе удобнаго помѣщенія, 3) обезпечиваютъ внѣшнія пособія (пользованіе волшебнымъ фонаремъ, экраномъ и опытными лицами для управленія волшебнымъ фонаремъ) [1]).

Организуемыя лекціи оплачиваются извѣстнымъ вознагражденіемъ, взимаемымъ каждый разъ въ *строго опредѣленной суммѣ.*

Лекторъ не входитъ ни въ какіе переговоры съ устроителями лекціи ни относительно размѣровъ вознагражденія, ни относительно способовъ его уплаты. Слѣдуемая съ мѣстной организаціи сумма высылается ею послѣ лекціи по почтѣ въ Ист.-Фил. Общество, помимо какого-бы то ни было посредничества.

Размѣръ гонорара за одно чтеніе въ теченіе одного—двухъ часовъ со включеніемъ въ него путевыхъ издержекъ опредѣляется въ зависимости отъ разстоянія.

Каждый лишній разъ чтенія увеличиваетъ общую сумму гонорара на 30 рублей.

Въ случаѣ посѣщенія лекторомъ въ одну поѣздку нѣсколькихъ недалеко отстоящихъ городовъ, вознагражденіе уменьшается по усмотрѣнію коммиссіи, съ 75 руб. до 50 руб.

Перевозка приборовъ, необходимыхъ для демонстрацій при чтеніяхъ, оплачивается особо по дѣйствительной стоимости ихъ провоза въ оба конца.

1) Въ уѣздныхъ городахъ Харьк. губ. по желѣз. дорогамъ—Богодуховѣ, Ахтыркѣ, Лебединѣ, Сумахъ, Купянскѣ, Волчанскѣ, въ ближайшихъ къ Харьк. губ. г.г. Бѣлгородѣ, Полтавѣ, Кременчугѣ, Курскѣ—по 50 руб., причемъ сюда входятъ вознагражденіе лектору и всѣ его дорожніе расходы.

2) Въ г. Екатеринославѣ, Таганрогѣ, Ростовѣ, Новочеркасскѣ, Воронежѣ, Александровскѣ, Елисаветградѣ, Симферополѣ, Севастополѣ и въ др. городахъ съ прямымъ проѣздомъ—по 75 р.

Участіе И.-Ф. О. въ чтеніяхъ обусловлено тѣмъ, чтобы чистый остатокъ поступалъ въ распоряженіе иногородныхъ мѣстныхъ благотворительныхъ или просвѣтительныхъ учрежденій.

Иногороднымъ устроителямъ чтеній предоставляется, въ случаѣ они того пожелаютъ, обставлять чтеніе музыкой, передъ чтеніемъ или при перерывѣ.

---

[1]) Въ случаѣ вызова такого изъ Харькова требуется рекомендація И.-Ф. Общества и плата по соглашенію.

Устроителямъ предоставляется, если они найдутъ это удобнымъ, приглашать одновременно двухъ лекторовъ, для совмѣстнаго чтенія въ одинъ вечеръ, причемъ расходы по такимъ лекціямъ опредѣляются въ двойномъ размѣрѣ, т. е., въ зависимости отъ района въ 100 или въ 150 руб.

Письменныя соглашенія желательны заблаговременныя.

Лекторы представляютъ въ Ист.-Фил. Общество программы и отчеты о прочитанныхъ ими лекціяхъ, свои соображенія, по вопросу о лучшей ихъ организаціи и др. относящіяся къ чтеніямъ соображенія, которыя и печатаются, по опредѣленію И.-Ф. Общества, въ его ежегодныхъ отчетахъ.

Личное участіе или содѣйствіе по устройству общедоступныхъ чтеній оказываютъ:

Ник. Ив. Алякритскій, инспекторъ студ. И. Х. У., Дим. Ив. Багалѣй. профес. И. Х. У., Серг. Пав. Бобинъ, препод. сред. уч. зав., Влад. Петр. Бузескулъ, профес. И. Х. У., Алексѣй Вас. Ветуховъ. препод. Х. Коммерч. уч., Ник. Куз. Грунскій, магистрантъ, Ар. Ѳед. Котовъ, препод. сред. уч. завед., Вал. Вас. Лапинъ, прив. доц. И. Х. У., Андр. Дем, Маляренко, преп. гимн., Мих. А-ѣев. Масловъ, прив. доц. И. Х. У., Ив. Ник. Миклашевскій, профес. И. Х. У., Ст. Ал. Новицкій, преп. ср. уч. зав., Ар. Вас. Ордынскій, инсп. народ. уч., Люд. Вас. Рейнгардъ, профес. И. Х. У., Пав. Гр. Риттеръ, лекторъ И. Х. У., Ег. Куз. Рѣдинъ, профес. И. Х. У., Арк. Вас. Сахаровъ, преп. ср. уч. зав., Серг. Викт. Соловьевъ, проф. И. Х. У., Ник. Ѳед. Сумцовъ, профес. И. Х. У., Тим. Еф. Тимофеевъ—препод. Комерч. уч. Ник. Ар. Федоровскій, лаборантъ И. Х. У., Вас. Ив. Харціевъ, препод. сред. учебныхъ заведеній.

Книги, поступившія въ библіотеку Историко-Филологическаго общества[1].

(Съ 1 Сентября 1897 г. по 1 Сентября 1898 г.).

Варшавскія Университетскія извѣстія за 1897 г. кн. V—IX; за 1898 г. кн. I—V.

---

[1]) Книги, помѣченныя звѣздочкой (*), составляютъ даръ Обществу. Остальныя—получены въ обмѣнъ.

Vêstnik Slovanských Starozitnosti. Svazek I. Praha 1898.

Живая Старина Вып. I—IV (1897) Вып. I (1898 г.).

Журналы XX—XXIV засѣданій Нижегородской Губернской ученой Архивной Коммиссіи.

* Журналъ засѣданія Костромской Губ. Учен. Арх. 26 авг. 1897 Idem 16 Сент. 1897 г.

Записки Историко-Филологическаго Факультета Императорскаго С.-Петербургскаго Университета. Часть XLI—XLVII.

Записки Наукового Товариства імени Шевченка Т. XIX—XXIV.

Записки Императорскаго Харьковскаго Университета за 1896 г. Книга IV; за 1897 г. кн. I—IV.

Земскій Сборникъ Черниговской губерніи за 1896 г. №№ 7—12; за 1897 г. № 1—12; за 1898 г. № 1.

* Извѣстія Таврической Ученой Архивной Коммиссіи № 26—28.

Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ. Т. XIV. Вып. 2, 3. (1897). Т. XIV. Вып. 4. (1898).

Извѣстія Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ. Т. II. Одесса 1897 г.

* Извѣстія Тамбовской Ученой Архивной Коммиссіи. Вып. XLI и XLII. 1897.

Кубанскій Сборникъ. Труды Кубанскаго Областнаго Статистическаго Комитета. Т. IV. Екатеринодаръ 1897.

Mitteilungen aus der livländischen Geschichte. XVII B. I Heft. Riga 1897.

Národopisný Sbornik Ceskoslovanský. Svazek II—III Praha 1898.

Nyare bidrag till kännedom om de Svenska Landsmalen ock Svenskt folklif. №№ 58—60. Stockholm 1897.

Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина, издава Министерството Народното просвѣщение. Кн. XIV, София 1897 г.

Сборникъ отдѣленія русскаго яз. и словесности Императорской Академіи Наукъ Т. LXI, LXII, LXIII (отъ Академіи Наукъ).

Старина и Новизна. Истор. Сбор., издаваемый при Общ. ревнителей Историч. просвѣщенія. Книга I С.-П.Б. 1897.

Сборникъ Учено-Литературнаго Общества при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ. Т. I. Юрьевъ. 1898.

* Труды Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи Т. XII. Вып. 1, 2, 3. Ряз. 1897.

Труды Подольскаго Епархіальнаго Историко-Статистическаго Комитета. Вып. VIII. К.-Подольскъ 1897.

Ученыя Записки Казанскаго Университета за 1897 г. Кн. IX—XII. За 1898 г. Кн. I—VIII.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Т. 99-104.

Кіевскія Университетскія Извѣстія за 1897 г. кн. VIII—XII. За 1898. кн. I—VIII.

Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей россійскихъ. Кн. I (184), II (185), III (186) Москва 1898 г.

Этнографическое Обозрѣніе. Кн. XXIX—XXX и XXXI.

Етнографічний Збирникъ, выдае Наукове Товариство імени Шевченка. Т. III. Львовъ 1897.

* Труды Оренбургской Ученой Архивной Коммиссіи. Вып. III. Оренбургъ 1897 г.

Древности. Труды Археограф. Ком. Импер. Москов. Археолог. Общ. Т. I. Вып. 1. М. 1898.

Акты Виленской Коммиссіи (О боярахъ). Т. XXIV. Вильна 1897 г.

Жерела до историі Украіни-Руси. Т. II. Львовъ 1897. Т. IV. Галицкіе акты 1648—9 г.г. Львовъ. 1898.

Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи. I т. М. 1897 г.

Сборникъ матеріаловъ для статистики Сыръ-Дарьинской области. Изд. С.-Дарьинск. Области. Статист. Комитета. Т. VI. Ташкентъ. 1897.

Памятники древней письменности. CXXII (Н. В. Покровскій. Сійскій иконописный подлинникъ. Вып. III) CXXIII (*Н. Волковъ.* Статистическія свѣдѣнія о сохранившихся древнерусскихъ книгахъ XI—XIV в.в. и ихъ указатель) CXXIV (Отчеты о засѣданіяхъ Импер. Общества Любит. Древн. Письменности) CXXV (*Сперанскій.* Памяти Ѳ. И. Буслаева) CXXVI (*Н. В. Покровскій.* Сійскій иконописный подлинникъ. Вып. IV) CXXVII (*А. Н. Пыпинъ.* Поддѣлки рукописей и народныхъ пѣсенъ).

* Sitzungsberichte des Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der Ostseeprovinzen Russlans aus dem Iahre 1896. Riga 1897.

Idem Riga 1898.

* Отчетъ о дѣятельности Рязанской Ученой Архив. Коммиссіи за 1894 г. „Алфабетъ на именныя книги пехотнаго Азовского полку". Съ предисловіемъ *П. Милюкова.* Рязань 1897. (Издан. Ряз. Уч. Арх. Ком.).

* Матеріалы для исторіи Императорской Академіи Наукъ Т. 9. (1748—1749) С.-П.Б. 1897.

* Каталогъ русскихъ книгъ Библіотеки Императорскаго С.-Петерб. Универс. Т. I. С.-П.Б. 1897. (Прислано отъ С.-Петерб. Универ.).

Обзоръ Сыръ-Дарьинской области за 1893 годъ. Ташкентъ 1897. Idem за 1894. Ташкентъ 1897.

* Отчетъ Петровскаго Общества изслѣдователей Астраханскаго края за 1895. Астр. 1897.

* Отчетъ о дѣятельности Ярославской Губ. Учен. Архивной Ком. за 1897. Яросл. 1898.

Городцевъ, Замѣтка о глиняномъ сосудѣ съ загадочными знаками (отт. изъ „Арх. Изв.“ № 12, 1897).

Городцевъ, Столбы, встрѣченные на площади Борковскаго могильника (от. изъ „Арх. Изв.“ № 12, 1897).

Городцевъ, Жилища неолитической эпохи въ долинѣ р. Оки (от. изъ Труд. VIII Арх.).

Годичный отчетъ Археографической Коммиссіи Московскаго Археологическаго Общества М. 1898.

* *Н. Бѣляшевскій*, Отчетъ Городецкаго музея Волынской губ. барона Ѳ. Р. Штейнталь за 1-ый годъ (1896—1897) В. 1898. (Прислано отъ Музея).

Описаніе рукописнаго отд. Виленской Публ. Библіотеки. Вып. III, Вильна 1898. (Отъ Виленской Публ. Библіот.).

Показчик. до Запис. Наук. Товар. імени Шевченка. Т. I—XX Роки I—VI. У Львові, 1898.

Олександеръ Кониськиӣ, Тарасъ Шевченко-Грушівській, хроника його життя. (Збірникъ фильольогічноі секциі Наукового Товариства імени Шевченка, Т. I. У Львові, 1898.

* Статистическія свѣдѣнія о состояніи Кубанской области и войска за 1896 г.

Сочиненія Ломоносова съ объяснительными примѣчаніями М. И. Сухомлинова. Т. IV. С.-П.Б. 1898. (Издан. Императ. Академіи Наукъ) Отт. Акад. Н.

* Писцовыя книги. Подъ редакціей члена коммиссіи *В. Н. Сторожева* (Издан. Рязан. Учен. Арх. Ком.) Ряз. 1898.

* Матеріалы для Словаря древне-русскаго языка по письменнымъ памятникамъ, трудъ *И. И. Срезневскаго*. Т. II. Вып. II (Издан. Отд. рус. яз. и словесности Импер. Акад. Наукъ) С.-П.Б. 1898.

* Сборникъ матеріаловъ по исторіи предковъ царя Михаила Ѳеодоровича Романова. Часть II. Издан. Костромской Учен. Арх. Ком. Кострома 1898.

Памятная книжка и Адресъ-Календарь Уральской области на 1897.

Idem на 1898.

* *Самоквасовъ*, Доклады и пренія на VIII археологическомъ съѣздѣ. Москва 1897. (Отъ автора).

* Свящ. *Добролюбовъ*, Библіографическій словарь писателей и ученыхъ уроженцевъ (преимущественно) и дѣятелей Рязанскаго края (Аверинъ-Влазневъ) Издан. Рдз. Уч. Арх. Ком. Ряз. 1897.

* *Довнаръ-Запольскій*, Литовскія упоминки татарскимъ ордамъ. Скарбовая книга метрики Литовской 1502—1509. Симферополь 1898. (Отъ автора).

* *Довнаръ-Запольскій*, Польско-литовская унія на сеймахъ до 1569 г. Историч. очеркъ. Москва 1897. (Отъ автора).

* *Петровъ*, Указатель Церковно-Археологическаго Музея при Кіевской Духовной Академіи. Изд. 2. 1897 г. (Отъ Музея).

* *Проф. Сапожниковъ*, По Алтаю. Дневникъ путешествія 1895 г. Томскъ 1897. (Отъ автора).

Харьковскій Календарь на 1898 годъ.

* Отчетъ Воронежской Публичной Библіотеки и ея отдѣленій за 1897 г. (Отъ Библіотеки).

* Отчетъ Кишиневской Город. Общ. Библ. за 1897 г. (Отъ Библіотеки).

* Отчетъ состоящей подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Е. И. В. Великаго Князя Константина Константиновича Пензенской Общ. Библіотеки имени Лермонтова за 1897 г. Пенза 1898. (Отъ Библіотеки).

* Отчетъ о дѣятельности Харьковскаго Общества распространенія въ народѣ грамотности за 1894. (Отъ этого Общества).

* Отчетъ о дѣятельности Харьковскаго Общ. распространенія въ народѣ грамотности за 1896 г. (2 экз.) (Отъ этого Общества).

* Десятилѣтіе Харьковской Общественной Библіотеки. Харьковъ 1898 г. (Отъ Д. И. Багалѣя).

* Отчетъ о дѣятельности Харьковскаго Общ. распространенія въ народѣ грамотности за 1893 г. (Отъ этого Общества).

* Отчетъ о дѣятельности издательскаго Комитета при Харьков. Общ. Грамотности за 1896 г. (Отъ Комитета).

* Влад. Аввакум. Истоминъ. (По поводу 25 лѣт. служебн. и литерат. дѣятельности) Вѣна 1898. (Отъ Холмской учебной дирекціи).

* Неизданныя сочиненія Гулака-Артемовскаго. Сообщилъ *Д. И. Багалѣй* (отт. изъ „Кіев. Ст.“) отъ автора.

* *Н. Ѳ. Сумцовъ*, О мотивахъ поэзіи Шевченка (отт. изъ Кіевс. „Старины") отъ автора.

* Путеводитель по Швейцаріи. Люцэрнъ. Цюрихъ 1897. Отъ А. С. Вязигина.

* *Д. П. Миллеръ*, Очерки изъ исторіи и юридическаго быта Старой Малороссіи. Превращеніе козацкой старшины въ дворянство. Кіевъ 1897 г. Отъ автора.

* *И. Сокальскій*, Парижская всемірная выставка 1867 г. съ соціальной ея стороны. Харьковъ 1870. Отъ М. М. Плохинскаго.

* *М. Плохинскій*, Путешествіе іеромонаха Тарасія Коплонскаго въ Италію въ концѣ XVII стол. (отт. изъ „Сборн. Харьк. И.-Фил. Общ.). Отъ автора.

* Истина религіи. Москва 1785. Отъ Е. М. Иванова.

* *П. Милюковъ*, Очерки по исторіи русской культуры. Часть I С.-П.Б. 1896. Отъ Е. М. Иванова.

* *Илляринскій* гр. С. В., „О состояніи Китайскаго государства и о протчемъ. Секретная информация 1731 г. Въ Москве" (рукопись). Отъ П. В. Иванова.

* Раскольничій Сборникъ XVIII в. (рукопись). Отъ П. В. Иванова.

* Сказаніе объ осадѣ Троицкаго монастыря (рукопись). Копія XVIII в. Отъ П. В. Иванова.

* Литературный Сборникъ 2-й четверти XIX в. (рукопись). Пожертвовано П. В. Ивановымъ, иногороднимъ членомъ Общества.

* *П. А. Кулішъ*, Исторія возсоединенія Руси Т. I и II С.-П.Б. 1871. (Пріобрѣтено Обществомъ).

* Альбомъ выставки, устроенной Обществомъ Любителей Россійской Словесности въ память В. Г. Бѣлинскаго. Москва 1898 г. (Пріобрѣтено Обществомъ.)

Книги, поступившія въ Библіотеку Педагогическаго Отд. Общества.

Българска Сбирка. Кн. VII—X. Пловдивъ 1897. Кн. I—VII. Пловдивъ 1898.

Гимназія. Вып. I—VI. Ревель 1897.

Годишенъ отчетъ на Варнеиското Държавна Дѣвическа Гимназия, „Мария-Луиза" за учебната 1896—97 година. Варна 1897.

Сборникъ распоряженій, напечатанныхъ въ циркулярахъ по управленію Кавказскимъ Учеб. Округомъ Т. VI, 1892—94. Тифлисъ 1895.

Idem. Т. VII, 1895—96. Тифлисъ 1897.

Отчетъ Попечителя Кавказскаго Учебнаго Округа о состояніи учебныхъ заведеній за 1896 г. Тифлисъ 1897 г.

Циркуляръ по управленію Кавказскимъ Учебнымъ Округомъ № 6—12. Тифлисъ 1897. №№ 1 и 2. Тифлисъ 1898.

Циркуляръ по Харьковскому Учебному Округу №№ 4—12. Харьковъ 1897.

Филологическія Записки. Вып. IV. Воронежъ 1897.

* *И. Миклашевскій*, Можно ли возлагать на народныхъ учителей какія-либо обязанности по техническому и профессіональному образованію? (оттискъ изъ журн. „Вѣстникъ Воспитанія") Москва 1898 г. Отъ автора.

* *Н. Страховъ*, Методика русской грамоты и начальныхъ упражненій въ русскомъ языкѣ. Харьковъ 1898. (Отъ автора).

ОТЧЕТЪ

объ Историческомъ Архивѣ за $18\frac{97}{98}$ академическій годъ

(*отъ 1 Сент. 1897 по 1 Сент. 1898 г.*).

Въ отчетномъ году продолжалось подробное описаніе дѣлъ Харьковскаго отдѣленія Архива. Въ настоящее время описано 138 дѣлъ, заключающихъ въ себѣ 23056 архивныхъ листовъ; изъ нихъ 21 д., объемомъ въ 4766 листовъ, приходится на отчетный годъ. Къ этой описи составленъ указатель личный, географическій и предметный.

За послѣднее время Архивъ обогатился слѣдующими пріобрѣтеніями: отъ Волчанскаго Предводителя дворянства присланы дѣла Дворянской Опеки конца XVIII вѣка (4 дѣла) и первой половины XIX (79 д.); отъ Ѳеодора Степан. Абрамова—1) „Писцовой Наказъ", 2) Три купчихъ крѣпости 1715, 1718 и 1719 г.г., 3) двѣ копіи съ рѣшенія межевой канцеляріи 1788 г., 4) копія съ утвердительнаго указа Правит. Сената на это рѣшеніе межевой канцеляріи 1799 г., 5) межевая книга общаго владѣнія графа Петра Шереметева съ сосѣдними помѣщиками и одно-

дворцами 1786 г.; отъ Ахтырской Городской Управы—77 дѣлъ и книгъ бывшей Ахтырской Градской Думы первой четверти XIX вѣка.

Библіотека Общества, помѣщающаяся въ Архивѣ, пополняется исключительно путемъ обмѣна и пожертвованій, возросла въ настоящее время до 2300 томовъ. Въ истекшемъ году прислали свои изданія слѣдующія ученыя Общества и учрежденія: Варшавскій, Кіевскій, Харьковскій и Казанскій университеты свои „Записки“ и „Извѣстія“; Общество Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Казанскомъ универс. свои „Извѣстія“; Историко-Филологическій факультетъ С.-Петербургскаго универс. свои „Записки“; отдѣленіе Этнографіи при Императорскомъ Русскомъ Географическомъ Обществѣ—„Живую Старину“; Этнографическое отдѣленіе Московскаго Общества естествознанія, антропологіи и этнографіи—„Этнографическое Обозрѣніе“; Общество любителей древней письменности—свои „Памятники“; Товариство имени Шевченка—свои „Записки“, „Показчикъ до записокъ“ и „Т. Шевченко“ (хроника його життя), Олександ. Кониського и „Этнографичний Збирникъ“; Министерство Народнаго Просвѣщенія въ Болгаріи—свой „Сборникъ“; Московскій Архивъ Министерства Юстиціи—„Документы Моск. Арх. Мин. Юст.“; Русскій Археологическій Институтъ въ Константинополѣ—свои „Извѣстія“; Общество ревнителей историческаго просвѣщенія—„Старину и Новизну“; Учено-Литературное Общество при Императорскомъ Юрьевскомъ Университ.—свой „Сборникъ“; Подольскій Епархіальный Историко-Статистическій Комитетъ—свои „Труды“; Московское Общество Исторіи и Древностей россійскихъ—свои „Чтенія“; Археографическая Коммиссія Московскаго Археологич. Общ.—„Древности“; Виленская Коммиссія для разбора древнихъ актовъ—„Акты Вил. Ком.“; Сыръ-Дарьинскій Областпой Статистическій комитетъ—свой „Сборникъ“; Кубанскій Областной Статистическій Комитетъ—свой „Сборникъ“; Харьковскій статистическій Комитетъ—„Харьковскій Календарь“ и „Сборникъ“; Уральскій Статистическій Комитетъ—„Памятную книжку“ и Адресъ-Календарь; Черниговская Губернская Земская Управа—свой „Сборникъ“; Národopisný Museum cesko-slovansky—„Národopisny Sbornik; Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der Ostseeprovinzen Russlands—„Sitzungsberichte“; Тамбовская, Рязанская, Костромская, Нижегородская, Таврическая, Оренбургская и Ярославская ученыя архивныя коммиссіи присылали свои изданія.

Приращенію библіотеки способствовали и тѣ пожертвованія, которыя поступили отъ нѣкоторыхъ учрежденій, членовъ Общества и частныхъ

лицъ: Императорской Академіи Наукъ, Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, С.-Петербургскаго Университета, Церковно-Археологическаго Музея при Кіевской Духовной Академіи, Городецкаго Музея, Виленской, Пензенской, Харьковской, Воронежской и Кишиневской городскихъ Общ. Библіотекъ; отъ Харьковскаго Общества распространенія въ народѣ грамотности и издательскаго комитета при этомъ Обществѣ; Холмской учебной дирекціи; отъ проф. Д. И. Багалѣя, проф. Н. Ѳ. Сумцова, М. Довнаръ-Запольскаго, Д. П. Миллера, М. М. Плохинскаго, Е. М. Иванова. Эти пожертвованія состоятъ, какъ изъ книгъ и брошюръ, такъ и изъ рукописей. Всѣхъ рукописей 4 и всѣ онѣ поступили отъ одного лица, именно отъ П. В. Иванова, иногородняго члена Общества[1]).

Съ цѣлью научной разработки матеріала, Архивъ посѣщали: проф. Д. И. Багалѣй, занимающійся исторіей г. Харькова, Д. П. Миллеръ, собирающій матеріалы для исторіи малороссійскаго дворянства и казачества, М. М. Плохинскій, продолжающій разработку вопроса объ иностранцахъ въ Малороссіи и С. И. Одинцовъ, командированный Ахтырскимъ полкомъ для извлеченія матеріаловъ по исторіи этого полка. А. И. Ершовъ и П. А. Кармазинъ разыскивали фамильные документы. Библіотекой пользовались работавшіе въ Архивѣ, члены Общества, студенты и другія лица, по рекомендаціи членовъ Общества.

Завѣдующій Архивомъ проф. **Дм. Багалѣй.**

Архиваріусъ **Е. Ивановъ.**

---

[1]) Списокъ всѣхъ пожертвованныхъ книгъ см. выше.

ОТЧЕТЪ

о дѣятельности Педагогическаго Отдѣла Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества

въ 18$^{97}/_{98}$ академическомъ году.

Всѣхъ засѣданій отдѣла было шесть. Кромѣ этихъ общихъ собраній собирались отдѣльныя коммиссіи: а) по устройству ученическихъ экскурсій съ общеобразовательными цѣлями и б) по организаціи общедоступныхъ чтеній съ туманными картинами. Особенно часты были собранія послѣдней, потому отчетъ о дѣятельности ея напечатанъ будетъ въ видѣ особаго приложенія.

Въ засѣданіи 3-го ноября 1897 года, Д. Е. Архангельскій предложилъ обратиться къ директорамъ учебныхъ заведеній съ просьбой—не назначать засѣданій педагогическихъ совѣтовъ по пятницамъ, такъ какъ это —обычный день засѣданій отдѣла.—Предложеніе было принято.

Заслушано нѣсколько текущихъ дѣлъ: объ общедоступныхъ чтеніяхъ съ туманными картинами, преимущественно для учащихся, о 4-мъ выпускѣ „Трудовъ педагогическаго отдѣла" и объ альбомѣ членовъ отдѣла.

М. А. Масловъ прочелъ некрологъ недавно скончавшагося члена отдѣла В. А. Соснякова, бывш. препод. исторіи и географіи Харьковской 1-й гимназіи, охарактеризовавъ его, какъ гуманнаго, многосторонне образованнаго человѣка и любимаго учениками преподавателя. Память покойнаго почтена была вставаніемъ.

Н. Ѳ. Сумцовъ сдѣлалъ сообщеніе о полученныхъ, въ отвѣтъ на разосланные имъ запросы, матеріалахъ относительно ученическихъ экскурсій. Докладчикъ предложилъ издавать для этой цѣли отдѣльными выпусками все, что будетъ накопляться по этому вопросу. Послѣ обсужденія доклада, въ которомъ приняли участіе В. И. Харціевъ, А. В. Ордынскій, А. М. Завьялова, Т. Н. Никитскій и нѣк. др.; постановлено передать это дѣло особой коммиссіи, предоставивъ ей право приглашать въ свои засѣданія полезныхъ для намѣченной цѣли лицъ. Въ составъ коммиссіи записались Н. Ѳ. Сумцовъ, Е. К. Рѣдинъ, А. В. Ветуховъ, Н. А. Федоровскій и В. И. Харціевъ.

Предсѣдателемъ отдѣла и секретаремъ его избраны безъ баллотировки лица, исполнявшія эти обязанности въ предыдущемъ году (Пр. Н. Ѳ. Сумцовъ и А. В. Ветуховъ, учит. Харьк. К. уч.).

Въ члены отдѣла избранъ преподаватель Пензенской женской гимназіи (нынѣ перемѣщенный въ Таганрогскую женскую гимназію) Казанскій.

31-го октября, въ присутствіи г. попечителя Харьковскаго учебнаго округа И. П. Хрущова и многихъ профессоровъ Харьковскаго университета, состоялось соединенное засѣданіе Историко-филологическаго общества и его Педагогическаго отдѣла въ память заслуженнаго профессора и академика Ѳедора Ивановича Буслаева. Засѣданіе было открыто слѣдующею рѣчью предсѣдателя общества, проф. *Н. Ѳ. Сумцова:*

„М. Г.! Настоящее засѣданіе Историко-филологическаго общества и Педагогическаго отдѣла посвящается всецѣло памяти Ѳедора Ивановича Буслаева. Немногіе изъ присутствующихъ здѣсь пользовались его непосредственными указаніями и совѣтами. Посредственно же, заочно, по книгамъ, мы всѣ въ большей или меньшей мѣрѣ оказываемся его учениками, учились на его сочиненіяхъ и отчасти по его же сочиненіямъ теперь учимъ другихъ. Можно положительно утверждать, что имя Буслаева самое популярное въ русской наукѣ. По широтѣ, силѣ и благотворности вліянія съ Буслаевымъ могутъ сравниться лишь весьма немногіе дѣятели русской науки и литературы.

Судьба была очень милостива къ Ѳедору Ивановичу. На первыхъ же порахъ его житейской и научной дѣятельности она дала ему высокообразованнаго руководителя и покровителя въ лицѣ графа Строганова. Она открыла молодому ученому самый широкій доступъ къ первоисточникамъ западной науки и литературы, въ такое время, когда доступъ къ нимъ былъ обставленъ всевозможными препятствіями. Далѣе она дала Ѳедору Ивановичу возможность развернуть свои силы въ центрѣ русской земли, подъ покровомъ старѣйшаго и наиболѣе вліятельнаго Московскаго университета. Наконецъ, она отмѣрила для Ѳ. И. много лѣтъ жизни, почти полныхъ 80 лѣтъ, изъ которыхъ лишь послѣдніе годы были омрачены слѣпотой.

Щедрые дары судьбы пали на богатую духовную почву. Съ природнымъ сильнымъ и яснымъ умомъ Ѳ. И. соединялъ доброе, отзывчивое сердце и вмѣстѣ съ тѣмъ тонкое художественное чувство. Оттого онъ необыкновенно быстро и удачно оріентировался въ громадныхъ запасахъ нѣмецкой науки и итальянскаго искусства. Онъ въ высшей степени искусно воспользовался ими для разносторонняго и глубокаго изученія русскаго языка, словесности и искусства. Примкнувъ въ господствовавшимъ въ недавнее время на западѣ научнымъ направленіямъ, Ѳ. И. вполнѣ сохранилъ свою духовную свободу, съумѣлъ придать русской наукѣ самостоятельное теченіе и выработалъ довольно оригинальное научное направленіе, въ основу котораго положилъ гуманитарное изученіе русской народности, съ полнымъ устраненіемъ одностороннихъ пристрастій. Къ этимъ основнымъ достоинствамъ Буслаева нужно присоединить многія другія, такія крупныя, какъ обширная

эрудиція, ясность мысли, стройное изложеніе, превосходный языкъ—съ оттѣнкомъ такого изящества и благородства, котораго нельзя опредѣлить теоретически, но которое чувствуется на каждой страницѣ его письма. Оттого даже устарѣвшія его статьи читаются съ интересомъ и, при всей исключительности односторонней миѳологической теоріи, сохраняютъ до сихъ поръ важное образовательное и воспитательное значеніе".

Н. И. Аллкритскій сообщилъ свои воспоминанія о Ѳ. И. Буслаевѣ, какъ профессорѣ. Обрисовавъ наружность Ѳ. И., указавъ на его энергію, живость, (не смотря на преклонные въ то время годы), на то особенное чувство симпатіи, которое съ перваго же раза возбуждалъ Ѳ. И. въ своихъ слушателяхъ, и отмѣтивъ общій характеръ его лекцій, въ высшей степени увлекательныхъ, онъ перешелъ къ краткому изложенію тѣхъ общихъ курсовъ, которые были читаны профессоромъ въ теченіе 186⁵/₆ и 186⁶/₇ учебныхъ годовъ. Задача этихъ курсовъ состояла въ ознакомленіи слушателей съ разными методами изученія литературы и языка, въ связи съ развитіемъ цивилизаціи. Познакомивъ далѣе съ характеромъ практическихъ занятій, которыя велись на послѣднемъ курсѣ, референтъ обрисовалъ взгляды Ѳ. И. на нѣкоторые спорные вопросы русскаго правописанія и закончилъ свое сообщеніе характеристикой Ѳ. И., какъ учителя и наставника, въ лучшемъ, благороднѣйшемъ значеніи этого слова, любившаго молодежь, какъ человѣка, всецѣло преданнаго только одной наукѣ, которой онъ и посвятилъ всю жизнь.

Проф. *М. Е. Халанскій* въ своей рѣчи, посвященной трудамъ Буслаева по русскому языку и словесности, указалъ въ началѣ на общее значеніе этихъ трудовъ, и отмѣтилъ правильность сравненія Буслаева съ Карамзинымъ, впервые сдѣланнаго проф. А. И. Кирпичниковымъ и самъ подробно развилъ его: „Буслаевъ, какъ и Карамзинъ, говорилъ референтъ, всецѣло отдалъ себя на служеніе излюбленному дѣлу, не отвлекаясь отъ него побужденіями честолюбія: Карамзинъ былъ только литераторомъ, Буслаевъ былъ только профессоромъ. И тотъ, и другой ввели въ русскую литературу новое направленіе, заимствованное въ западной Европѣ—Буслаевъ въ научной, Карамзинъ въ художественной; оба стремились сдѣлать научные факты общедоступными, для чего оба заботились о тщательной внѣшней отдѣлкѣ своихъ произведеній; оба были прекрасными людьми по нравственнымъ чертамъ характера; оба наконецъ будучи воспитаны на идеяхъ западно-европейской науки и литературы, по своимъ убѣжденіямъ были русскими славянами". Далѣе, говоря о трудахъ Буслаева по изученію русскаго языка, референтъ остановился на капитальныхъ его сочиненіяхъ въ этой области „О преподаваніи отечественнаго языка" (М. 1844), „О вліяніи христіанства на славянскій языкъ" (М. 1848) и на „Исторической грамматикѣ русскаго языка" (М. 1858). Въ заключеніе указано было на значеніе

его трудовъ, посвященныхъ исторіи русской литературы, народной словесности, всеобщей литературѣ, на вліяніе ихъ на послѣдующіе труды посредственныхъ и непосредственныхъ учениковъ его школы.

Е. К. Рѣдинъ, указавъ въ началѣ своей рѣчи на высокое значеніе дѣятельности Буслаева въ различныхъ областяхъ историко-литературныхъ наукъ, далѣе спеціально обозрѣлъ главнѣйшіе труды его по археологіи и исторіи искусства. На первомъ мѣстѣ и въ хронологическомъ порядкѣ, и по значенію поставленъ былъ имъ трудъ „Историческіе очерки", вышедшій въ свѣтъ въ 1862 году, а затѣмъ „Общія понятія о русской лѣтописи". Указавъ на содержаніе и значеніе этихъ трудовъ, г. Рѣдинъ замѣтилъ, что „если принять во вниманіе, что въ русской археологической литературѣ ранѣе Буслаева ничего подобнаго сдѣлано не было, что сдѣланное имъ ложится и уже легло въ основу науки археологіи и исторіи русскаго искусства, что многое изъ намѣченнаго имъ развито и обслѣдовано въ трудахъ учениковъ его школы, то нельзя не признать, что онъ вполнѣ заслуживаетъ названія отца науки русской археологіи". Далѣе референтъ подробно остановился на трудахъ его по исторіи русскаго орнамента въ связи съ византійскимъ; и на капитальномъ трудѣ по исторіи русскаго лицеваго Апокалипсиса, указалъ на плодотворность впервые приложеннаго имъ къ изслѣдованію русскихъ памятниковъ искусствъ сравнительно-историческаго метода, и кратко обозрѣлъ многочисленные мелкіе его труды, посвященные отчасти византійскому искусству, а главнымъ образомъ древнерусскому; далѣе, указавъ на труды и популярныя статьи по доисторической археологіи, восточной, средневѣковой и эпохи Возрожденія, печатавшіяся въ различныхъ журналахъ и отчасти собранныхъ въ „Моихъ досугахъ", изданныхъ въ 1886 году. Во второй части своей рѣчи референтъ, пользуясь воспоминаніями Буслаева, познакомилъ съ тѣми факторами въ его жизни, которые способствовали развитію въ покойномъ ученомъ несомнѣнно прирожденнаго вкуса къ изящному, любви и знакомству его съ памятниками искусства. Заканчивая обозрѣніе подготовительныхъ работъ и занятій Буслаева, а равно его трудовъ по изученію древне-русскаго искусства, референтъ сказалъ: „лишь съ широкой, основательной подготовкой возможно было сдѣлать то, что сдѣлалъ Буслаевъ для русской науки: установилъ методъ изученія русскихъ памятниковъ искусства, далъ примѣръ примѣненія его въ своихъ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ и популярныхъ статьяхъ и очеркахъ. Онъ положилъ фундаментъ для науки русской археологіи и далъ богатѣйшій разработанный матеріалъ для исторіи русскаго искусства. Исходя отъ его трудовъ, поучаясь изъ нихъ, русская наука въ лицѣ учениковъ „Буслаевской школы" уже начинаетъ обогащаться изслѣдованіями въ разработкѣ того же матеріала, который онъ впервые плодотворно началъ раз-

рабатывать, освѣщать, уясняя прошлое нашей національной культуры. Въ его трудахъ, въ его высоко-нравственной, обаятельной личности послѣдующіе дѣятели въ области научной разработки исторіи нашей культуры найдутъ всегда образецъ, поученіе.... Имя Буслаева будетъ скоро знакомо нашему учащемуся поколѣнію, какъ ему знакомы имена великихъ русскихъ писателей; многія изъ его произведеній войдутъ въ составъ той сокровищницы обязательныхъ знаній, въ которой теперь совершенно отсутствуетъ—исторія искусствъ, исторія родной художественной старины—лучшихъ показателей культуры и залога народнаго просвѣщенія.

В. И. Харціевъ познакомилъ со взглядами Буслаева на преподаваніе отечественнаго языка и словесности въ средней школѣ. Онъ подробно передалъ содержаніе труда Буслаева „О преподаваніи отечественнаго языка", заключающемъ въ себѣ указанные взгляды, указалъ на извѣстное значеніе, какое они имѣли для реформы преподаванія отечественнаго языка въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и какое они имѣютъ для нихъ и теперь; педагогическія сочиненія Буслаева, высказалъ въ заключеніе референтъ, не могутъ быть обойдены никакой современной дидактикой и методикой и незнакомство съ ними можно поставить въ вину каждому преподавателю русскаго языка, какъ считается предосудительнымъ для каждаго занимающагося научной исторіей русской словесности незнакомство съ трудами Буслаева въ этой области.

По предложенію предсѣдателя, память знаменитаго русскаго ученаго была почтена вставаніемъ.

Прочитанные доклады предположены къ напечатанію—одни въ XI томѣ Сборника историко-филологическаго общества, другіе въ V вып. Трудовъ Педагогическаго отдѣла.

Въ засѣданіи *7-го Ноября* предсѣдатель сообщилъ о дѣятельности лекціонной коммиссіи и комитета по устройству ученическихъ экскурсій, образовавшагося при отдѣлѣ въ текущемъ году; затѣмъ въ краткой рѣчи онъ очертилъ дѣятельность отдѣла за истекшее пятилѣтіе, отмѣтивъ какъ свѣтлыя стороны, такъ и недочеты.—М. Е. Халанскій предложилъ нѣсколько расширить рамки „Трудовъ" Отдѣла внесеніемъ туда выдержекъ общаго характера изъ циркуляровъ, издаваемыхъ при канцеляріи г. Попечителя Округа.—Остальная часть засѣданія посвящена была чтенію и обсужденію обширнаго доклада *Над. Викт. Шеметовой* (учительницы Бѣлгородской женской гимназіи) „О задачахъ средняго образованія", въ которомъ подробно изложены взгляды А. Фуллье (по статьямъ его, помѣщеннымъ въ концѣ 80-хъ гг. въ „Revue de deux mondes") на значеніе реальнаго и классическаго образованія и затронуты многіе понынѣ живые вопросы школы. Докладчикъ отнесся критически къ мнѣніямъ Фуллье и сдѣлалъ

отъ себя интересныя дополненія и поправки къ изложеннымъ взглядамъ, закончивъ теплыми воспоминаніями о своей учительницѣ, какъ иллюстраціей положенія, что при той или иной системѣ личность наставника играетъ выдающуюся роль. Докладъ вызвалъ живой обмѣнъ мыслей, въ которомъ приняли участіе А. А. Снегиревъ, Н. Ѳ. Сумцовъ, М. Е. Халанскій, В. И. Харцієвъ и др.—При закрытіи засѣданія Н. И. Алякритскій, охарактеризовавъ въ краткой рѣчи дѣятельность предсѣдателя на пользу отдѣла, выразилъ отъ лица членовъ благодарность за понесенные имъ въ теченіе 5 лѣтъ труды.

Въ засѣданіи *6-го Февраля 1898 года*, по предложенію предсѣдателя, почтена была вставаніемъ память незадолго передъ тѣмъ скончавшагося министра народнаго просвѣщенія Ивана Давидовича Делянова.—*В. И. Харціевъ* прочелъ сообщеніе „Къ вопросу о правописаніи", въ которомъ разобралъ нѣсколько распространенныхъ руководствъ для диктанта; лучшее изъ нихъ, по мнѣнію докладчика,—Зелинскаго „Зрительный диктантъ". Приведя мнѣніе Буслаева относительно обученія правописанію, докладчикъ высказался вообще противъ созданія какихъ-либо особыхъ сборниковъ для диктанта, находя для этой цѣли вполнѣ пригодною любую хорошую хрестоматію. По поводу доклада высказались: Д. В. Гутниковъ М. А. Масловъ, Г. Г. Стрижевскій и Н. Ѳ. Сумцовъ.—*С. А. Немолодышевъ* прочелъ докладъ „Изъ исторіи педагогическихъ теорій", въ которомъ изложилъ основные взгляды Коменскаго, Локка, Руссо, Базедова, Песталоцци и Фребеля на воспитаніе и обученіе, отмѣтивъ характерную черту школы возрожденія—стремленіе выдвинуть на первый планъ образованіе въ ущербъ воспитанію,—черту, наблюдаемую нерѣдко и въ современной школѣ.—Заслушаны были еще два библіографическихъ сообщенія: *Н. Ѳ. Сумцовъ* отмѣтилъ въ „Иллюстрированныхъ чтеніяхъ по культурной исторіи" проф. Корелина нѣкоторые пропуски (напр. о средневѣковыхъ строительныхъ братствахъ) и дороговизну этого изданія. *А. Ф. Котовъ*, передавъ кратко содержаніе лекцій по исторіи революціи и имперіи Наполеона проф. Надлера (Х. 1898 г., ц. 2 р., въ обработкѣ проф. Бузескула), замѣтилъ, что книга эта, пополняя очень незначительный запасъ популярныхъ сочиненій, касающихся эпохи революціи, можетъ считаться въ ряду ихъ наиболѣе доступной для школы по простотѣ и увлекательности изложенія.

Въ засѣданіи *6-го Марта* заслушаны два доклада: 1) *Н. Ѳ. Сумцова* „А. Н. Майковъ съ педагогической точки зрѣнія", въ которомъ докладчикъ отмѣтилъ характерныя черты музы Майкова: художественную живопись картинъ природы, строгую и холодную, рѣдко согрѣтую мотивами любви; подробно остановился на признаніяхъ поэта о процессѣ творчества и указалъ на пригодныя и непригодныя въ педагогической практикѣ стихотворенія Майкова. Замѣчанія по поводу доклада сдѣланы были А. С. Лебеде-

вымъ и М. А. Масловымъ. 2) *В. В. Латина* „Императрица Екатерина II.— Бецкій“, въ которомъ дана характеристика взглядовъ Бецкаго на воспитаніе и очерчена исторія женскаго образованія въ Россіи, при чемъ подробно разсказана исторія Смольнаго монастыря (нынѣ института,) какъ перваго разсадника женскаго образованія въ Россіи. Нѣсколько замѣчаній по поводу этого доклада высказано было А. Ф. Котовымъ.—Въ члены отдѣла избраны преподаватели 1-й Х. женской гимназіи: Ал—ръ Ив. Андріяновъ и Ст. Арс. Немолодышевъ и исправляющій обязанности инспектора Борисоглѣбской гимназіи Ив. Петр. Боголюбовъ.

Въ засѣданіи *27 Марта Н. Ѳ. Сумцовъ* прочелъ денежный отчетъ о 9 общедоступныхъ чтеніяхъ, устроенныхъ Педагогич. Отдѣломъ въ 1897—98 году, съ 12 марта по 22-е марта—(валовой сборъ 1084 р. 12 к., расходы—на инвентарь и по устройству чтеній—791 р. 12 к.; остатокъ 293 р. предназначенъ для пріобрѣтенія волшебнаго фонаря, ящиковъ для храненія свѣтовыхъ картинъ и для затратъ на ближайшую лекцію)—и сдѣлалъ библіографическое сообщеніе о двухъ книгахъ: 1) И. Н. Миклашевскаго „Можно ли возлагать на народныхъ учителей какія либо обязанности по техническому и профессіональному образованію“ (оттискъ изъ журн. „Вѣстникъ Воспитанія“). М. 1898 г. и 2) Н. Н. Страхова „Методика русской грамоты и начальныя упражненія въ русскомъ языкѣ“. Х. 1898 г. Ц. 1 р. —Затѣмъ заслушаны были доклады, назначенные на это засѣданіе: 1) *Н. А. Федоровскаго* „Къ вопросу о систематичности первоначальнаго образованія“, въ которомъ докладчикъ высказалъ мнѣніе, что центръ народнаго образованія долженъ быть въ школѣ, а потому въ ней просвѣтительная дѣятельность должна быть поставлена возможно широко и плодотворно; а для достиженія этой послѣдней цѣли лучшее средство—правильно организованныя школьныя бесѣды, подъ руководствомъ учителя и законоучителя. Д. Е. Архангельскій и Н. Ѳ. Сумцовъ замѣтили, что докладчикомъ не указаны пути къ осуществленію поставленной высокой задачи; что при современномъ положеніи дѣла подобныя бесѣды врядъ ли осуществимы и что на встрѣчу такимъ запросамъ со стороны народа идутъ чтенія съ туманными картинами, сельскія библіотеки и проч. и 2) *А. В. Ветухова* „О «Новой наукѣ сематикѣ» М. Бреаля“. Докладчикъ передалъ основныя положенія Бреаля и привелъ его взгляды въ связь съ ученіемъ проф. Потебни о языкознаніи; отмѣтилъ какъ положительныя стороны этого изслѣдованія, такъ и нѣкоторые недочеты. Нѣсколько замѣчаній по поводу доклада сдѣлано было М. С. Дриновымъ.

КРАТКІЙ ОТЧЕТЪ

о дѣятельности лекціонной коммиссіи при Пед. Отд. въ 189$\frac{7}{8}$ учебн. году

(съ 1 марта по 29 марта).

Первыя два чтенія—Е. К. Рѣдина о катакомбахъ и А. В. Ордынскаго о Христофорѣ Колумбѣ, причитанныя—первое въ мартѣ 1897 г., второе 12 октября 1897 г., были предварительно еще въ 1896 г. подвергнуты обсужденію. Оба чтенія сопровождались иллюстраціей свѣтовыми картинами, причемъ чтеніе проф. Е. К. Рѣдина было иллюстрировано картинами, принадлежащими Музею изящныхъ искусствъ, а для чтенія А. В. Ордынскаго картины выписаны изъ Парижа отъ Мольтени на средства И.-Ф. Общества. Волшебный фонарь какъ на эти 2, такъ и на послѣдующія 7 чтеній любезно былъ предоставленъ Обществу профессоромъ В. Ѳ. Тимофеевымъ. Дальнѣйшія засѣданія лекціонной коммиссіи шли подъ предсѣдательствомъ проф. Н. Ѳ. Сумцова въ такомъ порядкѣ:

18$\frac{X}{28}$97.—Предсѣдатель Отдѣла сообщилъ о перепискѣ своей по дѣламъ лекціонной коммиссіи съ гг. Егоровымъ (предсѣдателемъ комитета общедоступныхъ чтеній при Московск. Обществѣ распр. технич. знаній), Анцыферовой, Заикинымъ и проф. Сапожниковымъ.—Г. Заикинъ сообщилъ въ своемъ отвѣтномъ письмѣ о пониженіи цѣнъ на изготовляемыя въ его мастерской картины (раскрашенныя—по 1 р. 25 к. за штуку, портреты раскр.—1 р. 50 к.).—Проф. Сапожниковъ изъявилъ свое согласіе выслать въ распоряженіе л. коммиссіи негативы рисунковъ, помѣщенныхъ въ его изслѣдованіи объ Алтаѣ.

Въ отвѣтъ на обращеніе лекц. ком. къ гг. начальникамъ учебныхъ заведеній—объ указаніи лицъ, готовыхъ содѣйствовать коммиссіи въ устройствѣ общедоступныхъ чтеній, получены извѣщенія: 1) Отъ г. директора 1-й мужской гимназіи, гдѣ М. А. Масловъ изъявилъ свое желаніе содѣйствовать л. коммиссіи и 2) отъ г. инспектора Торговой Школы—о согласіи на участіе въ коммиссіи В. В. Александрова, Н. К. Грунскаго и В. И. Ястремскаго.

Присутствовавшими въ засѣданіи членами к. взяты были, для распространенія въ средѣ учащихся, билеты на ближайшую лекцію *Н. И. Аляритскаго* „Объ А. С. Пушкинѣ"—9 ноября.

Намѣчено ближайшее очередное чтеніе *Н. А. Федоровскаго* „О доисторическомъ человѣкѣ древнекаменнаго вѣка—на 7-е декабря.

Намѣченъ и рядъ другихъ чтеній: В. П. Бузескула „О Троѣ и Микенахъ", С. В. Соловьева „О трубадурахъ и Провансѣ", Е. К. Рѣдина „О Помпеѣ", А. Ф. Котова „О Жаннѣ д'Аркъ", Н. К. Грунскаго „О Наполеонѣ

въ русской литературѣ".—Объ Алтаѣ.—О южно-русскихъ степяхъ.—О Рейнѣ.—Нѣкоторыя картины для этихъ чтеній выписаны, частью заказаны.

---

18 $\frac{XI}{26}$ 97.—Постановлено: Просить гг. членовъ коммиссіи наблюдать за внѣшнимъ порядкомъ въ аудиторіи.—Входъ на чтенія членамъ коммиссіи безплатный.—Отгородить помѣщеніе для фонаря волшебнаго и его принадлежностей отъ мѣстъ для публики.—Улучшить освѣщеніе для лектора.—Уплатить Анцыферовой 20 рублей.

Распредѣлены билеты на чтеніе Н. А. Федоровскаго (7-го декабря).

---

18 $\frac{I}{13}$ 98.—Заказано 5 рундуковъ, чтобы отдѣлить помѣщеніе для платья. —Измѣнена расцѣнка билетовъ: 2 ряда—по 1 р., 3 ряда—по 75 к., 4 ряда—по 50 к., 4 ряда—по 30 к., 6 рядовъ—по 20 к.; кромѣ того за колоннами рѣшено поставить запасные стулья (до 50)—мѣста цѣною въ 20 коп.; входные же билеты на ближайшія два чтенія, въ видѣ пробы, упразднить.—Отъ проф. Сапожникова получено въ даръ *5* діапозитивовъ, а для переснимки—16, относящихся къ путешествію проф. по Алтаю.—Прослушаны были два ближайшихъ чтенія *Н. Ѳ. Сумцова*: 1) „Замки по Рейну" (на 18 января) и 2) „Города по Рейну" (на 25 января); распредѣлены билеты на эти чтенія.

---

18 $\frac{II}{2}$ 98 На изготовленіе экрана израсходовано 35 рублей.—Рѣшено пріобрѣсти шкафъ для храненія картинъ и проч. принадлежностей лекціонной коммиссіи.—Установлены сроки для слѣдующихъ чтеній: 1-го марта—*В. П. Бузескула* „О Троѣ и Микенахъ" и 15-го марта—*С. В. Соловьева* „О Провансѣ и трубадурахъ". Цѣны рѣшено назначить прежнія: *1* р., *50* коп., *20* коп., *10* коп.—входные, исключительно для учащихся.—Намѣчены новыя чтенія: *С. А. Новицкаго* 1) „О Крыловѣ", 2) О Грибоѣдовѣ и 3) О Бѣлинскомъ; *М. А. Маслова* „О Волгѣ и Поволжьѣ"; *Л. В. Рейнгарда* „О мелкихъ растеніяхъ".

Выражена благодарность: 1) проф. Сапожникову за присланные въ даръ негативы и возвратить присланные для переснимки и 2) проф. Жебелеву, Кондакову и Фармаковскому—за содѣйствіе при подысканіи картинъ для чтенія В. П. Бузескула.

Выписаны нѣкоторыя книги и заказаны, частью выписаны, картины для ближайшихъ послѣ 15-го марта чтеній о Жаннѣ д'Аркъ и о Помпеѣ.

Постановлено приглашать, какъ энергичнаго сотрудника, въ засѣданія коммиссіи А. Б. Сахарова.

$18\frac{II}{22}98$.—Распредѣлены билеты на лекцію С. В. Соловьева „О провансальской поэзіи“, назначенную на 1-е марта.—Принято любезное предложеніе г. директора народныхъ училищъ, чтобы оркестръ уѣзднаго училища исполнилъ передъ началомъ лекціи нѣсколько музыкальныхъ вещей.—Расходъ за рундуки принятъ правленіемъ университета на счетъ послѣдняго.

$18\frac{III}{8}98$.—Засѣданіе посвящено было выработкѣ правилъ для организаціи общедоступныхъ научныхъ чтеній внѣ Харькова отъ историко-филологическаго Общества и Педагогическаго Отдѣла, при немъ состоящаго. Общая часть въ разработкѣ этого вопроса сдѣлана Е. К. Рѣдинымъ, подробности—Н. Ѳ. Сумцовымъ. По обсужденіи этихъ замѣтокъ составлена сводная редакція.—Кромѣ того розданы билеты на ближайшую лекцію—В. П. Бузескула, 15 марта. Опредѣлено время для слѣдующей лекціи—Н. Ѳ. Сумцова „О Южно-русскихъ степяхъ“,—22-е марта.

$18\frac{III}{29}98$. Въ виду развитія и усложненія дѣла рѣшено избрать особаго казначея лекціонной коммиссіи, а также кружокъ лицъ, для предварительнаго просмотра и обсужденія предлагаемыхъ чтеній—Н. Ѳ. Сумцова, В. П. Бузескула и Е. К. Рѣдина.—На будущее время рѣшено: увеличить количество 20 коп. билетовъ на счетъ рублевыхъ (коихъ оставить 1 рядъ) и 50—копѣечныхъ; приглашать оркестръ уѣзднаго училища (уже игравшій, подъ управленіемъ Катанскаго, на лекціи 22 марта), а также и другихъ учебн. заведеній, если будетъ возможно.—Первымъ чтеніемъ на будущій годъ предположено—Е. К. Рѣдина „О Помпеѣ“.

Постановлено выработать редакцію правилъ для иногородныхъ чтеній.

Въ концѣ отчетнаго года въ составъ лекціонной коммиссіи, подъ предсѣдательствомъ Н. Ѳ. Сумцова, входили: Н. И. Алякритскій, С. П. Бобинъ, В. П. Бузескулъ, А. В. Ветуховъ, Н. К. Грунскій, А. Ѳ. Котовъ, А. Д. Маляренко, М. А. Масловъ, С. А. Новицкій, П. Г. Риттеръ, Е. К. Рѣдинъ, А. Б. Сахаровъ, Н. А. Федоровскій, В. И. Шостенко, А. В. Ордынскій, С. В. Соловьевъ, В. И. Харціевъ, О. Н. Соколовская, Д. А. Кутневичъ, проф. И. Н. Миклашевскій.

Отчетъ по устройству девяти общедоступныхъ чтеній отъ имени Педагогическаго отдѣла историко-филологическаго общества (*отъ марта 1897 г. по мартъ 1898 г.*).

Первое чтеніе дало 154 р. 60 к., 2-ое 154 р., 3-е 156 р. 60 к., 4-е 142 р. 72 к., 5-е и 6-е 176 р., 7-е 85 р., 8-е 123 р. 60 к. и 9-е 91 р. 60 к.—Всего въ приходѣ 1084 руб. 12 коп.

Расходы: пріобрѣтено 216 картинъ на 309 р. 86 к., за электрическое освѣщеніе 175 р., печатаніе афишъ, билетовъ, программъ и развѣшиваніе 86 р. 10 к., служителямъ 124 р. 50 к., изготовку экрана 31 р. 45 к., изготовлены рундуки въ 30 р., на подсвѣчники, занавѣсъ, жестяное корыто къ экрану и друг. мелкіе расходы 34 р. 21 к.—Всего расходу 791 р. 12 к. Чистый остатокъ въ 293 р. назначенъ на пріобрѣтеніе волшебнаго фонаря и на покупку картинъ къ предстоящимъ осеннимъ чтеніямъ. Такимъ образомъ отчетныя чтенія, начатыя безъ всякихъ средствъ, въ первомъ чтеніи по картинамъ музея изящныхъ искусствъ, къ концу перваго отчетнаго года дали историко-филологическому обществу спеціальнаго имущества на сумму около 400 р. (картины, экранъ и пр.) и обезпечили пріобрѣтеніе волшебнаго фонаря Лекціонный комитетъ считаетъ своимъ пріятнымъ долгомъ выразить глубокую благодарность правленію университета за предоставленіе актоваго зала, проф. В. Ѳ. Тимоѳееву за предоставленіе волшебнаго фонаря, лицамъ, распространявшимъ билеты, О. Н. Соколовской, любезно принявшей на себя трудъ по продажѣ билетовъ и Н. Г. Жаворонкову и г. Катанскому за участіе оркестра Харьковскаго уѣзднаго училища.

Списокъ свѣтовыхъ картинъ,

принадлежащихъ Педагогическому Отдѣлу Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества, пріобрѣтенныхъ для общедоступныхъ чтеній.

(Съ марта 1897 года).

I. Чтеніе о Христофорѣ Колумбѣ[1]).

1. Коголето.
2. Колумбъ на берегу Генуэзскаго залива.
3. Пожаръ на галерѣ и спасеніе Колумба въ морѣ.
4. Сраженіе рыцарей.
5. Колумбъ передъ королями* (съ картины Вацлава Брожина).
6. К. въ ученомъ испанск. собраніи*.
7. Мендоса* (съ портрета госпиталя Санта круцъ въ Толедо).
8. Монастырь Робида.
9. Колумбъ и Діего въ монастырѣ.
10. К. въ одеждѣ монаха.
11. К. передъ Фердинандомъ и Изабеллой.
12. К. цѣлуетъ руку Изабеллы.
13. Отъѣздъ Колумба.
14. Противные вѣтры.
15. Буря.
16. Ступники Колумба (ихъ недовольство).
17. Наблюденія Колумба (компасъ).
18. Наказаніе Джимена.
19. Описаніе чудовища.
20. Пріѣздъ.
21. Анакоана.
22. Дѣвственный лѣсъ.
23. Американская растительность.
24. Пейзажъ лѣсной въ Гаваи.
25. О-въ Пресв. Маріи (Зачатія).
26. Лунное затменіе.
27. Тріумфъ Колумба.
28. Островъ Доминика.
29. Буря (Колумбъ и экипажъ).
30. Крушеніе „Маріи“.
31. Колумбъ въ цѣпяхъ.
32. Попытка освобожденія К-ба.
33. Пожаръ индѣйской деревни.
34. Смерть Колумба.
35. Домъ, гдѣ умеръ Колумбъ (Валлодокуда).
36. Памятникъ К-бу въ Генуѣ*.
37. Портретъ Колумба* (древнѣйшій изъ извѣстныхъ, фамиліи Giovio, въ Комо, XVI вѣка)[2]).

II. Чтеніе объ А. С. Пушкинѣ[3]).

38. Портретъ А. С. Пушкина* (худ. Кипренскаго).
39. И. А. Ганнибалъ*.
40. С. Л. Пушкинъ*.
41. Мать Пушкина (Надежда Осиповна).
42. А. С. Пушкинъ 12 лѣтъ.
43. Сельцо Захарово.
44. Няня Пушкина.
45. Царскосельскій лицей.

---

[1]) Работы мастерской Molteni въ Парижѣ. Обозначаемыя звѣздочкой нераскрашенныя.

[2]) См. *Neri*, J Ritrati di Cristoforo Colombo Roma 1893 г. табл. 1.

[3]) См. Альбомъ Московской Пушкинской Выставки 1880 г. изд. общ. Любителей Россійской словесности. М. 1882.

46. В. А. Жуковскій.
47. Батюшковъ.
48. Державинъ *.
49. Гурзуфъ.
50. Байронъ.
51. Домъ въ Кишиневѣ, гдѣ жилъ А. С. Пушкинъ.
52. Село Михайловское.
53. Шекспиръ.
54. А. С. Пушкинъ и И. И. Пущинъ въ с. Михайловскомъ, съ картины Ге.
55. Императоръ Николай I-й.
56. Н. В. Гоголь читаетъ А. С. Пушкину „Мертвыя души" (съ картины).
57. Село Болдино.
58. Жена А. С. Пушкина, Наталья Николаевна.
59. А. С. Пушкинъ—портретъ, пис. Тропининымъ.
60. Мицкевичъ.
61. Казбекъ.
62. Н. В. Гоголь.
63. Дуэль А. С. Пушкина (съ картины Наумова).
64. Святогорскій монастырь.
65. Памятникъ на могилѣ А. С. Пушкина.
66. Памятникъ А. С. Пушкину въ Москвѣ.
67. Скала въ Крыму.

III. О доисторическомъ человѣкѣ древнекаменнаго вѣка [1]).

68. Скелетъ мамонта.
69. Мамонтъ реставрированный.
70. Голова носорога.
71. Скелетъ пещернаго медвѣдя.
72. Голова пещернаго медвѣдя.
73. Голова тура.
74. Изображеніе тура XVI вѣка.
75. Скелетъ исполинскаго оленя.
76. Скелетъ мегатеріума.
77. Голова мегатеріума.
78. Скелетъ глиптодона.
79. Позвонки типотеріума.
80. Разрѣзъ Галенрейтіеровской пещеры.
81. Пейзажъ четвертичной эпохи (Европа).
82. Пейзажъ четвертичной эпохи (Америка).
83. Орудія Шельскаго періода древнекаменнаго вѣка.
84. Орудія Мустверскаго періода древнекаменнаго вѣка.
85. Орудія Мадленскаго періода древнекаменнаго вѣка.
86. Иголка, амулеты и стрѣлы Мадлен. періода.
87. Орудія Мадленскаго періода.
88. Начальническіе жезлы.
89. Счетная таблица, бирки, ложечка для выниманія мозга.
90. Рисунокъ первоб. человѣка Мадленскаго періода.
91. Тоже.
92. Тоже.
93. Тоже.
94. Тоже.
95. Тоже.
96. Тоже.
97. Входъ въ пещеру древнекаменнаго типа въ Кѣлецкой губерніи.
98. Орудія переходной эпохи въ Россіи.
99. Тоже.
100. Тоже.
101. Тоже.
102. Тоже.
103. Тоже.
104. Глиняные черепки переходной эпохи въ Россіи.
105. Тоже.
106. Попытка ваянія перех. эпохи въ Россіи (тюлень).
107. Ожерелье изъ просверленныхъ камешковъ.
108. Пещера близь Кіева—переходн. эпохи.
109. Портретъ графа А. С. Уварова.
110. Доисторическій человѣкъ.
111. Скелетъ доистор. человѣка изъ Ментонской пещеры.
112. Орудія новокаменнаго періода.
113. Тоже.
114. Тоже.
115. Тоже.
116. Тоже.
117. Тоже.
118. Лодка доисторическаго человѣка новокаменнаго періода.

---

[1]) Работы Мольтени и изъ спеціальныхъ книгъ. Всѣ нераскрашенныя, исключая №№ 81, 82, 97, 108, 119, 120, 121.

119. Реставрирован. свайныя постройки.
120. Тоже.
121. Тумулусъ.
122. Планъ дольмена.
123. Разрѣзъ гробницы (Aisine).

IV. Замки по Рейну.

124. Видъ Рейна*.
125. Лорлея.
126. Трубадуръ въ богатомъ замкѣ (съ картины).
127. Лауфенъ и Рейнскій водопадъ.
128. Годесбергъ*.
129. Замокъ „Кошка".
130. Замокъ „Мышь".
131. Эбернбургъ.
132. Мэйзентурмъ и Эренфельдъ.
133. Пфальцъ.
134. Штольценфельсъ* (снаружи).
135. „ * (внутри).
136. Драхенфельсъ.
137. Гейдельбергскій замокъ съ моста на гориз.
138. Гейдельбергскій замокъ (крыло Оттона-Генриха).
139. Гейдельбергскій замокъ. Императорская зала.
140. Перкео.
141. Острожскій замокъ.

V. Города по Рейну.

142. Андернахъ*.
143. Триръ.
144. Общій видъ готическаго храма (церковь св. Лаврентія въ Нюренбергѣ)*.
145. Внутренность Аахенскаго собора.
146. Страсбургскій соборъ (снаружи).
147. „ „ (внутри).
148. Баденъ—Баденъ.
149. Висбаденъ.
150. Великогерцогскій замокъ въ Висбаденѣ.
151. Русская церковь въ Висбаденѣ.
152. Саркофагъ Елизаветы Михайловны*.
153. Эмсъ.
154. Крейцнахъ.
155. Гейдельбергъ*.
156. Боннъ.
157. Штутгартъ.
158. Франкфуртъ на Майнѣ.
159. Майнцъ.
160. Эребренштейнъ.
161. Возвращеніе плѣнниковъ на родину (съ картины).

VI. О Провансальской поэзіи.

162. Арль.—Развалины театра*.
163. Арль.—Монастырь св. Трофима*.
164. Оранжъ.—Развалины театра*.
165. Арль.—Дорога гробницъ*.
166. Тулуза*.
167. Нимъ. Храмъ Діаны*.
168. Нимъ.—Панорама*.
169. Видъ Марселя съ зоологическаго сада*.
170. Каркассонъ.—Панорама*.
171. Костюмъ Арлезіанки XI вѣка*.
172. Арлезіанка (современная)*.
173. Два рыцаря.
174. Представленіе рыцаря дамамъ.
175. Трубадуръ (старикъ).
176. Трубадуръ (съ карт. Кутье).
177. Дантъ и женщина.

VII. О южно-русскихъ степяхъ [1]).

178. Видъ Днѣпра (подъ Кіевомъ).
179. Днѣпровскій порогъ—Ненасытецъ.
180. Степь весною.
181. Лошади въ степи зимой.
182. Налетъ саранчи.
183. Курганъ.
184. Луговая могила (курганъ).
185. Курганъ „Перепетиха".
186. Кобзарь и лирникъ.
187. Кобзарь въ селѣ.
188. Куль-обская ваза*.
189. Чертомлыцкая ваза*.
190. „ „ (деталь: укрощеніе коней).
191. „Побратимство" (изобр. на скиѳскомъ предметѣ).
192. Крымскіе татары въ набѣгѣ.
193. Крымскіе татары (подъ Кіевомъ).
194. Татаринъ въ вооруженіи.
195. Запорожцы и запорожская сѣчь.
196. „ „
197. „ „
198. Морской походъ запорожцевъ (съ карт. Ижакевича).

---

[1]) Работы мастерскихъ Анцыферовой и Демидова.

199. Тарасъ Бульба съ сыновьями въ степи.
200. Картина Рѣпина* (отвѣтъ запорожцевъ султану).
201. Пахарь (съ картины Каразина).
202. Молебенъ въ полѣ.
203. Жницы (съ карт. Клодта).
204. Чумаки.
205. Чабанъ.

VIII. О Сибири (Даръ В. В. Сапожникова).

206. Потокъ Адыгемъ.
207. Ледникъ Адыгемъ*.
208. Берельскій ледникъ*.
209. Камланіе*.
210. В. В. Сапожниковъ на Алтаѣ*.

Дополненія:

211 Кельнскій соборъ (съ внѣш. стор.).
212. „ „ (внутри).
213. Гурзуфъ.
214. Общій видъ Рейна (С. Гоаръ)*.

IX. Петръ Великій [1]).

215. Петръ Великій (портр.).
216. Стрѣлецкій бунтъ.
217. П. В. въ Нѣмецкой слободѣ.
218. Спускъ 1-го ботика.
219. П. В. въ Архангельскѣ.
220. П. В. въ Саардамѣ.
221. П. В. среди заговорщиковъ.
222. Карлъ XII на Днѣпрѣ.
223. Азовскій походъ.
224. Ассамблея.
225. Преслѣдованіе старой русской одежды.
226. П. В. и царевичъ Алексѣй.

X. Восточныя страны.

227. Японская пѣвица.
228. Сингапуръ.
229. Сіамская деревня.
230. Улицы въ Гоногамо.
231. Ѣзда въ Мадрасѣ.
232. Тѣлохранитель индѣйскаго принца.
233. Отплытіе изъ Бремергафена.
234. Бенаресъ.
235. Мессина.
236. Каиръ.
237. Улица въ Каирѣ.
238. Храмъ въ Дельхіоясъ.
239. Бедуинъ.
240. Мальта.
241. Дворецъ въ Лагорѣ.
242. Лиссабонъ.
243. Гробница калифовъ въ Каирѣ.
244. Суецъ.
245. Храмъ Филэ.
246. Женщина египтянка.
247. Аденъ.
248. Бомбей.
249. Охота на гиппопотамовъ въ Нилѣ.
250. Представители татарскаго племени.
251. Японскія дѣвицы.
252. Калькутта.
253. Сожиганіе труповъ въ Калькуттѣ.
254. Истоки Нила.
255. Гонконгъ.
256. Ѣзда въ Японіи.
257. Золотой островъ.
258. Пекинъ—портъ.
259. Японскій храмъ въ Каманурѣ.
260. Жители о-ва Самоа.
261. Деревня на Сандвичевыхъ островахъ
262. Горы на о-вѣ Тенерифѣ.
263. Гринвичъ.
264. Капштадтъ.
265. Гибралтаръ.
266. Индѣйскій солдатъ.
267. Истоки Ганга.
268. Новозеландецъ.
269. Дворецъ въ Феллорѣ.
270. Индѣйская танцовщица.
271. О-въ св. Елены.
272. Голубыя горы въ Австраліи.
273. Китайская стѣна.

XI—XIII. Чтенія о Франціи [2]).

274. Панорама Парижа.
275. Пантеонъ (Парижъ)*.
276. Соборъ Парижской Богоматери*.
277. Опера (Парижъ)*.
278. Общій видъ городского дома въ Парижѣ*.

---

[1]) №№ 215—273 работы мастерской В. П. Александрова въ Вологдѣ; всѣ раскраш.
[2]) Работы мастерскихъ: Levy и др.

279. Зала собранія того-же дома*.
280. Галлерея Празднествъ того-же дома*.
281. Статуя Музыки—въ томъ-же домѣ*.
282. Статуя Архитектуры—въ томъ-же домѣ*.
283. Лѣстница въ Сорбоннѣ (Парижъ*.
284. Лекція Шарко въ Сальпетрери*.
285. Церковь S. Germain l'Auxerrois (Парижъ)*.
286. Внутренность церкви св. Роха (Парижъ)*.
287. Луврь съ высоты птичьяго полета (Парижъ)*.
288. Башня Эйфеля (Парижъ)*.
289. Фонтанъ Медичи (Парижъ)*.
290. Фонтанъ Невинныхъ (Парижъ)*.
291. Площадь Согласія (Пребываніе Царя въ Парижѣ).
292. Елисейскія поля (Пребываніе Царя въ Парижѣ).
293. Рынокъ фруктъ (Парижъ).
294. Общій видъ Лувра (въ 1871 г.)*.
295. Галлерея Египетскаго музея*.
296. Ассирійская зала*.
297. Галлерея Аполлона*.
298. Галлерея Тибра*.
299. Салонъ Цезарей*.
300. Залъ Каріатидъ*.
301. Статуя Діаны съ оленемъ*.
302. „ Венеры Арля*.
303. „ Венеры Милосской*.
304. „ Венеры Анадіомены*.
305. „ Венеры Производительницы*.
306. Боргезскій гладіаторъ*.
307. Рабъ Микель—Анджело.
308. Амуръ и Психея Кановы*.
309. Залъ скульптора Іоанна Гужона.
310. Порталъ аббатства св. Дениса*.
311. Внутренній видъ церкви того-же аббатства*.
312. Могилы королей IX вѣка въ томъ-же аббатствѣ*.
313. Версаль. Фасадъ замка*.
314. „ „ „ со стороны сада*.
315. Версаль. Галлерея „сраженій“ (картинъ).
316. Версаль. Галлерея „зеркалъ“*.
317. „ внутренній видъ капеллы*.
318. Фонтенбло. Фасадъ замка*.
319. „ Залъ Франциска I-го*.
320. „ Галлерея Генриха II-го*.
321. Дьеппъ. Рыбный рынокъ.
322. Ламаншъ. Гора св. Михаила.
323. С. Мало. Скалы.
324. Конская упряжь.
325. Молочницы въ телѣжкѣ, везомой осломъ.
326. Купальщики (Houlgate).
327. Въ Канкалѣ. Искатели устрицъ (Le Sénéchal).
328. Бретонскій танецъ гавоттъ (Урлаубъ).
329. Рыбаки, застигнутые моремъ (D'Entraygues).
330. Возвращеніе съ рыбной ловли (D'Entraygues).
331. Крестьяне баски на рынкѣ (Pau).
332. Пюи. Видъ и статуя „Notre Dame de France“.
333. Гаргилессъ. Коровы на берегу Сюреръ.
334. Пиринеи. Семейство Беарнезовъ.
335. Эффекты луны на морѣ.
336. Заходящее солнце на морѣ.
337. Корабли на бурномъ морѣ (виды вдали).
338. Лодочки на спокойномъ морѣ.
339. Аржентонъ. Мойщицы бѣлья на берегу рѣки.
340. Бельвезъ. Сборъ хлѣба.
341. Ларошелль. Панорама и гавань.
342. Орлеанъ. Мостъ и соборъ.
343. Бордо. Панорама.
344. Нантъ. Набережная Луары.
345. Ліонъ. Панорама.
346. Гавръ. Панорама.
347. Фрегатъ „Память Азова“.
348. Лурдъ. Общій видъ и базилика.
349. „ Гротъ чудесъ*.
350. Тулонъ. Гавань и арсеналъ.
351. Біаррицъ. Морской берегъ и Казино.
352. Ницца. Панорама.
353. „ Аллея пальмъ.
354. Ментона. Общій видъ.
356. „ Красныя скалы.
357. Пиринеи. Южная вершина (съ Tramsaigues).
358. Пиринеи. Барежъ.
359. „ По и горныя цѣпи.
360. Клермонъ Ферранъ. Площадь св. Мерана.
361. Замокъ Шамборъ*.
362. Амміенъ. Соборъ (фасадъ)*.
363. „ „ (внутренній видъ)*.

364. Руанъ. Висячій мостъ и соборъ*.
365. Реймсъ. Соборъ (фасадъ)*.
366. С. Клу. Панорама*.
367. Менгиры въ Карнакѣ.
368. Трепортъ. Морской берегъ.
(см. №№ 467, 468).

XIV. Чтеніе о Бѣлинскомъ [1]).

369. Портретъ Бѣлинскаго (безъ усовъ).
370. Портретъ Бѣлинскаго (съ усами).
371. М. В. Бѣлинская съ дочерью О. В. Бѣлинской и сестрою А. В. Орловой.
372. Могила Бѣлинскаго и Добролюбова (въ 1874 г.).
373. Могила Бѣлинскаго (1862 г.).
374. Проэктъ помятника Бѣлинскому въ Пензѣ. (Каплана).
375. Грибоѣдовъ.
376. Лермонтовъ.
377. Н. В. Станкевичъ.
378. И. И. Панаевъ.
379. А. Н. Пыпинъ.
380. В. П. Боткинъ.
381. Н. И. Надеждинъ.
382. А. А. Краевскій.
383. А. А. Григорьевъ.
384. И. И. Лажечниковъ.
385. Бѣлинскій передъ смертью (картина А. А. Наумова).
386. Каррикатура на отношенія Краевскаго къ Бѣлинскому.
387. „ „ „ „
388. „Своей собственной статьи не узнаю“ (каррикатура Степанова).

XV. Чтеніе о Леонардо-да-Винчи [2]).

389. Портретъ Винчи (Уффичи).
390. Голова Медузы (Уффичи).
391. Ангелъ Винчи въ картинѣ Вероккіо (Флор. Акад. Худ.).
392. Тайная Вечеря (фреска въ мн. Maria della Grazia, Миланъ).
393. Тайная Вечеря (съ гравюры Моргена).
394. Копія Тайной Вечери Винчи въ церкви деревни Ponte Capriasca, близъ Лугано.
395. Тайная Вечера Луини (въ Библ., Миланъ).
396. Богородица съ Младенцемъ (Фреска въ мн. S. Onofrio, въ Римѣ).
397. Поклоненіе волхвовъ (Уффичи).
398. Св. Семейство. (Эрмитажъ).
399. Благовѣщеніе (Уффичи).
400. Богородица съ Младенцемъ (Римъ Гал. Pallavicini).
401. Богородица, Анна, Христосъ (Уффичи).
402. Богородица съ Младенцемъ (Неаполь, Музей).
403. Христосъ и книжники.
404. Св. Іеронимъ (Ватиканъ).
405. Золотыхъ дѣлъ мастеръ (Питти).
406. „Monaca“ (Питти).
407. Портретъ неизвѣстнаго юноши (Питти).
408. Головка женская (Римъ. Боргезе).
409. Головка женская.
410. Голова Христа.
411. Пятидесятница.
412. Іоаннъ Креститель (Лувръ).
413. Прекрасная фероньерка (Лувръ).
414. Богородица въ гротѣ (Лувръ).
415. Джіоконда (Лувръ).
416. Портретъ Рафаэля.
417. „ Микель—Анджело.
418. „ Вероккіо.
419. „ Франциска I-го.
420. Смерть Винчи (съ картины).
421. Миланъ Общій видъ.
422. „ Соборъ.
423. Флоренція. Общій видъ.
424. „ (Арно).
425. „ Площадъ Синьоріи и старый дворецъ.
426. Римъ. Панорама и площадь св. Петра.

---

[1]) См. Альбомъ выставки, устроенной Обществомъ любителей Россійской словесности въ память *В. Г. Бѣлинскаго*. Изд. Фишера, Москва 1898. Всѣ не раскрашенныя, за исключеніемъ №№ 372, 373, 385.

[2]) Приготовлены главнымъ образомъ по фотографіямъ Алинари. Всѣ не раскрашенныя, за исключеніемъ №№ 422, 424, 425, 426.

XVI. Чтеніе о реформаціи [1]).

427. Фридрихъ Мудрый, курфирстъ Саксонскій.
428. Филиппъ Меланхтонъ.
429. Фр. Сиккингенъ, рыцарь.
430. Докторъ Эккъ.
431. Папа Юлій II-й.
432. Георгъ Бородатый, герцогъ Саксонскій.
433. Іоаннъ Гуссъ.
434. Цвингли.
435. Савонаролла.
536. Ульрихъ фонъ Гуттенъ.
437. Карлъ V—императоръ (на 35 году жизни).
438. Папа Левъ X-й.
439. Альбрехтъ Майнцкій, примасъ Германіи.
440. Эразмъ Роттердамскій.
441. Имп. Максиміліанъ.
442. Лютеръ вь 1525 году.
443. Лютеръ въ одеждѣ августинскаго монаха.
444. Лютеръ, преобразившійся въ юнкера Георга.
445. Видъ г. Кельна въ XVI вѣкѣ.
446. Сожженіе Савонароллы во Флоренціи (1498 г.). (по стар. гравюрѣ).
447. Придворный балъ нѣмецкаго князя XV-го вѣка.
448. Рыцарскій турниръ.
449. Сцена изъ исторіи крестьянской войны 1525 г.
450. Университетская аудиторія XV-го вѣка.
451. Факсимиле заглавнаго листа Лютерова сочиненія „Посланіе къ христ. дворянству“.
452. Наемникъ (ландскнехтъ) XVI-го вѣка.
453. Нѣмецкій рыцарь конца XV-го вѣка.
454. Рыцарскій костюмъ XVI-го вѣка.
455. Лицевая сторона папской буллы противъ Лютера (17 іюля 1520 г.)
456. Пилигримы поклоняются иконѣ Богоматери.
457. Индульгенція 1517 года.
458. Продажа индульгенціи (съ картины Гольбейна).
459. Продажа индульгенціи (заглав. листъ одного Лютеровскаго лист.).
460. Истинное (слѣва) и ложное (справа) прощеніе грѣховъ.
461. Тріумфъ правды (аллегорія побѣды протестанства надъ папствомъ въ 1524 г.).
462. Берлинъ. Памятникъ Лютеру.

---

463. Неаполь. Заливъ.
464. „ Могила Виргилія.
465. „ Дорога къ Везувію. Пустынникъ.
466. „ Пейзажъ со стороны Позилиппо.
467. Доре. Св. Анна (источникъ) (Франція).
468 Монъ-Бланъ. Шамуни (Франція).

XVII. Чтеніе о Жаннѣ д'Аркъ [2]).

469. Филиппъ VI-й Валуа*.
470. Карлъ V Французскій*.
471. Филиппъ Добрый*.
472. Карлъ VII-й*.
473. Домъ Жанны д'Аркъ (музей).
474. Церковь въ Домреми.
475. Родина Жанны (карт. Ганото).
476. Дѣтство Жанны (карт. Меньана).
477. Молящаяся Жанна (карт. Кюрсона).
478. Посидѣлки въ Домреми (Zier).
479. Явленіе св. Михаила (Эдуарда).
480. Жанна и Бодрикуръ (Melingue)*.
481. Жанна въ Шинонѣ.
482. Ла—Гиръ*.
483. Заря въ лагерѣ при Блуа (Журданъ).
484. Священный походъ въ Орлеанъ (Бланъ).
485. Дюнуа*.
486. Предъ взятіемъ крѣпости S. Loup (Люминэ).
487. Жанна раненая подъ Орлеаномъ (Barrias).
488. Вступленіе Карла и Жанны въ Реймсъ (Rochegrosse).
489. Реймскій соборъ*.
490. Коронованіе въ Реймсѣ (Zier).
491. На пути къ Парижу (Zier).
492. Старинный Руанскій замокъ (по гравюрѣ)*.

---

[1]) Всѣ нераскрашенныя, за исключеніемъ № 462. Приготовлены по стариннымъ, приблизительно современнымъ, гравюрамъ.

[2]) Работы Molteni и Mazo.

493. Разрѣзъ главной башни Руанскаго замка*.
494. Первое засѣданіе процесса Жанны въ Руанѣ (Rochegrosse).
495. Жанна идетъ на судъ (Maignan).
496. Жанна получаетъ извѣщеніе о своемъ осужденіи (Laurens).
497. Казнь Жанны (Maignan).
498. Реабилитація Жанны (Blane).
499. Коронованіе Карла VII-го въ Реймсѣ (Lenepveu)*.
500. Видѣніе Жанны (Lenepveu)*.
501. Сожженіе Жанны въ Руанѣ (Lenepveu)*.
502. Жанна и Кошонъ (Деларошъ).
503. Жанна д'Аркъ (Бенувилль).
504. Вступленіе Жанны въ Орлеанъ (Шерреръ).
505. Жанна на кострѣ (Lefévre)*.
506. Жанна въ Домреми—(статуя Шапю)*.
507. Жанна д'Аркъ (статуя принцессы Орлеанской).
508. Жанна д'Аркъ и Франція (стат. Мерсье)*.
509. Жанна д'Аркъ (стат. Кордонье)*.
510. „ „ (стат. Аллара, у церкви въ Домреми)*.
511. Памятникъ Жаннѣ д'Аркъ въ Нанси (Фремье).
512. Площадь и памятникъ Жаннѣ д'Аркъ въ Руанѣ.
513. Древній памятн. Жанны д'Аркъ въ Руанѣ*.
514. Статуя Жанны д'Аркъ въ Реймсѣ (Дюбуа).
515. Жанна „la Pucelle“ (бронзовая статуя XV в.) [1]).
516. Жанна „la Pucelle“ (фрагментъ статуи XV вѣка).
517. Жанна слушающая голоса (статуя G. Clere).
518. Статуя Жанны Рюда.
519. „ „ деревянная, XVI вѣка.
520. „Иди во Францію“ (картина Wagrez).
521. Замокъ Chinon.
522. Жанна (въ гравюрѣ Voyez, 1787 года).
523. „ (Раффе).
524. „ „la gentille Pucelle“ (гравюра Gaucher, 1592 г.).
525. Мечъ Франціи (гравюра Блонда, XVII вѣка).
526. Гор. Орлеанъ въ реставраціи Лиша.
527. Статуя Жанны побѣдительницы Ле-Вееля.
528. Статуя Жанны (de Gois, въ Орлеанѣ, 1802 г.).
529. Статуя Жанны XVIII вѣка.
530. Жанна въ медальонѣ Ле-Вееля.
531. Французская героиня (гравюра Sergent. 1787 г.).
532. Мечъ Франціи (живопись Deruet, XVII вѣка).
533. Плѣнъ Жанны (картина Dacis, 1824 г.).
534. Жанна въ миніатюрѣ XV вѣка.
535. Жанна (рис. Greffier, въ Парижскомъ Парламентѣ).
536. Жанна д'Аркъ, цвѣтъ кавалеріи (рис. Виньо, XVII вѣка).
537. Жанна д'Аркъ, слушающая голоса (картина Лепажа).
538. Статуя Жанны д'Аркъ въ Нанси (Фремье).
539 Статуя Жанны д'Аркъ (Дюбуа).

---

[1]) №№ 515—539 всѣ нераскрашенныя, по книгѣ Le Nordez, Jeanne d'Arc. Paris. 1898.

Списокъ членовъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества.

Алексѣенко, Мих. Март.
Алякритскій, Ник. Ив.
Багалѣй, Дм. Ив.
Бобинъ, Серг. Павл.
Бузескулъ, Влад. Петр.
Ветуховъ, Ал. Вас.
Вязигинъ, Андр. Серг.
Германъ, Фрид. Лаз.
Гинце, Генр. Эд.
Гинкинъ, Петр. Аким.
Гредескулъ, Ник. Андр.
Грунскій, Ник. Кузьм.
Гоуштѣцкій, Ив. Осип.
Денисовъ, Як. Андр.
Дриновъ, Мар. Степ.
Ефименко, А-ра Яков.
Ефименко, Пет. Сав.
Ирмеръ, Герм. Юліев.
Котовъ, Ал-ръ Ѳед.
Куплеваскій, Ник. Осип.
Лебедевъ, Амф. Степ.
Левандовскій, Африк. Гавр.
Лейкфельдъ, Пав. Эмил.
Линда, Мих. Дм.
Ляпуновъ, Бор. Мих.
Максимейко, Ник. Алексѣев.
Маляренко, Андр. Демьян.
Масловъ, Мих. Алексѣев.
Миклашевскій, Ив. Ник.
Миллеръ, Дм. Петров.
Нетушилъ, Ив. Вячесл.
Никитскій, Тим. Ник.
Новицкій, Степ. Александровичъ.
Овсянико-Куликовскій, Дм. Ник
Павловскій, Ѳед. Андр.
Плохинскій, Мих. Мелет.
Пономаревъ, Степ. Ник.
Риттеръ, Пав. Григ.
Рѣдинъ, Ег. Куз.
Савва, Влад. Ив.
Савиновъ, Мих. Петр.
Самойловъ, Серг. Ник.
Соловьевъ, Серг. Вик.
Сумцовъ, Ник. Ѳед.
Тихій, Іос. Ѳед.
Трифильевъ, Евг. Парѳен.
Успенскій, Леон. Ив.
Федоровскій, Ник. Ар.
Халанскій, Мих. Ег.
Харціевъ, Вас. Ив.
Шевченко, Никиф. Евтроп.
Шепелевичъ, Лев. Юл.
Шульцъ, Георг. Ѳед.

Иногородные члены Общества.

Довнаръ-Запольскій, Митроф. Виктор. (Москва).
Зелинскій, Ѳ. Ю. (Путивль).
Ивановъ, Петръ Вас. (Купянскъ).
Кемарскій, К. В.
Кирпичниковъ, Ал-дръ Ив. (Одесса).
Короленко, Прокоф. Петров. (Екатеринодаръ).
Новицкій, Як. Павл. (Александровскъ).
Русовъ, А. А. (Черниговъ).
Рѣзановъ, Влад. Ив. (Курскъ).

Списокъ членовъ Педагогическаго Отдѣла Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества.

Алчевская, Христ. Дан.
Андріановъ, Александр. Ив.
Архангельскій, Дм. Евѳ.
Булгаковъ, Серг. Вас.
Вальтеръ, Вит. Конст.
Виноградовъ, Ив. Ал.
Георгіевскій, Дм. Сим.
Гогинъ, Ник. Вас.
Грудзинская, Марія Ал-ровна.
Гутниковъ, Дм. Вас.
Давиденко, Вас. Фед.
Давыдовъ, Евг. Ник.
Дербушевъ, Влад. Степ.
Добронравовъ, Мих. Вас.
Завьялова, Анна Мих.
Залѣсская, М. М.
Знаменскій, Мих. Петр.
Илларіоновъ, Ал-ръ Сем.
Клопотовскій, Ал-ръ Августин.
Клыкова, Варв. Ив.
Кокоревъ, Мих. Андр.
Краевскій, Брониславъ Андр.
Лаврентьевъ, Ал. Мих.
Лезинъ, Вас. Андр.
Лефевръ, Boниф. Ромуальд.
Лонгиновъ, Вас. Вас.
Любицкій, прот. о. Стефанъ.
Максименко, Ден. Петр.
Медвѣдева, Вѣра Ал-ровна.
Медвѣдева, Софія Ал-ровна.
Немолодышевъ, Арс. С.
Новицкая, Ал-ра Ник.
Оконоръ, Вал. Ал.
Ордынскій, Ал-ръ Вас.
Панкратьева, Ек. Андр.
Протопоповъ, Ник. Серг.
Раевскій, Сер. Ал-ровичъ.
Рославлева, Валент. Вас.
Рудневъ, Ник. Ал-ровичъ.
Снегиревъ, Ал-ръ Алекс.
Соколовская, Ольга Ник.
Солнцевъ, прот. о. Павелъ.
Стефановъ, Ал-ръ Григ.
Стеценко, Антонина Мих.
Страховъ, Ник. Ник.
Стрижевскій, Григ. Гавр.
Феневъ, Степ. Евграф.
Чекановъ, Ник. Ал-ровичъ.
Шитковская, Марія Ил.
Шостенко, Вас. Ив.
Ѳедоровскій, прот. о. Ал-ръ.

Иногородные члены Отдѣла.

Боголюбовъ, В. И.
Бѣляевъ, Ник. Ал-ровичъ (Старобѣльскъ).
Вольфъ, Ром. Ѳед. (Бобровъ).
Высоцкій, Мих. Ив. (Воронежъ).
Гёдрихъ, Барт. Алоизов. (Сумы).
Грековъ, Ник. Петр. (Сумы).
Григоровскій, Мих. Петр. (Воронежъ).
Демковъ, Мих. Ив. (Глуховъ).
Жендзянъ, Юліан. Войцех. (Старобѣльскъ).
Зеленый, Ив. Андр. (Азовъ).
Истоминъ, Влад. Аввакум (Люблинъ).
Казанскій, Вас. Алр. (Пензенск. жен. гимн.).
Капустянскій, Мих. Алекс. (Старобѣльскъ).
Колесниковъ, Ник. Тим. (Бобровъ).
Конторская, Ек. Ник. (Москва).
Лащенко, Ник. Алдр. (Сумы).
Лонткевичъ, Евг. Ѳед. (Таганрогъ).
Марковъ, Ник. Ѳедос. (Елисаветградъ).
Николаевъ, Серг. Ник. (Воронежъ).
Новочадовъ, Гавр. Алексѣев. (Воронежъ).
Одарченко, Серг. Филипп. (Бобровъ).
Покровскій, Влад. Степ. (Ахтырка).
Созонтьевъ, Ив. Влад. (Елатьма).
Стефановскій, Ив. Ник. (Бѣлгородъ).
Цвѣтковъ, Ив. Ив. (Бобровъ).
Чернявскій, Петръ Матв. (Бобровъ).
Эллинскій, Як. Вас. (Старобѣльскъ).
Ѳедоровъ, Асигкритъ Яковл. (Старобѣльскъ).

По поводу пятилѣтія Педагогическаго Отдѣла Историко-Филологическаго Общества.

(Рѣчь предсѣдателя Отдѣла проф. Н. Ѳ. Сумцова въ засѣданіи Отдѣла 8 ноября 1897 г.).

М. Г.! Со времени открытія Отдѣла прошло ровно пять лѣтъ—срокъ очень небольшой для учрежденія, но все таки настолько достаточный, что уже можно опредѣлить кругъ дѣятельности, подсчитать намѣченныя цѣли, выяснить задачи, достигнутые результаты и обнаружившіеся недочеты.

Начну съ нашихъ успѣховъ. Главный успѣхъ—полное устраненіе высказывавшихся нѣкогда сомнѣній въ возможности какой-либо внѣшкольной постоянной педагогической организаціи. Въ формѣ Педагогическаго Отдѣла опредѣлился несомнѣнно полезный путь для умственнаго и нравственнаго сплоченія дѣятелей по среднему образованію. Открылось много общихъ интересовъ, общихъ стремленій просвѣтительнаго свойства, и въ Педагогическій Отдѣлъ въ послѣднее время съ интересомъ стали входить не только преподаватели историко-филологическихъ предметовъ, но и преподаватели предметовъ физико-математическихъ, и др. лица, интересующіяся педагогическими вопросами. Одновременно замѣтно сталъ увеличиваться контингентъ иногородныхъ членовъ, единственной связью съ которыми пока служатъ лишь издаваемые Отдѣломъ „Труды“.

За 5 лѣтъ Отдѣлъ издалъ: 1) четыре выпуска *Трудовъ*, первые 2 по 7 печ. листовъ, послѣдующіе 2 по 10. Два первыхъ выпуска рекомендованы Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Объ этомъ изданіи были одобрительные отзывы въ русскихъ и болгарскихъ журналахъ.

2) *Пособіе для устройства литературныхъ и научныхъ чтеній* выдержало 2 изданія, изъ коихъ первое въ 650 экз. все разошлось, а второе въ 2400 экз. разошлось уже на половину. Пособіе рекомендовано Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. (см. Ж. М. Н. П. 1896 III) особому вниманію педагогическихъ совѣтовъ средне-учебныхъ заведеній для пріобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія старшаго возраста библіотеки, а также для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и для учительскихъ библіотекъ низшихъ училищъ.

3) *Основы поэтики;* брошюра эта представляетъ краткій сборникъ признаній поэтовъ о задачахъ художественнаго творчества и о свойствахъ поэтическаго вдохновенія. Брошюра рекомендована Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв.

4) *Тетрадь* для записыванія прочитанныхъ книгъ, рекомендованная Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія въ качествѣ необязательнаго учебнаго пособія, выдержала 4 изданія.

5) *Сборникъ* статей о Ник. Филип. Одарченкѣ съ приложеніемъ его портрета.

Кромѣ этихъ изданій, дѣятельность Отдѣла выражалась:

1) въ засѣданіяхъ для заслушанія педагогическихъ докладовъ, отчетовъ о новыхъ книгахъ и для обсужденія текущихъ дѣлъ.

2) въ учрежденіи спеціальной педагогической библіотеки, причемъ была выхлопотана передача части фундаментальной библіотеки упраздненной Краснослободской прогимназіи. За недостаткомъ помѣщенія, книги эти хранятся въ помѣщеніи Харьковской прогимназіи. Въ видѣ пожертвованій отъ разныхъ русскихъ и французскихъ издателей получено значительное число книгъ, которыя внесены въ матеріальную книгу и помѣщены въ отдѣльный шкафъ.

3) Организованы популярныя научныя чтенія, общедоступныя по содержанію и цѣнѣ, съ туманными картинами, приблизительно по 30 для каждаго чтенія. Расходы на пріобрѣтеніе картинъ, освѣщеніе, афиши, прислугу и др. покрываются сборами съ чтеній, безъ отягощенія Историко-филологическаго Общества.

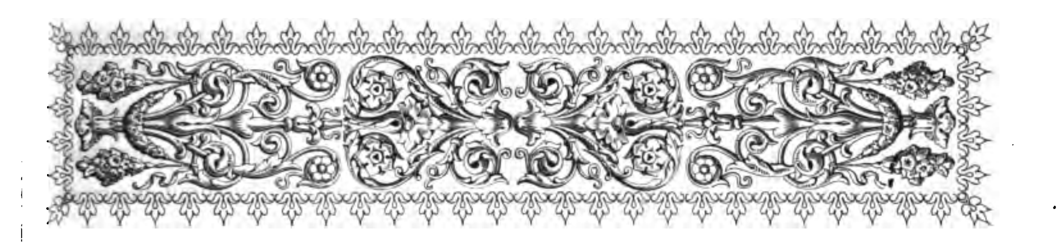
4) Приступлено къ правильной организаціи образовательныхъ ученическихъ экскурсій и избранная для того спеціальная коммиссія уже приступила къ собиранію надлежащихъ свѣдѣній и къ привлеченію къ этому дѣлу заинтересованныхъ лицъ.

Недостатки П. Отдѣла, насколько они выяснились за отчетное время, можно подраздѣлить на двѣ категоріи—недостатки внѣшніе и недостатки внутренніе. Къ внѣшнимъ недостаткамъ относятся скудость средствъ, крайне тѣсное помѣщеніе, случайный характеръ библіотеки. Все это легко поправимо, когда патронъ Отдѣла—Историко-Филологическое Общество окрѣпнетъ въ матеріальномъ отношеніи и добудетъ себѣ соотвѣтствующее его потребностямъ помѣщеніе. Серіознѣе внутренніе недостатки, какъ обусловленные сравнительно болѣе глубокими общественными причинами. Педагогическіе доклады мало обсуждаются, мало частной иниціативы, мало личнаго самостоятельнаго участія въ дѣятельности Отдѣла, какъ общественнаго учрежденія. Оттого не принялись систематическіе обзоры педагогической журналистики. Оттого поднятый и было налаженный вопросъ объ обсужденіи учебниковъ до введенія ихъ въ педагогическую практику совсѣмъ заглохъ.

Какъ бы то ни было, П. О., какъ учрежденіе, мало-по-малу укрѣпляется и растетъ, и оно будетъ расти, такъ какъ отвѣчаетъ запросамъ бытовой жизни. Въ этой надеждѣ меня укрѣпляетъ сознаніе нѣкоторыхъ достигнутыхъ успѣховъ и, главное, увѣренность, что въ многочисленномъ Харьковскомъ педагогическомъ персоналѣ находится достаточно жизненныхъ силъ, не только для обязательной служебно-педагогической дѣятельности, но и для посторонняго интеллигентнаго труда, въ частности для поддержанія Педагогическаго Отдѣла на высотѣ современныхъ культурныхъ требованій.

Въ послѣднихъ словахъ заключается не одно лишь призваніе къ труду, къ жертвамъ временемъ и вниманіемъ. Я увѣренъ, что удѣляя Педагогическому Отдѣлу нѣкоторую долю нашего труда и вниманія, мы въ этомъ самомъ найдемъ вознагражденіе, по крайней мѣрѣ, въ формѣ сознанія приложимости и полезности нашего труда внѣ предѣловъ непосредственныхъ служебныхъ обязанностей. При такомъ сознаніи естественно должно усилиться чувство совершенно основательнаго самоуваженія и вмѣстѣ съ тѣмъ должна явиться ободряющая увѣренность въ возможность работать при симпатіи и доброжелательствѣ окружающей среды, семьи и общества.

Н. Ѳ. СУМЦОВЪ.

Өеодоръ Ивановичъ Буслаевъ.

(Обзоръ трудовъ его по исторіи и археологіи искусства). [1])

31 Іюля с. г. въ подмосковномъ селѣ Люблинѣ скончался Өеодоръ Ивановичъ Буслаевъ. Тяжелая, глубокая потеря для русской науки, для русскаго общества! 3-го августа онъ погребенъ въ Москвѣ на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря. Слова любви, признательности, высказываемыя ему при жизни, были повторены надъ его могилой—при скромномъ погребеніи его. Любовь и признательность руководитъ и нами въ посильномъ чествованіи покойнаго Ө. И., какъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ представителей русской науки, при жизни еще пріобрѣвшаго почетное историческое имя—своими трудами. „Все, что краситъ жизнь народа—богатый и выразительный языкъ, народная пѣсня, сказка и поэтическій миѳъ, новѣйшая словесность, искусство—все озарилось новымъ свѣтомъ" [2]) въ этихъ трудахъ. Вся дѣятельность его проникнута однимъ общимъ настроеніемъ, одушевленнымъ возвышеннымъ идеализмомъ, въ которомъ народолюбіе подкрѣпляется благородными внушеніями науки. [3])

Наука по изученію русской старины и народности, какъ извѣстно, въ концѣ сороковыхъ и въ началѣ пятидесятыхъ годовъ находилась въ младенческомъ состояніи, она располагала скудными данными, затемнена была досужими выдумками и узко-патріотическимъ самовосхваленіемъ. Къ началу ученой дѣятельности Буслаева „для нашего общественнаго образо-

---

1) Рѣчь, читанная въ засѣданіи Историко-Филологическаго Общества, посвященномъ памяти Ө. И. Буслаева, 31 октября 1897 г.

2) Изъ адреса О. Л. Россійской Словесности—по поводу чествованія 50-ти лѣтней его дѣятельности.

3) *А. Н. Пыпинъ*, Исторія русской этнографіи, С.-П.-Б., 1891, II, 75.

ванія пришла пора переживать то настроеніе, которое выразилось въ дѣятельности научно-романтической школы Гримма и его спутниковъ.... Гриммовская теорія была вооружена научной силой, глубокимъ проникновеніемъ въ недоступныя ранѣе области старины и народной жизни, сознательнымъ возвеличеніемъ народно-поэтическаго содержанія, теплымъ отношеніемъ къ народу, какъ носителю этого содержанія" [1]). Буслаевъ воспринялъ ученіе этой теоріи. И онъ въ своихъ трудахъ, относясь съ любовью къ простымъ созданіямъ народа, научно изслѣдуетъ ихъ, поэтически воспроизводитъ далекія времена и наивное міросозерцаніе, и стремится проникнуть во внутренюю жизнь этого народа, исторію, въ смыслъ его преданій, въ задушевныя тайны его поэзіи. Своими трудами, съ своей точки зрѣнія и въ своей области—онъ защищалъ интересы народа въ канунъ освобожденія крестьянъ и послѣ реформы [2]).

Для пониманія духа народа, родной старины Буслаевъ обращается въ своихъ трудахъ и къ памятникамъ словесности устной, письменной и къ памятникамъ искусства. Онъ обнаруживаетъ въ этихъ трудахъ глубокое знакомство со всѣми ими, совмѣщаетъ въ себѣ одновременно и спеціалиста народной поэзіи, историка литературы русской, всеобщей, историка искусства вообще и русскаго въ частности.

Онъ является такимъ образомъ энциклопедистомъ, но, какъ правильно отмѣчаетъ это профессоръ А. И. Кирпичниковъ, не въ томъ смыслѣ, въ какомъ были профессорами—энциклопедистами Давыдовъ и Шевыревъ, а въ томъ, въ какомъ бываютъ энциклопедистами всѣ крупные реформаторы, которые начинаютъ почти одновременно нѣсколько разнообразныхъ дѣлъ и, не закончивъ ихъ, передаютъ другимъ, чтобы приняться за новыя [3]). Буслаевъ именно началъ нѣсколько разнообразныхъ дѣлъ—въ указанныхъ отрасляхъ историко-филологическихъ наукъ, какія и были продолжены посредственными и непосредственными учениками его школы, спеціалистами. Что онъ внесъ для науки этнографіи, историческаго изученія языка, народной поэзіи, древней литературы, для истолкованія западной жизни и творчества, конечно, въ свое время, какъ и теперь, будетъ отмѣчено спеціалистами каждой изъ этихъ наукъ.

---

[1]) *А. Н. Пыпинъ*, О. с., 84—85.

[2]) *А. Пыпинъ*, О. с., 109. См. у *Буслаева*, Историческіе очерки, II, 63: „и исторія Русской литературы, съ благоговѣніемъ обращающаяся къ сокровищамъ народной поэзіи, искреннѣе всякихъ торжественныхъ возгласовъ выразитъ свое сочувствіе къ великому дѣлу, предпринятому Августѣйшимъ Покровителемъ Московскаго Университета, къ улучшенію быта тѣхъ классовъ народа, въ которыхъ доселѣ сохраняются свѣжія преданія Русской поэзіи".

[3]) См. у *С. А. Венгерова*, Критико-Біографическій Словарь русскихъ писателей и ученыхъ, С.П.Б., 1897, V, 316.

Преклоняясь предъ высокимъ подвигомъ Буслаева для русской науки, и желая почтить посильнымъ образомъ память его, мы скажемъ о трудахъ его по археологіи и исторіи искусства, указавъ на ихъ содержаніе и значеніе.

Но прежде чѣмъ говорить объ этихъ трудахъ, постараемся хотя вкратцѣ познакомиться съ біографіей покойнаго ученаго, какъ она представляется въ его собственныхъ воспоминаніяхъ, преимущественно съ тѣми факторами, которые способствовали развитію въ немъ несомнѣнно прирожденнаго вкуса къ изящному, любви и знакомству его съ искусствомъ, съ памятниками его вообще и спеціально русскими.

Перечитывая воспоминанія Буслаева, написаныя имъ въ послѣдніе годы жизни, [1]) когда потеря зрѣнія лишила его возможности заниматься съ обычнымъ для него увлеченіемъ, любовью—наукой—поражаешься той воспріимчивостью, отзывчивостью ко всему прекрасному, которою обладалъ покойный ученый. Предъ тобой такъ и возстаетъ образъ то симпатичнаго, съ чуткой душой мальчика, то талантливаго, любознательнаго юноши, старающагося все узнать, всему научиться, воспользоваться всякимъ случаемъ для этой цѣли, то зрѣлаго человѣка, прошедшаго школу и стремящагося пополнить запасъ знаній, сообщенныхъ ему послѣдней—тамъ, въ чужихъ краяхъ, непосредственно изученіемъ памятниковъ искусства, общеніемъ съ опытными, знающими людьми, то возмужалаго и старца, уже самостоятельно работающаго для науки, стремящагося всѣми силами послужить своей родинѣ, внести въ нее свѣтъ этой науки, пролить свѣтъ на прошлую культуру ея и дать своими трудами матеріалъ для культуры будущей.

Въ самомъ дѣлѣ—Буслаевъ, лишившійся рано отца (родился онъ въ въ 1818 году 13 апрѣля), дѣтство и отрочество проводитъ подъ попеченіемъ матери. Вліяніе послѣдней на него было весьма благотворно. Это была добрая до самопожертвованія для ближняго, умная, религіозная женщина, понявшая, оцѣнившая хорошо натуру своего сына и приложившая всѣ старанія для выработки изъ него полезнаго человѣка. Благодаря ея вліянію, у него развилась любовь къ родному слову, литературѣ; дома и отчасти въ гимназіи онъ познакомился съ Мильтономъ, Томсономъ, Гете, Жуковскимъ, Козловымъ, Батюшковымъ, и другими современными русскими писателями. Какъ впечатлительный, отзывчивый мальчикъ—онъ близко принималъ къ сердцу читаемое, переживая радости и печали героевъ; это чтеніе, развивая его душу, развивало и его художественный вкусъ.

---

[1]) Напечатаны въ „*В. Е.*“, 1890, X—XII; 1891, IV—VII, X—XI; 1892, II—III; дополненія въ „*В. Е.*“ 1896, I; „*Починъ*“, II т., 1896. Перепечатаны отдѣльно, безъ дополненій В. Г. Фонъ-Боолемъ: „Мои воспоминанія. Академика Ѳ. И. Буслаева. Съ портретомъ. М. 1897 г.“.

Становясь студентомъ, вступая въ стѣны Московскаго университета, Буслаевъ былъ готовъ вполнѣ къ тому, что онъ долженъ былъ услышать тамъ; онъ былъ полонъ жажды знанія и любви къ научному труду. Онъ слушаетъ у профессора Давыдова теорію словесности; у Шевырева и Погодина онъ пріобрѣтаетъ познанія и любовь къ тѣмъ занятіямъ, которыя составили его спеціальность. „Лекціи Шевырева—вспоминаетъ Буслаевъ—производили на меня глубокое, неизгладимое впечатлѣніе, и каждая изъ нихъ представлялась мнѣ какимъ-то просвѣтительнымъ откровеніемъ, дававшимъ доступъ въ неисчерпаемыя сокровища разнообразныхъ формъ и оборотовъ нашего великаго и могучаго языка. Я впервые почуялъ тогда всю его красоту и сознательно полюбилъ его". [1]) У Погодина Буслаевъ впервые научился читать и разбирать наши старинныя рукописи, которыя были собраны во множествѣ въ его такъ называемомъ древлехранилищѣ. Свои познанія Буслаевъ пополняетъ кромѣ профессорскихъ лекцій занятіями съ своими товарищами—спеціалистами въ томъ или другомъ языкѣ—предметѣ; такъ онъ познакомился съ языками еврейскимъ (Войцѣховскій), санскритскимъ (Коссовичъ), польскимъ, французскимъ (Класовскій) и др. Въ 1838 году Буслаевъ оканчиваетъ курсъ наукъ въ Московскомъ университетѣ, вынесши изъ него разнообразныя и плодотворныя для его будущей дѣятельности познанія. Но эти познанія онъ расширяетъ, увеличиваетъ, и при томъ въ той области, съ которой лишь отчасти былъ знакомъ въ студенческіе годы—съ исторіей искусства. Судьба благопріятствовала Буслаеву и онъ умѣлъ пользоватьсл посылаемыми ему дарами. По окончаніи университета Буслаеву лишь одинъ годъ пришлось испытать долю учительства. Въ маѣ 1839 года онъ былъ приглашенъ сопровождать семью графа Строганова, тогдашняго попечителя Московскаго учебнаго округа, въ двухлѣтнее заграничное путешествіе въ качествѣ домашняго учителя. Это путешествіе открывало для Буслаева новый міръ; оно, какъ онъ вспоминаетъ, было для него истиннымъ свѣтлымъ праздникомъ. „Не удивляйтесь, пишетъ онъ, если скажу вамъ, что съ этого самаго вечера въ продолженіе всего двухлѣтняго пребыванія моего заграницей насталъ для меня безпрерывный свѣтлый праздникъ, въ которомъ часы, дни, недѣли и мѣсяцы—представляются мнѣ теперь нескончаемою вереницею все новыхъ и новыхъ какихъ-то радужныхъ впечатлѣній, нечаянныхъ радостей, никогда прежде неиспытанныхъ наслажденій и захватывающихъ духъ поразительныхъ интересовъ... Передо мною открылась необъятая и манящая въ даль перспектива отъ Балтійскаго моря по всей Германіи, черезъ Альпійскія горы въ широкую Ломбардію, къ Адріатическому морю въ Венецію, а оттуда черезъ Альпы во Флоренцію, Римъ и наконецъ

---

[1]) „Мои воспоминанія", изд. Фонъ-Бооля, 125.

на берега Средиземнаго моря, съ Неаполемъ и Везувіемъ, съ Геркуланомъ и Помпеею. У меня духъ занимало, голова кружилась, я ногъ подъ собою не чуялъ въ стремительномъ ожиданіи все это видѣть, перечувствовать и пережить, усвоить уму и воображенію"... [1]) И онъ дѣйствительно отдается всѣмъ существомъ своимъ этому усвоенію тѣхъ произведеній европейской культуры, которыя встрѣчаются ему на пути. онъ ихъ изучаетъ, переживаетъ воспринимаемыя впечатлѣнія. Онъ спѣшитъ въ Дрезденъ, гдѣ надѣется подготовить себя серьзными занятіями, чтобы сознательно пользоваться тѣмъ, что по его соображеніямъ и планамъ ожидало его въ Италіи. Нельзя безъ умиленія читать тѣ строки воспоминанія Буслаева, въ которыхъ онъ разсказываетъ о первомъ посѣщеніи галлереи—съ цѣлью увидѣть Сикстинскую Мадонну Рафаэля, о тѣхъ чувствахъ, которыя онъ пережилъ тогда. „Думаю, разсказываетъ онъ, [2]) только набожные паломники съ такимъ восторженнымъ благоговѣніемъ жаждутъ поклониться Гробу Господню, съ какимъ по пріѣздѣ въ Дрезденъ, я стремился увидѣть собственными глазами великое чудо итальянской живописи"... Торопясь войти въ галлерею, онъ на ступеняхъ лѣстницы споткнулся и упалъ. „Не помню, замѣчаетъ онъ, больно-ли я ушибся, да вѣроятно и тогда я не могъ почувствовать, потому что мгновенно охватилъ меня страхъ и ужасъ при мысли, поразившей меня какъ громомъ: что же бы это со мной было, если бы я сломалъ себѣ руку или ногу, прошибъ бы себѣ черепъ о край ступеньки и не увидѣлъ бы никогда сикстинской Мадонны! Она показалась мнѣ въ эту минуту дороже самой жизни".

Въ Дрезденѣ Буслаевъ запасается лучшими для того времени руководствами, не утратившими и теперь своего значеніей—исторіей древняго классическаго искусства Винкельмана и исторіей живописи Куглера; ранѣе—до отъѣзда—онъ запасся замѣчателькымъ руководствомъ Отфрида Мюллера по археологіи искусства.

Дрезденская картинная галлерея, состоящая изъ картинъ цвѣтущаго періода искусства—изъ лучшихъ образцовъ живописи итальянской, нѣмецкой, и французской—была проштудирована Буслаевымъ основательно и подробно по указаніямъ Куглера, и въ ней, по его словамъ, онъ „нашелъ себѣ элементарную школу для первоначальной выработки эстетическаго вкуса" [3]).

Въ Дрезденѣ же, въ Japanische Palais, Буслаевъ знакомится съ античной скульптурой.

---

[1]) *„В. Е.“* 1891, V, 184, (изд. Фонъ-Бооля, 156—157).
[2]) Ib., 188; (изд. Ф. Б., 160).
[3]) Ib., 190, (изд. Ф. Б., 162).

Въ дальнѣйшемъ своемъ изученіи памятниковъ искусства Буслаевъ обязанъ много, что онъ и отмѣчаетъ съ признательностью, графу Строганову, отличному знатоку исторіи искусства, ея памятниковъ, которые ему приходилось изучать всесторонне, даже въ мельчайшихъ подробностяхъ техническаго ихъ исполненія. У графа была собственная замѣчательная картинная галлерея, коллекція греческихъ, римскихъ и византійскихъ монетъ, богатая коллекція старинныхъ иконъ. „Я намѣренно, говоритъ Буслаевъ въ заключеніе своей характеристики графа, распространился о многостороннихъ и основательныхъ свѣдѣньяхъ графа въ археологіи и въ искусствѣ, о его эстетическихъ воззрѣніяхъ и о тонкомъ художественномъ вкусѣ, что бы вы могли сами видѣть, какого превосходнаго руководителя и истолкователя мы имѣли въ немъ, когда вмѣстѣ съ нимъ обозрѣвали разныя рѣдкости по городамъ Германіи и Италіи. Я, наставникъ его дѣтей, за одно съ ними превращался тогда въ его ученика и принималъ живѣйшее участіе въ ихъ любознательныхъ интересахъ, въ зрызахъ удивленія и въ юныхъ восторгахъ“ [1]).

Нюрнбергъ съ своими древними памятниками XV—XVI вв. былъ для Буслаева „раскрытой книгой германскихъ древностей“.

Въ Мюнхенѣ онъ изучаетъ подъ руководствомъ графа архитектуру, а въ знаменитой Глиптотекѣ—классическую скульптуру. Ежедневно онъ приходилъ сюда часовъ въ девять утра и оставался до самаго обѣда, а вечеромъ по Винкельману и Отфриду Мюллеру изучалъ разсмотрѣнное и готовился для слѣдующаго дня. Въ Мюнхенѣ, кромѣ графа, явился для Буслаева хорошимъ руководителемъ случайно бывшій въ то время тамъ его добрый учитель—профессоръ С. П. Шевыревъ. Свои указанія онъ скрѣпилъ ему для памяти довольно подробной запиской съ перечнемъ важнѣйшихъ предметовъ по исторіи искусства въ тѣхъ городахъ Италіи, которые онъ долженъ былъ посѣтить.

Въ Веронѣ онъ занимается изученіемъ различныхъ памятниковъ; знаменитый римскій амфитеатръ—первый для него урокъ по исторіи классической архитектуры, данный на изученіи настоящаго античнаго оригинала.

Далѣе изъ Вероны на пути въ Неополь Буслаевъ посѣщаетъ Мантую, Болонью, Феррару, Падую, Виченцу, Венецію, Флоренцію, Сіену, Римъ. Уже здѣсь, по указаніямъ графа, онъ останавливается при осмотрѣ на древнѣйшихъ произведеніяхъ итальянской живописи XIII вѣка, въ которыхъ видна византійская основа [2]).

Въ Неаполѣ, гдѣ семейство Строганова прожило цѣлую зиму 1839 года, Буслаевъ посвящаетъ все свободное время на изученіе памятниковъ искус-

[1]) Ів., 197. (Изд. Ф. Б., 170).
[2]) Ів., 214. (Изд. Ф. Б., 187).

ства—при помощи своихъ руководствъ, по заранѣе составляемому ежедневно плану. Здѣсь, по его словамъ, онъ нашелъ такой неисчерпаемый кладъ для изученія классическаго искусства, такое заманчивое пристанище для изслѣдованій и наблюденій, какого не могли дать ни одинъ городъ въ Италіи. Бурбонскій музей съ его картинной галлереей, а главное съ собраніемъ греческой и римской скульптуры и съ единственнымъ въ мірѣ собраніемъ безчисленнаго множества предметовъ, извлеченныхъ изъ раскопокъ Геркулана и Помпеи—доставлялъ ему неисчерпаемый источникъ и художественнаго наслажденія и изученія, способствовалъ воспитанію его эстетическаго взгляда и чутья. „Повторительнымъ осматриваніемъ предмета, говоритъ Буслаевъ, досужимъ и льготнымъ, я старался выработать въ себѣ ту быструю и какъ бы инстинктивную наглядку, посредствомъ которой пріобрѣтается опытность мгновенно, съ перваго-же раза, схватывать общій характеръ, стиль и манеру художественнаго произведенія“. [1]) Для изученія древностей онъ знакомится съ мѣстными учеными (Цанъ), изучаетъ лучшія изданія памятниковъ (Museo Borbonico), посѣщаетъ окрестности Неаполя и самыя Помпею и Геркуланумъ; внимательнымъ, строгимъ изученіемъ памятниковъ онъ желаетъ постигнуть духъ прошлаго, перенестись живо въ жизнь этого прошлаго, возсоздать себѣ ее въ живыхъ картинахъ.

Весну и лѣто 1840 г. Буслаевъ провелъ на островѣ Искіи и на соррентскихъ берегахъ. Здѣсь онъ наслаждается красотами природы, штудируетъ Куглера, Божественную комедію Данта и произведенія Джіотто по лучшимъ изслѣдованіямъ; штудируетъ Одиссею и Освобожденный Іерусалимъ Тасса. Отрывки изъ дневника, веденнаго имъ здѣсь, показываютъ, какъ сильно, глубоко воспринималъ онъ впечатлѣнія отъ окружающей его природы, какія идеальныя чувства порождала она въ немъ... „О, страна, благословленная небомъ —восклицаетъ онъ въ порывѣ восторга.—Пусть всегдашняя любовь моя къ тебѣ будетъ вѣчною моею признательностію за тѣ блаженныя минуты, которыми я насладился въ тебѣ... Душа полна умиленіемъ невыразимымъ; чудные стихи—краса всему меня окружающему! Я ихъ перенесу на свою родину, а вмѣстѣ съ ними и тѣ случайные, но согласные звуки и образы, которые волновали мое сердце сладостнымъ опьяненіемъ и тихимъ восторгомъ“. [2]) Въ началѣ октября Буслаевъ поселяется въ Римѣ, гдѣ онъ уже былъ на короткое время, ранѣе, въ Маѣ. Какое впечатлѣніе произвелъ на него Римъ, съ какимъ увлеченіемъ онъ изучалъ его, видно изъ отрывковъ дневника, приводимыхъ имъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Покидая въ первое посѣщеніе Римъ, вотъ что писалъ онъ: „Послѣдній день прекраснаго мая моей жизни. Какъ по-

---

[1]) *В. Е.*, 1896, VI, 566. (Изд. Ф. Б., 192).
[2]) *В. Е.*, 1891, VII, 181 (Изд. Ф. Б., 225—226).

думаю, что можетъ быть послѣдній разъ въ жизни пишу въ Римѣ, сердце такъ и обливается кровью и жмется съ невыразимою тоской! Какъ велики, какъ священны для сердца человѣческаго первый и послѣдній разъ! Такъ всегда сладко первое свиданье и такъ горька разлука! Разстаться съ Римомъ? Легко сказать. Это одно и тоже, что навсегда уже отказаться отъ всего великаго и прекраснаго въ мірѣ и жить только воспоминаніями прошедшаго. Какъ сумасшедшій, какъ страстный любовникъ, прощался я сегодня съ св. Петромъ, Сикстинскою капеллой, ложами Рафаэля"... 1)

Во второе продолжительное свое пребываніе въ Римѣ Буслаевъ съ той-же методичностью, всесторонностью изучаетъ этотъ всемірный городъ, его памятники античнаго искусства, древне-христіанскаго—въ катакомбахъ и галлереяхъ, средне-вѣковаго, византійскаго, эпохи возрожденія въ церквахъ и галлереяхъ; знакомится детально со всѣмъ городомъ, жизнью народа, его обычаями, знакомится съ мѣстными учеными: Мази, Вентури, съ русскими художниками, проживавшими тутъ: Скотти, Логановскимъ, Пименовымъ Іорданомъ, Бруни; пользуется знаніемъ, опытностью, вкусами того, другого— для расширенія своихъ познаній, для развитія своего вкуса.

Разсматривая памятники искусства здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, Буслаевъ, по его словамъ, не довольствался только изученіемъ стиля, типическихъ подробностей ихъ, а стремился, что бы они воодушевляли, улучшали и облагораживали его, воспитывая высокіе помыслы.

Въ началѣ апрѣля 1841 г. Буслаевъ возращается на родину. Первое путешествіе его, первые его Wanderjahre, какъ мы видѣли, были весьма плодотворными для Буслаева: здѣсь онъ глубоко и основательно познакомился съ античнымъ искусствомъ и христіанскимъ, развилъ свой эстетическій вкусъ, и такимъ образомъ вполнѣ подготовился къ той плодотворной дѣятельности, которую онъ проявилъ въ своихъ трудахъ, посвященыхъ археологіи и исторіи искусства.

Но свое знакомство съ памятниками искусства, изученіе ихъ онъ продолжаетъ и на родинѣ, и совершаетъ еще съ той-же цѣлью нѣсколько поѣздокъ заграницу—уже будучи профессоромъ Московскаго университета (съ 1848 г. въ качествѣ старшаго преподавателя, съ 1861 г. занимая каѳедру).

Ранѣе мы указывали на то, какое значеніе имѣло руководство гр. Строганова для Буслаева. Теперь должно прибавить, что гр. Строгановъ руководилъ и помогалъ ему и теперь, по возвращеніи на родину. Общіе интересы, любовь къ родному искусству связали на долго, до конца жизни (гр. Строгановъ умеръ въ 1882 году) ихъ обоихъ и Буслаевъ съ глубокой

---

1) Ів, 191. (Изд. Ф. Б., 237).

признательностью вспоминаетъ о своемъ руководителѣ и одинъ изъ капитальныхъ своихъ трудовъ—Русскій лицевой Апокалипсисъ—посвящаетъ его памяти.

Въ 1849 году гр. Строгановъ издалъ свою археологическую монографію о Димитріевскомъ соборѣ во Владимірѣ на Клязьмѣ, конца XII столѣтія. „Эту монографію, разсказываетъ Буслаевъ, прочитанную мною дважды, сначала въ писанномъ оригиналѣ, а потомъ въ корректурныхъ листахъ, я проштудировалъ основательно еще до выхода ея въ свѣтъ. Она оказала на меня рѣшающее дѣйствіе, открывъ моимъ глазамъ новую область для изслѣдованій неизвѣстныхъ мнѣ до того времени богатыхъ матеріаловъ русской монументальной и художественной старины въ сравнительномъ изученіи ихъ съ средневѣковыми стилями византійскаго и западнаго искусства. Вмѣстѣ съ тѣмъ руководству и указаніямъ графа я обязанъ знакомствомъ съ самымъ главнымъ пособіемъ для научной разработки древне-русской иконописи, именно съ такъ называемымъ „иконописнымъ подлинникомъ". [1])

Съ этого времени начинаются занятія Буслаева русскими лицевыми рукописями, [2]) результатомъ которыхъ и явились его изслѣдованія, сначала помѣщавшіяся въ журналахъ, а потомъ вошедшія въ „Историческіе очерки" изданные имъ въ годъ занятій его съ цесаревичемъ Николаемъ Алексанровичемъ (1864—1860 г.), доставившіе ему степень доктора русской литературы и званіе ординарнаго профессора и академика.

Въ концѣ 1864 г. Буслаевъ совершаетъ вторую поѣздку заграницу. „Я опять принялся, разсказываетъ онъ, за изученіе исторіи искусства, чтобы пополнить пробѣлы въ своихъ свѣдѣніяхъ, а вмѣсто классическихъ древностей, которымъ такъ ревностно предавался въ началѣ сороковыхъ годовъ, увлекся теперь изслѣдованіями по иконографіи и орнаментикѣ византійскаго, романскаго и готическаго стилей". [3])

Въ Берлинѣ онъ знакомится съ двумя спеціалистами по исторіи искусства—Пиперомъ и Ваагеномъ. Послѣдній заинтересовываетъ его гол-

---

[1]) „*В. Е.*" 1891, XI, 156. (Изд. Ф. Б. 323—324).

[2]) Съ этого времени Ѳ. И. Буслаевъ началъ собирать самъ рукописи и составилъ изъ нихъ большое собраніе, заключавшее въ себѣ до 150 нумеровъ. Часть этихъ рукописей покойный ученый пожертвовалъ (въ 1883—1885 гг.) Московскому Публичному Музею, а значительная часть пріобрѣтена въ 1893 г. Императорскою Публичною Библіотекой. Собраніе извѣстно хорошо занимающимся исторіей нашей древней литературы и искусства, такъ какъ многія рукописи, входящія въ составъ его, послужили матеріаломъ для его изслѣдованій; кромѣ того оно свободно было открыто для всѣхъ. (См. предисловіе къ катологу собранія рукописей Ѳ. И. Буслаева, нынѣ принадлежащихъ Императорской Публичной Библіотекѣ, составленному *И. А. Бычковымъ*, С.-П.-Б., 1897).

[3]) „*В. Е.*" 1892, III, 164. (Изд. Ф. Б., 359).

ландской живописью и по его совѣту онъ, чтобы ознакомиться съ произведеніями Ванъ Эйка, Мемлинга и другихъ мастеровъ голландской школы, посѣщаетъ Брюссель, Гентъ, Антверпенъ, Брюжъ. Кромѣ того онъ посѣтилъ вновь Италію, а во Флоренціи былъ въ то время, когда тамъ шла подготовка къ празднеству шестисотлѣтняго юбилея дня рожденія Данта; эпохѣ Данта, по возвращеніи на родину, Буслаевъ посвятилъ спеціально курсъ въ теченіе цѣлыхъ трехъ лѣтъ.

Въ 1865 году основывается общество древне-русскаго искусства и Буслаевъ принимаетъ въ трудахъ его усердное и энергическое участіе. „Это, говоритъ Буслаевъ, дало окончательный переворотъ моимъ ученымъ занятіямъ и задушевнымъ интересамъ, которые я теперь почти исключительно, навсегда сосредоточилъ на археологическихъ изслѣдованіяхъ по русской иконографіи и орнаментикѣ, преимущественно въ такъ называемыхъ лицевыхъ рукописяхъ“.

Въ 1870 году Буслаевъ совершаетъ третье путешествіе заграницу. Онъ намѣревался изучить въ Страстбургѣ извѣстную рукопись XII вѣка Hortus Deliciarum для того, что бы дать себѣ наглядное понятіе объ отношеніи рукописной иллюстраціи западной къ византійской. Но война помѣшала его намѣренію, а самая рукопись сдѣлалась жертвою войны—сгорѣла. Буслаевъ побывалъ въ Берлинѣ, Дрезденѣ, Лейпцигѣ, и вновь въ Италіи; въ Миланѣ спеціально занимался византійскими миніатюрами, въ Равеннѣ—мозаиками.

Въ 1874 г. Буслаевъ въ четвертый разъ заграницей и вновь въ Италіи, вновь въ Римѣ, любимомъ и дорогомъ для него по воспоминаніямъ, испытаннымъ въ немъ художественнымъ наслажденіямъ. „Я опять въ Римѣ, пишетъ онъ въ письмѣ А. Е. Викторову, черезъ безконечные 33 года, когда я, наконецъ, сдѣлался тѣмъ, о чемъ я въ молодости мечталъ, гуляя по этимъ холмамъ, по этимъ узенькимъ улицамъ и широкимъ, великолѣпнымъ площадямъ съ громадными фонтанами и бассейнами, сидючи на этомъ самомъ щебнѣ вѣковыхъ развалинъ Форума и Колизея, съ Винкельманомъ и Тацитомъ или Гораціемъ въ рукѣ, откуда я жаждалъ набраться силы и вдохновенья, что бы со временемъ быть профессоромъ и литераторомъ. И вотъ я опять пришелъ въ Римъ; тѣми же молодыми мечтами пахнуло на меня съ его краснорѣчивыхъ твердынь, и въ отвѣтъ на нихъ принесъ я зрѣлые результаты, дѣятельно проживъ эти 33 года, для которыхъ тѣ мечты были вдохновеніемъ и руководящею нитью. Видите, что Римъ мнѣ не чужой городъ; это часть моей жизни, это та моя молодость, свѣжая и бодрая, когда запасаешься силами на всю жизнь“ [1]). И Буслаевъ, какъ въ мо-

---

[1]) Ів., 180; (изд. Ф. Б., 376).

лодости, вновь углубляется въ памятники искусства, изучаетъ ихъ. Случай сводитъ его здѣсь опять съ гр. Строгановымъ и они вмѣстѣ то присутствуютъ на лекціяхъ въ германскомъ археологическомъ институтѣ, то посѣщаютъ галлереи, музеи. Здѣсь онъ знакомится съ знаменитыми археологами де-Росси, Кайе и Полемъ Дюраномъ. Какъ сильна была любовь Буслаева къ наукѣ, къ искусству—видно на лишнемъ примѣрѣ-знакомства его съ Кайе. Теперь, уже будучи старцемъ, знаменитымъ ученымъ, онъ нисколько не стѣсняется роли ученика. Въ теченіи цѣлыхъ двухъ мѣсяцевъ у него съ Кайе ежедневно по три часа происходили бесѣды-уроки. „Наши ученыя бесѣды, разсказываетъ Буслаевъ, велись вотъ въ какомъ порядкѣ. Предварительно онъ приготовлялъ для меня нѣсколько отдѣльныхъ рисунковъ изъ своихъ монографій и подробно объяснялъ мнѣ каждый изъ нихъ, а на разставаньѣ отдавалъ ихъ мнѣ въ мою собственность, такъ что всякій разъ я возвращался домой съ порядочнымъ запасомъ рисунковъ, отъ десяти до двадцати. Изъ нихъ я составилъ потомъ для своей библіотеки цѣлый альбомъ точныхъ копій съ рѣдкихъ произведеній ранняго средневѣковаго искусства“ [1]).

Послѣднее путешествіе свое заграницу Буслаевъ совершилъ въ 1880 г., когда онъ занимался русскимъ лицевымъ Апокалипсисомъ и имѣлъ необходимость познакомиться съ западными Апокалипсисами для сравнительнаго изученія его съ источниками иноземными. Въ Бамбергѣ онъ спеціально въ теченіи трехъ недѣль занимался изслѣдованіемъ знаменитаго лицевого Апоколипсиса X вѣка; результаты этого изслѣдованія легли въ качествѣ краеугольнаго камня въ сооруженіи извѣстнаго его труда. Кромѣ того онъ работалъ у Пипера въ древне-христіанскомъ музеѣ и въ публичныхъ библіотекахъ мюнхенской и вѣнской.

Въ 1881 г. Буслаевъ покидаетъ университетъ, но занятій научныхъ не покидаетъ до конца своей жизни: въ послѣдніе предсмертные годы онъ писалъ свои воспоминанія и готовилъ трудъ о Тургеневѣ.

Переходя теперь къ обозрѣнію трудовъ Ѳ. И. Буслаева по искусству, должны отмѣтить, что искусству посвящены имъ и спеціальные труды, и отдѣльные эпизоды въ чисто историко-литературныхъ трудахъ, такъ какъ, какъ уже сказали, для пониманія характера народа, хода идей въ извѣстный періодъ, онъ привлекалъ одновременно и памятники литературы, и памятники искусства, въ силу ихъ взаимодѣйствія.

И въ хронологическомъ порядкѣ, и по значенію своему среди трудовъ Буслаева, посвященныхъ искусству, первое мѣсто должно быть отведено „Историческимъ очеркамъ“, вышедшимъ въ свѣтъ въ 1861 году (*„Истори-*

---

[1]) Iв., 187; (изд. Ф. Б., 386).

ческіе очерки русской народной словесности и искусства, I—II т., С.П.Б.), но составленнымъ изъ статей его, написанныхъ раньше и напечатанныхъ въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ.

Почти во всѣхъ этихъ статьяхъ Буслаевъ касается памятниковъ древне-русскаго искусства; но нѣкоторые изъ нихъ (главнымъ образомъ во II-мъ томѣ) спеціально посвящены ему. Это: „Изображеніе страшнаго суда по русскимъ подлинникамъ", „Византійская и древне-русская символика по рукописямъ отъ XV до конца XVI вѣка", „Древне-русская борода", „Для исторіи русской живописи XVI вѣка", „Литература русскихъ иконописныхъ подлинниковъ", „Русская эстетика XVII вѣка" и др.

Дѣлая оцѣнку различныхъ трудовъ, посвященныхъ иконографіи страшнаго суда, проф. Н. В. Покровскій, такъ отзывается о первой изъ вышеназванныхъ статей „Очерковъ" Буслаева: „Изооражeніе страшнаго суда по русскимъ подлинникамъ".

„Тѣсная связь нашей старинной письменности и искусства уже давно подмѣчена однимъ изъ нашихъ передовыхъ ученыхъ Ѳ. И. Буслаевымъ, которому принадлежитъ честь какъ установки сравнительнаго метода изученія памятниковъ того и другого рода, такъ и первые опыты изслѣдованій объ эсхатологіи въ искусствѣ. Изслѣдованіе его объ изображеніи страшнаго суда по русскимъ подлинникамъ, несмотря на скромность задачи, обнаруживаетъ и замѣчательную широту воззрѣнія, и безупречность научныхъ пріемовъ". („Страшный судъ въ памятникахъ византійскаго и русскаго искусства"). 1).

Дѣйствительно въ данномъ трудѣ сравнительный методъ проведенъ самымъ блестящимъ образомъ: памятники искусства ставятся съ литературными и чисто народными, ставятся въ связь съ тѣми-же памятниками западными и при установкѣ общихъ, сходныхъ чертъ выдвигаются черты, свойственыя лишь одному русскому искусству въ разработкѣ указанной темы-иконографіи страшнаго суда.

„Многія любопытнѣйшія подробности нашего живописнаго подлинника, говоритъ Ѳ. И. Буслаевъ, современемъ займутъ почетное мѣсто, рядомъ съ подлинникомъ византійскимъ, въ исторіи религіозныхъ и художественныхъ идей средневѣковаго искусства. Это одна изъ важнѣйшихъ точекъ соприкосновенія нашей древней народности съ исторіею образованности западныхъ народовъ. Нашъ Страшный Судъ, перенесенный къ намъ изъ Византіи, предлагаетъ замѣчательное сходство какъ съ византійскими изображеніями, такъ и съ древнѣйшими западными, пошедшими отъ одного источника съ нашимъ". (136).

---

1) *Труды VI Арх. Съѣзда*, II, 289.

Разобравъ важнѣйшіе элементы, входящіе въ составъ изображеній страшнаго суда въ русскомъ искусствѣ, Ѳ. И. Буслаевъ переходитъ къ уясненію существеннаго отличія ихъ отъ изображеній въ западномъ искусствѣ и при томъ великихъ мастеровъ.

Страницы, посвященныя этому уясненію особенно замѣчательны полны глубокаго интереса и показываютъ намъ вообще, какъ глубоко изучилъ Буслаевъ памятники искусства, какимъ высокохудожественнымъ вкусомъ обладалъ онъ. Вотъ главнѣйшія мѣста изъ этихъ страницъ, которыя считаемъ необходимымъ привести здѣсь собственными слова автора:

„Едва-ли что можно представить себѣ величественнѣе этого присутствія народовъ и царствъ, призванныхъ къ отвѣту въ День судный! Предъ этимъ всеобъемлющимъ, всенароднымъ эпосомъ, какъ ничтожны кажутся всѣ личныя чувствованія, всѣ мелкія страсти, которыя составляютъ главное содержаніе лучшихъ, извѣстнѣйшихъ изображеній Страшнаго Суда—не исключая—осмѣливаемся сказать—изображеній Орканьи, Беато Анджелико, Луки Синьорелли, и даже самого Микель-Анжело! Нужно-ли упоминать,—для устраненія всякихъ недоразумѣній, что все обаяніе высокой художественности на сторонѣ этихъ великихъ мастеровъ итальянскихъ? Но они принадлежатъ уже той новой эпохѣ, когда, вслѣдствіе успѣховъ образованности, развитая личность живописца не могла уже довольствоваться болѣе внѣшними—хотя и широкими—мотивами эпическаго творчества. Уже цѣлыми столѣтіями были они оторваны отъ той первобытной поры, когда въ такомъ величіи—какъ оно чувствуется въ нашемъ подлинникѣ—необходимо было въ изображеніи Страшнаго Суда присутствіе цѣлыхъ царствъ и народовъ При томъ, подобный мотивъ казался уже неудобнымъ, даже невозможныхъ для техническаго исполненія. И художнику, и зрителю нужны были отдѣльныя, стройно составленныя группы, которыя выражали бы какое нибудь опредѣленное движеніе чувства, какую нибудь страсть; требовалось уже не широкаго эпическаго объема, а драматизма страстей, для того, чтобъ невозвратимую утрату эпической всеобщности вознаградить глубиною мысли и чувства. Въ Страшномъ Судѣ Луки Синьорелли воскресшіе радостно встрѣчаются съ своими друзьями и знакомыми, съ которыми такъ давно не видались, цалуются, обнимаются, и привѣтствуютъ другъ друга. Мужъ, минутою раньше возставшій изъ могилы, заботливо и нѣжно помогаетъ своей женѣ освободиться отъ гнетущей ее земли: его взоры блестятъ восторгомъ и любовію.

Тутъ же группа другихъ воскресшихъ: привольно и съ какимъ то наслажденіемъ взмахиваютъ они своими руками въ воздухѣ, свободы котораго такъ давно не ощущали они. Однимъ словомъ, во всей картинѣ воскресенія, изображеннаго Лукою Синьорелли, все дышитъ радостью обновлен-

наго бытія. Строже и глубже, но съ той-же односторонностью, взглянулъ на эту великую поэму христіанства Микель—Анджело. Для него возстаніе изъ мертвыхъ—бореніе жизни со смертію. Не восторгъ, не наслажденіе движетъ воскресающими, а ужасъ, произведенный и потрясенною землею, извергающею изъ своихъ нѣдръ тѣла и кости человѣческія, и самымъ воздухомъ, оглашеннымъ грозными звуками трубы, призывающей на Страшный Судъ. И подъ вліяніемъ ужаса, этого основнаго мотива, все произведеніе великаго мастера есть страшная драма того *гнѣвнаго дня*, который воспѣвается въ извѣстномъ латинскомъ стихѣ «Dies irae». Даже самые святые и мученики собрались въ воздушныхъ пространствахъ, вокругъ Предвѣчнаго Судіи, не за тѣмъ, чтобы смиренно молить Его и ждать рѣшенія, а затѣмъ чтобъ предъявить ему свои права, предъявить передъ нимъ свои мученія, которыя они за него потерпѣли, и чтобъ своимъ грознымъ присутствіемъ на судѣ поразить ужасомъ, обезумить своихъ мучителей, которыхъ они ниспровергаютъ съ воздушныхъ пространствъ, торжественно и грозно потрясая орудіями своихъ мученій.

Такимъ образомъ, въ этихъ знаменитыхъ произведеніяхъ западной живописи совершенно иной міръ, другія понятія, другія требованія. Все принесено въ жертву художественной идеѣ, чувству, страсти, глубинѣ религіознаго воодушевленія, можетъ быть, односторонняго, но тѣмъ не менѣе обаятельнаго, вооруженнаго всѣмъ очарованіемъ высокаго художества. Не таковъ нашъ Срашный Судъ. Онъ остановился на эпохѣ принятія Русью христіанской вѣры и въ своемъ художественномъ развитіи не пошелъ дальше, развѣ только осложнился нѣкоторыми, впослѣдствіи вставленными въ него, эпизодами. Но общій составъ сохранился въ своемъ первобытномъ видѣ. Въ этомъ отношеніи наше изображеніе имѣетъ неоспоримое преимущество, какъ передъ византійскими такъ и передъ западными, даже въ древнѣйшихъ фрескахъ, миньятюрахъ, а также въ романскихъ и готическихъ рельефахъ, украшающихъ храмы. Все, что есть въ этихъ послѣднихъ древнѣйшаго, то или согласно съ нашимъ изображеніемъ, или дополняетъ его, какъ родственная часть одного и того же древнѣйшаго преданія". (147—149).

Среди иллюстрированныхъ русскихъ рукописей одно изъ важныхъ мѣстъ занимаютъ такъ называемыя толковыя псалтири. Ѳ. И. Буслаеву принадлежитъ заслуга въ томъ, что онъ первый обратилъ вниманіе на значеніе ихъ для исторіи искусства, первый отмѣтилъ ихъ возможную связь съ византійскими, и впослѣдствіи самъ далъ замѣчательный анализъ редакцій этой Псалтири. Въ статьѣ „Византійская и древне-русская символика по рукописямъ отъ XV до конца XVI вѣка" Буслаевъ во введеніи, отличающемся по обыкновенію широтою взгляда, указываетъ на то значеніе, которое имѣютъ вообще древнія иллюстрированныя рукописи, а въ частности псалтири.

„Въ отношеніи внѣшней формы, говоритъ онъ, произведенія эти могутъ показаться даже уродливыми, въ родѣ тѣхъ лубочныхъ картинокъ, которыми на базарахъ запасаются русскіе мужички. Но если и позднѣйшія лубошныя картинки въ настоящее время оцѣниваются изслѣдователями русской народности; то тѣмъ большаго вниманія заслуживаютъ тѣ древнѣйшіе художесвенно-религіозные источники, изученіе которыхъ вводитъ насъ, такъ сказать, въ самое святилище духовныхъ интересовъ народа... Это не образецъ, а матеріалъ для художника; для историка же литературы—это рядъ идей, составляющихъ превосходную поэму религіознаго содержанія".(201).

Буслаевъ разбираетъ детально символическіе способы изображеній Угличской Псалтири 1485 года (Имп. публ. библ.) въ той же почти системѣ, которой слѣдовалъ впослѣдствіи ученикъ автора, проф. Н. П. Кондаковъ, въ своемъ анализѣ иллюстрацій византійскихъ псалтирей [1]) и указывая для многихъ деталей источники въ литературахъ, отмѣчаетъ, какое вліяніе оказывала византійская литература и искусство на русскую литературу и искусство: „Кабъ бы ни понимали наши предки, говоритъ онъ, всѣ эти намеки (въ иллюстраціяхъ) на античную миѳологію, все же нельзя ни коимъ образомъ отвергать того факта, что Византійская письменность вносила въ церковную Русь элементы европейскаго, классическаго образованія; и если эти элементы, будучи ограничены церковнымъ кругомъ, не получили у насъ встарину свѣтскаго и вообще народнаго развитія ни въ литературѣ, ни въ искусствѣ, то конечно, виною тому было не Византія, давшая намъ литературныя и художественныя основы, а та невоздѣланная почва, на которую эти основы переносились" (206). Что же касается въ частности значенія Псалтири для древне-русскаго книжнаго просвѣщенія, то вотъ какъ Ѳ. И. опредѣляетъ его: „Псалтирь была настольною книгою всякаго грамотнаго человѣва. По ней учились читать и писать; въ ней находили назиданіе и утѣшеніе; изъ нея извлекали богословское ученіе о судьбахъ христіанства; наконецъ, когда суевѣріе стало смущать умы, на Псалтыри же гадали о будущемъ люди суевѣрные, подобно тому, какъ богословы въ текстахъ ея и въ прилагаемыхъ къ нимъ миніатюрахъ видѣли неложное пророчество о судьбахъ міра. Соотвѣтствуя такому всеобъемлющему значенію Псалтири, самыя миніатюры, которыми она украсилась, имѣли самое обширное содержаніе. Изъ нихъ можно составить полный лицевой подлинникъ, объемлющій нетолько событія Ветхаго и Новаго завѣта, но и многія священныя лица и празднества, относящіяся къ ранней эпохѣ христіанской церкви". (213).

Статья—*„Древне-русская борода"* представляетъ собою замѣчательный очеркъ, касающійся, повидимому, незначительной детали въ характеристикѣ

---

[1]) Исторія византійскаго искусства, 118.

представляемыхъ въ памятникахъ искусства лицъ, но въ дѣйствительности затрогивающій весьма важный вопросъ, имѣющій значеніе и для цѣлаго направленія древне русскаго искусства, его эстетическихъ положеній, и для исторіи русскаго быта. „Мнѣ кажется, говоритъ авторъ, за бородою слѣдуетъ признать не только право на живописное ея возсозданіе, но и особенно опредѣленное мѣсто въ исторіи живописи, особенный моментъ въ развитіи живописныхъ христіанскихъ типовъ. Только искусство, упорно остановившееся на старыхъ преданіяхъ, каково было древне-русское, только наивный миніатюристъ могъ примириться съ мелочными предписаніями иконописныхъ подлинниковъ. Вотъ главная причина, почему древне-русская иконопись имѣетъ неоспоримое первенство передъ живописью западною въ сохраненіи религіозно-художественнаго преданія о бородѣ“ (221).

Авторъ съ обычной широтой разбираетъ этотъ вопросъ, знакомя, какъ понималась красота въ античномъ искусствѣ, какое мѣсто удѣлялось здѣсь бородѣ, далѣе, какъ понималась она въ древне-христіанскомъ искусствѣ, византійскомъ, а затѣмъ уже въ русскомъ. Приведемъ главнѣйшія положенія автора.

„Религіозныя и художественныя преданія и памятники свидѣтельствуютъ намъ, что христіанское искусство никогда не чуждалось прекрасныхъ типовъ, ни дѣтскихъ, ни юношескихъ, ни женскихъ. Оно допускало въ свою область всякую молодую красоту, когда то было необходимо ради внѣшняго тѣлеснаго подобія; но цвѣтущей красотѣ не приписывало оно того значенія, кокое имѣла она въ классическихъ идеалахъ. Красота внѣшняя уже потеряла всю свою обаятельную силу; она лишилась своего собственнаго торжественнаго величія и стала только приличною оболочкою, скромнымъ вмѣстилищемъ заключенной въ ней духовной святыни. Потому самая красота древне-христіанскихъ идеаловъ задумчива и трогательна, какъ явленіе случайное, постоянно дающее разумѣть о своей преходимости. И только тогда примиряется она сама съ собой и получаетъ въ христіанскомъ искусствѣ торжественное спокойствіе, когда изъ здѣшняго міра такъ называемыхъ въ иконописи дѣяній возносится въ область просвѣтленныхъ ангельскихъ ликовъ. Если въ изображеніи красоты христіанскій художникъ борется съ соблазномъ и только въ побѣдѣ надъ нимъ достигаетъ своей религіозно-художественной цѣли, то въ изображеніи фигуръ пожилыхъ и старческихъ, лишенныхъ обаянія свѣжей красоты, онъ не встрѣчаетъ никакихъ затрудненій для передачи того иконописнаго подобія, которое ставить себѣ задачею. Потому въ искусствѣ византійскомъ, по преимуществу усвоившемъ себѣ строгія начала, сообразно ученію ѳеологическому, господствуютъ типы старческіе или, по крайней мѣрѣ, типы мужскіе и притомъ бородатые“.

„Борода, столь мало обращавшая на себя вниманіе античнаго скульптора, стала для иконописца такою существенной характеристикою, въ которой онъ всего вѣрнѣе и легче могъ приблизится къ идеальному подобію "(226). „Борода въ глазахъ иконописца была знакомъ большей зрѣлости и духовнаго совершенства и, слѣдовательно, высшей красоты". (228). „Борода, занимающая важное мѣсто въ греческихъ и русскихъ подлинникахъ, стала, вмѣстѣ съ тѣмъ, символомъ русской народности, русской старины и преданія. Ненависть къ латинству, ведущая свое начало въ нашей литературѣ даже съ XI вѣка, и потомъ, впослѣдствіи, ближайшее знакомство и столкновеніе нашихъ предковъ съ западными народами въ XV и особенно въ XVI вѣкѣ способствовали русскому человѣку къ составленію понятія о томъ, что борода, какъ признакъ отчужденія отъ латинства, есть существенный признакъ всякаго православнаго, и что бритые бороды—дѣло неправославное, еретическая выдумка на соблазнъ и растлѣніе добрыхъ нравовъ". (233).

Въ статьѣ *„Новгородъ и Москва"* историко—литературнаго характера Буслаевымъ излагаются сказанія, указывающія на борьбу Новгорода съ Москвой, на то вліяніе, какое оказывалъ первый въ XVI вѣкѣ. Среди этихъ сказаній для исторіи русскаго искуства имѣетъ значеніе—сказанье о Тихвинской иконѣ Богоматери. Авторъ съ обычнымъ мастерствомъ передаетъ разсказъ подлинника, комментируя его, и въ заключеніе сообщаетъ нѣсколько рисунковъ съ миніатюръ (изъ Уваровской рукописи, № 804), иллюстрирующихъ нѣкоторые эпизоды этого сказанія. Любопытна въ этомъ сказаніи связь, устанавливаемая для русской иконографіи съ Византіей. „Какъ Бѣлый Клобукъ, за беззаконія Латинъ, говоритъ Буслаевъ, перешелъ въ Новгородъ, такъ и эта икона, связанная съ святынями Рима самымъ названіемъ своимъ, оставила эту столицу западной церкви и перенеслась было въ Византію, но, гнушаясь ея беззаконій, переселилась въ предѣлы Новгородскіе... Мѣстное Новгородское преданіе получило высшій и какъ бы всемірный въ исторіи христіанства смыслъ, будучи пріурочено къ паденію Восточной Имперіи. Икона именно предупредила это событіе и скрылась отъ посрамленія столицы Восточнаго православія—на Руси, въ предѣлахъ Новгородскихъ" (278).

Въ исторіи русскаго искусства XVI вѣкъ долженъ занять центральное мѣсто по богатству памятниковъ, дошедшихъ отъ этого времени и по самому достоинству ихъ. Если XVI вѣкъ въ русскомъ искусствѣ не является эпохою возрожденія и не можетъ идти въ сравненіи съ тѣмъ-же вѣкомъ въ искусствѣ западномъ, то, во всякомъ случаѣ, онъ отмѣчается въ сравненіи съ предыдущими развитіемъ искусства, ростомъ иконографіи, и художественныхъ образовъ, въ созданіи которыхъ оказываютъ вліяніе и памятники запада, и православнаго востока.

Въ статьѣ *„Для исторіи русской живописи XVI вѣка“* Ѳ. И. Буслаевъ, пользуясь дѣломъ о дьякѣ Висковатомъ (изд. во 2-й кн. *Чтеній въ Импер. Общ. Ист. и Древн.-Россійск. при Моск. Унив.*, 1858), даетъ въ высшей степени интересный и важный очеркъ общаго состоянія русскаго искусства XVI вѣка; нѣкоторые наиболѣе любопытные иконографическіе сюжеты, затронутые въ указанномъ дѣлѣ, комментируются имъ современенными памятниками, а послѣдніе ставятся въ связь съ памятниками западными.

Такимъ образомъ имъ разобрано детально изображеніе *Вѣрую*, состоящее изъ цѣлаго ряда отдѣльныхъ иконъ, представляющихъ въ послѣдовательномъ порядкѣ идеи и событія, приведенныя въ Символѣ Вѣры; разобраны изображенія Христа подъ видомъ агнца, въ образѣ Давида, въ доспѣхѣ, покрытаго херувимскими крыльями, распятаго, стоящаго на херувимахъ въ лонѣ Отчемъ.

Кромѣ упомянутыхъ изображеній Буслаевымъ здѣсь-же разобраны другія, не упоминаемыя въ дѣлѣ Висковатаго, или упоминаемыя, но бѣгло. Такъ имъ уяснено Сошествіе св. Духа съ любопытной деталью—фигурой космоса, разобрана иконографія Софіи Премудрости Божіей и указаны прототипы ея для двухъ переводовъ: новгородскаго и кіевскаго.

Далѣе въ статьѣ намѣчена основа для будущаго историка русскаго искусства—для отдѣла собственно древне-русской живописи XVI вѣка, въ отличіе отъ иконописи, принимаемой въ тѣсномъ смыслѣ: указано на значеніе миніатюръ при житіи преподобнаго Сергія Троицкой Сергіевой Лавры; указано на значеніе Новгорода, какъ иниціатора въ созданіи свѣтской, исторической и даже портретной живописи; намѣченъ въ общихъ чертахъ интересъ и значеніе такихъ памятниковъ—образцовъ русской исторической живописи въ миніатюрахъ, какъ Царственная книга, подписанная, вѣроятно, Новгородскими мастерами и содержащая въ себѣ повѣствованіе о послѣднихъ дняхъ царствованія Василія Іоанновича и первой половины царствованія Іоанна Грознаго (по рукоп. Синод. Библ. № 149, въ л.); къ этому экскурсу его приложенъ цѣлый рядъ снимковъ съ рукописи. Не менѣе интереса представляетъ экскурсъ о стѣнной живописи, украшавшей Цареву палату, богатой олицетвореніями отвлеченныхъ идей.

Въ заключеніи авторъ подводитъ итоги своимъ изысканіямъ, которыя несомнѣнно войдутъ въ качествѣ положеній, или исходныхъ точекъ отправленія для будущаго историка русскаго искуства, который долженъ будетъ лишь изслѣдовать болѣе детально и въ большемъ количествѣ памятники этого XVI вѣка. Отмѣтимъ здѣсь лишь одно изъ важныхъ его заключеній: „Художественныя произведенія древне-русской живописи, говоритъ онъ, лучше всего даютъ намъ понятіе о томъ, въ какой степени было это западное вліяніе, и могло-ли оно вредить нашей національности. Ни Псковъ,

ни Новгородъ, ни того менѣе Москва, не видали соблазновъ Римской или Венеціанской школы живописи. Дошедшія до насъ отъ XVI вѣка произведенія русской иконописи были сняты съ произведеній Чимабуэ, Перуджино“ (328).

Въ исторіи нашей иконописи и вообще живописи—подлинники играютъ большую роль. Заслуга Ѳ. И. Буслаева состоитъ въ томъ, что онъ первый послѣ Сахарова обратилъ на нихъ вниманіе, занялся вопросомъ о ихъ происхожденіи, анализомъ ихъ содержанія, указаніемъ источниковъ, какъ литературы, такъ и искусства. Болѣе новыя работы по изслѣдованію русскихъ подлинниковъ, напр. Григорова, кладутъ въ основу его статью—очеркъ „*Литература русскихъ иконописныхъ подлинниковъ*“, а равно другіе, о которыхъ скажемъ ниже.

Мы не можемъ передать здѣсь цѣликомъ блестящаго введенія къ очерку, гдѣ дается замѣчательная характеристика состоянія общества, искусства въ XVI вѣкѣ у насъ и на западѣ, краткая, но мѣткая, полная глубокаго проникновенія въ суть вещей—характеристика великихъ художниковъ Микель-Анджело, Леонардо-да Винчи и Рафаэля; а лишь указавъ на него, передадимъ вкратцѣ главные выводы очерка—изслѣдованія автора.

Подлинникъ, или руководство для иконописцевъ, имѣетъ цѣлью сохраненіе благочестивой старины и преданія. Русскіе подлинники восходятъ не далѣе XVI вѣка, и большею частію относится къ XVII и даже XVIII вѣку.

Основою и первоначальнымъ источникомъ подлинника, расположеннаго по мѣсяцослову, былъ *прологъ*. Лицевой подлинникъ предшествовалъ таковому. Въ XVII вѣкѣ стала распространяться редакція подлинника, расположенная не по мѣсяцослову, а по алфавиту лицъ и событій.

Осложненіе подлинника обязано постепеннымъ введеніемъ техническихъ статей, историческихъ свѣдѣній, свѣдѣній о ликахъ Христа, Богородицы, описаній языческихъ философовъ, сивиллъ, символики (вліяніе Александріи). Особымъ обиліемъ матеріала и удивительно тонкимъ анализомъ отличается заключительная глава очерка. Здѣсь многочисленными примѣрами при иллюстраціяхъ, заимствованныхъ изъ рукописей—указывается, какое вліяніе на разнообразіе переводовъ подлинника оказали гравированныя изображенія, изъ которыхъ одни—копіи нѣмецкихъ и итальянскихъ гравюръ, передѣланныхъ польскими мастерами, другіе—самостоятельной работы южно-русскихъ художниковъ, но подъ вліяніемъ искусства западнаго. „Такимъ образомъ, говоритъ Ѳ. И. Буслаевъ, какъ въ литературѣ, такъ и въ живописи XVI вѣка, оказалось благотворное вліяніе Запада черезъ Польшу... Южная Русь, по своему образованному сочувствію къ успѣхамъ художествъ на Западѣ, получаетъ самое видное мѣсто въ исторіи древне-русской иконописи, процвѣтаніе которой въ XVII вѣкѣ, какъ извѣстно, по преимуществу зави-

сѣло отъ обаятельнаго вліянія западнаго искусства на простодушное воодушевленіе русскихъ мастеровъ, еще не утратившихъ тогда благочестиваго настроенія духа эпохи древнѣйшей" (382).

Видѣніе Мартирія, основателя Зеленой пустыни, переданное Буслаевымъ почти цѣликомъ въ статьѣ того же названія, весьма интересно и для иконографіи Богородицы и какъ фактъ,—"что наши набожные предки, по крайней мѣрѣ въ концѣ XVI вѣка, умѣли соединять съ теплымъ, безотчетнымъ вѣрованіемъ нѣкоторое эстетическое вниманіе къ очертаньямъ той иконы, которой приносили свою искреннюю молитву" (391).

Въ статьѣ „*Для біографіи царскаго иконописца Симона Ѳедоровича Ушакова*" на основаніи житія Иларіона, митрополита Суздальскаго, сообщается нѣсколько фактовъ для біографіи Ушакова: о нѣкоторыхъ иконахъ, написанныхъ имъ для Флорищевой пустыни.

Вліяніе Запада сильно отразилось на памятникахъ русскаго искусства XVII вѣка въ смыслѣ улучшенія ихъ, большей художественности ихъ. Какъ и всегда—противъ новшествъ нашлись хулители, враги, но что любопытно—и глубокоубѣжденные защитники въ лицѣ самихъ художниковъ. Заслуга Буслаева въ томъ, что, будучи знакомъ хорошо съ литературными памятниками, онъ, какъ глубоко проникающій въ духъ эпохи, умѣетъ надлежащимъ образомъ оцѣнить эти памятники и выбрать среди нихъ такіе, которые имѣютъ ближайшее отношеніе къ исторіи русскаго искусства. Такъ и въ статьѣ „*Русская эстетика XVII вѣка*" онъ, излагая содержаніе сочиненія *Изуграфа Іосифа* о живописи, посвященнаго Симону Ѳедоровичу Ушакову, комментируя его, даетъ богатый матеріалъ для будущаго историка русскаго искусства XVII вѣка, знакомитъ дѣйствительно съ эстетическими воззрѣніями просвѣщенныхъ художниковъ этого времени.

Сочиненіе Іосифа написано въ защиту художественнаго изящества иконописи противъ застарѣлыхъ невѣждъ, которые не только не чувствовали необходимости въ красотѣ священныхъ изображеній, но даже почитали все свѣтлое, ясное, радостное, собственно живописное, непристойнымъ и вреднымъ въ этихъ изображеніяхъ. (398).

„Ограниченныя, случайныя сношенія нашихъ художниковъ XVII вѣка съ искусствомъ западнымъ, говоритъ Буслаевъ, именно и послужили только къ ихъ пользѣ, не причинивъ того вреда, который безъ сомнѣнія оказался бы въ ихъ религіозныхъ произведеніяхъ недостаткомъ искренняго христіанскаго одушевленія. Въ гравюрахъ (которыя въ XVI и XVII вѣкахъ отличались необыкновеннымъ изяществомъ) переходили къ нимъ не только современныя произведенія, но и древнѣйшія. Не говорю уже—яснаго, вовсе никакого понятія не могъ русскій мастеръ имѣть о различныхъ стиляхъ въ исторіи западнаго искусства; не могъ отличить произведеній школы нѣмецкой отъ фла-

мандской или италіанской, школъ древнихъ отъ новыхъ; но во всемъ, что ни доносилось къ нему съ Запада, чувствовалось ему новое, освѣжительное благоуханіе красоты; глазъ привыкалъ къ изящнымъ очертаніямъ, къ благородной постановкѣ фигуръ, къ артистической драпировкѣ. Художникъ свыкался съ натурою, руководительницею всякаго искусства. Живость колорита иностранныхъ картинъ на доскахъ или полотнѣ поражала его тѣмъ невѣдомымъ на Руси обаяніемъ, какое способно производить на душу только истинное художество, воспроизводящее природу" (403).

Мы уже ранѣе указали на заслугу Буслаева въ привлеченіи къ изслѣдованію нашихъ подлинниковъ, въ установкѣ ихъ редакцій, въ указаніи ихъ источниковъ и въ извлеченіи изъ нихъ матеріала для исторіи русскаго искусства. Заключительная статья очерковъ „*Подлинникъ по редакціи XVIII вѣка*" примыкаетъ непосредственно къ упомянутымъ выше; она касается подлинника новой редакціи (по рукописи Долотова), въ которой собрано изъ разныхъ источниковъ все, что необходимо живописцу для яснаго пониманія и возсозданія религіозно-художественныхъ типовъ; это необходимое, однако, не являлось новымъ сравнительно съ матеріаломъ болѣе раннихъ редакцій; составитель новой редакціи лишь очистилъ критикой и освѣжилъ чувствомъ изящнаго то, что въ старыхъ руководствахъ было смѣшено, затемнено и низведено до пошлаго ремесла (429).

Итакъ мы обозрѣли вкратцѣ содержаніе статей „Историческихъ Очерковъ", касающихся древне-русскаго искусства. Мы видимъ, что въ нихъ Буслаевъ анализируетъ различные памятники, ставитъ ихъ въ связь съ народными и литературными произведеніями, съ памятниками византійскаго и западно-европейскаго искусства, характеризуетъ цѣлыя эпохи исторіи древнерусскаго искусства. Такимъ образомъ въ этихъ статьяхъ предъ нами, хотя отрывисто, проходитъ вся исторія древне-русскаго искусства, все богатое, разнообразное содержаніе послѣдняго, стоящаго въ такой тѣсной связи съ народнымъ міровоззрѣніемъ, его религіозными воззрѣніями.

Уже этими одними статьями Ѳ. И. Буслаевъ заслуживаетъ нашей признательности, уже ими онъ намѣчаетъ путь, какимъ долженъ идти изслѣдователь русскаго искусства; уже ими кладетъ основу для будущей науки исторіи русскаго искусства. Они, какъ это повторимъ и далѣе, дѣйствительно представляютъ „не только то, что нѣмцы называютъ bahnbrehendes Werk въ исторіи русской науки, но и имѣютъ крупное значеніе для нашей цивилизаціи вообще" [1]).

Въ послѣдующихъ своихъ трудахъ онъ продолжаетъ разработку памятниковъ русскаго искусства, а въ одномъ изъ нихъ, который и хроноло-

[1]) *А. И. Кирпичниковъ* въ Критико-Библ. Словарѣ Венгерова, С.-Пб., 1897, V, 304.

гически можно поставить вслѣдъ за „Историческими очерками“—онъ сводитъ вмѣстѣ въ одно цѣлое всѣ тѣ результаты, къ которымъ пришелъ въ указанныхъ очеркахъ, и намѣчаетъ весьма подробно планъ будущей исторіи русскаго искусства, закладывая вмѣстѣ съ тѣмъ прочныя основанія будущему зданію науки. Это его „*Общія понятія о русской иконописи*“, помѣщенныя въ Сборникѣ на 1866 годъ, изданномъ Обществомъ Древне-Русскаго Искусства при Московскомъ Публичномъ Музеѣ (Москва 1866, стр. 3—106).

Помѣщенный въ малораспространенномъ и уже сдѣлавшемся теперь библіографической рѣдкостью журналѣ—этотъ трудъ мало кому извѣстенъ у насъ. Между тѣмъ—это такой трудъ, знакомство съ которымъ должно бы быть обязательнымъ для каждаго образованнаго русскаго, и тѣмъ болѣе прошедшаго историко-филологическую школу Университета. Что же даетъ Буслаевъ въ этомъ трудѣ?

Онъ даетъ во *первыхъ* сравнительный взгядъ на исторію искусства въ Россіи и Западѣ: это классическая характеристика русской иконописи, въ различныхъ ея періодахъ, въ существенныхъ ея чертахъ и отличіи отъ западнаго искусства. Не имѣя возможности передать подробно этой сравнительной характеристики, приведемъ заключеніе ея словами Буслаева.

„И такъ, основываясь на историческихъ данныхъ, говоритъ онъ, слѣдуетъ вывести, изъ сравненія искусства на западѣ и у насъ, тотъ результатъ, что церковное искуство на западѣ было только явленіемъ временнымъ, переходнымъ, для того, чтобы уступить мѣсто искусству свѣтскому, живописи исторической, жанру, ландшафту; напротивъ того, искусство русское, самыми недостатками къ развитію удержанное въ предѣлахъ религіознаго стиля, до позднѣйшаго времени во всей чистотѣ, безъ всякихъ постороннихъ примѣсей, осталось искусствомъ церковнымъ. Со всею осязательностью внѣшней формы въ немъ отразилась твердая самостоятельность и своеобразность русской народности, во всемъ ея несокрушимомъ могуществѣ, воспитанномъ многими вѣками коснѣнія и застоя, въ ея непоколебимой вѣрности однажды принятымъ принципамъ, въ ея первобытной простотѣ и суровости нравовъ. Строгія личности иконописныхъ типовъ, мужественные подвижники и самоотверженные старики-аскеты, отсутствіе всякой нѣжности и соблазновъ женской красоты, невозмутимое однообразіе иконописныхъ сюжетовъ, соотвѣтствующее однообразію молитвы—все это вполнѣ соотвѣтствовало суровому, сельскому народу, медленно слагавшемуся въ великое политическое цѣлое, народу трудолюбивому, прозаическому и незатѣйливому на изобрѣтенія ума и воображенія, который, при малосложности своихъ умственныхъ интересовъ, былъ такъ мало способенъ къ развитію, что многіе вѣка довольствовался однообразными преданьями старины, бережно ихъ сохраняя въ первобытной чистотѣ“.

Во *вторыхъ* Буслаевъ даетъ—обзоръ русскаго иконописнаго подлинника, этого громаднаго произведенія русской иконописи, въ которой соединились въ одно цѣлое наука и религія, теорія и практика, искусство и ремесло.

Въ *третьихъ*—устанавливаетъ методъ изученія русской иконописи и указываетъ на источники иконописнаго преданія.

Съ методомъ Буслаева мы уже знакомы—въ примѣненіи его на практикѣ—въ статьяхъ „Историческихъ очерковъ“. Здѣсь онъ его опредѣляетъ и теоретически. Этотъ методъ—историко-сравнительный; исходный пунктъ въ этомъ методѣ—приведеніе въ ясность художественнаго религіознаго преданія. „Наши предки, говоритъ Буслаевъ, очень сбивчиво говорятъ объ этомъ преданіи: то указываютъ на какихъ то древнихъ мастеровъ, то на Грековъ, то на придѣлы цареградскаго храма св. Софіи, то на какія-то греческія миніатюры и другіе завозные образцы. Для древнихъ иконописцевъ было достаточно этихъ неопредѣленныхъ указаній; потому что на самой практикѣ, по заведенной рутинѣ, преданіе ими наблюдалось. Но въ наше время, когда приведены въ извѣстность, изданы и оцѣнены по достоинству важнѣйшіе памятники древне-христіанскаго искусства вообще и нѣкоторые Византійскаго стиля, естественно представляется самъ собою вопросъ: многое-ли и что именно въ преданіи русское искусство заимствовало изъ общаго достоянія древне-христіанскаго искуства вообще и изъ Византійскаго въ особенности“.

Такимъ образомъ Буслаевымъ ясно ставится вопросъ о необходимости изученія христіанскаго искусства вообще и спеціально византійскаго для опредѣленія источниковъ русскаго искусства. Византійская археологія для русской археологіи и искусства, исходя изъ этой постановки, составляетъ необходимый и обязательный предметъ изученія. И вотъ, не задаваясь цѣлями приведенія всего матеріала изъ указанной области, ибо это не въ силахъ одного человѣка, Буслаевъ лишь намѣчаетъ этотъ матеріалъ, указываетъ общее содержаніе его, характеръ его, отмѣчая каждый разъ, что изъ него вошло въ русское преданіе, что требуетъ особаго изслѣдованія. Такимъ образомъ здѣсь сдѣлано обозрѣніе стѣнной живописи въ римскихъ катакомбахъ, рельефовъ на саркофагахъ, византійскихъ мозаикъ, [1]) византійскихъ миніатюръ, диптиховъ, различныхъ священныхъ сосудовъ [2]) и другой цер-

[1]) Мозаики сицилійскія, венеціанскія наряду съ Кіево-Софійскими требуютъ, по Буслаеву, особаго разсужденія. Это требованіе отчасти уже выполнено въ русской археологической литературѣ.

[2]) „Для насъ русскихъ, говоритъ Ѳ. И. Буслаевъ, обенно важно обстоятельное обозрѣніе утвари въ монастыряхъ Аѳонской горы, котораго наука еще ожидаетъ“ (69). Предполагаемая экспедиція на Аѳонъ во главѣ съ проф. Н. П. Кондаковымъ, нужно надѣяться, исполнитъ это обозрѣніе.

ковной утвари, изображеній на металлическихъ церковныхъ вратахъ, входныхъ, византійской работы. Послѣ этого обозрѣнія слѣдуетъ сводка иконописныхъ сюжетовъ въ разсматриваемыхъ источникахъ и указаніе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, какъ уже упомянуто было, на то, что и въ какомъ переводѣ перешло въ русскую иконопись.

Въ *четвертыхъ* Буслаевъ опредѣляетъ—въ чемъ заключается изящество иконописнаго преданія, въ отношеніи слѣдованія природѣ, идеальности и созданія иконописныхъ типовъ, и во всѣхъ этихъ отношеніяхъ разсматриваетъ русскую иконопись; и здѣсь, какъ раньше, зависимость отъ образцовъ византійскихъ отмѣчается каждый разъ.

Въ *пятыхъ*, наконецъ, типическими—наиболѣе характерными примѣрами онъ опредѣляетъ отличія русскаго искусства отъ западнаго по способу представленія иконописныхъ предметовъ. „Параллель между русскимъ и западнымъ искусствомъ, по различію въ способѣ представленія религіозныхъ предметовъ, должна, говоритъ Буслаевъ, имѣть важное значеніе столько же къ теоретическомъ отношеніи, сколько и въ практическомъ. Въ теоретическомъ, она объяснитъ первоначальный видъ иконописныхъ сюжетовъ, сохранившійся въ нашихъ подлинникахъ, и отклоненія отъ него на западѣ въ слѣдствіе свободнаго развитія искусства; и такимъ образомъ наша иконопись будетъ введена въ исторію христіанскаго иконописнаго цикла,—какъ посредствующее звено между древне-христіанскимъ періодомъ и позднѣйшимъ западнымъ. Въ отношеніи практическомъ, эта параллель дастъ возможность русскимъ художникамъ избѣгать тѣхъ ошибокъ, въ которыя они такъ часто впадаютъ, внося въ русскія иконы несвойственное имъ западное направленіе“. (91)

Таково многозначительное содержаніе этого труда Буслаева. Въ немъ, какъ мы видѣли, даны не только общія понятія о русской иконописи, но начертанъ мастерской рукой планъ исторіи древнерусскаго искусства, указаны источники для нея, сдѣланы уже многочисленныя изысканія, наблюденія.

Если принять во вниманіе, что въ русской археологической литературѣ ранѣе Буслаева ничего подобнаго сдѣлано не было, что сдѣланное имъ ложится и уже легло въ основу науки археологіи и исторіи русскаго искусства, что многое изъ намѣченнаго имъ развито и обслѣдовано въ трудахъ учениковъ его школы, то нельзя не признать, что онъ вполнѣ заслуживаетъ названія отца науки русской археологіи.

Но, какъ увидимъ далѣе, дѣятельность Буслаева въ данной области не ограничивается вышеназванными трудами. Русскому искусству посвящены имъ еще другіе и при томъ многочисленные труды, которыми онъ самъ приготовилъ богатѣйшій вкладъ для сокровищницы исторіи этого искусства.

Изъ этихъ трудовъ остановимся болѣе подробно лишь на капитальныхъ, а объ остальныхъ упомянемъ кратко. Это—труды, посвященные русскому орнаменту и лицевому Апокалипсису.

Замѣчанія о русскомъ орнаментѣ разбросаны во многихъ трудахъ Буслаева, но специально ему посвящены большія статьи: 1) въ критическомъ отзывѣ о трудѣ французскаго архитектора Віолле-ле-Дюка „*L'art Russe*“ 1); во введеніи къ изданію Общества Любителей Древней Письменности „*Образцы письма и украшеній изъ псалтыри съ возслѣдованіемъ по рукописи XV вѣка, хранящейся въ библіотекѣ Троицкой Сергіевой Лавры № 308* (С.П.Б. 1881) и въ обширной рецензіи на изданіе В. В. Стасова „Славянскій и Восточный орнаментъ по рукописямъ древняго и новаго времени“ (С.П.Б. 1884) [2]).

Въ первыхъ двухъ статьяхъ предложена на основаніи изученія иллюстрированныхъ рукописей характеристика русскаго орнамента XIII—XV вѣковъ, такъ называемаго звѣринаго стиля, соотвѣтствующаго романскому на западѣ; во второй-же кромѣ того отмѣчается, на основаніи указанной Троицкой рукописи, возрожденіе въ XV в. византійскаго стиля на славянорусской почвѣ вмѣстѣ съ проблесками самостоятельнаго творчества—въ артистическихъ попыткахъ къ созданію новыхъ художественныхъ формъ.

Въ третьей статьѣ Буслаевъ даетъ на основаніи изданія Стасова характеристику орнамента болгарскаго XI—XVIII вѣковъ, сербскаго XII—XVIII вѣковъ, герцеговинскаго XIV вѣка, черногорскаго XV вѣка, боснійскаго XIV—XV вѣковъ, боснійско-патаренскаго XIV—XV вѣк., молдаво-валахійскаго XV—XVIII вѣковъ и румынскаго XVII—XVIII вѣковъ. Это цѣлое изслѣдованіе по орнаменту, дающее богатѣйшій матеріалъ для всеобщей исторіи орнамента, для рѣшенія различныхъ вопросовъ, напр. о происхожденіи такъ называемаго романскаго стиля, о происхожденіи русскаго орнамента. Буслаевъ внимательно проанализировалъ всѣ образцы орнамента славянскихъ рукописей, указалъ на отношеніе ихъ къ византійскимъ оригиналамъ, на отношеніе къ русскимъ образцамъ, на элементы—заимствованные и оригинальные. Какъ высоко понималъ Буслаевъ свою задачу, видно изъ оцѣнки труда Стасова, изъ указанія тѣхъ перспективъ, которыя открываются изданными въ этомъ трудѣ таблицами: „Всякому, кто покушался до сихъ поръ на ученый анализъ русскаго рукописнаго орнамента, говоритъ онъ, живо чувствовалась настоятельная потребность въ болѣе близкомъ и подробномъ знакомствѣ съ рукописными же орнаментами Болгаріи, Сербіи и другихъ славянскихъ земель, для того, чтобы свое русское понять и

---

1) „Русское искусство въ оцѣнкѣ французскаго ученаго“ въ „*Критическомъ Обозрѣніи*“ 1879 года, № 2.

2) *Ж. М. Н. П*, 1884, Май, 54—104.

уяснить себѣ, какъ слѣдуетъ, на широкой основѣ общеславянской письменности, опредѣливъ въ большей точности, что въ каждомъ изъ соплеменныхъ орнаментовъ принадлежитъ къ общему имъ всѣмъ кровному и наслѣдственному родству, и какими характеристическими особенностями каждый изъ нихъ предъявляетъ свои права на самостоятельность, такъ сказать, личнаго, индивидуальнаго стиля, въ той-же мѣрѣ, какъ изъ общей группы орнаментовъ такъ называемаго романскаго стиля выступаютъ въ своей рѣзко отчеканенной физіономіи стиль ирландскій, англо-саксонскій, вест-готскій, лангобардскій, карловингскій. Изслѣдователю русскаго рукописнаго орнамента не доставало самой почвы, чтобы твердо и надежно установить аппараты для своихъ наблюденій; ему не доставало перспективы, чтобы опредѣлить себѣ точку зрѣнія, съ которой предметы объявились бы въ ихъ настоящемъ освѣщеніи. И это чувство безпомощности особенно тяжелѣе становилось всякій разъ, когда русская рукопись съ орнаментами сама наводила изслѣдователя на слѣды ея болгарскаго или сербскаго происхожденія, какъ копія съ южно-славянскаго оригинала, какъ передѣлка или подражаніе, и тогда такая рукопись, въ сличеніи съ другими, болѣе чистаго русскаго происхожденія, только раздражала пытливость изслѣдователя, который, не имѣя въ своемъ распоряженіи безпримѣсныхъ южнославянскихъ данныхъ, оставался безъ точки опоры въ своихъ выводахъ о томъ, что въ ея орнаментахъ заимствовано у южныхъ Славянъ и что передѣлано на русскій ладъ или взято изъ какихъ-либо другихъ источниковъ... Только теперь, благодаря первому выпуску изданія Стасова, наши недоумѣнія и загадки разрѣшились, недоразумѣнія и колебаніи переходятъ въ успокоительное чувство достовѣрности и рѣшительности“. (55-56).

Во всей области русской художественной старины русская миніатюра представляетъ одинъ изъ обширныхъ и важныхъ отдѣловъ. Она, по глубоко справедливымъ словамъ Н. П. Кондакова, [1]) есть именно та самостоятельная, объективная и народная среда художественнаго и духовнаго творчества, которая открываетъ изслѣдователю тайники народной жизни, яснѣе другихъ художественныхъ сферъ указываетъ, что существо движенія искусства заключалось въ средѣ народнаго искусства: оно шло изъ начала рука объ руку съ западомъ и если отставало въ художественной техникѣ, то расширялось по содержанію, шло послѣдовательно и безъ скачковъ, воспринимая всѣ пригодные элементы, гдѣ бы они ни оказывались и удерживая цѣльный національный типъ.

Въ исторіи этой миніатюры лицевой Апокалипсисъ по своему значенію долженъ занять едва-ли не первое мѣсто. „Русскій лицевой Апокалипсисъ

---

[1]) *Ж. М. Н. П.*, 1885, VII, 141.

не есть только часть Новаго Завѣта: по своему типу толковаго Апокалипсиса это есть особая священная книга, обставленная хожденіемъ Іоанна Богослова, словомъ Палладія Мниха о второмъ пришествіи, повѣстію о славѣ небесной, словомъ Блаженнаго Ипполита о скончаніи міра и антихриста, житіемъ Андрея Юродиваго, житіемъ Василія Новаго, пророчествомъ Даніила. Иллюстраціи Апокалипсиса служатъ дополненіемъ къ его толкованію или прямо изъ него взяты; миніатюры распредѣляются по 72 главамъ или зачаламъ (иногда число ихъ доходитъ до 250); связь съ текстомъ тѣснѣйшая или неразрывная; миніатюра или предшествуетъ тексту, или слѣдуетъ за текстомъ, при чемъ текстъ окружаетъ миніатюру или какъ бы сливается съ нею". [1])

Въ этихъ миніатюрахъ, въ иконографіи, представляемой ими „на первомъ планѣ не художественные интересы, а созерцаніе священнаго писанія очами фантазіи въ высокомъ подъемѣ религіознаго восторга, къ которому устремлялся иконописецъ, слѣдуя призыву самого тайновидца въ горній міръ его видѣній: „Быхъ въ дусѣ", что въ лицевомъ Апокалипсисѣ изображается представленіемъ, какъ ангелъ возводитъ Іоанна въ небесныя сферы. Чтобы быть вѣрною писанію, въ эти же горнія сферы должна была возносить фантазію и апокалипсическая иллюстрація. Главное и существенное для творческой фантазіи вознесено на небо. Это—видѣнія по преимуществу небесныя. Тамъ источникъ, тамъ начало и конецъ всему совершающемуся на землѣ. Оттуда нисходятъ на нее гласы, громы и сокрушительныя силы. Все благословляемое Богомъ и святое подъемлется въ небо, и на землѣ торжествуетъ и безчинствуетъ только одно зло, которое тутъ-же въ пропастяхъ и разщелинахъ земныхъ находитъ себѣ возмездіе въ пламени горящаго озера. Все необычайно и сверхъестественнно. Фантазія живетъ и дѣйствуетъ въ мірѣ чудесъ, гдѣ возможно все небывалое и не сбыточное. Потому и небо, изображаемое въ древнѣйшихъ и лучшихъ редакціяхъ, вовсе не то, какое видимъ, и земля не та, къ какой мы привыкли" [2]). Въ русскихъ лицевыхъ Апокалипсисахъ сочетались разнообразныя формы и комбинаціи элементовъ древнехристіанскихъ, византійскихъ, западно-европейскихъ и русскихъ; въ нихъ наиболѣе живой примѣръ историческаго хода такъ называемаго преданія.

Въ силу всего этого изслѣдованіе ихъ представляетъ громадный интересъ и значеніе—и для уразумѣнія основныхъ началъ нашей народности, и для исторіи русской культуры, искусства.

Ѳ. И. Буслаевъ „ясно доказалъ это и хорошо зналъ, что дѣлалъ, когда посвятилъ на изученіе этихъ апокалипсисовъ около восьми лѣтъ". Трудъ его подъ заглавіемъ „*Русскій лицевой Апокалипсисъ. Сводъ изображеній изъ*

---

[1]) *Н. П. Кондаковъ*, ів., 131.

[2]) *Ѳ. И. Буслаевъ*, Русскій лицевой Апокалипсисъ, 190.

лицевыхъ Апокалипсисовъ по русскимъ рукописямъ съ XVI вѣка по XIX-й" вышелъ въ 1884 году въ изданіяхъ Общества Любителей Древней Письменности (№ LXXXII).

„Ученый основатель науки русской народной словесности, говоритъ Н. П. Кондаковъ въ своемъ замѣчательномъ разборѣ труда Ѳ. И. Буслаева [1]), уже давно и одинъ изъ первыхъ своими изслѣдованіями по символикѣ и миѳологіи древняго русскаго искусства положилъ основаніе его историческому изслѣдованію. Нынѣ, не удовлетворяясь общимъ методологическимъ построеніемъ будущей науки, онъ возводитъ одно изъ главныхъ ея зданій и если прежде научность доводовъ и глубина высокихъ мыслей, присущія изслѣдованіямъ автора по народному искусству, лишь намѣчали тотъ путь, по которому его наука должна направиться, то теперь капитальный трудъ ученаго наставника нашихъ изслѣдователей отечественной древности даетъ имъ въ руки образецъ для всѣхъ послѣдующихъ трудовъ и прочное основаніе будущему зданію науки. Авторъ далъ русскому читателю полное описаніе всего извѣстнаго ему матеріала, ничего не пропуская: какъ миніатюры разсматриваемыхъ имъ 41 рукописи служатъ толкованіемъ къ Апокалипсису, тако и его книга есть тщательный комментарій къ лицевымъ Апокалипсисамъ. Полнота изслѣдованія и самое обиліе матеріала служатъ сами по себѣ порукою за важность и научность результатовъ: книга Ѳ. И. Буслаева ясно убѣждаетъ, что и другіе изслѣдователи должны идти по его слѣдамъ, сводя, группируя, подбирая рукописи по редакціямъ, переводамъ и пошибамъ. Сравнительно—историческій методъ, которымъ только и можно пользоваться, коль скоро критически разобранъ обильный матеріалъ, указанъ авторомъ, какъ единственно научный въ археологическихъ вопросахъ и становится нынѣ обязательнымъ. Отнынѣ самое собираніе матеріаловъ, описаніе отдѣльныхъ лицевыхъ рукописей должны основываться на томъ же принципіальномъ методѣ".

Лицевые русскіе Апокалипсисы не восходятъ по своей древности ранѣе XVI вѣка. Не извѣстно къ тому совершенно византійскаго оригинала ихъ, какъ и вообще византійскаго иллюстрированнаго Апокалипсиса и такимъ образомъ Буслаеву сравнительно-историческимъ методомъ пришлось открывать зачатки апокалипсической иконографіи въ искусствѣ древне-христіанскомъ, византійскомъ и средневѣковомъ—на основаніи незначительныхъ остатковъ уцѣлѣвшихъ въ мозаикахъ, миніатюрахъ. Въ раннихъ западныхъ Апоколипсисахъ онъ открылъ слѣды византійскаго вліянія, что тѣмъ большую заслугу составляетъ, что съ этой стороны данные памятники не разсматривались, да и вообще существовавшія до него изслѣдованія Апоколипсиса оказыва-

[1]) *Ж. М. Н. П.*, 1875, VII, 110—142; 111.

лись лишенными научаго фонда. Такимъ образомъ сочиненіе Буслаева является замѣчательнымъ и по своимъ результатамъ, и по самостоятельности. Всѣ русскіе Апокалипсисы, замѣчательные, характерные въ томъ или иномъ отношеніи, описаны, детально разобраны. Такъ какъ они до настоящаго времени, говоритъ Н. В. Покровскій [1]) и не были предметомъ какого—нибудь изслѣдованія, то первая задача Ѳ. И. Буслаева заключалась въ томъ, что бы посредствомъ точнаго описанія дать вѣрное понятіе о наличныхъ памятникахъ.... Въ этомъ описаніи все имѣетъ свой совершенно опредѣленный смыслъ, все направлено къ выясненію цѣлаго, и такимъ образомъ подготовлена твердая почва, на которой будущій археологъ, даже не провѣряя памятники обслѣдованные Буслаевымъ, построитъ свои окончательные выводы объ исторіи лицевого Апокалипсиса... При оцѣнкѣ каждаго отдѣльнаго памятника Буслаевъ сообщаетъ точное понятіе объ общемъ составѣ и внѣшнемъ видѣ его, объ языкѣ, иконографическихъ формахъ, художественномъ стилѣ миніатюръ, объ обстановочныхъ изображеніяхъ, каковы: палатное письмо, формы утвари, орнаментика; наконецъ, даетъ подробное описаніе каждой миніатюры въ отдѣльности. Посредствомъ такого пріема изслѣдованія авторъ раскрываетъ предъ нами новый міръ понятій и образовъ, среди которыхъ обращалась мысль древне-русскаго книжника: отмѣчаетъ съ возможной точностью все, что составляетъ продуктъ личнаго творчества русскаго художника, что унаслѣдовано имъ отъ православной Византіи и что принесено съ запада. Помимо глубокаго знакомства съ общею исторіею искусствъ, здѣсь потребовалось множество другихъ вспомогательныхъ свѣдѣній и самое подробное и тщательное сличеніе памятниковъ, которыя и привели автора къ опредѣленію разновременныхъ и разномѣстныхъ наслоеній въ нашихъ апокалипсисахъ". [2]) Все разнообразіе иллюстрацій Апокалипсиса подводится Ѳ. И. Буслаевымъ къ двумъ главнѣйшимъ разрядамъ, изъ которыхъ одинъ, ранній, обнимаетъ иконографическія преданія византійскаго происхожденія, а другой, поздній, содержитъ въ себѣ западныя вліянія, начиная съ эпохи Возрожденія. (179).

Мы не въ состояніи далѣе указать на всѣ результаты изслѣдованія Буслаева, на все богатство матеріала, заключающагося въ немъ и для русской иконографіи, и для исторіи русскаго искусства, на что такъ всесторонне было указано почтеннымъ рецензентомъ, ученикомъ автора, Н. П. Кондаковымъ, словами котораго закончимъ наше обозрѣніе разбираемаго

---

[1]) Въ своемъ отзывѣ о трудѣ Буслаева, на основаніи котораго Императорское Русское Археологическое Общество присудило ему большую золотую медаль (*Зап. Имп. Арх. Общ.*, II (1887), 146).

[2]) Ів., 147.

изслѣдованія: „остается только пожелать, что бы сочиненіе знаменитаго автора стало примѣромъ и руководствомъ для работъ русскихъ археологовъ. Работы въ данномъ направленіи послужатъ и для построенія общей науки христіанскаго искусства“ [1])

Указавъ на содержаніе и значеніе для науки археологіи и исторіи русскаго искусства капитальныхъ трудовъ Ѳ. И. Буслаева, обратимся къ мелкимъ, столь-же важнымъ и плодотворнымъ трудамъ его въ той-же области.

Какъ мы указали выше—Буслаевъ въ византійскомъ искусствѣ видитъ одинъ изъ главныхъ первоисточниковъ русскаго искусства и считаетъ знакомство съ нимъ, изученіе его какъ-бы обязательнымъ для русской науки. Въ силу этого онъ, на сколько было въ силахъ его, для того времени, знакомилъ съ этимъ искусствомъ, на ряду съ другими работниками [2]) его школы, изъ которой вышелъ впослѣдствіи такой знатокъ византійскаго искусства, какъ проф. Н. П. Кондаковъ.

Такъ въ спеціальной статьѣ онъ знакомитъ съ мнѣніемъ *Шульца* о позднѣйшей византійской иконописи, обращаетъ вниманіе на его изслѣдованія памятниковъ южной Италіи, которая, по его словамъ—для насъ Русскихъ имѣетъ особенный интересъ, можетъ быть, въ такой-же мѣрѣ, какъ въ сѣверной Италіи—Равенна. „Гейнрихъ Вильгельмъ Шульцъ, говоритъ далѣе Буслаевъ—принадлежалъ къ тѣмъ самостоятельнымъ умамъ, которые не увлекаются на вѣтеръ пущеннымъ мнѣніемъ, и не боятся высказать правду наперекоръ общепринятымъ предразсудкамъ. Когда повсюду въ учебникахъ и журналахъ Византію клеймили позорными прозвищами и издѣвались надъ ея искусствомъ, онъ одинъ изъ первыхъ рѣшился сказать объ этомъ искусствѣ доброе слово“. (59).

Далѣе Буслаевымъ подробно изложены съ критическими замѣчаніями и дополненіями изъ исторіи русскаго искусства—главы, касающіяся византійскаго искусства въ извѣстномъ трудѣ Лабарта, „*Исторія промышленныхъ искуствъ*“ [3]); въ этомъ изложеніи русская археологическая литература имѣла первое серьезное обозрѣніе исторіи византійскаго искусства и оно, несомнѣнно, на ряду съ другими трудами Буслаева принесло свою пользу для послѣдующихъ трудовъ въ области византиновѣдѣнія.

Зная отлично памятники русскаго искусства, его исторію, Ѳ. И. Буслаевъ естественно долженъ былъ испытывать глубокую горечь отъ того, какъ мало знакомы русскіе съ своей художественной стариной и какія преврат-

---

1) Ів., 142.

2) Византійскому искусству посвящены въ *Сборникѣ на 1866 г.* статьи: Виноградскаго (отд. I, 125—137), Ундольскаго (I, 137—155), Кондакова, Филимонова и др.

3) *Сборникъ на 1866 г.*, стр. 64—76.

ныя сужденія они имѣютъ о ней, почерпая ихъ при томъ изъ иностраннаго, враждебнаго нашей національности—источника. Для того, что бы указать на всю ложь этого источника, онъ посвятилъ статью, въ которой приводитъ „*отзывы иностранцевъ о русскомъ національномъ искусствѣ*": 1) Шнаазе, Куглера, Ферстера, Лемке—писателей серьезныхъ, знаменитыхъ по своимъ спеціальностямъ, но невѣжественныхъ въ сужденіяхъ о русскомъ искусствѣ.

Мы сказали, что Буслаевъ съ горечью говоритъ о маломъ знакомствѣ русскихъ съ родной стариной. Приводя отзывы Шнаазе о русской націи, искусствѣ, указывая на всю ихъ ложь, на отсутствіе какого нибудь знакомства нѣмецкаго писателя съ трактуемымъ имъ предметомъ, Буслаевъ говоритъ: „Впрочемъ, мало ли чего не знаетъ авторъ! Ему, какъ нѣмцу, тѣмъ извинительнѣе это незнаніе, что многіе изъ Русскихъ образованныхъ людей еще меньше его знаютъ нашу церковную старину, а думаютъ о ней почти также" (54).

Относясь съ любовью къ памятникамъ древне-русскаго искусства, Ѳ И. Буслаевъ старался изучать ихъ гдѣ только это было возможно, высказывалъ пожеланія, чтобы являлись изданія, благодаря которымъ памятники становились бы извѣстны всѣмъ. Такъ имъ изучались московскія молельни частныхъ владѣльцевъ и въ статьѣ подъ названіемъ „*Московскія молельни*" [2]) онъ даетъ прекрасную характеристику ихъ, и указывая на отличіе ихъ отъ галлерей и на значеніе ихъ для исторіи русской иконописи, высказываетъ пожеланіе, чтобы были изданы описи иконъ въ церквахъ и молельняхъ.

Существованіе частныхъ собраній памятниковъ искусства не обезпечиваетъ широкаго знакомства съ ними общества; таковое дѣлается доступнымъ, когда такіе собранія становятся общественными; съ присоединеніемъ въ нихъ къ оригинальнымъ памятникамъ слѣпковъ, фотографій съ наиболѣе замѣчательныхъ художественныхъ произведеній—получаются музеи, приносящіе несомнѣнно великую пользу и обществу, и наукѣ. Выясненію этой пользы музеевъ посвящено нѣсколько страницъ въ весьма интересной статьѣ Буслаева „Современный вопросъ о значеніи христіанскаго музея въ народномъ просвѣщеніи" [3]): „Не только для обще—христіанскаго образованія, говоритъ здѣсь Буслаевъ, но и для уразумѣнія своихъ собственныхъ православныхъ преданій, систематическій музей въ копіяхъ есть учрежденіе, для

---

[1]) *Сборникъ на 1866 г.*, 52—58.
[2]) *Сборникъ на 1866 г.*, 124—128.
[3]) *Сборникъ на 1866 г.*, 143—146.

Русскихъ равно необходимое, въ которомъ должны нераздѣльно сливаться ихъ интересы національные съ основами Европейской цивилизацій" (145).

Какъ глубоко понималъ Буслаевъ русское искусство, какъ онъ любилъ его, достаточно видно уже и изъ вышесказаннаго. Но мы имѣемъ и иного рода факты—практическаго примѣненія его научныхъ познаній къ различнымъ современнымъ вопросамъ и запросамъ, касающимся его излюбленной области. Академикъ и профессоръ живописи Е. С. Сорокинъ пишетъ для церкви Софіи Премудрости Божіей, что на Софійкѣ—въ Москвѣ—иконы, Буслаевъ изучаетъ ихъ и во всеоружіи своихъ научныхъ познаній пишетъ о нихъ цѣлый критической трактатъ, [1]) детально разбирая—что вноситъ своего художникъ, что беретъ изъ преданія,—что допустимо, что не удобно и не позволительно для русскаго церковно-историческаго живописца. Это—истинная критика, поучительная и полезная для художника; только въ такой критикѣ—залогъ процвѣтанія и искусства, и надлежащаго пониманія его обществомъ.

Ѳ. И. Буслаевъ, насколько то было въ его силахъ—способствовалъ возрожденію русскаго искусства въ нашихъ промышленныхъ производствахъ. [2]) Въ 1865 году онъ принимаетъ участіе въ экспертной комиссіи мануфактурной выставки въ Москвѣ и поощряетъ промышленность къ разработкѣ ея роднаго стиля. [3]) Въ 1867 году онъ участвуетъ въ комиссіи по устройству отдѣла „Исторіи труда въ Россіи" на Парижской выставкѣ. Онъ содѣйствуетъ успѣху устроенной въ 1866 г. Строгановскимъ училищемъ и музеемъ выставки своихъ трудовъ по собранію древне-русскихъ памятниковъ: всѣ рисунки рукописныхъ книгъ были выставлены и онъ объяснялъ ихъ значеніе. Онъ въ 1868—69 годахъ руководитъ выборомъ рисунковъ въ изданной Худжественнымъ Музеумомъ „Исторіи русскаго орнамента". Онъ помогаетъ совѣтами и указаніями французскому архитектору Віолле-ле-Дюку при написаніи имъ сочиненія о русскомъ искусствѣ. По его, Буслаева, совѣту Художественно-промышленный Музей издаетъ Строгановскій иконописный лицевой подлинникъ, съ цѣлію ознакомить публику, художниковъ и иконописцевъ съ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ русской народности, а съ тѣмъ вмѣстѣ—содѣйствовать исправленію современнаго неудовлетворительнаго иконописанія и, по возможности, воз-

---

[1]) *Сборникъ на 1866 г.*, 151—156 (Новыя иконы Академика и Профессора Е. С. Сорокина).

[2]) *В. И. Бутовскій*, Русское искусство и мнѣнія о немъ Е. Віолле-ле-Дюка и Ѳ. И. Буслаева, Москва, 1879, 5.

[3]) См. статью „Издѣлія Строгановскаго Училища"... въ *Сборникѣ на 1866 г.*, 150—151.

становленію Строгановскаго письма конца XVI и начала XVII столѣтія 1). Онъ въ газетныхъ статьяхъ—когда были выставлены впервые въ Румянцевскомъ Музеѣ византійскіе памятники искусства собранія Севастьянова—рукописи, иконы, кресты и т. д., излагая популярно отдѣльные моменты исторіи византійскаго искусства, уясняя наглядно достоинство, значеніе выставленныхъ предметовъ, обращаетъ вниманіе русскихъ иконописцевъ на то, какое богатство здѣсь для нихъ всевозможнаго матеріала для типовъ, одеждъ, архитектуры. „При возникшихъ въ настоящее время требованіяхъ исторической живописи, говоритъ онъ, особенно можно рекомендовать художникамъ соображаться съ древними миніатюрами въ изображеніи религіозныхъ сюжетовъ, особенно относительно костюмовъ, мебели, архитектурныхъ и другихъ подробностей. Миніатюры и вообще образцы древнехристіанскаго и византійскаго искусства, въ этомъ случаѣ, должны быть только матерьяломъ, а не образцомъ подражанья. Они дожны не стѣснять свободу творчества, а давать ему новый просторъ, расширяя художественную дѣятельность изученіемъ источниковъ". Въ этихъ же статьяхъ онъ призываетъ русскихъ ученыхъ—для познанія отечественной иконописи, художественной старины: „Впрочемъ, каково бы ни было значеніе иконописи на Руси въ практическомъ отношеніи, говоритъ онъ, заглохнетъ-ли она совсѣмъ вмѣстѣ съ другими основами Русской народности, или будетъ еще нѣкоторое время поддерживаться искусствомъ, какъ наиболѣе выгодная статья для живописцевъ, во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что на русскихъ ученыхъ лежитъ обязанность основательно изучить всѣ ея источники, которыми такъ богато наше отечество, и своими результатами современемъ обогатить изслѣдованія западныхъ ученыхъ о древне-христіанскомъ и византійскомъ искусствѣ. Неужели и въ этомъ дѣлѣ Русскіе ученые, поджавъ руки, будутъ ждать помощи отъ иностранцевъ?" [2])

Призывъ Буслаева, какъ извѣстно, не остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Русская археологическая литература въ настоящее время уже имѣетъ—даже капитальныя изслѣдованія по изученію этихъ источниковъ—по византиновѣдѣнію—и что важно въ данномъ случаѣ—въ трудахъ учениковъ его-же, Буслаева, школы. На художественную практику иконописцевъ и какъ на богатый матеріалъ для ученыхъ соображеній—вновь съ характеристикою памятниковъ—обращаетъ онъ вниманіе въ газетныхъ-же статьяхъ—по поводу изданія Московскимъ Публичнымъ Музеемъ

---

[1]) *Бутовскій*, О. с., 6—7 и сл.

[2]) Отд. отт. изъ „*Москов. Вѣдом.*", 1862 г., №№ 111—113 „Образцы иконописи въ Публичномъ Музеѣ (въ собраніи П. И. Севастьянова)", стр. 20, 22, 23.

фотографическихъ снимковъ съ византійскихъ миніатюръ изъ греческихъ рукописей, хранящихся въ московскихъ библіотекахъ. [1]).

Считая, что иконопись для русскаго народа составляетъ такой-же существенный и до сихъ поръ современный элементъ жизни, какъ и многіе другіе нравственные интересы, опредѣляющіе ея національную физіономію, Буслаевъ задумываетъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми любителями древне-русскаго искусства основать иконописное братство, или вѣрнѣе, цѣлую Академію, въ составъ который входили бы и ученые, и художники.

Онъ по этому поводу печатаетъ воззваніе въ газетахъ [2]), показывающее ту же его глубокую любовь къ наукѣ, къ познанію родной старины, искусства, которая одушевляла его при совершеніи имъ многочисленныхъ трудныхъ своихъ работъ. Задача предполагавшагося братства состояла въ томъ, что бы вывести иконопись изъ ремесленной колеи, указавъ ей высшія задачи въ свободной дѣятельности художественнаго творчества, заботиться о расширеніи свѣдѣній иконописца и образованіи его вкуса. Способы и средства для этого—прекрасно уяснены имъ въ этомъ воззваніи; они—результатъ его же трудовъ изученія искусства въ его прошломъ. Мы не знаемъ, что помѣшало осуществленію проекта его, но, во всякомъ случаѣ, обсужденіе его, а затѣмъ знакомство съ трудами Буслаева не осталось безъ результатовъ, безъ вліянія на нашу религіозную живопись: добрыя сѣмена приносятъ, хотя можетъ быть и не скоро,—хорошую жатву: достаточно указать на роспись собора св. Владиміра въ Кіевѣ.

Для тѣхъ-же практическихъ цѣлей—развитія національнаго искусства, познанія его прошлаго—Буслаевъ въ газетныхъ-же статьяхъ, по обыкновенію ясно, живо и увлекательно написанныхъ, знакомитъ общество съ столь, увы, рѣдко являющимися у насъ и теперь еще—новостями русской литературы по церковному искусству и археологіи [3]). Его жалобы, упреки въ маломъ знакомствѣ нашемъ съ родной стариной, въ маломъ интересѣ къ вопросамъ искусства—еще не утратили значенія и для нашего времени; но тѣмъ и высока для насъ личность Буслаева, что онъ не ограничивается въ своей

---

[1]) „*Современ. лѣтопись*“, 1863, № 16. См. также краснорѣчивыя страницы, посвященныя русской религіозной живописи, современной, въ статьѣ „Картины Русской школы живописи, находившіяся на Лондонской всемірной выставкѣ“ (*Совр. лѣт.*, 1863, № 5). Ср. въ другой статьѣ вновь такого-же рода упрекъ: „А между тѣмъ, пока мы размѣниваемъ помелочи кой-какіе ученые результаты, и до сихъ поръ не возьмемъ въ толкъ что такое византійщина, и какой намъ отъ нея прокъ, на Западѣ неутомимо трудятся за насъ, не опасаясь ни площадныхъ насмѣшекъ за византійщину, ни инквизиторскихъ прощеній, что бы не браться не за свое дѣло“. (*Совр. лѣтоп.*, 1863, № 9, стр. 12).

[2]) „*Совр. лѣтопись*“ 1863 г., № 14 (иконописное братство).

[3]) О журналѣ Прохорова „*Христіанскія древности и археологія*“, о трудахъ гр. Уварова, объ изданіи еп. Саввы. (См. *Соврем. лѣтопись*, 1863 г., № 9).

дѣятельности только жалобами, а даетъ въ своихъ научныхъ и популярныхъ трудахъ матеріалъ для устраненія этихъ жалобъ, то положительное, что, повторяемъ, уже сослужило большую службу нашей отечественной наукѣ.

Уже изъ всего предыдушаго ясно видно, какъ широки были познанія Ѳ. И. Буслаева не только въ спеціально разрабатываемой имъ области древне-русскаго искусства, но и въ другихъ областяхъ искусства. Но этого мало: онъ пишетъ спеціальныя статьи, посвященныя этимъ другимъ областямъ исторіи искусствъ. Такъ—онъ интересуется и знакомитъ общество съ изслѣдованіями по доисторической археологіи, пишетъ по поводу труда *Каспари* „Первобытная исторія человѣчества съ точки зрѣнія естественнаго развитія самой ранней его духовной жизни“ (Лейпцигъ, 1873, на нѣм. яз.) цѣлую монографію, популярно изложенную „*Догадки и мечтанія о первобытномъ человѣчествѣ*“ [1]); по поводу изданія *К. А. Коссовича* „Клинообразныя надписи Ахеменидовъ“ [2]) онъ пишетъ обширный очеркъ [3]) посвященный Персіи, ея исторіи, миѳологіи, вообще ея культурной роли. Приходится поражаться глубокому знакомству автора съ спеціальной литературой по востоковѣдѣнію, его свободному пользованію матеріаломъ восточнаго искусства для привлеченія памятниковъ его въ параллель съ памятниками искусства греческаго-христіанскаго. Отношенія къ русскимъ народнымъ преданіямъ, къ византійскому и русскому искусству и въ данномъ случаѣ привлекаютъ особенное его вниманіе, и онъ поучительно отмѣчаетъ любопытные факты, напр. о вліяніи восточнаго искусства на византійскій и романскій орнаментъ. „Хитросплетенія византійскаго орнамента, говоритъ Буслаевъ, и неуклюжая фигурность византійской колонны столько-же, какъ чудовищность романскаго стиля, а также и многія другія странныя особенности средневѣковаго искусства и литературы, съ крайними натяжками объяснявшіяся прежде, какъ самородные плоды европейскаго быта, получаютъ свой настоящій смыслъ и ясное значеніе въ тѣхъ восточныхъ оригиналахъ, съ которыхъ были скопированы“ (716). Авторъ указываетъ для многихъ изображеній, что на стѣнахъ Владимірскаго собора, прототипы въ персидскомъ искусствѣ, (716, 718), указываетъ для столь часто находимыхъ на Руси памятниковъ Сассанидскаго періода—источникъ въ томъ-же искусствѣ (725); отмѣчаетъ, что для насъ русскихъ цивилизація Эранцевъ имѣетъ еще спеціальный интересъ—по отношенію къ Скиѳамъ, заселявшимъ южныя страны нашего отечества, по отношенію къ Грузіи и Арменіи (695).

---

1) *Русск. Вѣстн.*, 1873, X, 689—764.

2) Inscriptiones Palaeo-Persicae Achaemenidarum etc.archetyporum tipis primus edidit et explicavit Dr. *Caetanus Kossowius*, Petropoli. 1872.

3) „*Русск. Вѣстн.*“, 1873 г., XII, 692—727.

Удѣляя вниманіе доисторической археологіи, восточной, онъ не меньше удѣляетъ его и классической археологіи. Въ отдѣльныхъ статьяхъ и изслѣдованіяхъ онъ обращается къ памятникамъ классическаго искусства, и пишетъ даже отдѣльный этюдъ, эстетико-психологическій очеркъ—на основаніи памятниковъ греческой скульптуры: „*Женскіе типы въ изваніяхъ греческихъ богинь*“ [1]), замѣчательный по проникновенію въ духъ этихъ памятниковъ, по красивому художественному языку.

Христіанское искусство составляло излюбленную область занятій Буслаева—во всѣхъ періодахъ его существованія, какъ въ первые вѣка его образованія въ подземныхъ усыпальницахъ катакомбахъ, такъ въ пышныхъ базиликахъ, средневѣковыхъ готическихъ храмахъ; какъ въ миніатюрахъ неизвѣстнаго монаха-живописца, украшающаго рукопись, такъ и въ блестящихъ, пышныхъ картинахъ прославленныхъ великихъ художниковъ эпохи Возрожденія наукъ и искусствъ. Цѣлый рядъ замѣчательныхъ, увлекательно-живо написанныхъ статей, очерковъ посвященъ имъ этимъ памятникамъ и въ газетахъ, и въ журналахъ; они, за нѣкоторыми исключеніями, вошли въ два тома, изданныхъ имъ въ 1886 г. „*Моихъ Досуговъ*“ [2]). Эти —досуги, по справедливому замѣчанію А. И. Веселовскаго, [3]) которые могли бы служить украшеніемъ недосужныхъ, трудовыхъ часовъ иного ученаго“. „Предметъ, къ которому чаще всего обращался Буслаевъ въ теченіе всей своей дѣятельности—средневѣковое искусство и поэзія, и въ настоящемъ собраніи его сочиненій, говоритъ другой рецензентъ, [4]) всего больше мѣста посвящено имъ же. Авторъ издавна успѣлъ освоиться съ этимъ оригинальнымъ міромъ искусства и даетъ прекрасныя истолкованія этого художественнаго и литературнаго стиля, вмѣстѣ грандіознаго и наивнаго, переплетаемаго символикой и реализмомъ; и въ нашей литературѣ нѣтъ лучшаго руководителя для пониманія его внутренняго содержанія и пріемовъ“. „Авторъ ведетъ читателя по различнымъ памятникамъ и мѣстностямъ

---

1) „Мои досуги“, I, 1—37.

2) „*Мои Досуги*“. Собранныя изъ періодическихъ изданій мелкія сочиненія Ѳеодора Буслаева. Москва 1886. Сюда вошли статьи: *въ I томъ*: Женскіе типы въ изваяніяхъ греческихъ богинь; Христіанскій музей при берлинскомъ университетѣ; Римскія письма; Регенсбургъ; Бамбергъ, Шартрскій соборъ; Флоренція въ 1864 г.- Шестисотлѣтній юбилей дня рожденія Данта Аллигіери; изъ Бурдгорфа; Итальянскія каррикатуры во время франко-прусской войны; Задачи эстетической критики. *Во 2-мъ томъ*: Бѣсъ; Женщина въ народныхъ книгахъ; Иллюстрація стихотвореній Державина; Письма Русскаго Путешественника; Памятникъ тысячелѣтію Россіи; Басни Крылова въ иллюстраціи академика Трутовскаго; Комикъ Щепкинъ о Гоголѣ; Погодинъ, какъ профессоръ; Перехожіе повѣсти и разсказы; Значеніе романа въ наше время.

3) *Ж. М. Н. П.*, 1886, VII, 154.

4) „*В. Е.*“ 1886, VI, 847.

Рима и даетъ наглядную картину характерныхъ анахронизмовъ, дѣлающихъ Римъ въ высшей степени интересной галлереей художественныхъ и историческихъ, воспоминаній... Такимъ-же образомъ онъ рисуетъ историческую и художественную Флоренцію, или описываетъ древніе города Германіи, какъ Бамбергъ, Регенсбургъ, исторію которыхъ онъ разсказываетъ по памятникамъ, легендамъ, народно-поэтическимъ произведеніямъ, и т. д." [1]). „Авторъ, говоритъ проф. А. И. Веселовскій [2]), любуется иллюстраціями Державина, какъ восхищается типами греческихъ богинь и интересуется виньетками Трутовскаго. Надо обладать не только прирожденнымъ вкусомъ къ изящному, но изощрять его и воспитать неустанно, что бы не растеряться въ этихъ разнообразныхъ симпатіяхъ, умѣть ощутить „всю благодать освѣженія, которое вноситъ въ душу искусство" (I. 272), и написать такія превосходныя художественныя характеристики, какъ „Женскіе типы въ изваяніяхъ греческихъ богинь", какъ портреты Леонардо да Винчи, Рафаэля и Микель-Анджело (I, 210—212), или очерки, посвященные „Явленію Богородицы св. Бернарду" Филиппа Липпи (I, 336 слѣд.), „Поклоненію Пастырей" Доменика Гирландайо (I,340 и слѣд.), или картинамъ Лессинга" (I,385).

Послѣдніе, только что упомянутые очерки заключаются въ одной изъ лучшихъ и наиболѣе важныхъ статей „Досуговъ"—„*Задачи эстетической критики*". (I, 291—407) Это—словно отрывокъ изъ трактата по эстетикѣ, основаннаго, однако, не на однихъ логическихъ разсужденіяхъ, а на памятникахъ искусства, въ историческомъ ихъ освѣщеніи. Буслаевъ здѣсь касается такихъ важныхъ вопросовъ, какъ уясненіе понятій—реализма, натурализма, идеализма, матеріализма въ искусствѣ; свои опредѣленія, свои взгляды на истинныя задачи искусства онъ поясняетъ примѣрами, заимствованными не только изъ прошлаго европейскаго искусства, но и современнаго, въ частности русскаго. Въ заключеніи имъ предлагается рядъ выводовъ, представляющихъ собой тѣ требованія, которыя долженъ предъявлять къ себѣ художникъ нашего времени, тѣ пожеланія, которыя, увы, далеко еще не приведены въ исполненіе у насъ въ Россіи и остаются во всей своей силѣ, какъ и 30 лѣтъ тому назадъ, когда нашъ ученый писалъ указанную статью. Укажемъ на нѣкоторыя изъ этихъ выводовъ и пожеланій.

„Отъ художника нашего времени, говоритъ Буслаевъ, требуются обширныя свѣдѣнія и высокая образованность. Онъ долженъ не забавлять красивыми формами, но поучать и руководить. Онъ долженъ не слѣпо идти по тому или другому направленію, но сознательно становиться во главѣ его, на ряду съ другими его представителями"............ Художникъ долженъ относиться къ своему призванію честно, потому что онъ взялъ на себя ве-

[1]) Ів., 852.

[2]) *Ж. М. Н.* П., 1886, VII, 161.

ликую задачу—проповѣдовать правду жизни“ (396). „Воспитаніе въ художникѣ благороднаго, нравственнаго чувства и глубокаго взгляда на *правду* жизни—вотъ главнѣйшее условіе для счастливаго выбора сюжетовъ изъ дѣйствительности“ (400)...“ Если современый художникъ долженъ быть во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ просвѣщенный, то тѣмъ болѣе долженъ онъ получить самое полное эстетическое воспитаніе. Вкусъ не можетъ быть правильно развитъ на однихъ только новѣйшихъ произведеніяхъ. Необходимо изученіе всего художественнаго преданія, завѣщаннаго намъ отъ прошедшихъ временъ“ (404). „Столько же необходимо для воспитанія и вообще русской публики наглядное знакомство съ образцами всѣхъ эпохъ исторіи искусствъ....“ (406). „Какъ бы кто ни смотрѣлъ на современное искусство, говоритъ въ заключеніе Буслаевъ, успѣхи его въ настоящемъ и будущемъ не подлежатъ сомнѣнію. Лучшею гарантіей въ этомъ служитъ всестороннее историческое и эстетическое изученіе художественныхъ произведеній всѣхъ вѣковъ, которое составляетъ одну изъ главныхъ задачъ нашего времени, и особенно у насъ въ Россіи, такой бѣдной художественными преданіями и пособіями дяя эстетическаго образованія“ (407).

Мы далеко не обозрѣли всѣхъ трудовъ Ѳ. И. Буслаева; но мы отмѣтили главнѣйшіе изъ нихъ, указали на содержаніе ихъ, на значеніе для русскаго просвѣщенія. Мы познакомились съ тѣми факторами, съ той подготовительной работой, которую онъ совершилъ для лучшаго выполненія первыхъ. Мы видѣли, что эта подготовительная работа вполнѣ соотвѣтствуетъ плодамъ ея—научнымъ произведеніямъ Буслаева. Она касается именно тѣхъ областей искусствъ, которыя съ такой широтой, глубокимъ пониманіемъ затрогиваются и изслѣдуются имъ въ этихъ его научныхъ трудахъ. Лишь съ такой широкой, основательной подготовкой возможно было сдѣлать то, что Буслаевъ сдѣлалъ для русской науки: установилъ методъ изученія русскихъ памятниковъ искусства, далъ примѣры примѣненія его въ своихъ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ и популярныхъ статьяхъ и очеркахъ. Онъ положилъ фундаментъ для науки русской археологіи, далъ богатѣйшій разработанный матеріалъ для исторіи русскаго искусства. Исходя отъ его трудовъ, поучаясь на нихъ, русская наука въ лицѣ учениковъ его „Буслаевской“ школы, уже начинаетъ обогащаться изслѣдованіями въ разработкѣ того-же матеріала, который онъ впервые плодотворно началъ разрабатывать, освѣщать, уясняя прошлое нашей національной культуры.

Въ его трудахъ, въ его высоко-нравственной обаятельной личности—послѣдующіе дѣятели—въ области научной разработки исторіи нашей культуры—найдутъ всегда образецъ, поученіе. Его значеніе для науки русской археологіи, для исторіи русскаго искусства—въ силу всего этого—является весьма важнымъ. Какъ таковое—оно было признано еще при жизни

Буслаева, особенно по поводу чествованія пятидесятилѣтія его ученой дѣятельности [1]).

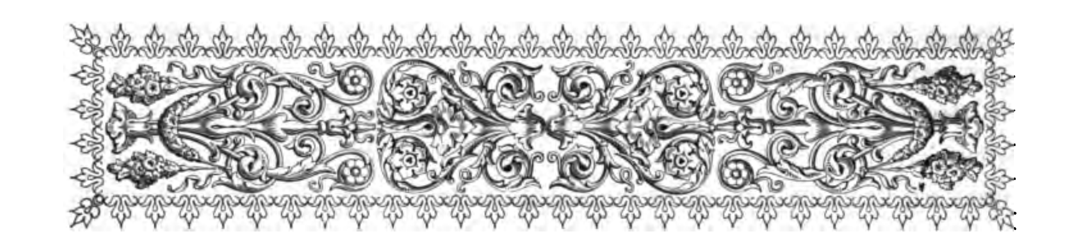
Память научныхъ дѣятелей, подобныхъ Буслаеву—на западѣ чтится высоко, свято послѣдующими поколѣніями. Извѣстно, напримѣръ, какъ чтится въ Германіи память Винкельмана—отца классической археологіи: въ день его рожденія—9 Декабря—устраиваются засѣданія, пишутся спеціально для этого дня сочиненія, статьи. Естественно, что у насъ тѣмъ болѣе должна чтиться память такихъ дѣятелей, какъ Ѳ. И. Буслаевъ, который посвятилъ всю жизнь наукѣ, дѣлу просвѣщенія юношества и общества. Ближайшій долгъ нашъ—исполненіемъ котораго наилучшимъ образомъ будетъ почтена память великаго ученаго—изданіе полнаго собранія его сочиненій. Эти сочиненія, оставленныя имъ намъ—такой богатый источникъ и для спеціальнаго изученія, и для высокопоучительнаго, художественнаго наслажденія, что, сдѣлавъ его доступнымъ всѣмъ, мы дѣйствительно лучшимъ образомъ почтимъ его память.

Мы надѣемся, что имя Буслаева, отца науки русской археологіи, будетъ скоро знакомо нашему учащемуся поколѣнію, какъ ему знакомы имена великихъ русскихъ писателей, что многія изъ произведеній Буслаева войдутъ въ составъ той сокровищницы обязательныхъ для него знаній, въ которой теперь совершенно отсутствуетъ—исторія искусствъ, исторія родной художественной старины, лучшихъ показателей культуры и залога народнаго духовнаго просвѣщенія.

Е. К. РѢДИНЪ.

---

[1]) См. чествованіе пятидесятилѣтней ученой дѣятельности академика и профессора Ѳ. И. Буслаева (въ Москвѣ). Воронежъ, 1889. Дополненіе—въ „*Филолог. Запис.*“ XXVIII (1889), вып. 3—4, и отд. отт.

Въѣздъ Бѣлогородскихъ архіереевъ въ епархію и ѣздъ ихъ по епархіи [1]).

Въѣздъ россійскихъ іерарховъ прежняго времени въ епархіи и ѣздъ ихъ по епархіямъ представляютъ любопытную страницу изъ исторіи отношеній епархіальной власти къ подвѣдомственному духовенству.

Мы представимъ здѣсь, на основаніи архивныхъ документовъ (Курской и Харьковской Духовныхъ Консисторій, а также и Курскаго Знаменскаго монастыря) въѣздъ въ епархію и ѣздъ по епархіи Бѣлогородскихъ архіереевъ прошлаго столѣтія, полагая, что подобнымъ же образомъ эти архіерейскіе въѣзды и ѣзды происходили тогда и въ другихъ епархіяхъ.

Какъ скоро получалось въ епархіи извѣстіе о назначеніи архипастыря епархія спѣшила нарочитымъ посланіемъ привѣтствовать новаго владык, и отъ него обыкновенно получала таковое же. Такъ, Ноября 4 дня 1735 года управители Бѣлогородскаго архіерейскаго дома отправили въ Переяславль къ Преосвященному Арсенію, переведенному указомъ Свят. Синода отъ 17 Сентября 1735 года съ Переяславской епископской каѳедры въ Бѣлгородъ привѣтственное письмо слѣдующаго содержанія: „Ясне въ Богу великій Господинъ Преосвященнѣйшій Арсеній, Епископъ Бѣлградскій и Обоянскій, нашъ въ Духѣ Святомъ милостиво-надежнѣйшій Отче и Архипастырю!—Получивши сего года Октября 31 дня, Ея Императорскаго Величества Все—пресвѣтлѣйшія, Державнѣйшія, Великія Государыни Императрицы Анны Іоанновны, Самодержицы Всероссійскія, изъ святѣйшаго Пра-

---

[1]) Епархія Бѣлогородская, заключавшаяся въ предѣлахъ нынѣшней губерніи Харьковской и частію Курской (изъ послѣдней входили въ нее четыре уѣзда: Бѣлгородскій, Обоянскій, Курскій и Оскольскій), учреждена въ 1667 г. и существовала до самаго конца XVIII вѣка, когда раздѣлилась на двѣ: Харьковскую и Курскую.

вительствующаго Синода мы нижайшіе Вашего Архипастырства раби указъ, нечаянную сподомихомся ощутити сердца наши пронзающую радость, когда чрезъ такъ-долгое время бывшіе въ скорбномъ житіи безъ Пастыря, но по тому Ея Милостивѣйшему указу нынѣ имамы Ваше Преосвященство намъ присножелательнѣ усердственнаго Отца и Архипастыря, ему же сердцемъ и умомъ привѣтствующе вѣщаемъ: „великій господинъ Преосвященный Арсеній, Епископъ бѣлоградскій и обоянскій, да здраствуетъ многа лѣтъ, нашъ Архипастырь! Что-же доселѣ Вашему Преосвященству отъ насъ нижайшихъ, таковой радости исполненныхъ, предложеніемъ о нужнѣйшемъ умедлено, въ томъ, яко всепокорственные Вашего Архипастырства раби, падъ предъ стопы, отъ милостивой десницы просимъ прощенія, маловажное себѣ оправданіе принося, что тому медленію оставшаяся нѣкоторымъ....“ (слѣдующихъ словъ, въ которыхъ должно быть объясненіе сего медленія, разобрать, вслѣдствіе порчи этого мѣста рукописи, нельзя, но, сколько можно догадываться, причина указывается въ оставшейся у нѣкоторыхъ великой скорби о прежнемъ преосвященномъ).... „Нынѣ же малую отъ нея получивши свободу, со всею нижайшею покорностію предлагаемъ и просимъ отъ Вашего Архипастырства нижайшимъ своимъ рабамъ приказанія, куда соблаговолитъ Ваше Преосвященство отправленной быть ризницѣ и для принятія Вашего Преосвященства на престолъ служителямъ, по которому бы Вашего Архипастырства усердно желательному приказанію со всетщательнымъ радости хотѣніемъ могли бы повелѣнное исполнити, въ коемъ нашемъ всеусердственномъ желаніи паче всѣхъ благословеніе Вашего Преосвященства получити лицезрительно съ истиннымъ усердіемъ желающіе и неусыпно просящіе самихъ насъ Архипастыря нашего стопамъ подвергаемъ.

Ясне въ Богу Преосвященства Вашего, нашего въ Духѣ Святомъ преизящнѣйшаго Отца и Архипастыря всеусерествующіе богомольцы нижайшіе послушники и раби“.

Въ отвѣтъ на это привѣтствіе преосвященный Арсеній, изъ Кіева отъ 15 ноября 1735 года, писалъ;

„Пречестнѣйшіе отцы управители дома архіерейскаго бѣлоградскаго!

Писаніе пречестностей вашихъ, нарочнымъ изъ Бѣлгорода отправленное, сего ноября 14 дня получилъ я, которымъ, по силѣ полученнаго Ея Императорскаго Величества изъ Святѣйшаго Правительстеующаго Синода указа, изволили пречестность ваша привѣтствовать меня епархіею бѣлоградскою; за каковое восписанное благосклонное привѣтствіе вашимъ пречестностямъ премного благодарствую и во извѣстіе предлагаю, что и я сего же ноября 11 дня получилъ Всемилестивѣйшій Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійскія указъ отправиться мнѣ изъ Пере-

ярославской въ Бѣлгородскую епархію; и потому радъ бы я всѣмъ моимъ усердіемъ по должности моей исполненіе учинить, точію всемилостивый Богъ еще прошедшаго мѣсяца мая посѣтилъ меня несчастливымъ случаемъ, отъ какого доселѣ презѣльно страдаю и отъ болѣзни весь изнемогаю, и наступать ногою весьма немогу, развѣ на костыляхъ, и то на силу келію возмогу перейдти, впредь же быть ли мнѣ когда при здравіи и наступать ногою мало имѣю надежды. О какомъ моемъ несчастливомъ случаѣ Святѣйшему Правительствующему Синоду доношеніемъ предложить не умедлю. О семъ выразивши, желаю пречестностямъ вашимъ здравія, долгоденствія и всякаго благополучнаго поведенія и о молитвѣ святой прошу".

Преосвященному Лукѣ, переведенному въ 1755 году съ Казанской епископской каѳедры въ Бѣлгородъ, Бѣлогородская Духовная Консисторія отправила съ нарочнымъ въ Казань письмо слѣдующаго содержанія.

„*Преосвященнѣйшій владыко, Милостивый Государь!*

Сего Октября 25-го числа въ присланномъ Ея И. В. изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода въ Бѣлгородскую Духовную Консисторію чрезъ нарочнаго курьера указа объявлено, что Ваше Преосвященство по волѣ Божіей и высокомонаршему имянному указу опредѣлены въ Бѣлоградскую епархію архипастыремъ, о чемъ всеподаннѣйше радуемся и всевождѣленнаго Вашего Преосвященства благополучнаго въ Бѣлоградъ прибытія ожидаемъ, а нынѣ мысленно лобызая святительскую Вашего преосвященства десницу молимъ и молить не престанемъ всемогущество Божіе, да здравіе Вашего Преосвященства соблюдетъ чрезъ должайшія лѣта невредимо, устроя вся яже къ пользѣ и благополучію Вашего Преосвященства, намъ же и всей паствѣ Вашего Преосвященства во всегдашнюю радость и покровительство. При семъ Вашему Преосвщенству всенижайше доносимъ: по силѣ онаго Ея И. В. указа для принятія Вашего Преосвященства въ Москву съ ризницею и служителями изъ дому Вашего Преосвященства обозъ вскорѣ отправленъ будетъ, о благополучномъ же Вашего Преосвященства изъ Казани выѣздѣ всенижайше просимъ чрезъ сего нарочно посланнаго архипастырскимъ увѣдомленіемъ и святительскимъ многомощнымъ благословеніемъ насъ не оставить, которому себя самихъ съ глубочайшимъ почтеніемъ предавъ при усерднѣйшихъ нашихъ недостойныхъ о здравіи Вашего Преосвященства къ Богу молитвахъ пребудемъ"...

(Подпись: Архимандритъ Пахомій и Игуменъ Матѳей).

Преосвященный отвѣчалъ (письмомъ отъ 14 Ноября тогоже 1755 года):

„*Преподобнѣйшимъ Отцамъ архимандриту Пахомію и Игумену Матѳею.*

Писаніе ваше отъ 26 Октября, съ Бѣлгорода чрезъ нарочнаго ко мнѣ отправленное, я въ Казани сего Ноября 8-го получилъ исправно и такою

вашею ко мнѣ отправкою весьма доволенъ, чего для и я на писаніе ваше симъ моимъ писаніемъ же соотвѣтствуя, первѣе вамъ и всей новой паствѣ нашей Божіе здѣ благословеніе предпосылаю и персонально всѣхъ васъ своего времени видѣть Бога молю. Таже что касается до увѣдомленія какъ я съ Казани скоро отъѣду, о семъ извѣщаю. Я уже къ отъѣзду совсѣмъ готовъ, и аще Богъ соблагословитъ, дѣйствительно сего Ноября 16 дня въ путь отправиться намѣреніе имѣю. Почему и вы, когда для пріему моего имѣете людей съ ризницею въ Москву отправлять, можете примѣтить. Впрочемъ препоручая васъ соблюденію вышняго Бога, остаюсь

вашъ доброжелательный Пастырь вышеименованвый

Епископъ Лука"

Въ припискѣ значилось:

„Въ писаніи моемъ предпослалъ я всей епархіи Бѣлогородской Божіе благословеніе, здѣ же особенно Его Высокопревосходительству Господину Губернатору Петру Михайловичу съ сожительницею его и Его Графскому Сіятельству Петру Антоновичу Девіэру, яко епархіи той первенствующимъ, нижайшій мой съ тѣмъ же благословеніемъ поклонъ изображаю и всякаго имъ благополучія желаю".

Одновременно съ такимъ радостнымъ обмѣномъ привѣтствіями, такимъ ликованіемъ епархіи по поводу назначенія новаго архипастыря, шелъ совсѣмъ уже не радостный для епархіи такъ называемый „подъемный" денежный сборъ для снаряженія, куда слѣдовало, приличнаго поѣзда для принятія ново-назначеннаго владыки.

Такъ, въ 1722 году на подъемъ преосвященнаго Епифанія изъ Москвы взято съ монастырей и церквей, на наемъ подводъ подъ ризницу и подъ домовыхъ служителей деньгами, считая по 2 р. за подводу, съ монастырей:

Курскаго Знаменскаго монастыря.	за	20 п.	40 р.
Курскаго Троицкаго дѣвичьяго монастыря	„	3 „	6 „
Курскаго Воскресенскаго собора со всѣхъ жеребьевъ.	„	5 „	10 „
Отъ Бѣлоградскаго Николаевскаго монастыря . . .	„	3 „	6 „
Харьковскаго Преображенскаго монастыря	„	5 „	10 „
Святогорскаго Успенскаго монастыря	„	3 „	6 „
Ахтырскаго Троицкаго монастыря	„	2 „	4 „
Хотмыжскаго Знаменскаго монастыря	„	5 „	10 „
Валковскаго Троицкаго монастыря	„	1 „	2 „
Волуйскаго Успенскаго монастыря	„	2 „	4 „
Обоянскаго Знаменскаго монастыря.	„	1 „	2 „
Новооскольскаго монастыря.	„	1 „	2 „
Сумскаго Успенскаго монастыря	„	3 „	6 „
Краснокутскаго Петропавловскаго монастыря . . .	„	1 „	2 „

Суджанскаго Бѣлогородскаго Николаевскаго монастыря.,	2 р.	4 к.
Суджанскаго Предтечева монастыря.	„ 1 „	2 „
Итого съ 58 подводъ денегъ . . .		116 р.
Села Грайворонъ съ податныхъ черкасъ		40 р.

Бѣлоградской епархіи съ церквей по 25 коп. съ церкви.

А самый поѣздъ, снаряженный на эту сборную сумму, подъ духовныхъ и свѣтскихъ, былъ таковъ:

Подъ ризницу . . . . 2 подводы.

Ризничій или архидіаконъ на своихъ лошадяхъ.

Іеромонаху . . . . 1 подвода.

Поддіаконамъ по . . . . 1 подводѣ.

Пѣвчимъ, сколько ихъ будетъ, по 1 подводѣ, придавъ имъ по одному изъ малыхъ хлопцовъ.

Домовымъ служителямъ тремъ подвода подъ рухлядь.

Поддьячимъ . . . . 1 подвода.

Съѣстныхъ припасовъ въ путь шествующихъ для принятія архипастыря опредѣлено было:

Муки ржаной ситной	20	четверт.
Муки ржаной расхожей	10	„
Муки пшеничной	12	„
Крупъ гречневыхъ	10	„
Пшена	6	„
Солоду	10	„
Гороху	3	„
Пшеницы	2½	„
Ветчины	42	полтня.
Сала свинаго	2	„
Рыбы балыковъ	Количество не означено.	
Сазановъ		
Осетровъ		
Чебаковъ		
Тарани		

П и т ь я:

Вина простаго	8 бочекъ по 20 вед.
Вина двойнаго	2 бочки по 20 вед.
Вина сладкаго	Мѣра не означена.
Вишневки	
Дулевки	
Меду прѣснаго	

Въ такомъ же размѣрѣ и по такой же раскладкѣ на церкви и монастыри произведенъ былъ денежный сборъ на подъемъ и слѣдующаго за Епифаніемъ преосвященнаго Досиѳея (епископствовалъ съ 28-го Ноября 1731 года. до Сентября 1735 года); а на подъемъ преосвященныхъ Петра Смѣлича (съ 11 Января 1736 года до 1 Сентября 1742 года) и Іоасафа Горленко (съ 2 Іюня 1748 года до 10 Декабря 1754 года) съ монастырей собиралось по прежнему, а съ церковныхъ причтовъ—съ священниковъ по полтинѣ, да кромѣ того—съ дьяконовъ и причетниковъ по полу-полтинѣ; усиленіе сбора мативировалось: „за дальнимъ путемъ (въ Петербургъ и обратно) и за умаленіемъ въ Консисторіи денежной казны". На подъемъ преемника Іосафа Горленко, преосвященнаго Луки (1755—1758 г.) собрано было, въ 1755 году, съ церквей (священниковъ, дьяконовъ и причетниковъ) и монастырей шесть сотъ девять рубл. 40 коп. (при какой раскладкѣ—въ документѣ не обозначено) да въ добавокъ къ нимъ изъ епархіальнаго сбора, собраннаго въ томъ же году, назначено на сей предметъ 890 руб. 60 коп., итого—1500 руб., каковая сумма и выдана канцеляристу Якову Ключареву для записи путевыхъ расходовъ при поѣздѣ, снаряженномъ въ Москву для принятія Преосвященнаго Луки. Наравнѣ съ другими монастырями, на этотъ разъ обложенъ былъ „подъемнымъ сборомъ" въ 10 руб. и Харьковскій Коллегіумъ, помѣщавшійся въ Харьковкомъ Покровскомъ монастырѣ и пользовавшійся отчасти, для своего содержанія, средствами этого монастыря (ректоръ Коллегіума былъ вмѣстѣ настоятолемъ этого монастыря); но ректоръ Коллегіума архимандритъ Рафаилъ вошелъ въ Консисторіюсъ представленіемъ что денегъ въ Коллегіумѣ нѣтъ и никогда на такой предметъ не требовалось, да и приравнивать Коллегіумъ къ монастырямъ на томъ только основаніи, что Коллегіумъ помѣщается въ стѣнахъ монастыря и имѣетъ общее хозяйство съ монастыремъ, несправедливо,—и сборъ былъ отмѣненъ. Просилъ также не взыскивать денегъ трехъ рублей игуменъ Старо-Оскольскаго Троицкаго монастыря Филаретъ—за неимѣніемъ въ томъ монастырѣ въ сборѣ денетъ; но ему въ таковой просьбѣ отказано.

И такъ уже самый въѣздъ архіереевъ въ епархію былъ для епархіей не безъ отягощенія.

А еще тягостнѣе должны были быть поѣздки, которыя время отъ времени предпринимались архіереями для обозрѣнія епархіи,—поѣздки, также совершавшіяся на счетъ епархіи, точнѣе—епархіальнаго духовенства, которое обязано было для атихъ поѣздокъ и подводы давать, и продовольствовать архіерея со всѣмисо путствующими ему содержаніемъ, да кромѣ этого и „поклоны подносить".

Въ Духовномъ Регламентѣ есть нѣсколько поучительныхъ для епископовъ правилъ, вызванныхъ излишествами и злоупотребленіями, какія од-

пускались архiереями при посѣщенiи епархiй. Епископамъ внушается, чтобы временемъ для этого посѣщенiя избиралось преимущественно лѣто когда путишествiе требуетъ менѣе издержекъ на кормъ и иныя нужды: „не надобѣ сѣна, а дровъ мало треба. Хлѣбъ, рыба, кормъ конскiй дешевле. И можетъ епископъ не далече отъ города на полѣ въ палаткѣ время перестоять, чтобъ не трудить священства, или гражданъ квартирою, наипаче гдѣ городъ убогiй".

„Если епископъ (во время остановки въ томъ или другомъ мѣстѣ) похощетъ звать къ себѣ гостей, то весь бы тотъ трактаментъ своею казною отправлялъ, а не налагалъ бы побору на священство и на монастыри. И не можетъ извинитися убожествомъ своимъ; ибо не по долгу, но по собстоенной волѣ звать гостей или не звать будетъ".—„Крѣпко же заповѣдать епископъ долженъ служителемъ своимъ, чтобъ въ посѣщаемыхъ городахъ и монастыряхъ благочинно и трезво пребывали, и не творилибъ соблазна; наипаче же не домогались бы у поповъ кушанья и питья, и конскаго корму лишняго. Кольми паче не дерзалибъ грабить подъ видомъ жестокаго наказанiя. Ибо слуги архiерейскiе обычне бываютъ лакомыя скотины; и гдѣ видятъ власть своего владыки, тамъ съ великою гордостью и безстудiемъ, какъ татаре на похищенiе устремляются".

Но эти правила Регламенте оставались для архiереевъ мертвой буквой, и архiереи, нимало не стѣсняясь ими, не только дозволяли свитѣ своей, при объѣздѣ епархiи, лакомиться, но и сами немало лакомились. И, что особенно замѣчательно, къ приготовленiю и поднесенiю этихъ лакомствъ духовенство приглашалось оффицiальными предписанiями подлежащаго начальства (протопоповъ, духовныхъ правленiй), и оффицiальныя записи по сему предмету откровенно велись и представлялись въ Консисторiю.

Такъ, въ 1732 году Харьковскiй протопопъ Григорiй Александровъ инструкцiей попамъ его вѣдомства объявлялъ:

„Сего Января въ 4-е число всемилостивѣйшiй нашъ Архипастырь Божiй (Досиѳей) изволилъ прибыть въ Харьковъ со всею своею ассистенцiею и для прибытiя его Преосвященства и присутствующимъ съ нимъ людямъ для надлежащаго, по должности нашей, Его Преосвященству поклону, особливо же для покупки сѣна и овса лошадямъ; харча людямъ издержано денегъ немалое число, которое уплатить надобно честнымъ людямъ у кого занимали въ скоромъ часѣ, и для оной уплатки, по совѣту градскихъ священниковъ что на какомъ священникѣ, смотря противъ двороваго числа довелось взять, расположили, о чемъ при сей же памяти прилагается именной реэстръ".

Въ реэстрѣ, что Его Преосвященству и ассистующимъ при немъ поклону поднесено, значится:

Поклонъ Его Преосвященству, когда братія приходили 15 р., вина волошскаго ведерко и 3 кварты—2 р. 95 к., осетрины 1 пудъ—70 к., отцу Судіи—2 р., да вина 6 квартъ на 90 к., келейникамъ отцу Антонію рубль и Ивану рубль—2 р., келейнику Димитрію полтина, діакону полтина—1 р. духовнику Иларіону—1 р., пѣвчимъ—1 р., подъяконамъ двумъ—1 р., конюшему—50 к., дѣтямъ боярскимъ—60 к., возницамъ 2 гривны, конюхамъ 10 алтынъ, поварамъ 20 к.—70 к., архимандричьимъ дьяконамъ—50 к., келейникамъ по 20 к., кухарямъ гривна, поддьякону Василію 50 к., куплено во дворъ архіерейскій для пѣвчихъ и дѣтей боярскихъ мяса и гусей на 1 р. 91 к., за подкованіе лошадей архіерейскихъ—35 к., калачей и бубликовъ—30 к., отцу архидіакону поклону—2 р., да вина боченокъ—1 р. 15 к., келейникамъ его—20 алтынъ и боярскому сыну 5 к. Итого 33 р. 40 к.

Въ бумагѣ (отъ 9 мая того же года) къ нѣкоему честному отцу Іоанну Рокитянскому, изъяснивъ что со всѣхъ священниковъ Харьковской протопопіи положенная сумма собрана, а за тѣмъ все-таки остается недоплата честнымъ людямъ рублей въ семь, тотъ же протопопъ Григорій Александровъ объявлялъ новый дополнительный сборъ съ дьяковъ и пономарей.

Въ 1740 году Золочевскій попъ Демьянъ Троицкій протопопу Григорію Александрову относительно пріема въ городѣ Золочевѣ Преосвященнаго Петра рапортовалъ:

Доношу вашей превелебности, что сего 1740 года Октября 9 дня Его Преосвященство у насъ въ Золочевѣ со всѣмъ домомъ своимъ ночевалъ и что въ его бытность издержано сѣна и овса и напою ипрочаго, на то при семъ саморучный священниковъ реэстръ къ вашей превелебности посылаю и просимъ по расположенію вашему на насъ на четырехъ священниковъ зачитать, а что изъ верховъ по реэстру будетъ, то на другихъ благоволите положить Золочевскаго вѣдомства священниковъ, и такіе озурные (озорники) наша братія священники: изъ селъ въ бытность Его Преосвященства не присылали ничего и очей не явили, то мы сами по три фуры отбыли и за нихъ.

Въ приложенныхъ 4-хъ реэстрахъ отъ каждаго священника особо, разныхъ покупокъ: овса, сѣна мяса, рыбы, капусты, цыбули, масла, дегтю, колесъ.... значилось всего вмѣстѣ на 8 р. 15 к.

Въ общемъ же реестрѣ, „что въ Золочевѣ употреблено въ бытность Его Преосвященства и на какіе расходы“, значится:

Архіерею ведерко вина 2 кварты . . .	6 р. 60 к.
Водки ведерко	4 „ — „
Пѣнной горѣлки	5 „ 70 „
Осетръ большой	1 „ — „
Свѣжей рыбы	1 „ — „

Фастка масла	1 „ 20 „	
Калачей	— „ 20 „	
Деньгами архіерею	15 „ — „	
Итого на архіерея . .	34 „ 70 „	

На свиту Его Преосвященства:

Отцу директору	2 р. — к.
Ризничему	1 „ — „
Владиміру (лицо, должно быть, всѣмъ извѣстное)	2 „ — „
Крестовому . , ...	— „ 60 „
Двумъ поддіаконамъ	1 „ 20 „
Пѣвчимъ	1 „ 50 „
Лакеямъ волторнистымъ	1 „ 20 „
Дворецкому	1 „ — „
Конюшему	1 „ — „
Посышнику Якову	— „ 40 „
Поварамъ	— „ 50 „
Возницамъ	— „ 30 „
Конюхамъ	— „ 30 „
Секретарю	2 „ — „
Подканцеляристу	1 „ — „
Тремъ Копійнистамъ.	— „ 60 „
Слугамъ секретарскимъ	— „ 20 „
съ товарищами	— „ 12 „
Итого деньгами . . .	16 „ 92 „
Да покупокъ разныхъ; куръ, гусей, осетрины, масла, свѣчь и дровъ на	4 „ 68 „

Іюня 21 дня 1743 г. по опредѣленію духовнаго Изюмскаго Правленія велѣно двумъ священникамъ города Изюма заготовить для прибытія Преосвященнаго митрополита Антонія въ Изюмѣ разныхъ припасовъ съѣстныхъ и питейныхъ и прочихъ вещей, а какою цѣною что куплено будетъ и что изъ купленнаго издержится въ расходъ, также и сверхъ того—что имѣетъ быть отдано деньгами въ поклонъ преосвященному и другимъ персонамъ, о томъ бы имѣть имъ вѣрную запись. Этотъ Антоній, бывшій до прибытія въ Россію Молдавскимъ митрополитомъ (а принятъ онъ въ Россіи, сначала на Черниговскую, а потомъ на Бѣлгородскую епископскую каѳедру, ради какихъ-то „Россійскому государству и всемилостивѣйшей государинѣ императрицѣ оказанныхъ заслугъ, для которыхъ онъ, свое отечеству оставя, подъ кровъ ея Императорскаго величества радостно съ искреннѣйшею желательностію прибѣгъ"), особенно любилъ „лакомиться" на счетъ епархіи изнуряя ее всякаго рода поборами и мздоимствомъ (см.

о немъ моя статья: „Молдавскій митрополитъ Антоній Черновскій на русскихъ епископскихъ каѳедрахъ—въ „Древн. и Нов. Рос.“ 1880 г. Сентябрь). О такомъ отношеніи его къ епархіи свидѣтельствуетъ, между прочимъ и запись того, что издержано духовенствомъ на пріемъ сего архіерея со свитою въ городѣ Изюмѣ въ 1743 году. Въ ней значится:

Куплено:

Кухва горѣлки съ придачею барилечка . .	19 р. 50 к.
Кухва меду сыченаго	3 „ 60 „
Пива бочка	— „ 90 „
Муки пшеничной 4 мѣшка	— „ 88 „
Ржаной муки 3 мѣшка	— к. 42 к.
Рыбы большой тарани 600 штукъ	1 „ 20 „
Пшена бочка	1 „ — „
Овса въ разное время 58 мѣръ	2 „ 20 „
Балыковъ полтретья пуда и 8 фун. . .	3 „ 75 „
Два осетра	— „ 40 „
Рыбы чебаковъ 150 штукъ	-- „ 50 „
Оселедцовъ 65 штукъ	— „ 10 „
Лимоннаго сока 4 ока	1 „ — „
Оливы 10 фунтовъ	3 „ — „
Рису 13 фунтовъ	— „ 78 „
Розинковъ большихъ и меньшихъ 8 фунт. .	— „ 55 „
Финикъ 1 фунтъ	— „ 12 „
Вина церковнаго 34 кварты	6 „ 40 „
Перца 2 фунта.	1 „ — „
Кмѣну (?) на перегонъ водки 1 фунтъ . .	— „ 6 „
Пива бочка неполная	— „ 80 „
Меду бочку	4 „ 50 „
Желѣза 1 пудъ	— „ 77 „
Юфта	1 „ 20 „
Поддосокъ 4 пары	— „ 47 „
Желѣзныхъ гвоздей на	— „ 10 „
Дегтю 8 ведеръ	— „ 80 „
Дровъ 4 воза	— „ 30 „
Колесъ два буншованныхъ	— „ 50 „
Двѣ бутылки стеклянныхъ	— „ 18 „
Кружка и стаканы	— „ 8 „
Соли въ разное время на.	— „ 45 „
Олеи 4 кварты.	— „ 80 „
Сало подовое	— „ 70 „

Пива и меду пѣвчимъ въ разное время . .	— „ 50 „
Архіерейскимъ служителямъ пива и меду .	— „ 50 „
Въ разное время разныхъ харчевыхъ вещей, как то: рыбы, раковъ, чесноку, цибули, свеклы, калачей, свѣчей	1 „ 21 „
Возжей и веревокъ для увязки фурмановъ .	— „ 87 „
Травы для лошадей архіерейскихъ 19 вововъ.	3 „ 97 „
Да сверхъ того взято въ подъемъ подъ обозъ конскій возъ, которому цѣна	— „ 70 „
Колесо буншованое и окованое кругомъ желѣзомъ.	2 „ — „
Коляска маленькая	1 „ — „
Всего въ расходѣ. . .	69 „ 53 „

Дано деньгами въ поклонъ Преосвященнѣйшему и прочимъ при немъ обрѣтающимся:

Преосвященному	12 р. — к.
Архимандриту Авксентію	2 „ — „
Архидіакону	1 „ — „
Секретарю Илью Филипповичу.	5 „ — „
Поддіаконамъ тремъ.	3 „ — „
Священнику Григорію Савину	1 „ — „
Пѣвчимъ архіерейскимъ	3 „ — „
Духовнику Чернецу	1 „ — „
Діаконамъ двумъ чернецамъ	2 „ — „
Архіерейскимъ келейникамъ троимъ. . .	3 „ — „
Обозному архіерейскому	— „ 50 „
Конюшему и при немъ конюхамъ	2 „ — „
Кухмистеру и повару	1 „ 20 „
Авторнистамъ (?) двумъ	1 „ — „
Лакеямъ архіерейскимъ двумъ	1 „ — „
Гайдукамъ двумъ	1 „ — „
Дворецкому архіерейскому	1 „ — „
Павлу Стефановичу	1 „ — „
Слугамъ архіерейскимъ и хлопцамъ духовника.	— „ 40 „
Казакамъ шорникамъ, да цыгану	— „ 60 „
Кузнецу да колеснику	— „ 25 „
Копеистамъ	— „ 50 „
Дѣтямъ боярскимъ	1 „ — „
Итого на поклонъ . .	44 „ 95 „
А всего	114 „ 48 „

Такого рода архипастырскія посѣщенія епархіи дѣйствительно могли напоминать нашествія татаръ, устремлявшихся на похищеніе, и, если бывали часто, должны были просто разорять духовенство.

Изъ дѣлъ консисторскихъ видно что даже Преосвѣщенный Іоасафъ Горленко, извѣстный своею нестяжательностію и аскетизмомъ, ѣздилъ по епархіи на поповскихъ подводахъ—съ поповскимъ для лошадей прокормомъ: только о презентахъ ему (а не его ассистенціи) не упоминается.

Такъ, Сентября 9 дня 1748 г., извѣщая намѣстника въ городкѣ Ольшанкѣ, что его преосвященство изъ Ахтырки будетъ имѣть трактъ въ Харьковъ чрезъ Ольшанку, протопопъ Григорій Александровъ предписывалъ къ пріѣзду его преосвященства приготовить, что требуется, за честь присутствующимъ съ-ѣстныхъ и питейныхъ припасовъ, а также и для лошадей кормъ со всякаго священника по возу сѣна и мѣшку овса, или искупить, дабы въ прибытіе его преосвященства за ослушаніе ваше не подпали штрафу.

28 Сентября тотъ же протопопъ во время прибытія въ Харьковъ преосвященнаго, въ виду его скораго отъѣзда, предписывалъ попамъ своего вѣдомства на мѣсто отпущенныхъ 60 подводъ, придставить новыхъ столько-же-всякому по доброй лошади съ хомутомъ, дугою, возжами и погонщикомъ къ 1 Октября, и держать ихъ въ готовности, такъ чтобы при повторномъ зовѣ, тогожь часу присланы были,—опять подъ опасеніемъ гнѣва и штрафа отъ Его Преосвященства за ослушаніе. При семъ избѣгая, конечно, гнѣва и штрафа, двое священниковъ, за охрамѣніемъ лошади у одного и неимѣніемъ вовсе у другаго, отбыли повинность деньгами: первый—1 рубль, второй—60 коп.

1751 г. Апрѣля 15 дня, въ Харьковскомъ Духовномъ Правленіи подъ обозъ Его Преосвященства требовано семь лошадей и по очереди къ градскимъ троицкимъ священникамъ посланъ сторожъ Петръ Давиденко, который доношеніемъ объявилъ, что ходилъ онъ къ названнымъ священникамъ, и священника Бориса попадья сказала, что попа въ домѣ не имѣется, а его посланнаго вонъ изъ сѣней выпхала, объявляя, что въ сѣняхъ ихъ всегда живетъ пропажа; послѣ сего второе ходилъ онъ къ попу Борису, и попъ объявилъ, что протопопъ самъ выгадываетъ подводы, а потомъ умышленно, чтобы подводы не дать, съѣхалъ съ дому, и за недачею священникомъ Борисомъ очередной подводы въ поѣздкѣ Его Преосвященства обоза крайнее учинилось замедленіе, за что отъ Его Преосвященства послѣдовалъ было штрафъ на Духовное Правленіе; того ради Харьковское Духовное Правленіе опредѣлило, дабы въ томъ остановки не учинилось, насчетъ попа Бориса нанять подводу, а его самаго въ Духовное Правленіе сыскать, деньги доправить и отдать подводчику, а за ослушаніе

содержать въ богадѣльни на цѣпи, дабы и другимъ впредь ослушаться, а паче противиться высшей власти не повадно было.

И не только своимъ архіереямъ, но и иноепархіальнымъ, пріѣзжавшимъ въ Бѣлгородъ по дѣламъ Бѣлгородской епархіи, духовенству этой епархіи приходилось давать для проѣзда ихъ туда и обратно подводы и прочее, что нужно было для содержанія ихъ, со всею ихъ свитою на время пребыванія ихъ въ епархіи. Такъ, Ахтырскій протопопъ Стефанъ Назаревскій по поводу требованія съ духовенства его протопопіи подводъ для проѣзда Переясловскаго архіерея Гервасія, пріѣзжавшаго въ 1758 году въ Бѣлгородѣ для погребенія тѣла Преосвященнаго Бѣлгородскаго Луки, Бѣлгородской Духовной Консисторіи доносилъ (4 Марта, 1758 года):

„По присланному Ея И. В-ва изъ оной Бѣлгородской Консисторіи указу велѣно для проѣзда Преосвященнаго Гервасія епископа Переясловскаго и Борисопольскаго съ обозомъ въ Бѣлгородъ приготовить съ Ахтырскаго вѣдомства тридцать лошадей со всею упражью, для будущихъ же при обозѣ Его Преосвященства лошадей сѣна и овса потребное число, и по силѣ оного Ея И. В-ва указа какъ возможно о непремѣнномъ исполненіи стараніе въ томъ чинено; токмо, за недородомъ здѣсь прошедшаго лѣта хлѣба и травы, нынѣ крайняя скудность въ сѣнѣ и овсѣ находится, такъ что по тремъ отъ Духовнаго Правленія чрезъ нарочныхъ къ священникамъ посылкамъ самое малое число онаго собрано и съ крайнею нуждою въ проѣздѣ Его Преовященства въ Бѣлгородъ имѣющихся подъ обозомъ лошадей довольствовано, также и въ подводахъ крайній недостатокъ находится, понеже священническія лошади за недостаткомъ корму такъ изнурены, что подъ обозъ Его Преосвященства отнюдь не годятся, а многіе объявляютъ что у нихъ бывшія лошади отъ безкормицы пали, и затѣмъ въ обратный проѣздъ Его Преосвященства довольствовать лошадей, яко сѣна въ Ахтырскѣ нынѣ и купить негдѣ, и поднять съ Ахтырскаго вѣдомства отнюдь будетъ нечѣмъ; а яко и прошедшими годами, по умертвіи Преосвященнаго Іоасафа, епископа Бѣлгородскаго, въ проѣздъ въ оба пути Преосвященнаго Іоанна, епископа Переяславскаго же, для погребенія, токмо съ одного Ахтырскаго вѣдомства такое же довольствіе и подводами вспоможеніе чинено, и затѣмъ оному вѣдомству не безъ отягощенія слѣдуетъ противу другихъ, того ради Бѣлгородскую Духовную Консисторію прошу покорно дабы повелѣно было въ обратный проѣздъ Его Преосвященства съ находящихся въ близости другихъ вѣдомствъ, яко то Боромленскаго и Краснокутскаго, сѣномъ и овсомъ удовольствіе, также и подводамъ учинить вспоможеніе и о томъ, что повелѣно будетъ, имѣю ожидать резолюцію, дабы мнѣ, ежели въ проѣздъ Его Преосвященства, послѣдуетъ какая остановка, не понесть штрафа“.

А Консисторія на такое доношеніе Ахтырскаго протопопа отвѣтили такимъ опредѣленіемъ (отъ 10 Марта того же года):

„Оный протопопъ Назаревскій за таковую въ проѣздъ Его Преосвященства непоставку подводъ и неудовольствіе кормомъ будущихъ при обозѣ Его Преосвященства лошадей, какъ и въ доношеніи представляетъ что самое малое число корму собрано, такожъ по полученіи указа о подводахъ по приготовленію корму чрезъ долгое время въ консисторію о томъ не представлялъ, хотя и подлежалъ не малому штрафу, но на первый разъ оное ему отпустить; а дабы во время проѣзда обратно Его Преосвященства въ Переяславль какъ въ подводахъ такъ и въ прочихъ потребностяхъ нужды не происходило, понеже за краткость времени и изъ прочихъ вѣдомствъ подводъ сѣна и овса въ Ахтырку поставить невозможно, оному протопопу Назаревскому сѣно, овесъ и прочее, такожъ и подводы, нанять изъ собственнаго своего кошту, подъ опасеніемъ за неисполненіе неупущаемаго штрафа, и что издержано для проѣзда Его Преосвященства со свитою сѣна и овса и прочихъ разныхъ припасовъ будетъ, о томъ представить оному протопопу по самой сущей справедливости безъ всякаго излишества въ Консисторію при доношеніи вѣдомость, почему надлежащее разсмотрѣніе и расположеніе на показаніе вѣдомства учинено будетъ; а колико въ проѣздъ Его Преосвященства изъ Переяславля въ Бѣлгородъ для будущихъ при обозѣ лошадей сѣна и овса въ Ахтыркѣ было собрано и къ расходу выдано, о томъ оному протопопу Назаревскому прислать въ Консисторію отвѣтъ и о вышеписанномъ къ оному ахтырскому протопопу послать Ея И. В. указъ“.

Трудно опредѣлить, какъ долго лежала на духовенствѣ бѣлгородской епархіи, и когда кончилась, эта тягостная повинность—довольствовать архіереевъ и подводами для нужныхъ имъ поѣздокъ, и содержаніемъ, угощеніемъ ихъ во время этихъ поѣздокъ и наконецъ даже подарками. Высочайшимъ указомъ 18 апрѣля 1765 года, отмѣнявшимъ разные сборы съ духовенства въ пользу архіереевъ, между прочимъ предписывалась и то, чтобы архіереямъ „во время архіерейскаго своей епархіи посѣщенія на подводы и на прочее отнюдь не требовать“ (П. С. З. XVII, 12379); но позволительно думать, что и послѣ этого указа духовенство продолжало давать архіереямъ не только подводы, [1]) но и *прочее*—такъ, по крайней мѣрѣ, можно заключать изъ аналогичныхъ съ этимъ „прочимъ“ монастыр-

[1]) Подводную повинность, при объѣздѣ архіереемъ епархіи, духовенство продолжало отбывать даже до времени Императора Николая I, когда по докладу Св. Синода Государю повелѣно было высочайшимъ указомъ 1828 г. давать архіереямъ для объѣзда епархій прогоны, митрополитамъ на 15, архіепископамъ и епископамъ на 12, викаріямъ на 10 лошадей. (2 Собр. Зак. III, 1952, 1953).

скихъ презентовъ, подносившихся, по разнымъ случаямъ, архіереямъ. Вотъ для примѣра, любопытныя записи на этотъ счетъ, сохранившіяся въ архивѣ Курскаго Знаменскаго монастыря:

„1780 г., декабря 10 дня, Курскаго Богородицнаго Знаменскаго монастыря архимандритъ съ братіею согласно приговорили: для наступающаго сего декабря шестаго на десять дня ангела нашего преосвященнаго архипастыря Аггея, епископа Бѣлградскаго, къ поднесенію къ столу его высокопреосвященства искупить въ Курскѣ на церковныя ризничныя деньги, которыя деньги для покупки выдать ризничему игумену Филарету, а искупить (и искуплено) нижеслѣдующее, а именно: замшевыя черныя шитыя золотомъ и серебромъ перчатки,—одни—за четыре рубля; французской водки цѣлый анкорокъ въ три ведра за 30 рублей; полпуда изюму—фунтъ по 8 коп.—за 1 р. 60 к.; полпуда чернослива—фунтъ по 5 коп., за 1 р.; полпуда рису, фунтъ по 12 коп., за 2 р. 45 коп.; маслинъ черныхъ 12 фунтовъ--по 12 коп., за 1 р. 44 коп.; икры малосольной полпуда—фунтъ по 19 коп., за 3 р. 80 коп.; рыбы осетра малосольнаго одинъ пудъ и 9 фунтовъ, по 6 коп. фунтъ, за 2 р. 94 коп.; рыбы севрюги малосольной 1 пудъ съ фунтомъ, по 5 коп. фунтъ, за 2 р. 5 коп.; да трудящимся консисторскимъ присутствующимъ и домовымъ его Высокопреосвященства искупить и искуплено... (названія вещей въ рукописи неудоборазбираемы)— цѣною за 10 руб. и къ доставленію прописанныхъ покупныхъ вещей въ Бѣлгородъ нанять на ризничныя же деньги добраго и надежнаго человѣка, и нанятъ города Курска однодворецъ Илья Стрѣлковъ за 4 рубля. А того всего на вышеозначенную покупку и за наемъ отвощика издержано денегъ 63 р, 23 коп., въ чемъ какъ Настоятель, такъ и братія подписались, а сей приговоръ впредь для вѣдома записать въ Консисторскій журналъ". (Слѣдуютъ подписи архимандрита Лаврентія съ братіею въ числѣ 10 человѣкъ).

Въ 1781 году, Февраля 4 дня, тѣже согласно приговорили: „для наступающаго сего февраля 9 дня, въ который день его высокопреосвященство нашъ архипастырь Аггей, епископъ Бѣлгородскій и Обоянскій, произведенъ на Бѣлогородскій престолъ, въ знакъ своему архипастырю обязанности, яко всегдашнему нашему богомольцу, закупить на церковныя ризничныя денежныя суммы къ столу его высокопреосвященства: рыбы осетрины до 5 пудовъ, лимоновъ свѣжихъ до 50, да трудящимся дому его высокопреосвященства эконому іеромонаху Геннадію, казначею іеромонаху Тихону, іеромонаху Оресту купить по клубуку, и оное все, нанявъ подводчика вѣрнаго, отослать въ Бѣлгородъ въ домъ его высокопреосвященства, въ чемъ и подписались; а сей приговоръ записать въ Консисторскій журналъ впредь для вѣдома". На полѣ собственною рукою архимандрита заботливо отмѣчено: „и для консисторскихъ рыбы севрюги болѣе пуда послать".

Въ томъ же году, марта 15 дня тотъ же архимандритъ съ братіею согласно приговорили: „для наступающаго сего марта 24 дня праздника Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы къ столу его высокопреосвященства архипастырю нашему Аггею, епископу Бѣлоградскому и Обоянскому, въ знакъ обязанности нашей ко всегдашнему нашему богомольцу архипастырю, закупить на церковныя ризничныя денежныя суммы, а именно: лимоннаго соку одинъ пудъ, французскаго вина два ведра, бальзаму рижскаго три кувшинчика, сыропу земляничной ягоды полведра, черныхъ маслинъ десять фунтовъ, да консисторскимъ трудящимся двѣ банки бальзаму рижскаго, да отцу казначею дома его высокопреосвященстве банку бальзама".—Этотъ мартовскій подарокъ былъ посланъ отцемъ архимандритомъ при истинно-тяжелыхъ для него объстоятельствахъ: въ монастырѣ учинилось противъ него какое-то возмущеніе, іеродіаконъ Лаврентій нанесъ ему побои дубиною; архимандритъ обратился съ просьбою о своей защитѣ и водвореніи въ обители порядка въ намѣстническое цравленіе, и городничій Балабановъ далъ капралу Кочергину приказъ идти въ монастырь и тамъ надсматривать, чтобы никакихъ не происходило ссоръ и дракъ между находящимися въ томъ монастырѣ монашествующими, каковый приказъ и былъ торжественно объявленъ всей братіи въ трапезѣ при собраніи всѣхъ монастырскихъ штатныхъ служителей; архіерей, узнавъ о всемъ происшедшемъ изъ сообщенія намѣстническаго правленія—отъ 12 марта 1781 года, слѣдовательно незадолго до присланнаго презента, въ указѣ, посланномъ архимандриту, выразилъ уже ему свое неодобреніе, для чего онъ, архимандритъ „минуя духовную команду и презирая опредѣленную отъ Бога и монарховъ существенную власть свою", обратился къ власти чуждой,—и назначилъ (архіерей) для разбора дѣла комиссію.—При такихъ обстоятельствахъ, отцу архимандриту, конечно должно было быть особенно утѣшительно слѣдующее любопытное письмецо отъ эконома архіерейскаго дома іеромонаха Тихона, также сохранившееся въ дѣлахъ монастырскихъ (отъ 22 того же марта), извѣщающее отца архимандрита, какъ его преосвященство принялъ означенный къ празднику благовѣщенія монастырскій презентъ а, можетъ быть, и другой нѣкій, спеціально отъ архимандрита посланный (по письму можно предполагать и это) гостинецъ: „Письмо отъ вашего высокопреподобія я имѣлъ честь сего марта 22 числа получить. Прописанное въ ономъ приложеніе представленно его преосвященству исправно и принято съ удовольствіемъ, за что мнѣ приказано вашему высокопреподобію поблагодарить.—Что же до меня касается. то всѣ ласки вашего высокопреподобія, равно какъ и нынѣ оказанная милость и благотвореніе навсегда чувствительны въ моемъ сердцѣ пребудутъ". Въ припискѣ значится: „P. S. Бальзамъ, присланный отъ вашего высокопреподобія, на что служитъ и отъ

чего пользуетъ и какъ его употреблять, здѣсь никто незнаетъ; ежели имѣются у васъ какія предписанія, прошу покорно оными пожаловать не оставить наставленіями, чего здѣсь съ нетерпѣливостію ожидаютъ, а до того и употреблять его никто не смѣетъ".

18 Апрѣля тогоже года-это, вѣроятно, уже къ празднику пасхи-монастырскій совѣтъ дѣлаетъ постановленіе о новыхъ его преосвященству презентахъ, именно положили: „закупить у пріѣзжикъ въ Курскъ грековъ вина монастырскаго три ведра, полыннаго краснаго три ведра, бѣлаго монастыряцкаго же три ведра, итого-девять ведеръ, изъ церковной восковой суммы, и какъ оное вино, такъ и на то посуду купить поручается іеромонаху Онуфрію, да священнику Симеону, а на ту покупку деньги получатся отъ ризничнаго игумена Филарета изъ восковой суммы же, а у кого именно и по какой цѣнѣ куплено будетъ, за роспискою представить архимандриту Лаврентію съ братіею... И сей приговоръ записать въ консисторскій журналъ впредь для вѣдѣнія" 1).

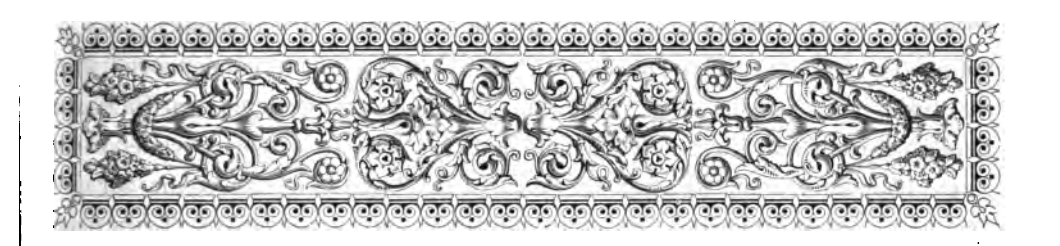
Если монахи въ знакъ обязанности своей къ архипастырю, яко всегдашнему ихъ богомольцу, усердствовали посылать ему такіе презенты, можно думать, что и духовенство епархіальное съ своей стороны не уступало имъ въ сознаніи и исполненіи таковой обязанности, и если „всегдашній богомолецъ" принималъ „съ удовольствіемъ" приношенія отъ монастыря, нѣтъ основанія думать, чтобы онъ отвергалъ усердіе и духовенства: только документовъ о такомъ усердіи изъ второй половины восемнадцатаго столѣтія въ въ архивахъ консисторскихъ мы уже не встрѣчали.

Амфіанъ ЛЕБЕДЕВЪ.

---

1) Эти „монастырскіе записи о презентахъ архіереямъ" были уже напечатаны мною въ журналѣ „Миръ", 1881 г., Октябрь.

Происхожденіе Анекдотовъ въ русской народной словесности.

Греческое слово „анекдотъ“ (ἀνέκδοτον) первоначально обозначало сочиненіе „неизданное“, дотолѣ неизвѣстное публикѣ; въ эпоху книгопечатанія оно продолжало сохранять это свое значеніе, и подъ общимъ именемъ „anecdota“ впервые были напечатаны нѣкоторыя древнія сочиненія или пергаменты изъ произведеній греческихъ и римскихъ писателей, до тѣхъ поръ не появлявшихся въ свѣтъ. Отсюда „анекдотъ“ получилъ дальнѣйшее развитіе и, съ теченіемъ времени, сталъ обозначать „неупомянутый“ прежними авторами, преимущественно историками, какой-нибудь особенно характерный фактъ, случай, или особенное обстоятельство. Желая щегольнуть другъ передъ другомъ начитанностью, историки разукрашивали свои сочиненія разными подробностями, не только не имѣвшими никакого отношенія, къ исторіи, но и отходившими часто въ область фантазіи. –Въ дальнѣйшемъ анекдотъ расширилъ свою область. Наравнѣ съ историческими подробностями подъ этимъ терминомъ стали подразумѣваться вообще болѣе или менѣе интересные отдѣльные факты, главнымъ же образомъ мелкіе, остроумные разсказы и исторійки, поражавшіе своей неожиданностью и легкостью. [1]) Появленіе самаго термина „анекдотъ“ въ Россіи относится ко второй половинѣ XVIII вѣка, когда анекдотами стали называться древнія смѣхотворныя повѣсти, извѣстныя уже въ XVII вѣкѣ и зашедшія въ Россію изъ западной Европы черезъ посредство Польши [2]). Въ Польшѣ эти разсказы назывались фацеціями или жартами, при чемъ въ основу ихъ легли италіанскіе сборники фацецій, впервые появившіеся въ концѣ XV вѣка (1470 г.). „Особенное развитіе новеллы и легкихъ шуточныхъ разсказовъ“,

[1]) Meier's Conversations-Lexicon подъ слов. „Anecdote“.

[2]) Энциклопедическ. Словарь Брокгауза и Ефрона подъ слов. „Анекдоты“.

говоритъ А. Н. Пыпинъ, [1]) „дало другой колоритъ и собраніямъ анекдотовъ". Въ чемъ же заключалась эта перемѣна въ области анекдота? Дѣло въ томъ, что раньше, до появленія италіанскихъ фацецій, въ Западной Европѣ ходили еще и другіе сборники разсказовъ различнаго содержанія. Такіе сборники появились впослѣдствіи и въ Россіи, и уже самое заглавіе ихъ даетъ ясное понятіе о содержавшихся въ нихъ разсказахъ. Такъ напр. извѣстная польская книга „Апофѳегмата", вышедшая еще въ концѣ XVI вѣка, въ 1711 году была напечатана на русскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „Краткихъ, витіеватыхъ и нравоучительныхъ повѣстей, кнгіи трі. Въ нихъ же положены различныя вопросы и отвѣты, житія, и поступки, пословицы и бесѣдованія различныхъ философовъ древніхъ. Переведены съ польскаго на словенскои языкъ.... Повеленіемъ же Царскаго Величества напечатаны въ Москвѣ лѣта господня 1711 въ мартѣ". Второе изданіе того-же сборника озаглавлено такъ: „Апофѳегемата, то есть краткихъ вітіеватыхъ и нравоучительныхъ рѣчей, кніги три". Подобный, очень распространенный въ Россіи сборникъ повѣстей, извѣстныхъ подъ именемъ, Римскихъ Дѣяній также отличался нравоучительнымъ характеромъ. Но въ данный моментъ мы не имѣемъ въ виду подробно останавливаться ни на этихъ сборникахъ, ни на вліяніи, которое они оказали на русскую словесность; все это мы отложимъ до болѣе удобнаго случая. Теперь-же обратимся къ собственно анекдоту и попытаемся опредѣлить объемъ термина „анекдотъ" и отношеніе его къ нѣкоторымъ другимъ видамъ народной словесности. При этомъ главной нашей цѣлью будетъ отмѣчать тѣ явленія, которыя такъ или иначе способствовали происхожденію анекдота.

Съ самаго начала надо замѣтить, что работа наша имѣетъ въ виду народный анекдотъ, а потому область собственно анекдота волей—неволей должна съузиться. Судя по тѣмъ образцамъ, которые намъ удалось прочесть и усвоить, мы должны были исключить съ одной стороны тѣ изъ анекдотовъ, которые носятъ характеръ историческій; съ другой тѣ, которые содержатъ въ себѣ элементъ нравоучительный. Чисто историческаго анекдота мы не нашли въ рекомендованныхъ намъ сборникахъ, не нашли также и нравоучительныхъ анекдотовъ, какіе встрѣчаются въ сборникахъ западно-европейскихъ, перешедшихъ къ намъ, какъ мы упоминали выше, черезъ посредство Польши. Говоря объ италіанскихъ фацеціяхъ и о другихъ повѣстяхъ и разсказахъ такого рода, А. Н. Пыпинъ замѣчаетъ, что они были приняты съ большой охотой и затронули народную юмористическую струну [2]). „Нѣкоторые изъ нихъ, продолжаетъ авторъ, перешли и

[1]) А. Н. Цыпинъ „Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ" С.-ПБ. 1857 г. стр. 262,

[2]) Пыпинъ, Очеркъ пов. и сказ. стр. 265.

въ нашу народную словесность". Фактъ такого перехода налицо, и мы безъ особеннаго труда могли бы отмѣтить нѣкоторые изъ нихъ, но дѣло не томъ, что они перешли, а какъ и въ какомъ видѣ перешли. Анекдотъ, притча или прикладъ (польск. przykład), какимъ онъ вошелъ въ западные сборники, служилъ цѣлямъ религіозно-назидательнымъ. Изъ устъ проповѣдника онъ исходилъ какъ „примѣръ, какъ иллюстрація того, о чемъ говорилъ поборникъ добрыхъ нравовъ; и такая притча непремѣнно заканчивалась нравоученіемъ, откуда нѣкоторые сборники получили эпитетъ optime moralizatus. 1) Даже къ анекдотамъ весьма обсценнаго содержанія составители или проповѣдники умудрялись привѣшивать нравоученіе, морализацію. Народъ, заимствовавшій нѣкоторые изъ этихъ анекдотовъ черезъ посредство духовныхъ лицъ или непосредственно изъ сборниковъ, не интересовался однако моралью, а удерживалъ лишь самый анекдотъ, который, если и служилъ какимъ-либо цѣлямъ, то только цѣлямъ увеселенія. Такимъ мы представляемъ себѣ народный анекдотъ, такимъ мы нашли его въ сборникахъ. Поэтому намъ пришлось исключить все остальное, что не подходило подъ установленныя нами рамки; не вошли въ нашу работу напр. такіе анекдоты, какіе въ 1811 г. издалъ Сергѣй Глинка [2]) и какіе въ 1896 г. напечаталъ Ив. Ѳеоктистовъ [3]). По равнодушію, съ какимъ народъ относился въ данномъ случаѣ къ нравоученію, русскій народный анекдотъ близко подходитъ къ нѣмецкимъ разсказамъ, собраннымъ Гагеномъ [4]). Собиратель замѣчаетъ въ предисловіи, что „мораль въ издаваемыхъ имъ разсказахъ играетъ такую же роль какъ и самая безнравственность ихъ содержанія"; что легкомысленное въ нихъ скабрезно настолько же, насколько назидательна легенда: онѣ столько же имѣютъ цѣлью совращать, сколько наставлять на путь истинный. Das Gesamtabenteuer, заканчиваетъ авторъ, вообще не хочетъ поучать. Интересъ слѣдовательно заключался въ живости и легкости самого разсказа, въ комическихъ положеніяхъ дѣйствующихъ лицъ и, наконецъ, въ пикантности любовной завязки, мотива, часто встрѣчающагося въ анекдотахъ. Фактъ здѣсь былъ интересенъ какъ фактъ, выхваченный изъ народной жизни, или хотя бы

---

1) Пыпинъ, Очеркъ пов. и сказ. стр. 182.

Любопытно, что въ настоящее время замѣчается подобное явленіе въ Англіи, гдѣ на дняхъ вышла книга подъ заглавіемъ: „The World of moral and religious anecdote by D. Paxton-Nood (Міръ нравственнаго и религіознаго анекдота сост. Дж. Пакстонъ Гудъ), книга, распространенная вь средѣ пасторовъ и учителей народныхъ школъ.

2) Серг. Глинка, Русскіе анекдоты военные, гражданскіе и историческіе, изображающіе свойство и т. д. Москва 1811 г.

3) Ив. Ѳеоктистовъ. Анекдоты и преданія о Петрѣ Великомъ по Голикову и др. С.-ПБ 1896 г.

4) Von der Hagen, Gesamtabenteuer 100 Erzählungen Tübingen 1852.

пріуроченный къ ней, фактъ изложенный въ игривой формѣ. Слушатель не желалъ вовсе выносить изъ предлагаемаго ему разсказа правила житейской мудрости, и довольствовался тѣмъ развлеченіемъ, которое доставлялъ онъ. „Наше поколѣніе, говоритъ Гастонъ Парисъ, [1]) повторяетъ нѣкоторые изъ нихъ (подобныхъ разсказовъ)... только ради смѣха, такъ какъ они остроумны и пикантны ......" и держатся (такіе разсказы), замѣчаетъ проф. Сумцовъ, [2]) по комизму положеній дѣйствующихъ въ нихъ лицъ, какъ вполнѣ подходящее средство увеселенія досужаго слушателя. Строя предположенія относительно происхожденія различныхъ видовъ поэзіи, Шереръ [3]) приводитъ эпизодъ изъ Одиссеи, (8, 266), разсказывающій про Ареса и Афродиту, которыхъ Гефестъ застаетъ на мѣстѣ преступленія, и которые служатъ затѣмъ зрѣлищемъ для боговъ. Мы имѣемъ здѣсь, говоритъ авторъ, разсказъ, вызывающій смѣхъ, веселое представленіе (Vorstellung) эротическаго содержанія, вызванное въ жизнь въ формѣ разсказа (разсказъ этотъ вполнѣ подходитъ подъ наши рамки, и мы не задумаемся признать его за анекдотъ). Здѣсь такимъ образомъ, продолжаетъ Шереръ, мы встрѣчаемъ тотъ видъ разсказа, который, какъ извѣстно, принадлежитъ къ древнѣйшимъ видамъ, какіе мы только нашли у первобытныхъ народовъ. Въ этомъ примѣрѣ возбужденіе смѣха посредствомъ эротическаго представленія, посредствомъ любовнаго приключенія есть прямая цѣль".

Только что приведенными словами Шерера мы могли бы воспользоватся для опредѣленія анекдота, если бы они не были нѣсколько односторонни и не заключали въ себѣ только тотъ анекдотъ, который содержитъ элементъ эротическій. Мы тѣмъ охотнѣе воспользовались бы такимъ опредѣленіемъ, что встрѣчаемъ на этотъ счетъ нѣкоторыя затрудненія. Наши историки литераторы почти совсѣмъ не затрагиваютъ области анекдота, а трактуютъ о немъ въ связи съ родственной ему сказкой. Такъ напр. въ Исторіи русской словесности И. Порфирьева сказано [4]): „Область народной словесности, или вѣрнѣе народной поэзіи составляютъ миѳическія и героическія пѣсни, былины, поэмы, сказки, пословицы, заговоры, загадки". Объ анекдотѣ, какъ видимъ, не упомянуто, и мы должны предположить, что авторъ понималъ слово „сказка" какъ болѣе широкое родовое понятіе. Въ Исторіи литературы Галахова [5]) читаемъ между прочимъ: „Бытовыя сказки могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи. Въ одной—древнѣйшей,

---

[1]) Изъ статьи проф. Н. Ф. Сумцова, Пѣсни о гостѣ Терентіи и родствен. имъ сказки. Этнограф. Обозрѣніе 1892 г. № 1.

[2]) Пѣсни о Гостѣ Терентіи.

[3]) Wilhelm Scherer, Poetik Berlin 1888 стр. 90.

[4]) Порфирьевъ часть I Введеніе стр. 8.

[5]) Галаховъ Исторія литературы стр. 23.

слѣды миѳологическаго взгляда на природу сохранились въ чудесныхъ, фантастическихъ образахъ. Ко второй категоріи бытовыхъ сказокъ относятся тѣ, въ которыхъ сверхъестественный элементъ совсѣмъ утратился, такъ что содержаніе ихъ обратилось въ чисто житейское, бытовое. Таковы напр. разсказы о ловкихъ продѣлкахъ солдатъ, воровъ, разныхъ „докъ" потѣшающихся надъ простофилями, сказки объ инородцахъ—жидахъ, татарахъ, черемисахъ, цыганахъ, которые оказываются всегда глупѣе русскаго и дѣлаются жертвою его шутокъ. (Набитый дуракъ, Воръ, Дока на доку, Солдатская загадка. Разсказы объ инородцахъ, Народные анекдоты). Изъ словъ Галахова выходитъ, что всѣ анекдоты произошли изъ сказокъ, что бытовая, часть ихъ уже есть въ нѣкоторомъ родѣ анекдотъ. Для нѣкоторыхъ анекдотовъ эти слова имѣютъ силу, и мы попытаемся подтвердить ихъ; но для большинства это мнѣніе не совсѣмъ точно, и терминъ „сказка" какъ понятіе родовое для всѣхъ видовъ подобнаго разсказа, является неудобнымъ. Если мы вспомнимъ теперь слова проф. Алексѣя Веселовскаго 1), то, какъ намъ кажется, подойдемъ ближе къ истинѣ. Если одна группа сказокъ, говоритъ авторъ, представляетъ немало зародышей драматическихъ и романическихъ сюжетовъ, то другой отдѣлъ рисуетъ забавныя стороны жизни. Сказка этого рода скромна на видъ, часто переходитъ въ комическій анекдотъ, въ „присказку", но ея герои и бытовыя сцены взяты изъ дѣйствительности; въ ней выступаютъ простаки и плуты, крестьянинъ въ городѣ, базарныя сцены, великоруссъ съ малороссомъ, евреи, татары, цыгане, барышники, странники и монахи, каждый со своими особенностями, со своимъ юморомъ, оригинальною рѣчью."— Въ то время, какъ „вторая группа бытовыхъ сказокъ" у Галахова „утративъ сверхъ-естественный элементъ," остается бытовыми сказками, у проф. Веселовскаго, онѣ „часто переходятъ въ комическій анекдотъ," и слѣдовательно перестаютъ быть сказками. Такимъ образомъ, независимо отъ своего происхожденія, анекдотъ обособляется отъ сказки, что намъ даетъ право подвести его подъ отдѣльный, самостоятельный типъ прозаическаго разсказа. Уже по внѣшности анекдотъ часто отличается отъ сказки, но главнымъ образомъ онъ обособляется въ силу своего внутренняго содержанія, въ силу своеобразной обработки мотива, хотя основа, самый мотивъ можетъ остаться одинъ и тотъ же. Поэтому, какъ бы близко ни прикасались другъ съ другомъ сказка и анекдотъ, между ними есть различіе, между ними возможно провести грань, хотя можетъ быть, и несовсѣмъ точную, грань, которая бы показала, гдѣ кончается область собственно сказки и начинается анекдотъ. Въ виду этого намъ придется остановиться на сказкѣ и составить себѣ общее понятіе о сущности ея.

---

1) Алексѣй Веселовскій, Лекціи по русской литературѣ, читан. въ Импер. Драмат. Училищѣ въ Москвѣ въ 1892/3 г. Стр. 12.

„Сказка, говоритъ И. Порфирьевъ, [1]) составляетъ вымыслъ, и не такой вымыслъ, какой обыкновенно бываетъ напр. въ романахъ и повѣстяхъ новаго времени, но фантастическій, т. е. въ сказкѣ часто изображаются такія лица и предметы представляются съ такими свойствами, какими они въ дѣйствительности не обладаютъ". Рядомъ съ этимъ Порфирьевъ приводитъ извѣстныя слова Аѳанасьева [2]). „Сравнительное изученіе сказокъ, живущихъ въ устахъ индоевропейскихъ народовъ, приводитъ къ двумъ заключеніямъ: во 1-хъ, что сказки создались на мотивахъ лежащихъ въ основѣ древнѣйшихъ воззрѣній арійскаго народа на природу, и во 2-хъ что, по всему вѣроятію, даже въ эту давнюю арійскую эпоху были выработаны главные типы сказочнаго эпоса и потомъ разнесены раздѣлившимися племенами въ разныя стороны, на мѣста ихъ новыхъ поселеній, сохранены же народною памятью, какъ и всѣ повѣрья, обряды и миѳическія представленія. И такъ сказка не пустая складка, въ ней, какъ и вообще во всѣхъ созданіяхъ цѣлаго народа, не могло быть, и въ самомъ дѣлѣ нѣтъ ни нарочно сочиненной лжи, ни намѣреннаго уклоненія отъ дѣйствительнаго міра...... Чудесное сказки есть чудесное могучихъ силъ природы; въ собственномъ смыслѣ оно нисколько не выходитъ за предѣлы естественности, и если поражаетъ насъ своею невѣроятностью, то единственно потому, что мы утратили непосредственную связь съ древними преданіями и ихъ живое воспоминаніе".—„И такъ, продолжаетъ Порфирьевъ, [3]) чудовищные и фантастическіе образы въ сказкахъ суть образы миѳическіе, въ которыхъ въ древнія времена представлялась дѣятельность силъ обоготворенной природы; когда забылись миѳы, потеряли смыслъ и сказочные образы. Впослѣдствіи ихъ стали переносить на людей и дѣйствія человѣческія. Но то, что казалось понятнымъ и естественнымъ, когда было лишь символомъ извѣстнаго явленія природы, сдѣлалось непонятнымъ и неестественнымъ, когда стало прилагаться къ дѣйствіямъ человѣческимъ; сказочные образы получили характеръ чудесныхъ и чудовищныхъ. Утративъ миѳическій смыслъ сказка сдѣлалась такимъ нравоописательнымъ разсказомъ, въ которомъ воззрѣнія народа и черты нравовъ дѣйствительной жизни самымъ страннымъ образомъ перемѣшаны съ старинными, потерявшими смыслъ, миѳическими представленіями...... Въ сказкахъ позднѣйшаго происхожденія преобладаетъ уже бытовой и нравоописательный элементъ. Чудесное миѳическое въ этихъ сказкахъ смѣняется чудеснымъ христіанскимъ, и самая сказка

---

[1]) Порфирьевъ Истор. русск. словесн. Ч. I стр. 148.

[2]) Изъ статьи Аѳанасьева „Сказка и миѳъ" въ Филолог. Зап. 1864 г. Вып. I и II стр. 3.

[3]) Порфирьевъ стр. 152.

часто имѣетъ характеръ религіозной легенды, изображающей понятія и нравы временъ христіанскихъ".—„Сказка, замѣчаетъ Галаховъ, [1]) не имѣетъ даже отдаленнаго отношенія къ исторіи; она пренебрегаетъ правдоподобіемъ и сама даетъ знать о себѣ, какъ о вымыслѣ, въ самомъ приступѣ къ разсказу не содержащемъ никакихъ ясныхъ указаній...... Фантазія въ сказкѣ дѣйствуетъ смѣлѣе, произвольнѣе и безсвязнѣе: обиліе чуднаго, небывалаго, невозможнаго и составляетъ ея характеристическій элементъ".—Въ статьѣ А. Котляревскаго „Русская народная сказка," [2]) читаемъ, что на вопросы, которые ставилъ себѣ первобытный человѣкъ относительно окружающей его природы „ему не могъ отвѣчать спокойный разсудокъ, еще не имѣвшій точки опоры въ положительномъ знаніи; за него отвѣчала юношески наивная, то игривая, то возвышенная фантазія".

Итакъ отличительной, характерной чертой сказки является фантазія Элементъ чудеснаго и сверхъестественнаго играетъ въ ней первенствующую роль, будетъ ли то въ сказкѣ, основанной на „миѳическихъ" вѣрованіяхъ, или въ сказкѣ перешедшей на „христіанскую" почву. Мы попрежнему переносимся въ тридевятое царство, сопровождаемъ героя въ его поискахъ за. Жаръ-птицей, живой и мертвой водой, гдѣ небывалые, выходящіе изъ ряду вонъ подвиги поражаютъ насъ на каждомъ шагу. Или, по внезапно выросшимъ дубамъ, мы умственно попадаемъ на небеса, встрѣчаемъ апостоловъ и ангеловъ, видимъ различные фантастическіе предметы, какъ напр. золотыя и серебряныя яблоки и т. д. Если-бъ мы даже и повторили вслѣдъ за Аѳанасьевымъ, что „сказка—не пустая сказка", то всетаки не могли бы не прибавить къ этому, что „сказка" эта въ значительной степени разукрашена фантазіей. Достаточно вспомнить слова Котляревскаго, что на запросы первобытнаго человѣка отвѣчала „юношески-наивная фантазія", и мы вмѣстѣ съ тѣмъ уже выйдемъ за предѣлы „естественности". Первобытный человѣкъ не могъ объяснить себѣ простымъ, естественнымъ путемъ явленій природы, и вотъ тутъ то ему и пришло на помощь его воображеніе. Но какъ бы тамъ ни было, сказка уноситъ насъ изъ круга явленій дѣйствительнаго міра и, заходя слишкомъ далеко, подчасъ кончается несообразностью. Здѣсь не одно сгущеніе красокъ въ обрисовкѣ тѣхъ или другихъ фактовъ, не одно преувеличеніе качествъ и свойствъ того или другого лица, а какое-то безотчетное стремленіе отойти отъ предметовъ обыденной жизни. Здѣсь нѣтъ „нарочно сочиненной лжи", нѣтъ также „намѣреннаго уклоненія отъ дѣйствительности", а есть желаніе представить героя въ другой, болѣе возвышенной сферѣ, дать ему болѣе яркую окраску

---

[1]) Галаховъ Ист. русск. литерат. стр. 22.

[2]) С.-Петерб. Вѣд. за 1864 г. № 94.

Чтобы заинтересовать слушателя, чтобы поразить его, разсказчикъ нагромождалъ небывалое на небывалое, удерживая только тѣ бытовыя или жизненныя черты, которыя не мѣшали разыгрываться его воображенію. Прелесть сказки именно и заключается въ томъ, что она рисуетъ не будничную обстановку; въ этомъ же заключается и жизнеспособность ея. Въ самомъ дѣлѣ, разъ „забылись миѳы", разъ, вслѣдствіе этого „потеряли смыслъ и сказочные образы", то собственно и самая сказка должна была потерять свои жизненныя опоры. Все, что объяснялось раньше путемъ фантазіи, сдѣлалось ненужнымъ, слѣдовательно ненужнымъ стало и самое объясненіе, являвшееся въ видѣ сказки. Но этого не случилось; сказка по прежнему продолжала существовать, и даже расширила свой кругъ, присоединивъ еще и христіанскія черты. Поэтому сказка нравилась не столько потому, что объясняла явленія окружающей природы, сколько потому, что вырывала слушателя изъ грубой дѣйствительности и переносила въ чудесный, фантастическій міръ. Вниманіе его привлекала блестящая обстановка, съ которой онъ волей-неволей сравнивалъ свою собственную, часто оставлявшую многаго желать [1]). Его занималъ наконецъ и самый ходъ разсказа, этотъ полетъ на крылахъ фантазіи, уносившей его все дальше и дальше отъ заботъ повседневной жизни. Онъ самъ воображалъ себя сказочнымъ героемъ, самъ совершалъ чудесные подвиги и возвращался побѣдителемъ. Такимъ образомъ здѣсь дѣйствуетъ такъ называемый „принципъ эстетической подстановки" (aestheitsche substitution), отождествленія себя съ героемъ [2]). Непосредственно отсюда вытекаетъ нравственное значеніе сказки. „Сказка, говоритъ А. Котляревскій [3]), нравится простолюдину не потому только, что въ художественныхъ образахъ представляетъ идеальную истину, но и потому, что самая обстановка сказки, бытъ ея—близкій или фантастически-далекій отъ слушателя и разсказчика—есть бытъ небудничный, потому что онъ даетъ пищу для мечты, иногда самой отрадной, успокоительной мечты, иногда тревожной, но во всякомъ случаѣ—благодѣтельной. Заманчиво рисуя торжество угнетаемаго, побѣду правды и добра, сказка поддерживала въ народѣ душевную энергію, такъ часто изнемогавшую подъ тяжестью нужды и тревоги...... Пусть укажутъ намъ, продолжаетъ Котляревскій, хоть одну сказку, гдѣ преступленіе законовъ человѣческой природы, несправедливость, порокъ, безнравственность находили оправданіе и участіе...... Въ этомъ нравственномъ значеніи народной сказки заключается первое и главное условіе ея долговѣчности, вся, такъ сказать сила ея".

---

1) Wilhelm Scherer, Poetik стр. 106.
2) Тамъ-же стр. 100.
3) С.-Петерб. Вѣд. 1863 г. № 100 и 108.

Въ анекдотѣ отсутствуетъ эта черта. Какъ разсказчикъ, такъ и слушатель не обращали вниманія на нравственную сторону анекдота, если таковая и заключалась въ немъ. Шутка принималась за шутку, не могла наводить слушателя на серьезное размышленіе и, въ такомъ видѣ, была свободна отъ нравоученія, какое такъ или иначе проявляется въ сказкѣ. Не играла никакой роли также и безнравственность, часто встрѣчающаяся въ самыхъ мотивахъ и въ большей или меньшей степени соотвѣтствующая простотѣ народныхъ привычекъ и манерѣ выражаться [1]). Народъ не стѣснялся ни въ словахъ, ни въ выраженіяхъ, разъ предметъ, о которомъ онъ говорилъ, могъ возбуждать его интересъ. Поэтому въ народѣ легко найти не только такіе разсказы, которые открыто говорятъ о кражахъ, обманахъ и разныхъ грубыхъ выходкахъ, но и такіе, которые оправдываютъ и даже одобряютъ напр. воровство. Таковъ напр. разсказъ „Хитрый сапожникъ [2]).—Далѣе въ анекдотѣ замѣчается отсутствіе фантастическаго элемента, и это едва-ли не главная отличательная черта. Въ немъ все жизненно и правдиво; онъ не уклоняется отъ дѣйствительности. Мы всегда чувствуемъ подъ ногами твердую почву, твердое основаніе, опредѣленный фактъ, жизненный и рельефный, подхваченный народнымъ юморомъ. Правда въ большинствѣ анекдотовъ есть преувеличеніе, но оно нисколько не мѣшаетъ жизненной правдивости, такъ какъ, основываясь главнымъ образомъ на подмѣчаніи и выдѣленіи смѣшныхъ сторонъ жизни, анекдотъ не могъ не придать имъ большой яркости, а подчасъ не былъ въ состояніи воздержаться отъ каррикатуры. Плавность, спокойствіе, а отсюда растянутость характеризуютъ сказку; мѣткость выраженій, живость и краткость отмѣчаютъ анекдотъ. На основаніи этого грань между сказкой и анекдотомъ въ общихъ чертахъ опредѣлится такъ: область сказки кончается тамъ, гдѣ кончается фантастическій и нравоучительный элементъ, а народный анекдотъ обнимаетъ тѣ разсказы, которые отмѣчаются преимущественно юмористическимъ, забавнымъ характеромъ. Само собой разумѣется, что такое дѣленіе представляетъ собой много условнаго, и можетъ быть принято лишь какъ относительное, какъ относительна и условна самая степень комизма, не поддающаяся оцѣнкѣ по той роли, какую онъ играетъ въ разсказѣ, а опредѣляющаяся воспріимчивостью слушателя. Поэтому какъ бы

---

[1]) Fabliaux et contes des poetes francais des XI, XII, XIII, XIV et XV siecles, publiés par *Barbazan* Nouv. Edition 1808 Paris. Tomes I-IV. Preface Tome III Page XXI. L'usage où étoient nos anciens poetes de nommer toutes les choses naturelles par les termes qui la politesse a bannis depuis du langage, les fait passer pour grossiers et obscénes...... On étoit alors plus simple; et par conséquent moins mauvais.

[2]) Изъ статьи проф. Н. Ѳ. Сумцова, Малорусская сказка по сборникамъ Кольберга и Мошинской Москва 94 г. Стр. 116. № 61.

ни проводить грань, мы, какъ намъ кажется, всегда найдемъ за предѣлами ея такіе разсказы, которые, по общимъ признакамъ, могутъ быть отнесены, какъ къ сказкамъ, такъ и къ анекдотамъ; это именно будутъ тѣ разсказы, которые не содержатъ въ себѣ ни фантастическаго, ни комическаго элемента, или же соединяютъ и тотъ, и другой, и которые, при незначительныхъ измѣненіяхъ, легко переходятъ съ одной стороны въ сказку, съ другой въ анекдотъ.

Попытаемся иллюстрировать это примѣромъ. Изъ Сборника Манжуры [1]) приведемъ сказку „Калыточка", извѣстную повсемѣстно, какъ на востокѣ, такъ и на западѣ: [2]) „Бувъ соби чоловикъ та жинка и була у ныхъ пара воливъ, а у йихъ сусиды—визъ. Отто якъ прыйде недиля, або празныкъ, то хто небудь бере воливъ и воза тай йиде чы до церквы, чы у гости, а на другу недилю—другый, та такъ и подилялысь. Отъ жинка того чоловика, чыйи волы, разъ ёму и каже: „поведы волы та продай, справымо соби коня та повозку, будемо самы що недили до церквы та до родычивъ йиздыты. Та ше, бачъ, сусида свого воза негодуе, а намъ воливъ треба годуваты". Чоловикъ налыгавъ волы и повивъ. Веде дорогою, ажъ ось доганя ёго чоловикъ конемъ. „Доровъ"!—Доровъ. „А куды це волы ведешъ?"—Продавать. „Проминяй мени на коня".—Давай. (Далѣе онъ промѣниваетъ коня на корову, корову на свинью, на овцу, на гуску, на пивня, и наконецъ послѣдняго на калыточку, да и ту отдаетъ за перевозъ).—А тамъ та стояла валка чумакивъ. Якъ роспыталы жъ воны ёго, за шо винъ вымынявъ калыточку, сміютьця зъ ёго. „Шо тоби, кажуть, жинка за це зробе".—Ажъ ничого! Скаже слава Богу, шо хочъ самъ жывый вернувся. Тай побылысь объ закладъ, колы скаже жинка такъ, то чумакы оддадуть ёму дванадцать мажъ хуры и зъ батыжкамы. Заразъ обибралы одного зъ себе и послалы до ёго бабы: Отъ той прыходе. „Доровы".—Доровъ! „А ты нечула про свого старого?"—Ни нечула. „Винъ волы на коня проминявъ".—Отъ добре, возыкъ недорого стоить, якъ небудь зберемось. „Тай коня проминявъ на корову". Це ще й краще, буде у насъ молоко. „Тай корову проминявъ на свыню".—И то добре, будуть у насъ поросятка, а то, чы загивляты, чы разгивлятьця, все треба купыть. „Тай свыню проминявъ на вивцю".—И се добре будутъ ягнятка та вовночка, буде шо мени у Спасивку прясты. „Тай вивцю проминявъ на гуску"—И се добре, будуть у насъ крашаночки та пирья. „Тай гуску проминявъ на пивня".—О, це ще

[1]) И. И. Манжура, Сказки, пословицы, и т. п. запис. въ Екатериносл. и Харьковск. губ. Харьковъ 1890 г. стр. 87.

[2]) Литература сказки см. статью проф. Н. Ѳ. Сумцова, Малорусск. сказк. по сборникамъ Кольберга и Мошинской стр. 130 № 27, и у Cosqnin'a Contes populaires pe Lorraine Tome I № 13 les trocs de Fean Baptiste.

краще, пивень раненько спиватыме, та насъ до роботы будытеме. „Тай пивня проминявъ на калыточку“.—И це добре, будемо, де хто заробе, чы винъ, чы я, чы диты, въ калыточку складаты. „Та винъ и калыточку за перевизъ оддавъ“.—Ну шо жъ, слава Богу, шо хочъ самъ жывый вернувсь.— Такъ сымъ чумакомъ ничого робыты, оддалы ёму дванадцятеро мажъ.

Рядомъ съ этой сказкой поставимъ сказку „Золотый постилъ“ 1).

Бувъ соби дидъ та баба. Отъ баба и каже дидови: „выплеты, старый, волочекъ та пиды на ричку, може рыбкы вловышъ“. Дидъ выпливъ волочокъ, пишовъ на ричку, закинувъ, и вытягъ золотый постилъ. Узявъ той постилъ и пишовъ до дому. Иде, ажъ стрича его чоловикъ зъ конемъ. Дидъ вымѣниваетъ „золотый постилъ“ на коня, и такъ же, какъ мужикъ въ предыдущей сказкѣ, случается все ниже, пока наконецъ „качку“ не отдаетъ за „пару жолудивъ“. Баба давай его пытаты, шо ему Богъ давъ, дидъ разказываетъ. Якъ сказавъ же дидъ шо променявъ качку на жолуди, баба за макогинъ та до дида, дидъ глянувъ на покуття ажъ зъ его жолудивъ таки два дубы выросли, шо ажъ пидъ саме небо. Винъ тоди на одного дубка, та тикать, а баба по другому, та за нымъ. Такъ они попадаютъ на небо, ихъ встрѣчаетъ „святый Петро“ и предостерегаетъ не трогать извѣстныхъ чудодѣйственныхъ предметовъ. Но любопытство бабы беретъ верхъ, и апостолъ выгоняетъ ихъ „зъ неба“. Отъ баба якъ упала, маслоки жъ разбылысь, а голова позолотылась. Голову эту поднимаетъ ѣхавшій мимо казакъ и кладетъ ее въ горшокъ „зъ варывомъ“ въ томъ домѣ, куда пріѣхалъ свататься. Изъ горшка голова попадаетъ въ корыто, какъ кормъ для свиней. Въ корытѣ находитъ ее прибѣжавшій волкъ, съѣдаетъ, но потомъ всетаки ощущаетъ голодъ и хочетъ зарѣзать ягненка, но съѣденная имъ голова предостерегаетъ постуховъ и т. д.

Первая часть сказки т. е. процедура мѣны повторяется почти безъ перемѣнъ и не носитъ фантастическаго характера, но вторая часть, начиная съ чудеснаго произростанія жолудей, послѣдняго продукта мѣны, переступаетъ всякія границы вѣроятія. Отдѣльныя части разсказа слабо связаны между собой и имѣютъ мало отношеній, какъ къ первоначальному мотиву о мѣнахъ, и въ дальнѣйшемъ (любопытство бабы и исторія головы). Поэтому мы не задумаемся признать ихъ наносными, искусственно присоединенными къ основному мотиву.

Наконецъ мы приведемъ краткій разсказъ изъ сборника „Веселый Оповидачъ“ 2) Коваль: „Бувъ собы коваль такій мудрый, що взявся лемиши чоловикови скуваты, та богато зализа зопсувавъ, перепалывъ, бо не вмивъ

1) Манжура Сказки и т. д. Стр. 88.

2) Веселый Оповидачъ, Москва 1893 г. стр. 12 № 26.

робыты. Тоди й каже чоловикови: Ни, чоловиче, скую тоби сокиру.— Та чы сокыру, то й сокиру. Куе куе коваль, не йде дило.— Ни, каже,— не сокиру, а серпъ. Кувавъ, кувавъ серпъ, а дали каже: „Хай уже швайку! Покувавъ ще.— Краще я тоби „пшикъ“ зроблю. Та роспикъ шматочекъ того зализця, що одъ лемишивъ зостався та въ воду, а воно-пшъ!— Отъ тоби, каже, й пшыкъ!

Мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что въ основѣ этого разсказа [1]) лежитъ тотъ же мотивъ о мѣнахъ съ пониженіемъ предметовъ, но обработанъ онъ совсѣмъ иначе. Второй разсказъ изощряетъ воображеніе, чтобы нагромоздить какъ можно больше фастантическаго матеріала, третій налегаетъ только на комическую сторону и тихо, незлобно, неподдѣльнымъ смѣхомъ смѣется надъ простоватымъ заказчикомъ лемишей, съ которымъ „искусный“ кузнецъ такъ неожиданно сыгралъ шутку. Къ этому надо прибавить, что второй разсказъ, по выдѣленіи всего наноснаго, безъ сомнѣнія сведется къ первому, третій же разсказъ, отвѣчающій всѣмъ требованіямъ, которыя мы ставимъ анекдоту, могъ, какъ мы полагаемъ, также произойти изъ перваго.— Насколько точна грань, которую мы старались провести, мы не беремся судить, но въ общихъ чертахъ намъ ясно представляются отличительныя свойства анекдота.

Что касается сатирическаго элемента, то въ большинствѣ народныхъ анекдотовъ его нѣтъ, а если онъ и проявляется кое-гдѣ, то проявляется въ очень слабой формѣ, скрываясь за чисто забавной стороной разсказа. Мы упоминали выше, что нѣкоторые разсказы, извѣстнные въ польскихъ и другихъ сборникахъ, перешли въ народъ, мы упоминали также, что въ сборникахъ они играли совершенно другую роль и носили характеръ нравоучительный и отчасти сатирическій. Нравоученіе отпало, и мы слышимъ ихъ изъ устъ народа какъ анекдоты. Въ притчахъ и прикладахъ иностранныхъ сборниковъ самые разсказы были неразрывно связаны съ нравоученіемъ, были понятны какъ иносказанія, а поэтому приближались къ нашимъ баснямъ. Басня является однимъ изъ древнѣйшихъ формъ, иносказательнаго разсказа [2]) и, по мнѣнію А. А. Потебни [3]), „есть отвѣтъ на весьма сложные случаи, представляемые жизнью, т. е. такіе, которые будучи разложены представляютъ одно или нѣсколько дѣйствующихъ лицъ,

[1]) Разсказъ этотъ встрѣчается также у Номиса Украински приказки, прислівья и таке инше СПб. 1864 г. Другіе разсказы упомянутаго выше, но въ общемъ неизвѣстнаго сборника цѣликомъ перепечатаны изъ Чубинскаго Труд. этнограф. экспед. Томъ II, изъ Рудченко Южно-русскія сказки и изъ др. сборн.

[2]) W. A. Clouston „Popular Tales and Fictions“. London. 1887. Стр.274. „The origin of fables“ Wol. I.

[3]) А. А. Потебня. Изъ лекцій по теоріи слов. стр. 21.

одно или нѣсколько дѣйствій". „Басня, говоритъ А. А. Потебня, [1]) раздѣляется на двѣ части: одну, которая представляетъ басню въ томъ видѣ, какъ она вошла въ сборникъ, если бы ее оторвать отъ тѣхъ корней, на которыхъ она находится, и другую—эти самые корни", другими словами, басня будетъ обьясняющимъ по отношенію къ „корнямъ", т. е. къ тому, что подлежитъ объясненію. Анекдотъ въ чистой своей формѣ не является отвѣтомъ на различные жизненные вопросы, и фактомъ, легшимъ въ основу его, не объясняется фактъ другой, менѣе извѣстный. Какъ басня безъ иносказанія, безъ отвлеченія не была бы басней, такъ наоборотъ анекдотъ, имѣющій переносное значеніе, содержащій иносказаніе, не былъ бы анекдотомъ. Если мы обратимся теперь къ самимъ разсказамъ, которые находимъ въ основѣ басенъ, то замѣтимъ, что многіе изъ нихъ живутъ самостоятельно, не представляя собой иносказанія, и дѣлаются баснями лишь тогда, когда служатъ „сказуемымъ неизвѣстнаго подлежащаго". „Допустимъ такой случай, говоритъ А. А. Потебня: [2]) мужъ и жена замечтались о томъ что они сдѣлаютъ, когда выиграютъ въ лоттереѣ двѣсти тысячъ? Но такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ каждый слѣдуетъ своему характеру и вкусамъ, то они заспорили, наговорили другъ другу колкостей.—Тутъ вспомнились имъ мечты цыгана, который говоритъ: я накую ворганов, пойду на базаръ, куплю телку, изъ нея выростетъ корова, у нея будетъ теленокъ, мы будемъ пить молоко. А цыганенокъ говоритъ: „а я буду ѣздить на теленкѣ". Цыганъ ударилъ его: „Не ѣзди, не ѣзди, спинку переломаешь". Самъ по себѣ этотъ разсказъ взятый отдѣльно и не пріуроченный къ предпосланному, возможному въ дѣйствительности, случаю, будетъ чистѣйшимъ анекдотомъ, и А. А. Патебней названъ басней лишь въ силу этого пріуроченія. Такимъ образомъ анекдотъ можетъ превратится въ басню; съ другой стороны мы выдѣли, что нѣкоторыя древнія басни или притчи перешли въ народъ въ видѣ анекдотовъ, потерявъ предварительно нравоученіе.

Такое же взаимодѣйствіе, какъ между басней и анекдотомъ, замѣчается между анекдотомъ и пословицей. Г. Тимошенко [3]) говоритъ вслѣдъ за А. А. Потебней, „что пословица сама собой вытекаетъ изъ басни, или же самая басня написана на тему, представляемую пословицей". На основаніи этого, а также въ силу связи, которую мы пытались установить между басней и анекдотомъ, мы думаемъ, что пословица расширившись, т. е.

---

[1]) Ibid. стр. 9.

[2]) А. А. Потебня. Изъ лекц. по теор. слов. стр. 40.

[3]) И. Е. Тимошенко Литературные первоисточники и прототипы трехъ сотъ русскихъ пословицъ и поговорокъ. Кіевъ 1897 г. стр. 25.

устранивъ „сгущеніе мысли“, можетъ дать анекдотъ. Примѣры, какъ намъ кажется, достаточно подтверждающіе это, встрѣчаются у Номиса [1]) и у г. Тимошенка [2]).—Понятно, что для того, чтобы изъ одного изъ вышеупомянутыхъ видовъ народной словесности получился анекдотъ, необходимы извѣстныя, каждый разъ своеобразныя условія. Сказка, мы сказали, должна лишиться главнымъ образомъ своего фантастическаго элемента; басня или притча должна потерять свою символистику, свою иносказательность, свою мораль, и, наконецъ, пословица должна вернуться къ тому жизненному случаю или къ одной изъ формъ того разсказа, который она предполагаетъ и представительницей котораго служитъ.

Отсюда опредѣлится и самый анекдотъ. Это краткій разсказъ о вымышленномъ и дѣйствительномъ событіи, или разсказъ большей частью юмористическій, обыкновенно безъ примѣси морали.

Выдѣливъ три вида происхожденія анекдота (отъ сказки, басни и пословицы), мы однако не хотимъ сказать, что этимъ исчерпываются пути возникновенія анекдота. На самомъ дѣлѣ анекдотъ могъ, вообще говоря, произойти изъ того или другого жизненнаго случая, независимо отъ вышеупомянутыхъ произведеній народной словесности, и мы коснулись ихъ съ той цѣлью, чтобы ближе подойти къ занимающему насъ вопросу, чтобы ярче оттѣнить самый анекдотъ.

Уже бѣглый взглядъ на сущность анекдота и на отношеніе его къ другимъ видамъ народнаго творчества, могъ показать относительную самостоятельность анекдота, и мы имѣли случай обратить вниманіе, какъ на это его положеніе въ русской словесности, такъ и на то, что общепринятое родовое понятіе „сказка“ нѣсколько неудобно. Неудобство это ощущается тѣмъ болѣе, что историки литературы, по бóльшей части являются представителями миѳологической теоріи братьевъ Гриммовъ, перенесенной на русскую почву А. Н. Аѳанасьевымъ. Само собой разумѣется, что въ данномъ случаѣ мы воздерживаемся отъ всякого рода критики, но самаго поверхностнаго просмотра достаточно, чтобы убѣдиться, что миѳологическая теорія Гриммовъ и Аѳанасьева имѣетъ много за себя и особенно можетъ имѣть мѣсто тамъ, гдѣ миѳологическія вѣрованія выработались опредѣленно и оставили послѣ себя ясные слѣды. Долгое время эта теорія держалась, какъ единственное объясненіе различныхъ сказокъ; держится она и теперь, но преимущественно на мѣстѣ своего возникновенія въ Германіи, что видно изъ появившейся въ 1896 году брошюрки. „О значеніи грим-

---

[1]) Номисъ Украінськi приказки стр. 269, 275, 284.

[2]) Тимошенко стр. 151.

мовскихъ сказокъ для нашего народа“ [1]). Лишь въ послѣднее время миѳологическая теорія подверглась сильнымъ нападкамъ со стороны представителей новой теоріи литературнаго заимствованія, вызванной сравнительнымъ изученіемъ матеріаловъ по народной словесности. Къ этому лагерю примкнули нѣкоторые ученые, которые раньше были на сторонѣ миѳологической теоріи. Такъ недавно умершій профессоръ Ѳ. И. Буслаевъ къ концу жизни уже совсѣмъ склонился къ теоріи заимствованія [2]).

Крайнимъ выразителемъ теоріи литературнаго заимствованія является французскій изслѣдователь Коскэнъ. Изданныя имъ въ 1887 году лотарингскія сказки [3]) снабжены пространнымъ предисловіемъ, „Essai sur l'origine et la propagation des contes populaires européens“, въ которомъ онъ, исходя изъ положеній Бенфея, отвергаетъ совершенно миѳологическую теорію братьевъ Гриммовъ, признавая ее за „erreur de fait“. Разбиваетъ Коскэнъ въ свою очередь и теорію, построенную англичаниномъ Lang'омъ теорію, основанную на психологическихъ началахъ. Лангъ склоненъ видѣть въ „сказкахъ“ воплощеніе идей, общихъ дикимъ народамъ всѣхъ расъ [3]). „Если бы даже предположить, замѣчаетъ на это Каскэнъ, что всѣ дикіе народы имѣли первоначально однѣ и тѣже идеи, то какимъ образомъ эти идеи явились (впослѣдствіи) вездѣ въ одинаковыхъ, столь характерныхъ формахъ“ [4]). Такимъ образомъ Коскэнъ въ своемъ изслѣдованіи всецѣло опирается на теорію заимствованія. Точкой отправленія служитъ ему уже раньше высказанный Бенфеемъ и повторенный затѣмъ другими (Reinhold Köhler'омъ напр.) тезисъ, что, если взять каждый отдѣльный типъ сказки, прослѣдить его въ извѣстной послѣдовательности, если это возможно, изъ вѣка въ вѣкъ, переходъ отъ одного народа къ другому, то мы придемъ къ одному и тому же центру, придемъ въ Индію [5]). На вопросъ, какъ всѣ эти разсказы появились въ Европѣ, Коскэнъ указываетъ различные пути, причемъ рядомъ съ письменной традиціей, главнымъ образомъ настаиваетъ на устной передачѣ (par voie de simple tradition orale) [6]). Посредниками между Индіей и другими странами были, по мнѣнію Коскэна, персы, арабы и затѣмъ монголы. Долгое господство арабовъ въ Индіи дало возможность (около 1000 года) побѣдителямъ познакомиться (если они не знали ея раньше) съ индійской литературой и оказало вліяніе на распространеніе

---

[1]) Dr. Ernst Siecke, Ueber die Bedeutung der Grimmischen Märchen für unser Volksthum, Hamburg 1896 г.

[2]) Сѣверный Вѣстникъ 1897 г. № 11 стр. 351.

[3]) Emmanuel Cosqiun, Contes populaires de Lorraine Paris 1887. Tom. I—II.

[4]) Cosquin, Contes de Lor. Tome I, Essai, paq. XIV et XV.

[5]) и [4]) Cosquin Contes de Lor. Essai стр. XV.

[6]) Cosquin ibd Essai стр. XVI.

индійскихъ сказаній въ мусульманскихъ государствахъ Азіи, Африки и Европы; отсюда они проникли и на христіанскій западъ, главнымъ образомъ въ Византійскую имперію, Италію и Испанію, которыя находились въ тѣсномъ соприкосновеніи съ востокомъ. Съ другой стороны широкое распространеніе буддизма повлекло за собой проникновеніе индійскихъ „сказокъ" въ Китай и къ монгольскимъ племенамъ, которыя дали имъ дальнѣйшій толчокъ и принесли ихъ въ восточную Европу [1]).

Вотъ главнѣйшіе пункты теоріи литературнаго заимствованія. Въ примѣненіи къ анекдоту взгляды Коскэна, да и вообще вся теорія должны быть приняты съ ограниченіемъ. Нѣкоторые анекдоты нѣтъ никакой возможности не только возвести къ индійскимъ прототипамъ, но нельзя даже пойти дальше среднихъ вѣковъ. Тѣмъ не менѣе она остается въ полной силѣ, и въ области анекдота объясняетъ больше, чѣмъ какая либо другая теорія, хотя и тѣ нельзя отвергать совсѣмъ.

Въ русской литературѣ, гдѣ въ первые періоды письменности, начиная съ X-го и кончая XVII-ымъ и даже XVIII вѣками, чужеземныя вліянія (главнымъ образомъ византійское и польское) являются фактами установленными, намъ не представится большой трудности указать тѣ явленія, которыя бы такъ или иначе подтверждали теорію литературнаго заимствованія. Византійское вліяніе, обнимающее періодъ времени съ начала появленія письменности приблизительно до XIV в. [2]), не отмѣчаетъ однако обилія фактовъ въ области, интересующей насъ, и ему главнымъ образомъ обязана древне-русская духовная литература. Для цѣлей, которыя преслѣдуетъ наша работа, мы можемъ указать лишь единичныя явленія изъ извѣстнаго въ древней Руси сборника „Стефанитъ и Ихнилатъ", гдѣ особенно наше вниманіе остановила 22-ая притча „О проліявшемъ медъ и масло". (См. ниже, гдѣ сопоставляются отдѣльные разсказы). Когда появился въ Россіи переводъ Стефанита и Ихнилата неизвѣстно точно (приблизительно въ XV в.), но по спискамъ этотъ сборникъ не восходитъ далѣе XVII в. Южно-славянскіе переводы, отъ которыхъ, по мнѣнію А. Н. Пыпина, пошла русская редакція, упоминаются Шафарикомъ, какъ относящіеся къ XIV—XV вв. [3]) Славянскія редакціи восходятъ къ греческому переводу, сдѣланному въ XI в. (около 1081 г.) Симеономъ Сиѳомъ съ арабскаго; кромѣ славянскихъ греческій переводъ далъ одну древне итальянскую версію. Арабская версія, озаглавленная „Калилаh и Димнаh", обработанная нѣкимъ Абду-лланомъ бну-ль Мукаффа, основана на Пеглевій-

---

[1]) Cosquin ibd Essai стр. XXIII.

[2]) Пыпинъ, Очеркъ литер. исторіи стар. пов. и сказ. русск. СПб. 1856 г. стр. 7.

[3]) Пыпинъ Очерк. лит. ист. стр. 158.

ской редакціи, восходящей непосредственно къ индійскому оригиналу. Не безъинтересно будетъ представить схему распространенія этого индійскаго сборника разсказовъ. Пеглевійская редакція дала древне-сирійскую и арабскую версіи. Отъ арабской пошли: ново-сирійская, греческая, персидская, еврейская и древне-испанская. Греческая дала, какъ мы только что сказали, славянскія версіи и итальянскую.

Персидская раздѣляется на три: двѣ изъ нихъ являются переработками на персидскомъ же языкѣ: это Анваре Согайли, а отъ нея Eyâre Dânes; третья—турецкая Humâyûn nâmeh, которая пріобрѣла популярность въ Европѣ и послужила оригиналомъ для переводовъ испанскаго (1654 г.) и французскаго (1724 г.). Отъ персидской же пошла грузинская версія. Еще большимъ распространеніемъ, чѣмъ турецкая, пользовалась въ Европѣ еврейская редакція (Іоэлли). Она дала латинскую обработку Іоанна Касуанскаго (Directorium), а отъ нея пошли: нѣмецкая, чешская (1528 г.), испанская (1493), итальянская (Discorsi degli animali, Moral filosofia Doni). Отъ нѣмецкой—датская и голландская; кромѣ того французская и англійская. Древне-испанская редакція наконецъ легла въ основу еще одного латышскаго перевода [1]).

Польское вліяніе, обнаружившееся въ XVI в. и особенно въ XVII в. гораздо плодотворнѣе въ занимающей насъ области, чѣмъ византійское. Начиная съ XVI в., говоритъ А. Н. Пыпинъ [2]), торговыя и дипломатическія сношенія съ западомъ усиливаются, но не настолько, чтобы сдѣлать возможнымъ литературное заимствованіе. „Это отсутствіе прямыхъ литературныхъ сношеній съ западомъ, замѣчаетъ проф. Н. Н. Тихонравовъ [3]), восполняется посреднической ролью Польши, которая въ XVII вѣкѣ съ большой легкостью и полнотой могла передать въ своихъ переводахъ и передѣлкахъ произведенія европейской словесности". Вліяніе Польши ограничивалось главнымъ образомъ тремя литературными областями [4]): во-первыхъ, областью романовъ, повѣстей и сатирическихъ басенъ, во вторыхъ, областью школьной драмы, и въ третьихъ, областью теоріи поэзіи и прозы и проповѣди. Насъ собственно интересуетъ лишь первый пунктъ, и мы попытаемся въ краткихъ чертахъ представить тѣ изъ произведеній запада, которыя легли въ основу русскихъ народныхъ книгъ.

---

[1]) Книга Калилаh и Димнаh (Сборникъ басенъ, извѣстныхъ подъ именемъ басенъ Бидпая) перев. съ арабскаго Аттая и Рябинина, Москва 1889.

[2]) Пыпинъ, Очеркъ стр. 7.

[3]) Н. С. Тихонравовъ, Лекціи по новой русской литературѣ, читанныя въ 18⁶/₇ г. стр. 46.

[4]) ibd. стр. 36.

На первомъ планѣ здѣсь стоитъ извѣстный западный сборникъ „Gesta Romanorum“, переведенный на русскій языкъ съ польскаго въ XVII в. подъ заглавіемъ Римскія дѣянія [1]) или какъ обыкновенно они значатся „Дѣи Римскія (т. е. „Dzieje Rzymskie“ [2]). Происхожденіе этого западнаго сборника относится къ концу XIII или началу XIV в., при чемъ родиной его считаютъ Англію, хотя точныхъ свѣдѣній на этотъ счетъ нѣтъ [3]). Самое названіе сборника указываетъ на то, что въ немъ заключались разсказы изъ римской жизни, но многіе непосредственно восточнаго происхожденія. Повидимому, говоритъ проф. Тихонравовъ [4]), въ основу „Римскихъ Дѣяній“ легли компиляціи изъ арабскихъ сказаній и повѣстей Петра Альфонса (Disciplina clericalis) и другихъ латинскихъ переводовъ сборника Калилы и Димны. По крайней мѣрѣ цѣлая треть разсказовъ Петра Альфонса перенесена въ „Римскія Дѣянія“. О характерѣ и содержаніи сборника мы говорили выше, а теперь прибавимъ, что морализація, сначала игравшая такую видную роль въ этихъ повѣстяхъ, приблизительно къ XV в. начинаетъ ослабѣвать, и на первый планъ выступаетъ самый разсказъ въ видѣ новеллы, забавной повѣсти [5]). Рядомъ съ Gest'ами Romanorum стоятъ такіе западные же сборники, какъ только что упомянутая Disciplina clericalis Петра Альфонса, далѣе Dialogus creaturarum (1460 г.), Speculum exemplorum (1481 г.), Summa praedicantium, Legenda aurea, отличавшіеся тѣмъ же содержаніемъ и направленіемъ [6]).

Сильнѣе чѣмъ въ „Римскихъ Дѣяніяхъ“ выразилось назидательное въ „Великомъ Зерцалѣ“, появившемся въ переводѣ съ польскаго также въ XVII в.; содержаніе разсказовъ этого сборника взято преимущественно изъ духовно-исторической и легендарной литературы [7]), но и въ немъ, въ разрѣзъ съ общимъ направленіемъ, находятся разсказы анекдотическіе, какіе встрѣчаются въ распространенныхъ на западѣ сборникахъ фацецій [8]).

Распространенію странствующихъ разсказовъ (wandernde Dichtung) особенно способствовала „Повѣсть о семи мудрецахъ“ [9]). Повѣсть эта представляетъ собой цѣлый рядъ разсказовъ, заключенныхъ въ извѣстныя рамки, по образцу восточныхъ сборниковъ, и пришла къ намъ съ востока

---

1) Порфирьевъ, Истор. русск. слов. стр. 233.
2) Пыпинъ, Очеркъ стр. 183.
3) Тихонравовъ, Лекціи стр. 52.
4) Ibd. стр. 54.
5) Тихонравовъ, Лекціи стр. 51.
6) Тихонравовъ, Лекціи стр. 52 и 53.
7) Пыпинъ, Очеркъ стр. 200.
8) Пыпинъ, Очеркъ стр. 202.
9) Тихонравовъ, Лекціи стр. 63.

Польскій переводъ, на которомъ основана русская редакція, сдѣланъ съ латинскаго сборника, извѣстнаго подъ именемъ „Historia septem sapienium Romae“ [1]). Латинскій переводъ въ свою очередь опирается на еврейскую редакцію Іоэлля, которая является передѣлкой книги Сендабада и возводится такимъ образомъ къ индійскимъ сказаніямъ Панчатантры [2]).

На ряду съ этими сборниками перешли въ Россію сборники, носившіе названія „Апофѳегмата“ и „Фацеціи или жарты“, которыя назывались также и смѣхотворными повѣстями и по своему широкому распространенію заслуживаютъ особаго вниманія. Это ужъ анекдоты въ полномъ смыслѣ слова. Вотъ заглавіе одного изъ такихъ сборниковъ: „Книга глаголемая фацеціи или жарты польскія, бесѣды, повѣсти и утѣшки московскія“ [3]). Въ основу всѣхъ подобныхъ сборниковъ легли главнымъ образомъ латинскія фацеціи, но часто въ нихъ встрѣчаются и итальянскія новеллы. Новелла получила особенное развитіе благодаря Бокаччьо и, какъ легкое, занимательное чтеніе, быстро распространилась въ Западной Европѣ. Бокаччьо бралъ свои сюжеты изъ разсказовъ, уже болѣе или менѣе извѣстныхъ въ то время въ Италіи [4]), и ему принадлежитъ лишь художественная обработка ихъ. Каковы были эти разсказы, ходившіе въ устахъ итальянскаго народа, можно судить по тому, что тѣ сборники, или по крайней мѣрѣ часть тѣхъ сборниковъ, на которыхъ мы останавливались выше, были во времена знаменитаго новеллиста очень распространены на западѣ. Кромѣ того Бокаччьо пользовался французскими фабльо, бывшими тогда въ модѣ и распѣвавшимися повсемѣстно, далеко за предѣлами родины, пользовался онъ также различными дѣйствительно случившимися происшествіями [5]).—Сборники западно-европейскихъ фацецій представляютъ собой собраніе смѣшныхъ и скандалезныхъ разсказовъ и анекдотовъ. Однимъ изъ главныхъ представителей этого рода произведеній является Поджіо Браччіолини [6]), за нимъ слѣдуютъ фацеціи Бебеля, Фришлина и другіе подобные сборники, какъ напр. Schimpf und Ernst Іоганна Паули и Rollwagenbüchlein Викрама. Фацеціи Поджіо были впервые изданы въ 1470 г. на языки итальянскій и французскій. Русскій переводъ фацецій или смѣхотворныхъ повѣстей опирается на польскій сборникъ фацецій и относится къ половинѣ XVII столѣтія. Содержаніемъ западныхъ фацецій были по большей части

---

[1]) Тихонравовъ, Лекціи, стр. 67 и 68.

[2]) Benfey, Pantschatantra Fünf Bücher indischer Fabeln, Märchen und Erzählungen Leipzig 1859. Erster Teil Einleitung. Стр. 11.

[3]) Тихонравовъ, Лекціи стр. 107.

[4]) А. Н. Веселовскій, Бокаччьо, его среда и сверстники, Томъ I С.-Пб. 1893 г.

[5]) Landau, Die Quellen des Decamerone, Wien 1869 г. стр. 107 и 108.

[6]) Пыпинъ, Очеркъ Стр. 263.

смѣшныя приключенія, насмѣшки надъ легковѣріемъ женщинъ и недогадливостью поселянъ [1]), но въ то же время онѣ, подобно Декамерону Бокаччьо, обнаруживаютъ знакомство съ восточными мотивами, перешедшими на западъ черезъ еврейскіе и латинскіе переводы. Смѣхотворныя повѣсти находили массу читателей въ русскомъ обществѣ, какъ въ высшемъ, такъ и среднемъ, что отчасти подтверждается тѣмъ напр., что въ старинной описи библіотеки русскихъ государей помѣченъ сборникъ „Демокретусъ Смѣющійся" [2]) и „Апофѳегмата", которые по существу немногимъ отличались отъ фацецій, и были напечатаны по повелѣнію Петра Великаго; далѣе разсказы изъ Смѣхотворныхъ повѣстей переходили въ лубочныя изданія и проникали въ народъ, изъ устъ котораго слышатся теперь какъ забавные разсказы, какъ народные анекдоты. Итальянскую новеллу, французскій фабльо, разсказы Іоганна Паули, нѣмецкій „шванкъ", польскую фацецію— все это, въ большей или меньшей передѣлкѣ, можно найти въ народѣ.

Такимъ образомъ разсмотрѣнные памятники, занесенные въ Россію чужеземными литературными теченіями, дали, благодаря русскимъ переводамъ и передѣлкамъ, много русскихъ народныхъ анекдотовъ, сами же памятники являются продуктомъ того „центральнаго" источника, который долгое время билъ обильнымъ ключемъ, и который уже рано создалъ индійскую литературу. Выходя изъ Индіи и разливаясь по разнымъ странамъ этотъ литературный потокъ захватывалъ все, что попадалось ему на пути, но расширяясь и усиливаясь, въ то же время подчинялся вліянію и условіямъ тѣхъ странъ, куда приходилъ. По этому анекдоты и разсказы вообще, переходившіе согласно съ теоріей заимствованія отъ одного народа къ другому, такъ часто сходны по мотивамъ и разнятся лишь обработкой, придавая мотиву мѣстную окраску и колоритъ.

Намъ остается еще разсмотрѣть одно западное произведеніе, которое, по мнѣнію проф. Н. С. Тихонравова, играло важную роль въ области шуточной литературы. Это—книга о польскомъ Совесдралѣ. Книга эта безъ особаго труда возводится къ нѣмецкой народной повѣсти объ Эйленшпигелѣ, хотя были попытки сдѣлать Совесдрала героемъ національнаго польскаго преданія [3]). Имя Совесдралъ испорчено или, лучше сказать, сокращено изъ Совье-Зерцало и есть такимъ образомъ буквальный переводъ Eulen-Spiegel'я. Повѣсть объ Эйленшпигелѣ представляетъ собой рядъ анекдотовъ, описывающихъ похожденія и продѣлки извѣстнаго въ Германіи шута. Литературные источники нѣмецкой повѣсти слѣдующіе: во первыхъ, Pfaffe Amis,

---

1) Пыпинъ, Очеркъ стр. 264.
2) Пыпинъ, Очеркъ стр. 264.
3) Тихонравовъ, Лекціи стр. 74.

во вторыхъ Pfarrer von Kalenberg, и въ третьихъ продѣлки Гонеллы, шута при феррарскомъ дворѣ [1]). Amis состоитъ изъ отдѣльныхъ разсказовъ, заключенныхъ по восточному образцу въ извѣстныя рамки. Авторъ этого произведенія, Штрикеръ, жившій приблизительно въ первой половинѣ XIII в., по всей вѣроятности, слышалъ эти разсказы изъ народныхъ устъ и передалъ ихъ въ стихотворной формѣ [2]). Der Pfaffe von Kalenberg—также небольшой циклъ стихотворныхъ разсказовъ, появившихся въ XIV столѣтіи и описывающихъ продѣлки Пфаррера Каленберга [3]). Разница между этимъ послѣднимъ произведеніемъ и Амисомъ заключается въ томъ, что первый обманываетъ и шутитъ ради шутки, собственно безвредной, послѣдній же прямо-таки живетъ обманомъ съ цѣлью обогащенія. Въ общемъ однако тѣ и другіе разсказы являются сатирами и осмѣиваютъ жизнь духовенства. Продѣлки шута Гонеллы были извѣстны въ Италіи до Поджіо, который заимствовалъ изъ нихъ нѣкоторыя свои фацеціи [4]).—Какъ не выясненъ вопросъ о самомъ существованіи Эйленшингеля, такъ неизвѣстно, когда появился и сборникъ разсказовъ о немъ; приблизительное время составленія ихъ можно опредѣлить по году перваго изданія, вышедшаго въ 1483 году. Шутки, продѣлки и проказы Эйленшингеля, вообще отличающіяся сатирическимъ характеромъ, вращаются преимущественно среди низшаго класса населенія, среди сословія ремесленниковъ, которое уже съ XIII в. начинаетъ быстро возвышаться. Сатирическое направленіе этого сборника, точно такъ же, какъ и разсказовъ, легшихъ въ основу его, было вызвано борьбой между высшимъ и низшимъ классами. „Въ трудной и дѣятельной борьбѣ съ знатными, говоритъ проф. Тихонравовъ [5]), низшій слой начинаетъ сознавать свою силу, цѣнить свой природный умъ, противополагать утонченной жизни высшихъ классовъ простоту и грубость своей жизни, туманнымъ умствованіямъ схоластики здравый смыслъ простого народа. Матеріальной силѣ высшаго духовенства и дворянства они противополагаютъ единственное орудіе слабаго—хитрость и обманъ, умственному превосходству, учености—наивное остроуміе, принимающее маску глупости и шутовства. И вотъ въ XIV в. видимъ множество нѣмецкихъ сатирическихъ повѣстей, такъ называемыхъ Schwänke, гдѣ главными героями являются шуты; эти шуты—въ то же время—истинныя, живыя историческія личности".

---

[1]) Das Volksbuch von Till Eulenspiegel nach der Ausgabel von 1519. Leipzig Vorbemerkungen стр. 7.

[2]) Stricker, Die Streiche des Pfaffen Amis Leipzig, Vorbemerkungen стр. 6.

[3]) Pfarrer von Kalenberg y Von der Hagen Das Narrenbuch Halle 1811.

[4]) Тихонравовъ, Лекціи стр. 78.

[5]) Лекціи по нов. русск. лит. стр. 110.

Что касается русской передѣлки Совесдрала, то отдѣльные разсказы о немъ ходили уже въ XVII в., но полная редакція повѣсти появилась лишь въ XVIII в. Различие между русской передѣлкой и западными ея оригиналами состоитъ въ томъ, что въ русской редакціи отсутствуетъ сатирическій элементъ. „Русскій Совесдралъ, замѣчаетъ проф. Тихонравовъ [1]), въ половинѣ XVIII в. получаетъ у насъ свой особый оттѣнокъ; онъ сдѣлался какимъ-то деревенскимъ пети-метромъ и волокитой." Въ остальномъ всѣ три редакціи сходятся и центральной личностью въ нихъ является шутъ.

Какое важное значеніе имѣли шуты на западѣ, видно ужъ изъ того, что масса разсказовъ сконцентрировалась около такихъ личностей какъ напр. Гонелла или Эйленшингель; первый является представителемъ шутовъ придворныхъ, второй народныхъ. Кромѣ того на западѣ существовали такъ называемые fahrende Sänger (или шпильманъ) и jongleur'ы, странствующіе пѣвцы, хранившіе въ памяти всякаго рода разсказы и пѣсни и распространявшіе ихъ въ народѣ. По существу эти западные пѣвцы ничѣмъ не отличались отъ тѣхъ шутовъ и скомороховъ, которые бродили въ предѣлахъ Россіи и противъ которыхъ въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ ополчались духовные писатели древней Руси. Какъ шпильманы и жонглеры, такъ и скоморохи имѣли цѣлью увеселять толпу музыкой и пѣніемъ, шутками и остротами, и, по всей вѣроятности, сильно способствовали устному распространенію разныхъ пѣсенъ и разсказовъ.

Вообще говоря, институтъ шутовъ не является спеціальной принадлежностью запада или хотя бы даже Европы, а есть явленіе обще распространенное. „Шутовство, говоритъ Шереръ, [2]) мы нашли въ ряду удовольствій некультурныхъ народовъ". Въ свою очередь Летурно [3]) часто отмѣчаетъ факты существованія шутовъ у разныхъ народовъ, культурныхъ и некультурныхъ.—Отсюда нельзя, конечно, заключать, что шуты и скоморохи были у славянъ и въ частности у русскихъ задолго до введенія христіанства и, во всякомъ случаѣ до XI в., когда о нихъ встрѣчаются свидѣтельства въ древне-русскихъ памятникахъ, но такъ или иначе все это не противорѣчитъ предположенію объ исконномъ существованіи скомороховъ на Руси, тѣмъ болѣе, что они являются руководителями старыхъ языческихъ обрядовъ [4]). Между тѣмъ нѣкоторые ученые склонны думать, что скоморошество у насъ явленіе пришлое, и что (по мнѣнію Ал. С. Фаминцына) [5]) ско-

---

[1]) Тихонравовъ, Лекціи стр. 78.
[2]) Vilhelm Scherer, Poetik стр. 82.
[3]) Летурно, Литературное развитіе различныхъ племенъ и народовъ С.-Пб. 1895 г.
[4]) Тихонравовъ, Лекціи стр. 99.
[5]) Ал. С. Фаминцынъ, Скоморохи на Руси С.-Пб. 1889 г. Стр. 1.

морохи—преемники греко-румскихъ скиниковъ или мимовъ, народныхъ потѣшниковъ. Самое названіе „скоморохъ" выводится изъ арабскаго слова maskhara—смѣхъ, насмѣшка, глумъ, черезъ посредство греческой формы μασχαράς или μασκαρᾶς, въ которой произошла затѣмъ перестановка звуковъ [1]) Мы сказали выше, что русскимъ шутамъ и скоморохамъ соотвѣтствовали на западѣ жонглеры и шпильманы (fahrende Sänger). Въ репертуаръ нѣмецкихъ шпильмановъ входили эпическія и историческія пѣсни, новеллы, басни, загадки, пословицы [2]). Французскіе жонглеры поютъ chansons de gestes, но знаютъ и пришлыя сказанія, библейскія и классическія сказки и соблазнительныя фабльо. Въ XII—XIII в. в. въ профессіи жонглеровъ замѣчается дифференціація. Одна часть ихъ отдается серьезной литературѣ и приближается такимъ образомъ къ своимъ патронамъ—трубадурамъ, пѣсни которыхъ они исполняли раньше; другая часть этихъ народныхъ потѣшниковъ поддается всецѣло смѣху толпы и спускается до роли площадного шута и шарлатана-знахаря [3]). Есть основанія думать, что и въ средѣ русскихъ скомороховъ было подобное раздѣленіе. Одни, какъ предполагаетъ проф. Вс. Миллеръ, исполняли болѣе серьезныя вещи и являлись такимъ образомъ сказателями былинъ, другіе довольствовались тѣмъ, что ловко принаровленной шуткой, прибауткой, веселой пѣсней, былиной—новеллой, или наконецъ разными выходками потѣшали народъ. Первыя свидѣтельства о скоморохахъ относятся къ XI вѣку. Въ житіи Ѳеодосія Печерскаго говорится, что однажды Ѳеодосій, войдя въ палаты великаго князя Святослава Ярославича, увидѣлъ: „многихъ играющихъ предъ нимъ: овыхъ гуслныя гласы испускающихъ, иныхъ органьныя писки гласящихъ, иныхъ же мусикійскія, и тако всѣхъ веселящихся, яко же обычай есть передъ княземъ" [4]). Отсюда видно, что такая „игра" была въ обычаѣ при тогдашнемъ великокняжескомъ дворѣ.—Само собой разумѣется, что подобный обычай, напоминавшій собою времена языческія, шелъ въ разрѣзъ съ убѣжденіями ревнителей еще сравнительно молодой православной церкви и вызывалъ съ ихъ стороны порицаніе, превратившееся впослѣдствіи въ ярую оппозицію. Въ XI в. однако мы еще не находимъ такихъ сильныхъ протестовъ противъ общепринятаго обычая, и преп. Ѳеодосій, увидѣвъ веселье великаго князя, считаетъ нужнымъ лишь замѣтить: такъ-ли будетъ на томъ свѣтѣ [5]). Но въ XII в. эти протесты все усиливаются и усиливаются.

---

1) Ал. С. Фаминцынъ, Скоморохи стр. 85.

2) Проф. Всев. Миллеръ, Очерки русской народной словесности Москва 1897 г. стр. 52.

3) Всев. Миллеръ, Очерки стр. 53.

4) Фаминцынъ, Скоморохи стр. 9.

5) Фаминцынъ, Скоморохи стр. 9.

Кириллъ Туровскій открыто порицаетъ тѣхъ, „иже басни баютъ и въ гусли гудутъ“.[1]); Кириллъ, митрополитъ Кіевскій, называетъ въ числѣ мытарствъ: „плясаніе... и басни бающе“ [2]). Послѣднее свидѣтельство относится уже къ XIII вѣку. Для XIV и отчасти XV в. в. почти совсѣмъ не сохранилось свидѣтельствъ о скоморошествѣ. Блюстители церкви какъ-бы замолкаютъ на время, чтобы, начиная съ XVI столѣтія, съ новой силой обрушиться на институтъ скомороховъ, столь ненавистный монашескому смиренію. Въ Словѣ Христолюбца (еще по рукоп. XV в.) въ числѣ „игръ бѣсовскихъ“ значатся: плясьба, гудьба, пѣсни, сопѣли, бубны [3]). По „Уставу людемъ о велицемъ постѣ“ изъ Дубенскаго сборника правилъ и поученій XVI в. предписывается: „грѣхъ есть.... пиръ сотворити съ плясаніемъ и смѣхомъ въ постные дни“ [4]). Въ Домостроѣ (XVI в.) между прочимъ говорится о трапезѣ, сопровождаемой музыкой, пляской и глумленіемъ: „и аще начнуть.... смѣхотвореніе и всякое глумленіе или гусли и всякое издѣніе, и плясаніе и плесканіе и всякія игры бѣсовскія, тогда якожъ дымъ отгонитъ пчелы, такожь отыдуть ангели божія отъ тоя трапезы и смрадные бѣсы предстанутъ“ [5]). „Аще кто клирикъ, говоритъ митрополитъ Даніилъ (1522—1539), на браки званъ будетъ, егда прелестныя (=бѣсовскія игры) и введутся, да востанетъ и абіе да отходитъ.... Яко не подобаетъ священникомъ и клирикомъ нѣкихъ видѣній позоровати на брацѣхъ и на вечеряхъ; но прежде входа игрецовъ встати имъ и отходити“. Но несмотря на всѣ эти нападки скоморошество не уменьшалось. Боярину и крестьянину одинаково нравился скоморохъ, и по свидѣтельству князя Курбскаго, самъ грозный царь Іоаннъ не гнушался надѣвать на себя маску и забавляться и плясать вмѣстѣ со скоморохами. Царь Іоаннъ имѣлъ при себѣ кромѣ того трехъ такъ называемыхъ „бахарей“, слѣпыхъ старцевъ, которые разсказывали ему передъ сномъ различныя сказки и небылицы, чтобы царь скорѣе и крѣпче засыпалъ. Свидѣтельства относительно бахарей относятся къ XVI и XVII в. в., а самое слово „бахарь“ удерживается и теперь еще въ бѣлорусскомъ нарѣчіи и, по объясненію проф. Безсонова, значитъ: балагуръ, шутъ, волокита, баятель, обаятель, вѣдунъ, дѣдъ [6]). „Одной изъ любимыхъ русскихъ комнатныхъ утѣхъ въ долгіе осенніе и зимніе вечера и особенно грядущихъ ко сну, замѣчаетъ г. Забѣлинъ [7]), была сказка и,

---

1) Ibd. стр. 41.
2) Ibd.
3) Фаминцынъ, Скоморохи стр. 15.
4) и 5) Фаминцынъ, стр. 15.
6) Фаминцынъ, Скоморохи стр. 52.
7) У Фаминцына, стр. 51.

по всему вѣроятію, не въ спеціальномъ ея значеніи, какое опредѣлила ей наука, а вообще въ значеніи всякой повѣсти, какъ небылицы, такъ и дѣйствительной были, обставленной только поэтическими образами, сказываемой поэтическимъ словомъ. Сказка, прибавляетъ къ этому Ал. С. Фаминцынъ [1]), въ такомъ болѣе широкомъ смыслѣ слова отождествляется съ тѣми, „баснями", противъ баянія которыхъ возвышали свой голосъ, какъ противъ скоморошескаго искусства вообще, духовные писатели XII в. Такимъ образомъ этотъ видъ скоморошескаго искусства, существованіе котораго подтверждается памятниками и который для нашихъ цѣлей имѣетъ важное значеніе не только не былъ искорененъ нападками ревнителей церкви, но прочно обосновался въ царскихъ палатахъ и боярскихъ хоромахъ наравнѣ съ пѣніемъ и пляской. Ни одинъ русскій богатый домъ не обходился безъ бахаря-сказочника; онъ долженъ былъ или разгонять скуку или же усыплять обитателей дома разсказами, повѣстями, шутками и прибаутками. Шуты и скоморохи были явленіемъ настолько распространеннымъ, что на нихъ останавливаютъ свое вниманіе иностранцы—современники. Подъ 1611 годомъ Маскѣвичъ говоритъ въ своемъ дневникѣ: Есть у нихъ (русскихъ) такъ называемые шуты (maje u siebie blaznow), которые тѣшатъ ихъ русскими плясками, кривляясь какъ скоморохи (jak Zartownicie) на канатѣ, и пѣснями большею частью весьма безстыдными" [2]). Само собой разумѣется, что такого рода грубыя забавы вполнѣ соотвѣтствовали общественнымъ потребностямъ. Олеарій, жившій въ Россіи въ первой половинѣ XVII в., такими словами характеризуетъ тогдашнее общество, при чемъ исключаетъ лишь самыхъ знатныхъ бояръ: „Не будучи знакомы съ достохвальными знаніями, не заботясь много о достопамятныхъ дѣлахъ и событіяхъ отцовъ и предковъ своихъ, и не имѣя желанія знакомиться съ чуждыми народами и ихъ свойствами, русскіе, весьма естественно въ своихъ, собраніяхъ никогда не заводятъ рѣчи о подобныхъ вещахъ. Большая часть ихъ разговоровъ сосредоточена на томъ, къ чему даетъ поводъ ихъ природа и обычный ихъ образъ жизни, а именно: говорятъ о сладострастіи, постыдныхъ порокахъ, развратѣ и любодѣяніи ихъ самихъ и другихъ лицъ; разсказываютъ всякаго рода срамныя сказки, и тотъ, кто наиболѣе сквернословитъ и отпускаетъ самыя неприличныя шутки, сопровождая ихъ непристойными тѣлодвиженіями, тотъ и считается у нихъ лучшимъ и пріятнѣйшимъ въ обществѣ; къ тому же направлены и ихъ пляски, которыя они исполняютъ съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ страстныхъ тѣлодвиженій" [3]).

---

1) Фаминцынъ, стр. 51.

2) Фаминцынъ, стр. 94.

3) Фаминцынъ, стр. 93.

Въ то время, какъ одна часть скомороховъ, носившихъ впрочемъ и другія названія, какъ напр. веселые молодцы, глумцы, смѣхотворцы, кощунники, игрецы, пріютилась въ домахъ знатныхъ баръ и перешла въ осѣдлое населеніе городовъ, другая часть продолжала свой бродячій образъ жизни, кочевала изъ селенія въ селеніе и потѣшала народъ. „Бѣсовскія игры" свои скоморохи устраивали вездѣ, гдѣ случалось: на улицахъ, площадяхъ, поляхъ обыкновенно по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. О характерѣ и программѣ такихъ народныхъ увеселеній можно составить себѣ понятіе изъ слова св. епископа Евсевія (по рукоп. XIII в.): „обрящеши ту овы гудущи, овы пляшущи, а другая сѣдяща и о другѣ клевечюща, а другыя борющася, а другыя помавающа и помизающа другъ друга на зло" [1]). Въ правилѣ митрополита русскаго Кирилла (умершаго въ 1280 году) порицается соблюденіе въ божественные праздники „бѣсовскихъ обычаевъ": „въ Божественныя праздники позоры нѣкакы бѣсовьскыя творити съ свистаніемъ и кличемь и въплемь съзывающе нѣкы скарѣдныя пьяница, и бьющеся дрьколѣемь до самыя смерти" [2]). Въ грамотѣ царя Алексѣя Михайловича отъ 1648 г. также есть описаніе увеселеній народа посредствомъ скоморошескихъ игръ: „умножилось въ людехъ во всякихъ пьянство и всякое мятежное бѣсовское дѣйство, глумлѣніе и скоморошество со всякими бѣсовскими играми..... Многіе люди, забывъ Бога и православную крестьянскую вѣру, тѣмъ прелестникомъ и скоморохомъ послѣдствуютъ, на безчинное ихъ прелщеніе сходятся по вечерамъ и во всенощныхъ позорищахъ на улицахъ и на поляхъ и богомерзкихъ и скверныхъ пѣсней и всякихъ бѣсовскихъ игръ слушаютъ, мужесково и женсково полу и до сущихъ младенцевъ" [3]).

Вотъ съ такими-то играми скоморохи переходили съ мѣста на мѣсто, обнаруживая свое многостороннее искусство. Населеніе было, конечно, очень довольно приходомъ „веселыхъ людей", съ удовольствіемъ слушало ихъ шутки, прибаутки и пѣсни и смотрѣло комическія представленія. Все это заканчивалось, по всей вѣроятности, общей попойкой, противъ которой и возставали духовные писатели, называя скомороховъ „скарѣдными пьяницами", совращавшими народъ. Несомнѣнно, что пьянство и разгулъ должны были дѣйствовать деморализующимъ образомъ на скомороховъ; но этого мало. Постоянное пребываніе въ толпѣ, постоянное общеніе съ различными людьми развивало въ скоморохахъ хитрость и ловкость, находчивость и дерзость, которыми они пользовались въ ущербъ другимъ и отъ которыхъ

---

[1]) Фаминцынъ, стр. 79.
[2]) Фаминцынъ, стр. 50.
[3]) Фаминцынъ, стр. 82.

всѣхъ больше страдало населеніе отдѣльныхъ селъ и мѣстечекъ. Подъ видомъ шутки „веселые ребята“ часто производили насилія, вымогательства, творили разныя предосудительныя дѣла и совершали даже преступленія. Само собой разумѣется, что въ такихъ случаяхъ вмѣшательство правительства было необходимо, и дѣйствительно цѣлый рядъ правительственныхъ распоряженій былъ направленъ къ предотвращенію такихъ продѣлокъ. „Да по дальнимъ странамъ,—говорится въ Стоглавѣ, ходятъ скоморохи, совокупясь ватагами многими до шестидесяти и до семидесяти и до ста человѣкъ и по деревнямъ у крестьянъ сильно (насильно) ядятъ и піютъ и съ клѣтей животы грабятъ, а по дорогамъ разбиваютъ [1]), чтобы впредь такое насильство и безчиніе не было“. Но и до этого времени, начиная съ конца XV вѣка часто появлялись уставныя и жалованныя грамоты, которыми скоморохамъ запрещалось играть, а жителямъ позволялось безнаказанно выгонять ихъ изъ данной области. Въ уставныхъ грамотахъ 1509 года сказано такъ: „а скоморохамъ у нихъ (крестьянъ бобровыхъ деревень) ловчей и его тіунъ по деревнямъ сильно играти не ослобождаетъ: кто ихъ пуститъ на дворъ добровольно, и они тутъ играютъ; и учнутъ у нихъ скоморохи по деревнямъ играти сильно и они ихъ изъ волости вышлютъ вонъ безпенно“ [2]). Подобное же запрещеніе содержится въ приговорѣ монастырскаго собора Троицкой лавры отъ 1555 года; оно направлено какъ противъ бродячихъ, такъ и осѣдлыхъ скомороховъ. „Не велѣли есмя имъ въ волости держати ни скомороховъ, ни волхвей..... и учнуть держати, у котораго сотскаго въ его сотной выймутъ..... и на томъ сотскомъ и его сотнѣ взяти пени десять рублевъ денегъ, а скомороха или волхва..... бивъ да ограбивъ, да выбити изъ волости вонъ... а прохожихъ скомороховъ въ волость не пущать“ [3]). Въ волхвахъ, упомянутыхъ здѣсь, надо видѣть представителей одного изъ видовъ скоморошескаго искусства. Это не были волхвы по убѣжденію, какими являлись кудесники языческихъ временъ, одаренные, по ихъ понятіямъ, свыше магическими силами и вѣрившіе въ свое призваніе—здѣсь дѣло сводилось къ болѣе или менѣе ловкой увертке съ яснымъ сознаніемъ своего обмана. „Понятіе о скоморохахъ, говоритъ Ал. С. Фаминцынъ [4]), искусникахъ на всѣ руки, представителяхъ бѣсовскихъ потѣхъ, сатанинскихъ игръ, играющихъ на бѣсовскихъ музыкальныхъ орудіяхъ,—о скоморохахъ,—слугахъ или исчадіи дьявола, обреченныхъ въ будущей жизни на вѣчный плачъ и вѣчныя страданія въ аду, сближается съ понятіемъ о бѣсовской же силѣ колдовства, чарованія, знахарства“.

---

1) Фаминцынъ, стр. 142.
2) Фаминцынъ, стр. 142.
3) Фаминцынъ, стр. 154.
4) Фаминцынъ, стр. 129.

Слѣдствіемъ строгихъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ въ половинѣ XVII вѣка, было то, что, начиная съ этого времени, скоморохи исчезаютъ почти совсѣмъ. Держатся лишь тѣ, которые поселились въ домахъ знатныхъ бояръ и вельможъ, гдѣ и просуществовали, хотя уже какъ переживаніе, до начала XIX в. [1]). Самымъ виднымъ, наиболѣе выдающимся предметомъ комнатной забавы, замѣчаетъ г. Забѣлинъ, былъ дуракъ, „шутъ" [2]). Роль его заключалась въ томъ, чтобы возбуждать смѣхъ, веселость, то пошлыми, то остроумными словами и поступками, нерѣдко впадавшими въ цинизмъ. Памятники сохранили довольно много именъ шутовъ, но самымъ выдающимся изъ нихъ былъ несомнѣнно Балакиревъ. Вокругъ него сконцентрировалось много шутокъ, остротъ и анекдотовъ, въ которыхъ онъ является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Здѣсь произошло то же явленіе, что и въ нѣкоторыхъ странахъ; наслѣдіе шутовъ болѣе мелкихъ слилось съ личностью, по своему выдающейся и извѣстной, и къ ней были пріурочены различные разсказы не только русскіе по происхожденію, но и разсказы, ходившіе въ Западной Европѣ. Какъ Эйленшпигелю приписывались нѣкоторыя продѣлки Гонеллы, такъ и въ анекдотахъ о Балакиревѣ можно замѣтить вліяніе того же итальянскаго шута. Такъ напр. въ сборникѣ анекдотовъ о Балакиревѣ встрѣчаемъ разсказъ о томъ, какъ царь Петръ, разгнѣвавшись на своего шута, запретилъ ему показываться на его царской землѣ, и какъ затѣмъ Балакиревъ всетаки пріѣхалъ во дворецъ, наполнивъ свою одноколку шведской землей [3]). Буквально тотъ же разсказъ находимъ въ новеллахъ Франко Саккетти, разсказъ, озаглавленный Гонелла и Маркграфъ Феррарскій [4]). Личностями, вполнѣ соотвѣтствующими по своей дѣятельности русскому Балакиреву, являются въ Турціи Насръэдинъ ходжа и Буадемъ [5]), въ Германіи, какъ мы видѣли выше, Эйленшпигель [6]), даже у полудикаго африканскаго имени Суагели, правда, по образцу турецкаго Насръ-эддина, есть свой шутъ Абунавасъ [7]).

Мы прослѣдили такимъ образомъ исторію русскаго скоморошества, начиная съ тѣхъ людей „иже басни баютъ" и кончая постепенно выработавшимся изъ нихъ типомъ шута и дурака, воплощеннымъ въ личности Балакирева. Каковы были эти „басни", которыя баяли скоморохи, сказать,

---

1) Фаминцынъ, стр. 111.

2) Ibd стр. 113.

3) Анекдоты о Балакиревѣ, Москва 1888 г. № 66 стр. 134.

4) Franco Sacchetti, Nov. 27, въ Italienischer Novellenschafg Adelbert'a Keller'a I. Teil № 19.

5) Schwanke des Nassr-eddin und Buadem, анекдоты, собранные Tevfik'омъ и переведенные на нѣмецкій языкъ Мюллендорфомъ, Leipzig.

6) Volksbuch von Till Eulenspiegel.

7) Emil Tromm, Lieder und Geschichlten der Snaheli, Hamburg 1896 г.

конечно, трудно, но надо предположить, что сюда входили всякія словесныя произведенія, какъ серьезныя былины, „про времена стародавнія“, такъ и шуточные разсказы, въ родѣ пѣсни о Гостѣ Терентьищѣ, разныхъ шутокъ, остротъ, анекдотовъ и т. п. Если мы спросимъ теперь, оставили-ли скоморохи какую-нибудь память о себѣ въ народѣ, то на этотъ вопросъ надо будетъ отвѣтить утвердительно. „Преслѣдуемые повсюду администраціей, говоритъ проф. Вс. Миллеръ [1]), скоморохи уходили подальше въ деревни, гдѣ еще былъ спросъ на ихъ искусство, и передали не малую долю своего музыкальнаго и литературнаго репертуара простонародью, отъ котораго въ настоящее столѣтіе и были людьми науки записаны эти остатки въ видѣ былинъ, пѣсенъ, прибаутокъ, загадокъ, сказокъ и т. п.“ Кромѣ того во многихъ, нынѣ живущихъ въ народѣ, шуточныхъ разсказахъ есть, если не прямыя указанія, такъ ясные намеки на скомороховъ и шутовъ. Въ нихъ сохранились воровскія и знахарскія продѣлки и проказы этихъ „великихъ людей“, которыхъ, какъ мы указывали, Стоглавъ характеризуетъ словами: „и съ клѣтей животы грабятъ, а по дорогамъ разбиваютъ“. Относительно скомороховъ, выдававшихъ себя за знахарей, есть указанія въ былинѣ—новеллѣ о Гостѣ Терентьищѣ [2]).

Для излеченія жены отъ недуга, между прочимъ мнимаго, мужъ обращается къ „веселымъ молодцамъ“, какъ знахарямъ:

У меня есть молодая жена
Авдотья Ивановна.
Она съ вечера трудна, больна,
Съ полуночи недужна вся,—
Расходился недугъ въ головѣ,
Разыгрался утикъ въ хребтѣ,
Пустился недугъ къ сердцу.....
А ктобы-де недугамъ пособилъ,
Кто недуги бы прочь отгонилъ
Отъ моей молодой жены
Отъ Авдотьи Ивановны,
Тому дамъ денегъ сто рублевъ
Безъ единыя денежки [3]).

По другому пересказу Терентьище прямо привѣтствуетъ скомороховъ, какъ знахарей:

---

[1]) Очерки русск. народн. словесн. стр. 58.
[2]) Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ, Пѣсни о гостѣ Терентьищѣ.
[3]) Кирша Даниловъ, Древн. россійскія стихотворенія изд. Суворина стр. 12.

Вы много по землѣ ходили,
Вы много всѣмъ скорбямъ знатоки,
Вы скорби ухаживаете,
А недуги уговариваете [1]).

Скоморохи, какъ люди „злые догадливы“, берутся вылѣчить притворившуюся больной жену Терентьища, конечно, не шептаніями и наговорами, а остроумной шуткой.

Веселые догадалися,
Другъ на друга оглянулися,
А сами усмѣхнулися [2]).

Они сажаютъ Терентьища въ мѣшокъ и несутъ къ больной, которая проситъ ихъ сыграть „во гусельцы“ и спѣть пѣсенку. Изъ словъ этой пѣсни мужъ узнаетъ, какимъ недугомъ больна его жена и вылѣчиваетъ ее, по совѣту тѣхъ же скомороховъ, „дубинойременчатой“. Продѣлки шутовъ держатся въ народѣ въ видѣ цѣлаго цикла анекдотовъ, напр. въ сборникѣ Аѳанасьева есть такіе анекдоты, записанные въ Пермской и Тверской губерніяхъ. Одна часть анекдотовъ изъ Тверской губерніи пріурочена къ шуту Ѳомкѣ, другая къ Еремѣ, именамъ двухъ извѣстныхъ въ народѣ „дураковъ“, и, по всей вѣроятности, комическіе разсказы и пѣсни, въ которыхъ фигурируютъ эти двѣ личности, являются наслѣдіемъ скомороховъ [3]). Образецъ дагадливости и находчивости видимъ въ словѣ „о христіанской и жидовской вѣрѣ“, дошедшемъ въ редакціяхъ XVII—XVIII вв. Въ словѣ описывается, какъ скоморохъ, выставленный въ преніи вмѣсто русскаго философа, побѣждаетъ философа жидовскаго. Кончается слово (редакція XVIII в.) такъ: „вопіяху всѣ (жиды).... глаголюще: „како скоморохъ—не книжникъ, но піяница и голышъ кабацкій, всѣхъ книжниковъ и ученыхъ посрамилъ, но и всѣмъ вѣчный положилъ позоръ“? Скоморохъ же нача плясати и играти и жидовскую вѣру ругати“ [4]).... Воровскія продѣлки скомороховъ представляли собой верхъ нахальства и сохранены народною памятью какъ анекдоты. Ватаги „веселыхъ людей“ заходили въ деревню, обпивали и объѣдали поселянъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не пропускали случая украсть, что плохо лежитъ. Такъ напр. у Сахарова [5]) есть такой разсказъ: Веселые ребята попросились ночевать къ старой бабѣ, которая хвалилась

1) Фаминцынъ, стр. 130.
2) Кирша Даниловъ, стр. 14.
3) Аѳанасьевъ, Народн. русск. сказки. 1897 г., т. II стр. 356.
4) Фаминцынъ, стр. 139.
5) Сказанія русск. народа I, III 221 у Фаминц. стр. 141.

что у нея есть „четыреста рублевъ въ кубышечкѣ“. Скоморохи сейчасъ же начинаютъ дѣйствовать и всячески забавлять бабу, показывая свое искусство.

Ай одинъ началъ плясать,
А другой началъ играть
А третій веселый будто спать захотѣлъ,
Онъ и ручку протянулъ
И кубышечку стянулъ.

По словамъ Бѣляева, [1]) въ деревнѣ Ликовѣ Московской губерніи Можайскаго уѣзда и теперь еще хранится разсказъ о томъ, какъ ватага бродячихъ воровъ—музыкантовъ однажды расположилась близъ деревни и потѣшала жителей слѣдующей пѣсней:

Ай матушка Ликова
Пришей къ шубѣ рукава.

Воротившись домой послѣ этой потѣхи, крестьяне не нашли большей части своихъ овецъ.

Изъ Этнографическаго сборника (VI, 61 г.) Ал. С. Фаминцынъ приводитъ разсказъ, записанный въ Семипалатинскѣ: въ одной деревнѣ была вечерка; шли воры—крестьяне, одинъ изъ нихъ—музыкантъ; музыкантъ вошелъ въ избу и предложилъ поиграть для компаніи, а его товарищи остались на дворѣ и стали шарить по амбарамъ, нашли много добра, но во что положить—не знаютъ, а на дворѣ сушились бабьи рубахи; вотъ музыканту и пришла мысль замѣнить мѣшки рубахами, онъ и пропѣлъ свое предложеніе громко, чтобъ услышали на дворѣ:

Ужь вы глупые крестьяне,
Неразумные мужики,
Еще бабья то рубаха
Не тотъ же ли мѣшокъ?
Рукава-то завяжи
Да что хошь положи [2]).

Параллельный этому разсказъ съ соотвѣтствующимъ почти буквально припѣвомъ есть въ сборникѣ Манжуры [3]) подъ заглавіемъ „Салдатъ танцюра“. Близкіе варіанты на ту же тему помѣщены въ томъ же сборникѣ „Салдатска колядка“ и „Беры зъ тыну“. Послѣдній разсказъ мы приведемъ цѣликомъ: „Шло двое салдатъ тай наглядилы, шо на тыну полотно висыть. Хотятъ воны ёго узять, та ніякъ, скризь люде. „Пидожды, каже одынъ, я пиду ихъ закгавлю, то якъ крыкну: „беры зъ тыну“, ты и беры“. Отъ приходе винъ до чоловика, а чоловикъ теше. „Шо це ты тешешь“? Берестыну, каже. Той салдатъ у боки, ну танцюваты та выкрыкуваты: „беры зъ тыну, беры зъ тыну“. Та забавлявъ, ажъ покы той и полотно поволикъ. Кынулысь до полотна.—А сякый такый, винъ и казавъ: „беры зъ тыну“.

[1]) У Фаминцына стр. 145.
[2]) Фаминцынъ, стр. 146.
[3]) Манжура, Сказки стр. 108, 109 и 110.

Такіе же анекдоты есть у Аѳанасьева на стр. 431 и 432 томъ II-й. Въ большинствѣ помѣченныхъ разсказовъ произошла замѣна „веселыхъ ребятъ“ „салдатами“, москалями, а иногда колядниками. Образъ шута и скомороха, какъ явленіе отжившее свой вѣкъ, мало по малу исчезаетъ изъ сознанія народа, остаются лишь продѣлки ихъ, самый фактъ, который безъ труда пріурочивается къ „салдату“, по смѣтливости и догадливости достойному преемнику скомороха. Интересъ такихъ разсказовъ, въ основу которыхъ легли продѣлки шутовъ, на нашъ взглядъ, заключается въ томъ, что, въ сравненіи съ другими народными анекдотами, они отличаются большей самобытностью, и, съ достаточной долей вѣроятія, можно сказать, что они возникли на русской почвѣ.

Дальнѣйшая работа наша имѣетъ въ виду разсмотрѣть нѣсколько русскихъ анекдотовъ, сравнить ихъ съ аналогичными или параллельными разсказами, извѣстными у другихъ народовъ и попытаться указать, насколько это возможно, тѣ пути, по какимъ, согласно съ теоріей заимствованія, появились нѣкоторые анекдоты въ русской народной словесности. Мы остановились, главнымъ образомъ, на разсказахъ о дуракахъ и о невѣрныхъ женахъ. Первое мѣсто между разсказами о дуракахъ занимаютъ тѣ, которые въ Великороссіи пріурочены къ пошехонцамъ, а въ Малороссіи къ литвинамъ и евреямъ. Въ III выпускѣ „Къ исторіи звуковъ русскаго языка“, А. А. Потебня, объясняя слово „слѣпородъ“ замѣчаетъ между прочимъ, что разсказы о пошехонцахъ заимствованы изъ нѣмецкихъ разсказовъ о шильдбюргерахъ, о чемъ въ подражаніе швабамъ была издана цѣлая книжка: „Удивительныя и забавныя приключенія пошехонцевъ (Der Schildbürger wunderseltsame adeutenerliche Geschichten) [1]). Причину такого пріуроченія именно къ пошехонцамъ А. А. Потебня видитъ въ ихъ слѣпородности. „Пошехонцы слѣпороды: въ трехъ соснахъ заплутались, за семь верстъ комара искали, а комаръ на носу“. Но „вятичи“ также „слѣпороды“ [2]); пріуроченія однако не произошло.

Основа разсказовъ о дуракахъ является общей какъ для древнихъ, такъ и новыхъ народовъ и лежитъ въ природѣ человѣка; каждая страна имѣетъ свой смѣшной народъ, на который она сваливаетъ всю свою собственную глупость и переноситъ дурацкія похожденія, говоритъ Гагенъ [3]) и сама радуется собственному изображенію, подобно обезьянѣ, не узнавшей себя въ зеркалѣ и играющей собственнымъ хвостомъ, который представляется ей чѣмъ-то страннымъ. Но происхожденіе такихъ разсказовъ со-

---

[1]) А. А. Потебня, Исторія звуковъ русскаго языка Варшава 1881 г. Вып. II стр. 73.

[2]) Даль, Пословицы 357.

[3]) Von der Hagen, Narrenbuch.

крыто отъ насъ, какъ это вообще замѣчается въ разсказахъ, составляющихъ общее достояніе народовъ. Нѣтъ однако сомнѣнія, что многіе и даже большинство такихъ анекдотовъ (Schwänke) жили въ устахъ народа, передъ тѣмъ какъ были собраны и обработаны. Обработку эту и вмѣстѣ съ тѣмъ пріуроченіе, забавныхъ приключеній къ шильдбюргерамъ Гагенъ относитъ къ 14—16 вв., эпохѣ расцвѣта торговли и промышленности, блестящаго состоянія городовъ и возвышенія средняго класса населенія. Рядомъ съ этимъ можно полагать и, какъ кажется съ такою-же основательностью, что анекдоты о глупыхъ народахъ, переходили болѣе или менѣе законченными циклами, что видно изъ разсказовъ о пошехонцахъ и изъ разсказовъ о литвинахъ. Возьмемъ напр. разсказъ изъ сборника Гринченка № 171. Выпускъ I.

I.

Дурни люде.

Живъ соби чоловикъ та жинка (уже стареньки воны булы), а въ йихъ було двийко дитей: дочка й сынъ. Ото разъ воны сыдять у хати та й балакаютъ:—Якъ буде въ насъ сынъ Иванъ та злизе винъ на ступу, упаде съ ступы та й убьецця... А мы будемъ тужить... Тай ставъ дидъ изъ бабою тужыть на всю хату! Сынъ почувъ та й убигъ излякавшыся.—Що тутъ таке? Дидъ разсказавъ що таке й таке горе. „Дурни вы! тутъ и кишкы можно порвать, зъ васъ сміючысь!... Узявъ та й заперъ йихъ у погрибъ.— Якъ що найду людей дурнишыхъ одъ васъ, такъ выпущу!—сказавъ сынъ и пишовъ шукаты дурнишыхъ людей. Отъ иде та й иде... Колы жене баба квочку съ курчатамы та такъ нирчыть іийи дубцемъ!..—А щобъ ты здохла, а щобъ ты пропала... ни цыценькы нема, ни маленькойи нема! Навела курчатъ, а чымъ ты йихъ годуватымешъ? Та ще дужче бье.—За що вы йийи бъете? спытався той чоловикъ.—А якъ же йийи не быть! Курчатъ навела, а нема ни цыцечкы, ни маненькаго пыптыка,—чымъ вона йихъ годуватыме?—А у васъ е пшоно?—зновъ спытався чоловикъ.—Есть. Ну такъ дайте мени! Отъ баба дала пшона. Чоловикъ посыпавъ його квочци; вона съ курчатамы йисть пшоно. А баба тоди:—А яжъ и не знала; оце спасыби вамъ що навчылы! Чоловикъ пишовъ дали. Иде та й иде... Колы дывыцця,—сыдыть на хати дидъ безъ штанивъ; баба стойить на земли та держыть у рукахъ штаны; дидъ одставывъ ногу—хотивъ плыгать съ хаты. Чоловикъ пидійшовъ и пытаецця. Що це вы, люде добри, робыте?—Та це я до шестидесяты годъ не надивавъ штанивъ, боявся, щобъ не задавылы, а теперь баба пошыла, такъ не знаю, якъ надивать; такъ оце держить штаны, а я злизъ на хату та й хотивъ плыгать у йихъ!—

каже дидъ.—Излазь, диду, сюды!—каже чоловикъ. Дидъ излизъ. „Задерай ногу у штаны! Дидъ задравъ.—И другу! Дидъ и другу туды.—Отъ и такъ!—А спашыби вамъ за порадоньку! а мы й не жналы. Чоловикъ и пишовъ. Иде та й иде... Колы дывыцця,—стоить дидъ на хати та тягне бычка за налыгачъ, а баба ззаду поганя:—Гей, гей, бычку, щобъ ты жывый бувъ, на хату травы йисты! Чоловикъ пидийшовъ и пытае, що це воны роблять.—Онъ на хати трава росте, такъ мы хочемъ, щобъ бычокъ йийи пойивъ; оце женемъ—женемъ, та нiякъ и не жженемъ!—каже баба.—А я знаю! Отъ узявъ чоловикъ косу, полизъ на хату, покосывъ траву та й оддавъ бычкови.—Оце спасыби вамъ, а мы-жъ и не зналы! Каже баба. Чоловикъ и вернувся до дому да й думае.—Э ни, е дурниши люде и одъ мого батька та матери! Узявъ та й выпустывъ йихъ.

Варiантъ этого разсказа есть у Чубинскаго [1]), гдѣ повтдрены эпизоды съ „квочкой" и „бычкомъ".

Начало разсказа передается въ различныхъ иностранныхъ версiяхъ разно, но всѣ сходятся въ томъ, что сынъ (молодой супругъ) находитъ своихъ слишкомъ глупыми и возвращается лишь тогда, когда убѣждается, что есть люди еще и глупѣе. Всѣхъ дальше въ этомъ отношенiи отъ малорусскаго разсказъ, прiуроченный къ шильдбюргерамъ [2]). Они снаряжаютъ посольство въ ближайшiй городъ Калекуту, чтобы испросить у жителей совѣта въ одномъ дѣлѣ, такъ какъ сознаютъ отчасти свою умственную немощь, но тамъ оказываются еще большiе дураки. Русская версiя, приведенная Клоустономъ [3]), также отступаетъ отъ малорусской. Въ ней старики плачутъ о смерти предполагаемаго внука, потому что на него могло упасть полѣно. Эта русская версiя, которую мы слышали въ Московской губернiи съ прiуроченiемъ къ пошехонцамъ, очень близка къ одной англiйской и двумъ шотландскимъ [4]). Эпизода съ „квочкой", какимъ онъ встрѣчается въ приведенномъ малорусскомъ разсказѣ, нѣтъ ни вь шильдбюргерахъ, ни въ другихъ болѣе близкихъ варiантахъ.

Въ анекдотахъ о шильдбюргерахъ есть правда упоминанiя о цыплятахъ, но при другихъ условiяхъ, именно, бывшiй свинопасъ, нынѣ староста города Шильды, проситъ жену приготовить ему къ обѣду цыплятъ. Прыжокъ дѣда съ крыши съ тѣмъ, чтобы попасть въ штаны повторяется съ тѣми же подробно-

---

[1]) Труды экспедицiи Томъ II № 9 Дурнi. Другой варiантъ въ статьѣ проф. Н. Ѳ. Сумцова Малорусск. сказки по сборникамъ Кольберга и Мошинской стр. 131.

[2]) Von der Hagen, Narrenbuch.

[3]) Clouston, The book of noodles стр. 195.

[4]) Ibd. стр. 196, 191 и 195.

стями въ упомянутой англійской версіи [1]), то же самое въ одной итальянской, только прыжокъ долженъ совершиться съ дерева; въ другомъ итальянскомъ пересказѣ дѣдъ прыгаетъ въ чулки. Исторія съ бычкомъ [2]) есть цѣликомъ въ шильдбюргерахъ съ замѣной бычка коровой и хаты старой стѣной; есть этотъ эпизодъ и въ англійскомъ разсказѣ (у Клоустона).

II.

Про Літву [3]).

У йіднім селі литвины стали міркувати: скільки то вони платять чумакамъ за тую сіль. Міркували—міркували, а далі й кажуть: „Чи не можна якъ добути солі и безъ чумаківъ"? Отъ и прираяли собі посіяти сіль. „Адже сіють жито—родить, повинна родити и сіль якъ посіяти"! Выбрали що есть найкраще поле, зъорали, посіяли сіль, заскородили и раденькі, що дурненькі: солі вже куповати не будуть! отъ настае весна; хліба скрізь посходили, зазеленіло—така руна! (а рікъ урожайний був). А сіль не сходить!... Отъ вони, що робить? Ходять по полю, голови повісивши: „Не сходзиць, не сходзиць"!—А на тій ниві, де силь посіяли, вовки яму вырили, да й жиють соби. Отъ одинъ литвинъ и назнавъ: „Брацця! каже: теперь я знаю, чому сіль не сходить."—А чому?—„Бо чорты завелись у насъ на ниві?"—Дзе?—„На ниві, тамъ, де сіль посіяли." Литвини поняли віри, да зібралась громада—давай міркувати: що воно за нечиста сила завелась на ниві? Доходятъ тропу до тийі ями, да ніякъ не догадаюця; „Пахадзіло—пабрадзіло и слэду не знаць: ці старая курапаціца, ці молодой медзведзь". Отъ и природили: освятить те поле: „то наше сіль зійде, якъ чортяку виженемо". Пішли за попомъ, покликали. Тоді забирають кресты, хорогви, образи—така процесія иде въ поле! Приходять на ту ниву, ажъ надъ яму; піпъ йівангелію читае; дяки співаютъ: „Да воскресне Богъ"! Співали—співали, стали читати, вже й свяченою водою кропивъ піпъ,—такъ ні: не вилазить нечиста сила, тай годі! Отъ громада й присудила кому-сь треба лізти у яму и подивитись, що тамъ таке? Всі вагаюцця... Громада й присудила: „Лізьте ви, батюшка, зъ хрестомъ въ рукахъ: нечиста сила васъ не візьме!" Батюшка перехрестився: „Вижъ, мене, каже, за ногі тримайце, а якъ почну ногами полоць—живо выцягайте!" Отъ и полізъ батюшка, а хрестъ попередъ себе... Коли влізъ у ту яму—тільки трошки ноги сверху,—да якъ

---

[1]) Clouston, Book of noodles Рад. 196, 200, 204.

[2]) Варіантъ въ статьѣ проф. Н. Ѳ. Сумцова. Малорусск. сказк. по сборн. Кольберга и Мошинской стр. 13, гдѣ на церковь тянутъ веревками корову, такъ какъ одна умершая баба завѣщала ее на церковь.

[3]) Рудченко, Южно-русскія сказки вып. II № 50 стр. 194.

задрыгая ногами.... а його чимъ-дужъ, скоришь и витягли. Витягли—а у батюшки й голови катъ-ма! Вовкы геть чисто одкусили! Литвины бачать, що батюшка безъ голови, да ніякъ не пригадають, чи вінъ зъ головою бувъ, якъ лізъ у яму, чи безъ голови? Йидні кажуть: зъ головою; а другі: Ні безъ голови! Суперечились, суперечились, та давай битись... А дали: „Хадзьомъ до матушки, кажуть, вона мусиць памъятаць: чи була голова у батюшки?" Отъ приходять, питаютця: „Ви, матушка, мусите памъятать: чи була голова у батюшки?" Матушка думала, думала, та и каже: „Ні, не згадаю! Спитайте служанку: вона вчора у вечері мила ноги батющці, то певне памъятае! Вони приходять до тойі служанки. Ти, кажуть, вчора мила батющці ноги, то чи не згадаешъ: була у батюшки голова, а чи не було?—Була, каже, була; але дуже хиталася!—„То тамъ же вона й зосталася!" присудила громада.

Посѣвъ соли встрѣчается у Кольберга (Lud) [1]). Анекдотъ пріуроченъ къ глупой бабѣ, засѣявшей цѣлую бочку соли въ отсутствіе мужа, который отправился искать людей болѣе глупыхъ, чѣмъ его жена (см. выше № I). Польскій разсказъ по своему составу до мельчайшей подробности соотвѣтствуетъ норвежскому [2]), приведенному у Клоустона. Тотъ-же мотивъ о посѣвѣ соли находимъ въ разсказахъ о шильдбюргерахъ съ незначительными измѣненіями; въ дальнѣйшемъ же ходѣ разсказа есть отступленія. Какъ батюшка [3]), такъ и одинъ изъ шильдбюргеровъ лишается головы, но несчастье случается при слѣдующихъ обстоятельствахъ: недалеко отъ Шильды протекала рѣчка; на берегу ея стояло большое орѣховое дерево, при чемъ вѣтви его почти касались воды. Шильдбюргеры вообразили, что дерево хочетъ напиться и никакъ не можетъ достать воды, и вызвались устроить это дѣло. Накинувъ петлю на вершину, они стали наклонять дерево; а одинъ изъ нихъ влѣзъ наверхъ, чтобы своей тяжестью помогать имъ; но веревка оборвалась, дерево возвратилось въ свое прежнее положеніе, при чемъ сухимъ сучкомъ оторвало голову сидѣвшему на деревѣ шильдбюргеру. И вотъ является вопросъ, была у убитаго голова, или нѣтъ. Посылаютъ къ женѣ его спросить, вышелъ ли сегодня утромъ ея мужъ изъ дому съ головой или нѣтъ. Та не могла ничего сказать: сообщила только, что въ прошлую субботу она чесала ему голову, а съ тѣхъ поръ (она) не обращала на мужа особеннаго вниманія; былъ ли онъ сегодня утромъ съ

---

1) Oscar Kolberg, Lud, ser VIII Kraków 1875, стр. 221.

2) Clouston, Book of noodles page 207.

3) Аналогичный эпизодъ въ статьѣ проф. Н. Ѳ. Сумцова Малор. сказк. по сбор. Кольберга и Мошинской стр. 131. Литвины съ серпомъ.

головой, она не знаетъ, впрочемъ рекомендуетъ имъ посмотрѣть, нѣтъ ли головы мужа въ шляпѣ, которая виситъ тамъ-то на гвоздѣ. Но головы не оказалось въ шляпѣ.

Разсказъ этотъ, хотя и принадлежитъ къ общему циклу разсказовъ о шильдбюргерахъ, однако не соединенъ съ мотивомъ о посѣвѣ соли. Онъ представляетъ собой самостоятельный разсказъ, какъ и польскій анекдотъ на ту же тему. Конецъ эпизода съ головой у шильдбюргеровъ вполнѣ совпадаетъ, какъ мы видѣли, съ концомъ приведеннаго малорусскаго разсказа. Удержаны даже такія мелкія черты, какъ мытье ногъ и расчесываніе головы.

III.

Постройка церкви[1].

Збудавали литвини церкву, да поприходили—ажь нігде й повернуцься у тій церкви, така мала! Вони давай радицься: якъ би ту церкву расширити? Отъ и придумали—расперти. Посходились у церкву, поставали по подъ стиною, да й роспираюць. Такъ пруть, такъ пруть, начъ въ тіснойі баби граюцься! Ажъ иде чоловікъ: „Що ви, люде добрі, робите?"—„А хиба не бачешь? Малу церкву сбудовали, дакъ хочемо йійі розширити,—то расшираэмо... Дакъ не пиддаейця".—„А що мині буде, якъ навчу васъ—якъ йійі разширити?"—„Е, братіку, навчи; десять карбованцівъ дамо!"—„Ну добре; несіть гроши, да мішокъ гороху принисить". Принесли; отъ чоловікъ звеливъ горохъ висипати на підлогу у церкві,—да й распірати, якъ распирали. Литвини висипали горохъ, да й принялись за работу. То це: который стане на горосі, да попре спиною у стіну, то ноги пойідуть на гороси, а винъ задомъ такъ и гепнеццня объ підлогу, да „ой якъ же швидко, кричить, стіни розсуваюццня!... Глядить, щобъ часомъ уже занадто великою не була!" То такъ: що стане, та попре спиною у стіну,—то такъ и гримне... Ажъ сичать сердешні!... А чоловікъ взявъ гроші, да й потягъ дальшъ куди тому дорога була.

Аналогію, хотя нѣсколько отдаленную, представляетъ собой разсказъ, приведенный Клоустономъ и пріуроченный къ жителямъ Бельмонта (въ Швейцаріи)[2]. Они также построили церковь, но она оказалась на неудобномъ мѣстѣ; поэтому они пожелали передвинуть ее ярда на три на западъ и, чтобы точно обозначить то мѣсто, гдѣ надо поставить церковь, положили свою одежду. Затѣмъ они зашли съ восточной стороны и начали

---

1) Рудченко, Вып. II-сть № 50, II стр. 196.

2) Clouston, Book of noodles стр. 55. Къ глупымъ народамъ, каковы абдериты, беотійцы, сидонцы, печенѣги, пошехонцы, литвины относятся также и жители Бельмонта.

пихать церковь, между тѣмъ воръ укралъ ихъ платье. Желая, по прошествіи нѣкотораго времени убѣдиться, насколько успѣшно идетъ работа, они пошли на то мѣсто, гдѣ оставили одежду, и очень удивились ея исчезновенію. Но удивленіе ихъ сейчасъ же перешло въ опасеніе, уже не двинули ли они церковь слишкомъ далеко.

Тотъ же мотивъ о неудачномъ построеніи церкви встрѣчается и въ другихъ анекдотахъ, разсказываемыхъ о литвинахъ. Напр. въ сборникѣ г-жи Мошинской [1]) есть подобный анекдотъ. Недостатокъ въ построеніи церкви заключается въ томъ, что литвины забыли прорубить окна, почему имъ потомъ пришлось носить свѣтъ шапками.

Параллельный разсказъ пріуроченъ къ шильдбюргерамъ. Они строятъ ратушу, но, подобно литвинамъ, забываютъ окна. Замѣтивъ, что внутри зданія совершенно темно, они собираются на совѣтъ съ зажженными лучинами въ рукахъ. Послѣ различныхъ противорѣчивыхъ мнѣній, какъ помочь горю, встаетъ одинъ изъ нихъ, произноситъ длинную рѣчь, и въ концѣ концовъ заявляетъ, что такъ какъ воду носятъ ведрами, то почему собственно нельзя было бы носить свѣтъ напр. въ мѣшкахъ. Совѣтъ принятъ единогласно, и на другой день всѣ жители Шильды собираются въ назначенное время съ мѣшками, ведрами и т. п., а одинъ пытается поймать свѣтъ въ мышеловку и относитъ въ ратушу. Почти то же самое находимъ въ исландскомъ разсказѣ „The three brothers of Bakki“, отмѣченномъ Клоустономъ [2]). Три брата замѣтили, что зимой холоднѣй, чѣмъ лѣтомъ, и что, чѣмъ больше окна, тѣмъ холоднѣе въ домѣ; поэтому они умышленно строятъ домъ безъ оконъ; причину темноты они ищутъ не въ отсутствіи ихъ, а вообще въ какой-нибудь, неизвѣстной имъ неправильности въ постройкѣ. Чтобы какъ нибудь исправить недостатокъ, они носятъ свѣтъ шапками.

IV.

Чоловикъ вола загубывъ [3]).

Выгнавъ чоловикъ волы пасты, переличывъ—шестеро, тай лигъ спаты. Отъ уранци прокинувсь, „дай, думае, провирю, чы вси, чы ни вси?“ Тай почавъ личыты: „отце рябый, отце разъ, отце два, отце тры, отце чотыре, отце пьять, а де жъ шостый? Та отце удруге: отце рябый, отце разъ..... зновъ нема одного. Та такъ, ажъ покы панъ новый ихавъ та неросказавъ.

---

[1]) Самого сборника г-жи Мошинской у насъ нѣтъ подъ руками, и мы пользуемся пересказомъ проф. Н. Ѳ. Сумцова.

[2]) Clouston, Book of noodles стр. 58.

[3]) Манжура, Сказки стр. 103.

Другой малорусскій варіантъ помѣщенъ у Гринченка [1]), подъ заглавіемъ „Личилныкъ“.

Це якъ чоловикъ вивци личывъ. Увийшовъ у хливъ та почавъ.—Ну, це баранъ, геть його! Одна вивця, друга вивця, третя, четверта... а пъятойи нема!... Жинко,—каже—було въ насъ пъятеро овець, а теперь тильки чотыре... Та що ты кажешь?—Та отъ хочъ сама подывысь!—Пишла й вона. Ну, оце-жъ баранъ,—и геть його! А теперь вивци: одна, друга, третя, четверта, а пъятойи и нема! –Та якъ же ты личышь?—Та ось же: це же баранъ—його геть! А теперь вивци!... То винъ забува, значитъ, про барана тай не щыта його,—ну въ його й выходыть чотыри замисть пъяты.

Аналогичный нѣмецкій анекдотъ [2]) о томъ, какъ послы, отправленные въ чужой городъ, желаютъ передъ выступленіемъ въ собраніи убѣдиться, всѣ ли они на лицо. Но каково ихъ удивленіе, когда, вмѣсто пяти членовъ посольства, они насчитываютъ только четыре. Каждый изъ нихъ считаетъ снова, но не идетъ дальше четырехъ, такъ какъ забываетъ самого себя. Анекдотъ этотъ пріуроченъ къ шильдбюргерамъ и помѣщенъ въ сборникѣ шуточныхъ разсказовъ, вышедшихъ въ 1623 году въ Франкфуртѣ подъ названіемъ „Das Lalenbuch“. Надо замѣтить, что приключенія шильдбюргеровъ были такъ распространены въ Германіи, что въ различныя времена, особенно въ XVI-омъ и XVII-омъ вв., издавались подъ различными названіями, то „Das Lalenbuch“, то „Grillenvertreiber“ то „Der Schildbürger wunderseltsame Geschichten“ и др., при чемъ содержаніе этихъ различныхъ на видъ сборниковъ оставалось почти безъ всякихъ перемѣнъ.

Разсказъ на ту же тему есть у Clouston'а (шотландская версія) [3]). Человѣкъ ищетъ людей глупѣе своей жены, встрѣчаетъ двѣнадцать рыбаковъ; они такъ же какъ шильдбюргеры никакъ не могутъ сосчитать себя.

Не смотря на то, что только что приведенный анекдотъ относится къ циклу разсказовъ о шильдбюргерахъ, мы не находимъ его въ ряду разсказовъ о литвинахъ; онъ стоитъ особнякомъ. Точно также не введенъ въ этотъ циклъ и слѣдующій анекдотъ.

V.

Чоловикъ та пысарь [4]).

Ишовъ пысарь у гости. Обувь нови чоботи—маненьки та чыстеньки—звисно, якъ у пысаря. А воно самѐ тилки перейшовъ дощъ, и скризь по

[1]) Этнографическіе матеріалы, Вып. I, № 185.

[2]) Von der Hagen, Das Narrenbuch.

[3]) Clouston, Book of noodles стр. 191.

[4]) Веселый Оповидачъ стр. 64. № 132.

вулыци калюжи булы. Не хочеться пысареви чоботы закаляты, пидийшовъ до калюжи та й не знае, якъ черезъ неи йому перейты: перестребнувъ бы, такъ дуже шырока. Колы иде одынъ чоловикъ. Пысарь и гука:—Визьмы мене, перенесы на той бокъ! Не хотилося человикови на соби сытого пысаря тягаты, та нема чого робыты—треба послухатысь, бо свій пысарь: уже жъ не безъ того, що доведещя до його вдатыся. Узявъ, посадывъ до себе на спыну та й понисъ. Якъ выйшлы насередь калюжи, пысарь и каже:—Ну, братику, якъ наймуть мене знову пысаремъ, то я тоби цього не забуду,—подякую.—А хыба жъ вы вже теперь не пысаремъ? пытаещя чоловикъ.—А хыба ты не знаешъ?—каже пысарь,—а вже сьогодни другого найнялы.—Еге!—каже тоди чоловикъ,—ну нехай же тоди, якъ наймуть васъ знову пысаремъ,—тоди й на той бикъ перенесу! Ссадывъ у калюжу пысаря и подавсь дали.

Вполнѣ соотвѣтствующій этому анекдотъ помѣшенъ у Чубинскаго [1]). Въ вышеупомянутомъ Lalenbuch'ѣ встрѣчаемъ такой разсказъ: Метельщикъ, бывшій раньше старостой, и его сосѣдъ отправляются въ ближайшій городъ для исполненія возложеннаго на нихъ порученія. Дорогой они учатъ другъ друга, какъ надо вести себя въ городѣ и, въ особенности, передъ лицомъ той особы, съ которой придется говорить имъ, и забываютъ о настоящей цѣли путешествія; тѣмъ не менѣе продолжаютъ путь. Вскорѣ они подходятъ къ большой лужѣ; сосѣдъ сажаетъ къ себѣ на спину бывшаго старосту съ намѣреніемъ перенести его черезъ лужу. Но войдя въ воду, онъ узнаетъ, что тотъ давно уже не староста, а занимаетъ теперь почетную должность метельщика. Поэтому онъ возвращается со своей ношей и заставляетъ бывшаго старосту нести себя.

Одинъ изъ самыхъ распространенныхъ разсказовъ, обошедшій весь свѣтъ и почти-что въ каждой странѣ нашедшій благопріятную почву—это разсказъ, извѣстный въ обработкѣ Лафонтена „La laitiére et le pot au lait". Этотъ разсказъ представляетъ собой, по словамъ Макса Мюллера [2]), поразительный случай долговѣчности и является однимъ изъ характернѣйшихъ типовъ странствующихъ разсказовъ вообще.

Приведемъ малорусскій анекдотъ [3]).

VI.

Якъ одынъ чоловикъ та хотивъ забагатиты.

Живъ соби чоловикъ та жинка, и въ йихъ було трое дитей. Колы чоловикъ та жинка умерлы й оставылы трьомъ сынамъ по сто рублывъ.

---

[1]) Чубинскій, Труды томъ II № 91.

[2]) Clouston, Popular tales and fict. Vol II. Стр. 442.

[3]) Гринченко Вып. I № 180 стр. 225.

Отъ, ти два браты завелись хозяйствомъ, а третій накупывъ соби скляной посуды, зайшовъ у пусту хату ночувать, лигъ соби та й думае: оце я продамъ,—получу еще сто рубливъ; тоди куплю та продамъ та возьму ще сто, потимъ ще сто, потимъ ще сто, потимъ зроблю домъ такый, якъ у царя, засватаю дочку у царя та мовъ израблюсь хворый, а вона прыйде тай казатыме: „чого тоби треба"? А я якъ дрыгону ногою!... Та якъ дрыгне,—такъ усю посуду винъ и побывъ!... Оставсь винъ ни съ чимъ.

Рядомъ съ этимъ малорусскимъ анекдотомъ существуетъ много другихъ разсказовъ на ту же тему. Одинъ изъ нихъ приведенъ у Аѳанасьева [1]), гдѣ мужикъ увидѣлъ въ полѣ зайца, размечтался, что онъ убьетъ этого зайца и впослѣдствіи „заживетъ домкомъ", но слишкомъ громко закричалъ на предполагаемыхъ сыновей, которыхъ родитъ ему жена, и спугнулъ зайца.

Посредственнымъ или непосредственнымъ оригиналомъ малорусскаго разсказа надо считать арабскій изъ 1001 ночи. Вотъ онъ: На сто серебряныхъ монетъ нѣкто Энъ-нашаръ пріобрѣтаетъ различнаго рода стеклянннаго товару. Положивъ его на лотокъ, онъ садится на возвышенномъ мѣстѣ для того, чтобы покупатели видѣли его, и начинаетъ разсуждать: „Продамъ я товаръ за 200 сереб. монетъ; на нихъ куплю другого стекляннаго товару, который продамъ за 400, и такъ буду покупать и продавать, пока не пріобрѣту большого состоянія. Тогда я куплю пряностей и драгоцѣнныхъ камней и въ свою очередь возьму большой барышъ. Затѣмъ пріобрѣту красивый домъ, заведу мамелюковъ и лошадей; буду ѣсть и пить; далѣе я возьму замужъ дочь главнаго визиря, но буду обращаться съ ней съ пренебреженіемъ; такъ напр. откажусь взять изъ ея рукъ принесенный ею стаканъ вина, не смотря на то, что она, подавая его, смиренно станетъ передо мною на колѣни. Мать ея прикажетъ ей поднести стаканъ къ моему рту, но я оттолкну ея руку и ударю ногой". Онъ ударяетъ ногой и разбиваетъ стекло [2]).

Здѣсь, какъ видимъ, удержаны даже такія мелкія черты, какъ постепенное увеличеніе воображаемаго богатства и основная затраченная сумма: „100 рубливъ, продамъ та возьму ще 100, потимъ ще 100, потимъ ще 100 т. е. 400. Далѣе самый предметъ торговли: стеклянная посуда, тогда какъ въ другихъ варіантахъ играетъ роль не столько посуда: кувшинъ (во французской баснѣ), горшокъ и миска (въ индійскихъ разсказахъ), сколько содержимое ихъ. Наконецъ и обращеніе съ женой одинаково какъ въ малорусскомъ, такъ и въ арабскомъ.

---

[1]) Аѳанасьевъ, Сказки Томъ II изд. 97 г. стр. 433.

[2]) Clouston, Pop. tal. and fict. Vol II стр. 440.

сынъ каже,—та й йиздытыму на теляткови“. Цыганъ якъ схопытця, якъ почне його чухраты нагаемъ.—„А не сидай, а не сидай“!... бо спынку зломышъ“!

Варіанты этого анекдота есть въ Турціи 1) и Германіи; въ Турціи онъ пріуроченъ къ Нассръ-эддину и связанъ съ другимъ мотивомъ „о кобыльихъ яйцахъ“. Нѣмецкій анекдотъ мы встрѣтили въ Rollwagenbüchlein“ [2]) Iörg'а Wickram'а, книгѣ, написанной въ 1557 г. Викрамъ передаетъ анекдотъ такъ: Мужъ и жена. бѣдные люди, которымъ надоѣла поденная работа, желаютъ обзавестись хозяйствомъ. Первое, что имъ приходитъ въ голову—это купить молодую лошадь. „Черезъ годъ, мечтали они,—у ней будетъ жеребенокъ, мы его выростимъ и будемъ имѣть лошадей, какъ и другіе люди“. Восьмилѣтній мальчикъ, который присутствовалъ на совѣщаніи родителей, заявляетъ, что онъ будетъ ѣздить верхомъ на жеребенкѣ. Отецъ приходитъ въ ярость вслѣдствіе этого заявленія, говоритъ, что онъ сломаетъ хребетъ жеребенку и хочетъ побить сына; но мать заступается за него, и отецъ срываетъ злобу на женѣ.

Приведемъ еще монгольскій варіантъ изъ Шидди-Куръ [3]) (по пересказу Кузмичевскаго). Жена мечтаетъ купить на выручку отъ найденныхъ клочковъ шерсти ослицу, чтобъ отъ нея получить осленка. При этомъ мальчикъ глупой пары пролепеталъ: „я на немъ буду ѣздить“. Мать кричитъ: „ты переломишь осленку спину“!—и бьетъ сына по головѣ. Мальчикъ умираетъ.

Какой изъ трехъ упомянутыхъ варіантовъ считать оригиналомъ малорусскаго, сказать трудно, но, судя по деталямъ, надо отдать предпочтеніе нѣмецкому.

VIII.

Вченый вовкъ [4]).

Вывчывъ разъ одынъ человикъ вовка у повозци ходыть. Отъ йиде, а паны и перестрываютъ ёго, здывувалысь тай кажуть: „продай намъ цёго вовка“.—„Купить, каже, та тилко шо вы зъ йимъ робытымите“?—„Винъ у насъ, кажуть, пысаремъ буде“. Отто зторгувалысь, винъ забравъ грошы, а воны того вовка, и розійшлысь. Черезъ стилко тамъ годъ той чоловикъ и здумавъ: „пиду та одвидаю свого вовка“. Найшовъ того пана, пыта, де

---

1) Въ статьѣ Кузмичевскаго „Турецкіе анекдоты въ украинской народной словесности“ Кіевск. Стар. 1886 г. № 2 и 3. Стр. 451.

2) Wickram, Rollwagenbüchlein Leipzig. Стр. 137 № 86.

3) Кузмичевскій, Упомян. статья стр. 453. Примѣч. 1.

4) Манжура, Сказки стр. 84.

воны того вовка дилы. „А винъ, кажуть, у Петербурги генераломъ; колы хочешь его побачыты, такъ пытай такого-то генерала". Отъ винъ и пишовъ у Петербургъ. Заразъ допытавсь того генерала, „вызвить, каже, ёго". Ось выходе генералъ, та до ёго такъ строго: чого тоби? Такъ того чоловика ця груба ричь за серце й узяла; якъ крыкне жъ винъ на генерала: „а у ярмо и забувъ".

Аналогичный излюбленный въ Индіи разсказъ помѣщенъ у Клоустона 1), подъ заглавіемъ: человѣкъ и осленокъ [2]). Проходя мимо школы, которую держалъ магометанскій законоучитель или мулла, простоватый дуби (washerman) услышалъ, какъ мулла бранилъ своихъ учениковъ говоря, что они все еще такіе же ослы какъ и прежде, не смотря на всѣ его старанія сдѣлать изъ нихъ людей. По своей наивности дуби вообразилъ, что тутъ ему представляется рѣдкій случай превратить своего осленка въ мальчика. На другой день онъ отправился къ муллѣ и попросилъ его принять осленка въ его школу съ тѣмъ, чтобы животное пріобрѣло человѣческія формы и природу. Замѣтивъ глупость дуби, учитель отвѣчалъ, что такого рода обученіе дѣло трудное и что онъ долженъ заплатить за это 100 рули. Тотъ отправился домой и возвратился съ осленкомъ и деньгами, которыя вручилъ муллѣ, назначившему съ своей стороны день и часъ, когда произойдетъ желаемая перемѣна. Но дуби былъ такъ нетерпѣливъ, что пришелъ раньше назначеннаго дня, и ему сообщили, что осленокъ учится теперь манерамъ, что уши его сдѣлались уже гораздо меньше, словомъ онъ прекрасно успѣваетъ. Случилось такъ, что въ день, назначенный для полученія осленка, превращеннаго въ изящнаго, хорошо образованнаго мальчика, дуби задержали дѣла; но на слѣдующій день онъ явился къ учителю, который сказалъ ему, что юноша вчера оставилъ училище, не желая далѣе подчиняться ничьему авторитету, и что онъ теперь судьей въ Каунпорѣ. Дуби сначала было разсердился, но потомъ поблагодарилъ учителя за всѣ его заботы и отправился домой. Разсказавъ женѣ о случившемся, онъ вмѣстѣ съ ней рѣшилъ навѣстить бывшаго осленка. Въ Каунпорѣ они отыскали судью, и дуби, захвативъ съ собой уздечку и клочекъ сѣна, вошелъ въ комнату, гдѣ судья съ достоинствомъ возсѣдалъ на стулѣ, а передъ нимъ стояла масса просителей и чиновниковъ. Но такъ какъ дуби не могъ, по случаю большого скопленія народа, приблизиться къ судьѣ, то онъ поднялъ кверху уздечку и сѣно и сталъ кричать: „Khoor, khoor,

---

[1]) Clouston, Book of noodles стр. 103.

[2]) Въ статьѣ Кузмичевскаго, Турецкіе анекдоты въ украинской народной словесности, подобный же разсказъ о ходжѣ и ослѣ, который сталъ мужчиной. Стр. 465. Кіевск. Стар. 86 г. № 3.

khoor"! какъ онъ обыкновенно манилъ своихъ ословъ, думая, что онъ побудитъ этимъ судью подойти къ нему; но за нарушеніе тишины его вытолкали за двери. Когда дѣла были окончены, то судья послалъ за дуби, чтобы узнать причину его страннаго поведенія. Въ отвѣтъ на вопросы судьи тотъ сказалъ: „Вы, какъ кажется, не узнаете меня, не узнаете также и уздечки, которая такъ часто была въ вашемъ рту. Вы, повидимому, забыли, что вы были моимъ осломъ, и что я сдѣлалъ изъ васъ человѣка, заплативъ 100 рули ученому муллѣ, превращающему ословъ въ воспитанныхъ людей. Вы забываете, чѣмъ вы были прежде, но я полагаю, что вы будете болѣе покорнымъ по отношенію ко мнѣ, чѣмъ къ муллѣ, отъ котораго вы убѣжали".

Анекдотъ, соотвѣтствующій почти во всемъ этому индійскому, мы лично слышали въ Харьковской губерніи съ пріуроченіемъ къ одному изъ Харьковскихъ учебныхъ заведеній, куда крестьянинъ отдалъ на обученіе теленка, сдѣлавшагося впослѣдствіи „головой" въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ губерніи. Анекдотъ этотъ, на сколько намъ извѣстно, не записанный нигдѣ, мы привели лишь между прочимъ, чтобы показать, до какой степени два разсказа, ходящіе въ двухъ столь отдаленныхъ странахъ, могутъ быть похожи другъ на друга.

IX.

Цыганъ старшиною захотивъ буты.

Бувъ у однієйи жинки сынъ, та такый невважытелный, що треба йий йиты у волость прохаты, шобъ ёго выбылы; отъ якъ попросыла, тай стала сына шкода; йде вона журыться, ажъ иде цыганенко: „чого ты, бабо, журышся?"—Та якъ же мени ни журыться, що мій сынъ неуміе ни чытать, ни пысать, а хотять ёго старшыною наставлять.—„Э, ка, я жъ умію и чытать и пысать, скажи, спасыби тоби, шо я твій".—Такъ ходимъ до волости. Отъ прыйшлы, старшыны и пытають: „це твій сынъ?"—Мій, мій, каже. „А це твоя маты?"—Моя, батечкы, моя.—„А ну хлопци!" Тутъ пидскочылы соцьки та десяцки, разтяглы ёго. Якъ разтяглы, выбыли добре, цыганенко уставъ та ка: „та це мени не маты, а скажена собака."—Бачте, люде добри, каже баба, винъ при васъ, та якъ мене поносе. „Кладить ще!" Та былы, покы не почавъ голосыты: „Ой ненько моя ридненька" [1])

Аналогичный разсказъ встрѣчается у Гагена [2]). „Die blinde Mutter". Здѣсь полуслѣпая мать обвиняетъ своего сына въ томъ, что онъ живетъ на слишкомъ широкую ногу. Въ день суда она появляется вмѣстѣ съ сы-

---

[1]) Манжура, Сказки стр. 114.

[2]) Hagen, Gesammtabenteuer № 5.

номъ, но теряетъ его въ толпѣ, по слѣпотѣ же своей принимаетъ за сына совершенно постороннее лицо и обвиняетъ его передъ императоромъ, который присуждаетъ ему считать ее матерью до тѣхъ поръ, пока настоящій сынъ не потребуетъ ее обратно.

Рядомъ съ этимъ разсказомъ Гагенъ помѣщаетъ разсказъ изъ древне-французскаго сборника Барбазана [1]) подъ заглавіемъ: Du prestre qui ot mere a force. (О попѣ, которому навязали мать). Попъ содержитъ свою старую, горбатую и злую мать гораздо хуже, чѣмъ молодую красивую подругу (amie). На это мать такъ озлоблена, что подаетъ на сына жалобу епископу, который приглашаетъ ихъ на судъ и, между прочимъ, грозитъ ссадить сына (suspendre). Мать невѣрно понимаетъ это слово, думая, что сына хотятъ повѣсить, раскаивается въ своемъ поступкѣ и въ день суда ловко подставляетъ вмѣсто сына бывщаго въ толпѣ капеляна. Не смотря на всѣ отрицанія съ его стороны, что это вовсе не его мать, его обвиняютъ; но въ концѣ концовъ милуютъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ прилично содержалъ эту свою мать.

Французскій разсказъ несомнѣнно ближе подходитъ къ малорусскому, чѣмъ нѣмецкій, но тѣмъ не менѣе разница между ними значительная. Въ виду этого трудно сказать—послужилъ ли этотъ фабльо прототипомъ для малорусскаго. По всей вѣроятности на западѣ ходили еще и другіе, неизвѣстные намъ, варіанты, которые и подготовили постепенный переходъ къ разсматриваемому анекдоту.

X.

Воръ Антонъ [2]).

Иде батько съ сыномъ дорогою; колы бачуть,—веде чоловикъ цапа. Сынъ и каже: Тату, я вкраду цапа!—Та якъ-же ты його вкрадешъ?—чоловикъ держить у рукахъ,—каже батько.—„Та я вже вкраду,—одмовля сынъ“. Отъ, узявъ тоди сынъ та скынувъ зъ ногы чобитъ, (а въ его воны булы вже поганеньки), помазавъ його у калъ та й, положывъ на дорози, куды мавъ иты чоловикъ съ цапомъ.

Якъ надийшовъ чоловикъ до його, взявъ у рукы та й дума: Якъ бы була йому пара, то бъ можно вже обитерты, а такъ не годыщця!—та й кынувъ на дорогу. Сынъ тоди, звалы його Антономъ,—скынувъ и другый чобитъ та й той кынувъ на дорогу. Чоловикъ надийшовъ до його тай зрадивъ:—А, це йому й пара!—Потимъ привъязавъ цапа до вербы, що росла блызько, та й вернувсь по той чобитъ, що покынувъ. Антонъ до цапа, одъязавъ та драла додому!... Дома того цапа зжарылы. Антонъ и каже: Щобъ-же я первый

---

[1]) Barbazan, Contes et fabliaux Tome III, page 190.

[2]) Гринченко, Матеріалы Вып. I, № 175, стр. 214.

почавъ йисты!—Отъ якъ посидалы за стилъ, батько каже:—Я—батько,—мени первому треба починать йисты!—Антонъ выбигъ на улыцю та й крычыть:—Не я цапа вкравъ,—батько вкравъ! Батько перелякався, тягне його въ хату:—Та йды вже йижъ первый.—Отъ Антонъ найився, тоди взявъ цапыну голову та й пишовъ у лозы; тамъ настромывъ голову на прыкилокъ, самъ сивъ за кущемъ та й крычыть: Мекеке! Хозяинъ цього цапа недалечко порався, почувъ та й иде въ лозы: колы выдно голову,—винъ: А, мій бидненькый! чого сюды ты забрався?—та за голову,—голова знялась. Я знаю, хто укравъ мого цапа!—сказавъ чоловикъ и пишовъ до пана казаты що Антонъ укравъ цапа. Панъ поклыкавъ Антона.—Ты цапа вкравъ?—пыта панъ.—Я!—одмовывъ Антонъ.—Колы жъ ты такый, вкрадь у мене коня!—Вкраду, пане!—Отъ панъ звеливъ чотырьемъ чоловикамъ держать коня за ноги, двомъ за грыву, одному за обротъ, а одному сыдиты на коневи. Якъ люде, шо береглы коня, takы не втерпилы—поснули, Антонъ потыхеньку пересадывъ того, що сыдивъ на коневи, на сволокъ, тымъ що держалы за ногы давъ по прыкилку, тымъ що держалы за грыву давъ по повислу прядива, а тому, що державъ за уздечку, такъ й оставивъ уздечку, тилькы знявъ йийи съ коня, а самъ гайда!... Увійшовъ панъ уранци у конюшню, глянувъ—та якъ засміеццядля!... Отъ поклыкавъ Антона:—Ты вкравъ коня?—Я!—Украдь у мене симъ паръ воливъ!—Украду, пане,—сказавъ Антонъ. Отъ панъ наказавъ роботникамъ, щобъ воны пойихалы ораты та щобъ увесь день не выпрягалы воливъ. Роботныкы пойихалы и сталы ораты саме пидъ лисомъ. Антонъ увійшовъ у той лисъ та й крычыть, якъ-бы дывуеццня:—Ну та й дыво! отъ дыво, такъ дыво!... Роботныкы й кажуть:—Що тамъ за дыво? а ну пидить половына подывиццня, а половына буде биля воливъ! Отъ и пишла половына въ лисъ. А Антонъ иде дальше въ лисъ та все:—Отъ дыво, такъ дыво! Роботныкы за нымъ. Друга половына ждала, ждала—нема:—Мабудь тамъ велыке дыво, а мы й не побачымо: ходимъ! Отъ и пишлы; биля воливъ зоставсь тилькы одынъ роботныкъ.—Той ждавъ, ждавъ—нема. А хыба я дурный буду, що не пиду?—Та й соби пишовъ. Отъ Антонъ завивъ роботныкивъ далеко въ лисъ, выйшовъ до воливъ, одрубавъ хвистъ у одного быка та й усунувъ у ротъ другому; того съ хвостомъ у роти й зоставывъ коло воза, а шисть паръ и одного погнавъ. Роботныкы блудылы, блудылы,—насылу выйшлы зъ лису! Дывляться—ажъ воливъ нема—тилькы одынъ, а въ того у зубахъ хвистъ. Воны й лають:—Отъ проклятый вилъ: усихъ пойивъ, тилькы хвистъ и зоставсь!—и пойихалы до пана; разсказалы—такъ и такъ... Та то Антонъ волы покравъ, а одрубанный хвистъ уткнувъ у ротъ.—Роботныкы подывылысь—такъ—хвистъ одрубанный. Панъ поклыкавъ Антона.—Ты покравъ волы?—Я, пане!—Украдь же у мене барыню! и т. д. и т. д.

Приводимъ лишь первую половину разсказа, потому что вторая половина является, какъ намъ кажется, искусственно присоединенной къ первой и пріуроченной къ одной и той же личности.—Конецъ же, имѣющій характеръ демонологическій, не входитъ въ нашу работу, и кромѣ того встрѣчается иногда въ видѣ отдѣльнаго разсказа, напр. у Аѳанасьева [1]). Варіантъ приведенной нами половины разсказа есть у Чубинскаго [2]), гдѣ „злодій" крадетъ одежду, затѣмъ шкатулку.

Ближе всѣхъ, какъ кажется, подходитъ къ нашему разсказу разсказъ изъ сборника ново-греческихъ сказокъ Legrand'a [3]). Парень, усыновленный своимъ дядей, завзятымъ мошенникомъ, принимаетъ участіе въ его воровскихъ продѣлкахъ. Однажды онъ видитъ, какъ какой-то человѣкъ ведетъ на базаръ ягненка; онъ бросаетъ на дорогу сначала одинъ туфель, затѣмъ нѣсколько дальше другой; когда человѣкъ съ ягненкомъ возвращается за первымъ туфлемъ, дядюшка уводитъ ягненка. Спустя нѣкоторое время человѣкъ появляется съ другимъ ягненкомъ; парень прячется и подражаетъ блеянію овцы. Человѣкъ, думая, что это кричитъ украденный ягненокъ, идетъ искать его; между тѣмъ воры уводятъ и другого. Въ другой разъ дядюшка и пріемышъ видятъ мужика, который ѣдетъ на парѣ воловъ. Парень подходитъ близко къ нему и восклицаетъ: „Удивительно! Удивительно"! Думая, что тотъ нашелъ большой кладъ, мужикъ оставляетъ воловъ, слѣдуетъ за парнемъ и наконецъ спрашиваетъ его, что онъ хотѣлъ сказать своимъ восклицаніемъ. „Да развѣ не удивительно", отвѣчаетъ парень, „что телѣга запряжена однимъ воломъ"? Мужикъ возвращается къ телѣгѣ и находитъ, что одинъ волъ украденъ [4]).

Любопытно, что въ шотландскомъ разсказѣ на эту тему, приведенномъ Клоустономъ [5]) и имѣющемъ съ малорусскимъ лишь отдаленное сходство, есть такая мелкая черта, какъ загрязненіе сапогъ (въ малор. помазавъ його у калъ, въ шотландск. he put some dirt in his shoe). Но въ норвежской версіи, которую Клоустонъ считаетъ источникомъ шотландской, этой черты нѣтъ.

Приведемъ еще арабскую версію того же разсказа. У арабовъ есть поговорка: „Гунаиновы сапоги", примѣняемая въ томъ случаѣ, когда въ торговой сдѣлкѣ кто-нибудь потеряетъ больше чѣмъ выиграетъ. Поговорка

---

1) Аѳанасьевъ, томъ I № 88 Шабарша.

2) Чубинскій, Труды томъ II. № 134.

3) Clouston, Pop. tal. and fict. Томъ II стр. 49.

4) Clouston, Pop. tal. and fict. Vol. II стр. 44.

5) Cosquin, Contes popul. de Lorraine №LXX. Tome II. Очень близкій къ малорусскому варіантъ.

эта произошла, какъ думаютъ, изъ слѣдующаго разсказа: Одинъ арабъ пріѣхалъ на верблюдѣ въ городъ на базаръ, съ тѣмъ чтобы купить пару сапогъ. Не въ состояніи сторговаться съ продавцемъ, имя котораго было Гунаинъ арабъ разсердился, выбранилъ его и вышелъ изъ лавки. Покончивъ дѣла въ городѣ, онъ сѣлъ на своего верблюда и направился къ палаткамъ своего племени. Сапожникъ же, чувствовавшій себя оскорбленнымъ грубою рѣчью покупателя, сталъ думать о мести. Взявъ съ собой сапоги, онъ побѣжалъ по той дорогѣ, по которой долженъ былъ ѣхать арабъ, и бросилъ одинъ сапогъ на дорогу. На разстояніи 1—2 милль дальше онъ бросилъ другой, а самъ спрятался, чтобы посмотрѣть, что изъ этого выйдетъ. Арабъ замѣтилъ одинъ сапогъ и, проѣзжая мимо, сказалъ: „Вотъ одинъ сапогъ Гунаина; если бы здѣсь былъ и другой, то я бы поднялъ ихъ". Полъ-часа спустя онъ замѣтилъ и другой сапогъ, слѣзъ съ верблюда, чтобы не утомлять его, привязалъ животное и побѣжалъ за первымъ сапогомъ. Какъ только арабъ удалился, Гунаинъ отвязалъ верблюда и увелъ его со всей его поклажей; обманутому же арабу пришлось итти домой пѣшкомъ. Когда онъ вошелъ такимъ образомъ въ свою палатку, и его спросили, что онъ привезъ, то онъ печально отвѣчалъ: „Гунаиновы сапоги" [1]).

Бенгальскій разсказъ, въ которомъ одинъ плутъ уводитъ у другого корову со всѣми его богатствами, пуская въ ходъ ту же хитрость, также очень близко подходитъ къ только что приведеннымъ версіямъ; разница заключается лишь въ подробностяхъ. Не будь новогреческаго разсказа, мы должны были бы сказать, что малорусскій и шотландскій разсказы произошли изъ одного источника, настолько сходны въ нихъ детали. Въ новогреческой версіи нѣтъ эпизода съ конемъ, нѣтъ также эпизода съ барыней; но съ самаго начала нужно сказать, что оба эти эпизода являются вставочными и, что въ основномъ русскомъ разсказѣ, приближающемся къ новогреческому, ихъ, по всей вѣроятности, не было. Кража коня напоминаетъ, съ одной стороны эпизодъ изъ извѣстной сказки объ Иванѣ-Царевичѣ, который уводитъ коня изъ царской конюшни, съ другой стороны является самостоятельнымъ мотивомъ, обработаннымъ напримѣръ въ анекдотѣ „Москаль—шкапа".

XI.

Москаль—шкапа.

Жена Хомы такъ долго приставала къ мужу купить лошадь, что тотъ долженъ былъ наконецъ уступить и отправился на ярмарку: Оттак же й Хома, говорится въ разсказѣ [2]), послухав, бідолага, своей жінкі, достав

---

[1]) Clouston, Pop. tal. and. fict. Vol. II стр. 50.

[2]) Рудченко. Вып. II № 41 стр. 173.

грошенят карбованцьов ив чотырі та й пишов у город на ярмонку, щоб купити шкапу, не так на хозяйство, як для жінкі.—Ходив він сердега цілісинькій день між народом та між табунами,—ніяк не найде конякі, щоб мовляв по грошам купіти. Усе по сім, по десять карбованців, та й то не дуже добрі, та хороші: звісно вже—мужиче роботяще коненя.... Ходив Хома, ходив, вытрещав баньки, вытрещав,—ніяк не набачить шкапи; а далі, вже так, як об третьому упрузі, назирив він коненя, мале, сухе, та таке пархате, що аж гречкою усипане; вин до його, та й ну чоловіка пытати: „А що, дядьку, просиш?—А що—шість карбованців"!—Евва!—Та батеньку! Сей кінь шага не стойіть; купи лишь у мене оцього кудого,—підскочивши, став циган казати. Чі бачъ які моторни та жвави, ще й дід мій на ёму іиздив... Купи, дядьку!... Хома до цигана та й ну з ним торгуваццья, а далі и зійшлись на цену. От дав Хома 4 карбованці, накрили рукі полами з циганом та й кажуть обидва: нехай же Бог помагаэ! Сміялись люде, що дурни Хома дав чотирі карбованці за току шкапу, що здихать сбіралась. Та що жь—Хомі й байдуже; узяв собі він іий за повод, закинув за плечі повод, та й цупіть, аж наперед увесь, увесь, сердега, видався,—мов у плузі цілину пахаэ, пахае—а шкапа еле—еле ногою поверне, та другою переступить. Хома иде собі, та знай радіе, як його жінка буде теперя на коні йіздити, да йому голови не гризтиме аж це взялись два москалі; один узяв, відрізав шкапу від повода, передав йій другому москалеві, а сам узявся за повод, та й тянеццья. Хома натуживсь, бідняга, та все за повод тягне москаля, неначе стерво те, та въ думці розмовляе: коли б швиденько за заставу, там верхи сісти б можна,—а то боюсь, щоб людей не зтоптати. Дали як дойшов Хома до заставы, так там люде и почали його питати: „Хома! А що се ти робиш? На віщо ты москаля так щіро цупиш на мотузці"? „Якого москаля? Господь при вас! хиба у вас баньки позапливали"? Хома йим одвічае. „А глянь же сам, коли не так".—Хома як глянув, то й сполонув... Ище измалку він про перевертнів чув, як извертаюцця и чоловіком, и свинею, и кішкою и чімъ завгодно та й ходять по усюдам и тількі капості людям роблять. Злякавсь Хома не сміючися, та кинувши москаля, як дризне—так тількі й бачили Хому.... Нескоро вже зустрів Хому Омелько, та й ну пытати, де був Хома? и куди так дуже поспішае? Хома и сказав бы, так стыдно ж бо, що в дурні так зашився. Далі куму каже: „Оце йду на ярмарку, щоб шкапу де купить". А про те й мовчить,—ні пари з уст, що чотирі карбованці, мов корова язиком злизала.. Бо у Хомы и так на думці, що аж серденько теленькае, а то такі и стидно стало дуже, що він такі дурній, та божевільный вдався.—Де вже, каже, изроду шкапи не куповавші, та сам задумав куповати! Чі бач и огулився! Далі як прішли из кумом на базар між гурт, де коні продаюцця—глядь

Хома: та шкапа, що в москаля перевернулась, знова на тім місці стоить и мужік якісь знова продае йі: Хома знова и побледнів, неначе місяць в ночі, так хіндя струснула його... А далі розчумавшись гледить—кум його Омелько стойіть біля тейі шкапи, та й торгуе йийі у мужіка. Хома підійшовъ близенько до кума, штовх під бік рукою, а опісля й каже: „Омелько—дядьку! відчипись ти від сейии шкапи: се не коняка, а москаль"!—Э які москаль? —„Такі москаль, що як тількі купиш його коняку, то зараз въ москаля и перевернецця"....—Та що ти кажешь!—Батеньку! чи можно ж такечкі зробиця? „Аже ж—то можно, відно! Уже мойі чотырі карбованціи пропали на сій коняці; як тількі я купів, то зараз и перекінулась у москаля, та й цупітьця у мене з—заду... Я в силу тількі втік". Так цур же йийі, Омелько каже: „Ходім я лучше собі другой пошукаю, з відьомским кодлом не вжівесся"!... Хома після сего як пійшов до дому, то жінка и напала на його, у вічі лізти, та дурнем докоряти—так, що бідный Хома з того часу заріхся коней куповати, та жінчине вередованне зповняти. „Цур йому! було каже: чужіх голів слухай, та свій розум май"! Та послі й не слухав жінкі ніколи.

Варіантъ этого анекдота есть у Аѳанасьева [1]), записанный въ Курской губерніи; въ немъ вмѣсто лошади фигурируетъ волъ.

Въ общемъ же оба анекдота тождественны и возводятся къ арабскому разсказу, черезъ посредство турецкаго, пріуроченнаго къ Насср-Эддину[2]).

Арабская версія (изъ 1001 ночи) даетъ такой разсказъ: [3]) Поселянинъ велъ въ поводахъ осла. Это замѣтили два плута и рѣшили украсть животное. Одинъ изъ нихъ снялъ съ него уздечку, надѣлъ себѣ на голову и пошелъ за поселяниномъ, другой въ это время увелъ осла. Долго поселянинъ шелъ ничего не замѣчая, но наконецъ обернулся и увидѣлъ передъ собой человѣка. Въ удивленіи онъ спросилъ его, кто онъ такой. Тотъ отвѣчалъ, что онъ бывшій его оселъ, что онъ однажды пришелъ домой пьянымъ; увидя его въ такомъ состояніи мать стала упрекать его, но онъ, вмѣсто того, чтобы раскаяться, побилъ ее палкой. „Мать, продолжалъ плутъ, помолилась Аллаху, который превратилъ меня въ осла. Такъ я просуществовалъ до сихъ поръ, пока, наконецъ, мать не вымолила обратнаго превращенія". Услышавъ такую исторію, поселянинъ началъ извиняться въ томъ, что онъ пользовался имъ какъ вьючнымъ животнымъ и сталъ восхвалять всемогущество Аллаха. Когда затѣмъ онъ снова увидѣлъ своего осла на базарѣ,

---

1) Аѳанасьевъ, Томъ II стр. 425 изд. 1897 г.

2) Clouston, Book of noodles, page 81.

3) Еще великорусскій варіантъ съ жидомъ и лошадью у Аѳанасьева. Томъ II стр. 437.

онъ подошелъ къ нему и шепнулъ ему на ухо: „Ты навѣрное опять напился; но, клянусь Аллахомъ, я не куплю тебя никогда больше".

Турецкій анекдотъ [1]) вполнѣ соотвѣтствуетъ этому арабскому; только вмѣсто двухъ профессіональныхъ плутовъ выступаютъ нѣсколько мальчиковъ; затѣмъ исторія превращенія въ осла передается нѣсколько иначе. Анекдотъ этотъ извѣстенъ и въ западной Европѣ, главнымъ образомъ въ обработкѣ нѣкоего Микеля Коломбо въ новеллѣ подъ заглавіемъ „Превращенный монахъ" [2]), но какъ эта обработка, такъ и самый разсказъ не пользовались, повидимому, всеобщимъ распространеніемъ. Поэтому относительная оригинальность турецкаго по отношенію къ разсматриваемымъ русскимъ стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія.

XII.

Продажа вола.

По всей вѣроятности также изъ Турціи занесенъ и слѣдующій анекдотъ: [3]) „Чого се ты дома сидышъ, казала жинка мужикови, чому се ты не поведешъ вола въ Москву? тамъ, кажутъ, хороши гроши дають за воливъ".—Оле! и то правда, спасиби, що нагадала. Ото и повивъ мужикъ вола въ Москву продавать, и стрича іого у Москви москаль и каэ: „Здоровъ, хохолъ"!—„Будте здоровы, москалю!" „Што, братъ, продаешъ козла"?—„Якого козла"?—„Што ведешъза рога". „Да се вилъ"!—„Што ты, безмозглый хохолъ, дурачить што-ль пришолъ?"—„Да Бигъ зъ вами, се вилъ"! „Да Богъ съ тобою, хохолъ, это козелъ! тебя ешшо поколотятъ, какъ будешь говорить, што это волъ".—"Отчалюйте, отчалюйте, москалю! я бачу, що у васъ не уси дома".—„Погоди, отчалитъ хто нибудь тебя!" Мужикъ повивъ вола дали, а москаль перевулками побигъ да знову іому на встричь йде. „Здоровъ, хохолъ!" каэ москаль. А мужикъ и не втелепавъ, шо то той самый москаль, шо перше здоровкався, да-й каэ: „Здоровы булы!"—„Не продаешь ли козла?" Мужикъ глядить на москаля да-й дума: „Чи воны подурилы, си москали, що на вола кажуть козелъ".—„Ну што выпупилъ глазища? тебя спрашиваютъ, не продаешь ли козла"?—„Да якій се козелъ, се вилъ".—„Гдѣ волъ?"—„Да осе!"—„Вотъ тебѣ, проклятый хохолъ, штобъ не дурачилъ людей!" и двизнувъ москаль мужика по потылыци, и пишовъ соби. „Оце лыхо! дума мужикъ: ужъ самъ соби, сердека, не вире. Може се манія яка! побачу, що буде дали, а то й брошу-цуръ іому!" Повивъ вола дали, а москаль—шо то за хытрый бувъ!—побигъ да надивъ вже мундёръ, да-й зновъ иде на встричъ мужикови, шобъ то, бачъ, зовсимъ зъ

---

[1]) Изъ Schwänke des Nassr-eddin und Buadem Leipzig стр. 9.

[2]) Аѳанасьевъ, Томъ II стр. 424.

[3]) Clouston, Book of noodles стр. 81.

панталыку збыты. „Эй ты, лоботрясъ! што заплатилъ за козла?“—Злякавсь бидный мужикъ: „Оце лыхо! дума самъ соби, я й казавъ, що се манія яка, а не вилъ!“ да уже срадовавсь, що москаль озвався. „Цуръ іому, шобъ я за собою манію водывъ!... Я іого продаю“, кае москалю. „А што просишь“?— „Да десять карбованцивъ“. „Што-о! ахъ ты, мужицкая твоя харя! да гдѣ же ты слышалъ, штобы за козла платили по десяти цалковыхъ?“—„Да не серчайте бо, господынъ служывый! вы кажить, що даете“.—„Цалковой“.— „Накыньте хоть шо-нибудь!“ Москаль баче, шо мужикъ зовсимъ здуривъ, торговаця, и выторговавъ вола за два карбованьця.—Пишовъ мужикъ до дому; війшовъ у хату, кинувъ на пилъ батигъ и шапку, ставъ дай дывыця на жинку. „Ну шо, пытае іого жинка, продавъ вола?“—„Якого вола?“— „Да, бурого, що въ Москву повивъ“.—„Ге, вола! бувъ вилъ, да скозлятывсь“.

Черезъ посредство турецкаго, этотъ анекдотъ возводится къ арабскому, а отсюда восходитъ къ индійскимъ въ Гитопадешѣ и Панчатантрѣ [1]).

Одна изъ арабскихъ версій изъ Калилы и Димны такова. Отшельникъ купилъ жирнаго барана, чтобы совершить жертвоприношеніе. По дорогѣ домой онъ встрѣчаетъ другъ за другомъ трехъ плутовъ, которые убѣждаютъ его, что онъ ведетъ не барана, а собаку. Отшельникъ отдаетъ барана плутамъ и говоритъ про себя, что, по всей вѣроятности, тотъ, кто продалъ ему барана, отвелъ ему глаза и вмѣсто требуемаго далъ собаку.

Благодаря „Калилѣ и Димнѣ“ разсказъ распространился въ западной Европѣ и далъ массу варіантовъ, изъ которыхъ ближе чѣмъ другіе подходятъ къ упомянутымъ два англійскихъ и мекленбургскій; что касается остальныхъ, то они осложнены еще другими мотивами или же въ нихъ идетъ рѣчь не о животныхъ, а о платьѣ (синемъ и зеленомъ), какъ напр. въ разсказахъ изъ Эйленшпигеля и изъ „El Conde Lucanor“ [2]).

XIII.

Случай [3]).

Иде чоловикъ у дорогу, набравъ соби сала, а останне и повисывъ на бантыни. „Це, каже матери, хай про случай“. Отъ винъ же пойихавъ, а черезъ те село та йшлы салдаты; одынъ и забигъ до ёго у хату напытысь тай побачывъ те сало. „Што это, бабка?“ пыта.—Та сало, служывый.— „Чево жъ воно тутъ?“—Та сынъ оставывъ про случай. „Такъ это онъ минѣ, я и есть тотъ самъ случай, давай его сюда“.—А колы вамъ, такъ и берить. „Та я самъ не поднесу, пожди я пойду другого случая кликну“. Прыводе другого солдата, забралы те сало.

---

[1]) Clouston, Pop. tal. and fict. Vol II стр. 37, 39, 40.

[2]) Clouston, Popular tales and fictions Vol. II стр. 27, 29 и т. д.—42.

[3]) Манжура, Сказки стр. 108.

Очень близкими варіантами этого анекдота являются тирольскій (у Цингерле) и одинъ изъ французскихъ, приведенныхъ Коскеномъ [1]). Этотъ последній тесно связанъ съ мотивомъ „О человеке съ того света“ и передается такъ: Мужъ говоритъ жене, чтобы она сварила постный супъ. „Зачемъ же постный, когда у насъ есть сало“. „Сало, отвечаетъ мужъ, надо оставить для „dor'navant“ (т. е. на будущее время). Разговоръ между супругами услышалъ нищій, и какъ только мужъ удаляется, входитъ въ домъ и выдаетъ себя за „dor'navant'а“. Затемъ уже онъ разсказываетъ, что идетъ съ того света. Далее повторяются все подробности, известныя изъ русскихъ варіантовъ на этотъ мотивъ (напр. у Чубинскаго т. II стр. 648, разсказъ, который Кузмичевскій выводитъ изъ турецкаго, пріуроченнаго къ Насеръ-эддину [2]). Въ общемъ разсказы на мотивъ „Чоловикъ видъ Богу“ такъ распространены какъ на востоке, такъ и на западе, что трудно сказать утвердительно, какой легъ въ основу русскихъ. Польскій варіантъ у Кольберга [3]), немецкіе въ Rollwagenbüchlein Викрама и Pauli Schimpf und Ernst [4]); другіе западные у Коскена [5]).

XIV.

Якъ вовкы въ хати завелысь [6]).

Содержаніе следующее: Работникъ преследуетъ попа, который ходитъ къ жене его хозяина. Нанялся же работникъ служить до техъ поръ, пока у хозяина въ хате заведутся волки. Однажды поехали они пахать; пахали до обеда, а тамъ работникъ просится домой: „бо забувъ чого-сь“. Идетъ и видитъ черезъ окно, что попъ уже въ хате. Онъ стучится. Попъ прячется подъ печку между гарбузами. Хозяйка впускаетъ работника, но, конечно, очень недовольна его приходомъ. Работникъ говоритъ, что хозяинъ велелъ ему перебрать гарбузы подъ печкой, начинаетъ доставать ихъ кочергой и кидать обратно, при чемъ старается попасть въ попа. Въ другой разъ онъ приходитъ опять и, видя, что попъ спрятался въ коморе, говоритъ, что хозяинъ приказалъ ему пересмотреть овецъ, „чы нема у якойи червы“. Пересматривая овецъ, онъ не пропускаетъ случая побить попа. Наконецъ въ третій разъ онъ обвариваетъ попа горячей водой, попа, который спрятался въ „жлукто зъ вовною“. Попъ видитъ, что ухаживанія его не имеютъ успеха, и приглашаетъ хозяйку прійти къ нему въ поле,

---

1) Cosquin, Contes de Lor. Tome I № XXII. Стр. 238.

2) Кузмичевскій, Турецкіе анекдоты въ украинской народн. словесн. стр. 445, 447.

3) Кольбергъ, Lud Serya VIII стр. 221.

4) Wickram, Leipzig № 87 стр. 138, Pauli Sch. Ernst стр. 148.

5) Cosquin, Contes popul. de Lor. № XXII примеч.

6) Манжура, Сказки стр. 91.

гдѣ онъ будетъ завтра пахать. Она согласна и, сготовивъ для попа обѣдъ, идетъ въ поле; но ошибается и попадаетъ къ своимъ. Не въ состояніи ничего подѣлать и не зная, какъ избавиться отъ надоѣдливаго работника, она отправляется въ церковь, гдѣ хочетъ испросить совѣта. Изъ-за креста, передъ которымъ она бьетъ поклоны и за который предварительно спрятался работникъ, она слышитъ голосъ, совѣтующій ей отправиться въ лѣсъ, найти тамъ Ивана Кущныка и спросить его. На другой день работникъ отпрашивается у хозяина, идетъ въ лѣсъ и забирается въ дупло большого дерева. Къ дереву вскорѣ подходитъ и хозяйка. Онъ говоритъ ей, чтобы мужу и работнику она наварила холодца, вареников и зажарила курку, послѣ которыхъ они оглохнутъ, ослѣпнутъ и умрутъ. Она такъ и дѣлаетъ. Работникъ предупреждаетъ хозяина, и оба, поѣвши холодца и варениковъ, дѣлаютъ видъ, что оглохли и ослѣпли, а съѣвши курицу падаютъ подъ лавку. Тутъ появляется попъ и начинаетъ пить и гулять съ хозяйкой. Дѣло кончается тѣмъ, что попъ предлагаетъ ей: „Давай, ще по вовчему!“— „Якъ же це воно?“—А ты бижы до мене та ву-у-у! А я до тебе та гу-у!“ На это работникъ заявляетъ хозяину, чтобы тотъ давалъ ему разсчетъ „бо уже въ хати вовкы завелысь“. Хозяинъ встаетъ и провожаетъ попа какъ слѣдуетъ.

Варіанты этого разсказа встрѣчаются у Кольберга [1]), у Чубинскаго [2]) и др. и близко подходятъ къ разсказу, помѣщенному у Гагена [3]). Здѣсь жена посылаетъ мужа и работника въ лѣсъ за дровами. Работникъ возвращается за забытыми рукавицами и видитъ всѣ приготовленія хозяйки для любовника—попа (жаренаго поросенка, медъ и пирогъ). Все это хозяйка тщательно прячетъ при входѣ работника; попъ, который былъ уже въ домѣ, также прячется. Вскорѣ появляется и хозяинъ и садится за столъ вмѣстѣ съ работникомъ, чтобы послѣ обѣда опять ѣхать въ лѣсъ. За обѣдомъ, видя, что хозяйка не даетъ имъ тѣхъ кушаній, что приготовила для попа, разсказываетъ про волка, будто бы унесшаго у его прежняго хозяина поросенка, который былъ не меньше того приготовленнаго. (Хозяинъ встаетъ и достаетъ поросенка). Работникъ продолжаетъ свой разсказъ и говоритъ, что онъ взялъ камень, не меньше спрятаннаго пирога (хозяинъ находитъ и пирогъ), и бросилъ имъ въ волка, попалъ въ голову и что крови вытекло по крайней мѣрѣ столько же, сколько меду въ той жестянкѣ. (Хозяинъ достаетъ медъ и оба обѣдаютъ на славу). Въ заключеніе они выпроваживаютъ попа.

[1]) Проф. Сумцовъ, Малор. сказк. по сборн. Кольб. и Мошинской стр. 109 № 36, 66, 67.

[2]) Чубинскій, Труды Томъ II № 11 и № 39.

[3]) Hagen, Gesammtabent. № 61.

Переходной ступенью отъ малорусскаго разсказа (у Манжуры) къ нѣмецкому служатъ упомянутые варіанты (у Чубинскаго, Кольберга) и такъ или иначе объясняютъ неясности въ разбираемомъ. Такъ напр. у Манжуры роль волковъ нѣсколько мало обоснована. Работникъ нанимается служить „поки вовки въ хати заведутся", какъ будто бы зная напередъ, что хозяйка и ея любовникъ будутъ тогда-то и тогда изображать изъ себя волковъ. Варіанты (малорусскіе же) и разсказъ у Гагена составлены съ большей послѣдовательностью. Далѣе у Манжуры мотивъ о кушаньяхъ, отъ которыхъ глохнутъ, слѣпнутъ и умираютъ переплетенъ съ мотивомъ объ отысканіи кушаній. Тотъ и другой встрѣчаются отдѣльно, напр. у Аѳанасьева (Томъ II стр. 402), у Чубинскаго (Томъ II № 37 и 11). Кромѣ того эпизодъ съ Иваномъ Кущныкомъ кажется вставочнымъ и первоначально не относящимся къ основному разсказу. Подобный эпизодъ мы встрѣтили въ разсказахъ Паули [1]), гдѣ женщина, не зная, какъ исправить своего мужа, обращается за совѣтомъ къ старухѣ, по всей вѣроятности, знахаркѣ; та посылаетъ ее за городъ къ старой яблонѣ, гдѣ живетъ фея (Gottin Alraune), которая ее научитъ, какъ ей поступить; только чтобы она захватила съ собой 3 куска ветчины. Затѣмъ знахарка прячется за яблоню, беретъ ветчину, предназначенную для феи и отвѣчаетъ за нее. (Отдаленный варіантъ этого разсказа Паули см. у Аѳанасьева, томъ II стр. 402).

Въ сборникѣ Гагена разбираемый разсказъ удержалъ форму, близкую къ такимъ же разсказамъ у другихъ западныхъ народовъ. Такъ извѣстенъ французскій варіантъ, гдѣ вмѣсто работника выведенъ странствующій ученикъ [2]). Въ Пентамеронѣ выпущена любовная завязка и вмѣсто работника и ученика является родственникъ, который приходитъ каждый разъ къ обѣду къ скупымъ супругамъ. Центръ тяжести разсказа заключается въ отысканіи спрятанныхъ кушаній, при чемъ волкъ замѣненъ здѣсь змѣей [3]). Въ драматической формѣ эта тема встрѣчается у Ганса Сакса въ Fahrende Schüler mit dem Teufelbaumen и у Сервантеса Cueva-de Salamanca въ его Comedias y Entramesas [4]).

Какъ отдаленный отголосокъ только что упомянутыхъ разсказовъ можно, какъ намъ кажется, отмѣтить одинъ изъ множества анекдотовъ о „хитрыхъ солдатахъ".

---

[1]) Johannes Pauli Schimpf g Ernst Leipzig № 73.

[2]) Hegen, Gesammtabent. № 61.

[3]) Hagen, Gesammtabenteuer № 61 Pentameroni di Giambattista Bosile. Первое изданіе 1637.

[4]) Hagen, ibd. № 61.

XV.

Догадливый солдатъ [1]).

Прыйшовъ солдатъ на постой, далы ёму вечеряты, усёго, що й самы йилы, тилко вареныкивъ не далы. Винъ и заглядивъ, шо воны на полыци стоять, тай давай плести. „Отъ якъ у насъ строять хаты, такъ и сюда перегородка, и туда перегородка, и оттакъ якъ поузь вареныки“, та махъ на ти вареныкы. А баба зъ печи: „чы вы жъ давалы служывому вареныкивъ?“ Треба було даты.

Какъ видно, этотъ анекдотъ отсталъ отъ семьи тѣхъ разсказовъ; любовная завязка потеряна. Осталось только одно родовое сходство—отысканіе спрятаннаго кушанья.

XVI.

Жіноча хитрость [2]).

Жінка чоловика любила другого. Але разъ ii чоловикъ ишовъ зъ ярмарку; зъ міста дорога ишла горбомъ и вінъ мігъ виділи, що ся діэ коло его хати. Але дивиться—відъ ёго хати якись тікаэ, и жінка показуэ, куди тікаты. Чоловікъ прійшовъ до дому, сурово жінці каже: давати істи. Та догадалася що вінъ видівъ эі коханка. Рано маэ чоловікъ итти косити. Та заразъ побігла до баби, разсказала свою біду и просить порадити. Баба каже: „добре, а що ти ему давала істи, якъ вінъ ишовъ на ярмарокъ“.—„Та тежъ, каже: гарбуза зъ макомъ“.—Ну добре, иди спати, я такъ зроблю, що ницъ тобі не буде казати. Рано пішовъ чоловікъ косити. Коло полудня иде по—при ёго ниви баба и каже: „добри день вамъ, косарику, хай вамъ Богъ допомогаэ“. Той разсердився на бабу, каже: „що ти, бабо, здуріла, я самъ тілько на роботі, а тобі здаэцця, що насъ багацько“.— „Вибачай, чоловіче, бо я не добачаю; я гарбузъ зъ макомъ іла, то мені показуется, що васъ богато“. Той подумавъ, що и мині вчора показалося двохъ, може-то відъ гарбуза. Прийшовъ чоловикъ съ поля, вона даэ гарбуза зъ макомъ. „Отъ каже бувъ бимъ тобі здоровля збавивъ черезъ той гарбузъ, теперъ ти вже не давай мині гарбуза, бо відъ нёго двоится въ очахъ“.

Отъ мотива о кушаньяхъ, отъ которыхъ глохнутъ, слѣпнутъ и умираютъ, легко перейти къ мотиву о „гарбузѣ зъ макомъ“, отъ котораго двоится въ глазахъ.

Варіантъ приведеннаго анекдота помѣщенъ у Аѳанасьева [3]), гдѣ виновникомъ недоразумѣнія со стороны мужа является стекло, „показывавшее

---

[1]) Манжура, Сказки стр. 110.

[2]) Чубинскій, Труды Томъ II № 37.

[3]) Аѳанасьевъ, томъ II Стр. 435.

неправильно", какъ утверждалъ солдатъ, который цѣловалъ чужую жену. Анекдоту (у Чубинскаго) вполнѣ соотвѣтствуетъ разсказъ изъ Rollwagenbüchlein [1]), только здѣсь отсутствуетъ „баба"--знахарка, а роль ея беретъ на себя сама жена.

XVII.

Якъ чоловикъ у коробку стукавъ [2]).

Иде чумакъ тай набачывъ таку гарну молодычку та и каже йий: шо ты, молодычко, озмешъ, якъ зъ тобою переночуваты?—Оддасы уси грошы, то и буде по твоему. Той согласывсь и прыходе у ночи. А йий чоловикъ дома. Отъ вона и разстогналась: така хвора, така хвора, шо хочъ ты йий и свичку становы. „Може, каже чоловикъ, шо поробыть, або по бабку сходыть?"—„Та ни, каже, мени здаетыця, якъ бы ты узявъ коробку, ходывъ коло хаты та стукавъ у нейи, то бъ може полегшало". Той за коробку та зъ хаты, ходе, стука, а вона ну зъ тымъ чумакомъ гуляты. Отъ на другый день ишовъ чумакъ до церквы та то заплаче, то засміетьця. А чоловикъ тийи жинки и пыта ёго, чого це винъ такъ чудно Богу молытьця.—„Нельзя, каже, сказаты, бо мене тутъ убьють."—Та скажы бо, я нездешній. Той довго и не хотивъ, а то и каже: „якъ згадаю, шо оддавъ за одну ничъ сорокъ тысячей, стане жалко, я и заплачу; а якъ згадаю, шо якъ чоловикъ у коробку стукавъ, то и засміюсь". Отъ той и догадавсь, на проты чого це, заклыкавъ ёго до себе, одибравъ у жинкы гроши тай подилывъ поровну: половыну соби узявъ, а другу ему отдавъ.

Разсказъ этотъ распадается на двѣ самостоятельныя половины, первую до гулянья съ чумакомъ включительно и вторую—чумакъ въ церкви, его смѣхъ и плачъ. Первая представляетъ собой разновидность мотива о невѣрныхъ женахъ и находитъ себѣ аналогію въ разсказѣ у Гагена [3]), гдѣ жена, условившись заранѣе съ рыцаремъ, посылаетъ мужа посмотрѣть за козой, которую будто бы уноситъ волкъ. Тотъ бѣжитъ за козой, а жена остается наединѣ съ рыцаремъ. Разница между этими двумя разсказами заключается въ томъ, что въ малорусскомъ „молодыця" требуетъ за свою любовь „уси гроши", а у Гагена жена даритъ ее, почему въ послѣднемъ не нуженъ конецъ зайти въ церковь, плакать и смѣяться, который встрѣчается въ видѣ самостоятельнаго разсказа. Своеобразную обработку мотива о плачѣ и смѣхѣ мы нашли въ одномъ изъ заграничныхъ изданій русскихъ сказокъ.

---

[1]) Wickram, Rollwagenbuchlein № 38 Стр. 65.

[2]) Манжура, стр. 96.

[3]) Hagen, Gesammtabent. № 40.

XVIII.

Якъ жинки чоловикивъ дурять [1]).

Ходывъ чоловикъ у чумацтво, а жинка тымъ часомъ зъ солдатомъ зляглась. Отъ разъ зійшлысь воны, колы це чоловикъ зъ дорогы у двиръ. Шо ёго робыты? Вона швыдче того солдата пидъ пилъ тай зависыла рядномъ. Чоловикъ ось управывсь на двори, увійшовъ у хату: „а давай, жинко, вечеряты!" Сказавъ та, звисно, якъ мужыкы, николы не сяде, шобъ збоку, або на ослони, а лизе за стилъ, ажъ пидъ свято, до порога очыма; такъ отто и винъ. Подала вона, шо найшлося, ажъ ось сусида шасть у хату. Та и накивала йий, шо таке тай таке, а сусида вже и догадалась, бо й сама не зъ тыхъ грошій. Заразъ пидсила до чоловика тай ну ёго забалакуваты, шо якъ то жинки чоловикивъ дурять, покы ти у дорози. „Ну мене бъ, каже чоловикъ, чорта бъ зъ два одурыла". Та хочешъ, я тебе ось заразъ у вичи одурю? Сміетьця той: „а ну, каже, ну"? Ось дывысь. Та взяла зъ полу рядно, шо за йимъ солдатъ сыдивъ, розипъяла на рукахъ ёму передъ очыма та: „ось дывысь, куме, такъ и одурю". Розпына рядно те, а сама до порога, до порога, а солдатъ те же зухъ не послидній, догадавсь та по за рядномъ, по за рядномъ и соби до порога. Видчыныла хазяйка двери, а салдатъ у сины, та хода. „А шо, куме, оттакъ якъ бачышъ, такъ и одурыла. На, кумо, твое рядно та зависъ зновъ квочку, хай вона свитла не жахаетьця, а мени пора до дому".

Аналогичный разсказъ встрѣчается у Гагена [2]) „Der Ritter unteren Zuber". Мужъ, по совѣту зятьевъ, подозрѣвающихъ его жену въ измѣнѣ дѣлаетъ видъ, что собирается въ дорогу и фиктивно уѣзжаетъ. Только что онъ уѣхалъ, къ женѣ приходитъ рыцарь; мужъ возвращается и рыцарь долженъ спрятаться подъ опрокинутымъ чаномъ (ушатомъ). Супругъ высказываетъ свои подозрѣнія, но жена успокаиваетъ его и всѣ садятся закусить, при чемъ одинъ изъ зятьевъ садится, за неимѣніемъ другаго мѣста, на опрокинутый чанъ. Тогда жена начинаетъ смѣяться и говоритъ, что именно подъ чаномъ и сидитъ любовникъ, мужъ проситъ ее не шутить такими вещами, но та не унимается и заявляетъ, что она сегодня одурачила его, и что впредь будетъ дурачить. Въ это время булочница присылаетъ за принадлежащимъ ей чаномъ; жена проситъ ее подождать; та присылаетъ въ другой разъ, въ третій является сама такъ какъ догадалась въ чемъ дѣло. Выручаетъ она ее тѣмъ, что зажигаетъ сарай; мужъ и зятья бѣгутъ тушить, а любовникъ благополучно уходитъ.

---

1) Манжура, стр. 95.

2) Hagen, Gesammtabent. № 37.

Къ этой же группѣ разсказовъ о невѣрныхъ женахъ относится разсказъ у Гагена № 42 „Die Freue Magd“. Рядомъ съ этимъ Гагенъ приводитъ древне-французскій варіантъ, который разнится съ предыдущимъ только въ концѣ, гдѣ сосѣдка (тамъ булочница) не зажигаетъ сарая, а посылаетъ человѣка на улицу кричать пожаръ. Нѣсколько ближе къ малорусскому подходитъ по своему началу разсказъ изъ Délices de Verboquet le dénereux, заимствованный, по мнѣнію Legrand'а изъ французскаго фабліо. Есть такой же разсказъ у Poggio [1]).

На ту же тему написана новелла Бокаччьо (VII, 2); взята она изъ Апулея [2]). Аналогичные разсказы встрѣчаются и на востокѣ; напр. въ 1001 ночи, гдѣ фаворитка персидскаго шаха приказываетъ принести любовника въ ящикѣ съ шелковыми матеріями [3]). Отдаленный варіантъ въ 7 визиряхъ [4]).

А. Пельтцеръ.

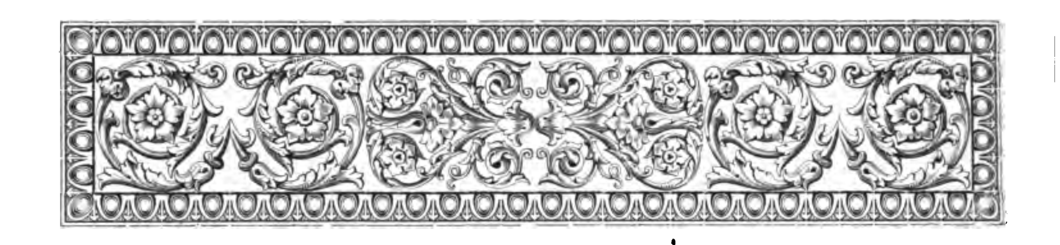

[1]) Landau, Quellen des Decamerone 41.

[2]) Poggio, Facetiae 1500 г. Callida consilia florentinae infacinore deprehensae.

[3]) Hagen, Gesammtabenteuer.

[4]) Keller Heinrich, Le roman des sept sages. Einleitung. стр. CXLVIII.

Анекдоты о глупцахъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Анекдоты о недомысліи лишь недавно стали привлекать къ себѣ вниманіе фольклористовъ и этнографовъ въ такой степени, что въ научной литературѣ стали появляться спеціально посвященныя имъ монографіи.

Сколько мнѣ извѣстно, въ западной научной литературѣ есть лишь одно крупное изслѣдованіе извѣстнаго англійскаго фольклориста *Клоустона* „The book of noodles“. Читатель встрѣтитъ у насъ много извлеченій изъ этого изслѣдованія. У Клоустона подробно разобраны мотивы о глупыхъ народахъ, преимущественно о готемитахъ и о плачущихъ глупцахъ. Но у Клоустона многіе мотивы о недомысліи пройдены полнымъ молчаніемъ, напр., всѣ мотивы о глупыхъ мужьяхъ, и затѣмъ славянскій матеріалъ очень скудный.

Въ славянскихъ научныхъ литературахъ лишь весьма немногіе отдѣльные мотивы были предметомъ научнаго изученія, имѣемъ въ виду статьи г. *Франка* о жидовской войнѣ, статью г. *Поливки* „My trzy brata“, летучую замѣтку *Потебни* въ 3 вып. „Къ исторіи звуковъ“, статью *Кузмичевскаго* о турецкихъ анекдотахъ въ народной словесности въ Кіев. Стар. 1886 г. 1 и 2.

Подробнѣе всего останавливается на анекдотахъ г. *Пельтцеръ* въ сочиненіи „Происхожденіе анекдота въ русской народной словесности“. Трудъ его изданъ одновременно съ настоящимъ нашимъ изслѣдованіемъ въ XI томѣ Сборника Харьковскаго историко-филологическаго общества, гдѣ онъ служитъ своего рода введеніемъ къ настоящему нашему изслѣдованію. Г. Пельтцеръ даетъ довольно точное и обстоятельное опредѣленіе понятія анекдота, опредѣляетъ его отношеніе къ сказкѣ, повѣсти, баснѣ, вліяніе западныхъ литературныхъ памятниковъ и пр. т. п. Авторъ въ концѣ статьи касается нѣкоторыхъ анекдотовъ о недомысліи, напр., анекдота о томъ, какъ чоловикъ вола загубывъ, анекдотовъ о глупыхъ литвинахъ.

Въ настоящемъ нашемъ изслѣдованіи собраны и систематизированы если не всѣ, то во всякомъ случаѣ значительное большинство анекдотовъ о недомысліи.

Еще Эразмъ Ротердамскій въ Похвалѣ глупости обрисовалъ универсальное значеніе человѣческой глупости. Съ такимъ значеніемъ глупость выступаетъ въ обширномъ циклѣ сказокъ и анекдотовъ. Глупыми оказываются люди молодые и старые, мужики, паны и попы. Есть впрочемъ нѣкоторый перевѣсъ на сторонѣ однихъ и нѣкоторая осторожность относительно другихъ. Чаще всего въ роли глупца выступаютъ сынъ, мужъ или жена, рѣже чуть ли не въ однѣхъ лишь сказкахъ о трехъ глупцахъ, плачущихъ о воображаемомъ горѣ, выведены отецъ и мать; также рѣдки сказки о глупой дѣвушкѣ, должно быть въ виду существованія громаднаго цикла сказокъ и легендъ о мудрой дѣвѣ.

Сказки и анекдоты о глупцахъ распространены по всему земному шару и встрѣчаются въ весьма разнообразныхъ обработкахъ, которыя, однако, при всемъ ихъ внѣшнемъ разнообразіи, можно разложить на опредѣленный рядъ основныхъ элементовъ или простѣйшихъ мотивовъ и свести въ опредѣленныя группы. Почти каждый мотивъ встрѣчается отдѣльно, но чаще въ соединеніи съ нѣсколькими другими мотивами. Въ однѣхъ сказкахъ соединеніе это случайное; въ другихъ оно довольно устойчивое; но особенно прочнаго и незыблемаго тутъ ничего нѣтъ. Если бы былъ поставленъ вопросъ, что представляетъ въ данномъ случаѣ большій интересъ для научнаго изученія—отдѣльные элементы или болѣе или менѣе установившіяся групповыя ихъ сочетанія, можно сказать, признавая за тѣми и другими несомнѣнное значеніе, что наивозможно болѣе полное опредѣленіе основныхъ мотивовъ представляется въ особенности завлекательнымъ въ историко-литературномъ отношеніи.

Не вдаваясь пока въ подробности, можно намѣтить два общихъ обширнѣйшихъ разряда—сказки о глупыхъ индивидуумахъ и сказки о глупыхъ народахъ; эти разряды тѣсно связаны и взаимно переплетаются; мотивы одного цикла часто входятъ въ циклъ другой.

Въ ряду мотивовъ выдѣляется нѣсколько особенно устойчивыхъ и сильныхъ, которые привлекаютъ къ себѣ другіе и ложатся въ основу цѣлаго гнѣзда. Таковъ мотивъ о трехъ плачущихъ глупцахъ, который привлекаетъ къ себѣ мотивы ношенія свѣта въ ведрѣ, встаскиванія коровы на колокольню, прохожаго съ того свѣта, иногда рядъ другихъ, давая имъ большею частію лишь внѣшнее объединеніе. Мотивы о высиживаніи жеребенка, о мужѣ беременномъ, о теленкѣ сынѣ стоятъ въ близкой психологической связи; мотивы объ отдачѣ теленка въ школу можно разсматривать какъ самостоятельное развитіе частнаго мотива о беременномъ мужикѣ.

Нѣкоторыя сказки о дурняхъ отличаются своеобразнымъ сочетаніемъ весьма разнородныхъ мотивовъ, напр., въ одной бѣлорусской сказкѣ развиты: 1) мотивы о невѣрной женѣ (station дуракъ здѣсь соотвѣтствуетъ скоморохамъ въ Пѣснѣ о гостѣ Терентьищѣ), 2) мотивъ о мертвомъ тѣлѣ и 3) мотивъ о дурнѣ-плутѣ въ мѣшкѣ [1]). Въ имеритинской сказкѣ мотивъ о плачущихъ глупцахъ соединенъ съ мотивомъ о прохожемъ съ того свѣта [2]). Въ особенности калейдоскопическимъ представляется циклъ сказокъ о плачущихъ глупцахъ. Въ индійской сказкѣ изъ Камаона соединены мотивы: 1) утилизація трупа, 2) кормленіе собственной тѣни и 3) испражненіе на деревѣ [3]).

Въ славянскихъ сказкахъ встрѣчаются типичныя черты глупости въ видѣ общихъ мѣстъ, чаще всего глупецъ сидитъ на печкѣ (великор., малор., бѣлор., болг. и польск.), играетъ на дудкѣ (велик., бѣлор., малор.), качается на томъ бревнѣ, гдѣ вѣшаютъ одежду (малор.), на печкѣ сидитъ, въ клубокъ сопли мотаетъ (Самар. губ.).

При развитіи и осложненіи анекдотовъ о глупцахъ въ большія сказки или повѣсти большую роль играетъ народно-поэтическій принципъ троенія. Два крупныхъ разряда повѣстей о глупцахъ, повѣсти о плачущихъ глупцахъ и повѣсти о соревнованіи глупцовъ всецѣло построены на троеніи.

Можно утверждать, что нѣтъ такого рода словесности, куда не проникали бы анекдоты о глупцахъ. Чаще всего они передаются въ формѣ сказокъ или повѣстей, встрѣчаются въ видѣ басенъ, въ видѣ пѣсенъ, причемъ въ видѣ пѣсенъ встрѣчаются въ формѣ былевой, пѣсенъ вечерничныхъ и свадебныхъ.

Въ свадебныхъ пѣсняхъ дѣвушки—подруги невѣсты осмѣиваютъ бояръ жениха, напр., въ одной малорусской пѣснѣ бояре, встрѣтивъ въ селѣ калюжу, говорятъ: „то медъ, то медъ“, свинью принимаютъ за волка, гусей за сыръ, клуню за церковь, и вездѣ сваха вразумляетъ [4]).

Есть основанія предполагать, что старинные скоморохи сдѣлали попытку ввести въ пѣсенный репертуаръ сказочные мотивы о Еремѣ дурачкѣ неудачномъ мѣнялѣ. Пѣсни этого рода записаны въ Архангельской губ. Ѳома и Ерема пускаются ловить рыбу въ лодкѣ безъ дна, три года тонутъ не могутъ утонуть, накупили холстовъ, поѣхали въ Ростовъ и промѣняли ихъ на свиные хвосты, посѣяли рожь и овесъ; хлѣбъ не взошелъ; тогда Ѳома и Ерема соху и борону въ огонь, лошадь по горлу ножомъ, а сами съ пашни бѣгомъ [5]).

---

1) *Шеинъ*, Матеріалы II 232.
2) *Сборн.* Матер. для опис. Кавк. XIX, 30.
3) *Минаевъ*, Инд. ск. 38—42.
4) *Потебня*, Къ ист. звуковъ III 134 (изъ сборн. Войцицкаго), II (изъ Голов.).
5) *Аѳанасьевъ*, III 393.

Подъ вліяніемъ скомороховъ сказки о Ѳомѣ и Еремѣ пользовались въ старину большой популярностью; они сохранились въ рукописяхъ XVIII и даже XVII ст., проникли въ лубочную литературу и въ народныя пословицы. Широкая популярность пѣсенъ и сказокъ о Еремѣ была уже отмѣчена наблюдательными этнографами Аѳанасьевымъ и Шеинымъ [1]). На сказкахъ о Ѳомѣ и Еремѣ подробно останавливается Ровинскій въ капитальномъ изслѣдованіи о лубочныхъ картинахъ [2]). Несомнѣнно скоморохи разработали мотивъ о глупомъ мужѣ въ пѣсню о гостѣ Терентьищѣ. Далѣе скоморошій характеръ носитъ стихотворная обработка мотива о неудачномъ повтореніи совѣтовъ, нашедшая мѣсто въ древнѣйшемъ сборникѣ русскихъ народныхъ пѣсенъ Кирши Данилова. Подробнѣе на этихъ пѣсняхъ мы остановимся при обзорѣ сказокъ о неудачномъ повтореніи совѣтовъ и сказокъ о томъ, какъ жены дурятъ мужей.

Во многихъ анекдотахъ о глупцахъ обнаруживается территоріальное пріуроченіе. Въ разрядъ сказокъ о глупыхъ обывателяхъ входятъ древне-классическія объ абдеритахъ, беотійцахъ и сидонцахъ, французскія о глупыхъ обывателяхъ Рюо, нѣмецкія о вендахъ, шильдбюргерахъ, лалленбюргерахъ, болгарскія о стеблевцахъ, кабильскія о Бени-Дженахъ, англійскія о готемитахъ, великорусскія о пошехонцахъ, малорусскія о литвинахъ, жидахъ и цыганахъ, грузинскія объ окрибцахъ и др. Сказки о глупыхъ народахъ представляютъ часто просто сказки о глупыхъ людяхъ съ подстановкой собственнаго имени. Мотивы сказокъ о глупыхъ народахъ иногда переносятся на сказки о великанахъ, обрисовываемыхъ обыкновенно глупцами, иногда на чертей, на нѣкоторыхъ животныхъ.

Кромѣ территоріальнаго пріуроченія анекдотовъ о глупыхъ людяхъ встрѣчается еще пріуроченіе личное, въ связи съ какимъ-нибудь именемъ, въ Россіи, напр., съ именемъ Иванушки, которому во французскихъ анекдотахъ отвѣчаетъ Jean le Diot, Jean le Simple, Jean l'Innocent [3]). Съ Иванушкой дурачкомъ связаны въ Россіи многіе мотивы, не заключающіе въ себѣ тѣхъ анекдотовъ, которые всегда вплетаются въ сказки о глупцахъ. Типичными примѣрами личной концентраціи анекдотовъ о глупости служитъ сицилійскій Джуфа (Giufa) и въ особенности турецкій Насръ-единъ ходжа. Къ этимъ типичнымъ глупцамъ въ русской литературѣ отчасти примыкаетъ шутъ Балакиревъ. О такихъ лицахъ существуютъ кое-какія біографическія данныя, частью историческаго характера, частью вымышленныя. Такъ, о Насръ-динѣ говорятъ, что онъ былъ современникомъ

---

[1]) *Аѳанасьевъ*, Р. н. ск. IV 511. *Шеинъ*, Великоруссъ I 269 и сл.

[2]) *Ровинскій*, Рус. луб. карт. IV.

[3]) *Sebillot*, Contes pop. d. la H. Bretagne 219; *Его же*, Litter, pop. de la H. Br. I 96 и въ Revue d. trad. pop. IX 338, 347.

Тамерлана (XIV в.), былъ подданнымъ независимаго хана Карамана и жилъ въ его столицѣ въ малоазіатской Коніи. Къ числу любопытныхъ и цѣнныхъ въ историко-литературномъ смыслѣ личныхъ пріуроченій анекдотовъ нужно отнести еще нѣмецкаго Тилля Эйленшпигеля. Бродячіе анекдоты чрезвычайно легко пристаютъ къ собственнымъ именамъ. Балакиревъ — лицо историческое; но въ сказанія о его продѣлкахъ внесено много такого, что разсказывается о другихъ шутахъ. Личность высоко-образованнаго украинскаго философа Сковороды († 1794), ничего общаго не имѣетъ съ Насръединами, Эйленшпигелями и Балакиревыми, но лишь потому, что Сковорода былъ скромный аскетъ—странникъ, къ нему народная молва пріурочила анекдотъ о томъ, какъ онъ сберегъ платье отъ дождя, раздѣвшись до-нага, анекдотъ, обыкновенно связываемый съ турецкимъ Насръ-единомъ.

При изслѣдованіи анекдотовъ о глупости представляется двѣ трудности: обиліе мотивовъ на эту тему и, главное, большое ихъ разнообразіе и разрозненность. Мнѣ, какъ автору, пріятно не то, что мнѣ удалось собрать и сгруппировать довольно большой матеріалъ. При большемъ усердіи и располагая болѣе свободнымъ временемъ на этомъ пути можно достичь значительно болѣе крупныхъ результатовъ. Мнѣ пріятно сознаніе, что мнѣ удалось установить внутреннюю логическую и историко-литературную связь между многими мотивами и представить ихъ въ большинствѣ въ надлежащей послѣдовательности. Правда, не вездѣ это мнѣ удалось, и нѣкоторыя главы висятъ, такъ сказать, въ воздухѣ, безъ внутренней связи съ другими главами; но полнаго успѣха весьма трудно достичь при изученіи пестраго калейдоскопа народной словесности вообще, а мотивовъ о глупости въ особенности.

Настоящее изслѣдованіе о крупномъ отдѣлѣ народной словесности и его многочисленныхъ развѣтвленіяхъ, на нашъ взглядъ, бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на всю народную словесность, до нѣкоторой степени характеризуетъ ея международный характеръ и внутреннюю связь различныхъ ея формъ и родовъ, отъ мелкаго анекдота до обширныхъ повѣстей и пѣсенъ.

Въ историко-литературномъ отношеніи настоящій нашъ трудъ облегчаетъ рѣшеніе сложныхъ вопросовъ о вліяніи западныхъ фабліо, фацецій, новеллъ и нѣмецкаго Тилля Эйленшпигеля на русскую народную словесность.

Въ историко-культурномъ отношеніи на такомъ обще-сравнительномъ изслѣдованіи, какъ настоящее, раскрывается вся справедливость и глубокая основательность замѣчанія англійскаго ученаго Клоустона, что народныя сказанія имѣютъ великую силу надъ національнымъ вкусомъ и нравами; сравнительное изслѣдованіе народныхъ сказокъ не только обогащаетъ нашъ умъ, но и расширяетъ наши симпатіи, даетъ намъ видѣть лучше, чѣмъ что-либо иное, общее братство всего человѣческаго рода.

I.

Анекдоты объ абдеритахъ, шильдбюргерахъ, пошехонцахъ, запорожцахъ и пр. въ коллективномъ видѣ.

Повидимому, всѣмъ народамъ свойственна склонность къ территоріальному или личному прикрѣпленію анекдотовъ о глупцахъ. Склонность эта имѣетъ психологическую основу. При централизаціи анекдотовъ вокругъ одного имени, они пріобрѣтаютъ сравнительно большій интересъ, легче запоминаются и подчасъ пріобрѣтаютъ заманчивость бытовой дѣйствительности. Территоріальное закрѣпленіе придаетъ многимъ вымысламъ такое обманчивое историческое освѣщеніе, что не только довѣрчивая толпа принимаетъ ихъ за чистую монету, но даже люди науки относились къ нимъ иногда вполнѣ довѣрчиво и занесли ихъ въ учебники какъ историческіе факты. Такъ, въ школьныхъ учебникахъ ѳиванцы до сихъ поръ слывутъ глупцами и подысканы даже натянутыя объясненія, почему рядомъ съ мудрыми аѳинянами ѳиванцы были глупы. Нужно думать, что близкое сосѣдство богатыхъ, роскошныхъ и ученыхъ Аѳинъ дѣйствительно оттѣняло сравнительную захолустность и простоту Ѳивъ. Остальное довершило искусственное литературное противоположеніе, далеко не единственное на страницахъ исторіи. Нѣчто подобное сказалось и въ древней русской лѣтописи въ повѣствованіи о посѣщеніи св. ап. Андреемъ Кіева и Новгорода, встрѣчается и нынѣ, напр., въ Малой Азіи въ арабскихъ анекдотахъ о двухъ близко стоящихъ городахъ Гамѣ и Гемсѣ.

Источники не даютъ объясненій, почему то или другое населеніе попало въ число глупыхъ. Народъ вообще любитъ мѣстныя пріуроченія. Къ одному остроумному анекдоту съ мѣстнымъ пріуроченіемъ, къ одной бойкой пословицѣ наростаютъ другіе. Иногда достаточно небольшаго этимологическаго повода, чтобы ввергнуть городъ въ бездну глупости. Арабскій Гемсъ (древняя Эмесса) слыветъ глупымъ городомъ, а недалекій отъ него Гама—умнымъ; въ анекдотахъ они противоставляются, какъ полагаютъ, потому, что первое названіе близко къ слову гамаза—жарить, ругаться надъ кѣмъ, а второе—къ гама—покровительствовать, защищать [1]).

Національное пріуроченіе можетъ вызывать среди самого народа скептицизмъ, сомнѣніе въ его основательности, и тогда является хронологическая мотивировка такого пріуроченія. Такъ, въ малорусскихъ сказкахъ анекдоты о глупости часто связываются съ жидами, и для оправданія дѣлается иногда оговорка, что „жиды недавно стали де що тямиты, а напередъ булы дуже дурни" [2]). То же самое повторяется въ сѣверной Германіи въ сказ-

[1]) *Clouston*, The book of noodles, 75.

[2]) *Чубинскій*, II 573.

кахъ о вендахъ: „Als die Wenden zuerst in diese Gegend gekommen sind, waren sie noch ein wenig dumm“ [1]).

Весьма любопытнымъ въ хронологическомъ смыслѣ и въ смыслѣ содержанія представляется древне-греческій сборникъ анекдотовъ Гіерокла, александрійскаго ученаго V-го вѣка. Не всѣ анекдоты принадлежатъ Гіероклу и его времени. Древность иныхъ анекдотовъ, приписанныхъ Гіероклу, выходитъ далеко за V вѣкъ; имя Гіерокла привлекло къ себѣ древніе странствующіе анекдоты. Шутки Гіерокла въ средніе вѣка проникли въ устную словесность и письменность западно-европейскихъ народовъ. Сборникъ анекдотовъ Гіерокла изданъ Эбергардомъ въ Берлинѣ подъ заглавіемъ Philogelos Hieroclis et Philagrii Facetiae. Изъ Гіерокла видно, что въ древности незавидной славой глупцовъ пользовались жители многихъ городовъ: Абдеры, Сидона, Кумъ и нѣкот. др. Анекдоты Гіерокла большей частью очень кратки, въ нѣсколько строкъ. Въ русской литературѣ вліянія ихъ не замѣчено. Отмѣтимъ лишь нѣсколько анекдотовъ наиболѣе остроумныхъ, при всей ихъ краткости. Одинъ дурень упрекалъ своего отца въ томъ, что онъ своимъ рожденіемъ помѣшалъ ему унаслѣдовать состояніе дѣда. Другой глупецъ, услышавъ, что воронъ живетъ 200 лѣтъ, купилъ одного ворона, чтобы лично убѣдиться въ его долговѣчности. Третьему дурню приснилось, что его преслѣдуетъ дикій кабанъ, и онъ сталъ класть около себя собакъ. Много анекдотовъ состоитъ въ неумѣлой игрѣ словами или въ путаницѣ понятій; напр. нѣкто сказалъ своему знакомому, что видѣлъ и говорилъ съ нимъ во снѣ, и знакомый отвѣтилъ: „извините, я былъ такъ занятъ, что не слышалъ васъ“. Въ другомъ разсказѣ паціентъ извиняется передъ врачомъ, что скоро выздоровѣлъ. Глупцу приснилось, что онъ занозилъ ногу; утромъ онъ обвязалъ ногу и сказалъ своему товарищу, что съ нимъ случилось, а послѣдній не менѣе глупо укорилъ его, что онъ ходилъ босымъ. Широкое распространеніе получилъ анекдотъ о томъ, какъ глупецъ по ошибкѣ обрилъ себѣ голову и потомъ не узналъ самого себя. Въ персидскомъ разсказѣ дурень, проживишій много лѣтъ въ лѣсу, въ городѣ перевязалъ себѣ ленточкой ногу, чтобы отличить себя въ толпѣ, и, когда одинъ шутникъ снялъ ленточку съ его ноги во время сна и надѣлъ на свою ногу, бѣднякъ, проснувшись, затруднялся опредѣлить свою личность; у Гіерокла глупецъ, стоя передъ зеркаломъ, закрываетъ глаза изъ желанія увидѣть, каковъ онъ во снѣ. Сходный анекдотъ вошелъ въ старинный (1635 г.) сборникъ англійскихъ анекдотовъ Джона Тэйлора „Wit and Wirth“ [2]).

---

[1]) *Veckensted*, Wendische Sagen 101.

[2]) *Clouston*, The book of noodles, 1—12.

Чаще всего у Гіерокла и у другихъ древнихъ писателей глупцами слывутъ жители ѳракійскаго города Абдеры. Предполагаютъ, что первоначально Абдера была финикійской колоніей, и греческій характеръ получила съ переселеніемъ въ нее грековъ изъ іонійскаго г. Теоса въ VI в. до Р. Хр. Абдера была родиной многихъ знаменитыхъ людей: Демокрита, Протагора, Анаксарха, Гекатея. При всемъ томъ, абдериты считались глупцами; врачи писатели (напр. Галленъ) пробовали объяснить ихъ глупость мѣстными климатическими условіями. Въ новое время Виландъ воспользовался общимъ мотивомъ о глупости абдеритовъ и написалъ сатирическій романъ „Исторія абдеритовъ“.

Анекдоты о глупцахъ встрѣчаются въ средневѣковыхъ литературныхъ памятникахъ, напримѣръ, въ популярныхъ Gesta Romanorum, гдѣ они снабжены обычной въ этомъ памятникѣ морализаціей. Здѣсь ангелъ указываетъ святому человѣку на трехъ людей, совершившихъ глупости. Одинъ сдѣлалъ изъ дерева кнутъ, и, находя его тяжелымъ, добавлялъ дерева и т. п., дѣлалъ его еще болѣе тяжелымъ. Другой хотѣлъ вычерпать ситомъ воду изъ глубокаго колодца. Третій билъ лошадь, чтобы она ввезла широкое бревно въ узкія ворота. Морализація: не слѣдуетъ къ однимъ грѣхамъ прибавлять другіе; нужно совершать крупные подвиги добра и т. д. [1])

Большее историко-литературное значеніе имѣютъ анекдоты о глупцахъ, разсѣянные въ обиліи у итальянскихъ новеллистовъ, у Поджіо, въ старофранцузскихъ и старонѣмецкихъ фабльо; но объ этомъ подробнѣе скажемъ въ надлежащемъ мѣстѣ, при разсмотрѣніи отдѣльныхъ мотивовъ.

Какъ бы то ни было, путемъ литературной и еще болѣе путемъ устной передачи анекдоты о недомысліи проникли ко всѣмъ европейскимъ народамъ и заняли видное мѣсто въ ихъ письменности и народной словесности. На ряду съ широкими литературными теченіями шло помѣстное оригинальное творчество, возникали мѣткія сосѣдскія насмѣшки, прозвища, оправдывающія и поясняющія анекдоты.

Въ Англіи въ старое время слыли глупцами жители Норфолька, какъ видно изъ Descriptio Norfolciensium конца XII в. Здѣсь говорится, что Цезарь послалъ въ разныя страны пословъ узнать, какая сторона хороша, какая дурна; посѣтившіе Норфолькъ сказали, что эта страна безплодная и народъ здѣсь глупый. Въ доказательство глупости норфолькцевъ приведено нѣсколько анекдотовъ, какъ они вмѣсто свѣчи сожгли печать съ важнаго документа и закрѣпили тѣмъ лежавшій на нихъ налогъ, какъ былъ извлеченъ изъ собаки съѣденный ею медъ и затѣмъ проданъ на рынкѣ и др. [2]).

---

[1]) *Clouston*, 117—118.

[2]) *Clouston*, The book of noodles, 17.

Въ Англіи издавна весьма популярны анекдоты о глупости готемитовъ. Самый ранній сборникъ анекдотовъ этого рода „Marie Tales of the mad men of Gotam“ вышелъ въ половинѣ XVI в. въ печати и затѣмъ переиздавался много разъ. Еще въ началѣ текущаго вѣка эта книга пользовалась значительной популярностью въ провинціальной глуши [1]). Въ сборникѣ 20 повѣстей. Въ народныхъ передачахъ встрѣчаются варіанты. Готемитамъ, между прочимъ, приписываютъ такія дѣянія: топили угря въ прудѣ, втаскивали на дома телѣги, огораживали кустъ, на которомъ сидѣла кукушка, чтобы поймать ее, носили мѣшками солнечный свѣтъ, поссорились на мосту, какъ вести черезъ него барана, котораго еще предполагали купить. Въ числѣ готемитскихъ анекдотовъ встрѣчается, между прочимъ, такой: Готемиты вспомнили, что на другой день наступаетъ срокъ арендной платы помѣщику. Чтобы доставить ему во время деньги, они привязали кошелекъ и посланіе зайцу на шею и объяснили ему, куда надо бѣжать. Когда же заяцъ побѣжалъ совсѣмъ въ другую сторону, то одни кричали: „не туда, на Логборо!“ а другіе говорили: „оставьте, онъ найдетъ кратчайшій путь“ [2]).

Въ одномъ англійскомъ разсказѣ хозяинъ пытается измѣнить нравъ своихъ свиней, чтобы онѣ жили, какъ птицы, на деревѣ въ гнѣздѣ. Онъ втаскивалъ ихъ поочередно на дерево за шею и всѣхъ передушилъ. По другому разсказу, глупцы бельмонтцы, желая передвинуть къ западу свою церковь на три ярда, сняли кафтаны и дружно наперли въ восточную стѣну храма. Воръ подобралъ кафтаны, и бельмонтцы потомъ сказали, что они слишкомъ далеко отодвинули церковь, такъ что и одежды ихъ не видно [3]).

Въ анекдоты о готемитахъ проникло, какъ полагаютъ, кое-что съ Востока. Такъ, въ Гюлистанѣ Саади (1277 г.) находится разсказъ о томъ, какъ одинъ бѣдный поэтъ сказалъ пышное привѣтствіе предводителю шайки разбойниковъ въ надеждѣ получить награду, но послѣдній его ограбилъ и прогналъ. На поэта напали собаки; онъ хотѣлъ бросить камень, который оказался примерзшимъ къ почвѣ, и поэтъ тогда сказалъ: „что это за скверная страна, гдѣ собакъ держатъ на свободѣ, а камни на привязи“. Въ англійскомъ сборникѣ анекдотовъ Тэйлора (XVII в.) на крестьянина въ городѣ напали собаки. Онъ хотѣлъ поднять на мостовой камень, и не могъ его вынуть. „Что за странный край, собаки ходятъ на свободѣ, а камни привязаны“ сказалъ мужикъ. Клоустонъ полагаетъ, что анекдотъ этотъ проникъ въ Европу изъ Персіи при посредствѣ венеціанцевъ или мавровъ [4]).

---

1) *Clouston*, The book of noodles, 24.
2) Ibid., 27, 33.
3) *Clouston*, 54, 55.
4) *Clouston*, 78—80.

Во Франціи въ Лотарингіи глупцами слывутъ жители села Пломбіеръ и мн. др. мѣстностей. Въ особенности много анекдотовъ ходитъ о Fous de Ruaux. Такъ говорятъ, что обыватели Рюо перенесли церковь въ другое мѣсто, замѣтивъ вблизи ограды человѣческіе экскременты. На церковной крышѣ стала рости трава; —Fous de Ruaux обвязали корову веревкой за шею и тащили ее на церковную крышу, чтобы попасти. Когда они подняли корову и увидѣли, что она высунула языкъ, то хоромъ стали бранить ее за жадность. Однажды Fous de Ruaux ожидали пріѣзда короля. Нужно было произнести привѣтствіе; меръ, его помощникъ и священникъ сказались больными. Fous de Ruaux выбрали мясника, на томъ основаніи, что онъ имѣетъ дѣло съ разными животными.

Наряду съ жителями Рюо большими глупцами слывутъ жители деревни Бресъ. Объ нихъ существуютъ такіе анекдоты: незадолго до Великой революціи жители Бреса нашли, что мѣстная висѣлица сильно обветшала. Они рѣшили поставить новую, и все разногласіе было въ выборѣ матеріала. Одни предлагали сосну, другіе букъ, третьи дубъ; но верхъ взяло предложеніе построить новую висѣлицу изъ желѣза, чтобы ею могли пользоваться отдаленные потомки.

Въ другомъ анекдотѣ попы говорятъ, какъ они водятъ за носъ своихъ прихожанъ. Попъ Бреса говоритъ, что онъ можетъ заставить своихъ прихожанъ ѣсть сѣно. Возникъ споръ и состоялось пари на сто экю. Въ ближайшій праздникъ попъ объявляетъ въ церкви, что римскій папа во вниманіе къ особенному благочестію жителей Бреса прислалъ вязанку сѣна, накошеннаго на Голгофѣ. Кто съѣстъ пучокъ этой травы въ палецъ толщиной, тому прощено будетъ 100 дней, а кто съѣстъ сѣна въ четыре раза болѣе—тотъ получитъ полное прощеніе грѣховъ. Народъ толпой шелъ за травой и опускалъ свои пожертвованія въ поставленную при ней кружку. Одна старуха сказала, что она предпочла бы болѣе мягкую отаву.

Насмѣшки надъ жителями Бреса отличаются презрѣніемъ. Напр., говорятъ, что они созданы Богомъ въ числѣ послѣднихъ животныхъ, и если они не ходятъ на четверенькахъ, то лишь потому, что не хватило для нихъ матеріала. И языкъ то у нихъ оказывается послѣднимъ, и если бы они не получили его, то имъ оставалось только лаять.

Далѣе въ Лотарингіи существуютъ анекдоты о глупости жителей Жероме, Соксюра, Вентрона, Мениля. Одинъ крестьянинъ села Вентрона задумалъ напугать трусливаго и хвастливаго мѣстнаго священника. По уговору съ тремя пріятелями онъ притворился умершимъ, и когда его отпѣли и принесли на кладбище, онъ всталъ изъ гроба. Священникъ въ страхѣ бѣжалъ, но могильщикъ ударомъ заступа навсегда уложилъ шутника. Въ ближайшей проповѣди священникъ убѣждалъ прихожанъ не приносить

притворныхъ мертвецовъ и восхвалялъ могильщика за храбрость. О жителяхъ Мениля говорятъ, что однажды во время сильныхъ холодовъ весной они разсердились на своего патрона (saint Blaise—Власій), вынесли его статую на ночь наружу и потомъ разбили ее палками.

Патрономъ дураковъ въ Лотарингіи считаютъ S. Jdoux (3 сент. по нов. ст.), вѣроятно, по народно-этимологическому сближенію этого собственнаго имени съ словомъ idiot. Глупыхъ людей въ шутку посылаютъ на излѣченіе къ saint Idoux [1]).

Въ Германіи многія мѣстности слывутъ за дурацкія. Особенной извѣстностью пользуются шильдбюргеры—жители г. Шильды вблизи Торгау, далѣе жители с. Бюзумъ въ Голштейнѣ, Гиршау въ Верхнемъ Пфальцѣ, Шопенштедта въ Брауншвейгѣ, Тетерева въ Мекленбургѣ, Полквица въ Силезіи, Ширна въ Саксоніи, Ганслозена и Трипштриля въ Швабіи, Шварценборна въ Гессенѣ и мн. др. Вообще, въ Германіи въ каждой области есть свои абдериты и пошехонцы. О жителяхъ села̀ Гандшусгейма вблизи Гейдельберга говорятъ, что они приняли пароходный свистокъ за ревъ льва и, вооружившись, пошли искать его [2]). О фокбекерцахъ говорятъ, что они окружили и свое село валомъ, какъ окруженъ городъ Ренсбургъ, но забыли сдѣлать проходъ и, когда имъ надоѣло лазить черезъ валъ, и они прорыли ходъ, то не знали какъ назвать его и посылали за именемъ въ Ренсбургъ [3]). О тѣхъ же жителяхъ Фокбека (у Ренсбурга) говорятъ, что они, опасаясь, чтобы пойманный ими угорь не ѣлъ рыбъ, рѣшили утопить его и бросили въ рѣку; когда онъ сталъ въ водѣ извиваться, то они подумали, что онъ мучится. Фокбекеровъ дразнятъ Aalversüper. Этотъ анекдотъ относятъ также къ жителямъ полуострова Моля.

Къ жителямъ Фокбека, Бюзума и Кисдорфена (вблизи Брамштедта) относятъ анекдотъ о серпѣ. Проѣзжалъ одинъ мужикъ мимо хлѣбнаго поля и нажалъ жита для лошади. Услышавъ сзади стукъ телѣги, онъ бросилъ поскорѣе траву на возъ и уѣхалъ, а серпъ забылъ. Когда фокбекерецъ увидѣлъ серпъ, онъ принялъ его за животное, пожирающее жито, и побѣжалъ въ село увѣдомить о страшной находкѣ. Сошлись мужики и не знали какъ приступить къ невиданному звѣрю. Одинъ осмѣлился ударить его палкой. Серпъ отскочилъ на шею другаго мужика; послѣдній поспѣшилъ его сбросить и отрѣзалъ себѣ голову. Мужики въ страхѣ разбѣжались [4]).

---

1) Sauvé, Le Folk-lore des Haute—Vosges, 69, 251—264.
2) Am Ur—Quell 1891 стр. 118—119.
3) Ibid., 154.
4) Am Ur—Quell 1891 стр. 170.

Фокбекерцы нашли на дорогѣ кусокъ потеряннаго кѣмъ-то сыра, приняли его за лошадиное яйцо и посадили на него старую бабу высиживать жеребенка, стрѣляли въ гречаный снопъ и въ мучной мѣшокъ, принимая эти предметы за чудовищъ.

Бюзумцы (Büsumer) съ трудомъ снесли мельничный жерновъ съ пристани на корабль. Они вспомнили, что легче было скатить его, снова стащили наверхъ и пустили катиться. На случай камень упадетъ въ море, для удобства въ розыскахъ, одинъ изъ бюзумцевъ вложилъ въ среднее отверстіе свою голову. Камень вмѣстѣ съ глупымъ человѣкомъ упалъ въ море, и другіе столь же умные рабочіе кричали ему: гдѣ легъ камень?

Бюзумцы нашли какъ то лягушку и не знали, что это за звѣрь; иные думали, что это собака, такъ какъ звѣрь этотъ садился на заднія лапки. Для разрѣшенія вопроса, обратились къ одному молодому человѣку, учившемуся въ Килѣ.

Однажды 10 бюзумцовъ, искупавшись въ рѣкѣ, вышли изъ воды и стали считать сколько ихъ. Счетъ начинали: ick bin ich! и все недоставало одного. Они горевали, что одинъ изъ нихъ утонулъ. Тогда прохожій посовѣтовалъ имъ лечь на брюхо и носомъ провести черту по песку. Сосчитали по числу чертъ и вышли всѣ 10.

Бюзумецъ заглянулъ ночью въ колодезь и увидѣлъ тамъ мѣсяцъ. Всѣ рѣшили, что мѣсяцъ упалъ въ колодезь. Въ одномъ варіантѣ они безуспѣшно пытаются вылить воду; въ другомъ—кладутъ вчоперекъ палку и одинъ, обхвативъ ее руками, спускается ногами внизъ, другой и третій спускаются ниже, все ногами внизъ, держась за ноги верхняго, и всѣ падаютъ.

Въ сѣверной Германіи въ бывшихъ славянскихъ земляхъ и у сохранившихся славянъ серболужицкихъ въ добавокъ къ сказкамъ о шильдбюргерахъ идутъ сказки о вендахъ, будто бы отличавшихся глупостью въ старое время, сказки, большею частію шаблонныя; венды думали, что плакучая ива хочетъ напиться, пригнули ее и сломили. Забыли въ новой церкви сдѣлать окна, птицу приняли за стекольщика, хотѣли поймать дятла въ лѣсу, срубывая деревья, на которыхъ онъ садился, снесли срубленныя деревья съ горы, а, замѣтивъ, что ихъ можно было скатить, снесли на гору и скатили, въ лѣсу несли лѣстницу не вдоль, а вширь и пр. т. п. [1]).

Въ Германіи весьма распространены сосѣдскія насмѣшки, юмористическія мѣстныя прозвища, напр., въ Швабіи записано много сосѣдскихъ насмѣшекъ, намекающихъ на недомысліе, напр., „Mondstupfer", „Scheeckensäger", „Glockensäger" и др. [2]).

---

[1]) *Veckenstedt*, Wendische Sagen, 101—104.

[2]) *Berlinger*, Volksthümliche aus Schwaben I № 690.

У народовъ Азіи анекдоты о глупцахъ пользуются большимъ распространеніемъ. Историко-литературная роль ихъ не выяснена. Драгомановъ сдѣлалъ было попытку опредѣлить вліяніе турецкихъ анекдотовъ на украинскую народную словесность; но представленныя имъ сближенія недостаточно убѣдительны. Малорусскіе и великорусскіе анекдоты, за немногими исключеніями, скорѣе примыкаютъ къ западно-европейскимъ и, если роднятся съ Востокомъ, то при посредствѣ послѣднихъ, которые, весьма возможно, корни имѣютъ въ восточно-мусульманскихъ и въ индійскихъ буддійскихъ источникахъ.

Въ Анатоліи глупцами слывутъ жители села Сиври Гисаръ, въ Сиріи жители с. Гальбуна вблизи Дамаска. О послѣднихъ разсказываютъ, что они хотѣли гору передвинуть и тащили ее веревками, пока веревки не разорвались. Затѣмъ, гальбунцы хотѣли учредить республику, но при этомъ сочинили столько должностей, что въ селѣ не хватило мущинъ для службы. Мальчикъ запустилъ однажды руку въ горластый кувшинъ и не могъ ее вытащить. Судья Гальбуна постановилъ отрѣзать руку, вмѣсто того чтобы разбить кувшинъ. Мѣсяцъ въ полнолуніе скрылся за тучей; гальбунцы подумали, что жители сосѣдняго села украли у нихъ мѣсяцъ, вооружились и двинулись въ походъ. Вскорѣ мѣсяцъ вышелъ изъ-за тучи, и гальбунцы подумали, что сосѣди отъ страха возвратили имъ мѣсяцъ [1]).

Среди многихъ турецкихъ анекдотовъ, связанныхъ съ именемъ Насръединъ ходжи, выдаются по остроумію слѣдующіе: Жена просила ходжу купить ей шелковый головной уборъ. „Такой величины“? спросилъ ходжа, широко разставивъ руки. Жена отвѣтила утвердительно. Тогда ходжа съ разставленными руками побѣжалъ на базаръ и, столкнувшись на улицѣ съ прохожимъ, выбранилъ его за то, что онъ нарушилъ его мѣру. Въ другой разъ ходжа выстрѣлилъ въ кафтанъ, который по промывкѣ сушился ночью на деревѣ. И потомъ, когда жена разъяснила ему, что это былъ не воръ, а его собственный кафтанъ, ходжа говорилъ: „слава Аллаху, что я не былъ въ немъ, а то я убилъ бы себя“.—Однажды, когда у ходжи былъ гость, свѣча догорѣла и потухла. Гость сказалъ, что вблизи можно достать другую свѣчку правой рукой. „Какой ты глупый, отвѣтилъ ходжа, развѣ можно въ темнотѣ найти свою правую руку“.—Когда у ходжи воръ похитилъ кусокъ соленаго сыра, онъ не искалъ его, полагая, что воръ, наѣвшись соленаго, прійдетъ къ нему напиться.—Увидѣвъ въ колодцѣ отраженіе луны, ходжа досталъ веревку, чтобы вынуть изъ колодца луну; сильно навязывая на концѣ веревки крючекъ, онъ упалъ на спину и увидѣлъ на небѣ луну. „Хвала Аллаху, воскликнулъ ходжа; мѣсяцъ возвратился на свое

---

[1]) Am Ur—Quell 1891 стр. 118.

прежнее мѣсто. Послѣдній анекдотъ популяренъ въ Англіи. Въ Англіи и въ Китаѣ хорошо извѣстенъ также такой анекдотъ о снѣ: глупцу приснилось, что его спрашиваютъ, какимъ виномъ его угостить—холоднымъ или теплымъ? „теплымъ"—отвѣтилъ дурень. Во время нагрѣванія дурень проснулся и жалѣлъ, что не спросилъ холоднаго. Въ турецкой версіи ходжѣ приснилось, что ему дарятъ 9 рублей (pieces of money); онъ запросилъ десять и тотъ-часъ проснулся съ пустой протянутой рукой. Онъ быстро пожалѣлъ о дарѣ, закрылъ глаза и, протянувъ руку, сказалъ: „пожалуйте 9 рублей". Насръ-единъ иногда дѣлаетъ остроумныя замѣчанія, скорѣе свидѣтельствующія объ умѣ, чѣмъ о глупости, напр., на вопросъ, какая музыка ему болѣе всего нравится, онъ отвѣтилъ: музыка тарелокъ и кострюль, намекая тѣмъ на вкусную ѣду [1]).

Значительное количество кавказскихъ анекдотовъ о глупцахъ въ послѣдніе годы издано въ Сборникѣ матеріаловъ для изученія Кавказа. Объ этихъ сказкахъ будетъ еще рѣчь впереди. Нѣкоторыя изъ нихъ весьма интересны по большой близости къ индійскимъ варіантамъ; другія носятъ на себѣ слѣды нѣкоторой искусственной литературной обработки, быть можетъ, невольной со стороны собирателей. Въ Закавкавьѣ пошехонцами являются жители селенія Керкенджъ, армяне, въ 6 верстахъ отъ г. Шемахи. Керкенджецъ, по армянскимъ анекдотамъ, лягушку съѣлъ, туманъ думалъ разогнать ударами, лошенка хотѣлъ высидѣть изъ тыквы и пр. т. п. [2]).

Индійская литература и народная словесность богаты анекдотами о глупцахъ. Въ джатакахъ, или исторіяхъ о рожденіи Будды встрѣчается, напр., разсказъ о томъ, какъ въ одномъ селѣ крестьяне съ ножами, стрѣлами и др. оружіемъ бросились на безпокоившихъ ихъ москитовъ и въ свалкѣ изрубили другъ друга.—Въ другомъ разсказѣ купецъ поручаетъ глупому слугѣ сберечь сундуки, чтобы въ дорогѣ не намочилъ ихъ дождь; когда пошелъ дождь, то глупецъ вытащилъ изъ сундуковъ дорогія платья и обернулъ сундуки, буквально понявъ приказаніе хозяина.—Въ одномъ разсказѣ торговецъ приказываетъ слугѣ поберечь двери, и глупецъ снимаетъ ихъ съ петель и прячетъ.—Анекдотъ этотъ хорошо извѣстенъ въ Италіи и въ Англіи. Въ Италіи онъ пріуроченъ къ Джуфѣ. Въ англійскомъ сборникѣ разсказовъ XVI в. „Saeke full of Newes" переданъ въ такой формѣ: одинъ джентльменъ съ женой пошелъ въ церковь. Хозяйка приказала слугѣ закрыть двери и слѣдовать за ней въ церковь Глупый слуга снялъ двери съ петель, чтобы лучше сберечь ихъ, и понесъ на спинѣ за госпожей своей.—Въ индійскихъ анекдотахъ купцы часто фигурируютъ въ

---

[1]) *Clouston*, 89—94.

[2]) *Сборн.* матер. для изуч. Кавказа, VII 129—135.

роли глупцовъ. Такъ, въ одномъ анекдотѣ торговецъ продаетъ, между прочимъ, куски душистаго дерева алое. Товаръ этотъ не былъ знакомъ покупателямъ, и цѣны на него не было. Купецъ замѣтилъ, что спросъ есть на уголья, спалилъ алое, продалъ его угольями и по цѣнѣ угольевъ, и потомъ еще хвасталъ своимъ глупымъ поступкомъ.—Другой торговецъ, желая очистить вату, бросаетъ ее въ огонь; онъ ранѣе видѣлъ, какъ золотыхъ дѣлъ мастера чистили золотыя вещи.—Въ одномъ разсказѣ слуга, по глупости, на ночлегѣ попадаетъ въ руки разбойниковъ и выдаетъ хозяина, спрятавшагося въ дуплѣ дерева [1]).

На о. Цейлонѣ жители многихъ селъ слывутъ глупцами, напр., Томпана въ срединѣ острова, Морора Корле на югѣ, Раигамъ Корле на западѣ. Объ однихъ говорятъ, что они хотѣли выкопать колодецъ, увидѣвъ на днѣ его отраженіе пчелинаго гнѣзда, о другихъ—что берегъ рѣки приняли за море, о третьихъ—что бросили въ луну камни, предположивъ въ ясную лунную ночь, что она слишкомъ приблизилась къ землѣ и попортитъ жатву [2]).

Признавая возможнымъ и даже несомнѣннымъ передачу анекдотовъ о глупцахъ отъ одного народа другому, отъ азіатскаго Востока на европейскій Западъ, съ Востока (преимущественно черезъ Кавказъ) и съ Запада (преимущественно черезъ Польшу) въ Россію, мы, однако, считаемъ нужнымъ оговорить, что нѣкоторые анекдоты могли возникнуть на мѣстѣ, какъ проявленіе самостоятельнаго народнаго творчества. Такіе анекдоты могутъ быть допустимы у всѣхъ народовъ, даже у народовъ, стоящихъ на низкой степени цивилизаціи. Мунго Паркъ въ описаніи Сенегамбіи 1805 г. замѣчаетъ, напр., что въ этой странѣ незавидной славой абдеритовъ пользуется одно негритянское поселеніе [3]).

Въ какомъ отношеніи къ восточнымъ и западнымъ анекдотамъ о глупцахъ стоятъ многочисленные русскіе разсказы этого рода, въ особенности анекдоты о пошехонцахъ? Несомнѣнно, тутъ не мало оригинальнаго творчества, особенно въ сферѣ анекдотовъ на сосѣдскія отношенія, въ насмѣшливыхъ анекдотахъ о недомысліи населенія того или другого города или села; но много здѣсь и пришедшихъ со стороны литературныхъ элементовъ, изъ старинныхъ новеллъ, фацецій, Тилля Эйленшпигеля—Совесдрала русскихъ переводовъ и т. п. Въ Москвѣ въ 1871 г. издана книга о пошехонцахъ, гдѣ среди народныхъ анекдотовъ находится немало искусственно присочиненныхъ, напр., о „мѣдномъ лбѣ“ пошехонцевъ. Обиліе анекдотовъ о пошехонцахъ отмѣчено, между прочимъ, Ровинскимъ—и слѣпороды они, и въ трехъ соснахъ заблудились, за семь верстъ комара видѣли,

---

1) *Clouston*, 100.

2) *Clouston*, 67—68.

3) *Am Ur—Quell* 1898 стр. 118.

а комаръ у нихъ на носу сидѣлъ. Эту остроту замѣтилъ еще Петръ Великій и вклеилъ ее въ приглашенія для своего всешутѣйшаго собора. По другимъ приказкамъ—московскимъ—козинцы свинью за бобра купили, собаку за волка убили, угличане толокномъ воду замѣсили и мн. др. въ томъ же родѣ [1]).

И въ Малороссіи, какъ въ Великороссіи, какъ въ Германіи, встрѣчаются сосѣдскія насмѣшки на мотивъ недомыслія, напр.: „Чигиринцы зпекли чорта въ ринци, а Таращанци ззъили вранци“ [2]). Въ Великороссіи такого рода насмѣшки болѣе распространены.

Въ В. и М. Россіи существуетъ много личныхъ прозвищъ, кличекъ и дразнилокъ на мотивъ о недомысліи, напр.

Иванъ балванъ
На капусти сидивъ
Усихъ жабъ поивъ...
Кузьма остолопъ
Осиновый лобъ...
Леонтій—Левка
Дурацкая головка [3]).

Въ особенности интересны старинные русскіе анекдоты о недомысліи съ національными или мѣстными пріуроченіями, расширяющіе до нѣкоторой степени наши свѣдѣнія о старинныхъ народныхъ литературныхъ интересахъ.

Въ Малороссіи въ старое время, при широкомъ развитіи пѣсеннаго творчества, встрѣчались шутливыя пѣсни о запорожцахъ съ пріуроченіемъ къ нимъ бродячихъ пошехонскихъ анекдотовъ. Кулишъ во 2 т. „Ист. возсоед. Руси“ привелъ знакомую ему съ дѣтства пѣсню:

Славни хлопци паны запорожци:
Побачили воны скирду сина въ поли:
Отаманъ каже: „оццежъ, братья, церква!“
А осавулъ каже: „я въ ій сповидався!“
А кошовый каже: „а я й причащався!“

***

Славни хлопци паны запорожци:
Побачили воны чаплю въ болоти.
Отаманъ каже: „оццежъ, братья, дивка!“
А осавулъ каже: „я зъ нею кохався!“
А кошовый каже: „а я й повинчався!“

---

[1]) *Ровинскій*, Рус. нар. карт. V 194, *Ефименко*, Матер. по этногр. рус. нас. Арханг. губ. II 250.

[2]) *Номисъ*, Укр. приказки, 721.

[3]) *Ивановъ*, въ Этн. Обозр. 1897, I 70 и др.

Кулишъ дѣлаетъ крупную ошибку, давая бытовое пріуроченіе этой пѣснѣ, которая (будто-бы) характеризуетъ запорожцевъ послѣдняго времени. Варіантъ этой пѣсни записанъ г. Кондратовичемъ въ Тульчѣ:

Булы у насъ хлопци славныи запорожци... Оказывается, что они въ степу скирту сѣна приняли за церковь, цапа (козла) за попа, цаплю на болотѣ за попадью. Пѣсня состоитъ изъ трехъ куплетовъ и представляетъ варіантъ предыдущей. И г. Кондратовичъ впадаетъ въ ту же ошибку бытоваго пріуроченія, хотя съ нѣкоторой оговоркой: „пѣсня юмористически указываетъ напр. на то, что запорожцы какъ будто имѣли очень смутное понятіе о такихъ даже предметахъ, какъ церковь и священникъ“ [1]). Нѣтъ надобности доказывать, что ни малѣйшія бытовыя пріуроченія здѣсь невозможны.

Въ древней лѣтописи подъ 997 г. говорится о томъ, какъ печенѣги осаждали Бѣлгородъ. Разсказъ этотъ носитъ всѣ черты литературнаго вымысла и примыкаетъ до нѣкоторой степени къ повѣстямъ о глупыхъ народахъ. Жители осажденнаго города стали терпѣть голодъ и готовы были сдаться печенѣгамъ; но тутъ выступилъ „единъ старецъ“; онъ просилъ потерпѣть еще три дня и въ это время исполнять его совѣты. „Они же ради обѣщашася послушати, и рече имъ: сберѣте аче и по горсти овса или пшеницѣ, ли отрубей“; они же шедше ради снискаша. И повелѣ женамъ створити цѣжъ, въ немъ же варятъ кисель, и повелѣ ископати колодязь, и вставити тамо кадь, и повелѣ искати меду; они же шедше взяша меду лукно, бѣ бо погребено въ княжи медуши; и повелѣ росытити вельми и въльяти въ кадь въ друзѣмъ колодязи; утро же повелѣ послати по Печенѣгы... Печенѣзи же ради бывше, мняще, яко предадитися хитять... избраша лучьши мужи и послаша въ градъ“... Бѣлгородцы сказали печенѣгамъ: „что можете створити намъ? имѣемъ бо кормлю отъ землѣ“, показали колодцы печенѣгамъ, сами черпали медъ и угостили печенѣговъ; печенѣги повѣрили и сняли осаду [2]).

Лѣтописное сообщеніе о печенѣгахъ, поддавшихся на такой наивный обманъ, даетъ поводъ думать, что въ концѣ X в. на Руси уже вращались анекдоты о глупыхъ народахъ. Нельзя въ точности нынѣ по этому намёку опредѣлить содержаніе этихъ анекдотовъ; но можно предположить, что это были или анекдоты о томъ, какъ глупцы хотѣли извлечь изъ колодца мѣсяцъ, или приняли отраженіе въ колодцѣ мѣсяца за кусокъ сыру, или въ родѣ той насмѣшки надъ глупцами, которая нынѣ встрѣчается въ малорусскихъ пѣсняхъ, напр. въ свадебной:

---

[1]) *Кіевск. Стар.* 1883 IV 738, 739.

[2]) *Лѣтоп.* по Лавр. сп. изд. 1872, стр. 125—126.

Ихалы мы селомъ,
А въ сели калюжа.
Бояры кажуть: „то медъ, медъ!“
А молоды кажуть: „то піймо! то піймо!“
А свашка каже: иидте соби,
Бо то сельска калюжа...

II.

Жидовская война. Три стрѣлка на одно ружье. Прыганье въ гречку. Эпизодъ съ дочерью еврея.

За исключеніемъ эпизода о дочери еврея узкаго схоластическаго происхожденія, всѣ остальные мотивы о недомысліи жидовъ составляютъ лишь отпрыскъ анекдотовъ о пошехонцахъ или своеобразные варіанты сказаній о глупыхъ народахъ. По литературной обработкѣ и литературной исторіи наиболѣе выдаются сказки о жидовской войнѣ.

Бувъ соби богатый такый жидъ, його звалы „вылыкорозумный Йосько“. Винъ зибралъ жидкивъ весты до царя на війну и найнявъ соби солдата Ивана, такого, шо ажь тамъ служивъ, коло царя. И винъ йихъ и увивъ йихъ у лисъ и вже стало темно, жыды и кажуть Иванови: „Де мы будемъ спаты, бо доли ми бойимся?“ А той видмовляе: „Я полизу на сосну та й зроблю вамъ гниздо, якъ чорногузомъ“. Помостывъ винъ йимъ те гниздо, воны й полягалы спать, а москаль и прынявъ драбыну.—Повставалы воны ранкомъ та якъ закгвалтують: „О, Бозе насъ, де насъ Йванце? Його нема, його нема, його вивкъ иззивъ!“ А той сыдыть за дубомъ та й дывиться Велыкорозумне Йосько й каже: „я визьмусь за гиляку, а ты за мене, а той за тебе и такъ уси за одынъ разъ спустымось“. Взявся велыкорозумный Йосько за гиляку, и одынъ за одного взялыся за однымъ разомъ, а той велыкорозумный Йосько и каже: „Пождить, у рукы поплюю!“ Та въ рукы—плюхъ! Та вси до долу—бухъ! Воны уси пòподалы додолу: той ногу зламавъ, той руку скрутывъ, той вьязы звернувъ! А Иванъ сыдыть за дубомъ та дывыться. „Ось я, каже, хвершалъ, я направлю!“ Выризавъ хорошу дубыну, теперъ того та того—дубыною! А воны кожуть: ходимъ Йванце, вже въ насъ не болыть! Повставалы воны й йдутъ. Йшлы, йшлы и не перейшлы того лиса. „Ну, теперъ уже, Йванце, не мосты вже намъ на сосни гнизда, а ложы насъ спать долу и такъ, щобъ ни одынъ съ краю не бувъ.“ Стоявъ винъ, думавъ—думавъ и найшовъ купу муравкы; взявъ, разгорнувъ, воны туды повлазылы, а винъ йихъ обгорнувъ. Ранкомъ повставалы, крычать: вона йихъ покусала. Йванъ зновъ рубае дубынку и до ныхъ зъ тею ду-

бынкою. „Я хвершалъ, я вамъ направлю!“ Жыды встають заразъ, убираються и кажуть: „Взё въ насъ ницого не болыть!“—Винъ зновъ йихъ веде. Вивъ йихъ ажъ трое сутокъ; довивъ до царя на війну; тамъ подавалы йимъ ружжа, повелы на стрильбу и скомандувалы: „Наши жидкы, разомъ! Пихъ, пахъ!“ — А царь каже: „Чомъ наши жидкы не разомъ?“—А воны йому видмовляють: „бо въ того рушняка довга, а въ того коротка.“ Подававъ йимъ царь усимъ ружжа однакови, скомандувавъ зновъ: „А ну, наши жыдочки, разомъ!“ Воны выстрылыли. „А чомъ, наши жыдочки, не разомъ?“ А воны видмовляють: „те—вчене, а те не вчене.“—Винъ йихъ и прогнавъ, сказавъ: „идить вы соби, куды знаете!“ Велыкорозумный Йосько и каже Йванови: „веды ты насъ другою дорогою, щобъ не черезъ лисъ.“ Повивъ винъ йихъ степомъ, довивъ недалеко до села; тамъ у сели булы водяны млыны. Великорозумный Йосько й каже: „Эй, мирошныки, закыдайте собакы въ хливи, бо жидивське війско йде.“ Мирошныки закыдалы собакы въ хливи, а та собака мижь жидивське війско—гулькъ! А жидивське війско въ воду—булькъ! Которе Бога боялося, то за греблю хваталося, а которе ни, то сидало на дни [1]).

Въ краткомъ малорусскомъ варіантѣ изъ Александровскаго у. Екатеринославской губ. главнымъ лицомъ является также Иванце, но подробности нѣсколько отличны отъ предыдущихъ: жиды ѣдутъ на одномъ возу брать Варшаву; они въ видѣ добычи взяли въ ярмолку крашанокъ. На обратномъ пути, ночуя въ лѣсу, боятся заснуть, чтобы крайнихъ не ухватили волки. Иванцо кладетъ ихъ въ круговую головами въ муравейникъ. Далѣе равинъ читаетъ библію. Изъ лѣса вышло „голе, босе и простоволосе“ и дубиной убило равина [2]).

Краткій волынскій варіантъ [3]) передаетъ лишь заключительный мотивъ черниговскаго варіанта г. Гринченка о томъ, какъ жиды утонули, испугавшись собачки.

Литературная обработка этого анекдота у Руданскаго „Подорожъ до Ерусалима“ въ „Зорѣ“ 1893 № 13 указана г. Гринченкомъ (II 223).

Въ малорусскомъ варіантѣ собрались три жида брать городъ Бердянъ; одинъ изъ нихъ былъ богатый и смѣлый—Смилыкъ. Въ лѣсу разложили огонь. Подошелъ человѣкъ „таке голе, босе, та ще и простоволосе“. Онъ началъ, по предложенію Смилыка, драть кору съ береста на сапоги. Смилыкъ говоритъ, что онъ не сдеретъ, а „голе-босе“ такъ хватило лозой Смилыка, что жиды перепугались и спрятались въ очеретѣ, а Смилыкъ въ

---

1) *Гринченко*, II 165.

2) *Манжура*, 115—116 № 1.

3) *Кіевск. Старина* 1883 III 672.

дубѣ. Голе-босе взяло коня и хомутъ. Смилыкъ закричалъ товарищамъ „вчене дурне, коня взяло, а ящикъ съ деньгами не примѣтило". Голе-босе тогда коня и хомутъ бросило, а ящикъ взяло. Жиды вернулись домой [1]).

Въ малорусской сказкѣ про 3 жидовъ и ружье одинъ жидъ сначала держитъ за курокъ—ружье не стрѣляетъ, другой дуетъ въ дуло, наконецъ третій надумалъ, что онъ будетъ дуть, а пріятель тянуть курокъ. Ружье выстрѣлило, и жидъ упалъ. Два его товарища подбѣжали и сказали: „выплюнь, Дорохъ, порохъ, а то вмресъ",—а въ Дороха нема вже и духу [2]).

Въ литературной обработкѣ мотивъ этотъ встрѣчается въ стихотвореніяхъ Руданскаго.

Мотивъ бродячій, шаблонный, и вмѣсто евреевъ пріурочивается иногда къ великоруссамъ, а среди великоруссовъ къ пошехонцамъ.

Въ Чигиринскомъ у. записанъ слѣдующій анекдотъ: Зибралось двонадцать коцапивъ и пишлы воны на заробиткы. Робылы воны тамъ циле лито, увъ-осены идуть додому, зайшлы въ лавку. Одынъ зайшовъ у лавку, а черезъ одного вси туды повходылы. Повходылы и тамъ одынь побачывъ ружжо й пытае: „шо,—каже,—за його?" „Три рубли,—каже". Той выйма тры рубли и дае, а другы й кажуть: „якъ ты даешь тры рубли, то й я даю тры рубли". И кажный почавъ платыть по тры рубли за те ружжо. Купуе той порохъ, пытае: „шо за хунтъ?" „Рубъ!" Ну той дае, и вси далы по рублю. „Дробъ скильки за хунтъ?"—„Пъятдесятъ копійокъ." Той дае, а ти кажуть: „Якъ ты даешь пъятдесятъ, то й я дамъ пъятдесятъ." И далы воны вси по пъятдесятъ копійокъ. Повыходылы воны у степъ, тамъ побачывъ одынъ коцапъ дрохву и почавъ заряжать, а ти й говорють: „Не ты самъ куплявъ, купляли й мы." И почавъ каженъ сыпать по жмени пороху, а дали по жмени дробу. „Ну, теперъ будемъ стрилять." А ти кажуть: „и я! и я!" Узялыся воны одынадцать чоловикъ, а дванадцятому ниде. А винъ каже: „якъ не дасте мени стрѣлять, то я затулю ружжо, шобъ воно не выстрелыло." И закрывъ дуло рукою. Почалы спорыть, а дали такы выстрелылы и вбылы того, шо затыкавъ дуло, а тыхъ поглушыло та пораныло, бо дуло разирвало. Той шо вбытый, то лежыть, лежыть, та прочумаеться, та й скаже: „охъ, сатона, ты ишшо пыхнешь" [3]).

Въ малорусскомъ анекдотѣ семь парней покупаютъ у солдата ружье и пороху; въ дорогѣ поручаютъ выстрѣлить своему товарищу кузнецу вдаль въ татаръ, и каждый кладетъ въ ружье по щепоткѣ пороху. Когда куз-

---

[1]) Чубинскій, II 574.
[2]) Чубинскій, II 578.
[3]) *Гринченко*, II № 163

нецъ выстрѣлилъ, ружье разорвало, нѣсколько парней убито, а самъ кузнецъ сказалъ: „Оце, бисова фузія, скилько тутъ людей побила! чого жъ вона наробыла у татарви“ [1]).

Галицкая сказка „Вандривка Ивана съ жидомъ“ обрисовываетъ глупость жида въ формѣ сочетанія двухъ анекдотовъ: 1) богатый жидъ покупаетъ чорнаго коня и потомъ мѣняетъ его на бѣлаго, чтобы ночью легче было видѣть, а бѣлаго продаетъ за безцѣнокъ, чтобы конокрады его не увидѣли и 2) вѣритъ разсказу мужика, что можно полетѣть, набивъ въ рукава платья гусиныхъ перьевъ и, набивъ, прыгаетъ съ высокаго дерева и разбивается до смерти. Мужикъ забираетъ послѣднія деньги и уходитъ [2]).

Во 2 кн. „Вислы“ 1892 г. на с. 263—278 напечатана интересная статья г. Франка „*Война жидовская*. Изъ области сравнительныхъ изученій народной словесности“. Въ Дрогобицкомъ уѣздѣ (въ Галиціи) г. Франко слышалъ поговорку: „Э, чи гречка, чи не гречка, мое війско маршъ“ и, какъ комментарій этой поговорки, разсказъ о томъ, какъ однажды жиды воевали, и когда войско ихъ подошло къ гречкѣ во время ея цвѣтенія, то приняло ее за море. Парубокъ малороссъ сказалъ имъ, что это гречка, и тогда жидовскій полководецъ скомандовалъ: „чи гречка, чи не гречка, мое войско маршъ“, и жиды перешли вбродъ по гречаному морю. Г. Франко указываетъ, какъ на ближайшій возможный источникъ галицко-русскаго разсказа, на польскую народную книжку о жидовской войнѣ, въ родѣ книжекъ о Магелонѣ, о семи мудрецахъ и др., и на возможный источникъ этой книги—сатирическую поэму Zydoswaros 1792 г., гдѣ въ шутливой формѣ осмѣяны вооруженіе жидовскаго войска, его продовольствіе, медленное движеніе (везли перины), какъ войско разбѣжалось при видѣ барановъ, какъ гречку приняли за рѣку и пр. т. п. Юдофилы отнеслись къ этой поэмѣ съ большими порицаніями. Г. Франко находитъ, что поэма эта, довольно невинная по тону, безъ яркой національной вражды, интересна въ историко-литературномъ отношеніи. Мотивы поэмы—бѣгство отъ барана, принятіе гречки за рѣку и др.—очень стары, старѣе самой поэмы. Такого же рода разсказы издавна циркулируютъ въ Германіи въ приложеніи къ швабамъ, шильдбюргерамъ и др. мѣстнымъ жителямъ, осмѣиваемымъ за глупость. Г. Франко указываетъ на старую народную книгу о нѣмецкихъ пошехонцахъ—шильдбюргерахъ „Wunderseltzame Abendtheurliche...“ 1598 г., а отдѣльные ея эпизоды въ популярныхъ „Фацеціяхъ“, изданныхъ еще въ 1501 г., и въ сатирической повѣсти Кирхгофа о семи швабахъ „Wendunmuth“ (1565). Самымъ древнимъ варіантомъ представляется разсказъ Павла

---

1) *Аванасьевъ*, Рус. н. ск. III 506.

2) *Житье и Слово*, III 63—65.

Дьякона, что на войско геруловъ, разбитое лонгобардами, напалъ такой страхъ, что герулы цвѣтущій на полѣ ленъ приняли за рѣку. Этими сближеніями собственно и оканчивается статья г. Франка. Заключительная (на послѣдней страницѣ) замѣтка о томъ, какъ египтяне въ погонѣ за евреями бросились въ Красное море, на мой взглядъ, къ дѣлу не идетъ, и сближеніе библейскаго разсказа съ вышеприведенными представляется лишнимъ. Эта прибавка вредитъ статьѣ, во всемъ остальномъ полезной и цѣнной, по обилію и разносторонности фактическаго матеріала и по широкому примѣненію сравнительнаго метода. Въ „Вислѣ" 1893, I, стр. 82—87 г. Франко пополняетъ статью свою индійскими варіантами, взятыми изъ „Zur Volkskunde" Либрехта. Статья г. Франка о жидовской войнѣ представляется чуть ли не первой попыткой подойти къ довольно обширному циклу сказаній о глупыхъ народахъ. Прыганье въ гречаное море—одинъ изъ мотивовъ этого сложнаго сказанія. Другіе еще болѣе популярные мотивы: постройка церкви безъ оконъ, сохраненіе солнечнаго свѣта въ бочкѣ или мѣшкѣ, встаскиваніе коровы на церковную колокольню, чтобы она попаслась, проносъ дерева во дворъ не вдоль, а поперекъ и пр. Прежде чѣмъ перейти къ этимъ анекдотамъ, остановимся на слѣдующемъ эпизодѣ съ дочерью еврея, какъ связанномъ исключительно съ евреями.

Къ нѣкоторымъ сказкамъ, преимущественно малорусскимъ [1]), приросъ средневѣковый разсказъ о мнимомъ обманномъ благовѣщеніи и рожденіи въ еврейской семьѣ дѣвочки вмѣсто ожидаемаго мальчика Мессіи, тотъ разсказъ, которымъ воспользовался уже въ XVII Галятовскій въ „Мессіи Правдивомъ", со ссылкой на Dialogus miraculorum Цезарія Гейстербахскаго XIII в. [2]).

Грубый анекдотъ объ обманѣ еврея проникъ въ малорусскую народную словесность или непосредственно изъ схоластической южнорусской литературы XVII в., или заимствованъ малороссами отъ поляковъ, среди которыхъ сказки на эту тему довольно многочисленны, и которые усвоили его изъ того же мутнаго средневѣковаго источника, изъ котораго черпалъ Галятовскій [3]).

Легендарный мотивъ иногда совершенно скрытъ. Такъ въ одной польской сказкѣ кузнецъ говоритъ ночью жидамъ тоненькимъ голоскомъ: „kunk, kunk, zebys darowal kowalowi; deug". Жиды считаютъ этотъ голосъ ангельскимъ и прощаютъ кузнецу долгъ [4]).

---

[1]) *У Чубинскаго* II 563, *Рудченка* II 31, *Манжуры* 74, *Добровольскаго* I 693, *Кіевск. Стар.* 1895 XII 96.

[2]) Подроб. см. у *Марковскаго* въ „Кіевск. Стар." 1895 XII 94.

[3]) Наиболѣе грубый польскій варіантъ см. въ Krakowiacy *Цишевскаго* 275.

[4]) *Ciszewski*, 279.

III.

О глупцахъ, плачущихъ о предполагаемой смерти предполагаемаго ребенка.

Сказки о трехъ, изрѣдка двухъ глупцахъ, оплакивающихъ смерть предполагаемаго сына или внука, весьма интересны по обилію и разнообразію входящихъ анекдотовъ. На первомъ мѣстѣ нужно поставить вступительный и до нѣкоторой степени объединяющій другіе мотивы о плачущихъ глупцахъ; затѣмъ идетъ рядъ частныхъ мотивовъ, иногда три мотива, въ соотвѣтствіи съ тремя первыми глупцами, иногда четыре и болѣе. Чаще всего сочетаются мотивы о ношеніи свѣта въ корзинѣ, о встаскиваніи коровы на колокольню и о томъ, какъ серпъ былъ принятъ за звѣря; иногда входятъ мотивы о томъ, какъ мужикъ прыгалъ съ дерева въ штаны, какъ женщина била курицу, что она не даетъ груди цыплятамъ, о прохожемъ съ того свѣта, и др. болѣе мелкіе и случайные. Каждый изъ входящихъ мотивовъ встрѣчается въ видѣ самостоятельной сказки. Изъ частныхъ мотивовъ по обилію варіантовъ, по разработкѣ и распространенности выдѣляется мотивъ о прохожемъ съ того свѣта. Мотивъ этотъ чаще другихъ встрѣчается въ видѣ отдѣльныхъ повѣстей, сказки или анекдота.

Мы разсмотримъ сначала нѣсколько сказокъ въ даваемой ими послѣдовательности мотивовъ, и затѣмъ остановимся на нѣкоторыхъ мотивахъ въ отдѣльности.

Въ малорусской сказкѣ „Про дурныхъ людей на свити“: жили мужъ съ женой; у нихъ были сынъ и дочь. Отецъ съ сыномъ поѣхали въ поле орать, а дома сказалъ женѣ, чтобы она поранѣе приготовила обѣдъ и выслала въ поле съ дочерью. Дочь, долго гулявшая съ вечера, утро проспала, а проснувшись стала плакать и сказала своей матери: „ой, моя матинко! прыснывся мени сонъ, що я у васъ йиднымъ йидна доненька, та ажъ за быструю ричку замижъ пиду; та буде у мене дытынонька, та прыйду до васъ зъ нею въ гостынонку, та сяду пидъ полыцею, та упаде долото зъ полыци та моему детынонъци на головоньку, такъ це вамъ, моя матинко, радисть буде“. Мать также начала плакать. Отецъ пришелъ за обѣдомъ и также расплакался. Сынъ, возвратившись съ поля, плюнулъ съ досады, что у него такая глупая родня, взялъ серпъ и ушелъ въ чужую сторону, сказавъ роднымъ, что вернется тогда, если найдетъ болѣе глупыхъ людей.

Пришелъ онъ въ одно село и увидѣлъ, что мужики тянутъ веревкой корову на церковь, потому что одна умершая старуха завѣщала ее на церковь. Странникъ совѣтуетъ глупымъ людямъ продать корову на ярмаркѣ и деньги употребить на нужды церкви.

Въ другомъ селѣ мужикъ видитъ, что баба бьетъ квочку за то, что она вывела 15 цыплятъ и не кормитъ ихъ своимъ молокомъ. Онъ объясняетъ, что курчатъ кормятъ просомъ и поятъ водой.

Въ третьемъ селѣ литвины выстроили церковь безъ оконъ и хотятъ перенести въ нее свѣтъ въ мѣшкѣ. Мужикъ прорубилъ окна. Литвины поставили его попомъ. Не зная церковной службы, мужикъ приказываетъ литвинамъ повторять то, что онъ будетъ дѣлать и идти въ церковь по первому звону, пригрозивъ за непосѣщеніе церкви брать по волу. Когда литвины услышали колокольный звонъ, то говорили другъ другу: „иди въ церковь, бо уже той реве, що по волу бере“. Когда попъ кланялся—всѣ кланялись. Изъ кадильницы горячій уголь попалъ въ сапогъ попа, и послѣдній отъ боли сталъ трусить ногой, и всѣ затрусили ногой. Попъ отъ боли легъ на полъ и, приподнявъ ногу, снялъ сапогъ, и всѣ литвины продѣлали то же самое. Литвинамъ такъ понравилась церковная служба съ „потупаньемъ“, что они дали попу житное поле. Когда жито поспѣло, то попъ срѣзалъ его серпомъ, сложилъ въ копну и на верху воткнулъ серпъ. Литвины, никогда не видавшіе серпа, приняли его за звѣря съ деревяннымъ хвостомъ и желѣзнымъ носомъ. Стаскивая его съ копны, литвинъ отрѣзалъ себѣ голову. Попъ берется избавить ихъ отъ этого опаснаго звѣря за 50 руб., хорошую лошадь и веревку. Литвины согласились. Попъ привязалъ веревку къ серпу, поволокъ его, сидя на лошади, и быстро ушелъ отъ литвиновъ, которые были увѣрены, что звѣрь погнался за ихъ попомъ и съѣлъ его вмѣстѣ съ конемъ. Этотъ эпизодъ съ попомъ и серпомъ очень подробно развитъ; онъ встрѣчается въ видѣ отдѣльной сказки.

Въ четвертомъ селѣ баба проситъ мужика отвести къ попу и окрестить 12 поросятъ. Мужикъ беретъ отъ глупой бабы пару воловъ, сувой полотна (на крижмы), поросятъ и все это присваиваетъ. Мужъ погнался на конѣ. Хитрый мужикъ возъ и воловъ спряталъ, а когда мужъ, привязавъ коня, ходилъ искать мужика, то послѣдній вырвалъ часть хвоста у его коня и воткнулъ волоса въ землю, а самъ уѣхалъ на конѣ. Мужъ, возвратившись къ дубу, подумалъ, что конь ушелъ подъ землю и возвратился домой.

Мужикъ убѣдился, что всюду есть дураки и вернулся къ роднымъ [1]).

Въ малорусской сказкѣ казакъ, проѣздомъ, говоритъ дѣвицѣ: „добрыдень, серце“. Дѣвица сѣла и задумалась—въ предположеніи, что казакъ будетъ сватать. Ея примѣру слѣдуютъ мать и отецъ.

Братъ ея уходитъ искать болѣе глупыхъ людей и находитъ: 1) человѣка, который тянулъ корову на церковь (по завѣщанію отца); 2) мужика,

---

[1]) *Moszynska*, въ Zbior Wiadom. IX 142—146.

который запрегъ жену въ возъ, сдѣланный въ хатѣ, и заставлялъ ее вывести его наружу и 3) женщину, которая била квочку за то, что она не кормитъ цыплятъ грудью. Прохожій даетъ соотвѣтствующіе совѣты и потомъ возвращается домой [1]).

Въ галицкой сказкѣ рекрутъ говоритъ дѣвушкѣ, что по возвращеніи черезъ три года со службы, женится на ней; она родитъ сына и сынъ ихъ умретъ. Дѣвица начинаетъ плакать, затѣмъ ея мать и отецъ. Братъ, возмущенный такой глупостью своихъ родныхъ, уходитъ изъ дому. Онъ встрѣчаетъ: 1) людей, которые тащили вола на крышу дома попастись; 2) бабу, которая рѣшетомъ носила свѣтъ въ новый домъ и 3) бездѣтныхъ стариковъ, которые считали свою свинью за дочь и предложили ее въ жены герою сказки. Въ галицкомъ варіантѣ молодецъ везетъ свинью въ село, будто бы въ церковь на вѣнчаніе. Глупые ея хозяева даютъ хорошій поясъ, чтобы привязать ее къ возу, и полотно, чтобы укрыть. Молодецъ уѣзжаетъ, женится на избранной имъ дѣвушкѣ, убиваетъ свинью на свадьбу, а молодой женѣ говоритъ, чтобы она сообщила хозяевамъ свиньи, что это свинья такъ преобразилась послѣ вѣнчанія. Старики повѣрили, и молодые у нихъ остались „господарити“ [2]).

Великорусскія сказки о трехъ плачущихъ глупцахъ извѣстны подъ названіемъ „Лутонюшка“. Жили старикъ со старухой и былъ у нихъ сынъ Лутоня. Старуха уронила въ избѣ полѣно дровъ, подумала, что, если бы Лутоня былъ женатъ, да былъ у ней внукъ, да попалъ подъ полѣно, и стала плакать, а за ней расплакался старикъ. Лутоня пошелъ отыскивать большихъ глупцовъ и нашелъ людей: 1) которые тащили корову на хату, 2) вгоняли палками лошадь въ хомутъ и 3) бабу, которая по ложкѣ носила сметану изъ погреба вмѣсто того чтобы взять цѣлый горшокъ [3]).

Въ великорусскихъ варіантахъ вступленіе о плачущихъ глупцахъ замѣняется иногда мотивомъ о прохожемъ, назвавшемся зимой, а мотивы поисковъ восполняются: 1) вытягиваніемъ короткаго бревна, 2) отгрызаніемъ зеренъ у колосьевъ (не знали серпа), 3) принятіемъ серпа за червяка, 4) сѣченіемъ курицы, 5) ошибкой въ счетѣ (счетчикъ пропускалъ себя) [4]).

Существуетъ въ В. и М. Россіи много сказокъ на эту тему, и встрѣчаются онѣ почти во всѣхъ сборникахъ. Въ частности, въ англійскомъ сборникѣ русскихъ сказокъ Ральстона старики оплакиваютъ смерть не родившагося внука. Сынъ ихъ съ досады ушелъ изъ дому. Насторонѣ онъ

---

1) *Чубинскій*, II 503.
2) *Житье и Слово*, III 68—72.
3) *Аѳанасьевъ*, III 382.
4) *Аѳанасьевъ*, III 382.

встрѣчаетъ еще большихъ глупцовъ: одни ударами надѣвали хомутъ на лошадь, другіе носили ложкой молоко, третьи хотѣли вытянуть короткое бревно.

Встрѣчается въ Великороссіи и въ Малороссіи иногда лишь первый мотивъ о плачѣ глупцовъ въ самостоятельномъ видѣ. Такъ въ Чигиринскомъ у. записанъ слѣдующій анекдотъ, со словъ парня, слышавшаго анекдотъ отъ солдата великоросса: Жылы дидъ та баба, малы воны соби дочку. Старый посылае: „пойди, дочка, до ворожкы—нехай почытаеть да погадаеть, чи помрьошь, чи въ осены замужь та пойдьешь". Пишла вона до бабушкы Гаргарушкы. „Бабушка Гаргарушка, почытайте та погадайте, чы я помру, чы осинню замужъ пойду?" Вона йий одвичае: „Дунюшка, голубушка, не помрешь, а осинню замужъ пойдешь за молодца, да родышь сына Ванюшу, а онъ выросте, да на Донъ пойдьеть, да втоня". Идеть вона додому та й плаче, а бабушка (йийи маты) йде на зустричь проты нейи. „Што вы, Дуня,—каже,—гудитя?" „Расказать тебѣ, матушка, то й ты та загудьешь. Сказала бабўшка Гаргарушка, што ни помрешь, осинню замужъ пойдешь за такого молодца, да родышь сына Ванюшу, онъ выросте, да на Донъ пойдеть, да втоня"... Бабушка вже тоди й каже: „охъ ты мой анучекъ, какъ бы ты живенькій былъ, то я бъ тобѣ липешку спекла—кла—кла"... Идуть удвохъ, гудуть! А старый (батько) йимъ назустричь: „Што вы, Дуня,—каже,—гудитя?" „Расказать тибѣ, батюшка, то й ты та загудешь: сказала бабушка Гаргарушка, што ни помрёшь, осинню замужь пойдёшь за такого молодца, да родышь сына Ванюшу, а онъ выросте, да на Донъ пойдеть да втоня".—А винъ тоди и говоре: „охъ ты мой анукъ басомъ говоре), якъ бы ты живой былъ, то я бъ тобѣ лапотки сковыравъ—равъ—равъ!" [1]).

Въ нѣкоторыхъ великорусскихъ варіантахъ [2]) вступительный мотивъ о плачущихъ глупцахъ замѣняется совершенно особымъ мотивомъ о томъ, какъ старуха мать по глупости принимаетъ прохожаго за весну или зиму и отдаетъ ему деньги, а сынъ ея (Лутонюшка) идетъ затѣмъ искать по свѣту большихъ глупцовъ. Этотъ мотивъ взятъ изъ цикла сказокъ о буквальномъ пониманіи словъ, о чемъ подробнѣе мы скажемъ въ другомъ мѣстѣ.

Въ польской сказкѣ изъ мазовецкаго Луковца мужикъ встрѣчаетъ женщину, которая носила свѣтъ въ ведрѣ, другую, которая хотѣла надѣть на мужа новую сорочку безъ отверстія для головы и рукавовъ. Она надѣла мѣшокъ на голову мужа и ударами палки по лбу осаживала его пониже.

---

[1]) *Гринченко*, II 162.

[2]) *Аѳанасьевъ*, Рус. н. ск. III 383.

Мужикъ вырѣзалъ отверстія для рукъ и головы и получилъ за то 300 р. Наконецъ, слѣдуетъ послѣдній—третій мотивъ въ разбираемомъ варіантѣ, подробно изложенный, встрѣчающійся въ Малороссіи, Великороссіи и въ западной Европѣ чаще въ видѣ самостоятельной сказки, большею частью подъ заглавіемъ: „солдатъ съ того свѣта". Мужикъ заходитъ въ одинъ домъ. Хозяйка подумала, что онъ съ того свѣта, разспрашиваетъ о своемъ умершемъ сынѣ и посылаетъ ему туда въ подарокъ цѣлый возъ провизіи. Когда мужъ этой женщины возвратился съ поля, то заподозрилъ странника въ лжи и погнался за нимъ. Послѣдній, услышавъ погоню, вырвалъ клокъ волосъ изъ хвоста лошади и повѣсилъ эти волосы на верхушкѣ березы, а самую лошадь и провизію спряталъ въ яру, а самъ сталъ у березы и началъ кричать: „Вотъ, вотъ ужъ въѣзжаетъ на небо на конѣ". Мужъ остановился, сталъ всматриваться въ небо по направленію болтавшихся на березѣ волосъ, а плутъ мужикъ взялъ вторую его лошадь, припрегъ къ первой и благополучно уѣхалъ. Онъ возвратился домой и нашелъ, что жена его засѣяла поле солью; но онъ ужъ на нее не сердился, зная, что на свѣтѣ есть еще болѣе глупые люди. Имя этого плута мужика Мацько [1]).

Къ великорусскимъ и малорусскимъ варіантамъ въ содержаніи и порядкѣ мотивовъ подходятъ сербскіе. Такъ, въ южнославянской сказкѣ дочь и затѣмъ ея мать плачутъ о смерти предполагаемаго ребенка. Отецъ уходитъ разыскивать большихъ глупцовъ и встрѣчаетъ: 1) плотниковъ, которые тянули короткую балку, чтобы сдѣлать ее длиннѣй. Прохожій научаетъ, какъ прикрѣпить къ ней другую, и получаетъ, какъ и въ дальнѣйшихъ авантюрахъ, денежныя награды, 2) людей, которые выстроили домъ безъ оконъ и носили въ него свѣтъ въ ящикѣ, 3) мужика, который съ дерева хотѣлъ впрыгнуть въ штаны, не зная, какъ надѣть ихъ, 4) женщину, которая запустивъ руку въ банку съ солью, и, набравъ полную горсть, не могла вытащить сжатаго кулака, и думала, что ее кто держитъ. Прохожій бьетъ по рукѣ; женщина разжимаетъ ладонь и вытаскиваетъ руку, 5) невѣсту, которая, при высокомъ ростѣ, не могла войти въ двери въ домѣ мужа, а прохожій заставилъ ее лишь нагнуться, 6) двѣ женщины мыли бѣлье, и возлѣ нихъ бѣгалъ поросенокъ. Прохожій сказалъ, что братъ поросенка женится и зоветъ его на свадьбу. Женщины повѣрили, отпустили поросенка и украсили его шелковымъ поясомъ и коралловымъ ожерельемъ. Мужья нагоняютъ обманщика; но онъ, посредствомъ хитрости, захватываетъ ихъ лошадей и благополучно возвращается домой [2]).

Въ болгарской сказкѣ говорится, что въ одной избѣ свекровь и невѣстка пряли, а свекоръ работалъ на дворѣ. Невѣстка спросила у своей

---

1) *Ulanowska*, Zbiór Wiadom. do antrop. kraj VIII 299—303.

2) *Krauss*, Sagen d. Südslav. II 247—249.

свекрови, какъ назвать ребенка, появленіе котораго въ свѣтъ она ждала. Свекровь посовѣтовала назвать его Петромъ. На вопросъ, гдѣ положить будущаго ребенка, послѣдовалъ отвѣтъ свекрови: „въ углу за печкой". Въ этомъ мѣстѣ на стѣнѣ была полка, а на полкѣ лежало долото (скьепаръ). „А если упадетъ на ребенка долото"? спросила невѣстка. Свекровь сказала, что оно убьетъ ребенка. Тогда двѣ женщины стали горько оплакивать смерть нерожденнаго еще Петка. Свекоръ ушелъ изъ дома, въ негодованіи на глупыхъ женщинъ, и рѣшилъ возвратиться лишь тогда, когда найдетъ людей болѣе глупыхъ.

Старикъ встрѣтилъ людей, собиравшихъ орѣхи вилами. Онъ научилъ ихъ употреблять лопату.

Въ другомъ мѣстѣ свекоръ увидѣлъ, какъ люди тащили на гору осла, чтобы попасти его. Свекоръ научилъ ихъ косить.

Въ третьемъ селѣ свекоръ увидѣлъ, что невѣста высокаго роста не можетъ войти въ низкія церковныя двери для вѣнчанія; одни совѣтовали подрубить ей ноги, другіе—голову. Старикъ ударомъ кулака въ шею заставилъ ее нагнуться, и все обошлось благополучно.

Далѣе, старикъ увидѣлъ, что теленокъ всадилъ голову въ боченокъ и не могъ ее вытащить. Селяне собирались отрубить теленку голову. Старикъ посовѣтовалъ рубить боченокъ.

Наконецъ, старикъ увидѣлъ, какъ одна баба нарядила свою свинью, чтобы отправить ее въ гости; онъ повелъ свинью и присвоилъ ее.

Свекоръ убѣдился, что глупыхъ людей много, и возвратился домой (***Шапкаревъ***, VIII № 54).

Въ другой болгарской сказкѣ вступительный эпизодъ о глупыхъ женщинахъ отличается своеобразнымъ характеромъ: Были двѣ ятровки, свекровь и свекоръ. Одна ятровь пошла въ сарай наточить вина, нагнувшись п...а и стала просить бывшаго въ сараѣ теленка, чтобы онъ не сказалъ свекру; пришла затѣмъ другая ятровь, потомъ свекровь и всѣ вмѣстѣ просили теленка: „немой, теленце,... не кажви". Свекоръ, наконецъ, самъ пошелъ въ сарай, не дождавшись вина, и, когда узналъ въ чемъ дѣло, разсердился и ушелъ изъ дому.

Изъ послѣдующихъ затѣмъ встрѣчъ—одна—встаскиваніе коровы на гору для попаса—повтореніе извѣстнаго мотива. Любопытнѣе слѣдующая подробность, повторяющаяся въ малорусскихъ сказкахъ: свекоръ увидѣлъ, какъ одна женщина посадила сына голымъ на грядкѣ (перекладина въ избѣ для вѣшанія платья), разставила внизу штаны и приказывала ему прыгнуть въ штаны. Свекоръ указалъ, какъ слѣдуетъ надѣвать штаны (***Шапкаревъ***, VIII п. 55).

Въ имеритинской сказкѣ: въ одной деревнѣ жилъ крестьянинъ съ женою и тремя дочерьми. Они были очень бѣдны. Крестьянинъ цѣлые дни трудился, чтобы прокормить свою семью: у него былъ клочекъ пахатной земли, обрабатывать которую ему приходилось совершенно одному, потому что по бѣдности. онъ не могъ держать работника. Всё хозяйство бѣдной семьи заключалось въ лошади, которая помогала хозяину пахать землю, и въ коровѣ, молокомъ которой питалась семья. Лишь только наступало утро, крестьянинъ ужъ былъ на ногахъ; поспѣшно собравшись, онъ уѣзжалъ на цѣлый день въ поле. Такъ какъ его полоса земли лежала довольно далеко отъ деревни, то крестьянину приходилось обѣдать въ полѣ, куда ему, по очереди, одна изъ дочерей приносила пищу. Однажды жена крестьянина, собираясь готовить обѣдъ, хватилась воды, но ея не оказалось въ домѣ; тогда она велѣла своей старшей дочери сбѣгать съ кувшиномъ на рѣчку и принести воды. Прійдя къ рѣкѣ, уставшая дѣвушка присѣла у воды и взглянула на противоположный берегъ. Вдругъ ея вниманіе привлекло росшее тамъ большое дерево; взглянувъ на его вершину, дѣвушка подумала: „а что, если я выйду замужъ, и у меня родится сынъ, который вздумаетъ, играя, влѣзть на это дерево,—вѣдь онъ навѣрное сорвется съ вершины и расшибется на смерть!“ И, вообразивъ себѣ, что всё это уже случилось, дѣвушка начала громко рыдать съ причитаніями, при этомъ схватила кувшинъ и, въ знакъ печали, разбила его въ дребезги. Мать долго поджидала посланную дочь, но потерявъ терпѣніе, крикнула средней дочери, чтобы она взяла другой кувшинъ и поскорѣе принесла воды. Вторая сестра, прибѣжавъ къ берегу рѣки, увидѣла свою старшую сестру въ горькихъ слезахъ.—„Милая сестра!“ воскликнула въ испугѣ прибѣжавшая дѣвушка, „о чемъ ты плачешь, и почему разбитъ твой кувшинъ?“—„Какъ же мнѣ не плакать и не убиваться?! видишь это большое дерево, что растетъ на томъ берегу? представь же себѣ, что я вышла замужъ, и у меня родился сынъ, и вдругъ мой ребенокъ полѣзъ на это дерево, упалъ съ него и расшибся... Развѣ это не горько?!“ Средняя сестра, выслушавъ старшую, тоже разбила свой кувшинъ и начала оплакивать смерть своего воображаемаго племянника. Не дождавшись посланныхъ дочерей, мать отправила младшую, съ приказаніемъ принести скорѣе воды и позвать сестеръ. Но и эта дочь не возвратилась домой: разузнавъ отъ сестеръ, что съ ними случилось, она заразилась ихъ печалью, тоже разбила свой кувшинъ и присоединилась къ ихъ плачу. Оставшись одна въ домѣ, мать никакъ не могла понять причины долгаго отсутствія всѣхъ трехъ дочерей. Пора уже было относить мужу въ поле обѣдъ, а у нея еще ничего не было готово. „Вѣрно съ ними приключилось какое-нибудь несчастіе“, подумала женщина, „пойду посмотрю, что съ моими дочками, да заодно и захвачу сама поскорѣе воды“. И, взявъ

укшинъ, она поспѣшила къ рѣкѣ. Найдя всѣхъ трехъ дочерей плачущими и причитающими, мать страшно испугалась.—„Что съ вами, мои милыя дочери, и отчего разбиты ваши кувшины?“ спросила она.—„Дорогая матушка!“ воскликнула старшая дочь, „какъ же мнѣ не плакать и не убиваться? разсуди сама: выйду я замужъ, у меня родится сынъ, и, когда онъ подростетъ и полѣзетъ на то дерево, что на томъ берегу, упадетъ и ушибется до смерти,—развѣ можно спокойно перенести такое несчастіе?! Вѣдь и ты, матушка, будешь оплакивать своего внука“.—„Ахъ, горе мнѣ!“ крикнула старуха и, разбивъ свой кувшинъ, начала громче дочерей кричать и рвать на себѣ волосы. Вдоволь наплакавшись, мать повела дочерей домой. Прійдя во дворъ, онѣ прежде всего закололи единственную свою корову и стали устраивать поминки, совершенно забывъ о крестьянинѣ, ожидавшемъ въ полѣ обѣда. Проработавъ цѣлый день, истомившійся и голодный крестьянинъ спѣшилъ домой, безпокоясь, не случилось ли чего въ семьѣ. Войдя въ домъ, онъ засталъ всю семью въ сборѣ, за поминальнымъ обѣдомъ. На его вопросъ, почему его оставили цѣлый день безъ пищи, жена и дочери наперерывъ стали разсказывать ему со слезами о своемъ воображаемомъ семейномъ горѣ. Крестьянинъ страшно разсердился и началъ всячески ругать дочерей и выжившую изъ ума старуху—жену.—„Вы всѣ такъ глупы, что я больше не хочу съ вами жить!“ закончилъ онъ свою ругань, „пойду бродить по свѣту: если встрѣчу кого-нибудь глупѣе васъ, тогда вернусь къ вамъ, а если такого человѣка не окажется, то больше вы меня не увидите.“ Съ этими словами крестьянинъ вышелъ на улицу и сердито хлопнулъ дверью. Долго онъ скитался по бѣлу свѣту, присматриваясь къ людямъ, но глупѣе своей жены и дочерей еще никого не встрѣтилъ, и сталъ уже подумывать, что, вѣрно, глупѣе ихъ никого и нѣтъ на свѣтѣ. Но вотъ разъ ему пришлось проходить по лѣсу, къ которому съ одной стороны примыкала бѣдная деревенька. Подходя къ деревнѣ, крестьянинъ услышалъ жалобный женскій плачъ и причитанія во дворѣ самаго крайняго дома. Онъ остановился за деревьями и сталъ слушать, что приговаривала плакавшая женщина. Изъ первыхъ же словъ крестьянинъ понялъ, что женщина оплакивала своего покойнаго мужа; она перечисляла всѣ его достоинства и тѣ оставшіяся отъ него вещи, которыя онъ любилъ. „И кто будетъ распоряжаться и владѣть твоимъ любимымъ серебрянымъ поясомъ, и золотыми часами, и новою чахою, и дорогимъ кинжаломъ, въ которомъ лежатъ пятьсотъ рублей?!“ жалобно причитала вдова. Услышавъ эти слова, крестьянинъ подумалъ, что ему представляется удобный случай провѣрить еще разъ, есть ли на свѣтѣ люди глупѣе его жены и дочерей. Съ этой цѣлью онъ вошелъ во дворъ вдовы, поклонился ей и сказалъ: „Я пришелъ съ того свѣта; тамъ недавно я видѣлъ твоего мужа; онъ ве-

лѣлъ кланяться тебѣ и просить прислать ему всѣ оставленныя имъ здѣсь богатства". И крестьянинъ перечислилъ всѣ тѣ вещи, которыя называла вдова въ своемъ причитаніи.—„Эти богатства нужны твоему покойному мужу, чтобы выкупить себя съ того свѣта" сказалъ онъ. „Если ты хочешь видѣть его живымъ, то собирай ихъ скорѣе и передай мнѣ, а я въ цѣлости отнесу ему". Вдова очень обрадовалась и, собравъ всѣ драгоцѣнности, отдала ихъ посланнику съ того свѣта, для передачи ея мужу, съ наказомъ, чтобы покойникъ возвращался скорѣе домой.—„Будь покойна, добрая женщина, ты скоро его увидишь!" сказалъ хитрый крестьянинъ и, поклонившись, пошелъ по дорогѣ въ поле [1]).

Интересны шотландскіе варіанты, сказки о трехъ глупцахъ. Въ одной сказкѣ женщина увидѣла повѣшенное на потолкѣ сѣдло съ пони и начала голосить, что сѣдло могло упасть, убить ее. Далѣе плачутъ мать ея и отецъ. Мужъ въ гнѣвѣ на ихъ глупость бросилъ ихъ и ушелъ. Въ чужой сторонѣ онъ встрѣтилъ еще большихъ глупцовъ. Онъ нашелъ мужчинъ, которыхъ жены обманывали, какъ угодно—одного, что онъ умеръ, другаго голаго, что онъ одѣтъ, третьяго—что то не онъ, а нѣкто другой. Далѣе встрѣчаются 12 рыбаковъ, которые никакъ не сосчитаютъ, сколько ихъ. Въ одномъ мѣстѣ глупцы топили въ морѣ угря, въ другомъ хозяинъ тащилъ на кровлю дома корову пастись, потому что тамъ показалась травка; въ третьемъ мужикъ велъ на базаръ корову, посадивъ ее на возъ, его приняли за вора, судили и присудили лошадь къ смертной казни за то, что она везла корову.

Въ другой шотландской сказкѣ молодой мужъ купилъ колыбель; но дѣтей у него не было. Однажды онъ что-то бросилъ въ пустую колыбель. Жена, его мать и теща расплакались отъ мысли, что онъ могъ убить возможнаго ребенка. Мужъ разсердился и оставилъ ихъ. Насторонѣ онъ встрѣчаетъ другихъ глупцовъ; но здѣсь вмѣсто обычныхъ мотивовъ глупости вставлена сказка на мотивъ объ Одиссеѣ—Никто (въ кн. 9 „Одиссеи"). Мужъ называетъ себя „saw ye ever my like" и обманутые имъ (привязаны были къ столамъ) повторяютъ это имя.

Въ англійскомъ варіантѣ первая часть тожественна съ малорусскими: молодая жена пошла въ погребъ за пивомъ, увидѣла здѣсь топоръ и стала оплакивать смерть возможнаго ребенка. Пиво все вытекло изъ бочки, когда она рыдала, а вмѣстѣ съ ней ея родители. Мужъ на сторонѣ встрѣтилъ женщину, встаскивающую корову на крышу дома, мужчину, который хотѣлъ впрыгнуть въ брюки и мужиковъ, которые выгребали мѣсяцъ изъ пруда [2]).

---

1) *Сборн.* матер. для изуч. Кавк. XIX, 30.

2) *Clouston*, 191—197.

Въ норвежской сказкѣ о трехъ дурняхъ—женѣ и ея родителяхъ—встрѣчается такая прибавка. Мужъ на чужой сторонѣ нашелъ трехъ болѣе глупыхъ женщинъ и возвратился домой. Дома поле оказалось вспаханнымъ и засѣяннымъ. Жена сообщила, что она посѣяла соль. Но мужъ, при глупости другихъ, уже не волнуется, прощаетъ женѣ эту глупость и примиряется съ ней [1]).

Много сказокъ на тему о трехъ глупцахъ бытуетъ въ Италіи съ незначительными измѣненіями по варіантамъ. Всѣ онѣ сходны съ русскими, въ особенности слѣд. венеціанская: женился молодой человѣкъ на дочери садовника. Однажды за обѣдомъ молодая женщина сама пошла въ погребъ принести вина. Въ то время, какъ она вынула изъ боченка чобъ, ей пришли въ голову такія печальныя мысли: родится у ней сынъ, назоветъ она его Бастіанелло и онъ умретъ. И начала она горько плакать, а вино все текло и текло. Приходятъ ея мать, потомъ свекоръ и тоже принялись плакать. Сынъ возмутился такой глупостью и сказалъ, что онъ тогда вернется домой, когда найдетъ болѣе глупыхъ людей. Съ кускомъ хлѣба и бутылкой вина въ торбѣ за плечами пошелъ онъ въ чужую сторону и здѣсь увидѣлъ человѣка, который черпалъ ситомъ воду изъ колодца, женщину, которая держала подъ деревомъ штаны, а мужъ хотѣлъ впрыгнуть въ нихъ съ вѣтви дерева. Послѣдній третій эпизодъ такой: крестьяне, по обыкновенію, хотѣли провести невѣсту по селу. Невѣста была высока, нанятая лошадь была велика, и она не могла пройдти въ ворота. Вышелъ споръ: мужъ не хотѣлъ надрубливать голову новобрачной, а владѣлецъ коня не хотѣлъ надрубливать у него ноги. Нашъ странникъ къ всеобщему удовольствію спорный вопросъ рѣшилъ такимъ образомъ, что ударилъ невѣсту по затылку и, когда она нагнулась, хлыстнулъ лошадь, которая и прошла въ ворота. Послѣ этого онъ воротился домой, зажилъ любовно съ женой и вскорѣ родился у нихъ сынъ Бастіанелло, здравствующій и до сего дня [2]).

Останавливаясь на мотивѣ о плачущихъ глупцахъ, нужно отмѣтить: 1) въ поиски глупцовъ уходитъ сынъ, или мужъ, или свекоръ, и всѣ эти варіаціи совершенно случайныя и въ дѣлѣ закрѣпленія и развитія мотивовъ одинаково маловажны; 2) первая глупая женщина—плачущая дочь, молодая бездѣтная или дѣвушка, и плачетъ она въ однѣхъ сказкахъ безъ малѣйшаго повода, въ другихъ далеко расширяя значеніе простого привѣтствія или шутки парня рекрута; 3) глупцы большею частію безъименные; изрѣдка второй рядъ глупцовъ облекается общимъ собирательнымъ именемъ (литвины, стеблевцы и пр.), и еще рѣже проскальзываетъ какое-нибудь собственное имя для глупцовъ первой категоріи (напр., Бастіанелло, бабуш-

[1]) *Clouston*, 211—212.

[2]) *Clouston*, 197—200.

ка Гаргарушка, Дуня); 4) смерть ребенка предполагается чаще всего безъ объясненія причины, довольно часто (вар. великор., югославянскіе, италіанскіе) отъ паденія долота или другаго тяжелаго предмета въ колыбель, (малор., великор., шотл., итал., болгар., англ.), изрѣдка отъ паденія въ рѣку (великор.); 5) мысль о смерти ребенка приходитъ молодой женщинѣ дома или въ полѣ (имерет.), или въ погребу (болг., шотл., англ. и др.).

Своеобразную обработку представляетъ болгарскій варіантъ о женщинѣ, п...ей въ погребу при наливаніи вина и просившей теленка молчать о томъ.

Очевидно, всѣ эти мотивы въ отдѣльности маловажны, и въ развитіи сказки капитальное значеніе имѣетъ лишь основной мотивъ, что глупая семья плачетъ о предполагаемомъ горѣ. Въ мотивахъ нѣтъ ничего, что указывало бы на время происхожденія сказки и пути ея распространенія. Сказка развилась и распространялась подъ вліяніемъ прочно сложившейся семьи, съ установленіемъ прочной привязанности между матерью, дѣтьми и дѣдомъ. Пересматривая анекдоты, связанные съ глупцами второй категоріи, нужно отмѣтить, что въ нѣкоторыхъ варіантахъ обнаруживается вторженіе въ циклъ анекдотовъ о поискахъ глупцовъ анекдотовъ и повѣстей о томъ, какъ жены дурятъ мужей,—таковъ шотландскій варіантъ. Къ сказкамъ о глупыхъ народахъ и къ сказкамъ о плачущихъ глупцахъ примыкаетъ много отдѣльныхъ бродячихъ мотивовъ, напр. нижеслѣдующіе:

IV.

Дурни носятъ свѣтъ въ корзинѣ, ящикѣ и пр. т. п.

Анекдотъ этотъ встрѣчается въ отдѣльныхъ пересказахъ, чаще въ составѣ сказокъ на тему кто глупѣе и принадлежитъ къ числу наиболѣе популярныхъ въ Россіи и въ западной Европѣ, въ видѣ общаго эпическаго выраженія глупости. Въ надлежащемъ мѣстѣ мы отмѣтили присутствіе этого анекдота въ сказкахъ великор., малор., серб. и др.

На популярность анекдота въ старое время въ Малороссіи указываетъ то, что имъ воспользовался Сковорода для философскихъ обобщеній.

Въ сочиненіи Г. С. Сковороды „Разговоръ дружескій о душевномъ мирѣ“ половины XVIII в. находится такая „басенька“: „Дѣдъ и баба сдѣлали себѣ хатку, да не прорубили ни одного окошка... Взяли мѣхъ, разинули его въ самый полдень передъ солнцемъ, чтобъ, набравъ будто борошна или воды внесть въ хатку. Смотрятъ—ничего нѣтъ“... Стариковъ выручаетъ монахъ. По его совѣту, старикъ взялъ топоръ и прорубилъ стѣну съ такими словами: „свѣте веселый, свѣте жизненный, свѣте присносущный, посѣти и просвѣти и освѣти храмину мою“. Вдругъ отворилась стѣна, наполнилъ хра-

мину сладкій свѣтъ, и отъ того времени даже до сего дня начали въ той странѣ строить свѣтлыя горницы [1]). Любопытно, что Сковорода говоритъ, что онъ еще младенцемъ выучилъ эту басенку, что указываетъ на популярность даннаго мотива въ началѣ XVIII в. въ Малороссіи. Любопытно также нравственное примѣненіе странствующаго литературнаго мотива, въ духѣ средневѣковой поучительной литературы.

Изъ западно-европейскихъ варіантовъ интересенъ, по обстоятельной разработкѣ, нѣмецкій въ приложеніи къ нѣмецкимъ пошехонцамъ — шильдбюргерамъ. Въ Германіи ходитъ много разсказовъ объ ихъ глупости. Первое изданіе анекдотовъ о шильдбюргерахъ относится къ концу XVI ст. (1597 г.). Въ числѣ анекдотовъ находится широко распространенный пошехонскій — о постройкѣ дома безъ оконъ. Шильдбюргеры такъ выстроили ратушу и, по совѣщаніи, пробовали нанести въ нее свѣту ведрами, мѣшками, ковшами и когда изъ этого ничего не вышло, то сняли крышу, и такъ постройка служила лѣтомъ, до зимнихъ дождей. Случайно одинъ изъ обывателей Шильды замѣтилъ, что свѣтъ проходитъ въ щелку въ стѣнѣ, и это обстоятельство навело ихъ на мысль прорубить окна [2]).

Извѣстна весьма сходная исландская сказка о трехъ братьяхъ изъ Бакки. Они сообразили, что домъ безъ оконъ долженъ быть зимой теплѣе и выстроили таковой, а чтобы не было въ немъ темно въ теченіе яснаго лѣтняго дня таскали въ него въ разныхъ сосудахъ свѣтъ [3]).

V.

Глупцы пытаются извлечь мѣсяцъ изъ рѣки или колодца.

Анекдотъ о глупцахъ и отраженіи луны въ колодцѣ хорошо извѣстенъ въ Европѣ и Азіи. Онъ часто встрѣчается въ турецкихъ сказкахъ о Насръэдинѣ ходжѣ. Увидѣвъ въ колодцѣ луну, Насръ-эдинъ досталъ веревку, чтобы вытащить луну. Навязывая съ усиліемъ крючекъ, онъ упалъ на спину, увидѣлъ луну на небѣ, и обрадовался, что она возвратилась на старое мѣсто [4]).

Въ другой турецкой сказкѣ о гальбунцахъ (пошехонцы) мѣсяцъ скрылся за тучей и глупые жители Гальбуна подумали, что сосѣди украли у нихъ мѣсяцъ и предприняли противъ нихъ походъ. Вскорѣ мѣсяцъ вышелъ изъ за тучи, и гальбунцы подумали, что сосѣди выпустили его отъ страха [5]).

---

[1]) *Сковорода*, сочиненія, Харьковъ, 1894 стр. 90.

[2]) *Clouston*, 57.

[3]) *Clouston*, 65.

[4]) *Clouston*, 89—94.

[5]) *Am Ur-Quell* 1891, 118.

Анекдотъ давній, встрѣчается въ древней индійской повѣствовательной литературѣ въ видѣ животной сказки въ приложеніи къ слону.

Въ Калилѣ и Димнѣ хитрый заяцъ Файрусъ отправляется съ царемъ слоновъ къ водяному источнику. Въ водѣ отражалась луна. Файрусъ посовѣтовалъ слону умыться и поклониться лунѣ. Когда отъ движенія хобота заволновалась вода, и на ней задрожала луна, слонъ подумалъ, что луна сердится [1]).

И въ новое время на Востокѣ анекдотъ о глупцахъ и лунѣ очень популяренъ. На Цейлонѣ разсказываютъ о мѣстныхъ пошехонцахъ. что они въ яркую лунную ночь бросали въ мѣсяцъ камни, предполагая, что онъ слишкомъ приблизился къ нимъ [2]).

Анекдотъ о глупцахъ и лунѣ издавна циркулируетъ въ передней Азіи и въ Европѣ. Такъ, онъ встрѣчается въ Англіи въ приложеніи къ мѣстнымъ пошехонцамъ—готемитамъ: селянинъ поздно вечеромъ пришелъ домой и увидѣлъ во дворѣ въ колодцѣ отраженіе луны; принявъ луну за зеленый сыръ, онъ позвалъ сосѣдей и они долго черпали воду, пока не нашло облако. Въ сходной индійской сказкѣ глупецъ видитъ въ прудѣ отраженіе золотого гребня птицы на деревѣ, входитъ въ прудъ и старается достать золото. Испанскій писатель Людовикъ Вивесъ говоритъ, что жители одного города замѣтили, что луна зашла за облако, когда оселъ пилъ воду, подумали, что онъ проглотилъ луну, посадили его въ тюрьму, потомъ собрались на совѣтъ и рѣшили убить осла и вынуть изъ него луну. Древнѣйшій варіантъ у Гіерокла. Встрѣчается онъ далѣе въ Disciplina Clericalis Петра Альфонса (нач. XII в.) въ формѣ животной сказки (лисица спускаетъ волка въ колодецъ за сыромъ — мѣсяцемъ). Эта басня встрѣчается въ Талмудѣ V в., въ старинной англійской лубочной книгѣ The sacke Full of Newes, у Рабле [3]). Въ новое время въ Германіи о мѣстныхъ пошехонцахъ бюзумцахъ говорятъ, что они, увидѣвъ отраженіе луны въ колодцѣ, подумали, что мѣсяцъ туда упалъ и стали спускаться, чтобы его вытащить, причемъ одинъ взялся за перекладину на колодцѣ, и другіе брались за ноги, пока не сорвались и не упали въ колодецъ [4]).

Возникновеніе анекдота можно объяснять и независимо отъ литературнаго заимствованія, изъ психологической основы; но, повидимому, на первое мѣсто нужно выдвинуть литературное вліяніе при рѣшеніи вопросовъ о

---

[1]) *Калила и Димна* въ пер. Amman 137.

[2]) *Clouston*, 67.

[3]) *Am Ur-Quell* 1890, 170.

[4]) *Clouston*, 44, 45, 5.

распространеніи анекдота о глупцахъ и лунѣ. Повидимому, индійская литература воздѣйствовала на арабскую, еврейскую, а семитическая на западноевропейскую черезъ Талмудъ, Петра Альфонса и др. Къ славянскимъ сказаніямъ о глупцахъ анекдотъ о лунѣ не привился.

VI.

Втаскиваніе коровы, вола или осла на домъ или церковную колокольню.

Въ отдѣльномъ видѣ этотъ анекдотъ, повидимому, не существуетъ, что указываетъ на его служебное значеніе въ циклѣ сказокъ о глупцахъ; но за то онъ составляетъ самое обычное мѣсто въ сказкахъ о поискахъ глупцовъ на тему, кто глупѣе? Встрѣчается онъ въ великор., малор., бѣлор., болгар., шотл., англ. и др., какъ видно изъ приведенныхъ нами въ надлежащемъ мѣстѣ варіантовъ сказки о плачущихъ глупцахъ.

Анекдотъ о томъ, какъ глупцы тащили корову черезъ ворота распространенъ въ Англіи. Англійскіе пошехонцы (carles of Austwick) въ числѣ 9 человѣкъ хотѣли перетащить корову во дворъ черезъ ворота, и когда не могли этого сдѣлать, послали одного товарища въ село за подмогой. Посланный прошелъ въ ворота, и тогда только они догадались, что корова можетъ пройти въ ворота [1]).

Во французской сказкѣ глупцы изъ Рюо тащатъ веревкой корову на церковную колокольню, чтобы она тамъ попаслась. Увидѣвъ, что корова, задавленная веревкой, высунула языкъ, они сочли ее жадной [2]).

VII.

Посѣвъ соли.

Посѣвъ соли встрѣчается во многихъ сказкахъ, какъ вводный мотивъ: въ болгарской три брата стеблевци посѣяли соль, и когда стерегли посѣвъ, то одинъ братъ убиваетъ другого [3]); въ норвежской сказкѣ глупая жена засѣваетъ поле солью; мужъ, встрѣтивъ еще большихъ глупцовъ, примиряется съ этимъ глупымъ поступкомъ жены [4]).

Своеобразнѣе слѣд. малорусскій варіантъ: одному лытвынови чоловикъ давъ грудочку соли. Винъ наварывъ соби борщу и поклыкавъ лытвынивъ

---

[1]) *Clouston*, 54.

[2]) *Sauvé*, Le Folklore de H. Vosgues, 69, 251.

[3]) *Шапкаревъ*, VIII № 17.

[4]) *Clouston*, 211—212.

богато. Воны якъ попробовалы того борщу, а винъ такый добрый! Воны тоди пишлы до того чоловика, купылы у ёго соли, выорали коло лиса поле и посіялы силь. Це було въ осени. Отъ, якъ прыйшла зима, снижокъ прытрусывъ землю, а медвидь выйшовъ изъ лису и походывъ по тому полю, де була посіяна силь. Отъ лытвыны на другый день прыйшлы, дывляццядслидъ, та й кажуть: „сіль зійшла, та въ лисъ пишла, ходимъ, будемъ шукать"! Ну, воны и пишлы по тому слиду. Отъ дойшлы воны по слиду ажъ до берлогы [1]).

VIII.

Варка каши въ рѣкѣ.

Въ англійской сказкѣ глупцы увидѣли въ рѣкѣ водоворотъ, и одинъ изъ нихъ сказалъ: смотрите, какъ кипитъ вода, а другой замѣтилъ, что будь подъ руками много овсяной муки, можно было бы приготовить похлебку на всю деревню. Они наносили много муки и бросили въ водоворотъ. Но какъ узнать, когда похлебка будетъ готова? Одинъ изъ нихъ рѣшился броситься въ рѣку, чтобы попробовать, и утонулъ. Товарищи подумали, что онъ увлекся похлебкой, попрыгали одинъ за другимъ и утонули [2]).

IX.

Глупцы принимаютъ свинью за дочь, крестятъ поросятъ, отпускаютъ поросенка къ его братцу на свадьбу.

Анекдоты этого разряда весьма распространены, весьма популярны и обработаны хорошо въ литературномъ смыслѣ. Большею частію они входятъ въ сказки о поискахъ глупцовъ. Выше уже были нами отмѣчены характерныя сказки этого рода малорусская, галицкорусская, сербская и болгарская.

X.

Глупцы пытаются вытянуть короткое бревно.

Анекдотъ о глупцахъ, вытягивающихъ короткое бревно, встрѣчается обыкновенно въ сказкахъ о поискахъ дураковъ, часто въ разсказахъ о пошехонцахъ, стеблевцахъ и т. д. Выше были отмѣчены сказки этого рода великор., малор., болг.

---

[1]) *Ястребовъ*, Матер. 186.
[2]) *Clouston*, 43.

XI.

Глупая женщина не догадывается, что при входѣ въ низкую дверь нужно нагинаться.

Въ надлежащемъ мѣстѣ, при обзорѣ сказокъ о поискахъ глупцовъ на тему кто глупѣе, мы привели нѣсколько характерныхъ анекдотовъ этого рода: сербскій, болгарскій, италіанскій—всѣ о высокой глупой невѣстѣ. Повидимому, между этими анекдотами существуетъ связь по прямому литературному заимствованію.

XII.

Глупецъ хочетъ впрыгнуть въ штаны.

Анекдотъ вполнѣ интернаціональный, встрѣчается въ разныхъ странахъ и у разныхъ народовъ, чаще всего въ сказкахъ о поискахъ глупцовъ. Выше были указаны варіанты сербскій о глупомъ мужикѣ, болгарскій о глупой матери, англійскій о мужикѣ, италіанскій о глупыхъ мужѣ и женѣ.

XIII.

Глупцы не знаютъ, какъ вынуть сжатый кулакъ изъ узкаго кувшина.

Анекдотъ весьма распространенный въ западной Европѣ и у южныхъ славянъ. Выше была указана нами сказка сербская.

У анатолійскихъ турокъ ходитъ разсказъ объ обывателяхъ Гальбуна вблизи Дамаска, что мальчикъ запустилъ руку въ кувшинъ и не могъ ее вытащить; мудрый мѣстный судья постановилъ отрѣзать руку; не догадались разбить кувшинъ [1]).

XIV.

Глупцы принимаютъ серпъ за звѣря.

Анекдотъ о серпѣ-звѣрѣ встрѣчается чаще всего въ составѣ сказокъ о поискахъ глупцовъ. Выше былъ уже приведенъ нами характерный малорусскій варіантъ.

Въ великор. сказкѣ изъ Тамбовской губ. мужики хотятъ утопить серпъ, и одинъ изъ нихъ пробуетъ переплыть на кругломъ бревнѣ рѣку. Бревно перевернулось, и мужикъ, заранѣе связавшій себѣ ноги бичевой, очутился головой внизъ, а ногами вверхъ: „Эхъ, братъ, кричали ему съ берега, что-жъ ты онучи бережешь? Коли и намочишь, дома на печкѣ высушишь“ [2]).

---

[1]) *Am Ur-Quell*, 1891, 118.

[2]) *Аѳанасьевъ*, Рус. н. ск. III 385.

Въ Германіи анекдотъ о серпѣ пріурочивается къ обывателямъ многихъ мѣстностей, которые будто приняли его за звѣря, пожирающаго жито, не знали, какъ приступить къ нему, били палкой, и какъ серпъ, отскочивъ отъ удара палкой, попалъ мужику на шею и былъ причиной его смерти [1].

XV.

Глупцы топятъ угря.

Въ русскихъ анекдотахъ о пошехонцахъ встрѣчается, между прочимъ, разсказъ о томъ, какъ пошехонцы приняли угря за опаснаго звѣря и толпой понесли его и утопили въ прудѣ.

Изрѣдка этотъ анекдотъ вставляется въ сказки о поискахъ глупцовъ.

Въ Германіи о мѣстныхъ пошехонцахъ—фокбекерахъ говорятъ, что они топили угря, предполагая, что онъ ѣстъ рыбы, и когда угорь сталъ въ водѣ извиваться, подумали, что онъ извивается отъ боли. Фокбекерцевъ даже дразнятъ Aalversüper. Этотъ анекдотъ относятъ и къ обывателямъ Моля [2].

Въ шотландской сказкѣ повторяется мотивъ о топленіи угря [3].

XVI.

Баба бьетъ квочку за то, что она не кормитъ цыплятъ грудью.

Анекдотъ—служебный, въ самостоятельномъ видѣ не встрѣчается, часто входитъ въ сказки о поискахъ глупцовъ, встрѣчается, какъ уже было отмѣчено нами, въ великорусскихъ и малорусскихъ сказкахъ и, кажется, неизвѣстенъ западно-европейскимъ, если не ошибаюсь, а ошибиться тутъ чрезвычайно легко.

XVII.

Скатываніе съ горы мельничнаго камня.

Съ именемъ германскихъ шильдбюргеровъ связанъ остроумный и довольно хорошо разработанный мотивъ о мельничномъ жерновѣ. Строили шильдбюргеры мельницу. На горѣ они нашли камень, обработали его и съ большимъ трудомъ стащили внизъ, и тутъ то одинъ изъ работниковъ замѣтилъ, что камень могъ бы скатиться и безъ ихъ усилій. Шильдбюргеры

---

1) *Am Ur-Quell* 1891, 170.

2) *Am Ur-Quell* 1891, 17.

3) *Clouston*, 191.

согласились и съ большимъ трудомъ встащили камень на гору на прежнее мѣсто, чтобы оттуда его пустить. Имъ пришло въ голову раздумье: а кто скажетъ имъ, гдѣ упалъ камень и какъ далеко онъ уйдетъ? Чтобы не оставлять его безъ надзора, одинъ изъ работниковъ вставилъ голову въ среднее отверстіе жернова. У подошвы горы былъ глубокій прудъ. Туда и упалъ камень, а вмѣстѣ съ нимъ и глупецъ, и послѣдній былъ придавленъ всей тяжестью камня. Шильдбюргеры не нашли камня внизу, подумали, что товарищъ похитилъ его и объявили по сосѣднимъ селамъ, что если кто встрѣтитъ человѣка съ камнемъ на плечахъ, то считалъ бы такового за похитителя общественной собственности и привлекъ его къ суду [1]).

Анекдотъ прилагается въ Германіи къ бюзумцамъ [2]); въ Россіи встрѣчается въ безыменныхъ сказкахъ о глупцахъ, иногда съ искусственнымъ національнымъ пріуроченіемъ.

XVIII.

Глупецъ ѣстъ: а) солому, б) хрѣнъ, в) лягушку, г) котятъ.

Мотивъ: глупецъ ѣстъ солому—рѣдокъ. Въ самостоятельной обработкѣ мнѣ этотъ мотивъ не встрѣчался. Судя по извѣстнымъ варіантамъ, онъ имѣетъ служебное значеніе, т. е. вставляется въ другія сказки и въ другіе анекдоты. Въ малорусской сказкѣ изъ Екатеринодара цыганъ работаетъ въ монастырѣ и, не получая пищи, жуетъ солому [3]). Изъ дальнѣйшихъ авантюръ цыгана въ монастырѣ обнаруживается его глупость.

Во французской сказкѣ о жителяхъ Бреса говорится, какъ попъ, поспоривъ на пари, заставилъ своихъ прихожанъ ѣсть сѣно. Онъ сказалъ, что папа прислалъ вязанку сѣна, скошеннаго на Голгофѣ, и кто будетъ его ѣсть, тотъ получитъ прощеніе грѣховъ, и народъ толпой повалилъ ѣсть сѣно [4]).

Повидимому, анекдоты о глупцѣ, поѣдающемъ траву, популярны во Франціи и варіируются на разные лады въ разныхъ департаментахъ. Такъ, въ сказкѣ изъ Верхней-Бретани объ Иванѣ Умномъ и Иванѣ Глупомъ— эти Иваны братья. Глупый, услышавъ крикъ жабъ, отдаетъ имъ свой хлѣбъ. Умный Иванъ предлагаетъ брату ѣсть копну соломы съ одной, а онъ будетъ ѣсть съ другой—и незамѣтно съѣдаетъ свой запасъ хлѣба. Заходятъ въ хуторъ. Хитрый Иванъ говоритъ брату, чтобы онъ не обнаруживалъ обжорства, и что онъ, удерживая его отъ увлеченія, придавитъ ему ногу подъ столомъ. На хуторѣ братьямъ дали поѣсть; но младшій не

---

1) *Clouston*, 59—60.

2) *Am Ur-Quell*, 1890, 170.

3) *Дикаревъ*, Черном. казки, 22.

4) *Sauvé*, Le Folklore des Hantesvogues, 251.

ѣлъ—кошка ступила ему на ногу, и онъ принялъ это за предостереженіе. Ночью пробирается, по совѣту брата, въ столовую и доѣдаетъ супъ, но на обратномъ пути попадаетъ въ дѣвичью, и одна изъ дѣвицъ, проснувшись, думаетъ, что съ нею произошелъ грѣхъ. Конецъ сказки фривольный, что выразилось въ образномъ описаніи, какъ спала дѣвица [1]).

Въ Харьковской губ. записанъ слѣд. анекдотъ: Два москали вывезлы гречку на базарь. А тоди на гречку добра цина була. Отъ воны ради, шо дорого попродалы и схотилы поласувать. Думалы, думалы, шожъ його купыть? и надумалы купыты сахарю. Отъ прыходютъ у бокалію и кажуть, шобъ имъ далы сахарю на дви копійки. А сахарь тоди дорогый бувъ. Купецъ давъ трошкы сахарю, такъ воны кажуть: „мало"; такъ купецъ подывывся на йихъ та й давъ йимъ свичку лойову. Ну, воны ради, шо бильше давъ, и не йидять заразъ, а зоставылы надали, щобъ йидучи ласувать. Отъ справылыся и пойихалы. Якъ выйихалы вже зъ города, заходылыся йисты тую свичку. Одынъ укусывъ и жуе, а другый пытае: „а што, братъ, ловко?" „Ловко то, братъ, ловко, да въ серединѣ веревка". А той тоди: „Ишь ты, —вездѣ, братъ, абманство" [2]).

На сходномъ народномъ анекдотѣ построена малорусская поговорка про Пархимово сниданье и литературная ея обработка въ повѣсти Г. Ѳ. Квитки „Пархимово сниданье". Здѣсь хитрая жена заставляетъ сначала мужа покупать ей разныя сласти. Наконецъ и мужъ рѣшаетъ повеселиться, получаетъ отъ жены три копѣйки, идетъ на базаръ, и сначала предлагаетъ копѣйку сластенницѣ за кучу сластенъ (печеніе на маслѣ), но она не уступаетъ. „Винъ вже и гречаныки и горохвьяныки, и млынцы, и буханцы, и пирижкы торгувавъ, кыдався и на мочени кислицы, и на медяныкы", такъ вездѣ ему на копѣйку или на три копѣйки давали слишкомъ мало. И вотъ онъ на эти деньги накупилъ кучу хрѣну, и, предполагая въ немъ лакомство, съ жадностью грызетъ корешки, потѣетъ, а грызетъ, приговаривая въ концѣ съ досады: „бачили чортовы очи, що покупалы" [3]).

Любопытно, что съ этой повѣстью весьма сходна одна индусская сказка изъ Камаона: Глупый сынъ получаетъ отъ матери три мелкихъ монеты: на одну монету онъ спитъ съ публичной женщиной; недовольная такой платой, она бьетъ дурня; на другую и третью заказываетъ приготовить большія количества бетеля и сластей. Торговцы потомъ бьютъ дурня и снимаютъ съ него одежду [4]).

---

[1]) *Sebillot*, Contes pop. de la H. Bretagne, 232.

[2]) *Гринченко*, II стр. 217.

[3]) *Квитка*, Сочин. II 151—159.

[4]) *Минаевъ*, Инд. ск. 15.

Въ нѣкоторыхъ сказкахъ глупецъ съѣдаетъ лягушку.

Въ Городницкомъ у. записанъ такой анекдотъ о литвинѣ:—„Цимохъ! Ходзи рака церебить!—гукавъ одынъ литвинъ другого, піймавшы жабу.—Идзѣ ты взявъ?—Йонъ самъ прыплясавъ.—Ето жъ не ракъ, ето ляга!—Ужо-жъ осталась одна нога“ [1]).

Почти тожественный анекдотъ циркулируетъ въ сѣверной Германіи [2]).

Въ армянской сказкѣ про мѣстныхъ пошехонцевъ—керкенджцевъ одинъ житель г. Керкенджъ накупилъ кебаба и сталъ его ѣсть на дорогѣ надъ рѣкой. Одинъ кебабъ упалъ въ воду; керкенджецъ долго искалъ его въ тинѣ, поймалъ лягушку и, принявъ ее за кебабъ, съѣлъ [3]).

Еще болѣе распространенъ мотивъ, какъ глупецъ поѣдаетъ на печкѣ котятъ, предполагая, что ѣстъ вареники. Этотъ мотивъ часто встрѣчается въ русскихъ сказкахъ про глупаго мужа или глупаго сына, затѣмъ въ сказкахъ польскихъ, французскихъ и др. Съ наибольшей полнотой этотъ мотивъ развитъ въ малорусскомъ варіантѣ изъ Валковскаго уѣзда Харьк. губ. Здѣсь глупый мужъ, съѣвъ котенятъ, принимается и за кошку, и когда кошка вырвалась и убѣжала, то глупецъ сожалѣетъ, что самый большой вареникъ утикъ [4]).

XIX.

Ошибки въ счетѣ.

Въ Харьковскомъ у. записанъ такой анекдотъ: Це якъ чоловикъ вивци личывъ. Увійшовъ у хливъ та почавъ:—Ну, це баранъ, геть його! Одна вивця, друга вивця, третя, четверта... а пьятойи нема!... Жинко!—каже--було въ насъ пьятеро овець, а теперь тилькы чотыри...—Та шо ты кажешь?—Та отъ хочь сама подывысь! Пишла й вона.—Ну, оце-жъ баранъ,—и геть його! А теперь вивци: одна, друга, третя, четверта, а пъятойи и нема!...—Та якъ же ты лычышь?—Та ось-же: це жъ баранъ,—його геть! А теперь вивци... То винъ забува, значыть, про барана та й не щыта його,—ну, въ його й выходыть чотыри замистъ пъяты [5]).

Въ варіантѣ изъ Валковскаго у. мужикъ, пересчитывая 6 воловъ, начинаетъ такъ: „оце рябый, оце разъ, оце два“ и т. д. и никакъ не досчитается 6-го [6]).

---

1) *Гринченко*, I № 137.

2) *Am Ur-Quell* 1891, 170.

3) *Сборн.* матер. для изуч. Кавк. VII 129.

4) *Манжура*, стр. 78.

5) *Гринченко*, 230.

6) *Манжура*, 103.

Г. Ѳ. Квитка ввелъ сходный анекдотъ въ „Конотопську видьму" (1833 г.); но здѣсь анекдотъ построенъ на историко-бытовой почвѣ старинной формы счета по палкѣ съ зарубками. Писарь ошибается въ счетѣ, пропускаетъ одного казака, потому что переломилъ палку на зарубкѣ, а не потому, что забывалъ себя. Здѣсь глуповатымъ выступаетъ не писарь, а самъ панъ сотникъ. Во всякомъ случаѣ и этотъ анекдотъ примыкаетъ къ анекдотамъ о глупости.

Въ Германіи ходитъ анекдотъ о мѣстныхъ пошехонцахъ, бюзумцахъ, что они, скупавшись и вышедши изъ рѣки, никакъ не могли сосчитать, сколько ихъ и горевали, что одинъ изъ нихъ утонулъ [1]).

Уже въ XVI в. въ числѣ англійскихъ анекдотовъ о готемитахъ циркулировалъ слѣдующій: Возвращалось 12 готемитовъ съ рыбной ловли, и одинъ изъ нихъ сказалъ, что ловля была удачная и всѣ благополучны. „А ну сосчитаемъ всѣ ли мы благополучно возвращаемся", сказалъ кто-то изъ нихъ, и принялись за счетъ, и сколько они не считали, все выходило 11, потому что считавшій всегда пропускалъ себя. Они рѣшили, что одинъ изъ нихъ потерялся или утонулъ, возвратились къ рѣкѣ, осмотрѣли мѣста рыбной ловли и плакали по погибшемъ товарищѣ. Въ это время мимо нихъ проѣзжалъ одинъ царедворецъ. Узнавъ отъ нихъ о причинѣ ихъ горя, онъ сказалъ, что найдетъ 12-го ихъ товарища, если они заплатятъ ему. Получивъ деньги, онъ вызывалъ ихъ по одиночкѣ и каждому давалъ по спинѣ хорошій ударъ плетью, такъ что бѣднякъ вскрикивалъ отъ боли. Такъ онъ сосчиталъ громко 11 и наконецъ 12-му далъ хорошую затрещину. Готемиты были очень благодарны за нахожденіе ихъ товарища. Клоустонъ, упомянувъ мимоходомъ о сходныхъ шотландской и исландской сказкахъ, передаетъ затѣмъ содержаніе одной близкой индійской сказки въ книгѣ прошлаго вѣка Gooroo Paramartan. Учитель и его пять учениковъ, всѣ глупцы, собираясь перейти черезъ рѣку разсказываютъ, каждый поочередно, какъ опасна эта рѣка, затѣмъ переходятъ, производятъ счетъ; одного не могутъ досчитать, пока не сосчиталъ ихъ ударами встрѣтившійся прохожій [2]).

Восточное происхожденіе анекдота отчасти подтверждается присутствіемъ его въ турецкомъ циклѣ анекдотовъ о Насръ-единѣ. Этому типичному дурню поручили отвести въ сосѣднюю деревню 20 ословъ. Ослы разбѣгались, и когда Н. считалъ ихъ, сидя на ослѣ, то онъ все одного не досчитывалъ, а когда вставалъ, то выходило полное число. Онъ забывалъ присчитать того, который подъ нимъ [3]).

---

1) *Am Ur-Quell*, 1890, 170.
2) *Clouston*, The book of noodles, 28—32.
3) *Газо*, Шуты 157.

XX.

Покупка кота и пожаръ отъ него.

Вмѣсто анекдота о серпѣ-звѣрѣ иногда выдвигается анекдотъ о покупкѣ глупцами кота, неумѣстныхъ опасеніяхъ и разореніи отъ кота. Покупка кота встрѣчается въ сказкахъ славянскихъ и нѣмецкихъ и обрисована такими сходными чертами, что естественно возникаетъ предположеніе о взаимномъ вліяніи. По нѣкоторому, правда, не особенно близкому сходству къ европейскимъ анекдотамъ о пожарѣ отъ кота примыкаютъ индійскіе о пожарѣ отъ барана.

Въ Болгаріи существуетъ много разсказовъ о глупыхъ людяхъ вообще и о глупости стеблевцевъ въ частности. Въ одномъ разсказѣ изъ Софійскаго округа основной мотивъ выраженъ уже въ самомъ заглавіи разсказа: „Развъждание на домашната котка“: Въ селѣ было много мышей, и люди защищались палками. Прохожій сказалъ, что онъ можетъ принести такого звѣря, который давитъ мышей и принесъ кошку. Селяне купили кошку, насыпавъ за нее мужику молную шапку денегъ. Мужикъ поспѣшилъ домой. Глупые селяне послали спросить мужика, что ѣстъ этотъ звѣрь. Мужикъ сказалъ: хлѣбъ и мясо. Посланные по ошибкѣ сказали: „хлѣбъ и насъ“. Селяне рѣшили убить опаснаго звѣря, вооружились дрекольями и стали гоняться за кошкой, которая уходила отъ нихъ черезъ заборы, плетни и хаты. Кошка убѣжала въ лѣсъ, и селяне, собравшись въ лѣсу, не могли рѣшить, они ли это, или не они [1]).

О шильдбюргерахъ издавна (въ изд. 1597 г.) ходитъ такой анекдотъ: Въ Шильдѣ не было кошекъ, и мыши такъ размножились, что бѣгали безбоязненно среди бѣлаго дня, все грызли, и шильдбюргеры даже опасались, что когда-нибудь будутъ ими съѣдены. Однажды въ гостинницу зашелъ путешественникъ съ котомъ. На вопросъ хозяина, что это за звѣрь, путешественникъ объяснилъ, что это котъ мышеловъ, и послѣдній тутъ же задавилъ нѣсколько мышей. Шильдбюргеры купили его за 100 флориновъ и половину этой суммы заплатили немедленно. Путешественникъ поспѣшилъ уйти, изъ опасенія, чтобы шильдбюргеры не одумались и не потребовали денегъ назадъ. Вдругъ шильдбюргеры вспомнили, что они забыли спросить, чѣмъ кормить кота, и одинъ изъ нихъ побѣжалъ въ догонку за путешественникомъ. Послѣдній, завидѣвъ бѣгущаго сзади человѣка, подумалъ, что онъ хочетъ отнять деньги и прибавилъ шагу. Посланецъ не могъ догнать и издали закричалъ: „Чѣмъ кормить кота“? Путешественникъ отвѣтилъ:

[1]) *Сборн.* за нар. умотв. VII 135—137.

„What you please“ (чѣмъ хотите). Шильдбюргеру послышалось „Men and beasts“ (людьми и животными). Изъ опасенія, что котъ, поѣвши мышей, пріймется за домашній скотъ, а затѣмъ и за людей, обыватели Шильды рѣшили убить его; но такъ какъ никто не рѣшался подойти къ нему, то они зажгли общественный хлѣбный магазинъ, гдѣ находился котъ. Послѣдній выпрыгнулъ въ окно и взобрался на крышу частнаго дома. Шильдбюргеры купили у хозяина этотъ домъ и зажгли огонь распространился и уничтожилъ все село. Одинъ шильдбюргеръ схватилъ длинную палку и ударилъ кота, сидѣвшаго на крышѣ и умывавшагося лапками. Котъ вспрыгнулъ на шестъ и сталъ спускаться. Испуганные шильдбюргеры разбѣжались по сосѣднимъ лѣсамъ [1]).

Къ анекдотамъ о пожарѣ, вызванномъ глупымъ поступкомъ, примыкаетъ слѣдующій распространенный повѣствовательный мотивъ: въ Панчатантрѣ находится разсказъ о томъ, какъ одинъ прожорливый баранъ поѣдалъ на царской кухнѣ запасы. Поваръ ударилъ его горящимъ полѣномъ; шерсть загорѣлась; баранъ бросился въ конюшни, которыя вскорѣ запылали. Въ персидской версіи Синдибадъ Наме (повѣсти о семи мудрецахъ) старуха въ гнѣвѣ бросила на козла, ударившаго ее рогами, огонь; козелъ съ горящею шерстью побѣжалъ въ сарай, гдѣ стояли слоны и пр. Подобная сказка записана въ новое время въ Индіи; здѣсь старуха, чтобы наказать кота, поѣдавшаго ея пищу, обвязываетъ его ватой и поджигаетъ; котъ вскочилъ на крышу дома, который немедленно загорѣлся, а за нимъ сгорѣла вся деревня [2]).

XXI.

Переправа черезъ рѣку.

Въ дѣтствѣ я слышалъ такіе анекдоты о глупости какихъ то москалей „галичанъ“: они не могли пронести бревна въ ворота, потому что несли его впоперекъ, выносили по ночамъ темноту изъ избы ведрами, купили у солдата ружье за рубль и каждый далъ по рублю и потомъ стрѣляли, держась за ружье. Въ особенности интересенъ слѣдующій анекдотъ: нѣсколько „галичанъ“ задумало переплыть черезъ рѣку верхомъ на бревнѣ. Всѣ они были въ лаптяхъ. Они сѣли на бревно и, чтобы не упасть, посвязывали себѣ ноги; бревно перевернулось, и всѣ мужики перевернулись головами внизъ въ воду, а ногами вверхъ. Стоявшіе на берегу тогда закричали: посмотрите, какъ наши-то лапотки сушатъ. Какъ ни своеобразенъ этотъ

---

1) *Clouston*, 61- 64.
2) *Clouston*, 65—67.

анекдотъ, сообщенный мнѣ въ дѣтствѣ матерью, личнаго вымысла въ немъ повидимому немного. Кое-что сходное обнаруживается въ слѣдующемъ латинскомъ анекдотѣ въ „Doctae nugue gaudantu jocosi etc. Бугелія 1713 г.: „Fabula quaedam fertur de quibusdam fatuis, qui cum una in ripa fluvii cujusdam consedissent, ac pedes quisque suos aliorum pedibus conjunctos in fluvium demisissent, cum surgendum esset, ignorare coeperunt, utri utrius pedes essent, donec transeuntis cujusdam baculo percussi, suos quisque pedes, sensu videlicet verberum admonitus, ad se traxissent" (*Am Ur-Quell* 1893, 181), т. е. существуетъ разсказъ о глупцахъ, которые сидя надъ рѣкой связали себѣ ноги и опустили ихъ въ рѣку, а когда вынули ноги, то не знали, кому принадлежали тѣ или другія ноги и только ударами палки они опредѣлили свои ноги.

Вообще, существуетъ много анекдотовъ о томъ, какъ глупцы рѣку приняли за море, какъ они въ водоворотѣ варили кашу, какъ пробовали переплыть море въ бочкѣ. На популярность послѣдняго мотива въ Англіи указываетъ шутливая пѣсенка объ англійскихъ пошехонцахъ—готемитахъ:

Three man of Gotham
Went to sea in a bowl;
If the bowl had been stranger,
My tale had been longer [1]).

XXII.

Одинъ топоръ на всю деревню.

Въ анекдотахъ значительную роль играетъ топоръ или ножъ. Въ англійскихъ сказкахъ о готемитахъ находится эпизодъ, какъ на всю деревню былъ одинъ топоръ, который висѣлъ всегда среди села на деревѣ, и если его не было на мѣстѣ, то нуждающійся кричалъ: „Ножичекъ, къ дереву!" Чтобы скрыть его отъ плотниковъ, глупцы рѣшили закопать его на примѣтномъ мѣстѣ, и закопали подъ черной тучкой, а когда на другой день пришли, то тучка ушла, и мѣсто было потеряно [2]).

Анекдотъ этотъ встрѣчается въ Россіи въ приложеніи къ пошехонцамъ, будто они имѣли одинъ топоръ на всю деревню, а отсюда произошла поговорка—одинъ топоръ на всю деревню, прилагаемая въ разныхъ случаяхъ.

---

[1]) *Clouston*, The book of noodles, 122.
[2]) *Clouston*, 53—54.

XXIII.

Анекдоты о большой капустѣ, большой гречкѣ и т. п.

Въ Сумскомъ у. записана такая сказка о дурисвитахъ: Якъ живъ соби чоловикъ та жинка. Отъ воны наняли работника, не дуже великого хлопця. А той работныкъ та вмивъ дурыть людей. Той чоловикъ и каже:—Ты вміешъ дурыть людей? Винъ каже:—Вмію.—Ну, ходимъ, и я вмію. Отъ воны дойшлы до села, де бувъ ярмарокъ, а чоловикъ и каже:—Гляды жъ, хлопче, якъ будутъ чоловики выйиздыть изъ села, та будуть пытать, изъ якого ты села, а ты кажы: изъ Грыгорода. А якъ пытатымуть, чы здорова тамъ капуста? а ты кажы: я не знаю, а мени маты казала, шо пидъ однымъ лыстомъ заховалось у дощъ сорокъ чумакивъ изъ воламы, изъ возамы. А якъ пытатымуть: чы здорова гречка?—а ты кажы: я не знаю, а маты казала, шо сорокъ буханцивъ изъ одныейи гречынки спыклы.—Ну, добре,—каже хлопець,—я такъ казатьму. Той чоловикъ пишовъ на ярмарокъ, прыйшовъ до капусты тай каже:—Оце тутъ така капуста? Той чоловикъ, шо продае, каже:—Така е!—А въ насъ така, якъ цилый городъ здорова—здорова! Той каже:—Ты брешешъ! Ни,—каже,—не брешу.—Ни, брешешъ!—Ни, не брешу!—Ну, давай у закладъ!—Давай! Отъ той чоловикъ пойихавъ изъ йимъ туды, де той казавъ, шо капуста така. Колы зостричае того хлопця та й пыта:—Де се есть така капуста, що якъ цилый городъ? А той хлопець каже:—У нашому сели есть, та я тильки не знаю, а мини маты казала, що пидъ однымъ капустнымъ лысткомъ заховалось у дощъ сорокъ чумакивъ изъ воламы, изъ возамы.—А зъ якого ты города? —Изъ Грыгорода. Чоловикъ той подумавъ:—Чого жъ и йихаты туды? и вернувся упъять у городъ и давъ тому чоловиковы грошей такъ якъ за правду. Отъ упъять той чоловикъ пидійшовъ туды, де продавалы гречку. —Оце,—каже,—у васъ така гречка мала? А въ нашему сели, така здорова: одно зерно таке якъ добрый горщокъ та велыкій.—Брешешъ!—каже той чоловикъ.—Ни, не брешу.—Ну, давай у закладъ на гроши!—Ну, давай,—каже той, шо дурывъ. Узявъ коня той, шо зъ гречкою, та й пійшовъ у те село. Йиде, колы зостричае того хлопця та й каже:—Чы вылыка у васъ гречка? А той каже:—Я не знаю, а маты казала шо зъ одныейи гречынкы сорокъ буханцивъ пекла.—А зъ якого ты города?—Изъ Григорода.—Ну,—думае чоловикъ,—такъ, якъ винъ казавъ! И пойихавъ назадъ; прыйиздыть, дае тому чоловику грошей такъ якъ за правду. Отъ той чоловикъ и хлопецъ надурылы грошей, подилылысь и тоди розійшлысь... [1]).

---

[1]) *Гринченко*, I № 174.

Въ варіантѣ изъ Александровскаго уѣзда „Якъ чоловикъ людей колысь дурывъ“ герой хлопецъ. Начало съ нисенитницы: „плывъ млыновый камень, а на ему собака сидивъ та муку слызувавъ“. Между прочимъ мотивъ о кабанѣ, урывшемся въ тыкву и три дня здѣсь не розысканномъ. Хлопецъ забираетъ у пана коней [1]).

XXIV.

Извлеченіе изъ собаки или мыши съѣденнаго ею.

Въ фацеціяхъ Гіерокла находится разсказъ о кумейцѣ, который, продавая медъ, на вопросъ покупателя, почему медъ плохъ, отвѣтилъ: „если бъ не упала въ него мышь, я и не продавалъ бы его“.

До нѣкоторой степени сходные анекдоты обращались въ старое время въ Англіи. Въ „Descriptio Norfolciensium“ XII в. находится такой анекдотъ: Одинъ обыватель Норфолька положилъ въ горшокъ меду; собака вскорѣ его поѣла. Хозяинъ заставилъ ее выблевать медъ, сложилъ его снова въ горшокъ и понесъ на базаръ. На замѣчаніе покупателя, что медъ очень грязенъ, продавецъ отвѣтилъ, что онъ помѣщался не въ особенно чистомъ сосудѣ. Въ одномъ англійскомъ сборникѣ анекдотовъ XVII в. приведенъ близкій варіантъ: Женщина извлекла такимъ образомъ изъ собаки масло и послала служанку, противъ ея воли, на базаръ продавать его („tis good enough for schollards“) [2]).

XXV.

О глупцѣ, устроившемъ сараи изъ зеленыхъ вѣтвей.

Въ великорусскомъ анекдотѣ братья дѣлятъ наслѣдство изъ коровъ. Старшій предлагаетъ сплести сараи, и въ какой сарай скотина пойдетъ, того она и будетъ. Согласились. Умные братья сплели изъ голаго хворосту, а дуракъ изъ зеленыхъ вѣтокъ. Скотина вся и пошла къ дураку. Братья отняли ее насильно [3]).

Есть тожественная польская сказка. Здѣсь только 2 брата, и глупый, получивъ скотину, ничего не даетъ богатому [4]).

XXVI.

Мертвое тѣло.

Сказки и анекдоты о мертвомъ тѣлѣ чрезвычайно распространены у разныхъ народовъ Европы и Азіи, причемъ большею частью входятъ въ циклъ сказокъ о поискахъ глупцовъ.

---

1) *Манжура*, 81—82.

2) *Clouston*, The book of noodles, 18.

3) *Аѳанасьевъ*, Рус. н. ск. III 356.

4) *Ciszewsky*, Krakowiacy, 209.

Въ многочисленныхъ великорусскихъ сказкахъ этого рода у вдовы три сына: два умныхъ, третій глупый. Послѣ ея смерти умные подѣлили имущество и не оставили, вопреки завѣщанію матери, ничего дураку. Тогда дуракъ встащилъ трупъ матери на чердакъ и сталъ кричать, что братья его убили мать; братья дали ему сто рублей и лошадь и выпроводили изъ дому. На дорогѣ дуракъ нарочито не сворачиваетъ передъ бариномъ; баринъ оборачиваетъ телѣгу съ мертвымъ тѣломъ; дурень кричитъ, что баринъ убилъ старуху, и баринъ откупается 300 рублями. Наконецъ, дуракъ ставитъ трупъ у попа въ погребу; попадья, предполагая, что женщина крадетъ у ней сметану, бьетъ трупъ палкой по головѣ; дуракъ кричитъ, что убили его матушку. Попъ заплатилъ 100 руб. и похоронилъ старуху.

Въ одномъ варіантѣ къ концу присоединенъ мотивъ объ убійствѣ женъ. Дурень сказалъ братьямъ, что продалъ трупъ матери, и жадные братья убиваютъ женъ и везутъ продавать ихъ трупы.

Въ другомъ варіантѣ глупый братъ идетъ сторожить горохъ и убиваетъ мать. На дорогѣ онъ беретъ 300 руб. съ чиновника.

Въ третьемъ варіантѣ два брата: умный и глупый. Умираетъ умный, и глупый сначала ставитъ его трупъ на возу съ бочкой меда и беретъ деньги съ извощиковъ, потомъ сажаетъ на коня въ поповской конюшнѣ и беретъ деньги съ попа [1]).

Въ великор. сказкѣ Самарской губ. два умныхъ брата поручаютъ третьему, глупому, выкопать яму и поймать лисицу. Дурень ловитъ и убиваетъ мать, везетъ ея трупъ, беретъ съ барина деньги, говоритъ братьямъ, что продалъ трупъ матери. Братья перебиваютъ своихъ женъ и везутъ ихъ продавать [2]).

Въ Самарской сказкѣ мужъ притворяется слѣпымъ, находитъ дома любовника жены, убиваетъ его и оттаскиваетъ трупъ къ дому попа, а потомъ говоритъ, что попъ убилъ, беретъ съ попа 100 руб. и спускаетъ трупъ въ рѣку [3]).

Въ сложной и запутанной малорусской сказкѣ „про дурня та богову дудку" баба приходитъ къ дурню просить спичекъ; дурень убилъ ее, отнесъ въ другую хату и поставилъ подъ дежей, потомъ взбирается съ трупомъ на дерево, роняетъ его на разбойниковъ, разгоняетъ ихъ и забираетъ деньги. Выкупа нѣтъ [4]).

---

1) *Аѳанасьевъ*, Рус. н. ск. III 355—359.

2) *Садовниковъ*, стр. 127.

3) *Садовниковъ*, стр. 162; варіантъ въ Кρυπτάδια I № 68.

4) *Манжура*, 76.

Въ варіантѣ два брата: умный и глупый. Жена умнаго брата умерла и была похоронена. Глупый откопалъ трупъ и сначала положилъ его къ одному богачу въ хлѣбный амбаръ, потомъ къ другому въ свиной сажъ, будто кабаны его погрызли, въ третій разъ сажаетъ трупъ на лошадь и запугиваетъ попа. Послѣ этого дурень беретъ съ богача три пары воловъ и съ бранью бросаетъ трупъ въ яму [1]).

Въ Галиціи записано нѣсколько сказокъ на эту тему. Одна носитъ выразительное заглавіе: „баба, четыре раза похороненная". Въ другой мужъ представился глухимъ и слѣпымъ. Жена стала потчивать дьячка любовника варениками. Мужъ убилъ его и воткнулъ ему въ ротъ вареникъ. Жена подумала, что дьякъ подавился. Мужъ несетъ трупъ на пасѣку ксендза; ксендзъ стрѣляетъ, предполагаетъ, что убилъ вора и платитъ мужу, какъ единственному свидѣтелю, чтобы онъ молчалъ; потомъ мужъ кладетъ трупъ на току у пана; послѣдній стрѣляетъ и также платитъ мужу [2]).

Въ литературной раскраскѣ мотивъ о мертвомъ тѣлѣ встрѣчается въ разсказѣ Стороженка „Дурень" [3]).

Этотъ грубый мотивъ выходитъ далеко за предѣлы русской народной словесности. Встрѣчается онъ въ сказкахъ польскихъ [4]), сербскихъ, у вотяковъ, литовцевъ, нѣмцевъ, французовъ, у кавказскихъ инородцевъ и даже въ далекой Индіи [5]).

Въ индійской сказкѣ братъ Бату уходитъ изъ дому звать и себѣ въ гости брахмановъ и поручаетъ брату Лату вымазать домъ коровьимъ навозомъ съ глиной, выкрасить порогъ и скамью и скупать мать. Глупый Лату вымазалъ домъ человѣческими испражненіями, скамью вымазалъ клеемъ и облилъ мать кипяткомъ. Бату исправилъ, что могъ, и послалъ Лату за женой, а Лату въ дорогѣ при переправѣ черезъ рѣку изрубилъ сноху, чтобы удобнѣе было перенести ее. Сказка обилуетъ грубыми чертами сожиганія труповъ и убійства [6]).

Весьма возможно, что анекдотъ о мертвомъ тѣлѣ возникъ первоначально на азіятскомъ востокѣ. Распространеніе его литературнымъ путемъ въ Европѣ было сильно облегчено тѣмъ, что онъ укрѣпился въ средніе вѣка въ фабліо и въ новеллахъ.

---

[1]) *Ястребовъ*, 169.

[2]) *Kolberg*, Pokuice IV, №№ 69, 67.

[3]) *Основа*, 1862 VI 55.

[4]) *Chetchowski*, №№ 7, 14.

[5]) *Wrana*, *Верещагинъ* 163, *Сборн.* матер. д. изуч. Кавк. XIII 306, XVI 361, *Cosquin* № 805, *Минаевъ* 38, *Schleicher* 125 и др.

[6]) *Минаевъ*, Инд. ск. 38—42

XXVII.

Прохожій отъ того свѣта. Втыканіе хвоста въ землю.

Въ Каменцѣ Подольскомъ въ 1847 г. записана сказка „Чоловикъ видъ Богу" слѣд. содержанія: стояла при дорогѣ корчма. Шинковали жиды. Сюда зашелъ однажды человѣкъ „видъ Богу" (съ Побужья). Жидовка спросила, откуда онъ, и поняла его отвѣтъ „видъ Богу" въ томъ смыслѣ, что онъ идетъ отъ Бога, съ того свѣта. Жидовка стала распрашивать, что дѣлаетъ на томъ свѣтѣ ея отецъ. „Працюе, якъ той чорный вилъ; обдерся зовсимъ, сорочины люцкои на нимъ нема". Жидовка даетъ страннику для передачи отцу одежду и деньги. Мужъ жидовки гонится за странникомъ; странникъ говоритъ, что человѣкъ, бывшій у него въ домѣ, уже прошелъ и беретъ у жида лошадь, чтобы догнать его, а его заставляетъ подпирать яблоню, чтобы яблоки не падали. Долго стоялъ жидъ, пока сообразилъ, что странникъ обманулъ его. Возвратившись домой, онъ, чтобы скрыть отъ жены свою оплошность, сказалъ, что отдалъ своего коня для тестя, чтобы онъ на томъ свѣтѣ возилъ на немъ воду [1]).

Въ малорусскомъ варіантѣ жидовка даетъ пьянчужкѣ нѣсколько разъ по осьмушкѣ, и онъ нѣсколько разъ повторяетъ, что видѣлъ, какъ въ аду на ея отцѣ возятъ лозу, а мать, голая и босая, пасетъ козъ. Жидовка даетъ одежду и коня. Мужъ ея догналъ пьянчужку. Онъ далъ ему подержать коня, пока выломаетъ въ лѣсу палку, чтобы побить; пьяница на лошадь и укатилъ, а жидъ сказалъ своей женѣ, что отдалъ тестю и своего коня [2]).

Въ нѣкоторыхъ сказкахъ анекдотъ о прохожемъ съ того свѣта сочетается съ анекдотомъ о высиживаніи жеребенка изъ тыквы. Такъ, въ малорусской сказкѣ послѣ анекдота о тыквѣ непосредственно слѣдуетъ разсказъ о томъ, что жидовка распрашиваетъ прохожаго, какъ живутъ на томъ свѣтѣ ея отецъ и мать и посылаетъ имъ деньги и одежду. Мужъ догоняетъ. Прохожій говоритъ, что онъ поддерживаетъ дерево, а пришлецъ съ того свѣта прошелъ, беретъ у жида лошадь догнать. Жидъ остался безъ лошади, и женѣ потомъ сказалъ, что и коня отдалъ ея родителямъ [3]).

Польская сказка о довѣрчивой жидовкѣ почти тожественна съ малорусской сказкой Шейковскаго. Прохожій говоритъ, что идетъ „od Boga". Жидовка думаетъ, что онъ идетъ съ того свѣта и распрашиваетъ о своихъ

---

1) *Шейковскій*, Бытъ подолянъ II 68—72.

2) *Чубинскій*, II 577.

3) *Чубинскій*, II 572.

родителяхъ. Хитрый мужикъ говоритъ, что отецъ ея вмѣсто коня возитъ дерево, а мать проситъ милостыню. Жидовка даетъ на тотъ свѣтъ 2 дуката, одежду, рубашки, юбку, муки. Мужъ догоняетъ прохожаго. Послѣдній говоритъ, что онъ подпираетъ грушевое дерево, чтобы оно не упало, а странникъ будто прошелъ. Мужъ берется держать дерево и проситъ мужика догнать странника на его лошади. Плутъ уходитъ, а мужъ потомъ говоритъ женѣ, что отдалъ коня для ея отца на тотъ свѣтъ [1]).

Въ краткомъ польскомъ варіантѣ богатая пани оплакиваетъ покойнаго мужа. Мужикъ говоритъ, что онъ идетъ „z nieba", что видѣлъ, какъ тамъ ея мужъ свиней пасетъ, и горестная вдова даетъ ему для передачи мужу сто рублей [2]).

Въ имеретинской сказкѣ, начало которой о плачущихъ глупцахъ было уже приведено нами на своемъ мѣстѣ, къ мотиву о плачущихъ глупцахъ присоединенъ лишь одинъ мотивъ—о прохожемъ съ того свѣта. Плутъ подслушавъ плачъ и причитанія вдовы, выдалъ себя за прохожаго съ того свѣта, вдова повѣрила, собрала драгоцѣнности и передала ихъ съ прохожимъ на тотъ свѣтъ. Деверь, прійдя домой, и увидѣвъ, что невѣстка его очень довольна, спросилъ ее о причинѣ радости. Счастливая вдова разсказала подробно деверю, что съ нею случилось, и какъ теперь она готовится къ встрѣчѣ своего умершаго мужа. Деверь, выслушавъ разсказъ невѣстки, сразу понялъ, что она одурачена какимъ-то мошенникомъ и, ни слова не говоря, осѣдлалъ коня и поскакалъ вслѣдъ за обманщикомъ. Обманщикъ же тѣмъ временемъ шелъ себѣ, не спѣша, по дорогѣ, довольный, что ему такъ легко удалось провести глупую женщину. Вдругъ, идя полемъ, онъ услышалъ вдали шумъ лошадиныхъ копытъ; догадавшись, что это вѣрно за нимъ погоня, онъ сталъ придумывать, гдѣ бы укрыться отъ бѣды. Неподалеку отъ него въ полѣ пахалъ мужикъ; крестьянинъ подошелъ къ пахарю и сказалъ: „Ты видишь по дорогѣ скачетъ посланный самого царя; онъ ищетъ плѣшивыхъ и, по царскому указу, рубитъ имъ головы".—„Что же мнѣ дѣлать?" спросилъ испуганный мужикъ, „вѣдь у меня и половины волосъ нѣтъ на головѣ!"—„Если хочешь спастись, то полѣзай скорѣе на дерево и сиди тамъ пока не проѣдетъ царскій посланецъ; а я за тебя буду пахать, кстати у меня нѣтъ плѣши". Обрадованный мужикъ немедленно взлѣзъ на дерево, а хитрецъ—крестьянинъ принялся старательно пахать. Въ это время подъѣхалъ деверь ограбленной вдовы и, увидѣвъ пахавшаго крестьянина, сталъ его распрашивать, не проходилъ-ли здѣсь какой нибудь человѣкъ.—„Какъ-же! недавно тутъ прошелъ какой-то крестьянинъ

[1]) *Ciszewski*, 275—278.

[2]) *Ciszewski*, 278.

и, заслышавъ стукъ лошадиныхъ копытъ, спрятался вонъ за то дерево", отвѣтилъ хитрецъ. Деверь вдовы соскочилъ съ лошади, подошелъ къ указанному дереву и сталъ требовать отъ сидѣвшаго на немъ пахаря, чтобы тотъ немедленно сошелъ на землю, угрожая, что иначе онъ его стащитъ силою. Но испуганный мужикъ началъ кричать, что было голосу, и биться головою о дерево, приговаривая:—„Нѣтъ, нѣтъ! ни за что не сойду! я не намѣренъ отдать свою голову на отсѣченіе!" Тогда родственникъ вдовы самъ полѣзъ на дерево, а тѣмъ временемъ крестьянинъ, обманувшій вдову, вскочилъ на оставленнаго коня и быстро помчался по дорогѣ, крикнувъ довѣрчивому преслѣдователю, что онъ-то и есть тотъ самый воръ, который ограбилъ глупую вдову, и посовѣтовалъ оставить въ покоѣ бѣднаго, ни въ чемъ неповиннаго, пахаря. Со стыдомъ вернулся домой деверь и на вопросъ невѣстки, гдѣ его конь, съ усмѣшкой отвѣтилъ, что конь посланъ ея мужу черезъ того же человѣка, которому она отдала вещи. Въ то время, какъ обокраденный деверь, по возвращеніи, тужилъ о своихъ убыткахъ, хитрый крестьянинъ весело везъ домой чужія богатства на чужомъ же добромъ конѣ, удивляясь людской глупости и довѣрчивости.—„Да, думалъ онъ, моя жена и дочери еще не такъ глупы, какъ я полагалъ,—есть люди и поглупѣе ихъ [1]).

Западно-европейскіе варіанты многочисленны и разнообразны. Они указаны у Коскена, у Кузмичевскаго (турец. анекдоты *въ Кіев. Стар. 1886 III 448) и у Клоустона.*

Въ весьма интересной римской сказкѣ прохожій заходитъ къ одной вдовѣ и проситъ дать ему что-нибудь на ужинъ. Вдова даетъ ему сковороду, два яйца и кусочекъ масла, чтобы онъ сварилъ яичницу. Прохожій незамѣтно стащилъ у нея еще 6 яицъ. Когда она увидѣла въ яичницѣ 6 яицъ она сказала: „О, да вы человѣкъ чудесный, должно быть съ того свѣта и не знаете ли вы такого-то". Тутъ она назвала своего покойнаго мужа. Прохожій смекнулъ, что это глупая женщина. „О да—я его знаю; онъ живетъ недалеко отъ меня"—отвѣтилъ прохожій. „Вотъ какъ! А какъ живутъ на томъ свѣтѣ?" — „Не особенно дурно, а инымъ живется совсѣмъ хорошо. Плохо тѣмъ, кому ѣсть нечего, напр. вашему мужу; онъ чуть не умираетъ съ голода".— „Неужели? воскликнула вдова, мой мужъ, который здѣсь имѣлъ всегда такой хорошій обѣдъ! Не окажете ли вы мнѣ милость, не передадите ли вы ему кое-что отъ меня". Вдова предлагаетъ прохожему переночевать, даже свою постель, но прохожій говоритъ, что онъ ляжетъ у печки и уйдетъ очень рано, чтобы злые языки не наплели чего про вдову. На разсвѣтѣ вдова нагрузила на осла разные съѣстные припасы—око-

---

[1]) *Сборн.* матер. д. изуч. Кавказа, XIX, 30.

роковъ, сыра, вина, макаронъ и дала его прохожему. Въ дорогѣ прохожій увидѣлъ, что вдова бѣжитъ за нимъ и что то кричитъ. Опасаясь, чтобы она не оказалась болѣе умной, онъ сдѣлалъ видъ, будто не слышитъ и шелъ далѣе. Но вскорѣ онъ ясно разобралъ, что вдова спрашиваетъ, какія деньги въ ходу на томъ свѣтѣ. „Всякія!" онъ отвѣтилъ. Тогда вдова закричала: „воротитесь, и будьте добры возьмите еще сто скуди для мужа". Прохожій не заставилъ себя долго просить [1]).

Въ норвежской и италіанской сказкахъ прохожій говоритъ женщинѣ, что онъ идетъ изъ рая. Женщина спрашиваетъ, какъ поживаетъ тамъ ея второй мужъ, который былъ очень добръ къ ней при жизни. Прохожій говоритъ, что живетъ онъ плохо, бѣдно, проситъ милостыню по дворамъ. Жена дала ему телѣгу съ одеждой и ящикъ денегъ. Прохожій не замедлилъ уѣхать. На дорогѣ его встрѣтилъ третій мужъ женщины и узналъ свою лошадь. Онъ поспѣшилъ домой распросить жену, и послѣдняя все откровенно ему разсказала. Мужъ соскочилъ на другую свою лошадь и погнался за странникомъ, чтобы отнять телѣгу и деньги. Странникъ, замѣтивъ погоню, спряталъ коня и телѣгу за большимъ заборомъ, вырвалъ изъ конскаго хвоста пукъ волосъ, повѣсилъ его на березѣ, легъ на землю и смотрѣлъ на небо. Когда къ нему подъѣхалъ мужъ, онъ сказалъ: „Что за чудо! сейчасъ кто-то на черной лошади поѣхалъ на небо. Смотрите, вотъ и часть хвоста оборвалась". Петръ — имя мужа — прилегъ на землю и тщательно всматривался въ ту часть неба, куда указывалъ странникъ, а послѣдній въ это время захватилъ и вторую его лошадь и былъ таковъ [2]).

Въ краткой французской сказкѣ изъ Лотарингіи, глупая жена подумала, что прохожій нищій изъ рая, дала ему для передачи сестрѣ разные предметы и лошадь, взявъ съ него обѣщаніе возвратить лошадь черезъ три дня. Мужъ не гонится. Черезъ нѣсколько дней онъ былъ съ женой въ полѣ и жена увидѣла закопанную въ землѣ лошадь, одна нога которой выходила изъ земли. „Смотри—закричала она мужу—наша Финета уже выходитъ изъ рая". Коскенъ указалъ на цѣлый рядъ французскихъ варіантовъ, нѣмецкихъ, англійскихъ, ирландскій, норвежскій, румынскій. Въ большинствѣ этихъ варіантовъ мужъ (или сынъ) догоняетъ плута верхомъ на лошади, но послѣдній посредствомъ обычной, отмѣченной выше, хитрости уводитъ и этого коня [3]).

---

1) *Clouston*, The book of noodles, 204—207.

2) *Clouston*, The book of noodles 207—211.

3) *Cosquin*, Contes pop. de Lorraine, I 287—245.

Сказки и повѣсти о странникѣ изъ рая издавна бродятъ въ Европѣ; онѣ встрѣчаются въ литературныхъ памятникахъ XVI и XVII вѣковъ, въ Schimpf und Ernst Паули (первое изд. въ 1519 г.), въ Фацеціи Ганса Сакса о школьникѣ изъ рая (1555 г.), въ французскомъ сборникѣ юмористическихъ разсказовъ La Gibecière de Mome on le Trésor du ridicule" 1644 г. Всѣ эти повѣсти весьма сходны, особенно двѣ послѣднія: Бѣдный школьникъ подошелъ къ дому богатаго крестьянина, въ его отсутствіе. Жена стала разспрашивать, откуда онъ, и школьникъ отвѣтилъ, что онъ идетъ изъ рая. Она стала распрашивать, какъ живетъ тамъ ея первый мужъ. Школьникъ говоритъ, что онъ крайне нуждается въ одеждѣ и въ пищѣ и чуть не умираетъ съ голода. Добрая женщина снабдила его деньгами и лучшимъ платьемъ. Возвратившійся вскорѣ мужъ погнался за плутомъ. Послѣдній, завидѣвъ погоню, спряталъ узлы, и сказалъ подъѣхавшему мужу, что кто-то углубился въ лѣсъ съ узлами. Крестьянинъ проситъ его подержать лошадь, а самъ пѣшкомъ углубляется въ лѣсъ по указанному направленію. Плутъ увелъ лошадь, и мужъ потомъ говоритъ женѣ, будто онъ добровольно отдалъ лошадь, чтобы прохожій скорѣе прибылъ въ рай [1]).

Сказки о прохожемъ изъ рая весьма популярны на мусульманскомъ Востокѣ. Въ Турціи онѣ пріурочены къ ходжѣ Насръ-эдину. Ходжа говоритъ женщинѣ, что ея умершій сынъ въ аду и въ рай его не пускаютъ за долги. Мать даетъ ему 1000 аспровъ на уплату долга. Мужъ гонится. Ходжа перемѣняетъ одежду съ мельникомъ. Мельникъ спрятался на деревѣ (ходжа выдалъ мужа за судебнаго пристава). Мужъ лѣзетъ на дерево, оставивъ внизу коня и верхнее платье. Ходжа забираетъ коня и одежду и уѣзжаетъ, крикнувъ мужу, что онъ обманутъ. Мужъ, по возвращеніи домой, говоритъ, что отдалъ добровольно ходжѣ коня и одежду за его доброе намѣреніе [2]).

Въ Индіи сказки о прохожемъ изъ рая весьма популярны, извѣстны въ сингалезскомъ и тамильскомъ варіантахъ. Въ одной сказкѣ выведены скупой и старый мужъ и его добрая, но глупая жена. Нѣкій деревенскій пройдоха зашелъ къ нимъ въ отсутствіе домохозяина, сѣлъ на порогѣ и притворился очень усталымъ. Онъ сказалъ, что идетъ съ того свѣта, что видѣлъ тамъ ея свекра и свекруху, которые будто бы живутъ тамъ въ большой нуждѣ. Добрая женщина при этомъ печальномъ извѣстіи передала бѣднымъ загробнымъ старикамъ платья, денегъ и пищи. Прохожій поспѣшилъ уйти (въ Kailasa, Siva's mountain). Когда мужъ возвратился, то жена сказала, какъ она позаботилась о его родителяхъ. Мужъ разсердил-

---

1) *Cosquin*, I, 239—240.

2) *Кузмичевскій*. Кіев. Стар. 1886, III 446.

ся, но не показалъ женѣ вида, и погнался за плутомъ. Послѣдній взобрался на дерево („pipal“). Мужъ требовалъ, чтобы онъ спустился, но онъ заявилъ, что поднимается въ рай и полѣзъ еще выше. Мужъ привязалъ тогда своего коня къ ближайшему дереву и полѣзъ за плутомъ. Плутъ бросилъ на землю свои узлы, поспѣшно спустился, захватилъ коня мужа и умчался. Медленно слѣзъ съ дерева мужъ и пошелъ домой. Жена спросила, не далъ ли онъ и коня своего для передачи родителю. Мужъ, не желая выказать своей оплошности, отвѣтилъ утвердительно.

Въ другой индійской сказкѣ мать спрашиваетъ у прохожаго нищаго о житьѣ-бытьѣ ея дочери, умершей дѣвушкой. Нищій отвѣтилъ, что она теперь за нимъ замужемъ и получаетъ приданое. Мужъ гонится за нищимъ. Продолженіе обычное. Мелкая особенность состоитъ въ томъ, что, увидѣвъ похищеніе своей лошади, мужъ кричитъ:—„Зятекъ, скажите Калугами (имя умершей дѣвушки), что деньги и жемчугъ отъ матери, а лошадь отъ меня“ [1]).

Своеобразный мотивъ *о воткнутомъ въ землю* или повѣшенномъ на деревѣ конскомъ *хвостѣ* встрѣчается, кромѣ отмѣченныхъ выше, во мн. др. сказкахъ, см. указанія *Келлера* въ Melusine I 474 и *Köhler-Bolte* въ Zeitsch. d. Ver. f. Volksk. 1898 I 74. Кромѣ того мы встрѣтили такой мотивъ въ малор. сказкѣ въ сб. *Мошинской*, въ польскихъ въ сб. *Хэлховскаго* I 46, 115. Любопытно, что мотивъ этотъ повторяется даже въ сказкахъ дикихъ народовъ Африки, напр. у зулусовъ (*Сборн.* сказ. дик. нар. 34).

XXVIII.

Соревнованіе въ глупости.

Въ Индіи, въ сѣверныхъ и южныхъ ея областяхъ, циркулируетъ сказка о трехъ или четырехъ браминахъ, соревнующихъ другъ съ другомъ въ глупости. Сказка эта была указана Дюбуа въ изслѣдованіи о Панчатантрѣ и недавно приведена цѣликомъ въ англійскомъ переводѣ въ книгѣ Клоустона „The book of noodles“ (171—190). Эта индійская сказка по полнотѣ и литературной обработкѣ выдается среди всѣхъ анекдотовъ и сказокъ о глупцахъ. Составлена она въ однихъ варіантахъ изъ трехъ, въ другихъ изъ четырехъ мотивовъ или отдѣльныхъ анекдотовъ, изъ которыхъ одинъ —о молчаніи супруговъ принадлежитъ къ числу чрезвычайно любимыхъ и распространенныхъ въ Азіи и въ Европѣ, другой мотивъ—о платьѣ—также имѣетъ нѣкоторыя параллели, напр., турецкій анекдотъ о томъ, какъ Насръ-udинъ стрѣлялъ въ свой кафтанъ, и лишь два мотива—объ остри-

---

[1]) *Clouston*, 213—218.

женіи жены и о продажѣ жены человѣку другой касты—спеціально индійскіе, въ особенности послѣдній, какъ тѣсно связанный съ бытовыми особенностями индусской жизни. Что касается до мотива, какъ мужъ, по глупости, остригъ свою жену, и тѣмъ навлекъ на нее подозрѣніе въ нарушеніи супружескаго долга, то этотъ мотивъ указываетъ на существованіе въ современной Индіи той формы опозоренія женщины, нарушившей общепринятыя понятія о цѣломудріи, которая въ старое время широко практиковалась въ Малороссіи въ видѣ отрѣзыванія косы, и нынѣ еще довольно часто встрѣчается въ разныхъ мѣстахъ Великой и Малой Россіи въ формѣ публичнаго посрамленія женщины, когда мужъ водитъ ее по селу привязанной къ телѣгѣ, а толпа выражаетъ свое осужденіе насмѣшками, бранью и даже побоями.

Въ виду малой извѣстности индійской сказки о четырехъ браминахъ приводимъ ее цѣликомъ въ русскомъ переводѣ.

Въ одной мѣстности было объявлено празднество Самараданамъ. Четыре брамина, спѣшившіе на это празднество изъ различныхъ деревень, случайно встрѣтились въ дорогѣ и условились продолжать путь вмѣстѣ. Вскорѣ они повстрѣчали солдата, который поклонился имъ по общепринятому обычаю, сложивъ руки на груди и привѣтствовалъ ихъ словами, съ какими всегда въ подобныхъ случаяхъ обращаются къ браминамъ: „Дандамарья“ или „Добраго здоровья“. Четыре путешественника отвѣтили обычнымъ „Асирвадамъ“ и пошли дальше. Спустя нѣсколько времени, они подошли къ источнику, утолили жажду и сѣли отдохнуть подъ тѣнью деревьевъ. Сидя здѣсь и не находя лучшей темы для разговора, одинъ изъ нихъ спросилъ другихъ, не замѣтили ли они, какъ отмѣнно вѣжливъ былъ солдатъ, обращаясь къ нему съ привѣтствіемъ. „Къ тебѣ“! сказалъ другой, „онъ вовсе не тебя привѣтствовалъ, а меня“.—„Вы оба ошибаетесь“, сказалъ третій, „я вамъ скажу, что когда солдатъ произнесъ „Дандамарья“, онъ бросилъ взглядъ на меня“. „Вовсе нѣтъ“ сказалъ четвертый, „онъ поклонился мнѣ; въ иномъ случаѣ, развѣ бъ я отвѣтилъ ему „Асирвадамъ“?

Каждый упорно стоялъ на своемъ; и такъ какъ никто не хотѣлъ уступить, и споръ грозилъ разгорѣться еще сильнѣе, то четвертый изъ нихъ, видя къ чему клонится дѣло, положилъ конецъ спору слѣдующимъ доводомъ: „Какъ глупо съ нашей стороны, сказалъ онъ, такъ горячиться. Если мы выскажемъ другъ другу всѣ колкости, которыя могли бы придумать, и если даже перейдемъ къ кулачной расправѣ, развѣ мы приблизимся къ разрѣшенію недоразумѣнія? Я думаю, что лучшимъ судьей въ нашемъ спорѣ будетъ тотъ, кто вызвалъ его. Солдатъ, привѣтствовавшій одного изъ насъ,

по всей вѣроятности, недалеко. Поэтому догонимъ его, какъ можно скорѣе и узнаемъ, къ кому изъ насъ относилось его привѣтствіе".

Совѣтъ этотъ показался имъ разумнымъ и былъ немедленно принятъ. Всѣ они пустились догонять солдата и наконецъ настигли его. Завидѣвъ его издалека, они стали кричать ему, чтобы онъ остановился; и еще издалека начали излагать ему причины спора и просили сказать, къ кому изъ нихъ было направлено привѣтствіе, чтобы такимъ образомъ покончить недоразумѣніе. Солдатъ сейчасъ же понялъ, съ какими людьми онъ имѣлъ дѣло, и желая посмѣяться надъ ними, хладнокровно отвѣтилъ что привѣтствіе его было предназначено самому глупому изъ нихъ; сказавъ это, онъ продолжалъ свой путь.

Смущенные отвѣтомъ солдата брамины молча повернули назадъ. Но каждому изъ нихъ глубоко запало въ душу привѣтствіе солдата, и споръ вскорѣ былъ возобновленъ, споръ о томъ, кто изъ нихъ самый глупый. Несогласія ихъ приняли бы страшные размѣры, если бы тотъ браминъ, который подалъ первый совѣтъ—догнать солдата, не вмѣшался со своей мудростью и не обратился съ слѣдующими словами къ остальнымъ: „Я съ своей стороны думаю, что изъ насъ четверыхъ самый большой дуракъ я. Каждый изъ васъ думаетъ то же самое про себя. И если бы мы даже подрались изъ за этого, мы нисколько не рѣшили бы вопроса. Поэтому запасемся терпѣніемъ. Мы не далеко отъ мѣстечка Дгармапури, гдѣ есть судъ, въ которомъ всѣ небольшія дѣла рѣшаются старшинами деревни; такъ пусть они разсудятъ насъ".

Остальные приняли этотъ совѣтъ; прійдя въ деревню, они, сгорая нетерпѣніемъ, вошли въ зданіе суда, чтобы рѣшить наконецъ свое дѣло. Явились они какъ разъ въ удобное время. Старшины округа, брамины и другія лица были уже въ сборѣ, и такъ какъ въ данный моментъ не предстояло никакого особеннаго дѣла, то они немедленно занялись вопросомъ, интересующимъ четырехъ браминовъ; брамины вошли въ середину собранія и объявили, что между ними произошло большое недоразумѣніе и что они пришли сюда для справедливаго и безпристрастнаго разрѣшенія его. Собраніе пожелало узнать причину недоразумѣнія, и одинъ браминъ, стоявшій впереди всѣхъ, началъ разсказывать, что съ ними случилось, начиная со встрѣчи съ солдатомъ и кончая настоящимъ положеніемъ спора, который остановился на томъ, за кѣмъ изъ нихъ признать большую степень глупости. Подробности разсказа вызвали общій взрывъ хохота. Старшій членъ собранія, человѣкъ веселаго нрава, былъ приведенъ въ неописуемый восторгъ отъ такого занимательнаго случая. Но онъ сдѣлалъ серьезный видъ и объявилъ, что по особенной своеобразности дѣла, оно не можетъ

быть рѣшено показаніемъ свидѣтелей и что на самомъ дѣлѣ существуетъ лишь одинъ путь, который бы могъ удовлетворить судей, именно, чтобы каждый изъ браминовъ разсказалъ какой-нибудь частный случай изъ своей жизни, который могъ бы доказать его справедливую претензію на высшую глупость. Онъ ясно указывалъ, что въ данномъ случаѣ не можетъ быть другихъ средствъ рѣшить, кому по справедливости должно быть отнесено привѣтствіе солдата. Брамины согласились; одному изъ нихъ данъ былъ знакъ начинать разсказъ, а другимъ хранить молчаніе.

Разсказъ перваго брамина.

Я одѣтъ бѣдно, какъ вы видите; и не только сегодня, я всегда одѣтъ въ рубище. Богатый и очень щедрый браминъ—купецъ подарилъ мнѣ однажды двѣ перемѣны платья—лучшаго, какое когда бы то ни было видѣли въ нашей деревнѣ. Я показалъ ихъ другимъ браминамъ, которые поздравляли меня съ такимъ прекраснымъ пріобрѣтеніемъ. Они говорили, что все это по всей вѣроятности плоды добрыхъ дѣлъ, совершенныхъ мною въ предшествующей генераціи. Передъ тѣмъ какъ надѣть подаренное платье, я, согласно обычаю, вымылъ его, чтобы очистить отъ грязи, происшедшей отъ прикосновенія ткача, и повѣсилъ для просушки на вѣтви дерева. Тутъ случилась собака, которая пробѣжала подъ моимъ платьемъ, но я не могъ замѣтить, была ли она достаточно велика, чтобы дотронуться до висѣвшаго платья. Я спросилъ дѣтей, присутствовавшихъ здѣсь, но они отвѣтили, что не могутъ сказать увѣренно. Какимъ же образомъ можно было убѣдиться въ фактѣ? Я сталъ тогда на четвереньки, такъ чтобъ быть высотой съ собаку, и въ такомъ положеніи пролѣзъ подъ платьемъ. „Что, я касаюсь платья“? спросилъ я дѣтей, наблюдавшихъ за мной. Они отвѣчали что нѣтъ, и я очень обрадовался этимъ словамъ. Но послѣ нѣкотораго размышленія я вспомнилъ, что хвостъ у собаки былъ поднятъ кверху и что такимъ образомъ она могла легко коснуться хвостомъ моего платья. Чтобы удостовѣриться въ этомъ, я прикрѣпилъ пальмовый листъ къ моему платью у поясницы, поднялъ его вверхъ, снова сталъ на четвереньки и во второй разъ пролѣзъ подъ платьемъ. Дѣти сейчасъ же закричали, что конецъ листа, прикрѣпленнаго къ моей спинѣ, коснулся высѣвшаго платья. Это доказало мнѣ, что хвостъ также долженъ былъ коснуться и что подаренное мнѣ платье осквернено. Въ своемъ негодованіи я сбросилъ съ вѣтвей прекрасную одежду и разорвалъ ее на тысячу кусковъ, проклиная и собаку, и ея хозяина.

Когда мой поступокъ сталъ извѣстнымъ, всѣ начали смѣяться надо мной и стали меня считать сумасшедшимъ. „Если бы даже собака и коснулась твоего платья, говорили они, и осквернила его, развѣ бъ ты не могъ

вымыть его въ другой разъ и очистить такимъ образомъ? Или развѣ ты не могъ бы отдать его какому-нибудь бѣдному судра, чѣмъ рвать его въ клочки? А послѣ такой глупой выходки кто подаритъ тебѣ платье въ другой разъ"? Все это было справедливо; когда впослѣдствіи я обращался съ просьбою объ этомъ, мнѣ всегда отвѣчали, что безъ всякаго сомнѣнія, я прошу платье только для того, чтобы разорвать его.

Браминъ хотѣлъ продолжать свой разсказъ, но сосѣдъ прервалъ его замѣчаніемъ, что онъ очевидно умѣетъ ползать на четверенькахъ. „Превосходно", сказалъ браминъ, „вы сейчасъ увидите", и онъ поползъ на четверенькахъ подъ несмолкаемый смѣхъ зрителей. „Довольно! довольно! сказалъ предсѣдатель. То, что мы слышали и видѣли здѣсь рѣшительно говоритъ въ его пользу. Но слѣдуетъ теперь послушать, что скажетъ слѣдующій въ доказательство своей глупости". Второй браминъ началъ съ того, что выразилъ надежду, что если только что слышанный ими разсказъ достоинъ привѣтствія солдата, то тѣ слова, которыя онъ имѣетъ имъ сказать, измѣнятъ ихъ мнѣніе.

Разсказъ второго брамина.

Для того, чтобы появиться въ болѣе приличномъ видѣ на празднествѣ браминовъ, устроенномъ однажды въ нашей деревнѣ, я приказалъ цирюльнику обстричь мнѣ голову и бороду и сказалъ женѣ, чтобы она заплатила ему за это копѣйку. По неосторожности она дала ему двѣ. Я потребовалъ обратно одну копѣйку, но онъ отказалъ мнѣ. Мы начали ссориться и оскорбили другъ друга; въ концѣ концовъ цирюльникъ предложилъ мнѣ за ту двойную плату, которую онъ уже получилъ, обстричь также и жену. Я нашелъ, что это лучшій способъ разрѣшить недоразумѣніе между нами, но жена моя, услышавъ предложеніе цирюльника и видя, что мы говоримъ серьезно, сдѣлала попытку бѣжать. Я удержалъ ее и заставилъ сѣсть, а цирюльникъ обстригъ между тѣмъ ея волосы такъ, какъ обыкновенно стригутъ вдовъ. Въ продолженіе всей этой операціи она горько плакала; но я былъ неумолимъ, думая что мнѣ будетъ менѣе обидно, если жена будетъ обстрижена совершенно коротко, чѣмъ если ни за что пропадетъ моя копѣйка. Когда цирюльникъ окончилъ свое дѣло, я пустилъ ее, а она сейчасъ же скрылась въ укромномъ мѣстечкѣ, награждая проклятьями и меня, и цирюльника. Цирюльникъ пошелъ своей дорогой и, встрѣтившись съ моей матерью, разсказалъ ей о случившемся; она поспѣшила въ мой домъ, чтобы узнать объ нанесенномъ женѣ оскорбленіи, и когда увидѣла, что все это правда, начала бранить меня.

Цирюльникъ разгласилъ повсюду, что случилось въ нашемъ домѣ, да еще прибавилъ, что я будто бы засталъ жену съ другимъ мужчиной, что

и было причиной, что ее остригли; люди безъ всякаго сомнѣнія ожидали, что, согласно съ обычаемъ, она въ данномъ случаѣ будетъ посажена на осла задомъ напередъ. Они сбѣжались къ моему дому со всѣхъ сторонъ и привели съ собой осла, чтобы устроить обычное шествіе по улицамъ. Слухъ объ этомъ быстро дошелъ до моего тестя и тещи, которые жили недалеко отъ насъ; они также пришли, чтобы узнать подробности дѣла. Видя свою бѣдную дочь въ такомъ унизительномъ положеніи и узнавъ о причинѣ, они осыпали меня горькими упреками, которые я сносилъ терпѣливо, сознавая, что я неправъ. Сначала они было настаивали на томъ, чтобы взять мою жену съ собой и цѣлые четыре года заботливо скрывать ее отъ человѣческаго глаза, но наконецъ возвратили ее мнѣ.

Это маленькое происшествіе лишило меня празднества Самараданамъ, къ которому я готовился и постился въ продолженіи трехъ дней; я былъ очень огорченъ тѣмъ, что меня исключили изъ числа участвующихъ, тѣмъ болѣе, что празднество прошло прекрасно. Десять дней спустя, было объявлено другое празднество, на которомъ я надѣялся вознаградить себя за прошлую потерю. Но 600 браминовъ встрѣтили меня свистками, я былъ схваченъ, и меня заставили окончить дѣло жены, съ тѣмъ чтобы навести слѣдствіе и наказать кого слѣдуетъ, согласно съ строгими законами касты.

Я торжественно засвидѣтельствовалъ ея невинность и разсказалъ настоящую причину стрижки ея волосъ; общее удивленіе овладѣло всѣми и каждый восклицалъ, какъ ужасно унижать замужнюю женщину, не погрѣшившую противъ супружеской вѣрности. „Этотъ человѣкъ“, сказали они, „или лгунъ, или самый большой дуракъ на свѣтѣ“! Итакъ вы разсудите меня, и я увѣренъ, что вы сочтете мою глупость (при этомъ онъ съ большимъ пренебреженіемъ посмотрѣлъ на перваго разсказчика) гораздо выше той, которую обнаружилъ разорвавшій платье.

Собраніе согласилось въ томъ, что разсказчикъ передалъ прекрасную исторію; но судья предложилъ выслушать и остальныхъ двухъ. Третій проситель ждалъ съ нетерпѣніемъ своей очереди и, какъ скоро получилъ позволеніе, разсказалъ о слѣдующемъ событіи:

Разсказъ третьяго брамина.

Имя мое было на самомъ дѣлѣ Анантья; въ настоящее же время всѣ зовутъ меня Betel-Anantya и я разскажу вамъ, какъ произошло это прозвище. Жена моя долго жила у своего отца, такъ какъ была слишкомъ молода, пока наконецъ переселилась ко мнѣ; мы прожили съ ней лишь одинъ мѣсяцъ, и я, ложась какъ-то спать, сказалъ, (правда, по неосторожности), что всѣ женщины болтуньи. Она опровергала это мое мнѣніе, говоря, что знала мужчинъ, которые были не меньшіе пустомели, чѣмъ жен-

щины. Я замѣтилъ, сразу, что она намекала на меня и былъ затронутъ ея укоромъ. „Такъ посмотримъ, сказалъ я, кто заговоритъ первый“. „Хорошо, отвѣчала она; а что будетъ закладомъ?“—„Листъ betel'я“ сказалъ я. Итакъ мы побились объ закладъ и, не говоря ни слова, заснули.

На слѣдующее утро, когда мы не вышли изъ спальни въ обычный часъ, насъ стали звать, но мы не откликались. Въ дверь стали стучаться и звать громче, но безуспѣшно. Вскорѣ былъ поднятъ на ноги весь домъ; всѣ опасались, ужъ не умерли ли мы внезапной смертью и позвали плотника съ инструментами, чтобы взломать дверь. Комнату наконецъ отворили, толпа хлынула въ нее, и была немало удивлена, когда нашла насъ проснувшимися, совершенно здоровыми и довольными, хотя и неспособными говорить. Мать моя очень испугалась и громко выражала свое горе. Около ста человѣкъ браминовъ собралось въ домѣ и послѣ тщательнаго осмотра каждый высказывалъ свое мнѣніе относительно того несчастья, которое, какъ они предполагали, случилось съ нами. Большинство полагало, что оно могло произойти отъ нерасположенія какого-нибудь недруга, который воспользовался магическими средствами, чтобы повредить намъ. Поэтому былъ приглашенъ извѣстный магъ, чтобы парализовать чары и уничтожить. Какъ скоро онъ пришелъ, онъ серьезно осматривалъ насъ нѣкоторое время и сталъ пробовать нашъ пульсъ, прикладывая пальцы къ нашимъ рукамъ, къ вискамъ, къ сердцу и къ другимъ частямъ тѣла; послѣ страшныхъ гримасъ, при воспоминаніи о которыхъ я не могу удержаться отъ смѣха, какъ только подумаю о нихъ, онъ рѣшилъ, что болѣзнь наша явилась отъ околдованія. Онъ даже называлъ по имени отдѣльныхъ злыхъ духовъ, которыми одержимы мы и которые сдѣлали насъ нѣмыми. Къ этому онъ прибавилъ, что бѣсъ—существо упорное и неподдающееся укрощенію и чтобы заставить его бѣжать необходимы 3 или 4 жертвоприношенія.

Родственники мои, люди небогатые, были поражены тѣмъ, что магъ потребовалъ съ нихъ такую сумму. Тѣмъ не менѣе они согласились лучше дать все нужное для приношенія, чѣмъ видѣть насъ нѣмыми и обѣщали, что они вознаградятъ его за его трудъ какъ только демонъ будетъ изгнанъ. Онъ хотѣлъ уже начинать свои магическія операціи, какъ вдругъ одинъ изъ нашихъ друзей—браминъ сталъ утверждать въ разрѣзъ съ мнѣніемъ мага и его помощниковъ, что болѣзнь наша происходитъ не отъ чародѣйства, а отъ совершенно простой обыкновенной причины, которую онъ наблюдалъ на нѣсколькихъ примѣрахъ, и взялся вылѣчить безъ всякаго вознагражденія.

Онъ взялъ жаровню, наполненную горящими углями, и раскалилъ маленькій продолговатый кусочекъ золота. Затѣмъ взялъ его щипцами и сталъ

прикладывать къ моимъ ногамъ, къ локтямъ и къ темени. Я выдержалъ эту ужасную операцію, ничѣмъ не обнаруживая боли,—ни движеніемъ, ни воплемъ, такъ какъ я рѣшился скорѣе перенести все и, если нужно, умереть, нежели проиграть пари.

„Теперь испытаемъ жену", сказалъ докторъ, удивляясь моей рѣшимости и кажущейся нечувствительности. Затѣмъ онъ взялъ снова нагрѣтое золото и сталъ прикладывать къ ея ногамъ. Но она не была въ состояніи даже одно мгновеніе перенести боль, сейчасъ же закричала: „Довольно" и, обращаясь ко мнѣ, сказала: „Я проиграла пари; вотъ тебѣ листъ betel'я". —„Я тебѣ говорилъ, замѣтилъ я, взявъ листъ, что ты первая заговоришь и что ты своимъ поведеніемъ докажешь правоту моихъ словъ, высказанныхъ вчера, когда мы ложились спать, что женщины—болтушки".

Всѣ удивлялись этому происшествію, но никто не могъ понять, что произошло между мною и моей женой, пока я не выяснилъ суть нашего пари.—„Что, вскричали они, это такое за листъ betel'я, изъ за котораго вы подняли не только весь домъ, но и всю деревню? листъ betel'я, изъ-за котораго вы выказали столько твердости и терпѣли испытаніе огнемъ? Никогда въ жизни мы не встрѣчали такой глупости"! И вотъ, начиная съ этого времени, я сталъ извѣстенъ подъ именемъ Betel Anantya.

Разсказъ былъ оконченъ, и собраніе вынесло заключеніе, что такая исключительная глупость много говоритъ за себя въ настоящемъ дѣлѣ; но нужно было выслушать наконецъ четвертаго и послѣдняго изъ просителей, который обратился къ собранію со слѣдующими словами:

Разсказъ четвертаго брамина.

Дѣвушка, съ которой я былъ сговоренъ, оставалась въ силу своей юности 6—7 лѣтъ въ домѣ своего отца; наконецъ насъ извѣстили, что она достигла зрѣлаго возраста и что она въ состояніи исполнять всѣ обязанности жены и можетъ соединиться съ нареченнымъ. Такъ какъ мать моя была больна въ это время, а домъ будущаго тестя моего находился далеко, то она не могла предпринять этого путешествія. Поэтому она поручила мнѣ самому привести жену домой и совѣтовала мнѣ вести себя на словахъ и на дѣлѣ такъ, чтобы они на первый же взглядъ не увидѣли во мнѣ грубаго человѣка. „Я прекрасно знаю тебя", сказала мнѣ мать при прощаніи, „и потому боюсь за тебя". Но я обѣщалъ вести себя какъ можно лучше и отправился въ путь.

Тесть принялъ меня очень радушно и устроилъ по этому случаю пиръ для всѣхъ браминовъ деревни. Я гостилъ у него три дня, въ продолженіи которыхъ пиршество не прекращалось. Наконецъ насталъ часъ нашего отправленія, тесть отпустилъ насъ благословивъ обоихъ и пожелавъ долгой

счастливой жизни и многочисленнаго потомства. При прощаніи съ нами онъ проливалъ обильныя слезы, какъ бы провидя несчастье, ожидавшее насъ.

Было это во время лѣтняго солнцестоянія, и день выдался особенно жаркій. Мы должны были пройти песчаную мѣстность, простиравшуюся двѣ мили: песокъ, раскаленный солнечными лучами, жегъ ноги моей молодой жены, слишкомъ изнѣженной въ родномъ домѣ и не привыкшей къ такимъ жестокимъ испытаніямъ. Она начала плакать и такъ какъ не могла итти дальше, то легла на землю, заявляя, что желаетъ умереть здѣсь. Я былъ въ большомъ затрудненіи и не зналъ, что дѣлать, если бъ на эту пору не случился купецъ, ѣхавшій намъ навстрѣчу. За нимъ слѣдовало пятьдесятъ быковъ, нагруженныхъ различнымъ товаромъ. Я побѣжалъ ему навстрѣчу, изложилъ со слезами на глазахъ причины моего безпокойства и умолялъ его подать мнѣ добрый совѣтъ, какъ выбраться мнѣ изъ бѣдственнаго положенія, въ которомъ я находился. Онъ немедленно отвѣчалъ, что такая молодая и нѣжная женщина, какъ моя жена, не можетъ ни оставаться тамъ, гдѣ она находилась въ тотъ моментъ, ни продолжать путешествія, не подвергая себя опасности умереть. Лучше же, совѣтовалъ онъ мнѣ, отдать ее ему, чѣмъ видѣть, какъ она погибаетъ, быть кромѣ того заподозрѣннымъ въ ея смерти и совершить одно изъ пяти преступленій, считаемыхъ браминами за самыя гнусныя; онъ посадилъ бы ее на одно изъ своихъ животныхъ и взялъ бы съ собой. Онъ допускалъ конечно, что я останусь въ проигрышѣ; но, разсудилъ онъ, лучше же потерять ее и считать себя спасшимъ ей жизнь, чѣмъ все равно потерять и быть заподозрѣннымъ въ убійствѣ. Послѣ этого купецъ предложилъ мнѣ за жену 20 пагодъ.

Доводы его мнѣ показались основательными; я согласился и отдалъ ему жену; онъ посадилъ ее на лучшаго быка и немедленно продолжалъ свой путь. Я также отправился дальше и къ вечеру прибылъ домой, истощенный голодомъ и усталостью, а ноги мои были обожжены раскаленнымъ пескомъ, по которому я долженъ былъ итти большую часть дня. Увидя меня одного, мать очень испугалась. „А гдѣ же твоя жена“? вскричала она. Я разсказалъ ей все, что случилось со мной, начиная съ той поры, какъ мы разстались; разсказалъ про радушный пріемъ у тестя, затѣмъ передалъ, какъ насъ жгло солнце, такъ что жена моя должна была бы погибнуть и на меня пало бы подозрѣніе въ ея смерти, если бы мы пошли дальше, и наконецъ, какъ я предпочелъ продать ее купцу за 20 пагодъ. И я показалъ деньги матери.

Выслушавъ меня, мать пришла въ ярость, начала бранить и упрекать меня, но наконецъ смягчила тонъ и сказала: „Что ты надѣлалъ? Вѣдь ты продалъ жену! Отдалъ ее другому мужчинѣ! Дочь брамина сдѣлалась сожительницей простого купца! Ахъ, что скажутъ родственники, когда узнаютъ эту исторію, изобличающую безпримѣрную глупость“?

Знакомые и родные жены моей дѣйствительно скоро узнали о несчастьи, постигшемъ ее. Они явились, чтобы привлечь меня къ отвѣтственности, и безъ сомнѣнія убили бы и меня, и ни въ чемъ неповинную мать, если бы мы случайно не ускользнули отъ нихъ. Не имѣя прямой цѣли изливать свой гнѣвъ на мнѣ, они передали это дѣло старшинамъ касты, которые единогласно присудили меня къ уплатѣ 200 пагодъ, въ видѣ вознагражденія тестю и издали постановленіе, запрещавшее съ одной стороны такимъ глупцамъ жениться въ другой разъ, съ другой стороны грозившее изгнаніемъ изъ касты тѣмъ лицамъ, которыя стали бы содѣйствовать такой попыткѣ. Я такимъ образомъ былъ осужденъ оставаться вдовцомъ всю мою жизнь и дорого заплатилъ за свою глупость. Мало того, меня чуть-было не исключили навсегда изъ касты, и только высокія достоинства и заслуги моего покойнаго отца, о которомъ всякій вспоминаетъ съ уваженіемъ, помогли мнѣ удержаться.

Теперь, если вы будете судить на основаніи многихъ такихъ глупостей, совершенныхъ мною въ жизни, то я надѣюсь, вы сочтете меня не ниже тѣхъ, которые говорили раньше меня, а вмѣстѣ съ тѣмъ признаете справедливыми мои претензіи на привѣтствіе солдата.

Старшіе члены собранія, изъ которыхъ многіе смѣялись безъ умолку все время пока брамины передавали свои разсказы, рѣшили, что каждый изъ нихъ далъ столь совершенный образецъ глупосты, что по справедливости можетъ быть названъ первымъ глупцомъ, что поэтому каждый имѣетъ право называть себя самымъ большимъ дуракомъ и отнести къ себѣ привѣтствіе солдата. Послѣ того, какъ каждый изъ нихъ выигралъ дѣло, имъ было порекомендовано продолжать путь друзьями, если это возможно. Брамины отправились въ путь, при чемъ каждый въ восторгѣ заявлялъ, что онъ выигралъ дѣло.

Составные эпизоды индійской повѣсти о соревнованіи въ глупости не стоятъ одиноко въ литературѣ. Разсказъ третьяго брамина объ упорномъ молчаніи встрѣчается во многихъ европейскихъ литературахъ, и объ немъ мы далѣе скажемъ подробнѣе. Разсказъ четвертаго брамина имѣетъ близкую литературную параллель въ безыменномъ фабліо XIII в. о трехъ дамахъ, нашедшихъ перстень, гдѣ также мужъ уступаетъ свою жену другому. По общему плану къ индійской повѣсти подходитъ слѣдующая кабардинская сказка, судя по общему ея характеру, азіатскаго происхожденія. Въ кабардинской сказкѣ соревнователями въ глупости являются три рыжебородыхъ. Въ пятницу, во время джумы, собралось въ мечети народу видимо—невидимо. Мулла взошелъ на возвышеніе и сталъ проповѣдывать о житей-

ской мудрости. Тему для проповѣди онъ почерпнулъ изъ китаба. Между прочимъ, онъ сказалъ, что по выраженію лица можно узнать мысль человѣка, а по нѣкоторымъ примѣтамъ,—уменъ ли онъ, или тупъ. „Берегитесь, правовѣрные", заключилъ мулла „рыжебородыхъ: у нихъ не много ума. Но если рыжебородый отпуститъ длинную бороду,—длиннѣе того, на сколько можно захватить въ кулакъ, то онъ непремѣнно сдѣлаетъ какую-нибудь глупость!" Случилось такъ, что въ мечети присутствовалъ правовѣрный съ длинной рыжей бородой. Сердце его дрогнуло, когда онъ услышалъ слова муллы. „Неужели", думалъ онъ, „слова эти относятся ко мнѣ; къ тому же мулла, распространяясь на счетъ рыжебородыхъ, все какъ будто посматривалъ въ мою сторону,—какъ будто словами и жестами указывалъ на меня". Съ тяжелыми думами онъ вернулся домой: „Ну-ка, посмотрю я въ зеркало, длинна ли моя борода". Посмотрѣвъ въ зеркало, онъ съ нетерпѣніемъ схватилъ себя за бороду и о ужасъ! между пальцевъ торчатъ длинныя космы его рыжей бороды! „Долой ее—долой, а то меня, чего добраго, и впрямъ примутъ за глупца!" Ножницъ подъ рукой не было: онъ бросился къ очагу, желая обжечь торчащую между пальцами бороду. Бороду то онъ обжегъ, но при этомъ опалилъ себѣ все лицо. „Ахъ, какой я дуракъ! крикнулъ несчастный: неужели мулла правъ? Не можетъ этого быть! Пойду по бѣлу свѣту; навѣрное найду гдѣ-нибудь рыжебородаго глупѣе меня"! Сказано—сдѣлано. Поплелся рыжебородый, куда глаза глядятъ. Въ одномъ куаже (аулѣ), на площади, онъ наткнулся на рыжебородаго и сильно ему обрадовался. „Давай-ка", подумалъ онъ, „разскажу ему о своемъ приключеніи; что онъ на это скажетъ"? Подходитъ онъ къ нему, поздоровался и сталъ ему разсказывать о томъ, какъ онъ, обжигая бороду, осмолилъ все лицо. Незнакомецъ усмѣхнулся и, какъ бы въ утѣшеніе, говоритъ ему:— „Со мной было еще лучше: у меня была корова съ рогами рогачемъ. Вздумалось мнѣ какъ-то просунуть между рогами голову. Голова то пролѣзла ничего себѣ, подавилъ только нимного виски; но назадъ ее вытащить нельзя! Что я ни дѣлалъ, ничего не помогаетъ: не лѣзетъ ни туда, ни сюда! Наконецъ, корова испугалась, подняла хвостъ и давай со мной носиться по куаже. Я болтаюсь безпомощно; кричу отъ боли, такъ какъ корова своею головою меня безжалостно подбрасываетъ вверхъ, а къ довершенію досады кто меня ни увидитъ, тотъ покатывается со смѣху. Люди стоятъ у своихъ хунэ и хохочутъ. Наконецъ, надо мною сжалились: поймали корову и стали меня вытаскивать изъ тисковъ. Но не идетъ дѣло! Пришлось отпилить рога и тогда только меня освободили. Что же это такое"?—„Правда", отвѣтилъ нашъ старый знакомый, „твоя глупость почище моей. Пойдемъ теперь оба вмѣстѣ, не найдемъ ли гдѣ нибудь рыжебородаго, глупѣе насъ обоихъ?"

Тотъ согласился. Плетутся оба глупца въ ближайшее торговое мѣстечко, утѣшаясь мыслію, что навѣрное найдутъ того, кого ищутъ. Придя въ мѣстечко, они разинули рты отъ удивленія: вездѣ каменные дома и богатыя лавки! Глазѣютъ они по сторонамъ, какъ вдругъ — какое счастіе! На крылечкѣ, подъ навѣсомъ, ходитъ рыжебородый и покуриваетъ трубку. Богатъ, видно, больно; но лицо у него обезображено: носъ какъ бы приплюснутый, а на щекѣ рубецъ. „Что съ нимъ такое? думаютъ путники, видно это отъ глупости! Давай-ка ему разсказывать о нашихъ неудачахъ! Что онъ на это скажетъ?" Подошли они къ богатому незнакомцу, вѣжливо поздоровались и стали ему разсказывать о приключеніи съ бородой и между рогами коровы. Богачъ лукаво улыбнулся и говоритъ: „Все это вздоръ, со мной было еще лучше. Слушайте и утѣшьтесь! Взобрался я какъ то на второй этажъ своего дома, приподнялъ окно и сталъ забавляться тѣмъ, что плевалъ на проходящихъ нищихъ. Не знаю, какимъ образомъ задвижка окна отодвинулась, окно вдругъ опустилось и своею тяжестью приплюснуло мнѣ носъ. Носа какъ не бывало! Къ моей досадѣ, всѣ хохочутъ; не пожалѣлъ никто, даже и жена! Въ другой разъ было еще почище. Выбрали меня односельчане въ кадія. Какъ я ни отказывался, пришлось согласиться. Говорили, что выбираютъ меня за мой умъ, а мнѣ и не вдомекъ, что имъ нужно было мое богатство. Полонъ домъ софтовъ—мальчиковъ, но плохо слушаются проклятые! Пришлось куда то уѣхать по дѣлу, а софты—бездѣльники, зная, конечно, что я не далекъ умомъ, сговорились съ женою, чтобы надо мной посмѣяться. Пріѣзжаю домой, какъ вдругъ всѣ въ одинъ голосъ: ахъ, какъ ты измѣнился, кадій! Жена съ участіемъ спрашиваетъ, не боленъ ли я. Я сдуру повѣрилъ и, понуривъ голову, отправился въ свою комнату, чтобы хоть немного прилечь. Мнѣ, право, такъ и казалось, что мнѣ чего-то недостаетъ. Всѣ меня сочли за больного. Позвали азэ, а тотъ не велѣлъ принимать пищи—говоритъ: „объѣлся"! Голодъ меня донимаетъ страшно, и я уже думаю о томъ, чтобы наложить на себя руки. Жена все меня унимаетъ и, уходя, по забывчивости какъ будто, оставляетъ яйцо, очищенное отъ скорлупы; какъ видно, сама собиралась полакомиться, или, можетъ быть, она хотѣла меня побаловать лакомымъ кусочкомъ, но такъ, чтобы этого не видѣлъ строгій азэ. Мучимый голодомъ, съ жадностью я бросился на яйцо. Лишь только я успѣлъ его вложить такъ—таки цѣликомъ въ ротъ, какъ вдругъ вбѣгаетъ азэ. Я испугался; проглотить яйцо еще не успѣлъ, а выбросить побоялся—ужъ больно строгъ былъ азэ! Такъ оно и осталось во рту. Азэ на меня набросился: „что это у тебя за шишка? ой, ой, это чума!" Не успѣлъ я оглянуться онъ вынулъ инструментъ, въ мгновеніе азэ сдѣлалъ на щекѣ надрѣзъ и съ

торжествомъ вытащилъ яйцо. Прибѣжали тутъ софты; явилась и жена. Мнѣ больно, а они заливаются со смѣху. Вотъ откуда это у меня рубецъ! Послѣ вашихъ глупостей моя будетъ третья и четвертая". Кто изъ нихъ былъ глупѣе! Путники не пошли уже дальше. Они, наконецъ, поняли, что глупцами хоть прудъ пруди: дураковъ не сѣютъ, не жнутъ, а они сами родятся[1]).

Кабардинскій анекдотъ представляетъ по плану и числу составныхъ мотивовъ любопытную параллель къ индійской сказкѣ о трехъ (или четырехъ) браминахъ. Содержаніе мотивовъ своеобразное. Любопытно, что если въ индійскую сказку вошелъ широкораспространенный мотивъ о молчаніи супруговъ, то въ кабардинскую вошелъ не менѣе широкораспространенный мотивъ о мнимой болѣзни.

XXIX.

Глупцы мужъ и жена—упорные спорщики.

Анекдоты и сказки на тему о глупыхъ и упорныхъ въ спорѣ мужѣ и женѣ представляютъ также своеобразное соревнованіе въ глупости, причемъ на первый планъ выдвигается не столько глупость, сколько самый принципъ соревнованія или упорства.

Въ одномъ краткомъ малорусскомъ анекдотѣ „Упрямая пара" мужъ портной и его жена зажарили рыбу на занятой сковородѣ, поѣли и заспорили, кому отнести сковороду обратно. Жена предложила: „хай той несе, хто попереду забалака". Жена прядетъ, да все дри-ри-ри-та, а мужъ шьетъ да все дри-рю-рю-та. Зашелъ панъ, совокупился съ портнихой, а супруги все свое дри-ри да дри-рю. Панъ далъ портнихѣ 3 рубля. Мужъ спросилъ: „А шо тоби панъ давъ?"—„А шо! тоби несты сковороду" отвѣтила жена [2]).

Въ малорусскомъ варіантѣ „Про те, що бува зъ того, якъ въ семействи незгода" жена посылаетъ мужа къ сосѣдкѣ принести сковороду. Она приготовила блины, поѣла ихъ съ мужемъ и говоритъ ему, чтобъ онъ отнесъ сковороду обратно. Мужъ настаиваетъ, что отнести она должна. Условились, кто первый заговоритъ къ вечеру, тотъ и отнесетъ сковороду. Мужъ говорилъ только турюрю! турюрю, а жена питюха! питюха! Проѣзжій панъ бьетъ обоихъ нагайкой, и первый проговаривается мужъ. Затѣмъ на полѣ жена прикидывается больной и заставляетъ мужа нести себя домой. Увидѣвъ куму, она призналась, что обманула мужа. Послѣдній сбрасываетъ ее съ плечъ и посылаетъ въ поле взять воловъ и возъ. Опять заспорили, и спорили до тѣхъ поръ, пока въ полѣ воры не украли возъ и воловъ [3]).

---

[1]) *Сборн.* матер. д. изуч. Кавк. XII, 101.

[2]) *Драгомановъ*, Малор. пред. 174.

[3]) *Чубинскій*, II, 537.

Въ венеціанской сказкѣ упорными глупцами выступаютъ также мужъ и жена. Солдатъ рѣшилъ отрубить голову у мужа, и тогда жена заговорила, а мужъ обрадовался, что она оказалась болѣе разговорчивой.

Въ сицилійскомъ варіантѣ мужъ сапожникъ и жена его ткачиха зажарили рыбу и условились, что съѣстъ ее лишь по окончаніи работъ тотъ, кто будетъ все время молчать. Мужъ работалъ, лишь приговаривая „Leulero! Leulero!“, а жена ткала, лишь напѣвая: „Picici! picici!“ Пришелъ старый другъ и, слыша все одно и то же, разсердился и самъ съѣлъ всю рыбу [1]).

Кромѣ того мотивъ о глупцахъ упорныхъ въ спорѣ, встрѣчается у Страпароллы и въ шотландской пѣснѣ „The Barring of the Door“. Анекдоты этого рода весьма популярны въ Азіи и, должно быть, возникли въ Индіи. Въ одной арабской версіи мотивъ этотъ передается въ такой формѣ: Молодые, только что побравшіеся, справили пиръ и, когда ушли гости, то мужъ забылъ запереть за ними двери, жена сказала ему, чтобы онъ воротился и заперъ. „Да вы съума сошли, отвѣтилъ мужъ, чтобы я въ моемъ брачномъ нарядѣ, въ шелковомъ платьѣ, съ кинжаломъ, усыпаннымъ алмазами, шелъ запирать двери. Затворите сами“.—„Нѣтъ, это вы сумасшедшій, отвѣтила жена, когда думаете, что я въ брачной одеждѣ, въ кружевахъ и драгоцѣнныхъ камняхъ пойду запирать двери“. По предложенію жены, заключено было условіе, что двери долженъ затворить тотъ изъ нихъ, кто впервые заговоритъ. Супруги сидѣли другъ противъ друга въ убранствѣ и упорно молчали. Пришли воры, обобрали весь домъ и поснимали даже съ рукъ молодой кольца и изъ подъ ногъ молодого коверъ. Пришелъ утромъ полицейскій, въ виду открытой двери, и когда глупцы на его вопросы отвѣчали упорнымъ молчаніемъ, онъ въ гнѣвѣ хотѣлъ ударить саблей мужа. „Это мужъ мой, закричала жена. Не убивайте его“.—„А! воскликнулъ мужъ; вы проиграли и теперь затворяйте двери“. Они объяснили полицейскому причину молчанія, и полицейскому оставалось только пожать плечами и уйти.—Въ другой арабской сказкѣ жена положила за ужиномъ передъ мужемъ кусокъ черстваго хлѣба. Мужъ сказалъ, чтобы она помочила его. Она отказалась; отсюда споръ и условное молчаніе. Вошедшій сосѣдъ поцѣловалъ жену—она молчала, далъ тумака мужу—такое же молчаніе, отвелъ ихъ къ судьѣ, который, не добившись отвѣта, разсердился и приказалъ повѣсить мужа. Тогда жена сказала: „О, пощадите моего бѣднаго мужа!“—Мужъ обрадовался, что она заговорила и послалъ ее домой помочить хлѣбъ.—Сходный варіантъ находится въ турецкой редакціи „Исторіи

---

[1]) *Clouston*, The book of noodles, 107—117.

40 визирей". Тутъ вмѣсто супруговъ дѣйствуютъ нѣсколько пріятелей. Они купили закуску, вошли въ придорожную развалившуюся гробницу и забыли запереть дверь. Затѣмъ споръ и условное молчаніе. Бродячія собаки поѣли всю ихъ ѣду и наконецъ укусили одного изъ молчавшихъ, который отъ боли закричалъ, и тогда пріятели послали его затворить дверь.—Весьма сходныя сказки записаны въ Кашемирѣ и на о. Цейлонѣ. Въ кашемирской сказкѣ пять друзей купили баранью голову и хотѣли ее сжарить, но когда возникъ вопросъ, кому пойти за масломъ, вышелъ споръ. Полицейскій отводитъ ихъ къ судьѣ, который приказываетъ бичевать ихъ. Одинъ изъ глупцовъ не выдержалъ боли и закричалъ, а его товарищи воспользовались этимъ и послали его на базаръ за масломъ, хотя сама баранья голова уже исчезла [1]).

Другая обстоятельно разработанная индійская сказка о глупцахъ, упорныхъ въ спорѣ, вошла въ индійскую повѣсть о соревнованіи глупцовъ и уже приведена нами вполнѣ въ надлежащемъ мѣстѣ.

Кузмичевскій высказалъ предположеніе, что малорусскій анекдотъ объ упорной парѣ возникъ подъ вліяніемъ турецкаго о ходжѣ Насръ-единѣ [2]); но турецкій разсказъ, приведенный у Кузмичевскаго, отстоитъ отъ малорусскаго гораздо далѣе, чѣмъ варіанты западные, незамѣченные Кузмичевскимъ, выше нами приведенные вкратцѣ.

XXX.

Глупые мужья.

(Жена или ея пріятельница скрываютъ любовника; мужъ побитъ, мужъ въ курятникѣ; мужъ стучитъ на улицѣ въ коробку, идетъ за докторомъ, когда мнимо больная жена забавляется и пр. т. п. Пѣсни и сказки о гостѣ Терентьищѣ).

Въ Малороссіи весьма распространены анекдоты на тему „якъ жинки чоловикивъ дурять". Въ одной сказкѣ этого рода чумакъ возвращается съ дороги. Жена спрятала любовника солдата подъ кровать и завѣсила его рядномъ. Пріятельница жены сосѣдка вошла въ хату, и догадавшись въ чемъ дѣло, („бо и сама зъ тѣхъ грошей") и стала говорить мужу, что мужей жены часто дурятъ. „Ну мене, каже чоловикъ, чорта съ два одурила". Сосѣдка стала утверждать, что обманетъ его, развернула рядно и держала передъ нимъ, пока солдатъ въ это время убѣжалъ [3]).

Въ особенности ярко очерчивается глупость мужа въ тѣхъ многочисленныхъ анекдотахъ, сказкахъ и пѣсняхъ о невѣрной женѣ, въ которыхъ жена представляется больной и посылаетъ мужа за врачемъ, а въ его

---

[1]) *Clouston*, 107—117.

[2]) *Кіев. Стар.* 1886 II 222.

[3]) *Манжура*, 95.

отсутствіе принимаетъ любовника, или другимъ способомъ удаляетъ изъ дома мужа и пользуется его отсутствіемъ для своихъ любовныхъ цѣлей. Этотъ циклъ анекдотовъ и сказокъ имѣетъ большую историко-литературную цѣнность, съ одной стороны по широкому распространенію сказокъ этого рода среди всѣхъ народовъ индо-европейскаго племени, съ другой— въ силу обстоятельной литературной разработки этихъ мотивовъ въ средневѣковыхъ фаблью и позднѣе въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ. Лучшей пѣсней этого рода представляется пѣсня о гостѣ Терентьищѣ. Мы уже говорили объ этой пѣснѣ и родственныхъ ей сказкахъ на страницахъ Этнограф· Обозрѣнія, и теперь можемъ представить означенную выше статью въ переработкѣ, съ значительными дополненіями. Въ частности добавляемъ въ концѣ статьи указанія на соотвѣтствующія фабліо, которыя имѣли немаловажное значеніе въ распространеніи пѣсенъ и сказокъ о глупомъ мужѣ и невѣрной женѣ.

Пѣсня о гостѣ Терентьищѣ давно уже извѣстна по сборнику Кирши Данилова (полное изданіе 1818 г.). Въ 1863 г. она была перепечатана въ V вып. „Пѣсенъ" Кирѣевскаго. Варіантъ этой пѣсни „Терентій мужъ Данильевичъ" напечатанъ въ III т. „Пѣсенъ" Рыбникова (1864 г.). Всѣ извѣстные въ печати варіанты записаны на сѣверѣ, въ Олонецкой губерніи. Содержаніе пѣсни таково:

Жилъ былъ Терентій мужъ,
Жилъ былъ Данильевичъ...

Далѣе у Кирши Данилова отмѣчено, что онъ жилъ въ Новгородѣ, и подробно обрисованъ богатый его дворъ и домъ.

У него сдѣлалась невзгода великая:
Сдѣлалась жена трудна-больна...

Жена посылаетъ Терентія за врачами:

Ты поди дохтуровъ добывай,
Волхи-то спрашивати [1])
Поищи молодыхъ скомороховъ,
Молодцовъ поученыихъ,
Чтобы меня молоду вылѣчили [2]).

Терентій пошелъ за докторами, встрѣтилъ скомороховъ, разсказалъ имъ о болѣзни жены. Скоморохи берутся вылѣчить его жену. По требованію скомороховъ, Терентій покупаетъ большой шолковый мѣхъ, червленный вязъ и дубину ременчатую со свинцомъ на концѣ. Скоморохи посадили Терентія въ мѣхъ и пошли къ его двору. Жена Терентія, увидѣвъ скоморо-

---

1) *Кирѣев.*, V, 55.
2) *Рыбник.*, III, 252.

ховъ, „кинулась въ окошечко въ одной бѣлой сорочкѣ безъ пояса“ и стала распрашивать, не видали ли скоморохи Терентія. Скоморохи сказали, что они видѣли его мертваго: „сквозь бѣло тѣло трава проросла“. Жена была обрадована такой вѣстью и приказала скоморохамъ запѣть веселую пѣсню и поиграть на гусляхъ.

Они стали въ гусельшка поигрывать
И къ мѣшку приговаривать:
—„Слышишь ли, холстинской мѣхъ?
Тебя не позаочь бранятъ, а въ очи говорятъ“ [1]).
А слушай, Терентій гость, что про тебя говорятъ!
Говоритъ молодая жена Авдотья Ивановна
Про стара мужа Терентьища:
—„Въ дому бы тебя вѣкъ не видать!“
Шевелись, шелковый мѣхъ, вставай-ка, Терентьище,
Лѣчить молодую жену! [2])

Терентій вылѣзъ изъ мѣха, нашелъ на постели „молодца въ рубахѣ красныя“ и сталъ жену и любовника ея „окладывать гирей безмѣнной и недуги выправливать“ (Рыбн.). Молодецъ бѣжалъ, оставивъ въ домѣ Терентія кафтанъ, камзолъ и 500 руб. денегъ. Терентій заплатилъ скоморохамъ 200 руб. „за правду великую“ (Кирѣев.).

Пѣсня о Терентіи во всѣхъ варіантахъ имѣетъ выдержанный пѣсенный складъ.

Безсоновъ въ большой замѣткѣ о гостѣ Терентьищѣ въ V вып. „Пѣсенъ“ Кирѣевскаго (на стр. LXXXII—LXXXVI) говоритъ: „въ связи съ былинами о Садкѣ мы должны разсмотрѣть пѣсню о Терентьищѣ“. Заявленіе довольно странное, въ виду полнаго отсутствія какихъ-либо общихъ чертъ въ этихъ произведеніяхъ. Автора соблазнило собственное имя Новгорода въ варіантѣ Кирши Данилова и затѣмъ названіе Терентія гостемъ. По мнѣнію Безсонова, пѣсня о Терентіи „проткана цвѣтами и узорами чисто исключительной мѣстности новгородской и господствовавшихъ въ ней воззрѣній“. Исходя изъ такой точки зрѣнія, Безсоновъ находитъ возможнымъ подробно трактовать о любви новгородца къ женщинѣ, причемъ новгородецъ оказывается „единственнымъ на Руси второобразомъ типа лаконскаго и дорическаго“ (!). Не подозрѣвая существованія мотивовъ пѣсни о гостѣ Терентьищѣ въ другихъ мѣстахъ, внѣ сѣверно-русскаго края, Безсоновъ всю силу творчества приписалъ древнимъ новгородцамъ. Онъ видитъ здѣсь „сцены, готовыя повторяться съ давнихъ поръ доселѣ въ любой (?) семьѣ

[1]) *Рыбн.*, III, 254.
[2]) *Кирѣев.*, V, 59.

русскаго купечества, и прибавляетъ, что „потребна была большая сила творчества и въ основѣ ея глубокое убѣжденіе въ законномъ порядкѣ, чтобы отсюда создать очень хорошую былевую пѣсню, такъ точно, какъ въ наше время для такого дѣла нуженъ талантъ не менѣе Островскаго“ [1]).

Всѣ эти разсужденія и выводы оказываются вполнѣ несостоятельными при первомъ прикосновеніи къ нимъ критики. За исключеніемъ двухъ собственныхъ именъ (Новгородъ и улица Юрьевская) въ пѣснѣ о гостѣ Терентьищѣ нѣтъ ничего новгородскаго. По основнымъ мотивамъ, по всему ходу изложенія ихъ, даже по стихотворной формѣ, пѣсня о гостѣ Терентіи представляетъ странствующую повѣсть, которая возникла, повидимому, на Востокѣ, быть можетъ, на индійской почвѣ, и затѣмъ проникла въ письменность и устную словесность многихъ западно-европейскихъ народовъ. Пѣсня-повѣсть о гостѣ Терентіи входитъ въ чрезвычайно сложный и вѣтвистый циклъ сказаній о невѣрной женѣ. Эта повѣсть и родственныя ей сказки составляютъ такую вѣтвь, которая переплетается въ отдѣльныхъ мотивахъ съ другими вѣтвями того же цикла. Чтобы не отклоняться далеко въ сторону отъ предмета изслѣдованія, мы здѣсь ограничиваемся подборомъ русскихъ и инородныхъ сказокъ по главнымъ основнымъ мотивамъ пѣсни о гостѣ Терентіи.

Къ пѣснѣ о Терентіи весьма близко стоитъ сказка о скоморохѣ, недавно записанная въ Смоленской губерніи. Жена привела любовника, притворяется больной и посылаетъ мужа за зельемъ, однимъ, другимъ, потомъ посылаетъ за медвѣжьимъ молокомъ. Сосѣдъ говоритъ мужу: „У мяне начуить старецъ со скрипкою, а ина (т. е. невѣрная жена) такихъ людей ищетъ“. Скоморохъ посадилъ мужа въ мѣшокъ, заткнулъ его соломой, пошелъ къ женѣ обманутаго мужа и упросилъ ее дать ночлегъ. У жены оказываются „гости, бясѣда“. Она пустила въ избу скомороха и просила его поиграть на скрипкѣ. Скоморохъ играетъ, а она скачетъ и приговариваетъ:

Хто па яблычки пашоу,
Штобъ тэй вѣкъ ни пришоу!...

Скоморохъ запѣлъ:

Ти чуишъ ты, салома,
Ти видишъ ты, салома,
А што дѣитца дома?

Мужъ вылѣзъ изъ мѣшка, прибилъ сначала любовника, потомъ жену; „такъ атхадилъ жонку мужикъ, што и пасичасъ ища здорова“ [2]).

---

[1]) *Безсоновъ*, LXXXIV.

[2]) *Добровольскій*, Смоленскій Этнографическій Сборникъ, I, 143.

Во многихъ великорусскихъ сказкахъ повторяется повѣсть о гостѣ Терентіи, съ перенесеніемъ всего дѣйствія въ крестьянскую среду. Такъ, въ Курской губерніи записана слѣдующая сказка: Жили мужъ и жена; уйдетъ мужъ, она весела, придетъ—захвораетъ; такъ и старается выпроводить его изъ дома, а безъ него у нея гулюшки, пирушки. Придетъ мужъ—все прибрано, а сама охаетъ, больна на лавочкѣ лежитъ. Мужъ вѣритъ, чуть самъ не плачетъ. Жена посылаетъ мужа за лѣкарствомъ въ Крымъ-градъ. Мужъ пошелъ, встрѣтилъ солдата, который взялся вылѣчить жену. Солдатъ оставилъ мужа на гумнѣ и пошелъ провѣдать хворую. Оказалось, что жена пляшетъ, а передъ нею молодой парень въ присядку разсыпается; по столу зелено винцо разливается. Пришелъ солдатъ во время, выпилъ чарку и пошелъ въ присядку. Жена собирается печь пироги и посылаетъ солдата на гумно за соломой. Солдатъ принесъ въ соломѣ мужа. Хозяйка затянула пѣсенку: „Пошелъ мужъ въ Крымъ-градъ зелья купить, женѣ зельемъ животъ лѣчить! Туда ему не доѣхать и оттуда ему не пріѣхать!.. Солдатъ, подтягивай мнѣ!"... Солдатъ началъ свою пѣсню: „Чуеша ли, солома, что дѣется дома? Плеть виситъ на стѣнѣ, а быть ей на спинѣ!" Солома почуяла, затряслась; веревка лопнула, выскочилъ мужъ и давай стегать плеткой хозяйку—вылѣчилъ жену [1]).

Въ варіантѣ этой сказки (также изъ Курской губ.), любезно сообщенномъ мнѣ г. Халанскимъ, любовная исторія повторяется почти дословно съ тѣмъ незначительнымъ различіемъ, что невѣрная жена посылаетъ мужа въ Римъ-градъ и гоститъ у ней не мужикъ, а попъ.

Въ малорусской сказкѣ изъ Кіевскаго уѣзда: „Бувъ соби чоловикъ и все его жинка слабовала, а вона любылася съ попомъ, а свого чоловика не любыла; все казала, що все слаба, а якъ пиде чоловикъ на панщину, то вона наварыть, напече и съ попомъ зъѣсть и выпье"... Мужъ пришелъ съ панщины; жена притворяется больной и посылаетъ его къ знахарю, чтобы досталъ „чемерицы". Мужъ не могъ этого сдѣлать. Затѣмъ жена посылаетъ его къ рѣчкѣ спечь на льду для нея коржикъ. Мужъ и этого не могъ исполнить. Наконецъ, жена посылаетъ его достать корень татарскаго зелья. Мужъ идетъ и плачетъ. На дорогѣ онъ разсказываетъ неизвѣстному человѣку три порученія жены. Послѣдній сажаетъ мужа въ куль очерета, несетъ куль въ домъ обманутаго мужа и просится на ночлегъ. Невѣрная жена его впускаетъ въ хату, вмѣстѣ съ кулемъ, въ которомъ, по словамъ прохожаго, спрятано стекло. Въ хатѣ „стилъ застеляный, попъ седыть, горилка стоить, порося печене". Жена подчуетъ прохожаго водкой и проситъ его спѣть пѣсню. Прохожій поетъ: „Дывыся, соломо, що робыцця

[1]) *Аѳанасьевъ*, Нар. рус. сказки, III, 455.

дома; возьмы ты макогинъ, та за попомъ на-здогинъ"! Женѣ пѣсня не понравилась; она ударила макогономъ по кулю, чтобы побить стекло. Изъ куля вылѣзъ ея мужъ, попа прибилъ, а прохожему далъ „кожухъ, чоботы, свиту, поясъ и рукавыци, що выличивъ жинку его" [1]).

Мотивъ о попѣ вставной; вошелъ онъ сюда изъ цикла сказокъ о попѣ и работникѣ [2]).

Мужъ обходится безъ посредниковъ въ другой малорусской сказкѣ. Замѣтивъ, что къ женѣ пришелъ „казакъ", мужъ поспѣшилъ домой. Жена спрятала казака въ комору. Мужъ вошелъ въ хату, замкнулъ двери въ коморѣ, и сталъ пѣть:

Ой внадывся котыкъ
До моего сала;
До ты его носывъ,
Доки стало.
Вже чоловикъ уважае
Що вже сало упадае...

Що ты, коте, робышь,
Що дви нози маешь
И до жинки такъ учащаешь?
Ой не ходы по-затынку,
Не пидмовляй чужу жинку.
Щожь теперь думаешь,
Шо въ рукахъ дистаешь?

А казакъ изъ коморы:

На молебенъ хочу даты,
Въ твоеи жинки не буваты".

Мужъ повѣрилъ и выпустилъ его. Тогда козакъ запѣлъ:

Слава тоби, Боже,
Шо ся вырвавъ зъ хаты!
Якимъ бувавъ перше,
Такъ буду буваты

Принадочку мини дала,
И ще мини такъ сказала:
Прибувай, миленькій,
Мини молоденькій.

Въ отвѣтъ на эту пѣсню мужъ запѣлъ:

Якъ яжъ тебе спiйму,
Шкуру зъ тебе здыйму,
На банта повишу,
На ходаки порижу [3]).

Эта малорусская сказка почти совсѣмъ перешла въ пѣсню, и въ этомъ отношенiи она болѣе другихъ народныхъ сказокъ о невѣрной женѣ напоминаетъ пѣсню о Терентiи.

На народной сказкѣ разбираемаго мотива построена комедiя И. П. Котляревскаго „Москаль-Чаривнык". Здѣсь жена казака склоняется въ отсут-

---

1) *Рудченко*, Народн. южнор. сказки, I. № 60.

2) *Рудченко*, ib. № 61; *Чубинскій*, II, № 11, 39; *Манжура*, 91; нѣсколько сказокъ въ Κρυπτάδια, т. I.

3) *Чубин.*, II, № 38.

ствіи мужа на сторону писаря. Является солдатъ и замѣчаетъ, гдѣ хозяйка спрятала колбасу, жаркое и водку. Пріѣзжаетъ мужъ. Жена прячетъ писаря подъ печку. Солдатъ выдаетъ себя за колдуна и указываетъ мужу на колбасу, жаркое и водку, потомъ выводитъ изъ-подъ печки писаря, выдавая его за чорта. Мужъ въ страхѣ. Жена объясняетъ всю мистификацію. Солдатъ говоритъ мужу въ пользу жены. Писарь проситъ прощенія, и его выгоняютъ изъ дома. На томъ же народномъ разсказѣ о невѣрной женѣ построена комедія Вас. Аѳан. Гоголя (отца Н. В. Гоголя): „Простакъ, или хитрость женщины, перехитренная солдатомъ". Комедія составлена между 1822—1825 г. и напечатана впервые много спустя послѣ смерти автора († 1825) П. Кулишемъ въ „Основѣ" 1862, II. Комедія небольшая и по содержанію весьма сходна съ комедіею Котляревскаго. Разница въ началѣ: у Гоголя жена посылаетъ своего глупаго мужа на охоту за зайцами, и сама даетъ ему вмѣсто собаки поросенка. Такой же мотивъ находится въ одномъ небольшомъ разсказѣ Стороженка въ „Основѣ" 1862, VI 55—64.

Мотивъ о невѣрной женѣ вошелъ въ польскую сказку о трехъ братьяхъ (двухъ умныхъ и третьемъ глупомъ). Меньшій, глупый братъ, снялъ шкуру съ коровы и въ видѣ нищаго помѣстился на ночлегъ въ одной корчмѣ. Шинкаря не было дома. Глупый съ чердака наблюдалъ что дѣлается въ домѣ. Жена корчмаря приняла въ гости ксендза. Она поставила передъ нимъ вино, медъ, жаркое, сладкія лакомства. Но вотъ неожиданно во дворъ въѣхалъ шинкарь. Ксендзъ прячется въ коморѣ сначала въ бочкѣ съ дегтемъ, потомъ въ бочкѣ съ перьями. Все угощеніе было попрятано. Когда шинкарь расположился ночевать, то ночлежникъ застучалъ палкой въ шкуру и сказалъ: „шкура, что ты мнѣ говоришь?" Шинкарь удивился, что ночлежникъ разговариваетъ съ коровьей кожей, и спросилъ, что сказала ему кожа. Ночлежникъ отвѣтилъ, что кожа сказала, что въ шкафу есть сладкое. Шинкарь идетъ къ шкафу и находитъ тамъ медъ, вино и сласти. Во второй разъ слѣдуетъ указаніе на печь, гдѣ было скрыто жаркое, въ третій—на комору. Ксендзъ убѣгаетъ черный, какъ чортъ, и шинкарь покупаетъ за дорогую цѣну кожу [1]). Тотъ же разсказъ повторяется въ польской сказкѣ о королевичѣ, не знавшемъ бѣды. Тутъ ксендзъ прячется подъ печью, гдѣ лежалъ королевичъ. Королевичъ беретъ у него платье. Пани, скрывшая ксендза, отъ страху заболѣла. Королевичъ берется ее вылѣчить. Онъ льетъ подъ печь горячую воду и изгоняетъ оттуда голаго ксендза, котораго принимаютъ за демона болѣзни (Samiec, собственно „гостецъ", у малоруссовъ—колтунъ) [2]).

---

[1]) *Chelckowski*—Powiesci, I, 90—91.

[2]) Ib., 257. Польскіе варіанты см. еще въ Krakowiacy г. Цишевскаго 232—236.

Къ польской сказкѣ о глупомъ и коровьей кожѣ близко подходитъ французская сказка (изъ Лотарингіи) о воронѣ: Дѣвочка не хочетъ учиться въ школѣ. Она бѣжитъ изъ дома родителей, захвативъ съ собой говорящаго ворона. Въ одномъ домѣ она подсматриваетъ въ дверную щель и узнаетъ о невѣрности жены. Когда мужъ возвратился, то дѣвочка предложила ему купить у нея ворона, какъ птицу вѣщую. При этомъ дѣвочка бьетъ ворона; воронъ каркаетъ, и дѣвочка объясняетъ его крикъ такимъ образомъ, что въ одномъ мѣстѣ скрыты кушанья и вино, приготовленныя невѣрной женой для любовника, а въ сосѣдней комнатѣ скрылся любовникъ. Мужъ покупаетъ ворона за дорогую цѣну [1]). Въ варіантѣ этой сказки, записанномъ также въ Лотарингіи, любовника нѣтъ. Жена прячетъ отъ мужа пирогъ и бутылку вина. Нищій, выдававшій себя за глухо-нѣмого, разсказываетъ пріѣхавшему мужу, гдѣ спрятаны кушанья. Этотъ эпизодъ (безъ любовника) повторяется въ италіанской и нѣмецкой сказкахъ и въ Пентамеронѣ Базили XVII вѣка [2]). Сюда примыкаетъ польская сказка о двухъ кумовьяхъ [3]).

Въ италіанской сказкѣ жена рыбака въ отсутствіе мужа весело проводитъ время съ любовникомъ. Любовникъ принесъ съ собой зайца, сыру и бутылку вина. На дворѣ поднялась буря. Прохожій (vieux bonhomme) проситъ пустить на ночлегъ. Его впускаютъ, но съ условіемъ, не передавать никому о томъ, что онъ увидитъ или услышитъ въ домѣ. Вскорѣ постучался въ двери мужъ. Жена спрятала зайца за печку, сыръ на балконъ, вино за дверями и любовника подъ кроватью. Затѣмъ она начинаетъ готовить ужинъ мужу. Мужъ приглашаетъ къ столу прохожаго и проситъ его разсказать сказку. „Проходя полемъ, сказалъ ночлежникъ, я видѣлъ зайца такого большого, какъ тотъ заяцъ, что лежитъ за печкою, бросилъ въ него такой большой камень, какъ кусокъ сыру на балконѣ. Изъ зайца потекла такая черная кровь, какъ вино за ближайшей дверью, и затѣмъ заяцъ издохъ, причемъ глаза у него сдѣлались такіе, какъ у того, что лежитъ здѣсь подъ кроватью". Мужъ воспользовался этими указаніями, выгналъ любовника, наказалъ жену и пригласилъ прохожаго раздѣлить съ нимъ то угощеніе, которое было принесено любовникомъ [4]).

Въ новогреческой пѣснѣ невѣрная жена посредствомъ обмана высылаетъ мужа изъ дома. Мужъ случайно возвратился, нашелъ жену въ объ-

---

1) *Cosquin*, Contes populaires de Lorraine, I, 229.
2) *Cosquin*, ib. II, 329.
3) *Chelchowski*, I, 269.
4) *Cosquin*, II, 330.

ятіяхъ любовника и убилъ его. Многихъ деталей здѣсь недостаетъ. Существуетъ сходный астурійскій романсъ [1]).

Гораздо ближе къ сказкамъ польской, французской и италіанской стоитъ слѣдующая сказка, записанная въ Месопотаміи: Лисица заключила побратимство съ человѣкомъ. Они приходятъ въ одинъ домъ, гдѣ хозяйка только-что вынула изъ печи хлѣбы. Лисица попросила себѣ кусочекъ хлѣба, но была прогнана. Лисица замѣтила, что женщина намазала масломъ нѣсколько хлѣбовъ и понесла ихъ любовнику. Тогда лисица пригласила своего побратима спрятаться въ ящикъ съ пшеницей. Жена вернулась съ любовникомъ, а когда вошелъ мужъ, то она спрятала и любовника въ тотъ же хлѣбный ящикъ. Любовникъ сталкивается здѣсь съ побратимомъ. Мужъ проситъ хлѣба, и жена даетъ ему кусокъ черстваго хлѣба. Лисица снова проситъ хлѣба, получаетъ отказъ и выдаетъ невѣрную жену мужу. По указанію лисицы мужъ открываетъ хлѣбный закромъ и убиваетъ любовника жены и побратима лисицы, потомъ убиваетъ жену, а хлѣбъ съ масломъ ѣстъ вмѣстѣ съ лисицей [2]).

Въ индійской сказкѣ (изъ Камаона) купчиха влюбляется въ красиваго сипая, покупавшаго въ лавкѣ ея мужа провизію, склоняетъ его на свою сторону и платитъ по золотому за каждое его посѣщеніе. Однажды неожиданно вошелъ въ домъ мужъ, сипай завернулся въ циновку, что разостлана была на полу, и сталъ къ стѣнкѣ. Мужъ началъ угощать жену апельсинами. Жена, чтобы попотчивать любовника, бросила нѣсколько апельсиновъ въ циновку. Въ другой разъ любовникъ прячется въ корзину. Мужъ потчуетъ жену леденцами, и жена бросаетъ ихъ въ корзину. Любовникъ разболталъ на улицѣ всю эту любовную исторію и смѣялся надъ мужемъ. Мужъ узналъ отъ самого сипая о невѣрности своей жены. Когда онъ замѣтилъ, что сипай вошелъ въ его домъ, то онъ заперъ двери и поджегъ домъ. Невѣрная жена спрятала сипая въ сундукъ и упросила мужа вытащить сундукъ изъ горящаго дома. Бѣднякъ напрасно сжегъ свой домъ и вскорѣ отъ горя сошелъ съ ума [3]).

Эта сказка одними мотивами примыкаетъ къ пѣснѣ о Терентьищѣ, другими къ малорусской сказкѣ: „Якъ чоловикъ у коробку стукавъ“ [4]). Къ сказкѣ о Терентіи онъ подходитъ двумя, тремя мотивами: героиня-купчиха, обманъ мужа, любовникъ скрывается въ циновкѣ, какъ Терентій въ мѣшкѣ. Гораздо ближе къ индійской сказкѣ стоитъ малорусская: жена мужика

[1]) *Liebrecht*, Zur Volkskunde, 187.

[2]) *Cosquin*, II, 331.

[3]) *Минаевъ*, Инд. сказки, № 22.

[4]) *Манжура*, с. 96.

отдается чумаку, чтобы получить отъ него деньги; она представляется больной и посылаетъ мужа на улицу ходить сторожемъ около дома. Чумакъ потомъ въ церкви то смѣялся, когда вспомнилъ о мужѣ, то плакалъ, когда вспоминалъ, что отдалъ соблазнительницѣ всѣ деньги. Мужъ распросилъ его и подѣлилъ съ нимъ деньги.

Сводя къ общимъ мотивамъ пѣсню о гостѣ Терентіи и родственныя ей сказки русскія, польскія и др., мы получаемъ:

1) Невѣрная жена—купчиха (новгородская и индійская сказки), шинкарка (польская), пани-боярыня (польская), жена рыбака (итал.), большею же частью крестьянка или безъ обозначенія сословнаго положенія.

2) Невѣрность жены обнаруживаютъ скоморохи (новгор. и смол.), солдатъ (курская), глупый (польск.), прохожій (малор., итал.), заблудившаяся дѣвочка (франц.), лисица (месоп.), самъ любовникъ (инд.).

3) Любовникомъ является просто молодецъ въ красной рубахѣ (новг.), молодой парень (курск.), казакъ (малор.), часто попъ (малор., польск.), солдатъ (инд.).

4) Угощеніе, предлагаемое невѣрной женой любовнику, почти одно и то же во всѣхъ сказкахъ, вино, медъ, сласти; причемъ и прячется это угощеніе отъ мужа почти въ одномъ мѣстѣ — за печкой, въ печкѣ, въ шкафу.

5) Любовникъ прячется на кровати или подъ кроватью (новгор., итал.), въ коморѣ (малор., польск., франц.), въ хлѣбномъ закромѣ (месоп.), въ циновкѣ (инд.).

6) Мужъ или прямо входитъ въ домъ (малор., польск., франц., итал., месоп., инд.) или вносится въ мѣшкѣ или соломенномъ кулѣ (новгор., смол., малор.).

7) Жена посылаетъ мужа за лѣкарствами или докторами (новг., смол., малор.) и даетъ неисполнимыя порученія (смол., малор.).

8) Въ однѣхъ сказкахъ мужъ наказываетъ только любовника, въ другихъ жену и любовника, въ нѣкоторыхъ обоихъ убиваетъ.

9) Въ пѣснѣ о гостѣ Терентіи скоморохи получаютъ въ награду 200 р., въ другихъ одежду любовника; въ третьихъ награда ограничивается угощеніемъ.

Собственныя имена встрѣчаются въ немногихъ сказкахъ о невѣрной женѣ, и въ тѣхъ варіантахъ (новг., малор.), гдѣ они встрѣчаются, не имѣютъ прочнаго положенія, представляются случайными вставками, и потому они не могутъ идти въ счетъ при научномъ разборѣ пѣсни о Терентіи и родственныхъ ей сказокъ.

Сказка о Терентіи выдается по выдержанному стихотворному размѣру. Въ этомъ отношеніи къ ней очень близко подходитъ варіантъ курскій, за-

тимъ смоленскій, малорусскіе. Въ западно-европейскихъ варіантахъ не замѣчено стихотворнаго склада. Въ нѣкоторыхъ сказкахъ складъ этотъ могъ ускользнуть отъ вниманія, при неумѣлой или небрежной передачѣ.

Месопотамскій варіантъ пѣсни-повѣсти о гостѣ Терентіи представляется любопытнымъ въ историко-литературномъ отношеніи, какъ переходная ступень отъ европейскихъ народныхъ сказокъ на мотивъ о гостѣ Терентіи къ обширной повѣствовательной литературѣ о невѣрной женѣ въ Гитопадешѣ, Тутинаме, Gesta Romanorum. Въ месопотамскомъ варіантѣ въ хлѣбномъ закромѣ оказывается два человѣка, причемъ мужъ обоихъ убиваетъ, хотя побратимъ лисицы ни въ чемъ повиненъ не былъ. Самое появленіе въ этой сказкѣ побратима не мотивировано. Можно думать, что эпизодъ съ побратимомъ представляетъ искаженіе широко распространеннаго повѣствовательнаго мотива о невѣрной женѣ и двухъ ея любовникахъ (отецъ и сынъ, или мастеръ и его ученикъ).

Въ Гитопадешѣ у одной замужней женщины два любовника, сынъ и отецъ его. У ней былъ сынъ, когда вошелъ отецъ. Она спрятала сына въ хлѣбный амбаръ. Когда пришелъ мужъ, она дала отцу въ руку палку и сказала, чтобы онъ шелъ къ двери съ видомъ разсерженнаго человѣка. Мужъ спрашиваетъ, съ какой стати очутился въ его домѣ злой человѣкъ. Жена говоритъ, что онъ разыскиваетъ бѣжавшаго сына. Этотъ разсказъ повторяется въ Шукасаптати и въ Тутинаме, далѣе въ повѣсти о семи мудрецахъ, въ Gesta Romanorum, въ Disciplina clericalis Петра Альфонса и въ средневѣковыхъ фабльо. Въ „Семи мудрецахъ“ вмѣсто отца и сына являются красильщикъ и его ученикъ. Когда входитъ мужъ, красильщикъ, по совѣту невѣрной жены, гонится съ мечомъ въ рукѣ за ученикомъ. Сходный разсказъ встрѣчается въ Калилѣ и Димнѣ. У Петра Альфонса одинъ любовникъ; мать жены является сводницей. Любовникъ, при видѣ мужа, убѣгаетъ съ мечомъ, и мужу теща объясняетъ, что любовникъ бѣжитъ отъ разбойниковъ. Отраженія и передѣлки этихъ повѣстей находятся въ Декамеронѣ. Къ этому разряду новеллъ Бенфей относитъ повѣсть „Le clerc qui se cacha derriére un coffre“, гдѣ является одинъ любовникъ, потомъ другой, потомъ мужъ [1]).

Въ сборникахъ новеллъ, циркулировавшихъ въ старое время въ Западной Европѣ и съ XVII вѣка на Руси, встрѣчаются всѣ главные мотивы о невѣрной женѣ, нашедшіе мѣсто въ пѣснѣ о гостѣ Терентіи и въ родственныхъ ей народныхъ сказкахъ. Такъ, въ польскомъ сборникѣ фацецій, переведенномъ на русскій языкъ во второй половинѣ XVII в. (1680 г.) подъ названіемъ „Смѣхотворныя повѣсти“, встрѣчается, между прочимъ,

---

1) *Benfey*, Pantschatantra, I. § 57.

разсказъ „о женѣ и гостѣ"—„о женѣ всадившей гостя въ полбочку"—варіантъ новеллы въ Декамеронѣ, VII, 2 [1]). Въ „Повѣсти о семи мудрецахъ" находится извѣстный уже намъ по французской сказкѣ разсказъ „о некоемъ гостѣ и о птицѣ, глаголемой сорокѣ, и о женѣ",—о томъ какъ невѣрная жена хотѣла разубѣдить мужа въ обвиненіи, сдѣланномъ говорящей сорокой, и какъ мужъ, убивши сороку, узналъ потомъ справедливость словъ несчастной птицы. Подобная повѣсть находится въ „Тысячѣ и одной ночи", гдѣ сорока замѣнена только попугаемъ, а также въ Исторіи сорока визирей [2]). Французская сказка, отмѣченная выше, озаглавлена у Коскена „Le corbeau"—воронъ. Въ сказкѣ, записанной въ Месопотаміи, роль сороки играетъ лисица.

Многочисленныя лубочныя картинки о невѣрной женѣ не имѣютъ прямой связи съ народными сказками типа пѣсни о гостѣ Терентіи. Онѣ проникли въ Россію изъ Западной Европы, повидимому, позднѣе перехода повѣстей о невѣрной женѣ, и носятъ на себѣ всѣ черты иноземнаго происхожденія. Такова, напримѣръ, картина, какъ мужъ обнимаетъ свою жену, а она за его спиной протягиваетъ руку любовнику. Послѣдній во французскомъ камзолѣ съ изысканной любезностью цѣлуетъ руку [3]). Несомнѣнное иноземное происхожденіе лубочныхъ картинокъ о невѣрной женѣ говоритъ отчасти въ пользу предположенія объ иноземномъ происхожденіи самихъ повѣстей на эту тему.

Мнѣніе объ индійскомъ (буддійскомъ) происхожденіи европейскихъ сказокъ о вѣроломствѣ и хитрости женщинъ не ново, и здѣсь оно только приложено нами къ пѣснѣ о Терентіи и родственнымъ ей сказкамъ. Въ 1875 году извѣстный ученый *Гастонъ Парисъ* въ интересной брошюрѣ „Les contes orientaux dans la litterature française du moyen age" (рус. пер. г. Шепелевича 1886 г.) высказался по этому поводу такимъ образомъ: „Что касается безчисленныхъ сказокъ, почти всегда забавныхъ, слишкомъ часто грубыхъ, сюжетъ которыхъ—хитрость и вѣроломство женщинъ, онѣ не родились въ средневѣковомъ обществѣ, онѣ происходятъ изъ Индіи и имѣли свой raison d'être въ средѣ, которая ихъ произвела. Отчужденіе отъ всего, что возбуждаетъ желаніе и тревожитъ душу, полное самообладаніе, боязнь мірскихъ привязанностей и скорбей—таковъ смыслъ буддійской доктрины. Авторами разсказовъ, составленныхъ съ тѣмъ, чтобы заставить эту доктрину проникнуть въ сердца, были иноки, очень похожіе на западныхъ, которые старались внушить любовь къ безбрачію, не столько

[1]) *Пыпинъ*, Очеркъ литер. ист. стар. пов. 276.

[2]) *Пыпинъ*, ib. 258.

[3]) *Ровинскій*, Рус. лубоч. карт. I, 364; V, 44, 165.

расхваливая мистическую красоту дѣвственности, сколько указывая на безобразіе, пошлость, заботы и опасности брака. Ихъ разсказы были съ удовольствіемъ собраны западными клериками, расположенными смотрѣть почти также на брачную жизнь, и служили здѣсь, какъ и тамъ, къ отвлеченію отъ нея молодыхъ людей. Чтобы понять духъ этихъ сказокъ, нужно помнить, что онѣ были созданы въ странѣ, гдѣ женщины, лишенныя свободы, образованія, сознанія собственнаго достоинства, всегда имѣли извѣстные пороки, изображеніе которыхъ, преувеличенное уже въ Индіи, могло всегда считаться въ Европѣ крайней каррикатурой. Благодаря злобѣ, этимъ несправедливымъ къ женщинамъ сказкамъ повезло у насъ (Франція), и онѣ переходили, обновляясь безпрестанно, изъ поколѣнія въ поколѣніе. Наше поколѣніе еще повторяетъ нѣкоторыя, не принимая морали, которую онѣ проповѣдуютъ, а только ради смѣха, такъ какъ онѣ остроумны и пикантны“ (19—20). Въ приложеніи къ пѣснямъ о гостѣ Терентіи и родственнымъ имъ сказкамъ замѣчаніе г. Париса о злобѣ подлежитъ ограниченію, если не полному устраненію. Эти сказки вполнѣ свободны отъ аскетическихъ тенденцій, если таковыя когда-либо дѣйствительно были въ нихъ, и держатся по комизму положенія дѣйствующихъ въ нихъ лицъ, какъ вполнѣ подходящее средство увеселенія досужаго слушателя. Какъ широко-распространенное литературное произведеніе, какъ источникъ „Простака“ В. А. Гоголя и „Москаля-чаривныка“ Котляревскаго сказки этого рода составляютъ весьма интересное и, можетъ быть, не безполезное явленіе въ литературной жизни народа.

Допуская первоначально восточно-азіатское происхожденіе анекдотовъ о невѣрной женѣ и глупомъ мужѣ типа Терентьища, можно въ то же время предположить, что въ смыслѣ распространенія и популяризаціи этого мотива важное значеніе имѣли средневѣковыя фабліо и вызванныя ими нѣмецкія смѣхотворныя стихотворныя повѣсти. Бедье различаетъ три разряда средневѣковыхъ сказокъ этого рода и позднѣйшихъ подражаній и передѣлокъ:

1) Мужъ одѣвается въ костюмъ любовника. Образцомъ служитъ фабліо XII в. объ орлеанской мѣщанкѣ (La bourgeoise d'Orléans). Здѣсь мужъ отправляется притворно въ дорогу, переодѣвается въ костюмъ заподозрѣннаго любовника попа и возвращается домой. Жена не показываетъ вида что его узнала, запираетъ его въ комнатѣ, потомъ принимаетъ попа и затѣмъ велитъ слугамъ избить мнимаго попа мужа, какъ посягателя на ея супружескую вѣрность. Въ средніе вѣка подъ вліяніемъ рыцарской среды это фабльо было нѣсколько разъ переработано, и дѣйствующимъ лицамъ приданы были рыцарскія черты благородства, благочестія. Таковы облагороженныя переработки „Le Castia Gilos“, „Le chevalier, la dame et le clerc“.

2) Мужъ надѣваетъ одежду жены и получаетъ побои отъ ея любовника. Литературная обработка въ Декамеронѣ Боккачіо, встрѣчается въ разныхъ повѣстяхъ и стихотвореніяхъ болѣе поздняго времени, между прочимъ, въ одной великорусской сказкѣ, изданной въ 1 т. Kρυπτάδια.

3) Мужъ неожиданно возвращается домой. Жена говоритъ, что его ищетъ полицейскій или сборщикъ податей. По ея совѣту, мужъ прячется въ курятникѣ. Жена пользуется его отсутствіемъ. Много новеллъ и фацецій на эту тему, напр. у Банделло, у Поджіо и др. [1]).

XXXI.

Глупые мужья. Рыба (сласти и пр. т. п.) съ неба (изъ земли, на деревѣ).

Анекдоты о глупыхъ мужьяхъ весьма разнообразны, не менѣе многочисленны и разнообразны, какъ и анекдоты о злыхъ и сварливыхъ женахъ. Въ обоихъ циклахъ огромную роль играетъ литературная и устная традиція. Съ анекдотами о глупыхъ мужьяхъ тѣсно связаны анекдоты о рыбѣ и пр. съ неба; но иногда мотивы видоизмѣняются, и глупыми, слишкомъ довѣрчивыми оказываются жены, и тогда уже мужья выступаютъ обманщиками.

Мотивъ: мужъ (или жена) обманываетъ жену (или мужа), что въ полѣ выкопалъ рыбу, въ рѣкѣ поймалъ зайца и т. п., и жена (или мужъ) вѣритъ. Мотивъ этотъ широко распространенъ, и встрѣчается у многихъ народовъ. Потомъ мужъ (или жена) пользуется своимъ обманомъ, чтобы доказать глупость противника и благодаря тому сохраняетъ похищенное сокровище. Мотивъ этотъ изрѣдка встрѣчается въ отдѣльной обработкѣ; большей частью онъ входитъ въ сказки о глупомъ мужѣ, случайно нашедшемъ въ деревѣ (или статуѣ) сокровище и еще чаще въ фабліо и въ сказки о спорѣ женщинъ, какая изъ нихъ лучше умѣетъ дурить мужа.

Подъ литературнымъ воздѣйствіемъ фабліо „Les trois dames qui trouvèrent l'enneau“ въ роли глупцовъ чаще всего оказываются мужья; но при этомъ мотивъ объ употребленіи рыбъ часто варіируется. Въ фабліо содержаніе такое: Три дамы нашли кольцо, и каждая претендуетъ получить его. Посредникъ предлагаетъ считать кольцо собственностью той дамы, которая оказалась наиболѣе остроумной въ обманѣ мужа. Въ такую внѣшнюю рамку вставляются чаще всего слѣд. детальные мотивы, часто встрѣчающіеся въ видѣ отдѣльныхъ повѣстей, сказокъ, фацецій и анекдотовъ:

1) въ однѣхъ повѣстяхъ старинныхъ нѣмецкихъ (XIV в.), Ганса Фольца (XVI в.), „Les comptes“ (XVII в.), Фербоке (XVII в.), нѣсколькихъ францvз-

[1]) *Bédier*, Les Fabliaux, 261, 406—407.

скихъ фабліо XIII в., въ испанскомъ соч. Тирсы де Молина XVII в., у Малеспини XV в. и въ нѣкоторыхъ народныхъ сказкахъ, напр., сицилійской, жена говоритъ, что она обрила у мужа макушку, одѣла его въ монашеское платье и отвела въ монастырь, и глупый мужъ повѣрилъ, что онъ сталъ *монахомъ*.

2) Почти во всѣхъ поименованныхъ выше старинныхъ повѣстяхъ (за исключеніемъ фабліо) и во многихъ сказкахъ, норвежской, исландской, датской, малорусской (у Рудченка) и въ добавокъ еще у Жака де Витри XIII в.—жена убѣждаетъ здороваго мужа, что онъ заболѣлъ и умеръ. Подробное изслѣдованіе этого любопытнаго мотива сдѣлано нами въ другомъ мѣстѣ настоящаго изслѣдованія.

3) Въ нѣмецкихъ повѣстяхъ XIV в. и въ скандинавскихъ народныхъ сказкахъ новаго времени жена раздѣваетъ мужа и убѣждаетъ его, что онъ одѣтъ.

4) Въ нѣкоторыхъ изъ поименованныхъ уже повѣстей и разсказовъ, по словамъ жены, мужъ принялъ свой домъ за трактиръ или допустилъ вырвать здоровый зубъ.

5) Въ старинныхъ фабліо (XIII в.) встрѣчается мотивъ съ рыбами въ такомъ видѣ: жена въ четвергъ уходитъ изъ дому подъ предлогомъ сварить рыбу у сосѣдки и возвращается къ мужу лишь черезъ недѣлю къ обѣду съ горячей рыбой, — и простодушный мужъ начинаетъ думать, что жена вышла лишь на нѣсколько минутъ [1]).

Какъ близко къ стариннымъ повѣстямъ и фабліо подходятъ нѣкоторыя малорусскія сказки—новеллы можно видѣть на слѣд. любопытной сказкѣ, записанной въ Уманскомъ у. Кіевской губ. подъ характернымъ заглавіемъ „Три жинки“: „Було такихъ три жинки и таки булы подруги, що одна отъ другои никуды не пиде...—Колысь воны пишли у манастырь говить и на дорози знайшли золотого перстня и ніякъ нимъ не подилятся. Одна каже: „нехай мій буде, бо я побачыла“; друга каже: „нехай мени, бо я взяла“; а третья предлагаетъ отдать кольцо той изъ нихъ, которая болѣе всего своего мужа „пиддуритъ“. Согласились и разошлись по домамъ. Одна послала мужика въ поле орать и закопала въ землѣ на нивѣ десятокъ линовъ. Мужъ похвалился женѣ, что выоралъ живыхъ рыбъ и далъ ей сварить на ужинъ. Жена не сварила и стала увѣрять, что лины не могутъ жить въ рилли. Мужъ ее побилъ. Жена позвала сотскаго, который связалъ мужа, и священника, который его выисповѣдалъ, и когда мужикъ увѣрялъ, что выоралъ рыбокъ, то попъ ударилъ его, и мужикъ усомнился въ правдивости своихъ словъ.

---

[1]) *Bedier*, Les Fabliaux, 229 и сл.

Другая жена притворилась въ полѣ больной и заставила мужа нести ее на рукахъ домой.

Третья убѣдила мужа притвориться мертвымъ, чтобы не билъ его панскій прикащикъ. Мнимый мертвецъ запротестовалъ, когда попъ хотѣлъ нести его на кладбище черезъ огородъ, а не улицей, и люди вмѣстѣ съ попомъ разбѣжались.

Жены сошлись снова, опять заспорили, и пошли на судъ къ пану. Панъ первымъ двумъ далъ по 50 розогъ, а третьей присудилъ перстень [1]).

Нѣсколько далѣе отъ фабліо отстоитъ слѣд. малорусская сказка: „Давно, давно, якъ не тилько насъ, но и дидывъ нашихъ не було на свити, жывъ въ одномъ сили мужыкъ, звалы его Потапъ, а его жинку Прыська. Мужыкъ любывъ свою жинку, якъ свою душу. Жилось ёму и ничого, бо винъ бувъ не багатый, тилько бувъ ныщастный тымъ, що жинка его не любыла, а тилькы то и думала, щобъ ёго стравыты, або дурнымъ зробыты. Потапъ всё знавъ и ту дурноту зъ головы кулаками выгонявъ. Но жинка це терпила, а те що задумала, не забувала. Прышла весна, долыны и горы просохлы и де-де трава зазеленила. Потапъ не теряе годыны, съ плугомъ выйихавъ на степъ на дви ныдили ораты, а жинка зосталась дома гуляты; тилькы одна йеи була робота, що всякый день рано обидъ варыла и на степъ чоловикови носыла. Разъ нысла Прыська обидъ, а дорога була по-пидъ ставомъ и рыбакы ловылы рыбу; Прыська у нихъ купыла рыбы, прышла до чоловика, дала ёму обидаты, а сама пишла по рыли дывыцця и въ борозну рыбы накыдала. Пообидавъ Потапъ и почавъ ораты, дывыцця: въ борозни жыва рыба. «Эге, жыва рыба въ зымли, — мабудь, колысь тутъ бувъ ставокъ»! Покынувъ Потапъ ораты, давай рыбу въ борозни збыраты. Позбыравъ всю рыбу и погонычемъ до дому пославъ. Погонычъ хозяйци рыбу оддавъ и йии такъ сказавъ: «дядько просывъ васъ, щобъ рыбу зварылы, або спыклы и завтра обидаты вынyслы». Прыська того дня рыбу спыкла и съ кымъ зналась зъила, а на другый день ячминняго кулишу наварыла и на поле чоловикови вынысла. Сивъ Потапъ обидаты, подывывся въ горщокъ: ныма рыбы. «Прыська, а де рыба»?—Яка, чоловиче, рыба?— «А та, що я выбравъ»?—Потапе, чы ты здуривъ, чи начынаешъ дурить? дежь ты бачывъ, щобъ рыба въ зымли була, та ще на степу? ты мене дурною звешъ, а якъ бы ты бачывъ самъ себе, то ты самъ на себе не похожій, и въ тебе очи переминылысь, якъ у черта: Покыдай ораты, та иды до старосты и ныхай тоби на голови зордію прочытае. Поссердывся Потапъ на жинку, схватывъ отъ плуга истыкъ и хотивъ жинку быты, а вона давай додому тикаты. Бигъ, бигъ Потапъ за

---

[1]) *Рудченко*, Нар. южнор. ск. № 59.

жинкою и ны догнавъ и ставъ на свою жинку крычать: „ныхай я прыйду до дому, я дамъ тоби дурня!“ Прыйшла до дому Прыська, рада була, що начала добре, и якъ знала, що йіи чоловикъ ввечери до дому прыйде, поклыкала до себе куму и стала йіи просыты: „кумасю моя мыла, що мени робыты? прыйде мій Потапъ ввечери и буде мене быты, бо винъ на мене дуже рассердывся; а вы, кумасю, остантыся у мене и може вы его уговорыте, бо винъ васъ дуже уважае“. Кума Прыськына послухала и стала Потапа ожыдать. Ввечери, було уже темно, Потапъ иде додому дуже сердытый; побачыла жинка, що иде йіи чоловикъ, сховалася пидъ коминъ, а кума осталася сама въ хати. Ввійшовъ въ хату Потапъ и начавъ крычать: „Прыська, чортъ бы тебе взявъ, де ты?“ За Прыську кума обизвалась и стала кума гамуваты: „куме Потапе, що зъ вамы, чого вы такъ расходылысь?“ Не спизнавъ Потапъ свою куму по голосу, а думавъ, що то йего жинка,—а на ту биду въ хати було темно,—схватывъ куму за косы и ставъ йіи быты; бывъ Потапъ куму, та ще прымовлявъ: „оце тоби та рыба, о-це тоби дурный, о-це тоби то, що ты мене до старосты посылаешъ, щобъ винъ мени надъ головою молытвы чытавъ, та ще заразъ называешь мене кумомъ! якый я тоби кумъ!?“ и давай ще гирше йіи быты. Довго бывъ Потапъ куму, стико влизало, а пидъ кинець и косы выдризавъ—„Оце тоби, Прысько, щобъ ты мени дурнымъ бильше не робыла, бо ты це и взавтра скажышь, що я тебе не бывъ!“ Вырвалась кума зъ рукъ кума, потыхеньку помандрувала до дому—ныма на голови волосся, ще й до того добре побыта; сказала бъ своему чоловикови—боицця, бо ще й винъ буде быты. Не вечерявши лигъ Потапъ спаты и пидъ голову положывъ косу. Довго сыдила Прыська пидъ коминомъ, не входыла до хаты, поны йіи чоловикъ добре не заснувъ. Чуе Прыська, що чоловикъ спыть, ажъ хропе, ввійшла потыхеньку въ хату, вытягнула косы и ихъ сховала, а писля того пишла въ хливъ, де стояла кобыла, побрыла еи морду, спыну, выдризала хвоста, и положила чоловикови пидъ голову, а сама вылизла на пичъ и лягла спаты. Рано проснувся Потапъ и ставъ жинку будыты: „Прысько, вставай! уже теперъ ты поразумила?“ Встала вона съ печи, якъ будьто бы нычого ны знае, заговорыла до Потапа ласковымы словамы и на лавци сила. „Потапе мій мылый, що тоби таке мерещицця? и що це ты кажешъ? и чего ты на мене сердысся и кажешъ на мене, що я вчора була дурна? ты мене весь викъ робышь дурною, а якъ бы ты побачывъ самъ себе, тоди бъ и мени повирывъ, якый ты ставъ, и очи въ тебе переминылись“— и начынае плакать. Потапъ подывывся на жинку та й каже: „годи тоби, Прысько, хымерыкы робыты, бо й сегодня буду тебе я быты“. Прыська одвернулась и засміялась: „постий, каже, проклята пара, вже не далека та годына, я зроблю зъ тебе дурня!“ „Потапе, каже, мій мылый, що ты

кажышь, колы ты мене бывъ? це тоби друга рыба, що выоравъ на стыпу". Россердывся Потапъ на жинку и хотивъ йіи заразъ быты, но жинка була хитрійше чорта; пидыйшла до чоловика, ласково въ очи подывылась и каже: „Потапе, Богъ стобою, що ты це хочешь робыты? колы ты мене бывъ? угамуйся!" Потапъ скоса подывывся на жинку и сказавъ: „о, я тоби докажу, що я тебе бывъ и тоби косу видризавъ". Кынувся винъ до лавкы, де спавъ, засунувъ руку пидъ подушку и вытягнувъ киньскый хвистъ и не дывытця на него—показуе жинци. „Потапе, угамуйся! хиба це косы мои? це хвистъ кобылы! ты бывъ кобылу, а не мене!" Пишовъ Потапъ съ хвистомъ въ хливъ и дывыцця: справди, кобыла побыта, а хвистъ видризаный! Вырнувся до хаты, сивъ на лавци и думае: „може, справди я бывъ кобылу и йіи хвоста видризавъ?" А Прыська баче, що чоловика трохы одурыла, заплакала и стала его просыты, щобъ винъ ны тратывъ годыны, пишовъ до старосты, щобъ винъ ему зордію читавъ. Въ тимъ сели бувъ староста трохи письменный и зордію вмивъ чытаты. Здуривъ Потапъ, пославъ жинку до старосты. Вона того давно й хотила, а якъ прыйшла до нёго, таке ему наговорыла, що винъ йіи повирывъ. Прыйшла Прыська до дому, заставыла чоловика бычка рябенького за шею налыгаты, а сама піймала рябенького пивныка и пидъ полу сховала, щобъ чоловикъ его ны бачывъ. Выйшовъ зъ двору Потапъ та й до жинкы заговорывъ: „Прысько, а на що мы бычка взялы?"—Я ёго подарувала старости, щобъ винъ добре прочытавъ тоби надъ головою молытвы.—„Ну, нехай буде такъ!" Прыйшла Прыська зъ чоловикомъ въ двиръ, взяла зъ рукъ у него бычка и стала ёго прывьязуваты до тыну, а его послала до хаты. Не вспивъ Потапъ дверей оччыныты, Прыська пустыла бычка до дому, а на ту выровочку прывьязала пывня и въ синяхъ чоловика догнала. „Слухай, Потапе, вытрищай очи и кывай худко головой, бо ты такый страшный, що тебе и староста злякаецця!" Ны вспилы воны до хаты выйты, якъ выйшовъ староста и его жинка въ сины. „Здоровъ, Потапе!" А Потапъ вытрищивъ очи и ставъ кивать головою. „Ты слабый, Потапе?"—Авжежъ! прывивъ вамъ бычка", каже Потапъ и не перестае кивать головою. „Панове старосты! каже Прыська, ходимъ на двиръ и побачымъ, якого винъ вамъ бычка прывивъ!" Дывляцця, а коло тыну прывьязанный пивень. „Бачыте, якого винъ вамъ бычка подарувавъ! винъ зовсимъ вже дурный!" Заразъ повивъ Потапа староста въ хату и ставъ на голови молытвы чытаты. А Прыська купыла дви рыбы и черезъ кватырку въ хату и всунула рыбу. Баче Потапъ—въ викни рыба—и каже: „въ викно рыбка, рыбка лизе!" Прочытавъ староста зордію и вывивъ его зъ хаты, а Прыська навстричъ имъ: „а що, староста, прочыталы? Потапъ дурный, винъ говорывъ за якусь рыбу". Прыйшла Прыська до дому съ чоловикомъ, заперла его въ хати, а сама пишла тро-

хи погуляты; гуляла вона, скилько хотила, а ввечери до дому прыйшла. „Потапе, я це була въ тои бабы, що вона богацько знае, вона мени казала, щобъ ты такъ зробывъ: въ мазныцю дёгтю налывъ и его запалывъ, и яке-нибудь рябе рядно я на тебе надину, и заразъ иды по пидъ хаты и махай выше себе и ны до кого нычого ны говоры". Выйшовъ Потапъ съ двору, обмотанный въ рябе рядно, и въ руци мазныця, а въ йии горыть смола, а винъ пидкыдае йии выше себе и иде улыцею по-пидъ хатамы. Люды зо всего села зибралыся гамуваты Потапа, а винъ свое робе. Прыська иде ззади и потыхеньку людямъ каже: „Потапъ начынае казыцця, винъ всихъ васъ покусае, вырыйте яму и кыньте его, собаку, и живого засыпте землею". Подумало общество та й прыговорыло: ныхай пропаде одынъ винъ, чымъ маемъ мы вси показыцця. Староста поттвердывъ, що винъ сказывся, мужыкы выкопалы яму, вкынулы Потапа и накыдалы на него могилу. Отаке колысь робылось на свити [1]).

Весьма подробно мотивъ о рыбѣ съ неба и т. п. разработанъ въ русскихъ сказкахъ, напр., въ сказкѣ, изданной Леже въ „Contes populaires Slaves": мужикъ нашелъ кладъ и, по совѣту жены, закопалъ его на току. Опасаясь, что жена проболтается, онъ спряталъ его въ клунѣ. Когда жена принесла воды изъ колодца, мужъ повелъ ее въ лѣсъ ловить рыбу. Заранѣе онъ закопалъ въ лѣсу въ одномъ мѣстѣ щуку, въ другомъ окуня, въ третьемъ язя. Жена все это нашла и была удивлена, что въ лѣсу водится рыба; потомъ она находитъ пирожки на грушѣ, вѣритъ, что мужъ въ рѣкѣ поймалъ зайца. Когда жена разболтала о нахожденіи сокровища, мужъ объявилъ, что она сумасшедшая. Когда же она стала утверждать, что сокровище было найдено наканунѣ того, какъ на грушѣ выросли пирожки, а въ рѣкѣ пойманъ былъ заяцъ, всѣ признали ее сумасшедшей, и о кладѣ не было уже рѣчи [2]).

Въ обширной малорусской сказкѣ изъ Полтавской губ. мужъ находитъ деньги, и чтобы жена не разболтала, убѣждаетъ ее, что поймалъ въ рѣкѣ зайца, что на ярмаркѣ была буря изъ калачей, затѣмъ буря изъ бубликовъ. Жена все настаивала, чтобы мужъ купилъ ей такую курту (т. е. кофточку), какъ у барыни. Мужикъ купилъ шкуру съ сѣраго вола и нарядилъ въ нее жену. Жена пошла въ церковь. Народъ принялъ ее за черта и разбѣжался. Тогда обиженная жена разсказала пану, что мужъ ея нашелъ гроши, но когда она добавила, что это случилось тогда, когда въ рѣкѣ пойманъ былъ заяцъ, что были калачная и бублечная бури, что на

[1]) *Ястребовъ*, Матер. по этногр. 172.
[2]) *Clouston*, 153—156.

ярмаркѣ тогда самого пана били по лицу украденной колбасой (и это ей мужъ наплелъ), то панъ разсердился и высѣкъ бабу [1]).

Въ польскихъ сказкахъ и анекдотахъ также встрѣчаются разбираемые мотивы, но большей частью въ сжатой передачѣ и въ плохой обработкѣ. Таковы краковскія сказочки о глупой женѣ, повѣрившей мужу, что ему въ задницу влетѣла ворона, о другой глупой женѣ, повѣрившей сообщенію мужа, что рыбы живутъ на вербѣ [2]).

Въ македонской сказкѣ мимо избы глупой женщины шелъ караванъ. Одинъ верблюдъ съ дорогими царскими товарами отсталъ; мужъ увелъ его, зарѣзалъ и товары взялъ себѣ. Онъ деньги спряталъ, но при этомъ показалъ женѣ на курей, клюющихъ житное зерно, и сказалъ, что это вороны клюютъ глаза. Царь, желая разыскать пропавшаго верблюда, послалъ женщину покупать верблюжьяго мяса будто бы для лѣкарства. Жена продала кусокъ мяса убитаго верблюда и сказала, что мужъ ея убилъ верблюда. На судѣ мужъ просилъ судью спросить доносчицу, когда онъ убилъ верблюда. Тогда, сказала жена, когда вороны клевали глаза и выклевали глазъ у судьи (а судья былъ слѣпой на одинъ глазъ). Этотъ отвѣтъ былъ принятъ за доказательство глупости жены, и мужъ ея былъ отпущенъ.

Эта сказка состоитъ изъ двухъ мотивовъ, о полотнѣ и горшкахъ и о верблюдѣ. Встрѣчаются эти мотивы и въ видѣ двухъ отдѣльныхъ сказокъ [3]).

Мотивъ о рыбѣ, пирожкахъ и т. п. встрѣчается въ шотландскихъ сказкахъ (супъ и блины), въ кабильской (пряженцы), сицилійской (виноградъ и фиги) и др. [4]). Значительная давность мотива видна изъ того, что онъ вошелъ въ памятникъ XVII в. Пентамеронъ Базили — въ видѣ окончанія сказки о глупцѣ, нашедшемъ сокровище внутри статуи. Здѣсь мать обманула сына, утвердивъ его во мнѣніи, что фиги и виноградъ упали съ неба [5]).

Существованіе мотива въ сказкахъ сицилійскихъ и кабильскихъ даетъ поводъ думать, что мотивъ этотъ проникъ съ азіатскаго Востока. Такое предположеніе находитъ нѣкоторое подтвержденіе въ существованіи весьма сходнаго варіанта въ 1001 ночи.

Въ 1001 ночи жена приноситъ ночью жареную рыбу и жареное мясо, кладетъ передъ дверями дома и утромъ увѣряетъ мужа, что все это упало

---

1) *Чубинскій*, II, 505—510.
2) *Ciszewski*, 212—213.
3) *Шапкаревъ*, VIII, № 56.
4) *Clouston*, 154.
5) *Cosquin*, II, 180.

съ неба во время дождя. Мужъ вѣритъ. Когда онъ донесъ въ полицію о найденномъ женой сокровищѣ, то жена отрицала и въ доказательство того, что мужъ ея глупъ, предложила спросить, когда она нашла. Мужъ отвѣтилъ: „въ ночь, когда дождило мясомъ и рыбой“. Мужа сочли идіотомъ и отпустили обвиняемую [1]).

Мотивъ о томъ, какъ разумная мать (жена, братъ или мужъ) отводятъ вниманіе глупца указаніемъ на дождь изъ ананасовъ, бубликовъ и пр. встрѣчается въ Индіи (ананасы и др. сласти), въ Малороссіи (вышепривед.), у лужицкихъ сербовъ, британцевъ, шведовъ, италіанцевъ, сицилійцевъ и друг. [2]).

Въ малорусскихъ сказкахъ мужъ носитъ квашу и оборачиваетъ ее себѣ на голову. Одна жинка задумала паляныцямы торгуваты. „Купы“, каже, „чоловиче, куль муки—буду пекты паляныцы та на базари торгуваты“. Чоловикъ дурный и послухавъ, купывъ. Вона якъ утяла, вынесла на базарь,—никому й дурно не треба. Прыносе назадъ.—„Ни, чоловиче, на паляныци нема ходу: люде бублыкивъ та й бублыкивъ! Иды, чоловиче, товчы въ ступи паляныци, а я буду сіяты та бублыки пекты“. Напекла, понесла,—те жъ никому не треба. Прыносе назадъ.—„Ни, чоловиче, и на бублыки нема ходу: люде кваши та кваши! Иды товчы,—я наварю кваши“.— Наварыла дижку, привьязала йому за плечи.—„Ну, несы жъ на базарь, торгуй та гляды: у тебе родычивъ до чорта, то ще дурно пороздаешъ“.—Взяла кочергу та на земли й напысала хрестъ: „Цилуй, бисивъ сыну, божысь, що никому дурно не дасы!“—Винъ дурный и нахылывсь цилуваты хрестъ, а кваша черезъ голову до долу й вылылась. Вона й давай крычаты: „отъ, бисивъ сыну! съ такимъ чоловикомъ и пожывы на свити: якъ схотивъ, такъ куль муки й перевивъ“! [3])

Въ малорусскомъ варіантѣ, весьма сходномъ съ предыдущимъ, есть лишь та особенность, что вмѣсто поцѣлуя креста на землѣ глупый мужъ нагинается, чтобы поднять мѣдный пятакъ, съ умысломъ положенный женой на дорогѣ въ воротахъ [4]).

XXXII.

Потеря сознанія самоличности.

(Сомнѣніе въ собственномъ существованіи, или относительно головы, дома).

Мотивъ о томъ, какъ глупецъ потерялъ увѣренность въ самоличности, встрѣчается часто, иногда въ формѣ отдѣльнаго анекдота, чаще всего въ

---

[1]) *Clouston*, 146—150, *Cosbuin*, II 181.

[2]) *Zeitschr*. d. ver. f. Volksk. 1896 I, 73.

[3]) *Гринченко*, Этн. матер. I 78.

[4]) *Манжура*, Сказки, пословицы и пр. 97.

составѣ сказокъ на тему, какъ жена дурила мужа. Въ сборникѣ малорусскихъ сказокъ Манжуры мотивъ этотъ введенъ въ видѣ предисловія въ сказку о томъ, какъ мужикъ телился [1]). Въ другихъ малорусскихъ и великорусскихъ сказкахъ оба эти мотива развиваются равномѣрно, какъ самостоятельные.

Нашли глупцы медвѣжью берлогу (въ малор. разск.), и одинъ полизъ у берлогу, а медвидь ему и откусывъ голову. Ци, шо тутъ булы, крычать: „вылазь! вылазь!“—а винъ все не вылазыть. Воны взялы и вытяглы его за ногу, дывлящця—винъ безъ головы. Воны тоди кажуть: „чы винъ бувъ зъ головою, чы безъ головы“? Никто не знавъ. Тоди послалы до ёго жинкы спытать: чы винъ бувъ зъ головою, чы безъ головы? Отъ двое пишлы. Прыйшлы воны та й пытають жинку: „чы твій чоловикъ бувъ зъ головою, чы безъ головы“? Вона каже: „незнаю“! а тоди трохы подумала, то й каже имъ: „ни, бувъ зъ головою, бо якъ борщъ йидавъ, то й головою мотавъ“! Ажъ тоди воны узналы, шо винъ бувъ зъ головою [2]). Существуютъ такіе же разсказы чеченцевъ [3]).

Встрѣчаются сказки и анекдоты съ сокращеніемъ мотива о потерѣ сознанія самоличности въ мотивъ сомнѣнія въ присутствіи собственной головы, или въ такой еще болѣе упрощенной формѣ, что глупый мужъ или глупая жена не узнаютъ собственнаго дома.

Въ сказки этого рода часто входитъ мотивъ: глупую женщину обмазываютъ дегтемъ и осыпаютъ перьями. Образцомъ можетъ служить слѣд. малорусская сказка изъ Бердянскаго у.: Жылы за царя Хмѣля, якъ було людей жменя, чоловикъ та жинка. Чоловикъ бувъ такъ соби, а жинка таки зовсимъ дурна. Бувъ у йихъ и свій млынъ, и хата, и де яки повиткы для скотынкы. Отъ якъ зибрався чоловикъ (а звалы його Иваномъ) на ярморокъ продаты корову й одну курку, а жинка й каже: „годи тоби, чоловиче, йиздыты по ярмаркахъ; посыдь, лышень, ты дома, а я пойиду й сама зъумію продаты“.—„Ну, паняй, каже Иванъ,—та гляды, за корову визьмы 10 карбованцивъ, а за курку—30 копійокъ, щобъ ты прывезла мени 10 рублывъ и 30 копійокъ, бо треба подать заплатыты“. Пойихала баба на ярморокъ, та ще й не дойихала до майдану, ажъ зустривъ йии жыдъ та й пыта: „що продаешъ?“—„Оце за корову и за курку дасы мени 10 рублывъ и 30 копійокъ: за курку 10 р., а за корову 30 коп.“ „Добре, каже жыдъ, я визьму корову, а курыцю несы на ярморокъ; якъ никто не визьме, то прынесы до мене, я й курку визьму“.—Заплатывъ жыдъ за корову 30 коп. та й повивъ, а баба понесла курку на ярморокъ,

---

1) *Манжура*, 94.
2) *Ястребовъ*, Матер. по этногр. 186, *Рудченко*, Нар. ю. ск. II 194.
3) *Потебня*, Къ ист. звук. III 135.

та такъ и не продала, бо хто спыта, скилкы вона хоче за курку, вона й каже—10 рублывъ. Ходыла, ходыла по ярморку, та понесла курку до того жыда, шо купывъ корову. А йий зустрывъ жыдъ и жыдивка такъ ласково и каже жыдъ, шо винъ дасть 10 карбованцивъ за курку. Жыдивка узяла видъ нейи курку, зарызала, прыготовыла якъ треба, поставыла горилкы чимало и ну гостыть бабу йийи жъ куркою. Напойили жыды бабу добре, обмазалы смолою, вкачалы у пирья та й вынеслы у лисъ у вечери. У ранци прокынулась баба, глянула на себе та й пыта сама себе: „чы я, чы не я? Пиду до дому"! Пишла, а собаки якъ побачылы йі, та такъ и кынулысь мовъ на якого звиря. Вона упъять пишла въ лисъ, посыдила, подумала, та й каже соби: „пиду знову до дому та увійду въ хлывецъ до телятъ; то якъ воны зачнуть мени рукы лызать (якъ перше лызалы, якъ було дайе йимъ пійло), то ничого, а якъ полякаються, то тоди вже я не чоловикъ, а птыця". Пишла въ хливець, а телята якъ побачылы йі та й поразбигалыся кто куда,—тилько й бачылы йихъ! Отъ вона й каже: „теперъ я птыця". Вылизла на млынъ, распросторила рукы, наче крыля, та й ну махать ными; а чоловикъ йийи взявъ рушныцю та й цилыться на нейи, щобъ убыть; вона якъ закрычыть: „Иване, це я, твоя жинка!"—„А якого жъ ты биса зализла на млынъ та ще й вырядылась наче чортяка! Злизь, лышень, та попрощаймось, бо я пиду ходыть по билому свиту, а тебе покыну тутъ. Якъ що знайду, ще трьохъ такыхъ дурныхъ, якъ ты, то вернусь а якъ же не знайду, то й не жды мене". Узявъ ципокъ, засунувъ сокыру за пояса, та й пишовъ. Ишовъ винъ довго, увійшовъ у якусь слободу, ось чуе хтось крычыть не свойимъ голосомъ; винъ у хату, ажъ тамъ одна жинка надила на чоловика шось наче мишокъ та й бье його по голови рублемъ. „Що вы тутъ робыте?" пыта Йванъ. „Рятуй, каже чоловикъ, оце жинка пошыла мени нову сорочку, тай бье по голови, щобъ зробыть у сорочци дирку, щобъ голова пролизла. Порятуй, каже, чоловиче добрый, я тебе награжу". Иванъ узявъ свою сокыру, прорубавъ дирку на голову и на рукы и надивъ на чоловика. Воны його нагодувалы и далы йому ще й грошей чы мало за те, що навчывъ йихъ якъ сорочкы шыть. Отъ Иванъ выйшовъ то й думае соби: „уже знайшовъ одну таку дурну бабу, якъ и моя." Иде дали и бачe: баба выбигаетъ съ хаты на двиръ зъ видрамы, стане проты сонця, поставе видро, а тоди накрое його хвартухомъ та й несе у хату (а въ хати нема ни одного викна). Пидходе Иванъ та й пыта йийи: „Що це ты робышъ?"—„Оце ,каже, чоловиче, хочу сонце пійматы та въ хату внесты; а то якъ була стара хата, то було выдно въ йий, а оце мы поставылы нову хату, то я ніякъ въ нейи свиту не наношу."—„Давай, каже Иванъ, я тоби зроблю такъ що буде выдно".—„Зробы, будь ласка, я тоби заплатю" каже баба. Иванъ узявъ сокыру, прорубавъ чотыри викна и въ хати ста-

ло выдно. Нагодувала баба Йвана и грошей дала. „Оце вже дви знайшоятакыхъ дурныхъ бабы, якъ и моя“, дума соби Иванъ, та й пишовъ дали. Иде й чуе—плаче жинка такъ жалобно, що його й самого жаль узявъ. Пидийшовъ винъ до нейи та й пыта: „чого ты плачешъ, бабо?“—„Якъ же мени не плакать, каже вона, ось, дывысь, скильки мени добра оставывъ мій Петро дурный, а самъ умеръ; отъ я й думаю: що робыть мій Петро на тимъ свити?“ Воно, бачыте, уже втрете замижъ пишла та всё за Петривъ: первый бувъ Петро, другый—Петро и цей, що теперь на степу недалеко видъ слободы хлибъ сіявъ, и цей бувъ Петро—третій. А Иванъ, якъ побачивъ стилькы добра у нейи, то зараз догадався, що треба робыть. Отъ винъ йій й каже: „Я, жинко, самъ съ того свиту прыйшовъ, бачывъ тамъ твого Петра, винъ тамъ ходе, сердешный, увесь у лоскуткахъ та мылостыни просе и тоби переказувавъ поклонъ, щобъ ты прыслала йому одежи“. „Та я йому й грошей, й повозку, й коняку, й одежи пошлю, шобъ винъ не ходывъ пишкы голый и босый... А чы ты жъ, чоловиче, упъять пидешъ туды“?—„Пиду“.—„Ну ось я заразъ запряжу тоби чалу кобылу въ повозку, покладу одежи й грошей, та й оддасы, будь ласка, моему Петру“. Узявъ Иванъ усе, що йому дала жинка, сивъ на повозку та й пойихавъ додому (бо думавъ шо найшовъ уже й третю таку дурну бабу, якъ його). Йиде винъ соби потыхеньку, а тійи жинкы чоловикъ, Петро третій побачывъ здалека, пизнавъ свою чалу, та мерщій до дому, роспытать у жинкы, що воно таке пойихало мовъ йихньою чалою. Жинка й разсказала, що прыходывъ чоловикъ съ того свита видъ Петра, а вона дала йому всякаго добра та ще й коня съ повозкою. Петро третій заразъ верхы та на здогонкы за Йваномъ. А Йванъ скорійшъ у лисъ: заховавъ коня съ повозкою, вырвавъ у коня килька волосынокъ съ хвоста, повисывъ на гилляку на дереви, а самъ лигъ пидъ тимъ деревомъ и лежыть у гору дывыться. Подъихавъ Петро третій, подывывся на Йвана та й пыта його: „Що ты тутъ робышъ, чоловиче?“—„Оце, каже Иванъ, бачывъ я, тутъ чоловикъ одынъ йихавъ у повозци, чалою конякою, то якъ побачывъ, що ты прешъ сюды верхы—винъ такъ и пиднявсь у гору. Онъ, тилькы выдно!—Ось кинь його тутъ зачепывся трохы за дерево, та хвоста трохы осталось на гильци“.—„Де?“ „А ляжъ тутъ, де я, то й побачышъ“. —„Ну, на жъ подержъ мого коня!“—„Та ты дывысь прямо вгору, а то ничого не побачышъ“, каже Иванъ, а самъ потыхеньку одвивъ коня до своейи повозкы, прывъязавъ, та й драла зъ лису, що есть сылы! Прыйихавъ до дому, привизъ жынци стилькы добра, а вона ну його лаять: „якъ тоби не соромъ швендяты скризь,—онъ, уси люды сіютъ хлибъ. Бачышъ, ты тутъ скризь ходывъ, а я безъ тебе й ныву засіяла“.—„Чымъ?“—„Эге, чымъ!—Украла тутъ у чумакивъ пудивъ зо тры солы та й посіяла ныву“.—

„Ну, й дурна жъ ты, жинко, каже Иванъ, та нема чого робыть, будемъ жыть разомъ, бо ще на билимъ свити е люде богато дурнищи за тебе“ [1]).

Изъ многочисленныхъ польскихъ сказокъ на эту тему весьма сходна съ вышеприведенной малорусской слѣд. сказка изъ мазовецкаго Луковца подъ названіемъ „Chistoryja o glupij gospodyni [2]). Здѣсь соединены два мотива—о глупой женѣ и о глупыхъ людяхъ, безъ національнаго ихъ опредѣленія.

Мотивъ о глупой женѣ разработанъ въ такой формѣ: мужикъ собрался на ярмарокъ продавать корову и курицу; жена взялась сама продать ихъ по назначенной мужемъ цѣнѣ: за курицу 2 злотыхъ и за корову 10 талеровъ. На дорогѣ она встрѣтила шинкаря и, перепутавъ цѣны, продала корову за 2 злотыхъ; на ярмаркѣ за курицу, разумѣется, никто не далъ ей 10 тал. Она понесла ее продавать тому же шинкарю; послѣдній напоилъ ее пьяной, остригъ, вымазалъ сметаной, вывалялъ въ пухъ и въ мѣшкѣ отнесъ подъ лѣсъ. Проспавшись баба вылѣзла изъ мѣшка, и сама не знала—она ли это или другая. Она идетъ къ своимъ телятамъ, но послѣдніе въ страхѣ бросаются въ сторону, подходитъ къ домашней собакѣ, и собака лаетъ на нее. Все это убѣждаетъ ее, что она не Мацькова. Она лѣзетъ на крышу своей хаты и хочетъ полетѣть; мужъ выходитъ съ ружьемъ, сначала хочетъ застрѣлить ее, потомъ узнаетъ въ этомъ чудищѣ жену, распрашиваетъ о ярмаркѣ, узнаетъ всю глупость жены и съ досады уходитъ изъ дому въ чужую сторону, сказавъ женѣ, что возвратится, если найдетъ людей болѣе глупыхъ. На дорогу онъ взялъ топоръ, долото и хлѣба.

Въ польскихъ сказкахъ пьяный мужикъ, обокраденный въ дорогѣ, въ чужомъ платьѣ не узнаетъ себя; домашняя собака лаетъ на него; жена, принявъ мужа за попа, проситъ освятить хату. Считая себя попомъ, мужикъ говоритъ мужикамъ проповѣдь: „если не будете, хлопы, хорошо служить панамъ, то будемъ лупить съ васъ шкуру и на бантынѣ вѣшать“. Глупца бьютъ, и онъ приходитъ къ самосознанью [3]).

Вообще въ польскихъ сказкахъ разбираемый мотивъ часто встрѣчается [4]).

Въ болгарскихъ сказкахъ стеблевцы (болг. пошехонцы) спрашиваютъ у своихъ женъ, дома ли они, т. е. мужья, какія шапки были у нихъ на головѣ, и только по бѣлымъ шапкамъ признали себя [5]).

---

[1]) *Гринченко*, II № 190.

[2]) *Ulanowska*, въ Zbiòy wiadom. do antrop. kraj. VIII, 299—303.

[3]) См. напр. еще *Chetchowski*, Powiesci II №№ 48, 66.

[4]) *Ciszewski*, 218—220.

[5]) *Сборн.* за нар. умотв. VII 135—137.

Въ македонскомъ варіантѣ „Глупави те винари" стеблевци несутъ мѣха съ виномъ. Ночью прохожій выпилъ вино изъ бурдюка, и бурдюкъ сталъ легкимъ. Стеблевци рѣшили, что это не они, и пошли по селамъ распрашивать не проходили ли винари стеблевци. Изъ своего села они ушли потому, что на нихъ залаяли собаки, и они убѣдились, что они изъ другаго мѣста [1]).

Извѣстна норвежская сказка такого содержанія: Крестьянка взяла на базаръ курицу и корову на продажу. За корову она запросила 5 шиллинговъ, а за курицу 10 фунтовъ, т. е. дороже. Корову рѣзникъ купилъ, а курицы никто не покупалъ. Пошла баба снова къ рѣзнику, чтобы сбыть ему курицу. Рѣзникъ напоилъ бабу пьяной, вымазалъ дегтемъ и обсыпалъ перьями. Проспавшись баба не понимала, она ли это или не она. Она рѣшила тихонько пробраться домой, и если собаки залаютъ на нее, значитъ не она. Собаки залаяли; телята бросились отъ нея въ сторону, и она рѣшила по перьямъ, что она залетная птица, взобралась на крышу своего сарая и махала руками, какъ крыльями. Мужъ подумалъ, что это какое-то чудовище, и хотѣлъ застрѣлить ее, но потомъ узналъ по голосу.

Въ Норвегіи эта сказка примкнула къ сказкамъ о глупыхъ людяхъ, въ видѣ введенія, въ замѣнъ мотива о молодицѣ и ея матери, оплакивавшихъ смерть нерожденнаго ребенка. Въ норвежскомъ варіантѣ мужъ глупой бабы уходитъ искать большихъ глупцовъ и находитъ женщину, собиравшую въ сито солнечный свѣтъ, другую женщину, ударами валька надѣвавшую на мужа сорочку безъ отверстія для шеи. Третья женщина—здѣсь вставленъ мотивъ о прохожемъ изъ рая [2]), разбираемый нами отдѣльно. Такое сочетаніе данныхъ мотивовъ нами уже было выше отмѣчено въ польской сказкѣ изъ мазовецкаго Луковца [3]).

Насколько популяренъ въ Англіи мотивъ о потерѣ глупцомъ сознанія своей личности, видно изъ того, что здѣсь онъ встрѣчается не только въ прозаической формѣ, но и въ видѣ народной пѣсни, которая по содержанію весьма сходна съ норвежской сказкой: Старая женщина пошла на базаръ продавать яйца и заснула на дорогѣ. Какой-то шутникъ прохожій обрѣзалъ ей платье до колѣнъ. Она продрогла, проснулась и затруднялась опредѣлить, она ли это. Она пошла домой, но когда собака ея залаяла на нее, она рѣшила, что это не она [4]).

---

1) *Шапкаревъ*, VIII № 18.
2) *Clouston*, 206—209.
3) *Ulanowska*, въ Zbiór wiadom. VIII, 299.
4) Пѣсня эта приведена цѣликомъ въ The book of noodles Клоустона на стр. 208.

There was an old woman, as i ve heard tell;
She went to market her eggs for to sell;
She went to market, all on a market—day,
And she fell esleep on the king's highway.
There came a pedlar, whose name vas Stout,
He cut her petticoats all round abont;
He cut her petticoats up to the knees,
Which mode the old woman to shiver and freeze.
When the little woman first did wake,
She began to shiver aud she began to shake;
She began to wonder and she began to cry:
„Lauk-a-mercy on me, this in none of i!
But if this be a, as i do hope it be,
I've a little dog at home and he'll know me;
If it be i, he'll wag his little tail,
And if it be not i, he loudly bark and wail.
Home went the little woman all in the dark,
Up got the little dog and began to bark,
He began to bark, and she began to cry:
„Lauk-a-mercy en me, this can't be i!"

Подобный анекдотъ встрѣчается въ англійскомъ сборникѣ анекдотовъ Джона Тэйлора „Wit and Mirth" [1]).

Анекдотъ о потерѣ сознанія личности встрѣчается и на Востокѣ. Въ Персіи ходитъ разсказъ о дурнѣ, который, проживъ много лѣтъ въ лѣсу, пошелъ въ городъ и чтобы узнать себя среди людей, перевязалъ себѣ ногу ленточкой. Шутникъ перевязалъ ленточку, когда глупецъ спалъ, на свою ногу, и дурень, проснувшись, сталъ сомнѣваться въ своей личности [2]).

Анекдотъ этотъ имѣетъ очень почтенную древность и, какъ выше уже было нами отмѣчено, встрѣчается у Гіерокла въ такой обработкѣ, что глупецъ, обривъ себѣ голову, не узналъ себя.

Къ этимъ анекдотамъ примыкаютъ болѣе простые и естественные, а подчасъ и наивные анекдоты о потерѣ сознанія личности во снѣ, въ родѣ слѣд. индійскаго анекдота недавней записи: человѣкъ видитъ во снѣ, что бьетъ брата ногой, просыпается; оказывается, что онъ самъ себя ударилъ; „разсмѣялся онъ въ умѣ" [3]).

---

1) *Clouston*, ib. 1—12.
2) Ib. 1—12.
3) ***Минаевъ***, Инд. ск. 33.

XXXIII.

Глупецъ сидитъ на яйцѣ или тыквѣ, чтобы высидѣть жеребенка (=гуся, дочь).

Анекдоты на эту тему входятъ часто въ сказки о глупомъ сынѣ и въ сказки о глупомъ мужѣ. Въ отдѣльномъ видѣ анекдотъ этотъ встрѣчается рѣдко. Его значеніе по преимуществу служебное, значеніе популярнаго вставнаго мотива.

Въ малорусской сказкѣ мужикъ продаетъ на базарѣ тыквы. Жидъ спрашиваетъ, что это такое. Мужикъ говоритъ: „дрохвины крашанки" и объясняетъ, что изъ нихъ можно высидѣть лошенка. Жидъ даетъ за тыкву 5 рублей и самъ садится высиживать жеребенка, потомъ бросаетъ, пробѣгаетъ случайно заяцъ и проч. Конецъ своеобразный: гоняясь за зайцемъ, жидъ сбросилъ сюртукъ, въ которомъ были деньги. Мужики забрали. Жидъ пожаловался пану. По приговору пана, жидъ возитъ мужика по рилли и встаскиваетъ на крутую гору [1]).

Въ другой малорусской сказкѣ жидъ покупаетъ за сто рублей тыкву, изъ которой долженъ вылупиться жеребецъ, сидитъ на ней, какъ курица; жидовка настояла бросить. Жидъ бросилъ тыкву въ лѣсу, вблизи пробѣжалъ заяцъ, и жидъ бранилъ жену, что она не дала ему высидѣть дома жеребца. Далѣе идетъ анекдотъ о прохожемъ съ того свѣта [2]).

Въ галицко-румынскомъ анекдотѣ парубокъ сажаетъ свою старую мать на тыкву высиживать жеребенка. Жидъ покупаетъ тыкву и поручаетъ своей матери досидѣть. Спустя долгое время, жидъ выбросилъ тыкву; въ это время бѣжалъ заяцъ; жидъ принялъ его за жеребенка [3]).

Въ Великороссіи мотивъ о сидѣніи на яйцахъ связанъ съ именемъ Балакирева. Будто Петръ Великій расположенъ былъ дать хорошее мѣсто одному очень ограниченному придворному. Балакиревъ ухитрился посадить его на яйца и такимъ образомъ указалъ на его глупость [4]).

Въ польской сказкѣ выведены бездѣтные старики и супруги. Жена поѣхала на базаръ продавать воловъ. Къ мужу пришли цыгане и сказали, что у него можетъ быть дочка, если онъ посидитъ на яйцахъ въ бочкѣ. Старикъ сѣлъ въ бочкѣ высиживать дочку, цыгане закрыли его, посовѣтовали не выглядывать, затѣмъ обокрали домъ и ушли. Когда пришла жена и спрашивала мужа, то онъ только квакалъ—квакъ! квакъ! и когда она

---

1) *Манжура*, Сказки 116.

2) *Чубинскій*, II 571.

3) *Житье и Слово* 1895, IV, 193.

4) *Газо—Федорова*, Шуты и скоморохи, 269.

потянула его валькомъ по головѣ, то онъ все свое: квакъ! и квакъ! Пока жена со злости не убила его валькомъ [1]). Сказка довольно большая и обработанная.

Въ польской сказкѣ мужикъ покупаетъ въ мясной лавкѣ бычачій пузырь. Мясникъ сказалъ, что, если продержать пузырь на печкѣ въ теченіе года, изъ него выйдетъ жеребенокъ. Прошелъ годъ, жеребенокъ не вышелъ, и мужикъ выбросилъ пузырь и ударилъ его о сосну. Изъ подъ сосны побѣжалъ скрывавшійся тутъ заяцъ. Мужикъ долго гнался за нимъ, предполагая, что это бѣжитъ его жеребенокъ. Охотникъ застрѣлилъ зайца, и мужикъ очень горевалъ, что убитъ его жеребенокъ [2]).

Въ хорватскомъ анекдотѣ птица заноситъ сѣмя тыквы. Жители одной деревни принимаютъ тыкву за кобылье яйцо, высиживаютъ поочередно жеребенка, и когда тыква случайно была разбита, приняли пробѣжавшаго вблизи зайца за лошенка. Потомъ они разобрали по дворамъ сѣмена и стали сѣять ихъ [3]).

Въ германскихъ анекдотахъ глупые фокбекеры принимаютъ головку сыра да лошадиное яйцо и сажаютъ на него старуху бабу высиживать жеребенка [4]).

Во французской сказкѣ мать дурня уходитъ въ церковь и поручаетъ сыну положить въ кострюлю гуся на жаркое. Дурень схватилъ гусыню, сидѣвшую на яйцахъ и, не ощипавъ, сунулъ ее въ кострюлю, а самъ сѣлъ надъ яйцами, чтобы высидѣть гусенятъ. Когда мать подошла, онъ, какъ гусыня, сычалъ [5]).

Въ нѣкоторыхъ французскихъ анекдотахъ разбираемый мотивъ пріуроченъ къ цѣлямъ сосѣдскаго зубоскальства, напр., въ приложеніи къ жителямъ городка St. Maixent и къ огородникамъ въ окрестностяхъ Niort.

Къ французскимъ и въ особенности къ польскимъ и малорусскимъ варіантамъ о мужѣ, сидѣвшемъ на яйцѣ, подходитъ арабскій. Простакъ покупаетъ тыкву и, по совѣту продавца, сидитъ на ней 3 дня, чтобы высидѣть осленка, сохраняя молчаніе. Особенность арабскаго варіанта: на третій день мужъ увидѣлъ любовника жены, бросилъ въ него тыкву, спугнулъ кролика и принялъ его за осленка [6]).

Въ сицилійской сказкѣ типичный дуракъ Джуфа, ложно понявъ приказанія матери, кормилъ свою маленькую сестру горячей кашей, а курицу

---

1) *Ciszewski*, 221—223.
2) *Ciszewski*, 220.
3) *Am Ur—Quell*, 1890, 170.
4) *Krauss*, Sagen d. Südslaw. II № 114.
5) *Sebillot*, Contes pop. de la H. Bretagne 222.
6) *Кузмичевскій*, въ Кіев. Стар. 1886, III 454.

зерномъ, такъ что онѣ погибли и самъ сѣлъ на яйца высиживать. Весьма возможно, что эта сказка проникла въ Сицилію съ арабами. Весьма близкій варіантъ ея встрѣчается въ видѣ составной части арабскихъ сказокъ. Здѣсь жена, уходя изъ дому, поручаетъ своему глупому мужу покачать ребенка, накормить курицу, напоить осла, запереть двери дома и не спать, чтобы не забрались воры. Курица захворала, дурень сталъ искать и бить на ней блохи такъ усердно, что убилъ самую курицу; онъ сѣлъ высиживать яйца, а ребенка взялъ на руки, чтобы качать. Возвратившись, жена разсердилась и такъ ударила дурня, что онъ подавилъ всѣ яйца [1]).

Въ армянскомъ анекдотѣ старшина села Киркенджъ (подъ Шемахой) пришелъ по служебнымъ дѣламъ въ городъ. Увидѣвъ у одной татарской лавки гору арбузовъ, онъ остановился и спросилъ въ изумленіи, что это такое. „Это, допустимъ, ешачьи яйца", отвѣтилъ хозяинъ. Киракосъ (такъ звали старшину) купилъ за тройную цѣну арбузъ. На дорогѣ онъ остановился за нуждой, арбузъ покатился, ударился объ дерево и разбился, а изъ подъ куста выбѣжалъ заяцъ. Киракосъ принимаетъ зайца за ешачка и гонится за нимъ съ крикомъ: „ешачокъ, ешачокъ, я твой хозяинъ"! Жена, поплакавъ о потерѣ ешачка, сказала, что она ѣздила бы на немъ по воскресеньямъ въ монастырь цѣловать руку у попа. Мужъ побилъ ее, приговаривая: „въ васъ, бабахъ, жалости нѣтъ; ешачекъ еще очень молодой, и ты могла бы сломить ему спину". Киракосъ лишь тогда пересталъ бить жену, когда она отказалась отъ намѣренія ѣздить на ешачкѣ [2]).

Армянская сказка представляетъ простой пересказъ слѣдующей турецкой о ходжѣ Насръ-эдинѣ: ходжа собрался рубить дрова въ горахъ и на пищу взялъ арбузъ. По дорогѣ арбузъ вывалился изъ его рукъ. Вблизи лежалъ заяцъ, который испугался и побѣжалъ. „Какой промахъ я далъ, вскрикнулъ ходжа, арбузъ былъ беременный: онъ родилъ бы мула". Дома ходжа разсказалъ женѣ о приключеніи съ арбузомъ. „Нужно было привести его домой, сказала жена, чтобы ѣздить на немъ". Тогда ходжа взялъ палку въ руки и сказалъ: „слѣзай сейчасъ; онъ еще слишкомъ молодъ; ты ему сломишь спину" [3]).

Сказка восточнаго, по всей вѣроятности, индійскаго происхожденія. Въ сборникѣ индійскихъ анекдотовъ XVIII в. Gooroo Paramartan глупецъ Горо вмѣсто лошади покупаетъ тыкву, причемъ продавецъ увѣрилъ его, что это кобылье яйцо, и если его высидѣть, то изъ него выйдетъ отличный жеребенокъ. Горо (учитель) берется самъ высиживать его. Когда его ученики

---

1) *Clouston*, 139.
2) *Сборн*. матер. для изуч. Кавказа, VII 130.
3) *Кузмичевскій*, въ Кіев. Стар. 1886, III 451, 453.

везли тыкву въ лѣсу (джунгляхъ), она упала и разбилась въ дребезги; при этомъ испугался лежавшій вблизи заяцъ и побѣжалъ. Глупцы подумали, что это побѣжалъ жеребенокъ [1]).

XXXIV.

Беременный мужъ.

Въ малорусской сказкѣ мужъ не вѣритъ женѣ, что болитъ животъ при родахъ. По совѣту бабки, жена накормила мужа конопляннымъ молокомъ, и когда у него разболѣлся животъ, то онъ тогда сказалъ: „подобнось, буду дытыну маты“, послалъ жену за повитухой и затѣмъ самъ побѣжалъ за ней. На дорогѣ онъ нашелъ сапоги съ человѣка, котораго съѣли волки, взялъ ихъ и заночевалъ въ хатѣ. Ночью корова привела теленка. Мужикъ, нащупавъ его въ темнотѣ, подумалъ, что это онъ родилъ теленка: „якогось биса вродывъ мохнатаго“. Мужикъ ушелъ, оставивъ сапоги. Онъ сказалъ женѣ, что „мавъ дытыну таку, якъ ведмидь, вуха, якъ въ пса, ноги, якъ въ коня“. Хозяева, увидѣвъ одни сапоги, подумали, что теленокъ съѣлъ человѣка, судили теленка и спалили его на границѣ [2]). / Костѣ

Гораздо подробнѣе мотивъ о мужикѣ, которому жена внушила, что онъ беременъ, развитъ въ другой малорусской сказкѣ: ночью хитрая жена выпроводила мужа на дворъ за двери, впустила дьячка и заперла двери. Когда мужъ вернулся и стучалъ въ дверь, то жена сказала, что мужъ ея спитъ съ ней рядомъ, и дьячокъ въ роли мужа прикрикнулъ на него. Мужъ пошелъ ночевать въ сарай и такъ какъ было холодно, то онъ легъ подъ своего бугая въ солому. Утромъ жена сказала, что онъ, полежавъ подъ бугаемъ, приведетъ теля, и прогнала его телиться на сторону. Конецъ обычный. Ночлегъ. Находка теленка и пр. [3]).

Въ галицко-русскомъ варіантѣ мужикъ, ночуя въ хатѣ, гдѣ отелилась корова, принимаетъ теленка за сына и уходитъ, оставивъ свои сапоги. Хозяинъ (попъ) подумалъ, что теленокъ съѣлъ мужика, закопалъ теленка, а женѣ мужика далъ деньги [4]).

Извѣстны великорусскіе варіанты. Одинъ изъ нихъ изданъ въ 1-мъ т. Κρυπτάδια.

Въ бѣлорусской сказкѣ „Рабинъ и теленокъ“: Докторъ остановился въ маленькомъ жидовскомъ мѣстечкѣ. Жиды просятъ навѣстить больного раввина. Докторъ берется заочно опредѣлить болѣзнь и приказываетъ принести мочу больного Жиды поручили мужику принести мочу; мужикъ съ

---

1) *Clouston*, The book of noodles, 38.

2) *Чубинскій*, II 503.

3) *Манжура*, Сказки, 94.

4) *Житье и Слово*, 1895, IV 359.

горшечкомъ мочи споткнулся, упалъ, разлилъ жидовскую мочу и замѣнилъ ее коровьей. Докторъ посмотрѣлъ на мочу и сказалъ: „тельная; скоро родитъ“. Жиды думаютъ, что раввинъ родитъ мессію и посылаютъ его къ повитухѣ. На дорогѣ случилась мятель, и раввинъ заночевалъ въ хатѣ; здѣсь ночью корова отелилась; раввинъ, нащупавъ теленка, принялъ его за своего сына и поспѣшно съ нимъ уѣхалъ. Хозяинъ догналъ жида и повелъ къ пану на судъ. Панъ рѣшилъ поставить теленка между коровой и жидомъ (ракомъ безъ лапсердака). Теленокъ пошелъ къ жиду, и радостный раввинъ сказалъ: „а мой зундылька!“ увезъ въ городъ и отдалъ въ школу, гдѣ теленка кормили и поили, въ ожиданіи, что изъ него выйдетъ мессія [1]).

Въ одной польской сказкѣ мужикъ съѣлъ сметану, а баба ему высказала проклятіе, чтобъ онъ отелился. Въ дорогѣ онъ заночевалъ въ хатѣ, гдѣ отелилась корова, принялъ теленка за сына и убѣжалъ, а хозяева подумали, что корова съѣла мужика.

Въ близкомъ польскомъ варіантѣ мужикъ обжора толстѣетъ и предполагаетъ самъ, что отелится [2]).

Гораздо остроумнѣе и подробнѣе развита эта тема въ слѣд. польской сказкѣ: У одного мужика жена все рожала по двое, и мужъ сказалъ, что прибьетъ ее, если она еще родитъ. Новая беременность, и бѣдная жена повѣдала бабкѣ свои опасенія. Бабка сказала, что дѣйствительно будутъ снова двойни, но она убѣдитъ мужа, что одинъ ребенокъ рожденъ имъ. Она накормила его горохомъ и молокомъ, и когда мужа стало пучить, увѣрила его, что онъ одновременно съ женой долженъ родить. Она продѣлала дыру въ палатяхъ, уложила мужа, привязала нитку къ его органу и пропустила ее въ отверстіе. Когда наступили роды и жена стала стонать и мучиться, то бабка стала дергать за нитку, мужъ тоже охалъ, стоналъ и мучился, предполагая роды. Потомъ бабка поднесла ему одного изъ рожденныхъ ребятъ и посовѣтовала просить жену, чтобы она кормила обоихъ. Мужъ еле сошелъ съ постели и говорилъ, что послѣ такихъ родовъ онъ хотѣлъ бы, чтобы жена его рожала по трое, лишь бы ему самому не мучиться [3]).

Въ кабардинской сказкѣ, отличающейся чисто восточнымъ характеромъ, на мотивъ соревнованія въ глупости, кадія, по пріѣздѣ его домой, жена и ея пріятели увѣряютъ, что онъ измѣнился, что онъ боленъ, призываютъ лѣкаря, который увѣряетъ мнимо больного, голоднаго кадія, что онъ объѣлся; кадій положилъ въ ротъ съ голоду яйцо; лѣкарь сказалъ

---

1) *Шеинъ*, Матер. II 242. Вар. у *Добровольскаго* I 704.

2) *Ciszewski* Krakowiacy, 221.

3) *Chetchowski*, Powiesci, II 141—145.

что это чумная шишка и вырѣзалъ щеку. Всѣ смѣялись надъ кадіемъ, а рубецъ на щекѣ остался на всю жизнь [1]).

Въ Декамеронѣ находится превосходно изложенная новелла о томъ, какъ Нелло, Бруно и Буффальмако убѣдили скупаго крестьянина Каландрино, что онъ нездоровъ, а вошедшій съ ними въ соглашеніе врачъ и аптекарь Симоне сказалъ Каландрино, что онъ забеременѣлъ. Каландрино принялся жалобно голосить и обвинять жену за то, что она всегда желала брать надъ нимъ верхъ. Шутники обѣщаютъ такое лѣкарство, которое въ три дня исцѣлитъ К. отъ недуга. К. платитъ за него 5 лиръ и три пары каплуновъ, пьетъ предполагаемое лѣкарство и потомъ вездѣ расхваливаетъ маестро Симоне, въ три дня избавившаго его безъ всякихъ болей отъ беременности [2]).

Въ старинное время въ Германіи циркулировало большое стихотворное фабліо о беременномъ монахѣ—Der schwanger münch, съ эпиграфомъ:

Diz ist ein schoenez maere gnuok,
Wie ein münch ein kint truok.

Молодой монахъ вычиталъ въ книгѣ выраженіе „союзъ любви" и проситъ монастырскаго служку разъяснить ему, что такое любовь. Слуга везетъ его къ одной молодой женщинѣ, мужъ который былъ въ отлучкѣ и, за приличное вознагражденіе, она берется посвятить неофита въ таинства любви. Красавица нарядилась, накормила монаха, дало ему вина, и гостю пріятно было видѣть ея розовыя щеки, круглыя руки и бѣлую грудь. Далѣе красавица отвела монаха на постель, разоблачила его, и сама раздѣлась, потушила огонь и легла вплотную къ гостю; но монахъ былъ недогадливъ и лежалъ, какъ бревно. Въ полночь красавица дала ему такой толчокъ ногой, что онъ долженъ былъ повернуться и попалъ подъ нее. Она сказала, что знакомитъ его съ любовью, но увы—все напрасно. Утромъ разгнѣванная красавица дала гостю сильный ударъ и ушла, а гость, которому стало больно отъ такихъ знаковъ любви, поспѣшилъ воротиться въ монастырь. Здѣсь его тревожитъ мысль, что знакомство съ любовью вызываетъ рожденіе дѣтей, и бѣдный монахъ спрашиваетъ у мужика, кто рожаетъ—кто лежитъ сверху или снизу, а когда мужикъ сказалъ, что рожаетъ лежащій внизу, то монахъ еще болѣе сталъ тревожиться. Въ это время аббату принесли жалобу на одного парня, который ударилъ корову, и она преждевременно отелилась. Монахъ обратился къ нему съ просьбой ускорить его разрѣшеніе отъ бремени. Хитрый парень, получивъ съ монаха деньги заранѣе, завелъ его въ лѣсъ и такъ избилъ его, что можно было сбросить сразу семерыхъ. Во время этого облегченія пробѣжалъ вблизи

1) *Сборн.* д. изуч. Кавк. XII, 102—105.

2) *Боккачіо*, д. X, нов. 3.

заяцъ. Монахъ принялъ его за новорожденнаго ребенка и очень горевалъ, что онъ убѣжалъ и что нельзя было его окрестить. Монахи сочли бѣднягу сумасшедшимъ, отчитывали, кропили святой водой, и когда это не помогло, посадили въ тюрьму на хлѣбъ и на воду. Черезъ 15 дней монахъ покаялся во всемъ аббату и получилъ свободу [1]).

Въ старинной нѣмецкой стихотворной поэмѣ объ Ахиллѣ и Дендаміи прекрасная царевна Дендамія входитъ въ любовную связь съ Ахилломъ и дѣлается беременной. Въ это время заболѣваетъ ея отецъ король. Врачъ потребовалъ на осмотръ мочу. Дендамія приняла и замѣнила своей. Врачъ говоритъ, что король умретъ, потому что онъ беременъ. Король въ горѣ бранитъ жену и предполагаетъ, что она его околдовала (der teuvel gab dir disen list). Королева настаиваетъ на новомъ осмотрѣ мочи. Врачъ успокаиваетъ короля и обѣщаетъ выздоровленіе [2]).

Къ старо нѣмецкому разсказу о беременномъ монахѣ подходитъ одинъ разсказъ Жиральдо Жиральди конца XV вѣка, гдѣ также выведенъ простодушный монахъ. Тотъ же разсказъ позднѣе встрѣчается у Baudius (amores) и у Поджіо (puer gravidus). Гансъ Саксъ обработалъ этотъ сюжетъ въ 1544 г. въ драму (4 крестьянина и врачъ) [3]).

Въ стихотвореніи французской поэтесы XIII в. Маріи (Marie de France) встрѣчается такой разсказъ, вѣроятно, изъ простонародныхъ анекдотовъ этого времени: мужику въ задницу, когда онъ испражнялся подъ кустомъ, залѣзъ навозный жукъ (escarbot), и мужикъ подумалъ, что забеременѣлъ, день и ночь ожидалъ родовъ, пока жукъ не вышелъ [4]).

Во французскомъ фабльо (XIII в.) „Aucasin et Nicolete" король Torelore, въ отсутствіе жены, начинаетъ заподозрѣвать въ себѣ беременность, ложится въ кроват и наивно говоритъ: „Je gis d'un fil" [5]).

XXXV.

Глупецъ отдаетъ бычка (осла) въ обученіе.

Анекдоты и сказки этого рода представляются психологическимъ продолженіемъ анекдотовъ о томъ, какъ мужикъ отелился. Если глупецъ могъ принять теленка или зайца за сына, если глупыя женщины принимаютъ свинью за дочь, то мотивъ объ отдачѣ теленка въ школу представляется логически и литературно цѣлесообразнымъ. Въ малорусской сказкѣ „Чыпу-

[1]) *Von den Hagen*, Gesammtabenteuer II 50—69.

[2]) *Von der Hagen*, Gesammtabenteuer II 490—508.

[3]) *Von der Hagen*, Gesammtabenteuer II пред. X.

[4]) *Landau*, Die Quellen des Decamerone, 47; *Von der Hagen*, Gesammtabenteuer, II пред. IX.

[5]) *Landau*, Die Quellen des Decamerone (съ ссылкой на сб. Барбазана III 409).

рысь“: „Бувъ соби у одного чоловика бычекъ, и ёму было уже тры года. Той бычекъ бувъ такый ученый, шо якъ хозяинъ прыносе йому йисты и скаже: „Чыпурысь, иды йисты“, то винъ тильке почуе, заразъ и бижыть до его. Хто бъ ны прыйихавъ до того чоловика, то винъ заразъ водывъ его до бычка и показувавъ ёго. Отъ одынъ разъ прыйихавъ до його изъ одного села дякъ въ гости; винъ заразъ повивъ его до Чыпурыся, начавъ разсказувать, якый винъ ученый и що якъ бы его выучить, то зъ его була бъ людына. А дякъ и каже ёму: „знаишь шо, чоловиче, оддай мени цего бычка въ ученіе и ривно черезъ годъ прыйиждяй до мене за нымъ, а до тихъ поръ винъ буде уже чоловикомъ; за ученье я зъ тебе богацько ны визьму, давай десять рубливъ, то й буде зъ мене“.—Мужыкъ согласывся и давъ заразъ дякови десять рубливъ. Дякъ узявъ бычка и пойихавъ до дому. Скоро винъ прыйихавъ, то заразъ узявъ та й зарызавъ его. Проходыть ривно годъ, чоловикъ запригъ коняку, набравъ сина въ повозку и пойихавъ до дяка. Прыйиждяе винъ туды та й пытаеццятдяка: „А шо, чы выйшовъ зъ мого Чыпурыся чоловикъ?“—Эге, ще й якый!—каже дякъ—уже у такымъ-то городи губернаторомъ.—Чоловикъ вернувся до дому, набравъ еще бильше сина въ повозку, шобъ було шо йисты Чыпурысёви дорогою, и пойихавъ ажъ у городъ. Прыйихавъ винъ у той городъ, роспытався людей и пойихавъ прямо до губернатора, но чосовой его не пустывъ, а доложивъ самъ губернаторови, шо якый-сь чоловикъ хоче бачыть ёго превосходытельство. Губернаторъ думавъ, шо, може, прыйшовъ якый-ныбудь чоловикъ съ просьбою и приказавъ его заразъ впустыть. Чоловикъ уходыть у хату зъ вьязкою сина, пидходыть до губернатора и каже: „о, мій Чыпурысь, мабудь, забувъ уже свого хозяина!“ и тыче ёму у ротъ те сино. Губернаторъ россердывся и пытаецця шо ему нужно, а винъ таки свое: „та ну-жъ, Чыпурысь, шо ты ны пизнаешь свого старого хозяина, который тебе выглядивъ и выкормывъ, пойдемъ упьять до дому!“—и всё тыче те сино ёму у ротъ; той думавъ, шо винъ зъ ума зійшовъ, и прыказавъ, шобъ ёго вывелы, но винъ начавъ упырацця и всё таки своё: „та ну-жъ, Чыпурысь, хиба ты такы не пизнаешь мене? на ось тоби, пойижь трохы сина, то тоди пойидемъ до дому“. Насылу его яко-съ вывылы, а тоди засадылы въ острогъ на три дня. Якъ скоро ёго выпустылы изъ острога, то винъ скорише запригъ свою конячку, прыйихавъ до дому, та й каже жинци: „знаешь шо, жинко, бувъ я у нашого Чыпурыся, но винъ не пизнавъ мене, а приказавъ ще посадыть на тры дня въ острогъ“. И съ тыхъ поръ той чоловикъ закаявся йиздыть до свого Чыпурыся и оддавать бычкивъ до дяка въ ученіе. А дякъ изъивъ бычка та ще й заробывъ десять рубливъ“ [1]).

[1]) *Ястребовъ*, Матер. по этногр. 166.

Какъ ни оригинальна на первый взглядъ эта сказка, она не стоитъ одинокой въ устной словесности; она имѣетъ параллели и, быть можетъ, первоисточникъ на далекомъ азіатскомъ Востокѣ.

Въ разныхъ мѣстахъ Индіи бытуетъ такой разсказъ о глупомъ мужикѣ: Однажды, проходя мимо школы, стиральщикъ бѣлья услышалъ, какъ мулла бранилъ учениковъ, причемъ говорилъ, что они до сихъ поръ были лишь ослами и онъ дѣлаетъ ихъ людьми. Крестьянинъ сообразилъ при этомъ, что у него дѣтей нѣтъ, а есть осленокъ, котораго мулла и могъ бы обратить въ мальчика. На другой день онъ пошелъ къ муллѣ и просилъ принять его осленка въ школу и воспитать изъ него человѣка. Мулла сообразилъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, выразилъ согласіе, но, указавъ на трудность дѣла, взялъ съ простака сто рупи и назначилъ точно день и часъ, когда онъ можетъ получить обученнаго оборотня. Мужикъ по нетерпѣнію нѣсколько разъ заходилъ ранѣе, и мулла каждый разъ говорилъ, что дѣло превращенія подвигается впередъ, уши у осленка стали короче и т. д. Въ назначенный день мужикъ не могъ прійти и явился за оборотнемъ на другой день. Мулла сказалъ, что обученіе и превращеніе совершено еще наканунѣ, но питомецъ его не захотѣлъ оставаться далѣе и ушелъ изъ школы. При этомъ мулла добавилъ, что онъ такъ основательно обучилъ, что онъ можетъ быть судьей (кази) въ городѣ Каунпорѣ. Мужикъ сначала огорчился, но потомъ поблагодарилъ учителя за хлопоты и рѣшилъ отыскать питомца въ Каунпорѣ. Онъ въ сопутствіи жены отправился въ Каунпоръ, захвативъ уздечку, на которой водилъ осленка, и вязку сѣна. Онъ пришелъ прямо во дворъ судьи и засталъ судью въ торжественной служебной обстановкѣ. Не имѣя возможности подойти къ судьѣ за толпой тяжущихся, онъ показалъ ему издали уздечку и сѣно и, какъ дѣлалъ встарь, закричалъ: „хуръ! хуръ! хуръ“— какъ зовутъ ословъ. Его арестовали за нарушеніе порядка. По окончаніи судебныхъ дѣлъ, кази позвалъ его и спросилъ, что значитъ его странное поведеніе: „Да вы, кажется, не узнаете меня, сударь, сказалъ простакъ, не узнаете повода, на которомъ васъ долго водили, забыли, что ваша матушка моя ослица, и что я заплатилъ ученому муллѣ за обращеніе васъ въ человѣка сто рупи“. Всѣ присутствующіе хохотали до упаду; кази сжалился надъ обманутымъ простакомъ, подарилъ ему сто рупи и отпустилъ домой [1]).

Имѣя на одномъ концѣ малорусскій анекдотъ, на другомъ почти тожественный индійскій, и на громадномъ серединномъ пространствѣ лишь неизвѣстность, мы, разумѣется, не можемъ говорить о литературномъ заимствованіи. Весьма возможно, что были многочисленныя посредствующія звенья, что индусскій и малорусскій анекдоты лишь случайно подмѣченные

[1]) *Clouston*, 104—106.

нами обрывки непрерывной многовѣковой литературной традиціи. Нѣкоторымъ подтвержденіемъ такого предположенія можетъ служить искусственная книжная обработка разбираемаго мотива въ началѣ XVI в. въ Эйленшпигелѣ. Эйленшпигель ѣдетъ въ Эрфуртъ, славившійся университетомъ и объявляетъ, что онъ можетъ всякую тварь выучить чтенію. Студенты предлагаютъ выучить осла. Эйленшпигель берется выучить его за 500 грошей въ 20 лѣтъ, разсчитывая, что въ это время ректоръ, онъ или его ученикъ умретъ. Эйленшпигель положилъ ослу въ ясли Псалтырь и переложилъ часть листковъ овсомъ. Оселъ мордой перелисталъ книгу, съѣлъ овесъ, и когда его не оказалось, сталъ кричать и!-а! Эйленшпигель приглашаетъ ректора университета и нѣкоторыхъ другихъ ученыхъ убѣдиться, что ученіе начато успѣшно, что оселъ можетъ перелистывать книгу и усвоилъ двѣ гласныхъ. Получивъ деньги, Эйленшпигель прогоняетъ осла и уѣзжаетъ въ другой городъ [1]).

Другой варіантъ у новеллиста XIV в. Саккети о подаркѣ ученаго осла. Эта тема есть и въ фабліо [2]).

Къ той же серіи анекдотовъ относится слѣдующій турецкій о Насръэдинѣ и его ослѣ: Однажды, когда ходжа потерялъ осла, одинъ человѣкъ сказалъ ему: „я видѣлъ, онъ теперь муэдзиномъ въ такомъ то мѣстѣ". Ходжа идетъ туда. Увидѣвъ муэдзина, онъ показалъ ему ячмень, приговаривая: чокъ! чокъ! Муэдзинъ, предполагая шутку, закричалъ: „Ты хочешь меня поймать — не удастся!" Ходжа удивился, что муэдзинъ догадался [3]).

Очевидно, мы имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣло съ бродячимъ анекдотомъ, перекочевавшимъ съ береговъ Ганга въ переднюю Азію, въ восточную и въ среднюю Европу.

XXXVI.

Глупца убѣждаютъ, что онъ заболѣлъ и умеръ.

Есть пѣсни о живомъ мертвецѣ и сказки о живомъ мертвецѣ; но между ними нѣтъ ничего общаго, какъ можно видѣть изъ спеціальной нашей монографіи о живомъ мертвецѣ, напечатанной въ Кіев. Стар. 1894 III. Здѣсь мы не будемъ совсѣмъ трогать пѣсенъ о живомъ мертвецѣ, такъ какъ онѣ не заключаютъ въ себѣ никакихъ элементовъ глупости. Остановимся лишь на двухъ или трехъ разрядахъ анекдотовъ о живомъ мертвецѣ.

Первый разрядъ входитъ въ сказки о томъ, какъ жены дурятъ мужей, образцы которыхъ уже приведены нами выше—фабльо о трехъ дамахъ, на-

---

1) *Till Eulenspiegel* 1519 г. (въ изд. Реклама 58—60).

2) *Dunlop—Liebrecht*, Gesch. d. Prosadicht. 257.

3) *Кузмичевскій*, Кіев. Стар. 1886 III 465.

шедшихъ кольцо, и малорусская сказка въ сб. Рудченка на ту же тему. Въ малорусской сказкѣ жена, слюбившись съ кумомъ, хочетъ сжить съ свѣта мужа и увѣряетъ его, что онъ боленъ. Однажды мужъ возвратился съ поля очень усталымъ, жена сказала, что онъ умираетъ, и дурень повѣрилъ ей, легъ и сложилъ руки. Жена начинаетъ голосить надъ нимъ, кумъ вслухъ высказываетъ свои сожалѣнія о его смерти, и все это глупаго мужа окончательно убѣждаетъ, что онъ умеръ. Кумъ сдѣлалъ поскорѣе гробъ, позвали попа и понесли мнимаго мертвеца на кладбище. Глупый мужъ замѣтилъ, что люди понесли его неподходящею дорогой и крикнулъ: „Не несыть напрямецъ, бо я позавчора втопывъ въ рицци шкапу, насылу вытягъ". Люди отъ страха разбѣжались. Первымъ пришелъ въ себя попъ, распросилъ мнимаго мертвеца, и сказалъ, что онъ ожилъ. Максимъ пошелъ домой—„ни на радость ни кумови, ни жинци" (Чубин. II 540—542). Этотъ варіантъ, очевидно, стоитъ въ самомъ близкомъ родствѣ съ вар. Рудченка.

Подобнаго рода сказки встрѣчаются въ Великороссіи и въ Бѣлоруссіи. Бѣлорусскіе варіанты, краткіе и безцвѣтные, повидимому, представляютъ искаженіе малорусскихъ. Таковы въ Смолен. этнограф. сборникѣ Добровольскаго на стр. 354 („якъ мужикъ абмирау, а потэмъ жонку свою падучилъ, што ина дуже любопытна") и 355 („мужикъ мертвымъ притворился, чтобы узнать, любитъ ли его жена"), грубыя сказки, построенныя на мотивѣ о побояхъ жены въ смыслѣ поученія.

Малорусскія сказки о живомъ мертвецѣ въ сложномъ видѣ стоятъ въ прямомъ родствѣ съ древнимъ французскимъ фабльо „Les trois dames qui trouverent l'anel", а въ сокращенномъ видѣ прямо отвѣчаютъ другому французскому фабльо „Le vilain de Bailleul". Изданы эти фабльо у Монтельона и Реньо (I 15, IV 109 и VI 138). На этихъ фабльо останавливались выдающіеся ученые, Либрехтъ, Руа и въ послѣднее время Бедье. Такъ какъ въ „Les fabliaux" Бедье сведены мнѣнія и указанія предыдущихъ ученыхъ, то мы ограничимся здѣсь лишь этимъ пособіемъ, съ небольшими добавками изъ „Gesammtabenteuer" фонъ-деръ Гагена; мы извлечемъ лишь то, что нужно для ближайшей нашей цѣли—объясненія сказокъ о живомъ мертвецѣ.

Фабльо о трехъ дамахъ, нашедшихъ кольцо, состоитъ въ слѣдующемъ: три дамы заспорили, кому должно принадлежать драгоцѣнное кольцо, найденное ими въ одно время; онѣ призываютъ въ посредники постороннее лицо, и послѣднее присуждаетъ кольцо той, которая остроумнѣе другихъ обманетъ своего мужа. Таковъ основной остовъ сказки; затѣмъ идутъ подробности, которыя измѣняются въ варіантахъ. Одна жена напаиваетъ мужа, стрижетъ у него макушку (дѣлаетъ монашескую тонзуру), надѣваетъ на него клобукъ, отводитъ въ монастырь, и потомъ глупый мужъ начинаетъ думать, что поступилъ въ монахи. Другая убѣждаетъ мужа, что онъ боленъ,

потомъ убѣждаетъ, что онъ умеръ. Третья—что мужъ одѣтъ въ чудесное, невидимое ему платье, и повѣрившій этому мужъ идетъ голый по улицѣ. Эти мотивы—самые распространенные; такъ—второй (о мертвецѣ) отмѣченъ въ 12 различныхъ литературныхъ памятникахъ, первый (о монахѣ) въ 11 (въ малорусскихъ нѣтъ), третій (о голомъ) въ 6. Другіе мотивы встрѣчаются рѣже. Въ трехъ фабльо встрѣчается мотивъ о рыбахъ, но въ такой отличной отъ малорусской сказки формѣ: жена оставляетъ въ четвергъ мужа въ обѣденное время подъ предлогомъ, что она пойдетъ жарить рыбу къ сосѣдкѣ; она гуляетъ съ любовникомъ недѣлю, на слѣдующій четвергъ къ обѣду приноситъ горячую жареную рыбу и увѣряетъ, что пробыла у сосѣдки нѣсколько минутъ; мужъ готовъ повѣрить. Другіе варіанты малочисленны, и въ Малороссіи до сихъ поръ не были еще записаны. Жена убѣждаетъ мужа вырвать зубъ (4 разсказа), обращаетъ домъ въ таверну и мужъ не можетъ его найти (въ 6 разсказахъ), мужъ по ошибкѣ уступаетъ жену другому и нѣкот. др., (о чемъ см. Bedier 228—231, 415).

Сказка о живомъ мертвецѣ издавна существуетъ подъ разными наименованіями. Въ западной литературѣ она находится въ слѣдующихъ произведеніяхъ:

1) Фабльо „Trois dames“ XIII вѣка (изд. у Mont. et Raynaud, I, 15).

2) Keller, Erzählungen aus altd. Hss p. 210 (изд. въ Bibliothek des lit. Vereins. zu Stuttgart, 1855) XIV вѣка.

3) Hans Folz (von dreyen Weyben etc) въ Zts. de Haupt. VIII, 524 повторена въ Facetiae Bebelinae XVI в.

4) Tirso de Molina, въ Tresoro de novelistas, XVII в. въ парижскомъ изд. 1847, I, стр. 234.

5) Les comptes du monde adventureux XVII в. въ парижскомъ изданіи 1878, № XLI.

6) Verboquet, Le genereux, изд. въ 1630, II, 31.

7) Le Sieur d' Ouville, ed. Ristelhuber, p. 146 XVII в.

8—11) Современныя народныя сказки норвежская, исландская, италіанская, датская.

12) Древній нѣмецкій разсказъ, изд. фонъ-деръ-Гагеномъ въ Gesammtabenteuer, II, глава 45.

13) Desperiers, Contes et joyex devis, новелла LXX (въ изд. библіофила Якоба); повторена въ „Thrésor des recreations“ 1816 г. стр. 27.

14) Боккачіо въ Декамеронѣ (III, 8) въ новеллѣ „Ферондо“; подражалъ Лафонтенъ въ le Purgatoire.

15) Nasr-Eddin Hodja, Plaisanteries въ франц. перев. съ турецкаго 1876 №№ XLIX и LXVI; сходные анекдоты, индійскій, талмудическій и саксонскій указаны Р. Келеромъ въ Orient et Occident, I, 431, 765); нѣсколько дополненій у Бедье на 431 стр.

У Фонъ-деръ-Гагена (II введ. L—LII) сдѣлано еще нѣсколько библіографическихъ указаній (одна фацеція у Поджіо и новелла у Дони).

Эти библіографическія указанія, извлеченныя мной изъ Бедье и Гагена, достаточно опредѣляютъ многочисленную литературную родню малорусскихъ сказокъ о живомъ мертвецѣ.

Изъ новыхъ западно-европейскихъ варіантовъ нами выше (въ 1 главѣ) отмѣчена любопытная французская сказка изъ Верхнихъ Вогезовъ, какъ одинъ шутникъ, по договору съ пріятелями, притворился мертвецомъ, напугалъ священника и былъ убитъ могильщикомъ. Бедье при изученіи фабльо о трехъ дамахъ, нашедшихъ кольцо, воспользовался почти всѣми источниками и пришелъ къ тому печальному заключенію, что изученіе ихъ не даетъ никакихъ крупныхъ общихъ заключеній по вопросу о происхожденіи мотива о живомъ мертвецѣ. Возможны и дѣйствительно сдѣланы лишь частные выводы, напр., о томъ, что сицилійская сказка вышла изъ новеллы, что Фербоке взялъ разсказъ изъ Comptes du Monde adventureux. По словамъ Бедье, изъ 22 варіантовъ только три поддаются историческому объясненію, а на основаніи остальныхъ 49, притомъ наиболѣе древнихъ, нельзя сказать, какова была первоначальная форма фабльо о трехъ дамахъ и въ частности мотива о живомъ мертвецѣ. Нельзя сказать, когда возникли основные мотивы и какими путями они переходили отъ народа къ народу (Bedier 232). Въ виду такого категорическаго сужденія Бедье я не беру на себя непосильной задачи входить въ подробный обзоръ всѣхъ извѣстныхъ варіантовъ, тѣмъ болѣе, что не имѣю подъ руками многихъ изъ указанныхъ выше пособій. Считаю достаточнымъ замѣтить, что малорусскія сказки о живомъ мертвецѣ имѣютъ западно-европейскихъ родственниковъ XIII и XIV вѣковъ и въ существенныхъ чертахъ очень походятъ на нихъ. Чтобы настоящее утвержденіе наше не было голословнымъ, мы приведемъ въ короткихъ словахъ содержаніе нѣсколькихъ старинныхъ западно-европейскихъ разсказовъ этого рода.

Въ старинной нѣмецкой стихотворной повѣсти „Der begrabene ê man" (въ 256 стиховъ) въ началѣ говорится о предварительныхъ испытаніяхъ мужа; жена требуетъ, чтобы онъ полдень считалъ за вечеръ, холодную ванну за теплую. Это, такъ сказать, вступленіе. Въ главной части говорится, что жена слюбилась съ попомъ и, затѣмъ, слѣдуетъ разсказъ, чрезвычайно сходный съ малорусской сказкой у Чубинскаго; когда мужъ однажды возвратился домой съ полевой работы усталый, жена сказала, что онъ поблѣднѣлъ, уложила его въ постель, дала ему въ руки свѣчу, закрыла ему глаза и объявила, что онъ умеръ. Сошлись сосѣди и отнесли его въ церковь. Жена плакала и рвала на себѣ волосы. Мужа похоронили, и когда онъ въ могилѣ сталъ кричать, то попъ сказалъ, что это кричитъ демонъ въ трупѣ покойника, сталъ читать молитвы, а жена и всѣ присутство-

вавшіе приговаривали „аминь“. Мужъ такъ и погибъ. Мѣстами нѣмецкое стихотвореніе почти тожественно съ малорусскими сказками; выписываю для примѣра лишь нѣсколько строкъ:

Si begunden in ûf die bâre legen,
Die brâhte si vil schiere dar,
dô kômen ir gebûren gar,
Die naht man im wachte,
unz sich der tak ûf machte,
Zuo der Kirchen man in truok
dô roufte si sich unde sluok,
Si gienk im weinunde mite.....

Въ фабльо „Le villain de Bailleul“ нѣтъ предварительныхъ испытаній мужа. Жена входитъ въ связь съ попомъ. Она убѣждаетъ мужа, что онъ боленъ, что онъ умеръ, выноситъ въ другой домъ и здѣсь оплакиваетъ. Приходитъ попъ, поетъ „Oremus“, и затѣмъ уходитъ съ вдовой въ домъ для пріятной съ ней бесѣды. Мнимый мертвецъ, услышавъ разговоръ ихъ, заявилъ, что онъ живъ, и былъ за то сильно избитъ.

Въ Декамеронѣ Боккачіо (XIV в.), въ „Фацеціяхъ“ Поджіо (Mortuus loquens), XV в., у новеллистовъ Граццини и Дони (XVI в.), и въ подражаніе Боккачіо у Лафонтена сильно развита насмѣшка надъ католическимъ духовенствомъ, и соотвѣтственно тому обработанъ основной сюжетъ съ эротическимъ пересоломъ. Новелла о мнимомъ мертвецѣ изъ италіанскихъ источниковъ давно уже проникла въ Англію. Въ „Mery Tales“ 1567 г. говорится между прочимъ о флорентійскомъ глупцѣ, котораго нѣсколько проказниковъ убѣдили сначала, что онъ боленъ, потомъ, что онъ умеръ. Его понесли хоронить, и народъ, провѣдавшій объ этомъ обманѣ, хохоталъ. Одинъ трактирный служитель закричалъ: „Что за плутъ былъ покойникъ! Его давно слѣдовало бы повѣсить!“ Тогда покойникъ не вытерпѣлъ, приподнялся и сказалъ, что будь онъ живъ, онъ на его, трактирщика, рожѣ, доказалъ бы всю ложь его словъ. Шутники и толпа съ хохотомъ разошлись [1]).

Малорусскія сказки о живомъ мертвецѣ стоятъ гораздо ближе къ французскимъ и нѣмецкимъ фабльо XIII—XIV вѣковъ, чѣмъ къ болѣе позднимъ италіанскимъ новелламъ и, повидимому, ближайшимъ источникомъ имѣютъ нѣмецкіе разсказы, въ родѣ того, что изданъ Фонъ-деръ-Гагеномъ. Въ малорусскихъ сказкахъ попъ является какъ-то случайно, очевидно, какъ отзвукъ чужого литературнаго источника, и весь юморъ сосредоточивается на женѣ, на ея хитрости, причемъ обнаруживается попытка обманъ жены объяснить ея доброжелательствомъ и разумностью.

---

[1]) *Clouston*, 161—163.

Второй разрядъ сказокъ заключаетъ своеобразную мотивировку мнимой болѣзни и смерти. Жена тутъ отсутствуетъ. Глупецъ самъ создаетъ фикцію болѣзни и смерти, не понявъ словъ прохожаго. Въ иныхъ варіантахъ элементъ глупости стушевывается, и мужикъ притворяется больнымъ, чтобы избѣжать побоевъ. Внутренняго литературнаго родства между этими анекдотами невозможно съ точностью опредѣлить; но такое родство по необходимости приходится предполагать въ виду большой близости нѣкоторыхъ разноплеменныхъ варіантовъ, въ особенности двухъ ближайшихъ—индійскаго и малорусскаго.

Однажды индійскій Иванушка, дурачекъ Сачули, взобрался на дерево и сталъ подрѣзывать вѣтвь, на которой сидѣлъ. Прохожій сказалъ: „что вы дѣлаете, вы погибнете“! Тогда глупецъ поспѣшно слѣзъ съ дерева и сталъ допытываться, когда онъ погибнетъ. Прохожій, чтобъ отвязаться, сказалъ: „когда въ вашемъ карманѣ окажется красная нитка“. На рынкѣ случайно попала ему въ карманъ красная нитка, онъ рѣшилъ, что наступилъ ему конецъ, вырылъ себѣ могилу и легъ въ нее.

Въ болѣе пространномъ индійскомъ варіантѣ глупый монахъ подпиливаетъ подъ собой вѣтку на деревѣ. Проходящіе говорятъ, что вѣтка обломится и онъ погибнетъ, умретъ. Когда вѣтка оборвалась вмѣстѣ съ монахомъ, то послѣдній нашелъ, что люди были правы, предостерегавшіе его, и что онъ умеръ. Онъ лежалъ недвижимо. Прохожіе сказали монахамъ, что братъ ихъ Дандака убился съ дерева. Собралась толпа монаховъ, взяли его на носилки и понесли на сожженіе. На перекресткѣ монахи заспорили, куда сворачивать—направо или налѣво. Дандака тогда сказалъ: „не спорьте, друзья, когда я былъ живъ, я всегда ходилъ лѣвой дорогой“. Монахи рѣшили нести его лѣвой, такъ какъ онъ при жизни всегда говорилъ правду. Здѣсь уже вмѣшались посторонніе и насилу убѣдили монаховъ, что Дандака живъ. Тогда Дандака сталъ доказывать, что онъ умеръ. Въ концѣ концовъ онъ всталъ и, при громкомъ смѣхѣ толпы, пошелъ домой [1]).

Въ малорусской сказкѣ, записанной въ Уманскомъ уѣздѣ Кіевской губ., было три жены, большія подруги. Пошли онѣ въ монастырь говѣть и на дорогѣ нашли золотое кольцо. Онѣ не знали, какъ подѣлить его. Одна говорила: „нехай мени буде, бо я побачыла“, другая—„нехай мени, бо я взяла“. Третья предлагаетъ оставить перстень той, которая удачнѣе другихъ обманетъ своего мужа. Остальныя приняли это предложеніе. 1) Первая жена обманываетъ мужа, положивъ въ борозны живыхъ рыбокъ линовъ. 2) Другая жена притворяется больной и заставляетъ мужа везти ее съ поля на возу, наконецъ, 3) третья жена поступила такъ, что обманъ вышелъ въ спасеніи. Мужъ ея долженъ былъ пойти на панщину, но, по со-

[1]) *Clouston*, 157–160.

вѣту жены, отправился на водяную мельницу, такъ какъ хлѣбъ былъ на исходѣ. Десятникъ и потомъ экономъ похваляются избить мужика за неявку на панщину. Когда вечеромъ мужъ возвратился, жена посовѣтовала ему притвориться мертвымъ. Жена убрала его и стала плакать надъ нимъ. Десятникъ заглянулъ и со двора долой. Положили его въ гробъ. „А що, люде добри, сказалъ попъ, куды понесемъ его, чи черезъ городъ, чи навкруги? мабудь несимъ черезъ городъ“. Мнимый мертвецъ выскочилъ изъ гроба и погнался за попомъ со словами: „ось я тоби покажу, якъ черезъ городъ носыть; що тоби шляху немае, що ты будешъ черезъ городъ несты мене“. Жены идутъ къ пану съ просьбой рѣшить, кто изъ нихъ удачнѣе обманулъ мужа. Панъ нашелъ, что первыя двѣ жены поступили не остроумно и приказалъ высѣчь ихъ, а послѣднюю одобрилъ и вручилъ ей перстень [1]).

Въ другой малорусской сказкѣ цыганъ рубитъ пенекъ, на которомъ сидѣлъ. Мужикъ предупреждаетъ, что упадетъ. Когда цыганъ упалъ, то, поднявшись, догналъ мужика и спросилъ, когда онъ, цыганъ, умретъ. Чтобы отвязаться, мужикъ отвѣтилъ: „когда трижды кашлянешь“. Побѣжалъ цыганъ сообщить своей женѣ о скорой смерти, запыхался, закашлялся и рѣшилъ, что онъ умеръ. Проѣзжавшій панъ поднялъ его ударами кнута, и цыганъ благодарилъ его за то, что онъ воскресилъ его [2]).

Быть можетъ не совсѣмъ случайно попалъ въ сказки этого рода цыганъ; быть можетъ цыгане занесли въ Малороссію этотъ анекдотъ изъ ихъ далекой индійской родины.

Кузмичевскій указалъ на сходные турецкіе анекдоты о Насръ-эдинѣ и на соотвѣтствующіе варіанты въ индійской литературѣ съ одной стороны и италіанской новеллистикѣ съ другой. Тѣмъ же ученымъ отмѣченъ рядъ сходныхъ европейскихъ сказокъ. Кузмичевскій усматриваетъ во всѣхъ варіантахъ одну восточную тему, отголоски которой распространялись сначала по средиземноморскимъ и черноморскимъ странамъ и далѣе на сѣверъ съ разными уклоненіями и искаженіями, особенно выдающимися въ одной литовской сказкѣ мѣшанинѣ. По словамъ Кузмичевскаго, индійскіе разсказы въ цѣломъ, при всей своей каррикатурности, имѣютъ смыслъ, такъ какъ составлены потерявшимися въ фантастическихъ видѣніяхъ отшельниками. Въ турецкихъ отголоскахъ еще сохранился намекъ на первоначальное сатирическое значеніе этихъ разсказовъ въ томъ, что героемъ выбранъ ходжа, тоже богословъ и казуистъ. Но въ европейскихъ варіантахъ уже потерялся сатирическій смыслъ, а въ иныхъ варіантахъ и всякій человѣческій смыслъ [3]).

---

[1]) *Рудченко*, Народ. южнор. сказки. I. 165—168.

[2]) *Чубинскій*, II 582.

[3]) *Кiев. Стар.*, 1886 II 235.

Во многихъ сказкахъ обнаруживается слѣдующая своеобразная обработка мотива о живомъ мертвецѣ:

Въ Галиціи среди поляковъ бытуетъ много сказокъ о томъ, какъ бѣдный братъ, не имѣя двухъ грошей, чтобы отдать деньги богатому брату притворяется мертвымъ, лежитъ въ гробу ночью въ часовнѣ. Разбойники пришли дѣлить золото. Мнимый мертвецъ испугалъ ихъ, разогналъ и забралъ себѣ деньги [1]).

Въ другой польской сказкѣ мельникъ, похищавшій изъ панскаго пруда рыбу, притворяется больнымъ, затѣмъ мертвымъ, и панъ вѣритъ тому [2]).

Въ италіанскихъ сказкахъ Джіуфа притворяется мертвымъ, пугаетъ разбойниковъ и забираетъ деньги. Мотивъ этотъ встрѣчается въ Босніи, Португаліи, Индіи, въ 1001 Ночи [3]).

Очевидно, тутъ на первое мѣсто выдвинутъ мотивъ о пріобрѣтеніи денегъ отъ разбойниковъ, и мотивъ о мертвецѣ получаетъ служебное значеніе.

XXXVII.

Неудачное повтореніе словъ.

Мотивъ о неудачномъ примѣненіи совѣтовъ глупцомъ въ Великороссіи разработанъ въ сказкахъ и пѣсняхъ. Любопытно, что пѣсенная обработка мотива находится въ Сборникѣ Кирши Данилова, слѣдовательно, восходитъ къ началу прошлаго вѣка. Въ виду того, что весь Сборникъ Кирши Данилова носитъ на себѣ слѣды участія скомороховъ, можно предположить, что и разсматриваемый анекдотическій мотивъ не ускользнулъ отъ вниманія этихъ пѣснотворцевъ стараго времени.

А жилъ былъ дурень
А жилъ былъ Бабинъ,
Вздумалъ онъ, дурень,
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати.

Прошелъ дурень одну, другую версту и нашелъ три пустыхъ избы заглянулъ въ подполье, а тамъ черти въ карты играютъ, костью бросаютъ, деньги считаютъ. „Богъ вамъ на помочь“! говоритъ дурень; черти его за это пожеланіе жестоко избили. Съ плачемъ вернулся дурень домой. Жена и сестра его пеняютъ за неудачное привѣтствіе и говорятъ: „а ты бы молвилъ: будь врагъ проклятъ именемъ Господнимъ во вѣки вѣковъ, аминь“. Дурень даетъ имъ слѣдующій отвѣтъ, который затѣмъ повторяется въ пѣснѣ послѣ всѣхъ другихъ инцидентовъ:

1) *Ciszewski*, 228—232.
2) Ibid., 249.
3) *Zeitr*. d. Ver. f. Volksk. 1896 I 74.

Добра ты, баба,
Баба Бабариха,
Мать Лукерья,
Сестра Чернава!
Потомъ я, дурень,
Таковъ не буду!

Пошелъ снова дурень „на Русь гуляти“, увидѣлъ, что 4 брата молотятъ ячмень, сказалъ имъ: „будь врагъ проклятъ именемъ Господнимъ“ и былъ ими побитъ. Жена и сестра совѣтуютъ сказать: „дай вамъ, Боже, по сту на день, по тысячѣ въ недѣлю“.

Пошелъ дурень и т. д., увидѣлъ, что 7 братьевъ хоронятъ мать, повторилъ совѣтъ жены и сестры и былъ избитъ. Новый совѣтъ: „дай, Боже, царство небесное, въ землѣ упокой, пресвѣтлый рай“.

Пошелъ дурень и т. д. и повторилъ эти слова на свадьбѣ. Новый совѣтъ: „дай, Господь Богъ, новобрачному князю сужену поняти, подъ златъ вѣнецъ стати, законъ Божій пріяти, любовно жити, дѣтей сводити“.

Пошелъ дурень и т. д. и сказалъ эти слова встрѣтившемуся монаху. Новый совѣтъ: просить благословенія.

Пошелъ дурень.... увидѣлъ медвѣдя (кочку роетъ, корову коверкаетъ), попросилъ у него благословенія, и чуть до смерти не былъ имъ задранъ. Новый совѣтъ: заускать, загайкать, заулюкать.

Пошелъ дурень, встрѣтилъ полковника Шишкова и заускалъ на него, загайкалъ, заулюкалъ, и за это солдаты ему „голову сломили и подъ кокору бросили. Тутъ ему, дурню, и смерть случилась“ [1]).

Мотивъ этотъ разрабатывается и въ новой великорусской поэзіи, какъ видно изъ пѣсни, записанной П. В. Шеиномъ въ Твери [2]).

Прибѣжалъ нашъ дурында
Въ чужую деревню,
Въ чужой то деревнѣ
Овинъ молотили,
Тутъ нашъ дуракъ сказалъ,
Тутъ то молвилъ:
Создай вамъ, Боже,
Съ овина по овсинѣ,
А съ копны три зернины!
Тутъ его били,
Тутъ его колотили.

***

Побѣжалъ нашъ дурында
Въ свою то деревню:
Баба ты, баба,
Жена молодая!
Тамъ меня били,
Тамъ и колотили.
Дура ты, дура,
Дура полевая!
Ты бъ тутъ, дуракъ, сказалъ:
Создай вамъ, Боже,
Носить не переносить,
И возить не перевозить!

Пѣсня большая, и вся она въ формальномъ отношеніи построена на томъ, что дурень въ одномъ куплетѣ бѣжитъ въ чужую деревню и совер-

1) *Кирша Даниловъ*, изд. Суворина, 322—332.
2) *Шеинъ*, Рус. нар. пѣс. I, 279—282.

шаетъ глупость въ видѣ неудачнаго примѣненія совѣта жены, за что его бьютъ, а въ слѣдующемъ куплетѣ бѣжитъ въ свою деревню и получаетъ отъ жены сначала брань, потомъ новое наставленіе.

Въ третьемъ куплетѣ дурень говоритъ при похоронахъ: носить—не переносить, возить—не перевозить.

Въ пятомъ куплетѣ дурень желаетъ на свадьбѣ царства небеснаго и вѣчной памяти.

Въ седьмомъ дурень пляшетъ на пожарѣ.

Въ девятомъ поливаетъ водой свиную тушу, которую опаливалъ мужикъ.

Въ одиннадцатомъ куплетѣ дурень видитъ, что мужикъ деретъ кобылу, и высказываетъ пожеланіе разговѣться этимъ мясомъ въ праздникъ. Тутъ его били, тутъ его колотили. Этими словами и оканчивается эта любопытная обработка анекдотическаго мотива. По бойкости стиха, по остроумію отдѣльныхъ выраженій, въ особенности по необыкновенно ясному и систематическому построенію, эта пѣсня—сказка настолько выдается, что нужно предположить, что она прошла чрезъ личное творчество талантливаго народнаго пѣвца. Повидимому, даровитый авторъ пользовался не прозаическими версіями анекдота, а уже готовой его стихотворной обработкой, быть можетъ, близкой къ варіанту Кирши Данилова. Предположеніе это до нѣкоторой степени можно основать на выдающейся роли жены дурня, и на нѣкоторомъ сходствѣ ихъ взаимныхъ обращеній.

Въ великорусской сказкѣ мать посылаетъ глупаго сына „потереться около людей да ума набраться". Дуракъ потерся около молотниковъ, и тѣ его побили цѣпами. Затѣмъ слѣдуютъ другіе совѣты матери, неудачно исполняемые глупцомъ въ буквальномъ смыслѣ. Дурень на похоронахъ говоритъ: „носить бы вамъ да не переносить", а на свадьбѣ: „канунъ да свѣча"!

Въ варіантѣ въ добавокъ къ этимъ глупостямъ дурень желаетъ молотникамъ молотить 3 дня и намолотить 3 зерна, пляшетъ на пожарѣ, поливаетъ водой свинью, которую опаливалъ мужикъ [1]).

Въ малорусской сказкѣ два брата умные посылаютъ третьяго дурня „по ковганку". Дурень дорогою сталъ повторять вмѣсто забытаго слова ковганка сходное поганка. Услышали это слово свадебные поѣзжане, побили дурня и посовѣтовали говорить: „дай, Боже, чтобы и на тотъ годъ дождать таке весилья". Дурень повторяетъ эти слова на похоронахъ. Далѣе говорилъ „царство небесное", когда мужикъ тащилъ дохлую кобылу, тащилъ за хвостъ кабана, котораго смалилъ мужикъ, желаетъ испражнявшемуся человѣку „нагодувать цимъ добромъ жинку и диточокъ", охотникамъ

---

[1]) *Аѳанасьевъ*, III, 378.

говоритъ: „а кишъ!“ и разгоняетъ утокъ, бьетъ палкой по головѣ бабъ, „ськавшихъ“ другъ друга и, наконецъ, подставляетъ загрызшимся собакамъ свою голову, что быонѣ „поськали“ [1]).

Въ малорусскомъ варіантѣ три брата Киндраты. Глупый вмѣсто таганы говоритъ погани. Мужикъ, хозяинъ воловъ, бьетъ его. Дурень возвращается безъ таганка. Братья многократно посылаютъ дурня за таганомъ, съ наставленіемъ, что говорить; но дурень при похоронахъ говоритъ: „Дай Богъ продать. да багато грошей набрать“, крестится, увидѣвъ, что мужикъ смалитъ барана, говоритъ испражнявшемуся мужику: „дай, Боже, на пожитокъ“, примостился испражняться между женщинами, когда онѣ искали въ головѣ другъ друга, подставилъ голову собакамъ. Каждый разъ дурень выговариваетъ братьямъ за будто дурной совѣтъ, что они будто „підвели на безумья“. Кончается сказка тѣмъ, что за таганкомъ идетъ одинъ изъ умныхъ братьевъ [2]).

Въ малорусской сказкѣ сестра посылаетъ своего брата дурня къ сосѣдямъ попросить чего-нибудь. Дурень получаетъ мясо и раздаетъ его собакамъ. Сестра говоритъ, что его нужно было порубить и сварить. Дурень идетъ съ новой просьбой, получаетъ свиту и рубаетъ ее. Въ третій разъ дурень получилъ корову и сталъ вѣшать ее на жертку. Корова сорвалась и ушла. Въ четвертый разъ дурень приводитъ дѣвку, ставитъ ее въ сарай и даетъ сѣна

Сестра идетъ съ братомъ дурнемъ въ гости и совѣтуетъ не обнаруживать обжорства, а дурень и совсѣмъ мало ѣлъ, а когда сестра позволила взять на печкѣ вареники, то дурень вмѣсто нихъ съѣлъ кошку съ котятами [3]).

Въ русской сказкѣ, изданной въ „Contes populaires slaves“ Леже, мать посылаетъ глупаго сына потереться среди людей. Дурень понимаетъ ея приказаніе буквально, трется около двухъ мужиковъ, молотившихъ горохъ, пока они не побили его цѣпами. Примѣняя далѣе неудачно совѣты матери, глупецъ при встрѣчѣ похоронной процессіи говоритъ: „Богъ на помочь“! и предлагаетъ свои услуги для молотьбы (битья), при встрѣчѣ свадьбы желаетъ упокоенія души, танцуетъ при пожарѣ, заливаетъ водой огонь, на которомъ мужикъ палилъ свинью. Вездѣ его бьютъ, и мать въ концѣ концовъ рѣшила не отпускать его въ чужіе края [4]).

Въ бѣлорусской сказкѣ два умныхъ нашли кладъ, забрали себѣ деньги и послали глупаго брата за мѣшкомъ. Глупый все повторялъ: мѣхъ, мѣхъ! Панъ побилъ его. Братья даютъ совѣтъ, что нужно сказать. Дурень, неумѣстно прилагая совѣтъ, говоритъ собакамъ: „сюды дорога, бяжите куды

---

1) *Чубинскій*, II, 489.
2) *Чубинскій*, II, 490.
3) *Чубинскій*, II, 497.
4) *Clouston*, 128—130.

вамъ треба", бьетъ палкой свадебныхъ поѣзжанъ, при встрѣчѣ съ похоронной процессіей говоритъ, чтобы такъ всякій день радовались, молится и бьетъ поклоны передъ осмаливаемой свиной тушей. Вездѣ его бьютъ, и братья, наконецъ, сами отправляются за мѣшкомъ. Въ варіантѣ отецъ и глупый сынъ. Дурень цѣлуетъ собаку, бьетъ палкой куму, говоритъ неумѣстное на похоронахъ и при осмаливаніи свиньи [1]).

Въ южно-славянскомъ варіантѣ о дурнѣ Павлюгѣ мать посылаетъ глупаго сына на базаръ купить иглу. Дурень купилъ и воткнулъ ее въ возъ съ сѣномъ, который долженъ былъ проѣзжать мимо его двора, чтобы не нести такой тяжести. Далѣе слѣдуетъ неудачное исполненіе совѣтовъ матери. Мать говоритъ, что нужно было заткнуть иглу въ шляпу. Дурень затыкаетъ плугъ, впихиваетъ въ ящикъ лошадь, тянетъ съ базара на веревкѣ кусокъ сала, мажетъ саломъ капустныя гряды. После этого мать прогоняетъ дурня, и затѣмъ слѣдуетъ неудачное приложеніе совѣтовъ постороннихъ лицъ. Мать при уходѣ сына сказала: много дураковъ, но такихъ мало. Дурень повторяетъ эти слова при встрѣчѣ съ рыбакомъ. Затѣмъ, неудачно повторяя совѣты, говоритъ: „дай Богъ счастья" на похоронахъ, желаетъ упокоенія души при видѣ, какъ мужикъ тащилъ падаль, называетъ падалью красивую женщину, гулявшую подъ руку съ мужемъ и говоритъ при видѣ солдата, котораго вели на казнь, что ему такое зрѣлище пріятно, во всѣхъ случаяхъ получаетъ побои и, наконецъ, послѣ тяжкихъ солдатскихъ побоевъ, умираетъ [2]).

Въ болгарской сказкѣ глупый мужъ сидитъ все дома возлѣ печки (край собата). Жена послала къ кузнецу поправить кочергу. Желѣза не хватило, и кузнецъ послалъ дурня принести еще желѣза. Чтобы дурень не забылъ, кузнецъ посовѣтовалъ ему повторять „недостало, недостало" (нефтаса). Мужикъ говоритъ эти слова двумъ охотникамъ, возвращавшимся съ неудачной охоты. Его бьютъ и совѣтуютъ говорить: „когда одно, когда два, когда три" Дурень повторяетъ эти слова на похоронахъ. Овчарю далѣе говоритъ, чтобы не было ни одного. Турку, испражнявшемуся, желаетъ, чтобы онъ съѣлъ. Турокъ бьетъ дурня, и этимъ оканчивается сказка [3]). Вообще, сказка эта, какъ и многія другія въ Сборникѣ г. Шапкарева, записана плохо.

Въ польскихъ сказкахъ одинъ изъ 2-хъ или 3-хъ братьевъ, по глупости, буквально понимаетъ приказанія брата и убиваетъ овецъ, купаетъ въ кипяткѣ свою мать, испражняется съ дерева на разбойниковъ, разгоняетъ ихъ и забираетъ себѣ ихъ обѣдъ и деньги, уноситъ двери и бросаетъ ихъ

---

1) *Шеинъ*, Матер. II, 237—238.

2) *Krauss*, Sagen d. Südsl. II, 236—238.

3) *Шапкаревъ*, Сборн. отъ болг. нар. умотв. IX, 308.

на разбойниковъ, урѣзываетъ у разбойника языкъ, бросаетъ въ свою тѣнь горшокъ съ пищей, раздаетъ хлѣбъ дохлымъ собакамъ [1]).

Въ новогреческой сказкѣ изъ Сиры глупый сынъ моетъ, по порученію матери, въ морѣ внутренности свинки, и зоветъ корабельщика посмотрѣть, чисто ли онѣ вымыты. Корабельщикъ бьетъ его и говоритъ, что онъ долженъ былъ пожелать хорошей погоды, чтобы и птицы не встрѣтилось. Эти слова глупецъ говоритъ охотникамъ и получаетъ снова побои и совѣтъ говорить: „по пяти на день и по сто на недѣлю", и т. д. идутъ новые побои отъ неумѣстнаго повторенія фразы. Глупца бьютъ на похоронахъ, на свадьбѣ, бьетъ тотъ, кто подъ кустомъ сидѣлъ по естественной надобности, бьютъ въ церкви, бьютъ, когда онъ вмѣшался въ драку. Наконецъ, онъ пробуетъ развести загрызшихся собакъ. Одноглазая собака уноситъ потроха. Глупецъ вбѣгаетъ во дворъ, гдѣ скрылась собака и требуетъ, чтобы выгнали одноглазку. У хозяйки въ это время былъ слѣпой на одинъ глазъ любовникъ. Она приняла возгласы глупаго на счетъ любовника, и чтобы онъ не кричалъ, заплатила ему большія деньги. Мать, увидѣвъ, что у сына нѣтъ свинины, и вся одежда на немъ порвана, покачала головой, но сынъ сказалъ: „не смотри на мое платье, а посмотри въ карманъ", и они зажили весело [2]).

Въ бретонской сказкѣ развитъ мотивъ неудачнаго повторенія фразы дурнемъ. Мать посылаетъ сына дурня на мельницу съ приказомъ помнить, что осталась четвертая часть да часть мельнику за помолъ. Фермеръ слышитъ и совѣтуетъ говорить: въ тысячахъ и полныя телѣги. Дурень повторяетъ эти слова при похоронахъ. Затѣмъ неудачно дурень говоритъ объ упокоеніи души Богомъ, когда мужикъ велъ собаку топить, „какая старая собака",— когда молодой мужчина гулялъ съ красивой женщиной, „чтобы Богъ создавалъ такъ" — при пожарѣ, „чтобы Богъ затушилъ" — при разогрѣваніи полуразрушенной старой печи, и въ послѣднемъ случаѣ разгнѣванный старикъ убиваетъ дурня [3]).

Въ англійской сказкѣ мать посылаетъ дурня сына купить голову и внутренности барана. Дурень все повторялъ въ дорогѣ: „голову и потроха бараньи", но споткнулся, упалъ, и забылъ. Долго припоминалъ онъ, и началъ затѣмъ повторять: „печенку, легкое, желчь и все" (liver and lights and gall and all). Больной человѣкъ, услышавъ эти слова, принялъ за насмѣшку, побилъ дурня и внушилъ ему говорить: „Не дай, Боже, ничего". Далѣе мужикъ, сѣявшій хлѣбъ, бьетъ дурня за эти слова и внушаетъ другія: „Дай, Боже, поболѣе", за повтореніе которыхъ бьютъ дурня на похорон-

---

1) *Ciszewski*, Krakowiacy, 199—202.

2) *Hahn*, Griech u. alb. Märch. II, 155—157. Сходная, но болѣе слабая нѣмецкая сказка у Гримма.

3) *Sebillot*, Contes pop. d. la H. Bretagne, 229.

ной процессіи и т. д. Когда вели собакъ вѣшать, дурень высказывалъ пожеланіе царствія небеснаго; молодымъ—чтобы ихъ повѣсили, какъ собакъ; одноглазому—чтобы не было у него и другого глаза; на пожарѣ—чтобы сгорѣла и другая часть дома. Дурня сочли за поджигателя и, по приговору суда, повѣсили [1]).

Въ индійской сказкѣ глупецъ спрашиваетъ у бабушки, что ему отвѣтить, когда спросятъ, что онъ ѣлъ? „khicadi" (похлебку), отвѣтила бабушка. Дурень сталъ повторять и перешелъ незамѣтно на khacadi (ѣшь птица). Земледѣлецъ, страдавшій отъ того, что птица выклевывала рисъ, бьетъ дурня, и совѣтуетъ говорить: „идите, въ сѣть падайте". За это его бьютъ воры. Далѣе слѣдуютъ новые совѣты и неудачное буквальное ихъ примѣненіе на похоронахъ и на свадьбѣ. Къ концу сказки присоединился мотивъ о колдунѣ (знахарѣ, врачѣ и др.) поневолѣ. Царь требуетъ отъ дурня указать воровъ. Воры принимаютъ его горестное замѣчаніе за указаніе на нихъ и признаются [2]).

Въ Цейлонѣ бытуетъ анекдотъ о томъ, какъ жена убѣдила мужа выучить пять правилъ. Онъ долженъ былъ пойти къ жрецу и повторять за нимъ слова. Глупый мужъ пошелъ, и на вопросъ жреца: „Кто вы"? отвѣтилъ „кто вы"? и затѣмъ повторилъ еще четыре вопроса, былъ по приказанію жреца избитъ и прогнанъ, и потомъ глупецъ негодовалъ на жену за преподанный ему совѣтъ. Сходные анекдоты находятся въ Katha Manjari и въ Ramayana. Въ послѣднемъ памятникѣ говорится, какъ жена послала мужа на базаръ послушать человѣка, читавшаго Рамаяну, и поучиться. Мужъ—глупый пастухъ пошелъ и очень внимательно слушалъ, опершись на палку. Одинъ шутникъ соскочилъ къ нему на плечи и просидѣлъ долгое время чтенія. Возвратившись домой, мужъ говорилъ, что слушать ему было тяжело, какъ будто онъ несъ на себѣ человѣка [3]).

Широкое распространеніе и большая популярность анекдота говоритъ въ пользу весьма древняго его происхожденія. Невозможно опредѣлить, когда и какими путями анекдотъ этотъ проникалъ въ ту или другую страну; по повсемѣстно онъ входилъ въ народную словесность и легко поддавался самостоятельной разработкѣ, какъ это ясно видно на великорусскихъ оригинальныхъ разработкахъ.

XXXVIII.

Неудачное исполненіе совѣтовъ.

Въ Сумскомъ у. Харьк. губ. записяна слѣд. сказка: Жывъ соби чоловикъ та жинка и въ йихъ бувъ сынокъ Йося, та дурный. Отъ той Йося

---

1) *Clouston*, 139—141.
2) *Минаевъ*, Инд. ск. 64—66.
3) *Clouston*, 69—70.

росте й росте, пора його й женыть. Отъ його й пытають:—А кого за тебе засватаемъ?—Пыгынку (значыть—Горпынку). Отъ воны и наладнались до весилля якъ слидъ: наготовылы грошей, наварылы пыва и поставылы у бочци у хати, а його послалы на базаръ, шобъ винъ купывъ, на весилля солы, меду, мняса, бублыкивъ, сала, горшкивъ, пшона. Отъ той Йося накупывъ усячыны и несе до дому. Иде винъ льодомъ, колы лидъ репнувъ,—винъ його й замазавъ медомъ. Иде, иде,—колы собака дохлый лежыть выскалывъ зубы. Йося до його й каже:—Ты мняса хочешъ, цюця? И оддавъ йому кусокъ мняса. Иде и йде,—колы ворона: „кра! кра!"—А, такъ я вкравъ? На тоби кусокъ сала та не кажы, що вкравъ! Отъ винъ иде дали,—пыты йому схотилось. Отъ винъ набравъ воды, покуштувавъ—не солона. Узявъ тоди, усю силь у воду высыпавъ, розсолывъ, напывся. Иде дали, пивень злетивъ на тынъ и закукурикавъ.—А ты пшонця хочешъ? на! И высыпавъ йому пшоно. Иде дали, колы стоять прыкилкы у тыну высоченьки.—А, вы, хлопци, померзлы—нате вамъ шапочкы! Понадивавъ йимъ горшкы. Иде дали, колы хлопци по улыци бигають.—Вамъ хочецця бублыкивъ! нате! Роздавъ винъ и бублыкы, а самъ пишовъ додому безъ ничого. Прыходе додому, а маты й пыта:—Де ты подивавъ усе? Чы ты купувавъ шо, чы ни?—Та я всего понакупывъ, та вытратывъ.—Якъ?—Та иду я льодомъ, а лидъ репнувъ, топнуть бы мени,—такъ я й замазавъ медомъ. Иду дорогою,—колы собака хоче мене порвать,—я кынувъ мнясо. Иду дали, колы ворона каже: „укравъ!" Хыба я кравъ,—кажу,—я купывъ, а колы голодна,—на кусокъ сала, а не кажы вкравъ! Иду дали, пыть схотилось, а вода не солона, я й посолывъ и напывся гарно. Иду дали, пивень просе пшона, а я й высыпавъ, найився винъ. Иду, колы хлопци безъ шапокъ стоять, просять у мене,—я й понадивавъ горщечкы. Иду дали, хлопци просять бублыкивъ—я йимъ и давъ по бублычку.—А дурный ты, нависный, Йосю! Хыба жъ можно такъ робыты? Посыдь же дома, я пиду накуплю. Отъ вона пишла, а Йося оставсь дома. У хати була бочка съ пывомъ. Пыво вщолоча та все булька буль—буль—буль! А дурень:—А такъ я дурь—дурь—дурь!.. Мовчы! А воно все: буль—буль—буль!.. Винъ якъ ухвате сокыру, порубавъ обручы, пыво и вытекло. Отъ винъ узявъ ночвы, сивъ у йихъ, узявъ у руки лопату и йизде по хати. Прыйшла маты додому и каже:—Йося, одчыны!—А отъ дойиду!—крычыть Йося; дойихавъ, одчынывъ, а пыво такъ у двери й полылося.—Шо се ты наробывъ, Йосю!?—Та се пыво мене дурнемъ узывало, такъ я й выпустывъ його.—Дурный ты, Йосю,—то воно вщолочало, та булькало, а не взывало тебе дурнемъ. Ну, робыть тому ничого, засваталы за його Пыгынку й жывуть соби помаленьку. Отъ разъ Пыгынка й каже:—Пойидьмо у гости до мого батька! Тамъ е вареныкы, сметана, пыво, усе е. —Пойидьмо!—одказавъ Йося. Отъ воны й пойихалы; прыйихалы, уси по-

сидалы обидать, а Йося пишовъ по горилку и остався голодный. Прыйшла ничъ, полягалы уси спаты, и Йося и пыта: Пыгынко, мени хочецця йисты!—Та полизь, отамъ у печи у макытри пырогы. Полизъ Йося на пичь та не попавъ пырогы та напавъ кошенята у горшку,—пойивъ йихъ. Тоди упьять каже:—Пыгынко, мени пыты хочецця.—Та возьмы жъ кирець, та напыйся зъ бочкы квасу! Пишовъ винъ та й попавъ не кирець, а решето. Точывъ—точывъ у решето,—не наточывъ и не напывся. Пишовъ винъ упьять до Пыгынкы та й каже:—Я розлывъ квасу трохы.—Ну, засыпъ попеломъ,—тамъ стойить у мишку у синяхъ. Винъ пишовъ у сины, та не напавъ попилъ та найшовъ гречане борошно у мишкахъ. Высыпавъ зъ мишка, а засыпать не засыпавъ. Прыйшовъ, лигъ у хати й заснувъ. Проснулысь,—а Йося ще спавъ,—дывлюцця—нема ни кошенятъ, ни квасу, ни гречаного борошна,—похозяйнувавъ усе Йося. Посміялыся воны тоди зъ його такъ, що йому стыдно туды у гости було йихаты [1].

Въ 2 варіантахъ изъ Александровскаго у. повторяются многіе мотивы, съ добавленіемъ мотива о томъ, какъ дурень ставитъ на землю треногъ и приказываетъ ему идти домой. Платками, купленными на свадьбу, дурень обвязалъ терны, свадебныя шишки выставилъ за хату допекаться на солнцѣ и т. д.[2]).

Весьма часто въ сказки этого рода вплетается тотъ мотивъ, что дурень слишкомъ буквально понимаетъ совѣты матери, сестры или жены и дѣлаетъ глупости. Такъ, въ одномъ варіантѣ сестра посылаетъ глупаго брата къ сосѣдямъ за вещами, и братъ сначала бросаетъ мясо собакамъ, затѣмъ, ложно истолковывая совѣты, рѣжетъ свиту на куски, корову вѣшаетъ на жертку, дѣвку работницу ставитъ въ сарай и даетъ ей сѣно. Въ другомъ варіантѣ подобное продѣлываетъ глупый мужъ. Вдобавокъ онъ беретъ еще на охоту за зайцемъ поросенка и кота, кормитъ лошенка сметаной изъ мисочки, поѣдаетъ кошенятъ, принимая ихъ за вареники и т. д.[3]).

Въ другой малорусской сказкѣ дурень дома выпускаетъ бочки водки, пива и меду и плаваетъ въ хатѣ въ корытѣ.

Далѣе мотивъ: братья поручаютъ дурню купить ринку, мясо и колбасъ. Дурень ринку ставитъ на землю, чтобы она при трехъ ногахъ сама шла, мясо отдаетъ собакамъ, а колбасой затыкаетъ дыру въ плетнѣ.

Заключительный мотивъ: утилизація трупа. Дурень ставитъ трупъ бабы и передъ ней яйца. Покупатель, не получая отвѣта, бьетъ трупъ; трупъ падаетъ. Дурень говоритъ, что чиновникъ убилъ бабу, и чиновникъ откупается 500 рублями [4]).

---

1) *Гринченко*, I № 172.
2) *Манжура*, 79, 80.
3) *Чубинскій*, II 497—502.
4) *Чубинскій*, II 492—495.

Въ малорусскомъ варіантѣ глупецъ мужъ получаетъ отъ тестя поросенка, но затѣмъ идетъ на охоту за зайцемъ и вмѣсто собакъ выпускаетъ кота и поросенка. Далѣе слѣдуютъ въ подробномъ развитіи такіе мотивы: дурень дѣвку кормитъ сѣномъ, а лошенка ведетъ въ хату и предлагаетъ сметану, поѣдаетъ кошенятъ вмѣсто вареников, пьетъ помои, выливаетъ въ погребу квасъ и засыпаетъ его мукой. Дурень здѣсь характеризуется тѣмъ, что „обхвате жертку руками, повисне и спивае“ [1]).

Въ югославянской сказкѣ о матери и глупомъ сынѣ мать, уходя въ церковь, поручаетъ сыну досмотрѣть, чтобы не сбѣжалъ супъ. Супъ сбѣжалъ, дурень прибѣжалъ въ церковь и громко оповѣстилъ о томъ мать. Мать говоритъ, что нужно было сказать ей на ухо. Въ ближайшее воскресенье мать, уходя въ церковь, поручаетъ сыну беречь свиное сало, потому что, когда пріидетъ зима, оно все выйдетъ. Дурень принимаетъ пришедшаго нищаго за зиму и отдаетъ ему сало. Въ слѣдующее воскресенье мать поручаетъ сыну наточить изъ бочки вина; сынъ забылъ заткнуть чопъ, вино все выбѣжало, и онъ засыпаетъ его мукой. Разгнѣванная мать бьетъ его, и онъ лежитъ отъ того боленъ. Въ слѣдующій праздникъ загорѣлся у дурня домъ, и онъ пошелъ въ церковь и на ухо сказалъ о томъ матери. Изгнанный дурень идетъ въ нищіе. Онъ полученное вино выливаетъ въ карманъ. Мать говоритъ, что нужно вылить въ бутылку. Далѣе дурень полученный хлѣбъ крошитъ и набиваетъ имъ бутылку. Мать говоритъ, что нужно было положить въ мѣшокъ. Въ слѣдующіе разы дурень въ мѣшокъ запихалъ теленка, завернулъ въ бумажку яйца. Наконецъ, дурень говоритъ матери, что хочетъ жениться. Мать совѣтуетъ ему пойти въ церковь и на какую женщину посмотритъ (образно—кинетъ глазами), та и будетъ его женой. Дурень покупаетъ у рѣзника бычачьи глаза и бросаетъ ихъ въ церкви первый глазъ свалилъ священную статуетку на алтарѣ, а другой упалъ на цыганку, которую дурень и взялъ въ жены. Мать разсердилась и прогнала сына [2]).

Въ эстонской сказкѣ, изложенной стихами и въ этомъ отношеніи весьма сходной съ великорусскими пѣснями, дурень, неудачно примѣняя совѣты матери, на пожарѣ говоритъ: „прибавки къ пламени“, поливаетъ водкой бабъ у колодца, вставляетъ голову межъ загрызшихся собакъ, бьетъ палкой двухъ мастеровыхъ, бросается гладить у пана ноги и попадаетъ подъ экипажъ, вскакиваетъ на спину нищаго калѣки (мать совѣтовала вскочить на жеребца). Дурня бьютъ, и наконецъ нищій убиваетъ его костылемъ [3]).

Во французской сказкѣ мать, уходя въ церковь, приказываетъ сыну посмотрѣть за супомъ и положить масла въ капусту. Глупецъ идетъ въ ого-

---

1) ***Чубинскій***, II 499.

2) ***Krauss***, Sagen u. Märchen d. Südslav. II 232—235.

3) ***Этнограф. Обозр.*** XV 45.

родъ и намазываетъ масломъ капусту, выпускаетъ домашній скотъ, который и поѣдаетъ въ огородѣ капусту [1]).

Сказки о глупомъ сынѣ распространены на огромномъ пространствѣ земного шара, отъ Исландіи до Японіи, отъ Англіи до Индіи; быть можетъ онѣ даже повсемѣстны.

Въ норвежской сказкѣ (въ сб. Асбьорнсена) мать совѣтуетъ своему глупому сыну выстроить черезъ рѣку мостъ и брать пошлину съ прохожихъ. Сынъ выстроилъ и сталъ на концѣ для собиранія пошлины. Провозили сѣно; онъ взялъ вязанку сѣна, у мелкаго торгаша взялъ иголки. Иголки воткнулъ въ сѣно, и когда попробовалъ сѣно и нашелъ его не вкуснымъ, то бросилъ его въ рѣку. Мать сдѣлала ему выговоръ и сказала, что сѣно нужно было разсыпать на току, а иголки воткнуть въ шляпу. На другой день глупецъ получаетъ мѣшокъ съ мукой и буравъ; муку онъ разсыпаетъ на току, а буравъ затыкаетъ въ шляпу. Мать говоритъ, что муку слѣдовало принести въ ведрѣ, а буравъ въ рукавѣ. Примѣняя и далѣе неудачно совѣты матери, глупецъ льетъ водку себѣ въ рукавъ, приноситъ козленка въ ведрѣ, кусокъ масла приволакиваетъ на веревочкѣ. Мать рѣшила наконецъ его женить и посылаетъ искать жену, давъ совѣтъ, чтобы онъ всѣмъ говорилъ „Богъ на помочь". Съ такимъ пожеланіемъ глупецъ обратился къ волчицѣ. Далѣе, неудачно примѣняя совѣты матери, онъ на свадебныхъ поѣзжанъ кричитъ: „Го! го! чтобы васъ съѣли волки", на медвѣдя, тащившаго лошадь—„счастливаго пути невѣстѣ и жениху", при погребальной процессіи—„чтобъ чортъ васъ забралъ"; при видѣ, какъ цыгане драли шкуру съ дохлой собаки, глупецъ пожелалъ вѣчнаго покоя ея душѣ Мать сама наконецъ отыскала невѣсту и, въ числѣ разныхъ наставленій сыну, сказала, чтобы онъ бросалъ по временамъ на нее взгляды, и глупецъ понялъ это буквально, взялъ у рѣзниковъ бараньи и козьи глаза и бросалъ ими въ невѣсту.

Послѣдняя подробность встрѣчается и у другихъ народовъ, въ зависимости отъ допускаемой въ языкѣ замѣны словъ и понятій—встрѣчается въ сказкахъ англійскихъ и италіанскихъ.

Въ венеціанскомъ варіантѣ мать и сынъ мѣсятъ хлѣбъ. Сынъ говоритъ: зачѣмъ изготовляются большіе и малые. Мать объясняетъ, что въ массѣ все сойдетъ. Сынъ слово масса принялъ за мессу, отнесъ хлѣбы вмѣсто хлѣбни въ церковь и сложилъ ихъ во время обѣдни среди церкви. Какими глазами смотрѣлъ на меня народъ, говорилъ съ удивленіемъ дурень матери. Да и ты могъ воззриться на нихъ (буквально—бросить глаза), сказала мать. Дурень понялъ буквально, пошелъ въ хлѣвъ, повырѣзывалъ у скота глаза, понесъ въ платкѣ въ церковь и бросалъ на того, кто на него глядѣлъ.

[1]) *P. Sebillot*, Contes pop. de la H. Bret. 221.

Въ арабскихъ варіантахъ, нѣсколько отличныхъ отъ предыдущихъ по содержанію, жена поручаетъ мужу купить на базарѣ извѣстный предметъ; глупый мужъ повторяетъ слова и потомъ забываетъ, путаетъ съ первымъ услышаннымъ или внушеннымъ ею со стороны, такъ что вмѣсто гороха (pease) по созвучію переходитъ на перлы (pearls). Арабскія сказки этого рода довольно пространны. И въ арабскомъ варіантѣ находится мотивъ о выходкахъ глупца на похоронахъ судьи (глупецъ закричалъ: „Дай Богъ вмѣсто одного семь изъ самыхъ лучшихъ и важныхъ") и при сдираніи кожи съ дохлаго осла (пожеланіе блага для его души) [1]).

Большой популярностью въ Англіи издавна пользовался разсказъ, какъ готемитъ послалъ впередъ на базаръ круги сыра. Шелъ онъ на рынокъ съ нѣсколькими головками, одну головку уронилъ на пригоркѣ, и эта головка быстро покатилась впередъ. Онъ рѣшилъ, что сыръ можетъ и самъ добѣжать до базара и бросилъ всѣ головки. На рынкѣ ближайшаго мѣстечка онъ не могъ найти своего сыра, и рѣшилъ, что онъ, по скорости, побѣжалъ далѣе въ Іоркъ, взялъ лошадь и помчался за ними въ Іоркъ. Въ шотландскомъ варіантѣ жена дурня находитъ сыръ у подножія холма. Въ другой шотландской сказкѣ женщина бросаетъ клубки нитокъ, полагая, что они сами прибѣгутъ на рынокъ [2]).

Въ англійскихъ народныхъ книжкахъ о готемитахъ приведенъ эпизодъ о дурнѣ, купившемъ на базарѣ таганъ. Сначала онъ несъ таганъ на себѣ, а потомъ поставилъ его на землю и приказалъ слѣдовать за нимъ, такъ какъ у него три ноги, а самъ пошелъ впереди, чтобы указать тагану путь къ дому. Жена дурня спрашиваетъ о треножникѣ. Мужъ говоритъ, что онъ долженъ прійти. Жена идетъ въ поле и приноситъ таганъ. Въ близкомъ шотландскомъ варіантѣ таганъ замѣненъ прялкой. Въ кабильской сказкѣ женщина посылаетъ своего сына (племя Бени-Дженадъ) купить мула, а сынъ вмѣсто мула покупаетъ арбузъ и посылаетъ его бѣжать домой [3]).

Въ индійской сказкѣ о глупомъ сынѣ и разумной матери сынъ идетъ странствовать. Въ дорогѣ онъ отдалъ свой хлѣбъ собакѣ, а благодарная собака принесла ему мѣшокъ съ деньгами, который и былъ переданъ глупцомъ матери. Мать накупила сластей и разбросала ихъ на крышѣ, а сыну сказала, что шелъ такой дождь. Когда затѣмъ сынъ проболтался о мѣшкѣ, и за нимъ пришли къ матери, то послѣдняя, сказала, что ничего не знаетъ, а когда стали допрашивать сына, и онъ увѣрялъ, что принесъ мѣшокъ съ деньгами, когда шелъ ананасный дождь, то оставили мать въ покоѣ [4]).

---

1) *Clouston*, 126—138.

2) *Clouston*, 35.

3) *Clouston*, The book of noodles 36.

4) *Минаевъ*, Инд. ск. 15.

Къ сказкамъ о буквальномъ пониманіи совѣтовъ или неудачномъ ихъ исполненіи прямо примыкаютъ сказки и анекдоты: 1) о бросаніи глазъ (=взглядовъ), 2) о глупомъ женихѣ, 3) о поведеніи глупца въ церкви, 4) о милостынѣ зимѣ.

XXXIX.

Бросаніе глазъ (взглядовъ).

Въ Черниговской губ. записанъ слѣд. анекдотъ: Була соби одна жинка и оддала вона свою дочку замижъ. И каже дочци: „Ты жъ, моя доню, хоть по курячїй головочци збирай та въ скрыню клады"! (Значыть, шобъ вона ряла). Отъ дочка, якъ де побаче курку, такъ визьме йийи, зариже, а головку сховае. И богато вже въ нейи головокъ назбиралося. Отъ, разъ прыйихала маты до нейи въ гости; вона й каже йій: „ось иды, мамко, погляды, скильки я курячихъ головокъ назбирала". Матка подывылась та й каже: „хыба жъ я такъ тоби казала"? А дочка: „А якъ же"? „Я жъ тоби казала: хочъ по курячїй головочци пряды та въ скрыню клады"! [1])

Гораздо чаще, во многихъ сказкахъ развивается такой мотивъ: мать совѣтуетъ сыну во время ухаживанія за дѣвицами любезно на нихъ посматривать, что во многихъ языкахъ (напр., во французскомъ) фигурально выражается—бросать глаза, и дурень буквально исполняетъ совѣтъ матери, вырѣзываетъ у овецъ глаза или покупаетъ бычачьи глаза у мясника и бросаетъ ихъ въ дѣвицу.

Бросаніе взглядовъ—бросаніе вырѣзанныхъ глазъ—мотивъ широко распространенный. Коскенъ указалъ его (II, 182) въ сказкахъ пикардійской, баскской, бургундской, нѣмецкой (изъ Тироля), трехъ тосканскихъ, шотландской, ирландской. Время и мѣсто возникновенія этого сказочнаго мотива неизвѣстно. Въ XVI в. онъ уже бытовалъ въ Европѣ, такъ какъ встрѣчается въ одной народной нѣмецкой книгѣ 1557 г. и въ Facetiarum libri tres Генриха Бебеля 1506 г.

Коскенъ высказалъ предположеніе, что мотивъ этотъ, какъ многіе другіе, могъ зайти въ Европу съ Востока. Указанная имъ сказка афганская не особенно близка. Мать посылаетъ сына дурня искать невѣсту и совѣтуетъ заигрывать съ дѣвицами. Встрѣтивъ дѣвушку у колодца, онъ такъ заигралъ съ нею, что свалилъ ее въ колодецъ. Мать подмѣнила ея трупъ трупомъ козы. Ближе индійскіе варіанты, напр., приведенная въ сборникѣ проф. Минаева сказка изъ Камаона: Мать совѣтуетъ, заигрывая съ дѣвушками, бросать въ нихъ камушки, сначала маленькіе, потомъ поболѣе. Дурень началъ бросать такіе камни, что убилъ дѣвушку. Она лежала съ рас-

[1]) *Гринченко*, II, 297.

крытымъ ртомъ, а дурень думалъ, что она смѣется. Далѣе слѣдуетъ подмѣнъ трупа дѣвицы трупомъ козы [1]).

XL.

Довѣрчивые глупцы—покупатели мнимочудесныхъ предметовъ. Дуракъ или плутъ въ мѣшкѣ.

Въ малорусской сказкѣ бурлаки покупаютъ за 100 руб. у дурня возокъ, что будто безъ коня ѣздилъ, за 200 руб. палочку, доставляющую яства и наконецъ воскрешающій кнутъ. Они перебили своихъ женъ и сказали: „пужка-живушка! кинься, Марушка"! Жены не воскресли; бурлаки понесли дурня въ мѣшкѣ топить и на берегу они пошли искать камня, чтобы навязать на мѣшокъ. Въ мѣшокъ попадаетъ торгашъ (крамарь), дурень забираетъ его товаръ и говоритъ братьямъ, что нашелъ его въ рѣкѣ. Бурлаки даютъ дурню сто рублей, чтобы онъ спустилъ ихъ въ рѣку за товаромъ [2]).

Въ великорусской сказкѣ про шута мотивы перепутаны: сначала шуты убиваютъ и продаютъ трупы женъ, обманутые шутомъ, затѣмъ покупаютъ козу, будто бы испражняющуюся золотомъ и наконецъ плетку живилку, которой потомъ бьютъ по покойнику. Семь глупыхъ хотятъ утопить шута обманщика. Шутъ говоритъ солдату: высватали и везутъ на свадьбу. Солдатъ занимаетъ его мѣсто. Шуты бросаютъ его въ рѣку. Встрѣтивъ шута на солдатской лошади, они подумали, что шутъ досталъ ее въ рѣкѣ и просили спустить ихъ въ рѣку [3]).

Въ варіантѣ плутъ продаетъ братьямъ сначала котелъ, будто варящій безъ огня, затѣмъ плетку живилку. Сказка неоконченная, безъ заключительной попытки утопить плута.

Въ варіантѣ съ этимъ заключительнымъ мотивомъ плутъ въ мѣшкѣ кричитъ: „ни читать, ни писать не умѣю, а меня въ головы сажаютъ". Его мѣсто занимаетъ богатый мужикъ.

Въ третьемъ варіантѣ плутъ (Ерема) впихиваетъ въ мѣшокъ барина [4]).

Въ сказкѣ Самарской губ. про шута Максимку сначала идетъ нескладный, темный и грубый разсказъ о томъ, какъ шутъ Максимка издѣвался надъ попами, связалъ ночью волосы спавшихъ попа и попадьи, какъ убѣжалъ, переодѣлся въ дѣвицу, вышелъ замужъ, искусно подмѣнилъ вмѣсто себя барана; мотивы эти часто встрѣчаются и въ польскихъ сказкахъ. За-

---

1) *Cosquin*, II, 182—183.

2) *Чубинскій*, II, 515; сход. 521, 564.

3) *Аѳанасьевъ*, III, 359—364.

4) *Аѳанасьевъ*, III, 364, 371.

тѣмъ идутъ уже приставные мотивы о продажѣ лошади, испражняющейся золотомъ и плети живилки. Купцы хотятъ убить шута. Жена сказала, что онъ умеръ; а онъ спрятался въ яму. Купцы хотѣли выс... на его могилѣ, а шутъ укололъ ихъ. Затѣмъ заключительный шаблонный мотивъ о помѣщеніи плута въ мѣшкѣ и пр. [1]).

Въ великорусской сказкѣ изъ Вологодской губ. меньшій братъ дурень, по приказанію матери, несетъ клёцки братьямъ. Въ дорогѣ онъ даетъ своей тѣни клёцки, а потомъ бросаетъ въ нее и горшокъ. Братья приказали стеречь овецъ. Дуракъ вырвалъ у нихъ глаза, чтобы онѣ не разбѣгались. Старики родители послали глупаго Иванушку въ городъ за покупками. Иванушка ставитъ столъ на дорогѣ, чтобы онъ самъ шелъ, при четырехъ ногахъ, съѣстное отдалъ воронамъ, на обгорѣлые пни надѣлъ горшки, чтобы они не мерзли, соль высыпалъ въ рѣку, чтобы лошадь пила воду, а когда она не пила, убилъ ее полѣномъ и, наконецъ, поломалъ деревянныя ложки, подумавъ, что онѣ его бранятъ дуракомъ. Братья идутъ сами на базаръ. Въ ихъ отсутствіе дурень выпускаетъ изъ кадки пиво и плаваетъ въ хатѣ въ корытѣ. Въ концѣ шаблонный мотивъ о попыткѣ братьевъ утопить дурня (погибаютъ баринъ и затѣмъ сами братья) [2]).

Братья несутъ найденныя деньги, встрѣчается дьячокъ, который жадно хватаетъ золото и набиваетъ имъ карманы. Дуракъ убиваетъ его а братья его стаскиваютъ трупъ въ погребъ. Умные братья сообразили, что дурень проболтается; они переложили трупъ въ другое мѣсто, а на томъ мѣстѣ закопали голову козла. Дурень дѣйствительно все разболталъ и указалъ, гдѣ былъ первоначально зарытъ трупъ дьячка. Его заставили раскапывать. Дуракъ достаетъ козлиную голову съ рогами. Люди плюнули и разошлись [3]).

Мотивъ „плутъ въ мѣшкѣ“ въ самарскомъ варіантѣ измѣненъ т. обр.: Братья хотѣли утопить дурня. Дуракъ одѣлъ куль соломы, положилъ на палатяхъ и убѣжалъ. Братья спустили куль подъ ледъ. Въ дорогѣ дурень накрылъ шапкой кучу экскрементовъ и сказалъ барину, что поймалъ птичку. Когда баринъ пошелъ посмотрѣть птичку, дуракъ сѣлъ въ его экипажъ и уѣхалъ. Онъ говоритъ братьямъ, что нашелъ лошадей въ рѣкѣ, и спускаетъ братьевъ, по ихъ просьбѣ, въ рѣку [4]).

Въ бѣлорусской сказкѣ три брата, два умныхъ, третій глупый. Умные работаютъ въ полѣ; дурень дома лишь „на жилейку играетъ“. Бабы ударами сгоняютъ его съ печи и посылаютъ отнести горшокъ каши братьямъ

1) *Садовниковъ*, № 32.
2) *Аѳанасьевъ*, III, 371.
3) *Аѳанасьевъ*, III, 378.
4) *Садовниковъ*, стр. 132.

въ поле. Дурень увидѣлъ свою тѣнь, бѣжалъ отъ нея, но видя, что и тѣнь бѣжитъ, бросилъ въ нее горшокъ и разбилъ его. Братья бранятъ его, идутъ домой обѣдать, а дурню поручаютъ отгонять отъ коней оводовъ. Дурень билъ оводовъ дубиной и поубивалъ коней. Братья съ женами уходятъ изъ дому; но дурень забрался въ мѣшокъ, и одинъ изъ братьевъ несъ его, вмѣсто сухарей. На дорогѣ дурень вылазитъ изъ мѣшка. Братья ночуютъ на берегу глубокой рѣки. Они кладутъ дурня съ краю, чтобы спихнуть въ рѣку; но дурень ночью перекладываетъ жену брата, и ее сталкиваютъ въ рѣку. Заключеніе: дурня посадили въ мѣшокъ, чтобы утопить, и пошли въ лѣсъ за дрючкомъ. Дурень кричитъ, что его неграмотнаго противъ воли садятъ королемъ. Его мѣсто занимаетъ жидъ и погибаетъ. Дурень торгуетъ его товаромъ, говоритъ, что нашелъ его въ рѣкѣ и спускаетъ туда братьевъ [1]).

Деталь о тѣни встрѣчается на далекомъ азіатскомъ Востокѣ. Въ индійской сказкѣ Бату поручаетъ глупому своему брату Лату отнести въ домъ тестя корзину съ хлѣбами. Лату отдаетъ своей тѣни всѣ хлѣбы и одежду, и голымъ является къ женѣ Бату [2]).

Въ бѣлорусскихъ и великорусскихъ варіантахъ мотивъ—дурень (плутъ) въ мѣшкѣ встрѣчается въ сочетаніи съ разными мотивами, чаще всего съ мотивами о неудачныхъ покупателяхъ, затѣмъ съ мотивомъ объ избіеніи дурнемъ оводовъ и вмѣстѣ съ ними коней, съ мотивомъ о мертвомъ тѣлѣ, съ мотивомъ о вѣщей кожѣ (=вѣщая птица—скоморохи въ Пѣснѣ о гостѣ Терентьищѣ) [3]) и нѣк. др.

Въ одномъ варіантѣ подъ заглавіемъ „Шутъ" плутъ беретъ у сосѣдей медъ и замѣняетъ его своимъ испражненіемъ, продаетъ кобылу какъ испражняющуюся серебромъ и подводитъ сосѣдей извѣстнымъ уже способомъ къ убійству женъ. Обманутые сосѣди и три брата. Любопытно, что троеніе здѣсь перенесено на противоположную сторону. Братья пошли убить плута. Онъ спрятался въ ямѣ. Братья хотѣли испражниться изъ мести надъ его могилой. Плутъ колетъ ихъ иглой. Конецъ обычный—плутъ, а затѣмъ въ замѣнъ его панъ въ мѣшкѣ утопленъ, и плутъ топитъ братьевъ [4]).

Въ малорусскомъ варіантѣ изъ Сумск. у. Харьковской губ.: „Одынъ чоловикъ водывъ козу на торгъ та й не продавъ. Отъ якъ вивъ винъ йійи додому, такъ прыйшлось иты лисомъ.—Идуть воны лисомъ, колы дыв-

---

1) *Шеинъ*, Матеріалы, II, 229.

2) *Минаевъ*, Инд. ск. 40.

3) *Шеинъ*, Матер. II, 234. Другой бѣлорусскій вар. см. въ сбор. *Доброволъскаго*, I, 693.

4) *Романовъ*, Бѣлор. сб. III, 403—409.

ляцця, ажъ лежыть нежывый вовкъ: чоловикъ пидийшовъ до його та й дума, шо робыть. На той часъ йихавъ поблызу панъ изъ гостей. Винъ побачивъ козу й чоловика та й пытаецця: Шо ты тутъ робышъ?—Та це коза моя піймала вовка, такъ я оце думаю, шо зъ нымъ робыть. Та трохы й почервонивъ, бо збрехавъ. Вотъ это хорошая коза, што и волковъ беретъ продай ее мнѣ!—А шо вы, пане дасте за нейи?—спытавсь винъ.—Да сто рублей дамъ. Та й давайте! Отъ, панъ узявъ козу, повивъ у лисъ та й прывъязавъ на довгій вирьовци до дуба. Колы це прыходе одынъ вовкъ та й ставъ биля козы, а вона: „мекеке"! та й стойить. Панъ и каже:—Вотъ проклятая коза: одного еще и не беретъ! Колы це прыйшовъ и другый вовкъ, а коза все стойить та: „мекеке"! А панъ:—Вотъ коза; и двухъ не беретъ! Колы якъ выскоче зъ лису третій вовкъ, якъ хватыли уси тры козу,—такъ и розирвалы! А панъ стойить та:—Ну, проклятая коза: двухъ не брала, а троихъ не подолѣла! [1])

Весьма близкій варіантъ въ пріуроченіи къ жидамъ записанъ въ Славяносербскомъ уѣздѣ Екатериносл. губ. [2]).

Анекдотъ о глупомъ панѣ, отдавшемъ лошадей и шедшемъ въ запряжкѣ, встрѣчается изрѣдка отдѣльно. Въ Чигиринскомъ у. записанъ слѣд. анекдотъ:

Одному панови та схотилось побачить, якъ то цыгане людей обманують. Йиде винъ разъ съ кучеромъ и каже: „Колы побачишъ де на дорози цыгана, то скажы мени, бо може я задримаю". Одьихалы воны тришкы,—ажъ справды зострічають, тильки не цыгана, а цыганча, такъ—литъ съ пъятнадцать йему. „Эй, каже панъ, цыганчукъ! а ну, покажы, якъ цыгане обманують людей"? „Э, каже, пане, якъ же я вамъ покажу, коли не вмію, бо я—малый; отъ якъ-бы мій батько". „Ну, то бижы,—каже панъ,—поклычъ батька". „А якъ же я пиду? це далеко; вамъ обрыдне й дожидать". „Ну визьмы,—каже панъ,—коня та сидай верхы". Той узявъ того коня, сивъ та й говоре: „Пане, якъ же воно такъ буде: батько йихатыме, а я пишкы йтыму"?—„Ну, каже панъ, визьмы й другого коня, а мы пидождемъ".—„Пане, батько мій добре обманює, ну, а якъ бы вы побачылы, якъ обманюе мій дядько!"—„Ну, то визьми й його".—„А якъ же, пане, буде: мы йихатемемъ, а дядько пишкы йтыме?"—„Ну, беры й третьяго коня".—Цыганча пойихало, а панъ съ кучеромъ зостались безъ коней. Стоялы воны тамъ мабудь днивъ зо тры, ну, панъ и пыта у кучера: „А що, Мыкыто,—що тяжче: хомутъ съ дугою, чы повозка?"—„Хомутъ,—кае,—пане, та дуга—уся вага, а повозка сама котытця". „Ну, то пойидемо", каже панъ. Панъ запригся у повозку, а Мыкыта несе хомутъ та дугу. Панъ

---

[1]) *Гринченко*, I, 115. Весьма сходные варіанты въ сборн. *Манжуры* 74, *Рудченка* II, 31, *Драгоманова* 343, *Ястребова* 129, 162.

[2]) *Гринченко*, II, 227.

бидный пріе, а не подае знаку, а Мыкыта усе крекче: „Ой, каже, горенько, тяжко!“...—„Ничого, каже панъ, и мы якогось дурня обманемъ по дорози“. Напроты йихъ йихавъ якыйсь мужыкъ парою такыхъ поганыхъ коній, що й гыдко й плюнуть. Панъ пыта: „А що, чы продаешъ“?—„Продаю“. „А шо берешъ“?—„Сто рублывъ“. Панъ зрадивъ, шо такъ дешево, та—тыць тому мужикови сто рублывъ. „Хай, думае панъ, и винъ попотягне повозку съ хомутомъ та съ дугою!“—А мужикъ, звисно, не стане тягты, а мабуть комусь прыручывъ воза такому, хто оравъ у поли [1]).

Въ польской сказкѣ мужикъ многократно бьетъ пана, то запершись въ его кабинетѣ, то въ лѣсу, привязавъ пана къ дереву, то въ видѣ лѣченія, то въ видѣ поученія глупаго пана, не отличающаго свиньи отъ козы, а дуба отъ березы [2]).

Въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи встрѣчаются самостоятельные анекдоты о томъ, какъ панъ или жидъ купилъ у мужика козу, которая, по словамъ продавца, давитъ волковъ.

Еще Аѳанасьевъ указалъ на сходные варіанты у сербовъ, чеховъ, поляковъ, литовцевъ, нѣмцевъ и грековъ, и здѣсь мы не будемъ повторять этихъ указаній [3]). Нужно, впрочемъ, замѣтить, что литовскій и нѣмецкій разсказы о продѣлкахъ плута, приведенные Аѳанасьевымъ, сильно уклоняются въ сторону, причемъ вездѣ входитъ мотивъ объ утилизаціи мертваго тѣла въ грубой формѣ.

Въ польской сказкѣ о Войткѣ, причинявшемъ разныя пакости жидамъ, извѣстной во многихъ варіантахъ, 1) жиды хотятъ лечь въ лѣсу такъ, чтобы не было крайняго, и Войтекъ кладетъ ихъ кругомъ головой въ муравьиное гнѣздо; 2) заставляетъ спускаться съ дерева ниткой, такъ чтобы одинъ держался за ноги другого; жиды срываются и убиваются; 3) продаетъ коня, будто бы испряжняющагося деньгами. Жиды послѣ этого несутъ Войтка въ мѣшкѣ топить; Войтекъ кричитъ, что не хочетъ быть польскимъ королемъ; его мѣсто занимаетъ панъ; жиды его топятъ; Войтекъ уѣзжаетъ на панскихъ коняхъ и въ заключеніе топитъ жидовъ [4]).

Въ польскихъ сказкахъ мотивъ о плутѣ въ мѣшкѣ встрѣчается часто, причемъ обыкновенно плутъ говоритъ, что не хочетъ быть королемъ, потому что неграмотенъ,

Nie bede polskiem kròlem,
Bo nie umiem orac piòrem [5]).

---

[1]) *Гринченко*, II, № 152.

[2]) *Ciszewski*, 241.

[3]) *Аѳанасьевъ*, Рус. нар. ск. IV, 503.

[4]) *Ciszewski*, 271—279.

[5]) *Ciszewski*, 273. Польскіе варіанты см. еще въ сб. *Zawilinsky*, 53, 67 и въ сб. *Chelchowski*, 65.

Мѣсто его занимаетъ панъ.

Въ испорченномъ видѣ мотивъ объ убійствѣ жены встрѣчается въ польскихъ сказкахъ. Рабочій нашелъ золото, продалъ его пану и разбогатѣлъ, а своему корыстолюбивому брату сказалъ, что онъ связалъ свою жену и продалъ ее пану; жадный его братъ связалъ жену и положилъ ее на столъ панскій, за что былъ избитъ. Въ варіантѣ богатый братъ снимаетъ съ жены кожу, несетъ ее на ярмарку и попадаетъ подъ судъ [1]).

Интересенъ грузинскій варіантъ:—Жилъ одинъ священникъ—мингрелецъ. Ничего у него не было, кромѣ одного катера и двѣнадцати рублей мелкими серебряными монетами. Однажды священникъ запряталъ нѣсколько штукъ этихъ монетъ въ подковы, которыми катеръ былъ подкованъ; затѣмъ сѣлъ на него и поскакалъ по еврейскимъ рядамъ. Деньги повысыпались изъ подъ подковъ катера. Евреи возгорѣли желаніемъ пріобрѣсть катера во что-бы то ни стало. Остановили священника и прицѣпились. А священникъ имъ въ отвѣтъ:—„Съ ума что ли вы сошли? Какъ-же я продамъ катера: вѣдь онъ мой кормилецъ; вѣдь онъ мнѣ много денегъ даетъ". Священникъ снова поскакалъ и изъ подковъ снова повыскакивало нѣсколько монетъ. Евреи снова остановили священника и пристали къ нему, на этотъ разъ неотступно.—„Хорошо, говоритъ священникъ, продамъ я его вамъ, только ужъ не иначе, какъ на вѣсъ золота!" Евреи заплатили священнику столько, сколько онъ требовалъ.—„Какъ-же за нимъ ухаживать?" спросили евреи священника.—„Вы его заприте въ „поцху" на три мѣсяца и въ теченіе этого времени не навѣдывайтесь. Поцха и наполнится деньгами!" Евреи такъ и сдѣлали. Прошло три мѣсяца, и они отправились въ „поцху", думая найти въ ней цѣлыя горы серебра. Каково было ихъ удивленіе, когда они нашли ее совершенно пустою, а вмѣсто катера—только кости его. Разсердились евреи на священника и рѣшили его убить. Священникъ, узнавъ объ этомъ, зарѣзалъ курицу, вынулъ у нея зобъ и, выбросивъ оттуда зерна, наполнилъ его кровью и привязалъ къ шеѣ своей жены. Пришли евреи къ священнику. Только что они вошли въ комнату его, священникъ хватилъ ножемъ по горлу жены, и она повалилась на полъ обливаясь кровью. Евреи разинули рты, а священникъ побѣжалъ и принесъ изъ другой комнаты „чонгури" и сталъ наигрывать на ней. Жена вдругъ ожила, встала и начала ходить. Евреи окончательно поразились. Они вообразили, что „чонгури" обладаетъ чудодѣйственною силою и купили его у священника за большія деньги. Чтобъ показать своимъ соплеменникамъ силу инструмента, они, недолго думая, зарѣзали своихъ женъ, и стали наигрывать на „чонгури", надѣясь оживить ихъ. Но, увы, жены не ожили! Ужъ на этотъ разъ евреи поклялись отомстить священнику. Поймали его и засадили въ корзину,

---

[1]) *Ciszewski*, 225—228.

чтобъ бросить её вмѣстѣ съ нимъ въ воду. Видя, что гибель неизбѣжна, священникъ сталъ кричать: „вай, вай“ (то же, что ой, ой). Въ это время по улицѣ проходилъ другой священникъ. Услышавъ крикъ, онъ подошелъ къ берегу и видитъ въ корзинѣ своего собрата.—„Что съ тобою?“ говоритъ онъ ему.—„Какъ что?“ отвѣчаетъ тотъ: „евреи хотятъ, чтобъ я взялъ съ нихъ деньги. Я не беру, а они за это меня въ корзину засадили!“ Прохожій священникъ обрадовался, что получитъ деньги и, недолго думая, самъ занялъ мѣсто заключеннаго, а этотъ давай Богъ ноги. Пришли евреи, и не смотря на крики и мольбы, что онъ не тотъ священникъ, а совершенно другой, бросили его въ рѣку и утопили. Спустя нѣсколько времени, евреи увидѣли утопленнаго ими священника на базарѣ: онъ продавалъ быковъ.—„Вѣдь мы тебя утопили!“ воскликнули въ одинъ голосъ евреи,—„какъ же ты здѣсь?“ „Да“, отвѣчаетъ священникъ, „вы меня бросили въ воду и прекрасно сдѣлали. Сколько разъ я крикнулъ въ водѣ „вай“, столько паръ быковъ я и получилъ отъ Бога!“ Евреи снова соблазнились: бросились въ воду, чтобъ получить быковъ, но не успѣли даже и разъ крикнуть „вай“, какъ утонули [1]).

Въ Италіи весьма распространены анекдоты о продажѣ мнимо чудесныхъ предметовъ, осла или курицы, несущей золотыя яйца, горшка самовара, плети живилки. Въ особенности популяренъ мотивъ о продажѣ осла, испражняющагося золотомъ. Питре отмѣтилъ сицилійскіе варіанты и въ примѣчаніи указалъ италіанскіе варіанты въ сборникѣ Гонценбахъ и въ другихъ сборникахъ. Между прочимъ, въ „Historia di Campriano“, изд. во Флоренціи въ 1550 г. [2])

На сказкахъ этого цикла подробно останавливался Коскенъ въ „Contes populaires de Lorraine“, отчасти нѣкоторые другіе западные ученые, напр., M. Koehler. Къ сожалѣнію, Коскенъ не далъ цѣльнаго изслѣдованія. Замѣчанія его разбросаны въ видѣ примѣчаній къ сказкамъ подъ №№ 10, 20, 49 и 71, причемъ всѣ эти сказки представляютъ лишь весьма близкіе другъ къ другу варіанты одного и того же сказочнаго цикла, какъ хитрый мужикъ жестоко обманулъ глупаго барина.

На предстоящихъ страницахъ мы сгруппируемъ главныя замѣчанія и указанія Коскена въ одно цѣлое, и нѣсколько расширимъ и продлимъ его работу по другимъ даннымъ, преимущественно русско-славянскимъ, у Коскена совсѣмъ отсутствующимъ.

Сводя вмѣстѣ мотивы сказки,—а свести ихъ тѣмъ болѣе нужно, что при передачѣ мотивы легко переставляются изъ одной сказки въ другую, мы установимъ ихъ въ такомъ порядкѣ, по №№, на которые потомъ для краткости будемъ ссылаться въ подсчетѣ параллелей и аналогій:

---

[1]) *Сборн.* матер. д. изуч. Кавк. XVIII, 30.

[2]) *Pitré*, Fiabe, III стр. 195—197.

№ 1. Жилъ-былъ мужикъ съ женой въ бѣдной хижинѣ. Одна была у него корова, и та издохла. Снялъ онъ шкуру съ нея и пошелъ продавать ее. Проходя лѣсомъ, онъ такъ натянулъ на себя шкуру, что надъ его головой приходилась голова коровы съ рогами. Разбойники въ лѣсу считали деньги; они подумали, что къ нимъ подходитъ дьяволъ и поспѣшно бѣжали. Мужикъ забралъ ихъ сокровища.

№ 2. Мужикъ положилъ нѣсколько золотыхъ монетъ въ конюшню, гдѣ стоялъ его оселъ. Въ селѣ прошелъ слухъ, что оселъ испражняется золотомъ. Помѣщикъ покупаетъ осла за дорогую цѣну. Жена бранитъ его.

№ 3. Мужикъ ставитъ на крышѣ дома горшокъ съ горячимъ супомъ, бьетъ по горшку кнутомъ и говоритъ пану, что такъ у него закипаетъ супъ. Помѣщикъ покупаетъ горшокъ, его слуги ставятъ на крышу и усердно бичуютъ.

№ 4. Мужикъ подвязываетъ своей женѣ за пазухой пузырь съ бычачьей кровью, въ присутствіи пана ударяетъ въ жену кинжаломъ; жена падаетъ будто убитая; мужикъ играетъ на дудкѣ (=вар. дуетъ въ ухо), жена поднимается здравой и танцуетъ. Панъ покупаетъ дудку и убиваетъ свою жену.

№ 5. Панъ является къ мужику съ своими слугами, связываетъ его, бросаетъ въ мѣшокъ и везетъ топить. На дорогѣ онъ и слуги на время отлучаются (пошли хоронить жену пана, или погнались за зайцемъ). Мужикъ охаетъ въ мѣшкѣ. Прохожій пастухъ спрашиваетъ о причинѣ. Мужикъ говоритъ, что его противъ воли хотятъ поставить попомъ (=епископомъ, папой, отправить на небо). Честолюбивый пастухъ сѣлъ въ мѣшокъ на его мѣсто и былъ брошенъ въ рѣку.

№ 6—въ тѣсной связи съ предыдущимъ. Мужикъ гонитъ на встрѣчу пану хорошихъ коровъ (лошадей, овецъ). Удивленный панъ спрашиваетъ, гдѣ онъ ихъ взялъ. Мужикъ говоритъ, что нашелъ ихъ на днѣ рѣки. Панъ проситъ, чтобы и его туда спустить, что мужикъ охотно исполняетъ и потомъ дѣлается помѣщикомъ и богачомъ.

№ 7. Мужикъ говоритъ пану, что разбогатѣлъ онъ отъ продажи коровьей шкуры по луидору за волосокъ. Панъ перебилъ всѣхъ своихъ коровъ и шкуры ихъ отправилъ на рынокъ.

№ 8. Панъ спрашиваетъ у мужика, „гдѣ его отецъ?“ „На охотѣ, отвѣтилъ сынъ, гдѣ онъ бросаетъ все, что убилъ, и уноситъ съ собой все, чего не убилъ“. По просьбѣ пана, мужикъ объясняетъ свой загадочный отвѣтъ тѣмъ, что отецъ его охотится за вшами на своей головѣ.

Къ одному варіанту (№ 71) пристали мотивы о чудесныхъ предметахъ—картахъ, создающихъ войско, и воскрешающей умершихъ свирѣли. Роль мужика здѣсь играетъ одинъ изъ трехъ царскихъ сыновей, нелюбимый отцомъ.

Въ italianскихъ варiантахъ плутъ (иногда одинъ изъ 3 братьевъ) продаетъ горшокъ или котелъ, кобылу съ червонцами, притворно убиваетъ свою жену, кролика комиссiонера, воскрешающую дудку. Такiя сказки записаны въ большомъ числѣ въ Сицилiи, въ Тосканѣ и др. мѣстахъ Италiи. Въ литовской сказкѣ продаются лошадь съ червонцами, сани самоходы, воскрешающая свирѣль. Въ баскской, шотландской, ирландской, нѣмецкой и норвежской сказкахъ въ продажу идутъ два предмета, чаще всего лошадь съ червонцами и воскресительная свирѣль. Въ нѣкоторыхъ варiантахъ (гасконскомъ, нѣмецкомъ, испанскомъ) этимъ продажамъ предшествуетъ продажа волка вмѣсто козла. Въ авганской сказкѣ продаются оселъ, испражняющiйся червонцами, кроликъ посолъ и воскресительная палка.

Мотивъ помѣщенiя плута въ мѣшокъ встрѣчается въ связи съ данными сказками въ разныхъ странахъ въ весьма сходныхъ передачахъ, въ Ирландiи, Францiи, Германiи, Италiи, Испанiи, Данiи, причемъ плутъ обманываетъ пастуха, говоря, что не хочетъ жениться на царевнѣ, или быть меромъ, попомъ, епископомъ. Тожественныя сказки записаны у сибирскихъ татаръ, авганцевъ и индусовъ.

Подробно во многихъ варiантахъ встрѣчается сказка о плутовскихъ продажахъ въ Индiи. Въ Бенгалѣ записанъ большой варiантъ: плутъ продаетъ птицу правды, корову, испражняющуюся червонцами, молодящую палку (которой потомъ купившiе поубивали своихъ женъ), мѣшки съ золой подмѣниваетъ на мѣшки съ золотомъ; глупцы (6 человѣкъ) сожгли свои дома, чтобы продать золу и получить столько же золота. Плута хотятъ бросить въ мѣшкѣ въ рѣку, но онъ былъ освобожденъ проѣзжимъ и, когда велъ за уздцы лошадь этого проѣзжаго, то глупые мужики стали распрашивать, гдѣ онъ ее взялъ, и когда онъ сказалъ имъ, что нашелъ ее въ той рѣкѣ, куда они бросили его, то одинъ изъ нихъ спустился въ рѣку. Вода забулькала, плутъ сказалъ, что опустившiйся ловитъ коня, и остальные глупцы попрыгали въ рѣку за конями и утонули. Въ варiантѣ, записанномъ у санталовъ, воры хотятъ бросить въ мѣшкѣ въ рѣку своего товарища. Послѣднiй говоритъ прохожему пастуху, что его несутъ, чтобы женить на царевнѣ. Пастухъ брошенъ. Воры увидѣли у хитреца стадо коровъ—окончанiе обычное: воры бросились въ рѣку за коровами и утонули.—Въ варiантѣ изъ Комбоджи мать рѣшила утопить непослушнаго сына. Послѣднiй хитростью заманиваетъ въ мѣшокъ прокаженнаго, говоря, что посидѣвшiй въ мѣшкѣ исцѣляется отъ проказы, но при этомъ онъ долженъ терпѣливо вынести всякую брань и побои. Тутъ выведенъ еще другой плутъ. Замѣтивъ, какъ первый плутъ подвелъ прокаженнаго, онъ ныряетъ, выноситъ въ рукѣ монету и показываетъ хитрецу, что нашелъ деньги. Плутъ повѣрилъ, нырнулъ и лишь трахнулся головой о подводный пень. Плуты потомъ примирились и подружили.

Коскенъ не останавливается на вопросѣ о происхождени и путяхъ распространенія сказки. Онъ лишь дробитъ ее на детали и даетъ многочисленныя указанія на варіанты. Обиліе авганскихъ и индійскихъ варіантовъ до нѣкоторой степени могло бы указывать на восточное происхожденіе сказки, если бы тотъ-же Коскенъ не указалъ на близкіе варіанты у разныхъ дикихъ и варварскихъ народовъ Азіи, Африки и Полинезіи. Оставляя даже въ сторонѣ варіанты татарскій, киргизскій въ Азіи, кабильскій въ Африкѣ, происхожденіе которыхъ сравнительно легко объяснить восточными культурными вліяніями, нельзя не обратить вниманія на слѣд, приводимые Кескеномъ варіанты дикихъ народовъ.

Въ малгашской сказкѣ на о. Мадагаскарѣ выведены два плута, Икотофецы и Магака. И. пойманъ во время кражи; его завернули въ рогожу, чтобы бросить въ воду. Когда сторожа зазѣвались, И. убѣдилъ прохожую женщину занять его мѣсто. И. появился въ селѣ со многими наворованными драгоцѣнностями. Онъ сказалъ, что нашелъ ихъ въ рѣкѣ. Селяне просятъ побросать ихъ въ воду, что И. не замедлилъ исполнить.

На Антильскихъ островахъ, со словъ одной мулатки, родомъ изъ Антигоа, записанъ сходный разсказъ: Ананки (собственно паукъ въ сказкахъ негровъ Ашанти) попадаетъ въ руки враговъ. Его несутъ въ мѣшкѣ къ морю, чтобы утопить. Ананки кричитъ: „Я слишкомъ молодъ, чтобы жениться на царевнѣ“. Когда сторожа отдыхали, честолюбивый пастухъ занялъ его мѣсто и кричалъ: „я по возрасту могу жениться на царевнѣ“. Ананки погналъ стадо пастуха. Онъ сказалъ, что нашелъ его въ морѣ.

Сказки объ обманутомъ помѣщикѣ и о попыткѣ его утопить обманщика распространены въ Европѣ издавна. Коскенъ указалъ на небольшую латинскую поэму XI, можетъ быть, даже X вѣка такого содержанія (у Коскена I 227, 114): У бѣднаго мужика былъ лишь одинъ волъ, который издохъ, и мужикъ продалъ его шкуру. На обратномъ пути онъ нашелъ кладъ и попросилъ у одного сельскаго богача хлѣбную мѣру для снета денегъ. Его заподозрили въ воровствѣ и арестовали. Тогда онъ сказалъ, что получилъ большія деньги за шкуру вола. Три сельскихъ богача убили всѣхъ своихъ воловъ. Далѣе слѣдуютъ обычные мотивы о кобылѣ, испражняющейся червонцами и о воскресительной свирѣли. Обманутые положили обманщика въ бочку и понесли къ морю. На дорогѣ они зашли въ кабачокъ. Приблизился пастухъ со стадомъ. Плутъ въ мѣшкѣ кричитъ: „я не хочу быть прево“. Честолюбивый пастухъ занялъ его мѣсто и т. д. въ обычномъ порядкѣ.

У Страпароллы (XVI в.) встрѣчается этотъ разсказъ съ козой на побѣгушкахъ и воскресительной дудкой. Плутъ въ мѣшкѣ говоритъ, что онъ не хочетъ жениться на царевнѣ.

Къ XVI в. относится маленькая италіанская исторія на данный сказочный мотивъ. Содержаніе ея вполнѣ опредѣляется уже однимъ ея обширнымъ заголовкомъ: „Исторія о мужикѣ Кампріано, который былъ бѣденъ и имѣлъ 6 незамужнихъ дочерей, какъ онъ продалъ купцамъ за сто экю осла, испражняющагося червонцами, потомъ горшокъ, варившій безъ огня, кролика почтальона, воскресительную дудку и въ заключеніе побросалъ купцовъ въ рѣку".

Въ нѣмецкомъ разсказѣ „Nachtbüchlein" Шуманна 1559 г. повторяется эта исторія съ небольшими измѣненіями.

Въ одномъ шутливомъ италіанскомъ разсказѣ XVI в. королева, возненавидѣвшая шута Бертольдо за его злыя шутки надъ женщинами, приказала бросить его въ мѣшкѣ въ рѣку. Бертольдо говоритъ полицейскому, что его посадили въ мѣшокъ за то, что онъ не хотѣлъ жениться на одной богатой и прекрасной дѣвушкѣ. Полицейскій занимаетъ его мѣсто.

Загадки въ сказку о глупцахъ проникли случайно изъ сказокъ объ умныхъ людяхъ, въ частности изъ сказокъ о мудрой дѣвѣ, и потому не входятъ собственно въ кругъ нашего изслѣдованія. Замѣтимъ мимоходомъ, что сказокъ о глупцахъ съ загадками мало, всѣ онѣ входятъ въ циклъ сказокъ о плутѣ въ мѣшкѣ, при чемъ, очевидно, что хитрый плутъ привлекъ въ эти сказки чуждый имъ мотивъ по отождествленію хитрости съ умомъ. Въ лотарингской сказкѣ загадка: охотникъ бросаетъ убитое, уноситъ съ собой неубитое (ищетъ на своей головѣ вшей). Тожественныя сказки записаны въ Тиролѣ, въ разныхъ мѣстахъ Франціи и Италіи, причемъ почти вездѣ выступаетъ умный мальчикъ, сынъ бѣдныхъ родителей, какъ замѣна мудрой дѣвы пѣсенъ и сказокъ. Гастонъ Парисъ (cit. у Коскена) указалъ на средневѣковый латинскій варіантъ загадки: „Ad silvam nado venatum cum cane quino: quod capio, perdo; quod fugit, hoc habeo". Въ средневѣковой редакціи исторіи о Соломонѣ и Маркольфѣ М. на вопросъ С., гдѣ его братъ, отвѣчаетъ: „frater meus extra domum sedens, quicquid invenit, occidit". Та же загадка находится въ италіанской исторіи о Бартольдо XVI в. Происхожденіе загадки очень давнее. У Симпозія (конца IV в. по Р. Хр.) она находится въ такой формѣ:

Est nova notarum cunctis captura ferarum,
Ut, si quid capias, id tecum ferre recuses,
A si nil capias, id tu tamen ipse reportes.

Въ древне-греческомъ сказаніи дѣти задаютъ такую загадку Гомеру и его спутникамъ: „все, что мы нашли, мы бросили, а что не взяли, уносимъ" (ὃσ̓ ἕλομεν, λιπόμεσθα ἃ δ' ουχ ἕλομὲν, φερόμεσθα—у Свиды) [1].

---

[1]) *Cosquin*, Contes pop. de Lorraine №№ 10, 20, 49, 71.

Кромѣ сборника Коскена, много библіографическихъ указаній по данному мотиву дано въ послѣднее время въ Zeitschrift. d. Ver. f. Volksk. 1896 I 73—74 и II 167 № 70—71, указаній въ сферѣ западно-европейскихъ источниковъ и пособій.

XLI.

Продажа вола дереву или статуѣ. Убійство дьячка. Подмѣнъ его трупа козлиной головой.

Огромнымъ распространеніемъ и большой популярностью пользуются сказки о продажѣ глупцомъ вола или козла дереву или статуѣ.

На этихъ сказкахъ подробно останавливались Коскенъ въ „Contes populaires de Lorraine" II № 56 и Клоустонъ въ „The book of noodles" стр. 143—159. На литературу предмета были еще указанія въ Zeitschr. d. Vereins f. Volkskunde 1896 I 73.

Въ Россіи сказки этого рода имѣютъ въ главномъ такое содержаніе: Мать посылаетъ сына дурня продать корову. Въ варіантахъ дурень—третій сынъ—по смерти отца получаетъ въ наслѣдство быка и ведетъ его на продажу. По дорогѣ онъ остановился подъ старой березой. Отъ вѣтра она скрипѣла, а дурень подумалъ, что она хочетъ купить вола. Онъ назначилъ цѣну, привязалъ быка къ березѣ и сказалъ, что за деньгами зайдетъ на другой день. Волки съѣли быка, и когда на другой день дурень не нашелъ его, а береза по прежнему скрипѣла, то онъ настойчиво сталъ требовать отъ нея деньги и, не получивъ ихъ, съ досады такъ сильно ударилъ топоромъ, что срубилъ верхушку дерева. Въ деревѣ оказалось дупло, а въ дуплѣ ящикъ съ деньгами, спрятанный разбойниками [1]). Дурень отсчиталъ должные ему 20 руб. и пошелъ домой. Далѣе идетъ то различіе въ варіантахъ, что остальное сокровище забираютъ и скрываютъ жена, мать или братья дурня. Сказки большею частью оканчиваются мотивомъ о рыбахъ, упавшихъ съ дождемъ, или о пирожкахъ на грушѣ, о чемъ подробнѣе сказано въ другомъ мѣстѣ.

Въ русскихъ сказкахъ въ сб. Рольстона и въ сб. Аѳанасьева дурень указалъ братьямъ оставленное имъ въ деревѣ сокровище; и они всѣ втроемъ везли его домой. Дорогой встрѣтился дьячокъ и спросилъ ихъ, гдѣ они были. „По грибы ходили", сказали старшіе братья, а меньшой сказалъ: „неправда; мы несемъ деньги". Дьячокъ жадно на нихъ набросился и сталъ набивать карманы. Тогда дурень разсердился и ударомъ топора отрубилъ ему голову. Братья затащили трупъ въ погребъ и закопали; но потомъ старшіе братья, зная откровенность и болтливость младшаго, закопали трупъ въ другомъ мѣстѣ, а на томъ мѣстѣ въ погребу закопали ко-

[1]) *Аѳанасьевъ*, Рус. нар. ск. III 376, IV 510.

зла. Вскорѣ начались поиски, и дурень все разболталъ. Всѣхъ трехъ братьевъ арестовали, привели въ погребъ и приказали дурню откапывать трупъ. „Дьяконъ былъ брюнетъ“? спросилъ дурень, докопавшись до козлиной шерсти. Отвѣтъ былъ утвердительный. „Съ бородой“? спросилъ дурень.— „Да“.—„И съ рогами“?—„О какихъ рогахъ ты тамъ болтаешь“? сказали судьи.--„Вотъ о какихъ“, сказалъ дурень, показывая имъ козлиную голову. Тогда присутствовавшіе рѣшили, что они имѣютъ дѣло съ дуракомъ, и ушли [1]).

Мотивъ о подмѣнѣ трупа человѣка трупомъ козла встрѣчается, по указанію Клоустона, въ сицилійской сказкѣ о Джуфѣ, въ кабильской въ сборникѣ Ривьера, въ индійской въ сборникѣ миссъ Штоксъ [2]).

Въ малорусской сказкѣ дурень (одинъ изъ 3 братьевъ) продаетъ бычка пеньку, рубаетъ его, находитъ деньги и, взявъ себѣ 25 руб., остальное бросаетъ. Потомъ идетъ старшій братъ, а дурень становится на сторожѣ и убиваетъ попа. Разумный братъ отрѣзываетъ у попа голову и привязываетъ козлиную. Люди подумали, что дурень убилъ черта и благодарили дурня [3]).

Въ Сумскомъ уѣздѣ записана слѣд. сказка о дурнѣ: Жило два браты, одынъ розумный, а другый дурный. Розумный бувъ меньшій, а старшій дурень. Отъ меньшій братъ оженывся и взявъ соби жинку хорошу. Отъ и каже жинка чоловикови: Давай, чоловиче, подилымось изъ братомъ хозяйствомъ! Теперъ шо дома йому, то те й возьме, а то якъ женыцця та возьме соби жинку розумну, то треба даваты половыну. Отъ почала вона зъ братомъ дилыцця хозяйствомъ и вдилылы дурневи коростявого бычка. Отъ дурень и дума: Шо мени робыты, чымъ мени бычка годуваты? У мене нема ни сина, ни соломы, мабудь поведу продамъ. Отъ и повивъ Семенъ коростявого бычка продаваты. Веде Семенъ, дывыцця, стойить лисъ. Отъ Семенъ повивъ у лисъ бычка продаваты. Дывыцця Семенъ стойить пенькоъ. Отъ Семенъ и дума: Мабудь поведу продамъ пенькови. И повивъ Семенъ до пенька продаваты бычка. Прывивъ и почавъ изъ пенькомъ здоровкацця:— Здоровъ, пеню! Тоди самъ соби й отказуе:—Здоровъ, Сеню!—Купы, пеню, бычка! Тоди самъ соби й каже:—Продай, Сеню, бычка! Отъ Сеня прывъязавъ бычка до пенька й каже:—А гроши? И тоди самъ соби одказуе:— Та прыйды завтра! Отъ Сеня пишовъ до дому. Переночувавъ и йде до пенька по гроши. Прыходыть до пенька, а бычка вже нема, мабудь вовкы ззилы. Отъ винъ поздоровкавсь и каже:—Давай, давай, пеню, гроши! Тоди

---

[1]) *Аванасьевъ*, Рус. н. ск. III 376, IV 510.

[2]) *Clouston*, 150—154.

[3]) *Чубинскій*, II 495.

самъ соби и каже: — Та прыйды завтра. — Ахъ ты жъ такый-сякый! покы я буду ждать?! Якъ ударе його чоботомъ, а пенекъ бувъ гнилый, то винъ його ногою й збывъ, а съ пидъ пенька гроши посыпалысь, бо тамъ хтось йихъ мабудь ище давно заховавъ. Отъ пишовъ Семенъ до дому. Прыходе й каже братови: — Дай мени воливъ и кобылы, — пойиду по гроши. Отъ братъ и дума: — Дебъ винъ стилько набравъ? А жинка й каже: — Та дай! Ты знаешъ, якый винъ: якъ пойиде, то дурно не прыйиде. Отъ братъ запригъ волы и кобылу, Семенъ и пойихавъ по гроши. Прыйихавъ до пенька, забравъ гроши и пойихавъ додому. Прыйиздыть додому, уйиздыть у двиръ, выпрягае волы. Выйшовъ братъ, подывывся та й каже до жинки: — Правда, шо Семенъ казавъ, — привизъ гроши. И каже: — Якъ мы будемъ гришмы дилыцця? Мабудь пиды до попа, позычъ миркы. Та й забулы сказаты, щобъ не казавъ, на що мирка. Отъ, пишовъ Семенъ до попа по мирку, прыходыть, колы попа нема й дома. Винъ поздоровкався съ попадею и просе миркы. Попадя й пытаецця: — На що вамъ мирка? — Та будемъ гроши мирыть. Попадя дала мирку. Семенъ пишовъ додому, прыносить мирку, а братъ пытаецця: — Якъ ты казавъ? — Такъ, шобъ далы миркы грошей дилыть. Отъ братъ Семенови й каже: — Пиды й стань на угли и якъ йихатыме пипъ то ты свысны, такъ мы скорише ховатымемъ гроши. А Семенъ узявъ кійокъ и пишовъ й ставъ на угли. Отъ ставъ йихать пипъ, а Семенъ якъ свысне того бидного батюшку кійкомъ и убывъ попа. Иде Семенъ до брата. Отъ пыта Семена братъ: — Шо, йихавъ пипъ? — Та я його вбывъ. — Та на що жъ ты його вбывъ? — Та ты жъ казавъ — свысны, — ну, я його свыснувъ кійкомъ. — Отъ дурный, такъ дурный! Де жъ винъ? — Та онъ на угли. Братъ пишовъ, ухватывъ попа та й затигъ у порожній погребъ. А попадя шукала, шукала попа, не найшла. И такъ подумала, що його вже на свити нема; и стала справляты помыны. Клычуть и Семенового брата. Отъ и каже братъ Семенови: — Гляды, Семене, не ходы, а то якъ ты тамъ скажешъ!.. — Та я не пиду. Пишовъ Семенивъ братъ, Семенъ и дума самъ соби: — Шо я буду за дурный, шо не пиду на помынкы? — самъ порядывъ.!.. И пишовъ Семенъ на поминкы. Прыходыть, увійшовъ у хату, поздоровкався, ставъ у кутку и стойить, — нихто йому и чаркы не дае. Отъ винъ думавъ, думавъ и каже: — Самъ и помынкы порядывъ, а мени й чаркы не даютъ! А матушка й пытаецця: — Якъ то ты порядывъ? — Та я батюшку вбывъ. — Дежъ винъ? — Та у насъ у порожнему погреби. А братъ мерщи побигъ, та батюшку вытягъ, а мисто батюшкы укинувъ зарызанаго цапа. Отъ попадя й каже до Семена: — А ну, веды, де! Семенъ и повивъ. Довивъ до погриба й каже: — Ну, лизьте, матушко! А матушка каже: — Лизь ты! Отъ Семенъ полизъ и каже: — Шо, матушко, вашъ батюшка изъ ушыма? — Изъ ушыма. — Изъ бородою? — Зъ бородою. — Изъ рогамы? (сказано

дурный!). А ну, тягны! Отъ вытягъ Семенъ цапа, а матушка засміялась и такъ поросходылысь [1]).

Весьма близкіе, почти тожественные варіанты записаны въ Кобринск. у. Гродненск. губ. [2])—сказка „Про трехъ бративъ“ и въ Маріупольск. у. —сказка „Три брата Киндрата“ [3]). Въ первомъ вар. дурень продаетъ вола пеньку, а во второмъ—собакѣ, которая, убѣгая, скрывается подъ пенькомъ, гдѣ оказываются деньги.

Въ небольшой польской сказкѣ глупецъ продаетъ вола полевому кресту; не получивъ денегъ, онъ разбилъ крестъ и нашелъ въ немъ деньги [4]).

Другая польская сказка изъ Плоцкой губ. с. Дреглина [5]) тожественна съ приведенной выше великорусской о продажѣ вола березѣ, которая скрипѣла.

Въ другой польской сказкѣ, весьма испорченной, глупецъ, по совѣту матери, не слушаетъ торгующихся покупателей, продаетъ мясо собакѣ и, не получая отъ нея денегъ, ведетъ ее къ королю на судъ; собака выскочила въ окно и разбила стекло. Король спросилъ, что сдѣлать виновному. Глупецъ, подразумѣвая пса, назначаетъ 100 розогъ и получаетъ ихъ [6]).

Во французской сказкѣ мать дурня (Jean le Diot) посылаетъ его на рынокъ продать корову за 20 экю, не входя въ разговоры съ болтунами. Дурень считалъ болтуномъ всякаго, кто начиналъ торговаться, и на обратномъ пути продалъ корову статуѣ святого. Не получивъ денегъ, дурень разбиваетъ статую, находитъ въ ней деньги и уходитъ. Корова, привязанная къ колокольной веревкѣ, зазвонила ночью, сбѣжался народъ и сначала принялъ корову за демона. Статуя была высокопочитаемаго мѣстнаго святого, которому на другой день приходился праздникъ. Мать повела дурня въ часовню, одѣла его въ бѣлую одежду, дала позу статуи и приказала не шевелиться. У женщинъ околотка былъ обычай во время молитвы колоть иглой колѣно статуи. „Святой Мирли, избавь домъ мой отъ всего дурного“ сказала одна и кольнула дурня въ колѣно. Онъ не шевельнулся. Другая уколола его до крови, и онъ простоналъ: „а, старая вѣдьма“! но третья такъ глубоко запустила иглу, что мнимый святой перескочилъ черезъ нее и бросился уходить со всѣхъ ногъ [7]).

Въ итальянскихъ сказкахъ мать посылаетъ глупаго сына на рынокъ продать полотно, и при этомъ приказываетъ не вступать въ разговоры

[1]) *Гринченко*, I № 173.
[2]) *Чубинскій*, Труды II 495.
[3]) *Драгомановъ*, Малор. пред. 332.
[4]) *Ciszewski*, 208.
[5]) *Wisla*, 1891, стр. 745.
[6]) *Ciszewski*, 204—206.
[7]) *Sébillot*, Contes pop. de la H. Bretagne 224.

съ болтливыми женщинами. На дорогѣ дурню встрѣтилась жена синдика; она хотѣла купить полотно, спросила о цѣнѣ и показалась дурню болтливой. „Не продамъ, потому что вы болтунья“ сказалъ дурень и пошелъ далѣе. На дорогѣ стояла гипсовая статуя. Довольный тѣмъ, что она молчала, дурень продалъ ей полотно, самъ назначилъ цѣну и сказалъ, что за деньгами зайдетъ на обратномъ пути съ рынка, гдѣ ему нужно было купить для матери нитокъ на пряжу (yarn). Когда на обратномъ пути дурень потребовалъ деньги и статуя молчала, то онъ ударомъ палки разбилъ ей голову и нашелъ здѣсь деньги. „Вотъ гдѣ вы храните деньги!“ сказалъ дурень, взялъ то, что стоило полотно и пошелъ домой. Мать спрятала деньги, сказавъ, что это не болѣе, какъ старые гвозди, чтобы дурень не разболталъ о находкѣ. Въ ея отсутствіе дурень продалъ прохожему горшокъ съ деньгами за безцѣнокъ, какъ старые гвозди [1]).

Сходныя сказки французскія, нѣмецкія, лужицкая, румынская, остяцкая и кабильская указаны въ „Contes populaires“ Коскена. Герой французскихъ вариантовъ—Jean Bête (т. е. Иванъ Скотина, Иванъ Дуракъ). Во французскихъ сказкахъ глупецъ продаетъ холстъ статуѣ святого и, не получивъ денегъ, бьетъ ее. Заключительныхъ мотивовъ о нахожденіи сокровища дурнемъ, похищеніи его другимъ лицомъ, рыбѣ съ неба и др. т. п. во французскихъ сказкахъ нѣтъ. Вмѣсто того въ нихъ встрѣчается тотъ мотивъ, какъ дурень предоставилъ треногу идти [2]).

Въ арабскомъ вариантѣ въ 1001 ночи курильщикъ опіума продаетъ свою корову птицѣ, пѣвшей на деревѣ. Когда онъ пришелъ за деньгами и не получилъ ихъ, то онъ бросилъ камень въ птицу. Послѣдняя сѣла на навозную кучу. Дурень подумалъ, что здѣсь находятся ея деньги, сталъ раскапывать ее и нашелъ горшокъ съ червонцами. Онъ взялъ по стоимости коровы и не тронулъ остального. Жена его потомъ выкопала и принесла горшокъ. Сказка оканчивается популярнымъ анекдотомъ, какъ жена избавилась отъ суда, доказавъ глупость мужа, который повѣрилъ, что вмѣсто дождя шло жареное мясо и рыба [3]).

Въ кабильской сказкѣ глупецъ продаетъ козла кукушкѣ, сидѣвшей на ясенѣ. За деньгами приходитъ на другой день. Козелъ уже былъ съѣденъ хищными звѣрями. Глупецъ рубитъ дерево, находитъ сокровище и беретъ часть денегъ. Мать выбираетъ все остальное. Предвидя, что сынъ разболтаетъ о находкѣ, она кладетъ ночью передъ домомъ блины и лепешки. Глупецъ думаетъ, что они упали съ дождемъ. Конецъ обычный [4]).

---

1) *Clouston*, 144—146.

2) *Cosquin*, II 177—183.

3) *Clouston*, 149, *Cosquin*, II 181

4) *Cosquin*, II 181—182.

Кстати замѣтить, что мотивъ о дождѣ изъ сластей часто встрѣчается въ сказкахъ о глупыхъ мужьяхъ и разсмотрѣнъ нами въ связи съ послѣдними.

Происхожденіе сказки о глупцѣ, разбивающемъ статую, темное. Существованіе азіатскихъ варіантовъ располагаетъ къ предположенію, что Европа позаимствовала эту сказку у азіатскаго материка. Но оригинальна ли она въ самой Азіи? Какъ давно она бытуетъ? Рѣшеніе этихъ вопросовъ въ сильной степени осложняется тѣмъ, что есть сходныя басни Эзопа и Бабрія (въ изд. Теубнера Эзопъ № 66 и Бабрій № 119): одинъ человѣкъ долго напрасно упрашивалъ Меркурія послать ему богатство. Въ гнѣвѣ онъ однажды разбилъ его статую и въ ея головѣ нашелъ сокровище. На эту басню въ сопоставленіи со сказками о глупомъ торговцѣ уже указалъ Коскенъ (II 179), но съ сомнѣніемъ, мимоходомъ, въ подстрочномъ примѣчаніи. Сходство во всякомъ случаѣ замѣчательное, особенно по опредѣленію, какъ давно сказка можетъ быть извѣстной въ Европѣ.

XLII.

Три брата изучаютъ чужой языкъ.

(„Мы, три брата"....).

Анекдотъ совершенно самостоятельный, встрѣчается всегда въ отдѣльномъ видѣ, чрезвычайно распространенный и популярный въ Европѣ отъ Кавказскихъ горъ до Пиринеевъ и Аппенинъ.

Въ малорусской сказкѣ изъ Харьк. губ. „Три браты": Жилы соби тры браты,—таки багати воны булы и не вмилы воны по паньскому балакать; а якъ то бажалось умить! Отъ и пишлы воны до паньского будынку—слухать, якъ паны балакають. Самый менчый братъ пидбигъ пидъ викно ты й почувъ одно слово: мы; середній пидбигъ,—почувъ багато: ни за сё, ни за те; старшый пидбигъ, почувъ: такъ тому й быть. Отъ и пишлы воны. Идуть,—ажъ мертвый чоловикъ лежыть. Колы тутъ становый йиде.—„Це вы вбылы чоловика"? пыта винъ. А браты й радятця мижъ себе: „Якъ же його, по поньскому балакать"?—Та по паньскому-жъ.—„Ну й по паньскому". Отъ менчый братъ каже: „Мы"!—За що жъ вы його вбылы?—Середній братъ каже: „ни за сё, ни за те"!—„На Сибиръ-же васъ"! А старшый братъ: „Такъ тому й быть"! И попровадылы тихъ братывъ на Сибиръ [1]).

Тожественный малорусскій разсказъ подъ заглавіемъ „Якъ русьски по нашому балакать вчились" записанъ въ Новомосковскомъ у. Екатерино-

---

[1]) *Гринченко*, I 97.

славской губ. [1]), и галицко-русскій о трехъ нѣмцахъ, учившихся по русски, записанъ въ Галиціи [2]).

Тожественный великорусскій анекдотъ о трехъ калмыкахъ записанъ въ Терской области [3]).

Извѣстный чешскій ученый Поливка пасвятилъ въ „Wisla“ (т. II ч. 1) статью этому анекдоту подъ заглавіемъ „My trzej bracia“. Здѣсь собрано много славянскихъ, германскихъ и романскихъ варіантовъ. Начинаетъ г. Поливка съ слѣд. верхне-бретонскаго: Три брата идутъ въ Парижъ учиться французскому языку. Подъ городомъ они остановились и рѣшили ходить въ одиночку слушать французскую рѣчь и, возвращаясь, сообщить о томъ другъ другу. Первый услышалъ: „C'est nous autres, messieurs“, второй: „C'est perce que nous le voulons“, третій: „sacredieu, c'est detant mieux“. Далѣе на пути они нашли трупъ убитаго человѣка и стали его разсматривать. Въ это время ихъ схватили жандармы и стали распрашивать. Одинъ сказалъ: „это мы, господа“, другой—„такъ мы хотѣли“, третій—„тѣмъ лучше“.

Въ италіанскомъ варіантѣ три брата, по смерти родителей, идутъ въ дорогу; одинъ усвоилъ услышанное на дорогѣ слово „si“ (такъ), другой „e vero“ (вѣрно), третій „e giusta“ (хорошо), увидѣли трупъ, сами донесли о немъ начальству, повторяли усвоенныя слова, были обвинены въ убійствѣ и сосланы на галеры. Но потомъ, когда убѣдились въ ихъ глупости, ихъ освободили.

Г. Поливка приводитъ далѣе по Себильо два варіанта верхне-бретонскій и креолскій: три брата пошли учиться французскому языку; первый услышалъ, какъ молотники сказали: „Nous l'avons tué entre nous!“ другой—какъ люди, разливая вино по бутылкамъ, говорили: „A coup des bouteilles“; третій—какъ купецъ, продавая полотно, выкрикивалъ: „pour la toile“. Вышло потомъ, будто братья убили человѣка бутылкой изъ за холста.

Въ нѣмецкой сказкѣ король послѣдовательно посылаетъ трехъ сыновей въ науку. Старая колдунья выучила перваго брата повторять: „wir Brüder, alle drei“, второго: „ům ein Bischen Käs“, третьяго: „und das ist recht und billig“. На дорогѣ братья встрѣтились, наткнулись на висѣльника и т. д. и въ концѣ концовъ повѣшены.

Въ нѣмецкихъ варіантахъ чертъ, лѣшій или охотникъ беретъ съ трехъ заблудившихся въ лѣсу братьевъ обѣщаніе отдать ему душу, даетъ мѣшокъ съ деньгами и приказываетъ говорить одному только: „мы всѣ три брата“, другому: „за деньги“ и третьему: „такъ было нужно“. Братья остановились въ корчмѣ вмѣстѣ съ богатымъ купцомъ. Корчмарь убилъ и ограбилъ

---

1) *Манжура*, 118.

2) *Житье и Слово* 1895, IV 355.

3) *Сборн.* матер. д. изуч. Кавк. XV, 177.

купца, а вину свалилъ на братьевъ, которые своими отвѣтами лишь подкрѣпили обвиненіе. Ихъ хотѣли повѣсить, но тутъ охотникъ выручаетъ ихъ, и наказаніе несетъ корчмарь. Въ нѣмецкихъ варіантахъ обычно „рукописаніе о душѣ“ (cyrograf). Въ этой формѣ сказка популярна въ Германіи издавна. Гриммъ указываетъ ее въ памятникахъ XVI в. [1]).

Словенскіе варіанты, записанные въ Крайнѣ и въ Штиріи, представляютъ пересказы нѣмецкихъ. Въ венгерской сказкѣ три бѣдныхъ словака идутъ учиться венгерскому языку; остальное, какъ въ нѣмецкихъ сказкахъ. Въ моравскомъ, словацкомъ, галицко-русскомъ и польскихъ варіантахъ также обнаруживается большое сходство съ нѣмецкими, въ видѣ сильнаго демонологическаго элемента: братья поступаютъ на службу къ дьяволу, который и выучиваетъ ихъ роковымъ фразамъ.

Далѣе г. Поливка приводитъ бѣлорусскую сказку (изъ сбор. Карловича и сб. Вериго), гдѣ братья выучиваютъ у дьявола на службѣ три фразы: „мы“, „ни за то, ни за се“, „такъ тому и быть“, возвращаются къ матери съ деньгами; но такъ какъ они дома лишь повторяютъ эти слова, то мать прогоняетъ ихъ за глупость; они находятъ на пути трупъ и пр. Варіантъ этотъ примыкаетъ прямо къ среднеевропейскимъ. Любопытно, что здѣсь подчеркнута глупость братьевъ.

Далѣе г. Поливка воспользовался въ концѣ статьи уже отмѣченными выше нами варіантами у Манжуры, Ястребова и Сборн. матер. для изуч. Кавказа, причемъ оговариваетъ большое сходство кавказскаго варіанта съ верхне-бретонскимъ. „Недостатокъ матеріала, говоритъ г. Поливка въ концѣ статьи, не даетъ намъ возможности ни опредѣлить мѣсто возникновенія сказки, ни намѣтить пути ея распространенія. Авторъ склоняется къ предположенію, что анекдотъ возникъ въ западной Европѣ, проникъ въ среднюю и восточную, причемъ въ средней Европѣ осложненъ введеніемъ легенды о продажѣ души черту и разсказомъ о шинкарѣ—убійцѣ купца.

Особое мѣсто занимаютъ анекдоты о трехъ болтливыхъ, образчикомъ которыхъ можетъ служить слѣдующій малорусскій анекдотъ о томъ, какъ три мужика спрятались отъ татаръ, одинъ подъ мостъ, другой на дубѣ и третій залегъ въ травѣ. Татары подошли. Одинъ сталъ пить воду, а мужикъ изъ-подъ моста—„здоровъ пий“! Его и схватили. А другой съ дуба: „навищо ты, дурный, обизвався“? и татары стали бросать на него арканъ. Мужикъ уклоняется, а третій изъ травы: „правѣе, правѣе“! Татары и его поймали [2]).

---

[1]) *Polívka*, My trzy bracia 4.

[2]) *Чубинскій*, II 581.

XLIII.

Глупый женихъ.

Въ Верхней Бретани весьма распространены анекдоты о попыткахъ дурня жениться. Въ одной сказкѣ дурень, исполняя буквально совѣты матери, щипаетъ дѣвушку, разрываетъ юбку и пр., и его выталкиваютъ. Въ другой сказкѣ мать говоритъ, что кто хочетъ выбрать невѣсту, тотъ идетъ на посидѣлки съ тросточкой и дѣлаетъ дѣвицамъ глазки (on prend une canne et on fait aux filles des yeux de brebis). Дурень беретъ съ собой утку (cane) и вырѣзываетъ у овцы глаза, которые потомъ и бросаетъ на дѣвицу, за что его прогоняютъ [1]).

Задумавъ одынъ парубокъ женыцця. Отъ думае винъ, кого бъ тутъ у старосты взяты? Пиду я до свого ридного дядька, визьму я его у старосты. Такъ и зробывъ; прыйшовъ до дядька и каже: „дядюню, дядюню, пособить, пожалуйста, моему горю, ходимты, я васъ пошлю у старосты". Дядько пыта: „а до кого, племянныку, думаешь мене посылаты?"—„Я думаю, дядюню, хоть бы и до Гордія Ивановича Вертогора, у его дивка брава: очы чорни, сама моторна,—треба бъ до неи посылаты".—Дядько ему и каже: „я бъ пособывъ бы твоему горю, якъ бы ты бувъ трошки росторопнійшій, а то пидешь съ тобою мыжъ люды, та тикы стыду черезъ тебе наберемся и съ тымъ и вернемось". Племенныкъ каже: „якъ то вы такъ, дядьку, кажете, шо я ны росторопный, хиба я уже дурный, чы що?"—„Да ны то шо ты дурный, а тилько у тебе мова якась то не дуже гарна,—шо скажишь, то усе не до дила".—„Якъ то такъ"?—„Да такъ! Оце якъ пидемо, увійдемо въ хату, то ты подумай, шо тамъ треба зъ людьми говорыты".—„Якъ то, шо говорыты?"—"Якъ ты увійдышъ у хату, поздоровкався-бъ зъ людьмы гарненько, подумавъ бы, якого словечка тамъ сказаты гарненького, кругленького".—„Ну, спасиби, дядьку, за добру науку! Такъ я уже и буду казаты". Пишлы воны до Гордія Ивановича. Той попросывъ ихъ у хату, посадывъ за стилъ. Началы воны про свое дило говорыть, а молодый сыдыть за столомъ и думае: „Якъ бы тутъ не забуть дядькове ноставленіе? Якого бъ тутъ словечка сказать гарненького и кругленького?" да й подумавъ— якъ крыкне на усё горло: „обручъ! обручъ! обручъ!" Гордій Ивановичъ и вылупывъ на его очи та й пыта: „де це ты бачышь обруча?" а нашъ молодый и каже: „эге, шожъ шо нема обруча?—мене дядько такъ учывъ, шобъ я сказавъ словечко кругленьке, гарненьке; ну, я и сказавъ кругленьке; якого тоби ще круглійшого треба, якъ обручъ?!" [2]).

---

[1]) *Sebillot*, Contes pop. de la H. Bretagne, 226.

[2]) *Ястребовъ*, Матер. по этногр. 163.

Къ этимъ анекдотамъ примыкаютъ своеобразные анекдоты о пидбрехачѣ, неумѣломъ лгунѣ. Прекрасная литературная обработка—маленькій разсказъ Г. Ѳ. Квитки „Пидбрехачъ". Литературныя параллели указаны были нами въ статьѣ „Квитка, какъ этнографъ" въ Кіев. Старинѣ 1893 VIII.

Въ маленькой польской сказкѣ мать дурня на смотринахъ совѣтуетъ дурню поговорить съ невѣстой—„pogadaj je do niej co", а дурень думаетъ, что мать поручила ему „pogadac z donica kapusty" [1]).

XLIV.

Глупцы въ церкви.

Существуетъ много анекдотовъ о поведеніи глупцовъ въ церкви, причемъ одни анекдоты вошли въ составъ сказокъ о поискахъ глупцовъ, другіе въ сказки о буквальномъ пониманіи словъ матери глупымъ сыномъ, третьи въ сказки и пѣсни о Ѳомѣ и Еремѣ. За предѣлами этихъ цикловъ остается немного анекдотовъ о поведеніи глупцовъ въ церкви.

Глупцы въ церкви неудачно повторяютъ дѣйствія попа или другихъ лицъ. Подробный малорусскій анекдотъ (одинъ изъ весьма многихъ) приведенъ нами выше при обзорѣ сказокъ о поискахъ глупцовъ. Въ связи съ этимъ анекдотомъ и ближайшимъ черноморскимъ стоитъ слѣдующій турецкій о Насръ-одинѣ: Насръ-одинъ вошелъ въ мечеть и благочестиво преклонилъ голову. Въ это время воръ вытащилъ изъ его кармана кошелекъ съ деньгами. Насръ-единъ вытащилъ кашелекъ у стоявшаго впереди муллы, и оправдывался ссылкой на стоявшаго сзади вора [2]).

Въ Черноморскомъ округѣ записанъ анекдотъ „Нимець у руській церкви". Нѣмецъ женился на русской. Жена посовѣтовала ему держать себя въ православной церкви, какъ другіе. Одинъ мужикъ нечаянно толкнулъ его въ задъ; нѣмецъ толкнулъ въ то же мѣсто стоявшую впереди даму. Дама дала ему пощечину. Нѣмецъ плюнулъ тогда себѣ въ кулакъ и далъ такую затрещину стоявшему сзади мужику, что послѣдній свалился. Тутъ нашего нѣмца схватили „за чесну грыву" и вывели изъ церкви [3]).

Въ Малороссіи записанъ такой анекдотъ о русскихъ: Справили руськи обществомъ вангелю та пійшлы въ церкву; отъ пипъ и чита: „отъ Матвія святаго евангелія чтеніе".—„Што ты, батька, закричали русскіе, отъ Матвѣя то читаешь?! Ты читай отъ обчества". Это искусственное измышленіе. Любопытно, что оно сходно съ слѣдующей италіанской новеллой: При папѣ Бенедиктѣ XIV (1740—1758) четыре помѣщика изъ городка Capoliveri на

[1]) *Ciszewski*, 203.

[2]) *Газо*, Шуты, 153.

[3]) *Дикаревъ*, Черном. казки, 21.

островѣ Эльбѣ были по дѣламъ въ Луккѣ. Зашедши въ церковь, они услышали, что дьяконъ возглашаетъ евангеліе отъ Луки (Secundum Luccam) Возвратившись домой, они потребовали, чтобы имъ читали евангеліе Secundum Capoliverim. Кузмичевскій основательно замѣчаетъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло скорѣе съ случайнымъ совпаденіемъ, чѣмъ съ переходомъ разсказа [1]).

Въ малорусскомъ анекдотѣ, зап. въ Екатеринодарѣ въ 1894 г., о томъ какъ „святый Тилипень чудо творывъ", рѣчь идетъ о глупой бабѣ, которая вмѣсто церкви пришла въ млинъ и потомъ дома разсказывала, что слышала въ церкви шлепотъ и думаетъ, что „таке чудо творывъ св. Тилипень" [2]).

Въ великорусскихъ пѣсняхъ о Ѳомѣ и Еремѣ встрѣчается вставной мотивъ о неудачномъ поведеніи ихъ въ церкви. Въ одной пѣснѣ:

Ерема пришелъ въ церковь,
А Ѳома въ алтарь,
Ерема запѣлъ,
Ѳома то заревѣлъ.....

Въ тверскомъ варіантѣ Ерема кадитъ, а Ѳома кланяется. Вездѣ выступаетъ строгій пономарь, который выгоняетъ глупцовъ изъ церкви [3]).

Въ сказкѣ объ Иванѣ Дуракѣ изъ В. Бретани мать совѣтуетъ сыну пойти въ церковь, и на его вопросъ, какъ дойти до церкви и какъ держать себя тамъ, совѣтуетъ пойти за людьми и поступать по примѣру другихъ. Глупецъ попадаетъ въ кабакъ, требуетъ, подобно другимъ, сидру. Кабатчикъ, не получивъ денегъ, побилъ его и взялъ блузу и панталоны. Въ коротенькой сорочкѣ и въ жилетѣ дурень идетъ въ церковь и становится между женщинами. Когда въ молитвѣ всѣ поклонились и онъ послѣдовалъ примѣру другихъ, то у него открылся задъ, и стоявшая сзади старая женщина ударила его по заду. Глупецъ поднялъ платье женщины, стоявшей впереди него, и передалъ ударъ. Женщина подняла крикъ, и глупца вывели изъ церкви [4]).

XLV.

Глупецъ (сынъ, мать, жена) отдаетъ деньги (сыръ и пр.) нищему, назвавшемуся весной, зимой или т. п.

Въ великорусскомъ варіантѣ сказки о поискахъ глупцовъ вмѣсто вступительнаго мотива о плачущихъ глупцахъ находится слѣдующій: Лутонюшка

---

1) Кіев. Старина 1886, II 219.
2) *Дикаревъ*, Черноморски нар. казки, 20.
3) *Шеинъ*, Великоруссъ I—266—268.
4) *P. Sebillot*, Contes pop. de la H. Bretagne 219.

солитъ мясо на зиму на запасъ, а мать его бранитъ, что много перебилъ скотины. „И, матушка, сказалъ Лутонюшка, весна прійдетъ, все подберетъ", и уѣхалъ затѣмъ въ лѣсъ за дровами. Прохожій подслушалъ и сказалъ: „Я—весна красна, за говядиною къ тебѣ пришла". Старуха отдала ему всю говядину. Лутонюшка въ досадѣ идетъ искать по свѣту бóльшихъ глупцовъ [1]).

Въ польской сказкѣ мужикъ нашелъ кладъ, спряталъ его въ хатѣ подъ бочкой и запретилъ женѣ ходить въ амбаръ за солониной, сказавъ, что тамъ подъ бочкой сидитъ Бобо. Нищій взялся выгнать Бобо и забралъ деньги. Въ варіантѣ, весьма близкомъ, въ началѣ введенъ вставной эпизодъ изъ другого цикла сказокъ, какъ мужъ нашелъ кладъ, сказалъ женѣ, выкапывая кладъ, что у него запоръ, такъ какъ ворона влетѣла ему въ задницу, и какъ повѣрившая жена болтала потомъ на эту тему, прибавивъ еще одну ворону [2]).

Мотивъ объ обманѣ по собственному имени часто входитъ въ составъ сказокъ о прохожемъ изъ рая, въ видѣ предисловія, при чемъ въ такомъ случаѣ прямо съ ними сливается, что замѣтно въ славянскихъ и романскихъ варіантахъ. Въ одной лотарингской сказкѣ прохожій подслушалъ, какъ мужъ на предложеніе поѣсть сала сказалъ: „c'est pour dor' navant" (это для болѣе поздняго времени). Онъ заходитъ въ домъ, называется Дорнаваномъ, и простодушная жена отдаетъ ему сало. Въ слѣдъ затѣмъ онъ говоритъ, что идетъ изъ рая, и слѣдуютъ обычные на эту тему мотивы. Коскенъ указалъ нѣсколько сходныхъ и тожественныхъ сказокъ французскихъ, италіанскихъ, нѣмецкихъ, англійскую, хорватскую (у Краусса). Недалекая по уму жена или дѣти отдаютъ самозванцу сало, окорокъ или деньги. Въ тирольской сказкѣ плутъ называется будущимъ, потому что подслушалъ, какъ мужъ, уѣзжая изъ дому, просилъ жену беречь деньги для будущаго. Въ нѣмецкой сказкѣ отецъ сберегалъ деньги „für Hans Winter", и дѣти его отдаютъ деньги самозванцу Ивану Зимѣ. Старинный варіантъ этого мотива указанъ Коскеномъ въ одномъ италіанскомъ произведеніи XVI в. Здѣсь домохозяйка сберегаетъ ветчину „pour les Pâques", т. е. на Свѣтлый Праздникъ; глупая ея служанка отдала ветчину плуту, который назвался Пакомъ [3]).

XLVI.

Глупецъ на деревѣ.

Въ сказкахъ съ полученіемъ богатства часто встрѣчается такой мотивъ: дурень въ одиночку или съ двумя братьями взбирается на ночлегъ

[1]) *Аванасьевъ*, Рус. нар. ск. III, 383.
[2]) *Ciszewski*, 210—212.
[3]) *Cosquin*, I 240.

на дерево, внизу собираются разбойники дѣлить добычу. Дурень испражняется на нихъ, бросаетъ камень (или ступу, воловью шкуру), разбойники разбѣгаются и дурень забираетъ ихъ деньги. Мотивъ получилъ шаблонное значеніе общаго мѣста, какъ иллюстрація глупости.

Въ самарской сказкѣ дуракъ и два брата сидятъ на деревѣ. Дуракъ мочится разбойникамъ въ кашу. Разбойники считаютъ мочу росой. Далѣе дуракъ испражняется; разбойники говорятъ, что съ ели падаютъ шишки; наконецъ, дуракъ бросаетъ ногу бабы Яги; разбойники разбѣгаются; остается одинъ, которому дурень отрѣзываетъ языкъ [1]).

Въ малорусской сказкѣ про дурня два брата хотятъ скрыться отъ дурня на деревѣ, но за ними взбирается дурень со ступой. Внизу расташевались разбойники. Дурень сначала сц... на нихъ, затѣмъ с... и, наконецъ, роняетъ ступу, разбойники разбѣгаются, а у одного скрывшагося дурень отрѣзываетъ языкъ [2]).

Мотивъ полученія богатства отъ того, что глупецъ, сидя на деревѣ, разгоняетъ разбойниковъ и забираетъ ихъ деньги, встрѣчается въ видѣ введенія, объясняющаго, почему разбогатѣлъ герой сказки, въ сказкѣ изъ Лотарингіи, въ сказкѣ изъ Нижней Бретани (мельникъ бросаетъ кожу коровы съ дерева на разбойниковъ), въ тожественной сказкѣ изъ Тосканы. Въ новогреческой сказкѣ изъ трехъ братьевъ меньшій высушиваетъ кожу коровы, оборачиваетъ себя ею и бьетъ въ нее, какъ въ барабанъ; воры, предполагая, что это идутъ жандармы, бѣгутъ, бросивъ деньги. Въ авганской сказкѣ бѣднякъ, скрывшійся на деревѣ, по дорогѣ на базаръ, роняетъ отъ страха на разбойниковъ коровью шкуру.

Во французскихъ сказкахъ онъ встрѣчается въ такой формѣ: разбойники ворвались въ хижину; бѣдные хозяева ушли, захватили лишь двери, скрылись на деревѣ, потомъ упустили двери на разбойниковъ, сѣвшихъ подъ деревомъ; разбойники въ страхѣ разбѣжались и бросили свои деньги. Въ другой сказкѣ мужъ бросаетъ со злости въ жену двери, которыя повисли на ея спинѣ; жена съ ними бѣжала, взобралась на дерево и проч. въ обычномъ порядкѣ. Въ нѣкоторыхъ варіантахъ мужъ уноситъ ключъ, а жена—двери. Коскенъ указалъ на цѣлый рядъ западно-европейскихъ и восточно-азіатскихъ варіантовъ. Во многихъ европейскихъ варіантахъ мотивъ съ дверьми мотивированъ плохо тѣмъ, что жена (сестра) поняла приказанія мужа (братьевъ) въ буквальномъ смыслѣ. Въ новогреческой сказкѣ глупецъ посаженъ въ тюрьму, уходитъ оттуда, уноситъ на спинѣ двери и т. д., скрывается на деревѣ, роняетъ двери на купцовъ. Въ другой грече-

---

1) *Садовниковъ*, 130.

2) *Чубинскій*, II 492.

ской сказкѣ дурень роняетъ мельничный жерновъ, въ валахской—ручную мельницу, во многихъ французскихъ и въ италіанскихъ—воловью шкуру. Въ нѣмецкой сказкѣ глупая женщина роняетъ сначала сухіе яблоки (или сухой виноградъ)—разбойники думаютъ, что это пометъ птицъ, льетъ уксусъ—разбойники принимаютъ его за росу, наконецъ, роняетъ двери [1]). Въ тирольской сказкѣ съ трехъ братьевъ, сидящихъ на деревѣ, отъ страха начинаетъ капать потъ—разбойники приняли его за дождь. Во многихъ варіантахъ (изъ Нормандіи, Лотарингіи, Германіи, Греціи, Италіи, Испаніи) глупецъ мочится на разбойниковъ. Въ сборникѣ калмыцкихъ сказокъ индійскаго происхожденія Шидикурѣ, странникъ роняетъ съ дерева на пляшущихъ демоновъ лошадиную голову; демоны разбѣжались; подъ деревомъ оказалась куча золота. Въ сказкѣ сибирскихъ татаръ одинъ изъ трехъ братьевъ, глупецъ, убилъ семиголоваго великана, отрѣзалъ одну голову, руку и ногу. Братьевъ преслѣдуетъ двѣнадцатиголовый великанъ. Они спрятались на деревѣ. Глупецъ уронилъ голову, руку и ногу; великанъ бѣжалъ. Въ индійской сказкѣ санталовъ два брата убили тигра и на ночь взобрались на дерево. Подъ деревомъ заночевалъ принцъ со свитой. Одинъ изъ сидѣвшихъ на деревѣ упустилъ внутренности тигра; принцъ и свита въ страхѣ бѣжали, и братья захватили ихъ багажъ. Въ другой индійской сказкѣ изъ Камаона на деревѣ также два брата, а подъ деревомъ идетъ свадебное пиршество. Одинъ изъ братьевъ испражняется, потомъ бросаетъ камни. Свадебные гости разбѣгаются. Глупецъ овладѣлъ невѣстой и передалъ ее своему брату. Въ нѣсколькихъ индійскихъ варіантахъ женщина, скрывшаяся на деревѣ, узнана разбойникомъ. Она завлекаетъ его хитростью на дерево, откусываетъ ему языкъ и сталкиваетъ съ дерева. Разбойникъ белькочетъ—лолъ, лолъ (въ вар. буль-ул, ул), товарищи его разбѣгаются. Древнѣйшій варіантъ мотива о дверяхъ на спинѣ въ Katha-Sarit-Sagara Сомадевы XII вѣка. Здѣсь купецъ приказываетъ своему глупому слугѣ оберегать двери въ лавкѣ. Слуга понялъ буквально его слова, снялъ двери и носилъ ихъ на себѣ, чтобы никто ихъ не похитилъ. Когда хозяинъ возвратился и упрекалъ слугу, послѣдній сказалъ, что онъ лишь исполнилъ его приказаніе [2]).

Обиліе, разнообразіе и древность индійскихъ варіантовъ располагаютъ къ предположенію объ индійскомъ происхожденіи самого мотива о дверяхъ на спинѣ.

---

[1]) Мотивъ о дверяхъ отмѣченъ еще въ сказкахъ Сербіи, Италіи, Франціи, Даніи, Швеціи—см. *Zeitsch*. d. Ver. f. Volksk. 1896, I 73.

[2]) *Cosquin* I, 240—245, *Минаевъ*, Инд. ск. 41—42; *Clouston* 100.

XLVII.

Внушеніе ложнаго убѣжденія

(мужику, брамину и пр., что онъ ведетъ не вола, а козла, или не козла, а собаку).

Весьма распространенъ въ Малороссіи такой разсказъ: велъ мужикъ на ярмарку вола продавать. Солдаты тихонько вола отвязали, а солдата привязали. Мужикъ оглянулся, испугался, упустилъ веревку, и солдатъ убѣжалъ. На ярмаркѣ онъ увидѣлъ, что его односельчанинъ покупаетъ у солдатъ его вола, подошелъ и сказалъ покупателю: „не купуй цего вола, це манія; отъ теперь винъ зовсимъ якъ вилъ, а выведешъ за губернію и стане служба“ [1]).

Въ другомъ малорусскомъ анекдотѣ мужикъ ведетъ вола на базаръ продавать. Встрѣчается солдатъ, и спрашиваетъ, что хочетъ онъ за козла. Мужикъ увѣряетъ, что это волъ и идетъ далѣе. Солдатъ переулками забѣгаетъ снова впередъ, и снова торгуетъ козла. Мужикъ сталъ сомнѣваться, и за третьимъ разомъ продалъ вола солдату какъ козла за 2 руб., а прійдя домой, сказалъ женѣ, что волъ „зкозлятывсь“ [2]).

Въ англійскомъ сборникѣ фацецій XVI в. „The Jests of Scogin“ находится такой анекдотъ: Скогинъ съ другимъ плутомъ встрѣтили мужика, который гналъ овецъ въ городъ на базаръ, и поочередно убѣдили его, что онъ гонитъ свиней. Сначала мужикъ держалъ пари съ товарищемъ Скогина на половину стада и два шиллинга, причемъ споръ долженъ былъ рѣшить первый встрѣчный. Такимъ оказывается самъ Скогинъ, который рѣшаетъ споръ въ пользу своего товарища, но такъ, что овцы остаются хозяину, за что онъ благодаритъ Скогина и охотно отдаетъ его товарищу свои два шиллинга.

Въ „The Sacke Full of Newes“ (1558) г. повторяется эта исторія съ перестановкой овецъ и свиней. Въ средневѣковыхъ книгахъ встрѣчается почти тожественный разсказъ „De Rustico et Agni“. Мужикъ несетъ въ городъ ягненка; шесть плутовъ поочередно увѣряютъ, что онъ несетъ собаку, и онъ отдаетъ ягненка шестому встрѣчномъ плуту. Въ „Liber de donis“ Этьена Бурбонскаго († 1261 г.) выведены три плута, увѣрившіе мужика, что онъ несетъ не ягненка, а собаку [3]).

Въ одной старинной новеллѣ глупца убѣждаютъ, что онъ велъ не теленка, а каплуна; въ Conde Lucanor и въ Эйленшпигелѣ предметомъ обмана служитъ одежда [4]). У Страпароллы находится такой же анекдотъ о внушеніи лож-

---

1) *Аванасьевъ*, Рус. н. ск. III, 510.
2) *Аванасьевъ*, III, 509.
3) *Clouston*, Popular Tales II, 27—42.
4) *Clouston*, The book of noodles, 162—163.

наго убѣжденія продавцу животнаго [1]). Въ Gesta Romanorum мотивъ этотъ встрѣчается въ той формѣ, что злонамѣренные люди хотѣли убѣдить императора, что врачъ его прокаженный. Возможно и отдѣльное независимое происхожденіе послѣдняго разсказа, внѣ анекдотовъ о глупости.

Анекдотъ популяренъ на азіатскомъ Востокѣ и, должно быть, съ Востока проникъ на Западъ.

Въ старинной арабской сказкѣ 1001 ночи крестьянинъ ведетъ на веревкѣ осла. Плутъ сказалъ своему пріятелю, что онъ возьметъ осла. Тихонько онъ отвязалъ осла, передалъ его своему компаньону, а веревку накинулъ себѣ на шею. Сначала онъ послушно шелъ за мужикомъ, но когда пріятель его ушелъ далеко, и осла уже не было видно, тогда онъ сталъ упираться. Мужикъ сначала тянулъ за поводъ, а потомъ оглянулся и, увидѣвъ вмѣсто осла человѣка, закричалъ: „Кто вы?“ Плутъ разсказываетъ цѣлую исторію на тему о превращеніи. У него добродѣтельная и благочестивая мать. Однажды онъ пришелъ домой въ пьяномъ видѣ. Мать ласково стала его журить, а онъ, вмѣсто раскаянія, ударилъ мать, и за то Аллахъ обратилъ его въ осла, и въ такомъ видѣ онъ служилъ мужику, пока мать своими молитвами не возвратила ему человѣческій образъ. Мужикъ всему повѣрилъ, просилъ простить его, если онъ когда обидѣлъ оборотня и отпустилъ его, а жена мужика молитвами и милостыней старалась загладить тотъ грѣхъ, что такъ долго помыкали осломъ оборотнемъ. Спустя нѣкоторое время мужикъ пошелъ на рынокъ купить другого осла и, къ удивленію своему, увидѣлъ, что его старый оселъ идетъ въ продажу. Онъ подошелъ къ нему и на ухо шепотомъ сказалъ: „Съ тобой опять приключилась бѣда. Навѣрно, ты снова былъ пьянъ; но, клянусь Аллахомъ, я никогда не куплю тебя“. Эта сказка встрѣчается въ числѣ наиболѣе старыхъ италіанскихъ новеллъ, въ новеллѣ о превращенномъ монахѣ [2]).

Въ Калилѣ и Димнѣ и въ Гитопадешѣ встрѣчается анекдотъ о томъ, какъ глупый браминъ велъ козу, купленную для жертвоприношенія, и три плута убѣдили его, что онъ ведетъ собаку, а не козу, такъ что онъ бросилъ козу, которую и взяли плуты [3]). Въ Katha Sarit Sagara повторяется тотъ же анекдотъ, причемъ здѣсь оказывается шесть обманщиковъ. Древнѣйшій варіантъ въ Панчатантрѣ. Здѣсь браминъ ведетъ козла на жертвоприношеніе; три плута убѣдили его, что онъ ведетъ собаку. Браминъ бросилъ козла и совершилъ омовеніе (въ Индіи собака считается нечистымъ животнымъ [4]).

---

1) *Loiseleur Deslongschamps*, Essai sur les fables ind., 47.

2) *Clouston*, The book of noodles 81—83.

3) *Loiseleur Deslongschamps*, Essai sur les fables *indiennes* 47.

4) *Clouston*, Popul. Tales II, 42.

XLVIII.

Повѣсти и сказки о глупомъ гостѣ.

Въ Великой и Малой Россіи существуетъ анекдотъ о глупомъ панѣ нѣмцѣ и разумномъ его слугѣ, съѣвшемъ ножку зажареннаго для пана гуся, потомъ удачно вывернувшемся. Въ англійскомъ варіантѣ дурня бранятъ, что онъ укралъ у курицы ногу, и дурень утверждаетъ, что курица была лишь съ одной ногой. Въ доказательство онъ повелъ пана въ курникъ, гдѣ многія куры стояли на одной ногѣ, какъ онѣ часто дѣлаютъ въ дурную погоду. „Кишъ! кишъ!" крикнулъ на нихъ панъ, и онѣ поставили обѣ ноги. „Вотъ если бы кишнули на зажаренную курицу, сказалъ дурень, то она выставила бы и другую ногу". Въ Декамеронѣ Боккачіо (день VI нов. 4) вмѣсто курицы является журавль, ножку котораго поваръ отдалъ своей любовницѣ [1]).

Эти анекдоты, повидимому, представляются искаженіями и варіантами популярной въ старое время сказки о раздѣлѣ курицы хитрымъ гостемъ. Въ старинной письменности русской фацеція эта извѣстна подъ заглавіемъ „о раздробившемъ по писанію куре". И нынѣ она довольно часто встрѣчается среди народныхъ сказокъ и анекдотовъ. Аѳанасьевъ указалъ литературу предмета [2]). Недавно изданъ галицко-русскій варіантъ въ „Житье и Слово" 1895 IV 364 и кромѣ того чешскій ученый Поливка указалъ такой анекдотъ въ числѣ сказокъ о. Майорки (стр. 144).

Мы не будемъ останавливаться здѣсь подробно на фацеціи и сказкахъ о раздѣлѣ курицы, потому что здѣсь гость является умнымъ, а не глупымъ.

Въ кругъ нашей темы входитъ другая популярная фацеція, встрѣчающаяся часто и въ числѣ народныхъ сказокъ, какъ гость, по недоразумѣнію, или по продѣлкѣ хитрой женщины, убѣгаетъ изъ опасенія, что его вмѣсто угощенія прибьютъ или изуродуютъ.

Въ Чигиринскомъ у. записана слѣд. сказка: Булы соби два брата— одынъ бувъ салдатъ, а другый мужыкъ. Салдатъ бувъ на служби и бувъ стрилецъ добрый; винъ соби купывъ дома охотныцьку рушныцю и почавъ соби ходыть на охоту. Винъ соби убье, ну, тамъ дрохву, чи що, прыносе додому, перериже пополамъ и куми дасть кусочекъ (винъ покумався исъ свого брата жинкою). Те дило було такъ, шо съ тыждень. Ну, и ця все, мужикова жинка, почала казаты: „Ты бъ и соби, чоловиче, ходывъ на охоту". Ну, а винъ йій каже: „зъ чымъ же я буду ходыть на охоту, якъ у мене рушныци нема?" А вона своему чоловикови каже: „Ты бъ узявъ рà-

---

[1]) *Clouston*, Popul. Tales 1 51, *Крымскій*, пер., Введ. Клоустона, 71—72.

[2]) *Аѳанасьевъ*, Рус. н. ск. IV, 545.

лю". А винъ йій каже: „та такъ и вбъешъ"! Винъ пошивъ соби охотныцьку торбу и набравъ у торбу ключча,—це клейтуху. Выйшовъ винъ на степъ, набачывъ табунъ дрохвъ и винъ уставывъ те рало у плече, взявъ пальцемъ за жабку; давывъ, давывъ,—ніякъ не стріляе. Потимъ узявся за жерточку и потаскавъ тымъ раломъ, и перебывъ його штукъ на пъять. А його братъ салдатъ убывъ дрохвъ исъ пять и прыйшовъ и давъ свойій куми цилу дрохву. Вона взяла, у синяхъ сховала пидъ дымаремъ. А це прыходыть йійи чоловикъ, приносыть те рало на плечахъ, иззязавъ вирьовкою; винъ голодный бувъ, росердывся на жинку, и кынувъ кускы того рала пидъ повитку; уходыть у хату, а вона й пытае свого чоловика: „а що, ты вбывъ що небудь, чы ни?" А винъ каже: „а чымъ? я ничого не вбывъ раломъ". А вона каже: „Ты мабудь убывъ, та не прызнаешся.". Потимъ вона дала йому йисты, а сама побигла въ сины, узяла ту охотнецьку торбу и вкынула туды дрохву.—Уносыть вона у хату ту дрохву: „бачъ,—каже,—якый ты, чоловиче! убывъ дрохву, та й не прывнаешся!" А винъ каже: „Я ще дви пидстрелывъ". Ну, а вона давай цю дрохву жарыть, а свого чоловика послала: „Иды,—каже,—чоловиче, прынесешь горилки. Якъ итымешь та кого стринешь, такъ клыкны на обидъ". Винъ пишовъ и зостривъ якогось салдата. „Иды, каже, до мене, пообидаешь". Той москаль увійшовъ у хату, а вона пытае: „чого ты увійшовъ"? А винъ каже: „вашъ чоловикъ клыкавъ мене на обидъ". А вона каже: „Тикай, москалю, бо въ мене такый чоловикъ: кого захвате въ хати, такъ заразъ махае". А москаль того злякався и заразъ утикъ изъ хаты. Прыходыть йійи чоловикъ, теперь вона йому каже: „теперъ полюбуйся съ своимъ москалемъ: винъ укравъ дрохву й побигъ зъ дрохвою". Та каже: „побижы, чоловиче, та однимешь у нього дрохву". Той мужикъ бижить шляхомъ, а москаль оглянувся. Дывытся москаль, що мужыкъ уже нагоняе його, та думае москаль, що той мужыкъ женеться за нымъ для того, що хоче його быты. Винъ уже, цей мужыкъ, прямо нагоняется на москаля, прямо вже биля його; а той москаль уже бижить шляхомъ и почавъ скакать то на ту, то на ту сторону и каже: „та не дожыньошь, та не помахньошь!" Та й утикъ одъ мужика [1]).

Здѣсь соединены два разнородныхъ мотива: 1) обманъ глупаго мужа женой и 2) какъ приглашенный на обѣдъ убѣжалъ по недоразумѣнію. Послѣдній мотивъ встрѣчается часто въ отдѣльномъ видѣ и имѣетъ обширную литературу.

Во французскихъ сказкахъ нѣкто по приглашенію приходитъ къ священнику на обѣдъ. Хитрая кухарка сама съѣла двухъ куропатокъ; она

[1]) *Гринченко*, II, 157--159.

гостю сказала, что священникъ отрѣзываетъ уши у того, кто у него обѣдаетъ, а священнику сказала, что гость захватилъ куропатокъ и убѣжалъ. Тогда священникъ погнался за нимъ и кричалъ: „дайте хоть одну“. Гость, предполагая, что онъ проситъ отрѣзать ухо, отвѣтилъ: „не получите ни одного“. Коскенъ остановился и на этой сказкѣ и указалъ слѣдующіе ея варіанты: почти тожественную въ записи съ Азорскихъ острововъ, весьма сходныя бретонскую, нѣмецкую по книгѣ 1700 г. (вмѣсто куропатокъ—два цыпленка), французскую въ записи 1680 года, какъ гласитъ заглавіе, „D'une servante, qui mangea deux perdrix“, гдѣ выведены два парижскихъ буржуа, нѣмецкій варіантъ въ Schimpf und Ernst Іоганна Паули 1519 г., тожественную у Ганса Сакса, средневѣковое французское фабльо „Le Dit des perdriz“, гдѣ выведены мужикъ, его жена и приглашенный въ гости священникъ, средневѣковое нѣмецкое весьма сходное фабльо на ту же тему, гдѣ выведены рыцарь, пригласившій священника покушать двухъ зайцевъ, и скупая жена рыцаря.

Коскенъ указываетъ далѣе на два индійскихъ варіанта. Въ одномъ варіантѣ глупый мужъ приглашаетъ буддійскаго жреца на обѣдъ. Когда мужъ на время отлучился, его хитрая жена сказала, что онъ пошелъ искать толкачъ, чтобы убить жреца. Послѣдній бѣжитъ. Жена говоритъ, что жрецъ просилъ принести ему толкачъ. Мужъ тогда схватываетъ толкачъ и бѣжитъ за жрецомъ съ крикомъ „остановитесь!“ Въ другомъ весьма близкомъ варіантѣ, жена говоритъ мужу, что бѣжавшій его другъ хотѣлъ унести толкачъ, и мужъ рѣшилъ подарить его и гонится за жрецомъ [1]).

XLIX.

Тилль Эйленшпигель.

Въ исторіи распространенія въ Россіи сказокъ и анекдотовъ о недомысліи, повидимому, немаловажное значеніе имѣютъ сосѣдскія нѣмецкія вліянія. Въ Германіи издавна циркулируетъ огромное количество анекдотовъ и сказокъ о глупцахъ, и на нѣмецкой этнографической почвѣ литературныя растенія этого рода въ XV и XVI ст. получили пышное развитіе. Появился рядъ прозаическихъ и стихотворныхъ сводовъ и обработокъ, возникли драматическія произведенія на темы о недомысліи и все это пользовалось большой популярностью, а многое вскорѣ переходило въ переводахъ и въ сосѣднія страны—Голландію, Францію, Англію, Польшу, и даже въ Россію.

На нѣмецкой почвѣ легко прививались и получили самостоятельную разработку французскія фабліо и италіанскія новеллы о глупцахъ [2]). Въ

---

[1]) *Cosquin*, I 348—350.

[2]) *Von der Hagen*, Gesammtabenteuer, 3 т.

первой половинѣ XIII в. въ Германіи уже выдвинулся оригинальный писатель на темы о недомысліи, Штрикеръ. Онъ воспользовался въ широкой степени современными ему народными анекдотами. Изъ довольно многочисленныхъ сатирическихъ произведеній Штрикера выдается „Der Pfaff Amis", написанный около 1230 г., въ стихахъ [1]). Здѣсь попъ Амисъ является въ роли плута и обманщика, (лѣкаря, рыболова въ колодцѣ, проповѣдника, предсказателя, чудотворца и пр.).

Грубый реализмъ въ формѣ развитія литературы о плутахъ и дурняхъ съ XIV ст. распространяется все болѣе и болѣе и занимаетъ видное мѣсто въ рыцарской поэзіи, даже въ героическихъ поэмахъ каролингскаго цикла, напр., въ „Ожье", „Малагисъ" и нѣкот. др. Въ „Малагисѣ" шутъ Шпитъ имѣетъ явное преимущество передъ самимъ героемъ [2]). Вкусъ къ литературѣ о плутахъ и глупцахъ все болѣе росъ, и высшаго апогея эта литература достигаетъ въ XVI ст. въ произведеніяхъ Ѳомы Мурнера (1475—1536) — „Заклинаніе глупцовъ", „Цехъ шельмъ" и др., и въ сочиненіяхъ Фишарта († 1589)—„Flohhatz" (тяжба блохъ съ женщинами), сатиры на духовенство и пр. Къ началу XVI в. относится знаменитый „Корабль дураковъ" (Narrenschiff) Себастьяна Брандта (†1521) изъ Страсбурга. Книга эта была такъ популярна, что германскіе проповѣдники (напр. Гейлеръ, † 1510 г.) избирали отдѣльныя главы текстами для своихъ проповѣдей [3]).

Въ ряду старинныхъ сборниковъ разсказовъ о плутахъ и дурняхъ выдается по полнотѣ и распространенности Тилль Эйленшпигель. Составителемъ сборника считали Ѳому Мурнера; но затѣмъ мнѣніе это, по разнымъ научнымъ соображеніямъ, оставлено, и вопросы о составителѣ и о времени возникновенія сборника недостаточно выяснены. Несомнѣнно, что сборникъ этотъ уже извѣстенъ былъ въ концѣ XV в. Древнѣйшимъ изданіемъ считается страсбургское 1519 г. Оно переиздано въ X т. „Die deutsche Volksbücher" Зимрока и недавно—въ дешевой „Universal-Bibliothek" Реклама (№№ 1687 и 1688).

„Тилль Эйленшпигель" очень быстро проникъ въ другія страны. Въ 1532 г. вышелъ въ переводѣ на французскій языкъ (Tyl l'Espiegle), въ 1557 появился въ Англіи (Howleglass), въ 1571 въ Даніи, въ концѣ XVI ст. въ Польшѣ (Sowizrzal), а изъ Польши проникъ позднѣе въ Россію. Отдѣльные эпизоды Совѣстдрала циркулировали уже въ Россіи петровскаго времени и рано проникли въ лубочную литературу и въ лубочныя картинки. Русская передѣлка вышла въ Петербургѣ подъ заглавіемъ: „Похожденія хитраго и

---

1) *Univers. Bibliothek* Реклама № 658.

2) *Шерръ*, Ист. вс. литер. 500.

3) Ib. 519.

забавнаго шута Совѣст-Драла большого носа, переводъ съ польскаго съ дополненіемъ изъ другихъ языковъ“ [1]).

Разсказы объ Эйленшпигелѣ не велики, но многочисленны, всѣхъ 101 разсказъ (въ изданіи 1519 г. 92 №№). Эйленшпигель вездѣ выступаетъ плутомъ и обманщикомъ. Глупыми или слишкомъ наивными и довѣрчивыми оказываются жертвы его плутовства, большей частью разные ремесленники—хлѣбопеки, кузнецы, сапожники, у которыхъ нанимается Эйленшпигель. Анекдоты объ Эйленшпигелѣ въ большинствѣ возникли среди ремесленниковъ, и ремесленники были главными ихъ пропагандистами. Отсюда грубость многихъ анекдотовъ объ Эйленшпигелѣ. Не входя въ подробное изложеніе содержанія Тилля Эйленшпигеля, отмѣтимъ лишь наиболѣе интересные пункты этого литературнаго памятника. Исторія Т. Э. изложена въ видѣ біографіи. Уже при крещеніи Э. попадаетъ въ исключительное положеніе: послѣ купели, онъ попадаетъ въ грязную лужу, куда его уронили, и затѣмъ въ котелъ съ теплой водой, гдѣ его обмывали. Э. посѣщаетъ много нѣмецкихъ городовъ, поступаетъ въ услуженіе къ разнымъ ремесленникамъ и вездѣ плутуетъ и обманываетъ, часто совершаетъ весьма грубыя и циничныя продѣлки, напр., испражняется на постели, сажаетъ трактирщицу въ горячую золу. Въ числѣ шутокъ Э. встрѣчается одна близкая къ суду Шемяки (совѣтъ прыгнуть съ высоты на убійцу въ отмщеніе за убійство). Встрѣчаются насмѣшки надъ схоластикой, надъ мнимой ученостью и пр. Въ Эрфуртѣ Э. взялъ осла, чтобы выучить его читать псалтырь. Въ другомъ мѣстѣ онъ убѣдилъ крестьянина, купившаго сукно желтаго цвѣта, что оно голубого цвѣта, и крестьянинъ отдалъ ему сукно. Въ третьемъ мѣстѣ Э. уплачиваетъ долгъ звономъ денегъ. Даже смерть и погребеніе Э. сопровождаются разными смѣшными происшествіями.

Вліяніе Эйленшпигеля обнаруживается въ позднихъ сказкахъ нѣмецкихъ и сербо-лужицкихъ. Здѣсь довольно часто встрѣчается самое имя Тилль Эйленшпигель. Во многихъ анекдотахъ Э. ошибочно примѣняетъ совѣты хозяина или злонамѣренно портитъ хозяйское имущество [2]).

Наиболѣе крупнымъ проявленіемъ вліянія Эйленшпигеля въ малорусской народной словесности представляются прозаическія и стихотворныя сказки о похожденіяхъ „маленькаго хохольчика“. Въ обширной стихотворной приказкѣ о нюхаряхъ, изданной г. Эварницкимъ въ Харьк. Губ. Вѣд., „маленькій хохолчикъ родывсь въ вивторчыкъ“, въ среду поступаетъ въ школу, ѣстъ колбасу, „ходе по за плечыма, лупае очима“. Дьячокъ учитель его прогоняетъ. Хохолчикъ поступаетъ къ сапожнику и разваливаетъ у него

---

1) *Ровинскій*, Рус. нар. карт. IV, 169, 352.

2) *Veckenstedt*, Wend. Sagen 96—100.

печь; затѣмъ хохолчикъ поступаетъ къ ткачу; далѣе сказка сбивается на нисенитницы; малорусскій Эйленшпигель попадаетъ „въ городъ Быльци, тамъ дурніи людци“, затѣмъ становится попомъ и проч.

Въ великорусской народной поэзіи темы Эйленшпигеля отчасти повторяются въ пѣсняхъ о Ѳомѣ и Яремѣ.

Признавая въ Эйленшпигелѣ источникъ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ нѣмецкихъ и славянскихъ анекдотовъ и юмористическихъ разсказовъ, мы вовсе не расположены преувеличивать вліяніе этого памятника. Несомнѣнно, что и самый Эйленшпигель во многихъ пунктахъ построенъ на ходившихъ въ XV в. въ нѣмецкомъ народѣ анекдотахъ, которымъ въ Эйленшпигелѣ придана литературная обработка. Таковы разсказы объ обученіи осла грамотѣ (глава 28), объ избіеніи у сапожника быковъ (глава 41) и нѣкот. др.

L.

Глупый наниматель работника.

(Сказка А. Пушкина о купцѣ Козьмѣ Остолопѣ и работникѣ его Балдѣ).

Основой для сказки о купцѣ Остолопѣ и его работникѣ Балдѣ послужила сказка, записанная Пушкинымъ со словъ Арины Родіоновны. Запись эта сохранилась въ бумагахъ Пушкина и напечатана Анненковымъ въ „Матеріалахъ“ (стр. 432—3): „Купецъ поѣхалъ искать работника. На встрѣчу ему Балда. Соглашается Балда идти къ нему въ работники, платы требуетъ только три щелчка въ лобъ купцу. Купецъ радехонекъ, купчиха говоритъ: „каковъ щелкъ будетъ“, Балда дюжъ и работящъ,—но срокъ уже близокъ, и купецъ начинаетъ безпокоиться. Жена совѣтуетъ отослать Балду въ лѣсъ къ медвѣдю, будто бы за коровой. Балда идетъ и приводитъ медвѣдя въ хлѣвъ. Купецъ посылаетъ Балду съ чертей оброкъ сбирать. Балда беретъ пеньку, смолу, да дубину, сѣлъ у рѣки, ударилъ дубиною въ воду и въ водѣ охнуло: „кого я тамъ зашибъ? стараго иль малаго?“ и вылѣзъ старый: что тебѣ надо?—„Оброкъ сбираю“.—А вотъ внука я къ тебѣ пошлю съ переговорами.—Сидитъ Балда, да веревки плететъ, да смолитъ.—Бѣсенокъ выскочилъ.—Что ты, Балда?—„Да вотъ сбираюсь море морщить, да васъ чертей корчить“. Бѣсенокъ перепугался: „Тотъ заплатитъ купцу оброкъ, кто вотъ эту лошадь обнесетъ три раза вокругъ моря“. Бѣсенокъ не могъ. Балда сѣлъ верхомъ и объѣхалъ. „Ахъ дѣдушка! онъ не только что въ охапку, а то между ногъ обнесъ лошадь вокругъ“. Новая выдумка. Кто прежде обѣжитъ около моря? „Куда тебѣ со мною, бѣсенокъ? Да мой меньшій братъ обгонитъ тебя, не только что я“.—А гдѣ твой меньшій братъ?—У Балды были въ мѣшкѣ два зайца, онъ одного пустилъ. Бѣсенокъ, запыхавшись, бѣжалъ, а Балда гладитъ уже

другого, приговаривая: „усталъ ты, бѣдненькій братецъ, три раза обѣжалъ около моря“. Бѣсенокъ въ отчаяніи. Третій способъ. Дѣдъ даетъ ему трость, кто выше броситъ? Балда ждетъ облака, чтобы зашвырнуть ее туда и проч. Принимаетъ оброкъ въ бездонную шапку. Купецъ, видя Балду, бѣжитъ и проч. Пушкинъ, должно быть, слышалъ сказку въ болѣе обстоятельномъ эпическомъ разсказѣ, но записалъ ее вкратцѣ. Стихотворная обработка сказки 1831 г. сравнительно съ записью отличается значительной величиной. Повсемѣстно внесены эпическія амплификаціи и бытовыя черты. Мотивъ о приводѣ медвѣдя отсутствуетъ; остальные мотивы идутъ въ нѣсколько измѣненномъ порядкѣ; мимоходомъ упоминаются дочь и сынъ купца. Въ стихотворной передачѣ сказка отличается цѣльностью и законченностью.

Сказка о Балдѣ принадлежитъ къ числу наиболѣе распространенныхъ и популярныхъ—чуть ли не на всемъ земномъ шарѣ. Основной, главный ея мотивъ—слуга силачъ. Въ сборникахъ сказокъ мотивъ этотъ встрѣчается подъ разными заголовками: „Попъ и его работникъ“, „Чертъ слуга“, „Желѣзный человѣкъ“ и др. Разсмотримъ вкратцѣ варіанты сказки великорусскіе, бѣлорусскіе и малорусскіе, далѣе славянскіе и наконецъ, иноплеменные.

Русскія сказки этого рода разбросаны по сборникамъ Аѳанасьева, Садовникова (№ 26), Добровольскаго (I, 467), Романова, Манжуры, Кольберга (Покутье), Мошинской и др., причемъ рѣчь идетъ о слугѣ силачѣ; или съ варіаціями о поповомъ наймитѣ, желѣзномъ человѣкѣ, Медвѣдкѣ. Отдѣльный мотивъ вырѣзыванія ремня изъ спины встрѣчается и въ другихъ сказкахъ, напр., въ русской сказкѣ о трехъ братьяхъ царевичахъ въ XV томѣ Сборн. матер. о Кавказѣ стр. 16. Аѳанасьевъ обратилъ вниманіе на эти сказки и привелъ въ I т. (2-го изд.) подъ №№ 87—89 три весьма сходные съ пушкинской сказкой великорусскихъ варіанта—„Батракъ“, „Шабарша“ и „Медвѣдко“, а въ IV т. стр. 147—156 Аѳанасьевъ указалъ на близкіе варіанты въ сборникахъ Эрленвейна, Худякова, Чубинскаго, Рудченка, Малаго, Гримма, Гана, Боричевскаго, Сѣмѣнскаго, Войцицкаго, Караджича, Гальтриха и въ Westlaursher Märchenschatz. Вообще, и въ этомъ частномъ случаѣ, какъ во многихъ другихъ отдѣлахъ фольклора, Аѳанасьеву принадлежитъ заслуга перваго подробнаго и добросовѣстнаго подбора литературныхъ мотивовъ.

Не входя въ подробное сопоставленіе Пушкинской сказки съ сказками Аѳанасьева, что безъ особенной пользы заняло бы лишь много мѣста въ печати, ограничимся замѣчаніемъ, что всѣ мотивы Пушкинской сказки повторяются и въ сказкахъ Аѳанасьева и почти въ такомъ же порядкѣ. Въ сказкахъ есть кое-какія подробности, кое-какіе варіанты, можетъ быть, въ

свое время незамѣченные Пушкинымъ или сознательно имъ выпущенные. Батракъ (третій сынъ мужика) нанимается къ купцу (въ вар. къ попу) за щелчокъ купцу, да щипокъ купчихѣ, и заранѣе показываетъ силу своего щелчка, убивая такимъ образомъ быка, потомъ медвѣдя. Во всѣхъ трехъ сказкахъ силачъ беретъ долгъ съ чертей, запугивая ихъ веревкой: „хочу васъ чертей веревкой таскать, да на солнышкѣ сушить" (въ Батракѣ), „хочу прудъ вычищать, да васъ чертей изъ воды таскать" („Шабарша"), и совсѣмъ какъ у Пушкина говоритъ герой третьей сказки Иванко Медвѣдко: „хочу озеро морщить, да васъ чертей корчить". Во всѣхъ трехъ сказкахъ находится мотивъ о бѣсѣ въ перегонку съ зайцемъ и о бросаніи палицы. Послѣдняя подробность отмѣчена Аѳанасьевымъ въ одной литовской сказкѣ (изъ сб. Сѣмѣнскаго). Въ одной сказкѣ съ острова Рюгена чертъ долженъ свить якорный канатъ изъ морскаго песку, и не можетъ исполнить этой задачи. Въ нѣмецкой сказкѣ герой, тожественный съ Медвѣдкою, носитъ имя Eisenhans (желѣзный человѣкъ), причемъ въ началѣ сказки находится этимологическій комментарій, что герой выкованъ отцомъ кузнецомъ изъ желѣза.

Въ Острожскомъ у. записана слѣд. сказка: У попа бувъ наймитъ и гонывъ таваръ пасты. Выгнавъ таваръ пасты, сивъ, плете соби постолы; выходыть до його чортокъ и пыта:—Що ты, Иване, робышь? Каже: Плету ситкы, щобъ выловыть уси чорты.—Эй, каже, здѣлай мылость, уси ловы, тилькы мене не ловы.—Эге, каже, тебе на самый передъ зловлю.—Эй, каже, здѣлай мылость, не ловы, я тоби що хочъ, те й дамъ.—Шо жъ ты мени дасы?—Я тоби дамъ мишокъ грошей.—Ну, каже, добре, иды, каже, прынесы.—Прыходыть винъ до батька и каже: Тамъ Иванъ сыдыть, плете ситкы, шобъ выловыть уси чорты, то я йому обищався мишокъ грошей, щобъ винъ мене не ловывъ.—Иды, каже, у поле, тамъ стойить озеро, и коло его стойить кобыла, хто тую кобылу обнесе кругомъ озера, той тому дасть мишокъ грошей.—Прыходыть чортокъ до Ивана та й каже: Ходимо, Иване, тамъ коло озера стойить кобыла, хто обнесе кругомъ озера тую кобылу, той тому дасть мишокъ грошей.—Прыйшлы, чортокъ узявъ ту кобылу, обнисъ кругомъ озера й поставывъ коло Ивана. Иванъ и каже: Э, дурню, дурню!—Я, каже, мижъ ногы визьму та й то обнесу.—Сивъ Иванъ на ту кобылу, объихавъ кругомъ озера. Прыходе чортокъ до батька та й каже: Я взявъ кобылу на руки та насылу обнисъ, а винъ узявъ мижъ ногы и духомъ обнисъ йійи кругомъ.—Иды жъ, каже, до його; котрый котрого поборе, то той тому дасть мишокъ грошей. —Той прыйшовъ да й каже: Ну, давай будемо бороться.—Эхъ, каже, дурню, дурню! Шо мени съ тобою бороться: въ мене, каже, батько старый есть и то винъ тебе поборе.—А де винъ, каже, покажи його А зъ нымъ

бувъ ведмидь.—Беры, каже Иванъ, зачынай, бо винъ тебе не визьме, а треба, шобъ ты раздрожнывъ його.—Винъ якъ почавъ дражныть, а ведмедь якъ схватыться, да якъ почне давыть. Да тилькы що його живого пустывъ. Прыходыть до батька, да й расказуе все якъ було.—Ну, каже, иды—который котраго пересміе, то той тому отдасть гроши.—Прыйшовъ до Ивана да й каже: Давай, будемъ зновъ сміяться—хто кого пересміе?—Э,—каже,—дурню, дурню! Въ мене, каже, маты старая и то тебе пересміе. Найшовъ конячу голову, прывивъ до нейи чортыка та й каже:—Сьмійся!—Скилькы не сміявся той, а не мигъ пересміяты, що усе у одній мирси. Прыйшовъ до батька, та й каже: Його маты стара, та й то я не мигъ пересміяты. Нажъ, каже, сюю голову, который выше выкыне?—Прынисъ чортокъ тую голову, та якъ кынувъ, то й не выдно! А дали каже до Ивана: На, каже, кыдай!—Той узявъ у руки и насылу зъ мисця зворухне, та й дывыться на небо, а чортъ його пытае:—Чого ты дывешся на небо? Кыдай уже! Э, я, каже, дывлюся на небо, тамъ на неби мій братъ, я,—каже,—дывлюся, шобъ винъ йийи вловывъ!—Эй, каже, не кыдай, не кыдай, а то мени шкода буде.—На, каже, тоби дудочку! У нього така дудочка була... Той узявъ дудочку, а оддавъ булаву. Прыходыть той зновъ додому, а батько його й пытае:—А що, каже, хто выще выкынувъ? Винъ каже: Я кынувъ, то вона заразъ же упала, а винъ хотивъ кынуть на небо до свого брата, да я не давъ, а оддавъ йому свою дудочку.—На жъ, каже, несы йому мишокъ грошей, да хай тилькы не ловыть насъ.—Той прынисъ тыйи гроши та й каже: На гроши, да тилькы насъ не ловы.—Якъ тебе не ловыть? Колы занесешь до моейи домы, то тоди не буду ловыть. Каже: занесу, тилькы насъ не ловы вже.—Занисъ винъ йому тыйи гроши, поставывъ, а той каже: Теперъ не буду вже тебе ловыть, иды. Той пишовъ, Иванъ на другый день гоныть соби товаръ пасты и бере съ собою дудку тую, шо чортъ давъ. Понайідавсь товаръ и полягавъ оддыхать, а Иванъ якъ загравъ на тую дудку, такъ увесь товаръ почавъ гулять.—Винъ радуется, що товаръ такъ гуляе. Товаръ такъ повыгулявся, якъ наче усю недилю стоявъ голодный, такъ повытрувавсь. Прыгоныть у вечери товаръ додому, пипъ выйшовъ подывыться, чы понайидався товаръ. Каже: де ты його пасъ такъ, шо винъ такый голодный, наче ввесь день не йивъ! Я не знаю, чого винъ такый, я його пасъ увесь день. На другый день зновъ бере товаръ гоныть пасты. Товаръ понайидався и тилькы хотивъ лягать, а винъ зновъ давай грать на ту дудку.—Увечери прыгоныть додому, а товаръ ше хужый, якъ бувъ першаго дня. Пипъ выйшовъ, глянувъ на товаръ и ничого вже не сказавъ йому. На третій день гоныть той пасты, а пипъ каже:—Пиду подывлюсь, шо винъ йому робыть, шо товаръ такый худый. Товаръ пасеться, а пипъ

сивъ у терну. Тилько товаръ понайидався та хотивъ лягать, а той якъ загравъ! А товаръ давай пидскакувать: „гу, гу!" Винъ побачывъ якъ пипъ полизъ у теренъ та вмысне гравъ, гравъ и не перестававъ до самого вечера. У попа обидралась уся одежда и винъ самъ обдерся объ теренъ; увечери прыходыть додому, а його попадья побачыла да й пытае:—Що це, каже, тоби зробылося?—А се, каже, душко, у нашого Ивана е така хороша дудка. Я засивъ його пидглядить, якъ винъ товаръ пасе, а винъ якъ заграе на ту дудку, то увесь товаръ и я гулялы до самого вечера. Отъ, каже, скажы йому, нехай винъ тоби заграе, то ты послухаешь. Увійшовъ Иванъ у хату, а пипъ каже:—А ну, Иване, заграй-ка попади, нехай послухае, якъ ты граешь. А я вылизу на гору, а ты накрыешъ мене соломьяныкомъ, шобъ я не чувъ, якъ ты гратымешь. Вылизъ пипъ на гору, винъ накрывъ тамъ його соломьяныкомъ. Увійшовъ Иванъ у хату; попадя дижу мисыла,—якъ загравъ! А попадя якъ ухватыть дижу, да й пишла зъ дижею гулять, а пипъ якъ схватыться, да вхвате солóмьяныкъ та давай и соби гулять! Гулявъ, гулявъ, а дали якъ полетыть зъ горы разомъ съ соломьяныкомъ.—Нехай, каже, тебе чортъ визьме съ твоею дудкою! Трохи, каже, не вбывся! [1])

Въ сборникѣ малорусскихъ сказокъ Мошинской въ Zbiór wiadomosci подъ №№ 32—33 находятся двѣ сказки о поповомъ наймитѣ. Въ одной сказкѣ поставлено условіемъ, что если хозяинъ разсердится, то работникъ урѣзываетъ у него носъ и получаетъ сто рублей. Наймитъ убиваетъ воловъ, собаку, дѣтей попа; попъ и попадья бѣжали; работникъ спрятался къ нимъ въ мѣшокъ и на пути утопилъ попадью. Тогда попъ разсердился, и былъ за то наказанъ по договору. Другая сказка, весьма сходная, болѣе грубая.

Весьма сходныя сказки галицко-русская про сына медвѣдицы въ IV т. Pokucie Кольберга № 35, болгарскія—почти тожественныя съ великорусскими и малорусскими въ Сборн. Шапкарева № 95 и въ Сборн. за нар. умотв. № VII 179, польскія въ Wisla 1892 II 312, 313, въ сборн. Хелховскаго № 5, Kolberg Lud XIV 116, 220, XV 225 и друг. Сходныя еще сказки великорусская и кабардинская, обѣ записанныя на Кавказѣ, изд. въ Сборн. матер. для изуч. Кавказа XII отд. 2, стр. 123, XV, II 95.

Въ „Contes populaires“ Коскена подъ №№ 14, 36, 46 и 69 собранъ рядъ сходныхъ французскихъ сказокъ этого рода и указано много литературныхъ ихъ варіантовъ у другихъ народовъ. Въ одной лотарингской сказкѣ о сынѣ дьявола говорится, что бездѣтный крестьянинъ за то, что чертъ далъ ему двухъ сыновей, одного изъ нихъ отдалъ черту. Мальчикъ

---

[1]) *Гринченко*, II 71.

выросъ и сталъ силачомъ. Чертъ прогналъ его. Уходя, силачъ захватилъ черные штаны дьявола, изъ каркановъ которыхъ всегда могъ извлекать деньги. Силачъ возвратился къ отцу. Когда онъ ударилъ кнутомъ въ полѣ лошадь, то перебилъ ее пополамъ, и затѣмъ принесъ на себѣ плугъ. На сельской вечеринкѣ одинъ парень надъ нимъ выкинулъ злую шутку, и былъ убитъ за то однимъ ударомъ со всѣми танцорами. Пріѣхало 25 жандармовъ, чтобы его арестовать, но онъ однимъ ударомъ убилъ 24, а 25-ый бѣжалъ. Далѣе силачъ поступаетъ въ солдаты. Онъ принесъ въ лагерь на плечахъ 3 быковъ. потомъ 3 бочки вина, потомъ тяжелую пушку. И хотя онъ долженъ былъ служить 8 лѣтъ, полковникъ, опасаясь его силы, отпустилъ его чрезъ 8 дней. Силачъ нанимается у крестьянина въ работники за куль жита въ концѣ года, какой подниметъ. Силачъ вспахиваетъ самъ поле и приноситъ лошадь въ карманѣ, на другой день разгоняетъ на мельницѣ 12 чертей, перемалываетъ муку и самую мельницу переноситъ къ дому своего хозяина. На третій день силачъ работалъ въ глубокой каменоломнѣ и выбрасывалъ такіе куски, что они проваливали крыши домовъ. Крестьянинъ, чтобы избавиться отъ силача, посылаетъ его къ своему брату, смотрителю тюрьмы, и здѣсь его заковываютъ. Но силачъ рветъ цѣпи и переноситъ тюрьму къ дому своего хозяина, чтобы братья могли чаще видѣться. Крестьянинъ и жена его стали плакать изъ опасенія, что силачъ заберетъ у нихъ весь хлѣбъ; но силачъ великодушно ничего не взялъ и даже помогъ имъ деньгами.

Въ варіантѣ этой сказки молодецъ до 18 лѣтъ не вставалъ съ постели (мотивъ объ Ильѣ Муромцѣ сиднѣ); но затѣмъ отецъ потребовалъ, чтобы онъ работалъ, и Бенедиктъ—такъ звали силача—нанялся въ работники съ условіемъ не будить его ранѣе 5 часовъ утра и давать ему вволю ѣсть. Б. притаскиваетъ изъ лѣсу огромныя деревья, приноситъ лошадей, убиваетъ на мельницѣ дьявола. Хозяинъ отправилъ силача къ сыну офицеру, и когда послѣдній хотѣлъ его застрѣлить, то силачъ пули и ядра принималъ за мухъ—такъ мало они ему вредили. Силача спустили на работу въ глубокій колодецъ, и потомъ бросили на него мельничный жерновъ и тяжелый колоколъ; но Б. благополучно вышелъ изъ колодца, причемъ камень сидѣлъ у него на плечахъ, какъ ожерелье, а колоколъ онъ надѣлъ на голову, какъ шапку. Между тѣмъ срокъ найма кончился, и сколько ни сносили хлѣба, силачъ говорилъ, что мало, поднималъ мизинцемъ или двумя пальцами, но въ концѣ концовъ удовлетворился и возвратился къ родителямъ.

Въ варіантѣ сказки силачъ работникъ прогоняетъ изъ лѣсу волковъ, приноситъ на себѣ сажни дровъ, беретъ съ чертей долгъ и выигрываетъ въ кегли еще сотню екю (№ 69).

Къ этимъ лотарингскимъ сказкамъ по содержанію примыкаетъ также записанная въ Лотарингіи сказка о двухъ братьяхъ Иванѣ и Петрѣ. Договоръ сто екю, если не разсердится, въ противномъ случаѣ порѣзъ жилъ и удаленіе. Первымъ нанялся Петръ, но вскорѣ поссорился съ хозяиномъ и былъ изуродованъ. Братъ его Иванъ нанимается на его мѣсто, продаетъ хозяйскихъ лошадей, повозку, хлѣбъ. Хозяинъ посылаетъ его къ людоѣду лѣшему. Послѣдній устраиваетъ ужинъ. Иванъ прячетъ на животѣ мѣшокъ, потомъ разрѣзаетъ его и какъ-бы вторично пользуется пищей. Лѣшій проситъ разрѣзать у него животъ и погибаетъ. Далѣе Иванъ, когда пасъ свиней, отрѣзалъ у нихъ хвосты, затѣмъ всѣхъ свиней продалъ, а хвосты повтыкалъ въ болото и сказалъ хозяину, что свиньи загрузли. Хозяинъ посылаетъ Ивана пасти его гусей. Иванъ продалъ нѣсколько птицъ. Хозяйка прячется въ кустахъ, чтобы подсмотрѣть, какъ Иванъ далѣе будетъ пасти гусей; но Иванъ взялъ у хозяина ружье и застрѣлилъ хозяйку, подъ предлогомъ, что этотъ звѣрь поѣдалъ гусей. Тогда хозяинъ разсердился и былъ за то такъ же жестоко наказанъ, какъ онъ наказалъ Петра, по договору.

Мотивъ: ребенокъ, по обѣщанію, отданъ черту или колдуну, разобранъ въ I т. „Contes pop.“ Коскена на стр. 164, 139—140. Отецъ долженъ, по соглашенію, отдать сына черту въ греческой и венеціанской сказкахъ, колдуну—въ сказкахъ нѣмецкой (изъ Тироля), италіанской (Абруццы), греческой, албанской, малорусской, португальской (изъ Бразиліи), чешской, верхне-бретонской. Любопытно, что отдача демону ребенка найдена въ одной сказкѣ африканскаго племени свагили на Занзибарѣ и въ нѣсколькихъ индійскихъ сказкахъ (см. Коскена стр. 164).

Мотивъ о штанахъ, въ карманахъ которыхъ всегда можно найти деньги, отмѣченъ Коскеномъ въ немного измѣненномъ видѣ въ сказкахъ чешской и вестфальской.

Мотивъ о сиднѣ найденъ Коскеномъ въ другой французской сказкѣ (Montiers-sur-Saulx) и въ одной бретонской (у Sebillot № 20). Мотивъ этотъ встрѣчался мнѣ еще въ польскихъ сказкахъ (Chelchowski № 17), въ южнославянскомъ эпосѣ (у г. Халанскаго) и др. Можетъ быть и былевой мотивъ объ Ильѣ сиднѣ нужно отнести къ этому разряду сказокъ. На религіозные легендарные варіанты были указанія въ печати.

Съ сказкой о Бенедиктѣ, по свидѣтельству Коскена, сходны многія нѣмецкія сказки, датская, норвежская, лужицкая, румынская, чешская, италіанская, португальская (стр. 110). Въ румынской и лужицкой сказкахъ силачъ становится въ работники за условіе дать хозяину щелчокъ въ концѣ года.

Частный мотивъ о мельницѣ съ чертями отмѣченъ въ румынской, померанской, вестфальской, тирольской, фламандской и ютландской сказкахъ.

Почти во всѣхъ этихъ варіантахъ встрѣчается мотивъ о колодцѣ и о жерновомъ камнѣ въ видѣ ожерелья.

Разсказъ о томъ, какъ силачъ пущенныя въ него пули и ядра принялъ за надоѣдливыхъ мухъ, повторяется въ швейцарской, италіанской и норвежской сказкахъ.

Разсказы о рубкѣ лѣса входятъ иногда, какъ составная часть, въ сказки объ Иванѣ Медвѣдкѣ и др. т. п. (подроб. у Коскена подъ № 1). Въ эти сказки, между прочимъ, входитъ мотивъ, какъ силачъ прогналъ волковъ. Мотивъ этотъ встрѣчается въ одной баскской сказкѣ (изд. въ „Melusine" 1877), въ русскихъ, въ финской (въ Калевалѣ). Въ сказкахъ о Медвѣдкѣ встрѣчается также мотивъ, какъ силачъ набралъ у дьявола денегъ (сказки аварская, фламандская, норвежская, датская).

Въ видѣ отдѣльныхъ сказокъ часто встрѣчается мотивъ—обманъ великана путемъ хитрости или уловки, безъ элемента силы со стороны человѣка. Напр., въ спорѣ, кто кого обгонитъ или объѣстъ, притворное вскрытіе желудка; въ спорѣ, кто броситъ выше молотъ, сначала высоко бросаетъ великанъ, затѣмъ его партнеръ говоритъ, что онъ можетъ забросить молотъ въ море, или онъ высматриваетъ звѣзду, которую собьетъ, или облако, чтобы на него забросить молотъ; такъ какъ великану не хочется потерять молотъ, то онъ уступаетъ. Сказки на эту тему у Коскена собраны подъ №№ 25, 36, (II, 51—52), 69 (II, 269).

Сказки на тему о наймѣ силача работника за безцѣнокъ—у Коскена—нѣсколько французскихъ, испанская, нѣсколько италіанскихъ и нѣмецкихъ, литовская, моравская, румынская, греческая, ирландская, шотландская, датская, норвежская, татарская, авганская и нѣсколько индійскихъ. Всѣ эти сказки очень сходны и вмѣстѣ съ Пушкинскимъ Балдой составляютъ одну литературную семью.

Почти во всѣхъ варіантахъ условіемъ для обѣихъ сторонъ служитъ воздержаніе отъ гнѣва, изрѣдка (сказки шотландская и греческая) воздержаніе отъ сожалѣнія о потерянныхъ вещахъ; въ одной сказкѣ (баскской) слуга долженъ исполнять всѣ приказанія хозяина.

Наказаніемъ служитъ въ большинствѣ варіантовъ вырѣзываніе полосы кожи отъ головы до пятъ, иногда потеря носа, уха или обоихъ ушей.

Въ большинствѣ варіантовъ рѣчь идетъ о двухъ братьяхъ, поступающихъ послѣдовательно въ работники къ одному хозяину, иногда о трехъ братьяхъ, изъ которыхъ два старшихъ страдаютъ, иногда безъ родственной амплификаціи.

Мотивъ о воткнутыхъ въ болото хвостахъ встрѣчается и въ другихъ сказкахъ,—объ искусныхъ ворахъ. Мотивъ этотъ весьма распространенъ. Коскенъ нашелъ его (II, стр. 50) въ сказкахъ французскихъ, баскскихъ,

корсиканской, нѣмецкой, норвежской, италіанскихъ, португальской, исландской, русской.

Мотивъ объ убійствѣ жены встрѣчается въ сказкахъ многихъ европейскихъ народовъ, иногда въ такой формѣ, что жена, зная, что работникъ нанятъ до весны, до первой кукушки, чтобы избавиться отъ него, влѣзаетъ на дерево и кукуетъ. Работникъ въ нее стрѣляетъ (Коскенъ II, 52).

LI.

Услужливый глупецъ.

Мотивъ объ услужливомъ глупцѣ—человѣкѣ или медвѣдѣ—представляетъ древнюю индійскую басню, проникшую издавна въ Европу и здѣсь разбившуюся на множество варіантовъ, въ обработкѣ литературной и устной народной, въ формѣ сказокъ, анекдотовъ, басенъ, моральныхъ сентенцій.

Недавно записана слѣдующая малорусская сказка: Бувъ соби чоловикъ и жинка. Воны жили бидно, було у йихъ трое дитей маленькихъ. Чоловикъ державъ шынокъ. Отъ одынъ разъ пойихавъ винъ по горилку одн ымъ бочонкомъ, взявъ съ собою макогинъ, другый оставывъ дома жинци. Йиде винъ до дому уже зъ горилкою, якъ де ны взялась птычка и сила на бочонкови. Винъ йии прогнавъ, а вона и другый разъ сила. Тоди винъ россердывся и кынувъ на неи макогономъ. Птычка полетила, бо винъ йии не попавъ, а боченокъ розбывъ зовсимъ, такъ шо вся горилка вытекла. Тоди другый разъ птычка сила у конякы на голови, винъ якъ попудыть макогономъ на неи, но не попавъ по ний, а въ коняку по голови та й убывъ коняку. Тоди винъ пишовъ додому пишкы и росказуе жинци, шо зъ нымъ случилось, а жинка ему стала росказувать про свою биду: „отъ-се якъ разъ и тоби бида, а мени ще гирше: незабаромъ якъ ты мавъ прыйихать, де-сь взялась птычка, сила на викни, а потимъ и въ хату влетила и сила дытыни на голову, я здуру кынула макогономъ на неи и убыла дытыну; вона сила другый дытыни на голову, я погорячылась и те убыла макогономъ; такъ и трете; тоди птычка полетила соби“. Чоловикъ и каже жинци: „якъ прылитыть вона ще, ты йии піймай, зарижъ, жжарь и я ззимъ“. Тильки що винъ це сказавъ, якъ вона й прылитае, а жинка піймала йии, заризала, жжарыла и чоловикъ изъивъ йи якъ разъ въ недилю передъ службою; найився та й пишовъ до церкви; та такъ молыццяѧ, бье поклоны; якъ нагнеццяѧ, ударыть поклонъ, а зъ нимъ и бида: шо-сь въ середыни отрывается; люде сміюцця кругомъ и поотходылы одъ его. Прыйшовъ винъ до дому та й росказуе жинци, якъ всё було въ церкви и каже йии тоди: „я

стану ракомъ, а ты бый мене въ задъ, може якъ ныбудь йи выбьешь видтиль". Взяла жинка той самый макогонъ, была его, была, не може ны якъ вы-быть. Тоди чоловикъ каже: „бый ще спереду, по голови"? Вона якъ трахне, чоловикъ и вывырнувся и очи пидъ лобъ пустывъ. Вона думала, що винъ встане, може, колы бачыть—лежыть та й годи. Тоди вона уже догадалась, шо вбыла чоловика, поховала ёго та й стала жить ще въ гиршій биди, якъ впередъ [1]).

Въ болгарской сказкѣ три стеблевца братья стерегутъ въ полѣ посѣянную соль. Въ это время на лобъ одного брата сѣлъ „будаче" (комаръ). Братья подумали, что это насѣкомое уничтожаетъ соль, выстрѣлили въ него изъ ружья и убили брата. Убитый упалъ съ открытымъ ртомъ; братъ убійца сказалъ ему: „чего смѣешься, вѣдь это я убилъ будаче". Въ варіантѣ стеблевцы взобрались на дерево во время тумана, приняли его за волны и бросились внизъ, при чемъ выскалившихъ зубы принимали за смѣющихся [2]).

Къ малорусской сказкѣ весьма близко подходитъ слѣд. исландская сказка: баба съѣла цѣлую блюдечку масла и сказала мужу, что то муха съѣла. Мужъ сталъ гоняться за мухой съ большимъ молотомъ и хотѣлъ разбить ее въ дребезги. Онъ поразбивалъ посуду и мебель, но мухи не убилъ. Въ усталости онъ присѣлъ, и муха въ это время сѣла ему на носъ. Тогда мужъ крикнулъ женѣ, чтобы она поспѣшила убить ее, пока она на носу. Жена ударила такъ усердно молотомъ, что убила мужа, а муха все таки улетѣла [3]).

Среди многочисленныхъ анекдотовъ о сицилійскомъ дуракѣ Джуфѣ извѣстенъ такой: Джуфа пожаловался судьѣ на безпокоющихъ его мухъ. Судья предоставилъ ему право убивать ихъ, гдѣ бы онъ ихъ ни увидѣлъ. Случилось, что какъ разъ въ это время муха сѣла судьѣ на носъ, и Джуфа такъ трахнулъ ее кулакомъ, что разбилъ носъ судьи [4]).

Въ одной джатакѣ дѣвушка невольница толкла рисъ, когда пришла къ ней мать. Мухи летали и кусали мать, и она просила дочь отогнать ихъ. Дочка въ усердіи ударила толкачомъ по мухамъ, сидѣвшимъ на матери, и убила ее

Въ другой джатакѣ (исторіи о рожденіи Будды) разсказано слѣдующее: Одинъ человѣкъ рубилъ упавшее дерево. Москитъ сѣлъ на его лысину и сильно укусилъ. Мужикъ попросилъ сына убить москита. Сынъ постарался такъ трахнуть по немъ топоромъ, что повалилъ отца [5]).

---

1) *Ястребовъ*, Матер. по этногр. 164.

2) *Шапкаревъ*, VIII, № 17—18.

3) *Clouston*, I, 56.

4) *Clouston*, 164—165.

5) *Clouston*, The book of noodles, 165.

Въ Панчатантрѣ князь приказалъ своей комнатной обезьянѣ оберегать его, пока онъ будетъ спать въ саду въ бесѣдкѣ. Пчела все садилась на лицо спящаго князя. Обезьяна долгое время старалась отогнать ее, но все напрасно; тогда она въ гнѣвѣ схватила его мечъ, ударила имъ по пчелѣ и однимъ ударомъ разрубила голову князя.

Эта сказка повторяется въ персидскомъ переводѣ басенъ Бидпая Энвари—Согейли.

Эти басни являются прародителями европейскихъ басенъ и анекдотовъ объ услужливомъ медвѣдѣ и знаменитой литературной обработки—басни Крылова „Пустынникъ и медвѣдь“.

LII.

Глупый воръ.

Наряду съ сказками объ умномъ или правильнѣе хитромъ ворѣ, составляющими громадный циклъ, съ знаменитой геродотовской сказкой о похищеніи сокровища царя Рампсинита во главѣ—наряду съ этими сказками, выходящими по темѣ за предѣлы настоящаго изслѣдованія, встрѣчаются сказки и анекдоты о глупомъ и добродушномъ ворѣ. Анекдоты этого рода малочисленны. Таковы слѣд. анекдоты индійскихъ сингалезовъ на тему объ участіи дурня въ шайкѣ воровъ: Воры ночью пробили въ домѣ отверстіе въ стѣнѣ и послали дурня похитить самую тяжелую вещь. Воръ хотѣлъ унести жерновный камень, но, не будучи въ состояніи сдвинуть его, разбудил хозяина, чтобы онъ помогъ. Хозяинъ поднялъ крикъ; но воры, въ томъ числѣ и дурень, убѣжали.

Въ другой разъ глупый воръ видитъ въ домѣ старушку, задремавшую съ открытымъ ртомъ, во время приготовленія гороха. Дурень поджарилъ горохъ, который оказался вкуснымъ; кушанья было много; чтобы не обидѣть старухи и не разбудить ее, онъ осторожно положилъ ей въ открытый ротъ ложку гороха. Старуха подняла шумъ, и воры бѣжали [1]).

LIII.

Глупецъ разыскивающій медъ у осъ или шмелей.

Въ малорусской сказкѣ къ пасѣчнику пришелъ цыганъ и сталъ выдавать себя за знахаря. Мужикъ поручилъ цыгану заговорить на дубу шмелей и принялъ лѣстницу. Напрасно кричалъ ему цыганъ, забывшій названіе лѣстницы: „кумъ! кумъ! подай то суковатое“! Шмели его кусали, и онъ упалъ съ дерева [2]).

1) *Clouston*, 141—143.

2) *Nowosielski*, Lud ukr. II, 213.

Въ близкомъ малор. варіантѣ цыганъ надоѣлъ пасѣчнику частымъ выпрашиваніемъ для его крестника меда. Пасѣчникъ послалъ его самого достать медъ, но направилъ къ гнѣзду шмелей. Цыганъ былъ покусанъ и повѣрилъ мужику, что „медъ солодкій, да дерты его гирко“ [1]).

LIV.

Бобъ (или дубъ) до неба.

Сказка о бобахъ до неба весьма распространена. Коскенъ указалъ много варіантовъ въ 2 т. „Contes popul. de Lorraine“ стр. 168—174; но въ большинствѣ варіантовъ нѣтъ глупостей, а лишь сочетаніе нѣсколькихъ чудесныхъ предметовъ, весьма обычныхъ въ сказочной литературѣ—скатерти самобранки и кія самобоя. Матеріалы, данные Коскеномъ, почти совсѣмъ выходятъ изъ предѣловъ мотивовъ о глупости. Есть однако варіанты, не отмѣченные Коскеномъ, которые указываютъ на то обстоятельство, что и сказки на мотивъ о бобахъ до неба втянуты мѣстами въ громадный циклъ сказокъ о дурняхъ или сливаются съ нисенитницами.

Г. Франко въ примѣчаніи къ переводу предисловія Клоустона, сдѣланному г. Крымскимъ, указываетъ на слѣд. сказку: Дѣдъ и баба посадили на печи бобъ, который выросъ до неба, и по немъ старики слѣзли на небо. Богъ спрашиваетъ, что имъ дать: божью милость или миску крупъ? Дѣдъ хотѣлъ попросить милости, но баба толкнула его подъ бокъ, чтобъ онъ замолчалъ и попросила миску крупъ. Спустившись на землю баба начала варить одну крупину въ двухъ горшкахъ, а когда вылила варево въ миску, то крупина упала на столъ и ее съѣла муха. Баба позвала тогда дѣда, чтобъ онъ убилъ муху, и дѣдъ гонялся за мухой съ макогономъ и поразбивалъ всю посуду, и когда муха сѣла на лобъ бабы, то онъ такъ ударилъ, что баба тутъ же вытянула ноги

Въ этотъ варіантъ къ мотиву о бобахъ приросъ мотивъ объ услужливомъ глупцѣ, разобранный уже нами выше. Чаще въ малорусскихъ сказкахъ обнаруживается сочетаніе мотива о бобахъ съ мотивомъ промѣна предметовъ съ пониженіемъ, о чемъ будетъ рѣчь въ ближайшей главѣ. Такъ въ одной сказкѣ курица приноситъ горошинку; дѣдъ, по настоянію своей жены, посадилъ ее подъ поломъ въ хатѣ. Горошинка начала рости, и дѣдъ, по настоянію жены, снимаетъ послѣдовательно полъ, потолокъ, крышу, даже тучу. Горошинка поднялась къ небу. Дѣдъ поднимается къ Богу, получаетъ въ даръ золотые лапти. Затѣмъ развивается сказка на мотивъ о промѣнѣ.

---

[1]) *Чубинскій*, II, 584.

Одна малорусская сказка „про пивныка“ тожественна съ предыдущей и кончается на золотыхъ лаптяхъ, безъ промѣна [1]). Это простѣйшая, самостоятельная форма мотива.

Въ нѣкоторыхъ варіантахъ сказка о бобахъ перешла къ нисенитницу. Въ одной краткой нисенитницѣ на эту тему на небо лѣзутъ дѣдъ, баба, внучка, собака и котъ и потомъ всѣ одинъ за другимъ срываются, и котъ ихъ уноситъ [2]).

По величинѣ и своеобразному расположенію мотивовъ выдается другая нисенитница. Въ началѣ находится мотивъ о промѣнѣ, затѣмъ изъ желудя поднялся дубъ до неба и баба съ дѣдомъ слѣзли на небо. Здѣсь они находятъ яблоню съ золотыми и серебряными яблочками, печь изъ сыру, трубу изъ масла; баба вездѣ пробуетъ, и ап. Петръ прогоняетъ ихъ съ неба. Баба упала, голова отскочила и позолотилась. Голова оказывается говорящей; далѣе идутъ разныя ея авантюры [3]).

Сказки о томъ, какъ дѣдъ и баба взобрались на небо встрѣчаются у великоруссовъ, бѣлоруссовъ, поляковъ въ сходныхъ варіантахъ.

Любопытно, напр., сходство великорусской сказки, записанной на Кавказѣ [4]), и польской изъ окрестностей Прасныша [5]). Въ обѣихъ сказкахъ, преимущественно въ русской, замѣтно вліяніе легенды о грѣшной матери. Обѣ сказки, въ особенности польская, сбиваются на нисенитницу. Въ русской сказкѣ дѣдъ взобрался на небо, а баба по нетерпѣнію и болтливости не имѣла успѣха и сорвалась. Дѣдъ говоритъ о покойныхъ родителяхъ, которыхъ онъ видѣлъ на небѣ и свою удачу объясняетъ тѣмъ, что давалъ милостыню. Въ польской сказкѣ слуга разсказываетъ пану о томъ, какъ онъ по бобу взобрался на небо, далѣе нанизываетъ разныя нелѣпости; панъ все говоритъ: „правда“; но когда слуга сказалъ, что онъ видѣлъ, какъ дѣдъ панскій пасъ свиней, то панъ сказалъ: „неправда“, и долженъ былъ за то заплатить 100 рублей [6]).

Весьма цѣнный по древности варіантъ сказки о бобахъ до неба находится въ индійскомъ сборникѣ повѣстей XI в. Katha Sarit Sagara, составленномъ по болѣе древнему (VI в.) сборнику Vrihat Katha: Въ одномъ монастырѣ было много глупцовъ, но въ особенности отличался глупостью начальникъ монастыря. Нѣсколько разъ онъ замѣчалъ, что берегъ ближайшаго озера былъ сильно взрытъ. Онъ выждалъ и увидѣлъ, какъ съ неба

---

1) *Ястребовъ*, 176—177.
2) *Чубинскій*, II, 97.
3) *Драгомановъ*, Малор. нар. пред. 366.
4) *Манжура*, 88.
5) *Сборн.* матер. для изуч. Кавк. XV, 135.
6) *Chelchowski* I, № 6.

спустился быкъ и какъ онъ взрылъ берегъ своими рогами. Онъ ухватился за хвостъ быка и былъ немедленно поднятъ быкомъ въ рай, на гору Кайласу въ Гималаяхъ, гдѣ жилъ самъ Сива. Здѣсь глупецъ прожилъ нѣкоторое время среди наслажденій, вкушая разныя сладости. Пожелавъ побывать на землѣ, онъ на томъ же быкѣ спустился внизъ. Товарищи радостно его встрѣтили, и когда онъ разсказалъ имъ, какъ пріятно проводилъ онъ время на небѣ, стали просить взять ихъ туда. Глупецъ былъ человѣкъ добрый. Онъ согласился. Пошли они всѣ къ пруду, выждали появленія быка, и бывшій на небѣ схватилъ его за хвостъ, одинъ изъ его друзей прицѣпился къ его ногамъ, за ноги послѣдняго взялся третій и т. д. длинною цѣпью. Быкъ быстро понесъ ихъ на небо. Невдалекѣ отъ рая одинъ изъ глупцовъ спросилъ передоваго, какъ велики были конфекты, которыя онъ ѣлъ въ раю; передній хотѣлъ руками показать, какъ онѣ были велики, выпустилъ хвостъ, и вся низка глупцовъ грохнулась о землю и погибла [1]).

Въ индійской сказкѣ глупецъ, ложно понявъ указанный ему путь, взобрался на дерево на берегу рѣки и не могъ спуститься. Вскорѣ онъ замѣтилъ подъ собой слона и на его спинѣ погонщика. Онъ попросилъ погонщика снять его съ дерева, и когда послѣдній взялъ его за ноги, слонъ прошелъ далѣе, и погонщикъ повисъ. „Пойте, чтобы насъ замѣтили и сняли", сказалъ глупецъ, и погонщикъ сталъ пѣть и пѣлъ такъ хорошо, что глупецъ захлопалъ въ знакъ одобренія, сорвался съ дерева и вмѣстѣ съ погонщикомъ утонулъ. Въ одной буддійской легендѣ (джатакѣ) два гуся, перелетая въ другую страну, взяли съ собой своего пріятеля—черепаху; они держали палку по концамъ въ клювѣ, а за середину палки держалась черепаха. Когда гуси летѣли надъ Бенаресомъ, то народъ закричалъ отъ удивленія, и черепаха, желая выбранить толпу, открыла ротъ, сорвалась и разбилась въ дребезги. Эта басня встрѣчается въ Аваданахъ, въ басняхъ Бидпая, въ Katha Sarit Sagara [2]).

LV.

Промѣнъ съ пониженіемъ предметовъ

(и промѣнъ съ повышеніемъ предметовъ).

Недавно записана слѣдующая малорусская сказка: Бувъ соби дидъ и баба, и малы воны соби пивныка и курочку. Пивныкъ и курочка пишлы на смитныкъ громадыцця, выгрибли горошинку, прынеслы до дому, а баба навьязла до дида: посады горошинку пидъ поломъ! Та горошинка выросла

---

1) *Clouston*, 49—51.

2) *Clouston*, The book of noodles 51—53.

ажъ пидъ пилъ, а баба дидови и каже: приймай, диду, пилъ! Прийнявъ дидъ пилъ. Горошинка росте та й росте, выросла ажъ пидъ стелю, а баба опьять каже дидови: приймай, диду, стелю! Прийнявъ дидъ стелю. Горошинка росте та й росте, ажь пидъ крышу. Баба дидови и каже: приймай, диду, крышу! Прийнявъ дидъ крышу. Горошинка росте та й росте, ажъ пидъ хмару выросла. Баба й каже дидови: приймай, диду, и хмару! Прийнявъ дидъ й хмару. Горошинка росте та й росте, выросла ажъ до неба. Баба дидови и каже: лизь, диду, до Бога, а що тоби Богъ дасть, ны давай ны кому, якъ итымешъ назадъ! Дидъ полизъ до Бога, Богъ ему й давъ золоти постолы а срибны волока. Иде дидъ назадъ, пасуть пастухи волы. „Здоровъ, диду"!—Здравствуйте, хлопци!—„Де ты, диду, бувъ"?—У Бога!—„Шо тоби Богъ давъ"?—Золоты постолы а срибны волоки!—„Проминяй намъ, диду, на вола"! Дидъ проминявъ, взявъ дидъ вола и пишовъ зъ воломъ. Иде та иде, пасуть пастухи коровы. „Здоровъ, диду"!—Здравствуйте, хлопци!—„Де ты, диду, бувъ"?—У Бога!—„Шо тоби Богъ давъ"?—Золоты постолы а срибни волокы.—„Де жъ ти постолы"?—Проминявъ на вола.—„Де жъ той вилъ"?—А ось!—„Проминяй намъ, диду, за корову"!—Давайте, хлопци!—Взявъ дидъ корову, пишовъ. Иде та иде, пасуть пастухы телята. „Здоровъ, диду"!—Здравствуйте, хлопци!—„Де ты, диду, бувъ"?—У Бога!—„Шо тоби Богъ давъ"?—Золоти постолы а срибны волоки! „Де жъ ти постолы"?—Проминявъ на вола!—„Де жъ той вилъ"?—Проминявъ на корову!—„Де жъ та корова"?—А ось!—„Проминяй намъ, диду, на теля"!—Взявъ дидъ теля, пишовъ. Иде та иде, пасуть пастухи свыни. „Здоровъ, диду"!—Здравствуйте, хлопци!—„Де ты, диду, бувъ"?—У Бога!—„Шо тоби Богъ давъ"?—Золоти постолы а срибны волокы!—„Де жъ ти постолы"?—Проминявъ на вола!—„Де жъ той вилъ"?—Проминявъ на корову!—„Де жъ та корова?"—Проминявъ на теля!—„Де жъ то теля?"—А ось.—„Проминяй намъ за свыню"! Взявъ дидъ свыню, пишовъ. Иде та иде, пасуть пастухи гуси. „Здоровъ, диду"!—Здравствуйте, хлопци!—„Де ты, диду, бувъ"?—У Бога!—„Шо тоби Богъ давъ"?—Золоти постолы а серебряны волокы!—„Де жъ ти постолы"?—Проминявъ на вола!—„Де жъ той вилъ"?—Проминявъ на корову?—„Де жъ та корова"?—Проминявъ на теля!—„Де жъ те теля"?—Проминявъ на свыню!—„Де жъ та свыня"?—А ось!—„Проминяй намъ за гуся"! Взявъ дидъ гуся, пишовъ. Иде та иде, пасуть пастухы качкы. „Здоровъ, диду"!—Здравствуйте, хлопци!—„Де ты, диду, бувъ?"—У Бога!—„Шо тоби Богъ давъ"?—Золоти постолы а срибны волокы!—„Де жъ ти постолы"?—Проминявъ на вола!—„Де жъ той вилъ"?—Проминявъ на корову!—„Де жъ та корова"?—Проминявъ на теля.—„Де жъ те теля"!—Проминявъ на свыню!—„Де жъ та свыня"?—Проминявъ на гуся!—„Де жъ той гусь"? А ось!—„Проминяй намъ, диду, на качку"! Взявъ дидъ качку, пишовъ ажъ

до бабы. „Здорова, бабо“!—Ну, шо жъ тоби, диду, Богъ давъ?—„Золоты постолы а срибны волокы“!—Де жъ ти постолы?—„Проминявъ на вола“!—Де жъ той вилъ?—„Проминявъ на корову“!—Де жъ та корова?—„Проминявъ на теля“!—Де жъ те теля?—„Проминявъ на свыню“!—Де жъ та свыня?—„Проминявъ на гуся“!—Де жъ той гусь?—„Проминявъ на качку“!—Де жъ та качка?—„А ось, я тоби прынисъ“! И стали воны хозяйнувать. Булы у ихъ пивныкъ и курочка и третя качечка. Звалысь воны хозяинами на всю слободу. Отъ вамъ казка, а мини бублыкивъ вьязка [1]).

Въ малор. сказкѣ „Калыточка“ (Екатеринослав. губ.): Бувъ соби чоловикъ та жинка и була у ныхъ пара воливъ, а у йихъ сусиды—визъ. Отто якъ прыйде недиля, або празныкъ, то хто небудь бере воливъ и воза тай йиде чы до церквы, чы у гости, а на другу недилю—другый, та такъ и подилялысь. Отъ жинка того чоловика, чыйи волы, разъ ёму и каже: „поведы волы та продай, справымо соби коня та повозку, будемо самы що недили до церквы та до родычивъ йиздыты. Та ще, бачъ, сусида свого воза не годуе, а намъ воливъ треба годуваты“. Чоловикъ налыгавъ волы и повивъ. Веде дорогою, ажъ ось доганя ёго чоловикъ конемъ. „Доровъ“!—Доровъ. „А куды це волы ведешь“?—Продавать. „Проминяй мени на коня“.—Давай. (Далѣе онъ промѣниваетъ коня на корову, корову на свинью, на овцу, на гуску, на пивня, и наконецъ послѣдняго на колыточку, да и ту отдаетъ за перевозъ).—А тамъ та стояла валка чумакивъ. Якъ роспыталы жъ воны ёго, за шо винъ выминявъ калыточку, сміютьця зъ ёго. „Шо тоби, кажуть, жинка за це зробе“.—Ажъ ничого! Скаже: слава Богу, шо хочъ самъ жывый вернувся. Тай побылысь объ закладъ: колы скаже жинка такъ, то чумакы оддадуть ёму дванадцять мажъ хуры и зъ батыжками. Заразъ обибралы одного зъ себе и послалы до ёго бабы. Отъ той прыходе. „Доровы“.—Доровъ! „А ты не чула про свого старого“?—Ни не чула. „Винъ волы на коня проминявъ“.—Отъ добре, возыкъ недорого стоить, якъ небудь зберемось. „Тай коня проминявъ на корову“. Це ще й краще, буде у насъ молоко. „Тай корову проминявъ на свыню“.—И то добре, будутъ у насъ поросятка, а то, чы заговляты, чы розгивлятьця, все треба купыть. „Тай свыню проминявъ на вивцю“.—И се добре, будутъ ягнятка та вовночка, буде шо мени у Спасивку прясты. „Тай вивцю проминявъ на гуску“.—И се добре, будутъ у насъ крашаночки та пирья. „Тай гуску проминявъ на пивня“.—О, це ще краще, пивень раненько спиватыме, та насъ до роботы будытеме. „Тай пивня проминявъ на калыточку“.—И це добре, будемо, де хто заробе, чы винъ, чы я, чы диты, въ калыточку складаты. „Та винъ и калыточку за перевизъ оддавъ“.—Ну шо жъ, слава

[1]) *Ястребовъ*, Матер. по этногр., 176.

Богу, шо хочъ самъ живый вернувсь.—Такъ симъ чумакамъ ничого робыты, оддалы ёму дванадцятеро мажъ [1]).

Въ другомъ тожественномъ варіантѣ промѣнъ начинается съ воза и кончается кошелькомъ. Чумаки проигрываютъ пару воловъ и возъ съ солью [2]).

Въ весьма близкой малорусской сказкѣ, записанной М. А. Максимовичемъ, старикъ взбирается на небо и получаетъ отъ Бога „золоти постольци, серебряны волока", которыя промѣниваетъ постепенно на коня, вола, барана, кабана, шило, иголку. „Тоби, старенька, говоритъ старикъ женѣ, хотивъ гостынця принесты, та ставъ лизты черезъ тынъ, та и загубывъ". Старуха рада возвращенію мужа, обнялись, поцѣловались и пошли въ хату [3]).

Въ краткомъ разсказѣ „Коваль": Бувъ собы коваль такій мудрый, що взявся лемиши чоловикови екуваты, та богато зализа зопсувавъ, перепалывъ, бо не вмивъ робыты. Тоди й каже чоловикови: Ни, чоловиче, скую тоби сокиру.—Та чы сокиру, то й сокиру. Куе, куе коваль, не йде дило.—Ни, каже, не сокиру, а серпъ. Кувавъ, кувавъ серпъ, а дали каже: Хай уже швайку! Покувавъ ще.—Краще я тоби „пшикъ" зроблю. Та роспикъ шматочекъ того зализця, шо одъ лемишивъ зоставсь та въ воду, а воно—пшъ!—Отъ тоби, каже, й пшыкъ! Въ основѣ этого разсказа лежитъ тотъ же мотивъ о мѣнахъ съ пониженіемъ предметовъ, но обработанъ онъ совсѣмъ иначе [4]).

Существуетъ много великорусскихъ сказокъ о мѣнѣ съ пониженіемъ предметовъ. Въ одной сказкѣ мужъ мѣняетъ золотую тарелку, полученную отъ царя, на коня, коня на корову, далѣе на свинью, овцу, гуся, утку, палку, и жена бьетъ его этой палкой. Въ другихъ варіантахъ, болѣе многочисленныхъ, жена рада возвращенію мужа, все одобряетъ и цѣлуетъ его, такъ что мужъ, державшій съ богатымъ мужикомъ пари о томъ, что жена его похвалитъ, получаетъ отъ него 12 фуръ соли или т. п. Въ варіантахъ мужъ мѣняетъ воловъ на телѣгу, козу, кошелекъ, который отдаетъ за перевозъ черезъ рѣку [5]).

Въ русской сказкѣ, отмѣченной въ „Зоолог. Миѳологіи" Губернатиса, мужъ мѣняетъ золото на лошадь, потомъ идутъ корова, овца, поросенокъ, гусь, утка и палка. Жена потомъ бьетъ его этой палкой [6]).

---

1) *Манжура*, 87.
2) *Moszynska*, въ IX т. Zbiór wiadom. № 27.
3) *Аѳанасьевъ*, Рус. нар. сказ. III, 390.
4) *А. Пельтцеръ*, Происх. анекд. 11.
5) *Аѳанасьевъ*, III, 386.
6) *Cosquin*, I, 157.

Сходныя сказки встрѣчаются и въ бѣлорусскихъ сборникахъ, напр., въ сб. Романова.

Въ польской сказкѣ глупый сынъ ведетъ на базаръ корову и по пути промѣниваетъ ее на теленка, козу, овцу, гуся. Мать одобряетъ всѣ эти промѣны [1]).

Сходная сказка записана въ Англіи. Здѣсь мужъ мѣняетъ корову на волынку, волынку на пару перчатокъ, перчатки на палку. Когда птица на деревѣ посмѣялась надъ нимъ, онъ бросилъ въ нее палку, которая и повисла на вѣтвяхъ. Дома его прибила жена [2]).

Во французской сказкѣ изъ Лотарингіи жена, указывая на богатаго сосѣда, разжившагося отъ промѣна предметовъ, совѣтуетъ мужу заняться тѣмъ же. Мужъ мѣняетъ корову на козла, козла на гуся, гуся на пѣтуха, пѣтуха на навозъ. Сосѣдъ смѣется надъ нимъ и говоритъ, что жена будетъ бранить его за такой промѣнъ. Мужъ утверждаетъ противное и держитъ пари на 200 франковъ. Добрая жена похвалила всѣ промѣны, въ каждой нашла что-либо выгодное, и мужъ выигралъ пари.

Почти тожественныя сказки записаны въ Тиролѣ и въ Норвегіи. Въ корсиканской сказкѣ нѣтъ ни сосѣда, ни пари. Здѣсь мельникъ мѣняетъ мельницу, корову, лошадь, козу, спускается на мѣшокъ съ картофелемъ, потомъ, находя его тяжелымъ, бросаетъ его въ воду, и жена остается довольна.

Въ нѣмецкой сказкѣ въ сборникѣ Гримма Иванъ получилъ отъ пана за семилѣтнюю службу кусокъ золота величиной съ голову и промѣнялъ его на лошадь, а когда лошадь сбросила его, то промѣнялъ лошадь на корову, корову на поросенка, поросенка на гуся, гуся на точильный камень, который уронилъ въ колодецъ, когда пилъ изъ него воду, и довольный пошелъ домой [3]).

Изрѣдка встрѣчаются сказки о промѣнѣ съ повышеніемъ предметовъ, напр., лаптей на курицу, курицу на утку и т. д. [4]), но такъ какъ въ нихъ глупцы отсутствуютъ, то сказки этого рода выходятъ за предѣлы настоящаго изслѣдованія, и мы упоминаемъ о нихъ, какъ о любопытной логической параллели.

LVI.

Мышиный герой.

Сказки о мышиномъ героѣ могутъ быть отнесены къ разряду сказокъ о глупцахъ лишь по первому вступительному мотиву: мужикъ или ремесленникъ, въ большинствѣ варіантовъ, портной или ткачъ, убивъ однимъ ударомъ

---

1) *Ciszewski*, 208.
2) *Cosquin*, I, 157
3) *Cosquin*, I 155—157.
4) *Cosquin*, 71. *Верещагинъ*, 131 и др.

12 мухъ (или комаровъ), вообразилъ себя героемъ и затѣмъ слѣдуетъ рядъ подвиговъ—одолѣніе лѣшаго, великана, дракона, въ восточныхъ варіантахъ тигра, слона, затѣмъ непріятельскаго войска; во всѣхъ этихъ похожденіяхъ нашъ богатырь успѣваетъ, благодаря хитрости или счастливому стеченію обстоятельствъ. Начало глупости здѣсь почти совсѣмъ стушевывается, и напротивъ подробно развивается мотивъ хитрой уловки, свидѣтельствующей скорѣе объ умѣ, чѣмъ о глупости, умѣ—правда—низшаго разряда, каковой свойственъ и цѣнится дикими и варварскими народами.

Сказки о мышиномъ героѣ въ научной литературѣ подробно разобраны Коскеномъ въ I т. „Contes popul. de Lorraine" стр. 95—102. Здѣсь указаны многочисленные западно-европейскіе варіанты, два русскихъ (по „Зоологич. Миѳологіи" Губернатиса), новогреческій, аварскій, монгольскій въ Шиддикурѣ и нѣсколько индійскихъ, весьма сходныхъ съ европейскими. Что сказки этого рода издавна уже бытуютъ въ Европѣ со включеніемъ перваго исходнаго мотива, видно изъ того, что В. Гриммъ и позднѣе Коскенъ отыскали варіанты у старыхъ нѣмецкихъ писателей, Монтануса (1557 г.), Фишарта (1575), Босекера (1614) и Гриммельсгаузена (1669 г.).

Русскіе варіанты сказки о мышиномъ героѣ отмѣчены у Аѳанасьева (Рус. н. ск. IV 519, 523), болгарскіе у Шапкарева № 28; литература отчасти указана въ Zeitsch d. Ver. f. Volksk. 1896—76. Въ Россіи иногда анекдотъ о судьѣ мухъ пріурочивается къ Балакиреву. Балакиревъ испросилъ у Петра Великаго разрѣшеніе бить мухъ, пошелъ въ домъ своего неисправнаго должника и побилъ посуду, на которую садились мухи [1]).

LVII.

Школьныя темы.

Школьныя темы въ народной словесности встрѣчаются рѣдко по той простой причинѣ, что громадное большинство анекдотовъ возникло задолго до возникновенія школъ.

Кое гдѣ, напр. у поляковъ вблизи Кракова, встрѣчаются народные анекдоты на школьныя темы, преимущественно объ отцѣ, требовавшемъ чтобы сынъ его прошелъ всю школьную науку въ одинъ день. Учитель въ этомъ варіантѣ сообщаетъ ученику лишь макаронизмъ „sed domes z komines, a ja totczas spriatalsia pod bez; kurus gagurus, ja idu, a tot ryjet"; мать думаетъ, что сынъ ея, какъ ксендзъ, уже по латыни знаетъ. Въ варіантахъ сынъ усвоиваетъ лишь одну фразу учителя: „Мать корова, отецъ

---

1) *Крымскій* пер. предисл. Клоустона, 78, *Гаво-Федорова*, Шуты и скоморохи, 246.

волъ, сыны бычки, а сестрички яловички." Меньшій братъ спрашиваетъ: неужели мы стадо? а мать бьетъ его по губамъ и говоритъ: „что болтаешь, онъ говоритъ по писанію (boskie slowa mowi") [1]).

Эти школьныя темы примыкаютъ къ стариннымъ фацеціямъ „о поселянинѣ, вдавшемъ сына учиться по латыни", встрѣчающимся еще у нѣмецкаго сатирика XV—XVI ст. Ѳомы Мурнера [2]).

LVIII.—LIX.—LX.

Глупость животныхъ и чертей. Чертъ (волкъ и пр.) на посѣвѣ. Мужикъ, голая баба и чертъ.

Встрѣчаются сказки о глупыхъ великанахъ, глупыхъ чертяхъ и глупыхъ животныхъ. Ученые миѳологическаго направленія неоднократно пользовались сказками о глупыхъ великанахъ въ интересахъ миѳологической экзегезы. Врядъ ли, однако, можно сомнѣваться, что и въ сказкахъ о глупыхъ великанахъ много вставныхъ, общихъ, литературныхъ мотивовъ [3]).

Литературный элементъ силенъ въ анекдотахъ о глупыхъ чертяхъ и глупыхъ животныхъ.

Въ животныхъ сказкахъ глупыми оказываются оселъ, волкъ, медвѣдь, изрѣдка пѣтухъ или мышенокъ. Въ русскихъ сказкахъ дурнемъ чаще всего выступаетъ волкъ. Мы не будемъ подробно останавливаться на волкѣ дурнѣ, потому что въ русской научной литературѣ на эту тему есть прекрасное изслѣдованіе Колмачевскаго [4]).

Въ нѣкоторыхъ анекдотахъ и сказкахъ о недомысліи обнаруживается замѣна животныхъ чертями или наоборотъ чертей животными. Образчикомъ такихъ анекдотовъ могутъ служить слѣдующіе объ обманѣ при посѣвѣ:

Въ Чигиринскомъ у. записана слѣд. сказка: Зосталась жинка удовою и вже зостарилась; сыдыть, журыться. Преже то степивъ було багато, на йихъ люде булы не дуже голодни; такъ то жинка, горюючи, й каже: „хочь бы самъ чортъ прыйшовъ та выоравъ мени ныву."—Иде той чортъ, зробывся мужыкомъ и до нейи въ хату увійшовъ, каже: „здорова будь, бабо!" Каже: „здоровъ!"—„Я чувъ шо ты клопочешься, шо нема кому степу выорать"?—Каже: „клопочусь".—„То я тоби выорю,"—каже чортъ. Теперъ той чортъ заходывсь и выоравъ ныву; пытаеться тейи бабы: „шо мы,—каже,—посіемо?"—А баба каже:—„Посіемъ,—каже,—моркву,—морква добре росте, а бадылля ще бильше." Чортъ не знавъ, шо зъ нейи йисты, та думавъ шо бадылля. Баба його й пыта: „якъ же мы будемо дилыться?"—

1) *Ciszewski*, 223—224.

2) *Пыпинъ*, Очерк. лит. ист. 267.

3) *Манжура*, 90, *Шапкаревъ*, № 220 и др.

4) *Колмачевскій*, Живот. эпосъ, стр. 139—151.

„Дилыться, каже чортъ, будемо такъ: те, шо зверху, те мени, а тоби— коринья.“—Баба тильки усмихнулась, дума соби: добре!—Отъ, посіялы, вродыла морква. Чортъ забравъ бадылля на вьязу и прыносе додому. Ти його чорты—товарыши, й кажутъ: —„Каже, що винъ розумный. Де въ биса! Його й баба обманыла. Було бъ тоби те брать, шо въ земли, а йій те шо зверху“.—Винъ каже: „отъ якъ пиду на другый годъ, то я йійи обману.“— На другый рикъ выоравъ йій ныву; прыходе до бабы й пыта: „шо посіемо?“— „Макъ,“ каже баба.—Посіялы. Чортъ старается та полывае. Ти лопуцьки ростуть велыки, а макивки ше бильши. Устарывся макъ; баба пыта: „якъ мы будемъ дилыться?“ А чортъ и каже: „мени те, шо въ земли, а тоби— шо зверху“. Та баба макивкы позризувала, а чортъ бадылля зъязавъ и понисъ додому.—Ти чорты впъять соромлять його. Винъ тоди съ пересердя каже: „пиду сякойи—такойи виры бабу вбъю.“—Прыходе винъ до тейи бабы, а вона й пыта: „чого ты прыйшовъ?“—„Я тебе, бабо, вбыть хочу“. Та баба йому й каже: „Э ты, чортъ, бисовой виры, здоровый, ище й справди вбъешь мене, а треба быться по правыламъ“?—„Якъ, пыта чортъ, по правыламъ“?—„Визьмы верхови вила, а я визьму качалку, та пидемъ у хливъ быться“ (вона зновъ його обманыла).—Увійшлы воны у хливъ быться, той чортъ зачепывся за бантыну рижкамы, бо вила булы довги, а баба, де влуче чорта, тамъ и бъе. Той чортъ просе: „бабо, голубочко, на тоби верхови вила, а мени дай качалку, та ходимъ на двиръ быться.“—Оддавъ чортъ баби вила, а самъ узявъ у бабы качалку, и пышлы на двиръ быться. Чортъ маха качалкою кругомъ себе, а баба його выламы штурха. Чортъ баче, шо бида, та хо̀да!—Прыбигъ додому, а зъ його сміются и зъ дому прогоняють, шо два разы баба обманыла, а на третій ще й побыла. Той чортъ тоди и пишовъ. Ходывъ, ходывъ голодный днивъ зо-тры; зайшовъ на степъ, а мужыкъ пеньки корчуе. Чортъ зробывся чоловикомъ и каже: „здоровъ, чоловиче! Чы дасы мени хочъ повечерять, якъ я тоби поможу пенькивъ корчувать?“ „Дамъ“—каже. Чортъ такъ корчуе, шо геть уси пеньки повырывавъ до вечера. Прыйизджае мужыкъ зъ чортомъ (не зна мужыкъ, шо то чортъ), выпригъ коня; пишовъ зъ нымъ у хату; жинка насыпала тамъ борщу, риже хлибъ. Диты кажуть: „и я йисты хочу, и я йисты хочу!“—А той чоловикъ каже: „чорта зъижте!“—А той чортъ съ хаты! (И пообидавъ якъ разъ!) [1]).

Въ малорусскомъ варіантѣ баба и чертъ сначала дѣлятъ рѣпу (бабѣ корешки, а черту вершки), потомъ просо (чертъ взялъ корешки, а баба вершки). Чертъ и баба бьются черезъ тынъ, чертъ вилами, баба коломъ; вилы застряли въ тыну [2]).

[1]) *Гринченко*, II 85—87.

[2]) *Moszynska*, № 21.

Въ другой малорусской сказкѣ чертъ берется сѣять съ бабой хлѣбъ исполу. Сначала посадили картофель. Баба себѣ выговорила корешки. На другой годъ посѣяли макъ. Бабѣ достались головки. Затѣмъ чертъ и баба бьются черезъ тынъ. Баба наноситъ черту рану и затѣмъ обманываетъ его, что и онъ ее ранилъ. Наконецъ, чертъ ѣздитъ на бабѣ, а баба на чертѣ и загоняетъ его, безконечно припѣвая: „трида—трида—домъ" [1]).

Сказки на эту тему встрѣчаются и въ Великороссіи [2]), отмѣчены въ разныхъ сборникахъ напр., у Аѳанасьева, повидимому, въ болѣе древней формѣ, съ замѣной черта медвѣдемъ, причемъ мужикъ сначала обманываетъ медвѣдя на рѣпѣ, потомъ на житѣ.

Въ интересной болгарской сказкѣ о румынѣ и чертѣ (Влах-от и Враг-от) румынъ сначала беретъ себѣ корень (лукъ), потомъ верхи (жито). Далѣе они условливаются ѣздить другъ на другѣ, пока каждый споетъ по пѣснѣ. Чертъ сѣлъ на румына, спѣлъ пѣсню и слѣзъ. Румынъ, сидя на чертѣ, пѣлъ такъ долго, что прошла ночь, пропѣли пѣтухи, наступила заря и чертъ въ изнеможеніи лопнулъ подъ румыномъ [3]).

Въ Грузіи мотивъ объ обманѣ черта получилъ легендарную окраску. Богъ, выростивъ хлѣбъ, взялъ себѣ колосья, а дьяволу отдалъ испрошенные имъ корешки. Затѣмъ Богъ посѣялъ чеснокъ. Дьяволъ, обманутый предыдущимъ опытомъ, теперь взялъ себѣ верхушку растенія, и снова обманулся [4]).

Много варіантовъ собрано французскимъ ученымъ Рене Бассе въ „Contes populaires berberes" на стр. 136—139 въ примѣчаніи къ зуавской сказкѣ на эту тему. Въ этой сказкѣ ежъ и шакалъ дѣлятъ лукъ. Ежъ беретъ себѣ корень. Затѣмъ они сѣютъ пшеницу; шакалъ взялъ себѣ корешки. Шакалъ предложилъ бѣжать на перегонки, чтобы обогнавшій получилъ всю пшеницу. Ежъ согласился, но поставилъ у цѣли сзади хлѣбной кучи своего брата. Шакалъ принялъ двухъ ежей за одного и проигралъ. Во французской сказкѣ изъ Пикардіи выведены св. Криспинъ и дьяволъ. Они сѣютъ рѣпу и пшеницу. Мопассанъ слышалъ подобную легенду отъ нормандскаго мужика и передалъ ее въ разсказѣ „Легенда о горѣ св. Михаила" [5]). Въ тожественной сербской сказкѣ мѣсто св. Криспина занимаетъ популярный въ Сербіи св. Савва. Сѣютъ лукъ и капусту. Весьма сходны сказки верхне-бретонская и нѣмецкая (рѣпа и хлѣбъ). Почти тожественный разсказъ находится въ „Пантагрюелѣ" Рабле—„Comment le petit diable fut trompé par un laboureur de Papefignière" (пшеница и рѣпа). Въ той же роли

[1]) *Рудченко*, I 52.
[2]) Изданы въ I. т. Κρυπτάδια.
[3]) *Шапкаревъ*, Сборн. VIII 93.
[4]) Сборн. матер. д. изуч. Кавк. XVII 128.
[5]) *Мопассанъ*, Собр. соч. IV 248.

является сатана у алжирскихъ арабовъ. У испанскаго писателя начала XIV в. Донъ Жуана Мануэля, составившаго сборникъ разсказовъ „Conde Lucanor“ и нѣск. др., широко пользовавшагося восточными сказками, разбираемый анекдотъ встрѣчается въ нѣсколько искусственной обработкѣ: дѣйствуютъ добро и зло; добро беретъ себѣ ягненка, зло—овечье молоко и шерсть; добро беретъ свинью, зло—щетину; далѣе зло—забираетъ себѣ корни рѣпы и головки капусты. Добро, внѣ обычнаго порядка, оказалось въ проигрышѣ; обработка сюжета весьма искусственная, хотя и весьма древняя. Въ позднѣйшей англійской сказкѣ выступаютъ волкъ и лисица; дѣлятъ овесъ и земляныя яблоки. Въ нѣкоторыхъ французскихъ варіантахъ волкъ и лисица дѣлятъ орѣхи (волкъ беретъ оболочку) и оливки (волкъ беретъ внутреннюю косточку).

Второстепенный зуавскій мотивъ *о соревнованіи въ скорости бѣга*, причемъ два животныхъ по сходству идутъ за одного, встрѣчается часто и въ другихъ сказкахъ въ видѣ вставнаго элемента, напр., во многихъ сказкахъ на тему Пушкинской о купцѣ Остолопѣ и работникѣ его Балдѣ. Бассе кромѣ зуавскаго варіанта приводитъ еще китайскій о воронѣ и черепахѣ. Воронъ здѣсь оказывается очень умнымъ. Заподозривъ обманъ, онъ при условномъ перелетѣ черезъ рѣку на срединѣ пути позвалъ черепаху, и съ обоихъ береговъ услышалъ одновременно отвѣтъ: „я здѣсь“. Встрѣчаются сходныя италіанскія сказки о волкѣ и ракѣ (ракъ переплываетъ рѣку вмѣстѣ съ волкомъ на его хвостѣ), о птичкѣ кропивничкѣ и объ орлѣ (тоже на хвостѣ своего противника). Въ сказкѣ съ о. Мадагаскара сходный разсказъ о лягушкѣ и вепрѣ [1]). Точно такая монгольская сказка встрѣчена мной въ сборникѣ Потанина; здѣсь рѣчь идетъ объ орлѣ и какой-то маленькой птичкѣ.

Весьма распространены сказки о томъ, какъ мужикъ одурилъ черта и выигралъ у него пари (просо на корнѣ). Чертъ ѣхалъ на козѣ, и мужикъ отгадалъ, а мужикъ на своей голой женѣ, и чертъ не отгадалъ, что это за звѣрь. Въ нѣкоторыхъ варіантахъ вмѣсто черта является медвѣдь.

Въ одномъ малорусскомъ варіантѣ въ связи съ этимъ стоитъ другой, какъ баба охолостила черта и потомъ, допустивъ чертей осмотрѣть ее, убѣдила глупыхъ чертей въ нанесеніи ей чертомъ глубокой раны [2]).

Приведенными анекдотами не исчерпывается глупость чертей. Какъ извѣстно, мотивъ о глупомъ бѣсѣ въ старое время былъ широко разработанъ въ мистеріяхъ, въ интермедіяхъ diableries и Teufelspielen, преимущественно нѣмецкихъ. Литературнымъ путемъ глупый бѣсъ проникъ и въ старинныя южнорусскія драмы; но въ Малороссіи фигура глупаго бѣса

[1]) *René Basset*, Contes pop. berberes, 14—15, 136—139.

[2]) *Рудченко* I, 54; *Романовъ*, Бѣл. Сбор.

почти совсѣмъ не привилась. Въ нѣмецкой литературѣ чертъ глупецъ или чертъ проказникъ издавна пользуются популярностью, напр., встрѣчаются въ драмахъ Ганса Сакса (XV в.) и Якова Айрера (XVI в.) [1].

Извѣстно также, что въ житіяхъ святыхъ, въ легендахъ и апокрифахъ черти часто обрисованы недальновидными и глуповатыми, а потому не только святые, но иногда даже простые мужики и бабы обманываютъ ихъ и бьютъ. Изъ легендарныхъ мотивовъ сравнительно наиболѣе любопытны мотивы, какъ человѣку путемъ обмана удалось отобрать у черта рукописаніе (закладъ души) и въ особенности тѣ мотивы, какъ монахъ засадилъ черта въ бутылку, въ рукомойникъ, забилъ его въ щелку дерева, связалъ цѣпями.

LXI.—LXII.—LXIII.

Небылицы. Приказка о нюхаряхъ. Финкенриттеръ.

Небылицы извѣстны подъ самыми разнообразными общими и частными заголовками—у малороссовъ большею частію называются нисенитницами, у великоруссовъ и бѣлоруссовъ „не любо—не слушай“, и др., у поляковъ—lgarstwa, соотвѣтственно у нѣмцевъ lugenmärchen, lugenwette, у галицко-русскихъ кошалки—опалки. Частныя заглавія: кто лучше?, о томъ какъ мы съ дѣдомъ богатѣли до рожденія отца и мн. др.

Встрѣчаются небылицы большія, въ нѣсколько страницъ, и маленькія, въ нѣсколько строкъ, прозаическія и стихотворныя, въ старинныхъ литературныхъ памятникахъ и въ устной народной передачѣ.

Иногда въ сборникахъ сказокъ подъ небылицами идутъ такія, которыя не отвѣчаютъ этому роду словесности по логической послѣдовательности и особому содержанію, напр., малорусскія сказки у Чубин. II 676, 677, Ястреб. II 178, Гринченка II 336.

Большею частію небылицы, на подобіе нѣмецкой повѣсти о рыцарѣ Зябликѣ, представляютъ подборъ нелѣпостей безъ складу и ладу, и чѣмъ нелѣпѣе разсказъ, тѣмъ болѣе выигрываютъ такія небылицы въ глазахъ народа. Образчикомъ нелѣпыхъ небылицъ могутъ служить у Гринч. II 340 (№ 245), Драгом. (Мал. преданія 372).

Число мотивовъ небылицъ не такъ велико, какъ это на первый взглядъ кажется при знакомствѣ съ ними. Это калейдоскопическія произведенія. Большое разнообразіе небылицъ обусловлено не большимъ числомъ составныхъ элементовъ, а разнообразіемъ ихъ сочетанія.

1) Бобъ до неба. Мотивъ разобранъ выше подъ № LIV. Наиболѣе подробно онъ разработанъ въ великорусск. ск. у Аѳанас. III 405—407.

[1] *Roskoff*, Geschichte des Teufels I 400.

2) „Бувъ я такій маленькій, въ три аршина“ (Чубинскій II 517), съ приворотную надолбу, съ игольное ушко (Аѳан. III 417), роди себѣ сына въ 4 аршина (Шеинъ, Великоруссъ I 23).

3) Ловля утятъ топоромъ, причемъ утята тонутъ, а топоръ держится на водѣ (Чуб. II 517, Аѳанас. III 395, 410, 418; IV 516).

4) Изъ кресала выбитъ огонь и зажжено озеро (Чуб. II 517, Аѳанас. III 397, 410; буковинская сказка у Аѳанас. IV 516).

5) Мужикъ, не имѣя кружки для питья, снимаетъ у себя черепъ, пьетъ изъ него и забываетъ у колодезя (Чуб. II 518, Гринч. I 220, Манж. въ 6 т. Сбор. X. Ист. Ф. Общ. 174). Тожественная греческая сказка у Гана 113—314, великор. у Аѳан. III 411, 419, бѣлорус. въ Матер. Шеина I 251.

6) Мужикъ ѣдетъ на кобылѣ, топоромъ отрубываетъ половину, придѣлываетъ двѣ ноги изъ вербы (Чуб. II 518); верба растетъ изъ кобылы (Гринч. I 220). Отдѣльный анекдотъ „Хто чуднійшій“ въ I т. Гринч. 225. Тоже у Аѳанас. III 402, 411, 413, 419, Kolb. Pokucie IV 277. Дополненіе у Аѳан. Ш 413; сняли кожу съ кобылы; кобыла пришла домой безъ кожи. Та же подробность въ бѣлорус. сказкѣ въ „Матер.“ Шеина I 247, и въ малор. въ сб. Мошинской № 29.

7) Мужикъ видитъ въ дуплѣ дуба скворцовъ, вкладываетъ туда свою голову и запаливаетъ дубъ (Чуб. II 51). Въ польск. ск. въ VШ т. Zbior wiadom., какъ и въ малор. у Чуб., сочетается съ слѣд. 8-мъ мотивомъ. Сход. великор. у Аѳан. Ш 419, въ Сборн. матер. д. изуч. Кавк. XV 50, у бѣлорус. въ Матер. Шеина I 251.

8) Мужикъ съ неба спускается на веревкѣ (Чуб. П 518). Варіанты у Ястреб. 179, Гринч. I 221, Аѳанас. Ш 403, Zbiòr wiadom VШ 299 (польская—на веревкѣ изъ овсяной половы), Kolberg, Pokucie IV 278, Аѳан. Ш 405 (в. изъ паутины) и въ Сборн. матер. для изуч. Кавказа XV 55. Бѣлорусская въ I т. Матер. Шеина 246. Мотивъ № 8 часто сочетается съ 1 и 17.

9) Мужикъ бѣжитъ за бабкой, несетъ ее черезъ рѣку, бросаетъ въ воду, берется оберегать ребенка и, замахнувшись на кошку, убиваетъ ребенка качалкой (Ястреб. 180); бабка брошена въ колодезь (Гринченко I 223, П 335).

10) Посѣяли коноплю, выросла верба (Ястреб. 180, Драг. 372) или зацвѣли раки и пр. т. п. (Манж. 126).

11) Въ разрядъ нисенитницъ входитъ слѣд. анекдотъ: собака съѣла масло на бакшѣ, сторожъ убилъ ее, разрѣзалъ ей животъ и досталъ оттуда масло; „було дидови на всю зиму кашу мазать“ (Ястреб. 11). Выше въ 1 гл. изслѣдованія мы уже указали на версіи этого анекдота.

12) Трусилъ груши, натрусилъ гречневой шерсти, намололъ тютюну (Ястр. 180).

13) Иду въ Петровку по льду, скачутъ три козы на одной ногѣ, убилъ всѣхъ однимъ ударомъ (малор. въ Харьк. Сборн. VIII 144, у Гринч. I 220, великор. въ Сборн. матер. для изуч. Кавк. XV, 50).

14) Бился въ полѣ медвѣдь съ шмелемъ; мужикъ убилъ шмеля и добылъ изъ него три мѣшка меда (Гринч. I 220, Аѳан. III 410, Манжура, 124). Подробно въ бѣлорусской сказкѣ въ Матер. Шеина I 244, 251. См. еще малорус. сказку въ сб. Мошинской подъ № 29.

15) Мужикъ подслащиваетъ медомъ воду въ колодцѣ въ малор. у Гринч. I 220, сход. бѣлорус. въ Матер. Шеина I 247.

16) Дурень подпаливаетъ въ полѣ ячмень, чтобы выгнать изъ него овецъ (Гринч. I 222).

17) Мужикъ находитъ въ полѣ пьяныхъ журавлей, затыкаетъ ихъ себѣ за поясъ; журавли его поднимаютъ, потомъ роняютъ въ болото. Чайка моститъ на головѣ мужика гнѣздо, кладетъ яйца, приходитъ волкъ и съѣдаетъ яйца, мужикъ хватаетъ его за хвостъ; волкъ бѣжитъ и вытаскиваетъ мужика изъ болота. (Гринч. I 222). Сход. у Аѳан. III 403, 404 (подробно о журавляхъ), 409 (лиса вьетъ гнѣздо на головѣ мужика).

18) Поѣхалъ я съ дѣдомъ, когда онъ былъ еще молодъ, и отца еще не было на свѣтѣ (Гринч. I 224, II 333, Манж. 123, Кулишъ, Зап. о Юж. Р. I 228). Отношенія къ матери до рожденія (падаетъ изъ матери на колоколъ, въ бурьянъ и пр.) подробно въ IV вып. Pokucie Кольберга стр. 274. О крестинахъ отца подробно въ 6 т. Сборн. Харьк. Ист. Фил. Общ. 175.

19) Волки вывели яйца, ихъ положили подъ свинью, свинья высидѣла пару воловъ и бугая (Гринч. I 224, II 341), собака быка родила (Аѳан. III 421), поросенокъ яйцо снесъ (ib.).

20) Дурень, помогая мужику вытащить кобылу изъ грязи, вырвалъ у ней хвостъ, привлеченъ къ суду, прячетъ за пазуху камень; судья, принимая камень за деньги, оправдываетъ (Гринч. II 335). Мотивъ хорошо извѣстенъ изъ „Повѣсти о судѣ Щемяки“.

21) Мужика за провинности забиваютъ въ бочку; онъ продѣлалъ шиломъ отверстіе, схватилъ волка за хвостъ, волкъ ударилъ бочку о дерево, разбилъ, и мужикъ вылѣзъ (Гринч. II 336).

22) Мужикъ прячется на чердакѣ надъ коморой, гдѣ легли спать новобрачные, подслушиваетъ ихъ разговоръ и дѣлаетъ замѣчанія (Гринч. II 336).

23) Орали поле собаками, козами (Гринч. II 339), индюками и пидсвинками (ib. II 341), косятъ дугами (Аѳан. III 410).

24) Выорали 12 десятинъ на печи, на припечкѣ сложили 12 стоговъ хлѣба и т. д. (Гринч. II 340). Срав. Аѳанас. III 396, 412, 415).

25) Свадьба и похороны птицъ или животныхъ—мотивы чрезвычайно распространенные. Обширная литература свадьбы указана г. Шеиномъ въ

1 т. Матер. для изуч. быта рус. нас. стр. 582, а литература похоронъ отмѣчена мной въ разныхъ мѣстахъ брошюры „Мышь въ народной словесности“. Кромѣ того см. многочисленныя галицко-русскія пѣсни по указат. въ концѣ IV т. Сборника Головацкаго стр. XX. См. еще Богишича въ концѣ. Народ. пјiесмы, Българ. Прѣгледъ 1896 III 54, Лопаревъ—Древ.-рус. сказанія о птицахъ 1896 г., Zbior wiadom. III 146, VIII 61, 145, Памят. рус. письменности $18\frac{78}{79}$ стр. 87, Харьк. Сборн. VIII 254, 270, Кiев. Стар. 1894, VI, III. 1895 Сент. 285, Сборн. за народ. умотв. (болгар.) X 155, Пермск. Сбор. III, Записки Товар. Шевченка XV 17.

26) Изъ лопаты кроятъ свиту, нарвали сметаны, зацвѣлы раки, пришили воротникъ къ подушкѣ (Гринч. II 341, Манж. 125).

27) Мужикъ хочетъ купить „вытришкивъ“ (Гринч. II 342). Рыцарь Зябликъ торгуетъ Vernunftwasser.

28) Дурень слышитъ вездѣ пискъ и все убѣгаетъ; пищало у него въ носу (Гринч. II 342).

29) Щуки и окуни на вербѣ, селедки въ землѣ (Гринч. II 342), зацвѣли вьюны (Драг. 372).

30) Медвѣдь попадаетъ въ хомутъ, лѣзетъ съ телѣги на дерево у Аѳанас. III 405, въ нѣмец. сказкѣ пчела попадаетъ въ хомутъ (Аѳанас. IV 516).

31) Въ вотяцкой сказкѣ мужикъ рубитъ лучину, спитъ между столбами воротъ, на ели находитъ медъ, на заячьей тропинкѣ пьетъ вино (Верещаг., 177).

32) Жидъ благодаритъ млинъ, цѣлуетъ вертящiйся жерновный камень, выбиваетъ себѣ зубы, разбиваетъ камень и садится на веретено мельничное, которое заверчиваетъ жида и бросаетъ о стѣну (Kolberg, Lud XIII 266, XXII 122); или мужикъ млинъ тащитъ покормить (Kolb., Pok. IV 275).

33) Вмѣсто дѣтской люльки трубка (Kolb., Pok. IV 276), ѣзда на кривой кобылѣ, полученіе за нее стада коровъ, пріемъ у губернатора и пр. (ib.). Мотивъ о трубкѣ въ приказкѣ о нюхаряхъ (см. ниже).

34) Стрѣляетъ въ мышь, облупливаетъ крысу, дѣлаетъ изъ кожи мѣшокъ, насыпаетъ въ него 15,000 червонцевъ (Kolb., Pok. IV 277). Въ греческой сказкѣ изъ кожи блохи сдѣланъ мѣшокъ для вина, а изъ кожи вши—мѣшокъ для муки (Hahn § 39).

35) Мужикъ, разрѣзывая арбузъ, уронилъ въ него ножъ, вошелъ въ арбузъ, чтобы отыскать ножъ, нашелъ тамъ дервиша (Hahn § 39).

36) На кобылѣ 38 пѣжинокъ (бѣлыхъ пятенъ); ѣздятъ на ней 39 братьевъ, 38 на пѣжинкахъ, а 39-ый на хвостѣ (Аѳан. III 407).

37) Мѣшокъ съ мухами; мужикъ переплываетъ на немъ море, мѣняетъ на мухъ коровъ, перебрасываетъ ихъ черезъ море домой (Аѳан. III 408), далѣе забирается съ ними въ рай и пр. (слѣд. мотивы 1 и 8).

38) Угощеніе односельчанъ. Солодъ въ ложкѣ затерли, въ корцѣ развели, бочку пива наготовили, стали угощать, за волосы таскать, полѣномъ оплетать (Аѳан. III 412, IV 514).

39) Заспорили мужики, кашу поранили, рѣпу подкопать взяли и пр. (Аѳан. III 415).

40) Искра изъ глазъ попадаетъ въ ружье (Аѳан. III 416).

41) Заяцъ набиваетъ для мужика много дичи (Аѳан. III 416).

42) Дремучее дерево крапива (Аѳан. III 417).

43) Рогатая скотина тараканъ да жужелица (Аѳан. III 417, IV 514).

44) Молочныя рѣки, кисельные берега (Аѳан. III 417).

45) Церковь изъ пироговъ сдѣлана, оладьями повершена и блиномъ накрыта, калачомъ двери заперты, кишкой бараньей задернуты; паникадило рѣпяное, свѣчи морковныя, образа пряничные, выскочилъ попъ толоконный лобъ, присѣлъ, я его и съѣлъ (великор. у Аѳан. III 417). Ср. нѣмец. въ „Рыцарѣ Зябликѣ“, малорусскую въ „Приказкѣ о нюхаряхъ“ и польскую дѣтскую пѣсню (всѣ ниже приведены).

46) Выраженія на выворотъ: въуткѣ озеро, квашня бабу мѣситъ, лайка собачитъ и пр. т. п. (изъ Арханг. губ. у Аѳан. III 418).

47) По чисту полю корабль бѣжитъ (Аѳ. III 421).

48) Мужики на улицѣ рыбу ловятъ (Аѳ. III 421).

49) Медвѣдь по поднебесью летитъ, ушками, лапками помахиваетъ (Аѳ. III 421); въ польской дѣтской пѣснѣ летитъ заяцъ и сваливаетъ колокольню (Wisla 1890, 76).

50) Кафтанъ рогозяный, поясъ лычаный, сапоги берестовые (Аѳ. III 422).

51) Ночлегъ въ полѣ у костра. Горячій уголь падаетъ мужику въ ротъ; его внутренности выгорѣли. Дѣдъ и внукъ обращаютъ его въ мѣшокъ (въ 6 т. Сборн. Харьк. Ист. Ф. Общ. 175).

52) Мужикъ пересчитываетъ ежедневно пчелъ въ 50 ульяхъ (Шеинъ, Матер. I 244).

53) На живой облупленной кобылѣ выросла гречка (Шеинъ, Матер. I 247).

54) Ворона поднимаетъ на дерево кабана и расклевываетъ его (Шеинъ, Матер. I 248).

55) Къ небылицамъ можно отнести уже встрѣчавшійся намъ ранѣе анекдотъ о громадной капустѣ, огурцѣ съ гору и пр. т. п.

Въ шведскихъ сказкахъ, записанныхъ въ Нюландѣ (южная Финляндія), встрѣчается мотивъ о громадномъ качанѣ въ сказкѣ о томъ, какъ два мастеровыхъ хвастали другъ передъ другомъ. Въ варіантѣ въ деревнѣ растетъ огромный качанъ; крестьяне куютъ большой котелъ, чтобы сварить его. Литературный мотивъ здѣсь превращается въ дѣйствительное событіе (Тіандеръ, въ Ж. М. Н. Пр. 1898 авг. 458).

Отмѣченными мотивами почти исчерпывается циклъ германо-романскихъ небылицъ. Въ славянскихъ и нѣмецкихъ сказкахъ (въ Рыцарѣ Зябликѣ, у Гримма, Гальтриха и др.) чаще всего встрѣчаются мотивы 1—10, 12—15, 17—19, 23—24, 30, 32—35, 45. Нѣкоторые мотивы заимствованы изъ анекдотовъ о глупыхъ людяхъ пошехонскаго типа; нѣкоторые, какъ свадьба птицъ, составляютъ самостоятельную семью.

Небылица капризный родъ. Въ отдѣльныхъ, правда, весьма рѣдкихъ случаяхъ обнаруживаются большія уклоненія отъ тѣхъ или другихъ сочетаній отмѣченныхъ мотивовъ, большая оригинальность. Въ этихъ исключительныхъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ проявленіемъ личнаго творчества. Замѣчательнымъ образчикомъ такого личнаго творчества можетъ служить слѣд. нисенитница, записанная въ Харьк. губ:

„Якъ нанявся я въ роботники овець пасты, якъ погнавъ я пасты штырю-бырю ще й симсотъ и чотыри, якъ лигъ я спаты, та спавъ три дни и чотыри ночи. Якъ прокынувся—нема моеи штыри-быри ще симсотъ и чотыри".

Пошелъ искать. „Якъ вышовъ я на могылу, якъ глянувъ на широку долыну, чи не видно моеи ватажины? Шось засирило, шось забилило, я жъ думавъ то ватажина, а воно гречка. Бодай же тоби, дядьку, тяжко-важко оцю гречку йисты, якъ мени на круту гору лизты....

Якъ вышовъ я на могылу... и проч. какъ выше... а то прачки сорочки перуть. Бодай вамъ тяжко-важко оци сорочки прать, якъ мени ш. б. ще симсотъ и чотыри шукать.

Якъ выйду я на могилу... и проч... а то осыковы пенечки. Бодай жевы отъ сонця погорилы, а отъ витру почорнилы, якъ вы мене молодого сюда заманилы.

Якъ выйду я на могилу... и проч... то жъ моя ватажына: сучечка-поручечка пидгоняе, а лысычка-сестрычка збоку управляе, а вовчокъ-бирючокъ отстали пидбирае" (Харьк. Сборн. VIII 328).

Эта нисенитница разсказывается нараспѣвъ, стоитъ между прозой и поэзіей и насквозь пропитана еще неугасшими въ народной памяти вѣяніями эпической поэзіи.

Во многихъ великорусскихъ и малорусскихъ небылицахъ обнаруживается стихотворный складъ, напр., въ небылицахъ у Аѳан. III 421, 417, у Манжуры 125.

Небылицы вплетаются въ разныя пѣсни и повѣсти; обрывки ихъ переходятъ въ пословицы и въ загадки.

У великоруссовъ (въ Костромск. губ.) небылица введена въ свадебный ритуалъ (Аѳан. IV 516); еще чаще у великоруссовъ, малоруссовъ и поляковъ встрѣчается въ дѣтскихъ пѣсняхъ:

Sokiera sie opasywal, a podpieral workiem,
Studnie mial na piecu, wode bral przetakiem,
Drabyna ryby lapal, strzelal dziki makiem....
.... z tego mleka i smietany
Kosciol murowany.
A do tego kosciòla przylecialy wroble,
Powyijalu skoble,
Przelecialy wrony, powiesily dzwony,
A do tego kosciola nie chcieli ludzie chodzic,
Musial ich ksiadz na powrózkach wodzic...

(Wisla 1890 77).

Великорусскія дѣтскія пѣсни-небылицы изданы въ большомъ числѣ П. В. Шеинымъ въ 1 т. Великорусса (1—50); тутъ свиньи огородъ городятъ, овцы молотятъ, коза муку мелитъ.

По полнотѣ, обилію и тщательности разработки отдѣльныхъ мотивовъ выдаются великорусская сказка (Сборн. матер. д. изуч. Кавк. XV отд. 2, стр. 47—56) въ прозѣ, стихотворная малорусская приказка о нюхаряхъ и нѣмецкій Финкенриттеръ. Великорусская сказка состоитъ изъ 12 мотивовъ, выше отмѣченныхъ.

Приказка до нюхарей записана Д. И. Эварницкимъ со словъ крестьянина Вас. Бережного или Шерстюка и напечатана была въ Харьк. Губ. Вѣдом. Перепечатываемъ здѣсь приказку цѣликомъ. Приказка состоитъ изъ краткаго введенія, отчасти напоминающаго одно мѣсто изъ галицко-русской нисенитницы (Kolberg, Pukucie IV 276), въ чудачливыхъ странствованіяхъ школьника, возникшихъ, повидимому, подъ вліяніемъ Тилля Эйленшпигеля, о которомъ уже мы говорили, и изъ исторіи о церкви и попѣ на мотивъ № 45, быть можетъ, возникшій подъ вліяніемъ нѣмецкой лубочной книги о Рыцарѣ Зябликѣ. Разсказчикъ, прежде чѣмъ начать свою „присказку“, вынимаетъ изъ праваго кармана своихъ шароваръ длинный рогъ съ табакомъ, постукиваетъ имъ о колѣно ноги, потомъ открываетъ изъ него „затычку“, сыплетъ щепотку табаку на безъименный палецъ лѣвой руки и затѣмъ отправляетъ табакъ по назначенію; послѣ этого предлагаетъ всѣмъ присутствующимъ „понюхать доброи табаки“ и приговариваетъ:

„А сходьтесь, люди добри.
А сходьтесь табаки понюхаты, а рады послухаты.
Якъ ишовъ я молодець лужкомъ, крутымъ бережкомъ,
Отто пидхожу, сыдыть старычокъ.
— Здрастуй, старычокъ!
Здрастуй, коханый дружокъ!
— А шо ты, старычокъ, уживаешь табачокъ?

— Уживаю, мій дружокъ!
— А жинка? а дитки?
Уживають такъ, шо й зъ рукъ не выпускають,
Тильки те й не вжива,
Шо въ колысци спочива.
— Ну, на-жъ тоби оцю роговыну
Тай прывчай малу дытыну,
Шобъ вона занималась.
Маненькій хахольчикъ родывсь въ вивторчыкъ,
У середу рано до школы отдано,
Дала ему мать ковбасу,
Винъ каже:
„У школу понесу“.
Прыходе въ школу,
Школьныкы вже обидають;
У его е шо исты, та нигде систы,
Ходе винъ по-за плечыма, лупае очыма.
Де не взявся дьяконъ,
За шыю его лыгае, изъ школы выволикае.
А винъ и каже: „цуръ тоби пекъ“!
Буде тоби быты-вчыты,
Не хочу въ я въ тебе жыты,
Пиду я лучче у сапожныкы,
У сапожныкахъ луччая жисть!
Въ сапожныкахъ першая наука—шило въ рукы,
Другая наука—дратва въ рукы,
А третя наука—
Шо ще я шиломъ не проштрыкнувъ, дратвы не протягнувъ,
А мене хозяинъ уже й потягомъ потягнувъ.
Тутъ-то я ему шкоды наробывъ,
Пичъ и грубу розвалывъ
Та й говорю: годи тоби быты-вчыты,
Не хочу я въ тебе жыты,
Пиду я лучче у ткачи,
Тамъ луччая жисть!
У ткачахъ первая наука—за бердо держись твердо,
Вся снасть гарчить-тырчить,
Титка горячій пыригъ имчить,
„На, каже, та тчи гарненько,
Выбывай хорошенко,

Шобъ блезенъ не було“!
Чомъ тамъ не жить?
Самая першая жисть!
Отъ-же й тамъ не пондравылося.
Дай ще пиду я въ городъ Быльци—тамъ дурныи людци:
Косою цыбулю косють,
Выламы борщъ носють;
Якъ наварють того борщу,
Ажъ духъ радуетця,
Изъ самои цыбули!
А якъ сядешь исты,
Ажъ слезы котютця.
По борщеви бъ то можно жить;
Такъ отъ чимъ скверно:
Хлопцивъ багато, а дивчатъ мало,
Такъ отъ чимъ погано!
И тамъ плохая жисть!
Дай пиду я въ городъ Вонгарь, тамъ новый амбарь,
Вилъ печеный,
Часныкъ товченый,
Стремыть нижъ,
Одрижъ тай ижъ!
Чомъ тамъ не жить?
Самая першая жисть!
Отъ жей й тамъ не пондравылось жить.
Дай пиду я, хлопецъ Пахомъ,
Чы не стану я руськымъ попомъ.
Отъ иду я, хлопецъ Пахомъ,
Иде дякъ Пархомъ.
— Здрастуй, хлопче Пахомъ!
— Здрастуй, дяче Пархомъ!
-- А шо, хлопче Пахомъ, чы не станешь ты въ насъ попомъ?
Ябъ то и ставъ у васъ попомъ,
Такъ не вмію ни чытаты, ни писаты,
А тилько вмію лысточкы перегортаты.
-- Отъ такого намъ и треба попа!
Мылосты просымъ у городъ нашъ,
Будешь батькомъ у насъ!
Прыйшовъ я въ городъ у ихъ.
Тамъ у ихъ городъ чудесный!

Курени—трехъ-отажни домы,
Землянки—саме першіи башты,
Вулыци шыроки, возомъ не проидышь.
Чудесный городъ!
— Ну, ходимъ-же, Пахомъ, на нашу церкву дывытьця,
Пондравытця ли наша церква тоби.
Прыходымъ мы до ихъ церквы,
А тамъ у ихъ церква прекрасна:
Зъ вареныкивъ злиплена,
Млынцямы вкрыта,
Сыромъ оббыта,
Масломъ облыта,
Бублыкомъ замкнута,
Пряныкомъ заткнута.
Чудесная церква!
Тутъ я самъ соби й думаю:
Здэсь можно служыть, у етой церкви.
Въ случаи рано прыйду до вутрени дзвоныть,
То зъ крыши млынецъ изниму,
Тай поснидаю,
Объ стину млынецъ помажу,
Та й закусю,
А въ смытану обмокну,
Тай пообидаю.
Чомъ тутъ не жить?
Тутъ самая першая жисть!
Около хорошо, пондравылося,
Жалаитця ще знутри посмотрэть.
Отто я бублыка одкусывъ,
Одимкнулася,
А пряныка надломывъ,
Одсунулася,
Та кой-якъ въ церкву и просунувся.
Входю я въ церкву,
А тамъ, у тій церкви, стоить пипъ, якъ яшный снипъ,
Стоять дячкы, якъ варенычкы,
Паламари, якъ горохова копыця,—
Гарно на ихъ и подывытьця.
Я ставъ соби у куточку тай дывлюся на ихъ;
А воны стоялы-стоялы середъ церквы,

Збылыся у в' овтарь.
Яжъ думавъ, шо воны чытають,
А воны въ хохлацьку квашу пырогы вмочають;
Я до ихъ пишовъ подывытьця,
А воны дають кваши нахылкомъ напытьця.
Ну, я имъ и говорю:
Ну, шо жъ, братця, а хочъ и буду пыты,
А заразъ обидни не буду служиты,
Я зъ людьмы договорюся ще.
Слобода велыка,—дворивъ трыста,
Такъ треба зъ кожного двора по корови, по волови,
По баранови, по вивци,
По гусци, по курци,
По мирци проса, по мирци пшеныци,
Шобъ ила попадя паляныци.
Зибравъ я зъ ихъ трыста мирокъ проса,
Не буде попадя ходыты боса,
Купе соби башмачкы щей зъ холошамы.
Зибравъ трыста мирокъ пшеныци,
Буде исты попадя паляныци.
Прослужывъ годъ,
Прослужывъ пьять годъ,
Нажывъ соби два сыны маненькыхъ,
Отдавъ я ихъ у таку школу, якъ и самъ:
На симъ годъ свыни пасты.
Сталы ти сыны служыть, сталы гроши лупыть,
Сталы поживать та добра наживать.
А мыни далы кныш ъ:
„Сядь, кажуть, тату, та пидъ воритьмы зъижъ".
Я россердывся тай пишовъ видъ ихъ;
Воны кынулысь мене завертаты,
На коня сажаты,
Посадылы мене на коня смоляного,
Стало сонечко прыпикаты,
Ставъ кинь мій роставаты,
А якъ кинь зовсимъ роставъ,
Я у Ивана Якымовыча у кимнати ставъ,
Годи мини попуваты"!

Къ небылицамъ примыкаетъ нѣмецкая лубочная книга съ картинками, подъ заглавіемъ: „Исторія и легенда о превосходномъ и многоопытномъ

рыцарѣ, господинѣ Поликарпѣ фонъ-Кирларисѣ, по прозванію „Финкенриттеръ“, какъ онъ за два вѣка съ половиною до своего рожденія странствовалъ по многимъ странамъ и видѣлъ странныя вещи, и наконецъ былъ найденъ замертво своей матерью, поднятъ ею и снова рожденъ“.

Приводимъ въ переводѣ эту курьезную, трудно читаемую [1]) и потому малоизвѣстную книгу.

Введеніе.

Какъ Поликарпъ, по прозванію Финкенриттеръ, началъ свое путешествіе и какъ онъ потомъ совершилъ свои рыцарскіе подвиги.

Я, господинъ Поликарпъ фонъ-Кирлариса, по прозванію Финкенриттеръ, намѣстникъ могущественнаго князя Морототорумъ за два вѣка съ половиною до своего рожденія путешествовалъ по многимъ королевствамъ и странамъ и осмотрѣлъ ихъ. Именно въ то время, когда великій ханъ Латайзкій въ Страсбургѣ и рыцарь изъ Англіи, господинъ Іоаннъ фонъ-Монтевило, объѣзжали весь свѣтъ, когда священникъ Іоаннъ изъ Индіи былъ въ Нюренбергѣ протоіереемъ, тогда я поймалъ множество прекрасныхъ раковъ на Телячьемъ морѣ, за солянымъ домомъ въ Мюнхенѣ, не далеко отъ дворца Св. Патрикія Чистилища въ Гиберніи, гдѣ несчастный Іуда кается въ своемъ грѣхѣ съ украденной вуалью на морѣ, это въ Аравіи, гдѣ овцы растутъ на деревьяхъ (почему шерсть называется древесной шерстью— Baum-Baumwolle), въ странѣ королевства Арменіи, гдѣ попугаи хорошо говорятъ по арабски и могутъ сочинять пѣсни.

Первый день путешествія.

Сперва я хотѣлъ сдѣлаться тамъ крупнымъ купцомъ, купилъ нѣсколько сотъ центнеровъ дистиллированной воды разума, хотѣлъ получить на ней выгоду и поплылъ по сушѣ въ государство Цилисирію въ королевствѣ Наррагоніи. Здѣсь меня поймали морскіе разбойники на деревянной улицѣ и похитили мое имущество, такъ что я сдѣлался совершеннымъ бѣднякомъ.

Второй день путешествія.

Потомъ я намѣревался подражать рыцарству, послѣдовалъ за колбасами и селедками, пока и я явлюсь на свѣтъ, какъ другіе люди. Взялъ дорогу на плечо, а копье подъ ноги, опоясался своимъ сюртукомъ, привязалъ свою шпагу къ селезенкѣ и пошелъ по обширному полю. Я прежде всего подошелъ къ каменному грушевому деревцу: тамъ дорога висѣла чрезъ вербы, тамъ горѣлъ ручей, крестьяне тушили его соломой, тамъ зайцы ловили собакъ, куры и гуси преслѣдовали лисицъ западнями и ѣли ихъ: это была хорошая страна.

---

[1]) Переводъ любезно сдѣланъ лекторомъ нѣмецкаго языка въ Харьк. универ. Г. Ю. Ирмеромъ.

Третій день путешествія.

Я ушелъ, тогда со мной встрѣтились три парня: одинъ былъ нагъ, другой слѣпъ, третій ходилъ на деревяшкѣ. Слѣпой увидѣлъ зайца, парень съ деревяшкой поймалъ его, а нагой положилъ его за пазуху. Я купилъ зайца, нагой взялъ деньги и положилъ ихъ въ кошелекъ и далъ его слѣпому. Тотъ купилъ свиного теленка, мѣховой горшокъ и деревянную кочергу, ею онъ освѣщалъ путь своимъ парнямъ, чтобъ они лучше видѣли. Но парень съ деревяшкой бѣжалъ на далекомъ разстояніи предъ ними и заказывалъ гостинницу. Когда они ушли, со мной встрѣтился красивый, сѣдой, молодой старикъ, онъ танцовалъ на костылѣ и у него борода была покрыта гонтомъ, у него была маленькая баня на носу и бородавочка на зубѣ, онъ хромалъ на одно ухо и заикался однимъ локтемъ; ему я сказалъ: Здравствуйте. Онъ отвѣчалъ: Я не могъ сдѣлать этого раньше, потому что я обѣдалъ у добраго парня. Я подумалъ, что онъ смѣется надо мною и пошелъ далѣе, сбился съ дороги и пришелъ въ чрезвычайно густой лѣсъ. Здѣсь я встрѣтилъ бѣлоснѣжнаго угольщика; онъ жегъ еловыя шишки, онѣ превращались въ колбасу изъ печенки, ее онъ отвозилъ на кислый сырный рынокъ. Я спросилъ его, иду ли я по настоящей дорогѣ. Онъ отвѣчалъ мнѣ: правые по истинѣ лучшіе. Я видѣлъ, что и отъ него ничего не узнаю, потому что мнѣ показалось, что онъ плохо видитъ ушами и я ушелъ. Тогда я пришелъ къ холстяной церкви, колокола были вылиты изъ сукна; въ церкви стоялъ капланъ изъ овса, онъ читалъ ячменную обѣдню. Наконецъ капланъ пропѣлъ: аминь; я думалъ, что онъ говоритъ: „Поймайте мнѣ того". Тогда я отъ испуга убѣжалъ въ дверь и прыгнулъ такъ быстро и сильно, что моя внутренность выскочила изъ живота. Я побѣжалъ къ сухому ручью, чисто вытеръ внутренность и снова вложилъ ее вмѣстѣ съ нѣсколькими саженями крови мартышекъ; это я сдѣлалъ для того, чтобы снова стать веселымъ. Тогда я вдругъ увидѣлъ предъ собою старую согбенную, прямую, молодую женщину, она мыла старый мѣшокъ. Я сказалъ: Да пошлетъ вамъ Богъ добрый день! Она сказала: Въ него входитъ семь мѣръ. Я подумалъ: По истинѣ женщина смѣется надо мною.

Четвертый день путешествія.

Я отправился дальше и прибылъ къ глубокому, судоходному ручью, въ которомъ не было воды. Тамъ плавали три корабля, одинъ безъ дна, другой безъ стѣнъ, а третьяго совсѣмъ не было тамъ. Я сѣлъ въ тотъ корабль, котораго не было тамъ и переѣхалъ. Тамъ я нашелъ большое маленькое дубовое дерево, въ которое влетѣла пчела. Я думалъ, что найду тамъ медъ, и залѣзъ въ дерево. Пчелы испугались, искусали мнѣ глаза,

и улетѣли. Когда я хотѣлъ убѣжать отъ нихъ, дыра была слишкомъ мала и я не могъ болѣе вылѣзть. Съ гнѣвомъ я принесъ изъ дому топоръ и срубилъ дерево. Потомъ я побѣжалъ къ терновой изгороди, хотѣлъ обрубить вѣтви и ими заткнуть дыру, чтобы пчелы не могли болѣе тамъ гнѣздиться. Но мой топоръ упалъ въ изгородь и я не могъ болѣе его найти. Я потомъ поспѣшилъ въ кухню къ моей матери, принесъ огня и зажегъ изгородь, но, увы, мой топоръ сгорѣлъ до рукоятки. На обратномъ пути я продалъ рукоятку за девять локтей теплой воды. Изъ нея я хотѣлъ себѣ сдѣлать зимній сюртукъ и отдѣлать его жареными ледяными сосульками.

Пятый день путешествія.

Когда я съ моимъ сукномъ для зимняго сюртука отправился далѣе, я увидалъ обширный, бѣлый, прекрасный, зеленый, сухой лугъ, полный травы. Это было-бы хорошо для коровы моей матери. Я его скосилъ-бы, но у меня не было косы. Вскорѣ послѣ этого пришелъ кто-то, кто продавалъ косы. Онъ сказалъ: Землякъ, за что ты отдашь мнѣ косы. Онъ сказалъ: Если ты громкимъ голосомъ крикнешь: Юхей, ха, хо! Я закричалъ такъ громко, какъ будто-бы ревѣли муравьи. За изгородью случайно пасся оселъ. Въ своемъ испугѣ онъ прыгнулъ чрезъ канаву и все продолжалъ кричать: И-я, и-я. Такъ какъ я не видалъ осла, я счелъ его за мать всѣхъ зайцевъ. Я взялъ у человѣка косы. При косьбѣ я наткнулся на кротовину и тѣмъ же самымъ размахомъ отрубилъ себѣ самому голову. Она покатилась далѣе и когда я побѣжалъ за нею, я наткнулся на вѣтку съ такой силой, что весь мой лобъ былъ въ крови. Когда я схватилъ голову, я быстро надѣлъ ее на плечи, такъ какъ она еще была теплая, но надѣлъ ее на изворотъ, чтобы вѣтки въ лѣсу не били меня по глазамъ. Я побѣжалъ домой такъ быстро, какъ стрѣла, но сильный вѣтеръ снова сдувалъ мою голову. Я быстро побѣжалъ за нею и когда я поймалъ ее, я вымылъ ее, крѣпко привязалъ ее къ себѣ, и она вскорѣ снова приросла. Тогда я гордился, что я снова могъ видѣть.

Шестой день путешествія.

Потомъ я хотѣлъ итти домой, а дорогою попалъ въ деревню, тамъ были дома сдѣланные изъ телятины, крыши были покрыты легкими и печенками, полы были сдѣланы изъ свиныхъ щекъ. Плетни въ деревнѣ были сплетены изъ печеночной колбасы. Былъ Троицынъ день, время, когда охотно потѣютъ подъ носомъ и сметаютъ снѣгъ съ крышъ. Въ деревнѣ жилъ лютнистъ; онъ каждое воскресенье игралъ на своей лютнѣ девяти деревнямъ вмѣстѣ для танцевъ. Его сопровождалъ я однажды въ субботній вечеръ домой. Послѣ того какъ онъ настроилъ лютню, онъ побѣжалъ

ногами такъ быстро по ней, какъ кошка по крышѣ; я хотѣлъ помочь ему, но споткнулся и упалъ чрезъ отверстіе въ лютню. Лютнистъ испугался и принесъ лѣстницу, въ которой было 46 ступеней. По ней я вышелъ изъ лютни. Но звукъ чрезъ это не сдѣлался слабѣе. Громко онъ раздавался всю слѣдующую ночь до полудня въ девяти деревняхъ, и вездѣ танцовали дѣти и слабые старики; мальчики и дѣвочки стояли и смотрѣли. Лютнистъ самъ танцовалъ даже. Какъ только наступилъ вечеръ, исчезъ звукъ и самъ собою вошелъ въ лютню.

Седьмой день путешествія.

И когда я пошелъ дальше и пришелъ на мѣсто танцевъ, залаяли крестьяне и собаки выбѣжали съ копьями, пѣтухи ворчали, а свиньи пѣли пѣтухами. Тогда я пришелъ въ страхъ и бѣжалъ къ красному морю, совершенно близко отъ „Финкенлагеря" близъ Эрметтингена. Тогда я защищался такъ храбро пятками, что я продырявленной сковородой былъ посвященъ въ рыцари и названъ строгій Финкенриттеръ.

Восьмой день путешествія.

Послѣ этихъ рыцарскихъ подвиговъ я сѣлъ въ вѣтряной корабль и поплылъ домой. Я влетѣлъ чрезъ дымовую трубу въ каминъ моего дома и упалъ такъ сильно изъ корабля предъ дверью комнаты, что я разбилъ себѣ печень и пузырь, и мозгъ у меня потекъ чрезъ штаны. Я впалъ въ такую слабость, что моя мать должна была взять меня на руки и отнести меня за печку и положить въ тепло. Потомъ она дала мнѣ только что испеченный пирогъ съ ветчиной и изюмомъ, чтобъ я опять пришелъ въ себя. Отъ страха моя мать стала страдать родовыми болями и мой отецъ быстро побѣжалъ къ акушеркѣ. Только послѣ трехъ съ половиною дней она могла родить меня съ большимъ трудомъ и большой болью. Это произошло отъ того: когда она почувствовала родовыя боли, она предъ тѣмъ только что спекла пирогъ съ ветчиной и изюмомъ и слишкомъ долго стояла предъ печью на жарѣ, такъ что у нея затрясся мозгъ: отъ того она почувствовала такую боль.

Но какъ только я пришелъ на свѣтъ и родился, акушерка сейчасъ же хотѣла меня выкупать. Я не хотѣлъ допускать этого (такъ какъ не привыкъ къ этому), вслѣдствіе чего я тотчасъ же выпрыгнулъ изъ ванны и залѣзъ въ уголъ. Женщины всѣ побѣжали за мною, зажгли огонь и отыскали меня; онѣ, конечно, думали, что я ушелъ въ мышиную дыру. Наконецъ то онѣ нашли меня, такъ какъ я зацѣпился за паутину. Акушерка хотѣла завернуть меня въ пеленку, я же кулакомъ ударилъ ее въ шею и прыгнулъ въ накидку моей матери, спрятался тамъ и началъ сосать: тогда

женщины не смѣли взять меня прочь, не то я кричалъ-бы изо всѣхъ силъ. Тогда онѣ успокоились и пошли домой. Я съ тѣхъ поръ сдѣлался любимымъ ребенкомъ моей матери, и если моя мать еще разъ будетъ печь, то мнѣ какъ разъ тогда будетъ три пирога съ ветчиной и изюмомъ отъ-роду. Поэтому всякій, кто желаетъ знать мой возрастъ, тотъ найдетъ его подписаннымъ здѣсь внизу. Затѣмъ прощайте, я уѣзжаю, такъ какъ мнѣ досталось вслѣдствіе этихъ опасностей и испытаній прекрасное мое мѣсто намѣстника въ Моротатахъ, и пріобрѣлъ мечемъ себѣ свое рыцарское положеніе въ Финкенлагерѣ, гдѣ я никого не пощадилъ.

Возрастъ благороднаго и строгаго Финкенриттера.

Всякій, кто хочетъ знать, сколько мнѣ лѣтъ, пусть прочтетъ эти стихи и онъ узнаетъ это. Когда мать моя снова захочетъ печь, тогда мнѣ сравняется три пирога съ ветчиной и изюмомъ. Прежде я былъ великій рыцарь и пожалъ много почестей въ Финкенлагерѣ, но моя смѣлость и острота сидѣли на маленькомъ остріѣ иголки.—Кто желаетъ турнира, пусть придетъ сюда; здѣсь онъ найдетъ все въ полной готовности, какъ изображено на картинѣ внизу (картина изображаетъ рыцаря въ дурацкомъ колпакѣ, ѣдущаго верхомъ на гусѣ). Каждый сторонись, не то я опрокину его своимъ конемъ и заколю его (картина изображаетъ Финкенриттера, ѣдущаго верхомъ на улиткѣ, вооруженнаго большой пикой). Спѣши, мой конь я имѣю мужество и храбрость завоевать драгоцѣнность, если бы даже я скоростью бѣга уморилъ своего коня.—Я смѣло держу вверхъ свое знамя, хотя говорятъ, что я оселъ, а не воинъ, который, какъ заяцъ при барабанномъ боѣ, остается спокойно стоять (на картинѣ изображенъ заяцъ съ знаменемъ въ лапахъ, ѣдущій верхомъ на ослѣ).—Я очень быстро ѣду на моемъ конѣ. Я везу по почтѣ много писемъ въ отдаленныя мѣста (на картинѣ изображенъ почтальонъ съ рожкомъ и шляпой съ перомъ, ѣдущій верхомъ на ракѣ).

Есть основанія думать, что германо-славянскія небылицы составляютъ одинъ обширный циклъ, и даже такія своеобразныя небылицы, какъ отмѣченная выше малорусская о штырѣ-бырѣ, не составляютъ исключенія, такъ какъ небылица о штырѣ соткана, при несомнѣнномъ личномъ творчествѣ, изъ славянскихъ, собственно малорусскихъ эпическихъ чертъ. Нельзя утверждать, что небылица исчерпывается данными германо-славянскихъ сказокъ. Напротивъ, можно думать, что у другихъ народовъ существуютъ своеобразныя небылицы, совсѣмъ отличныя отъ германо-славянскаго цикла. На это, между прочимъ, указываетъ кабардинская сказка „Кто больше?", состоящая всецѣло изъ мотивовъ, чуждыхъ славянству: „Былъ на Кавказѣ такой быкъ,

что, когда онъ пилъ воду, изсякали рѣки. Хозяинъ долженъ былъ гонять его ежедневно къ Черному морю на водопой. Тогда старшій сынъ садился на головѣ быка между рогами, средній на спинѣ и младшій около хвоста. Разстояніе отъ старшаго брата до младшаго сутки ѣзды на конѣ. Орелъ уноситъ этого быка. Вблизи пастухъ во время дождя спрятался подъ бороду козла. Орелъ уронилъ лопатку быка въ глазъ пастуха; семь снохъ влѣзли въ глазъ и не могли найти лопатки. Когда она была найдена, то къ ней привязали веревку, и волами вытащили изъ глаза. Лопатка покрылась пылью, обросла травой и обратилась въ бугоръ, на которомъ поселился аулъ. Лисица стала подгрызать лопатку и стали отъ того землетрясенія. Горцы убили лисицу, но не могли поднять; подняла ее женщина, сняла шкуру, прибавила къ ней 300 овчинъ и сшила шапочку своему сыну. Вѣтеръ разнесъ кости лисицы, закатилъ голову ея въ калмыцкую степь. Въ черепѣ въ непогоду помѣстилось 40 арбъ. Калмыцкая собака принесла черепъ со всѣми арбами. Мальчикъ калмыкъ вывелъ погонщиковъ изъ черепа, далъ имъ изъ кармана кусокъ соли, который оказался горой. У осетинъ есть сходныя сказки (Сборн. матер. для изуч. Кавказа XII 93—96). Изъ мотивовъ этой сказки лишь мотивъ о лисьей шкурѣ встрѣчается въ сказкахъ славянскихъ и новогреческихъ (вм. выше § 34.)

Дополненія къ 1-ой главѣ.

Въ шведской сказкѣ, записанной вблизи Гельсингфорса, крестьянинъ бросаетъ всѣ свои деньги въ лужу къ квакающимъ лягушкамъ (Тіандеръ, въ Ж. М. Н. Пр. 1898 авг. 460).

Въ шведскихъ сказкахъ и анекдотахъ южной Финляндіи роль шута Балакирева играетъ Бельманъ. Въ дѣйствительности Бельманъ былъ веселый собесѣдникъ короля Густава III; но народная молва придала ему характеръ придворнаго шута и собрала вокругъ его имени цѣлый циклъ анекдотовъ и росказней. Превращеніе Б. въ придворнаго шута состоялось въ Швеціи; разсказы о немъ перешли въ Финляндію и здѣсь умножены разными прибавками (Тіандеръ, въ Ж. М. Н. Пр. 1898 авг. 463).

Въ „Cesky Lid“ 1897 г. кн. II стр. 246—250 находится замѣтка г. Мушки о происхожденіи названія „глупая Пржелучъ“. Пржелучане—чешскіе пошехонцы (напр. тянутъ корову пастись на крышѣ башни).

Въ юго-западномъ краѣ записанъ такой анекдотъ пошехонскаго типа: Это шла будто свинья... Ну и вырыла тамъ ямку. Летѣла тамъ ворона, увидала ямку и яйцо снесла. Шелъ чертъ, видитъ, что такое? Свинячья ямка и воронье гнѣздо: сѣлъ и высидѣлъ мужика. И вышелъ мужикъ глупый, какъ ворона, хитрый, какъ чертъ, и прямой, какъ свинья. Бо свинья какъ бѣжитъ, та й бѣжитъ: прямо да прямо, а мужикъ себѣ знаетъ свою землю,

онъ себѣ одну думку и держитъ. (Картинки Волыни Н. Гарина „Міръ Божій“ 1897 № 2, стр. 200. Записано со словъ „шляхтича“ Владека. „Шляхтичи“ тамошніе—классъ населенія очень бѣдный, промышляютъ мелкими промыслами и факторствомъ).

Древнѣйшими народными насмѣшками представляются эпиграммы Демодока, напр. слѣд. (въ перев. В. В. Латышева):

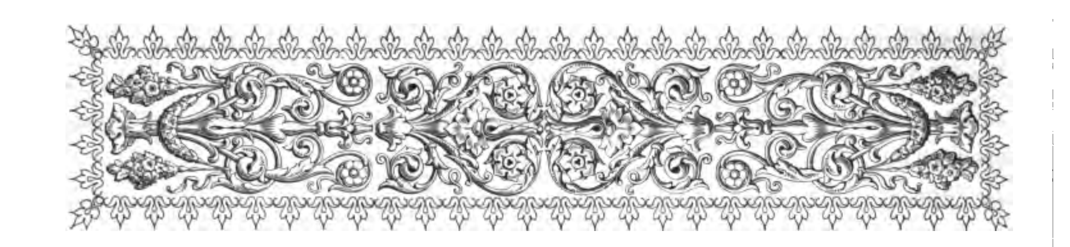
1) Милетяне, право, не глупцы; но поступаютъ во всемъ жалкимъ подобно глупцамъ.

2) Хіосцы—не тотъ или этотъ, всѣ, кромѣ Прокла, дурны; но изъ Хіоса и Проклъ.

3) Каппадокійца ужалила злая эхидна, и тутъ же мертвой упала сама, крови зловредной испивъ.

Обработка уже литературная. Можно думать, что въ основѣ этихъ эпиграммъ лежатъ болѣе краткія и простыя народныя поговорки о порочности хіосцевъ и зловредности каппадокійцевъ.

Н. Ѳ. СУМЦОВЪ.

Экстрактъ о изнеможеніи слободскихъ полковъ.

Въ Военную Коллегію Генералъ-Фельдмаршалъ Графъ Александръ Борисовичъ Бутурлинъ доношеніями представлялъ:

1-мъ и 2-мъ 1758 года Мая 5 и Іюля 15 числъ: усмотря-де изъ представленій Генералитета крайнія Слободскихъ Казачьихъ полковъ отъ положенныхъ на нихъ противъ данныхъ имъ грамотъ и на то подтвердительныхъ именныхъ указовъ излишнихъ тягостей, а паче по бытности ихъ предъ симъ въ походѣ изнеможеніи, отъ которыхъ въ предь не точію къ лутчему, но и къ настоящему ихъ поправленію никакой надежды не остается и въ нужномъ случаѣ вдаль движенія онымъ ни коимъ образомъ учинить неможно, за нужно изобрѣлъ чрезъ вложенной при томъ Экстрактъ Военной коллегіи въ разсмотрѣніе безъ потерянія времяни представить, дабы столь многочисленному народу тягости излишне положенной справедливо уменьшить со изъясненіемъ, что, сверхъ выше упомянутыхъ имянныхъ указовъ, на нихъ наложено, не распространяя о всѣхъ подробностяхъ, но единственно о самыхъ главныхъ пунктахъ, кои они съ крайнимъ своимъ раззорѣніемъ нести принуждены, а нѣкоторые уже, будучи въ несостояніи, не только по одиначкѣ, но и цѣлыми семьями побѣги продолжаютъ и, когда не отмѣнить изображенныхъ претерпѣвающихъ ими излишнихъ налоговъ, но и впредь таковыхъ же, а особливо по ихъ легкомыслію тамо въ близости границъ живущихъ, чаять безсумнѣнно можно и для того, предупреждая во отврашеніе того, каковымъ порядкомъ оные полки въ сходственность имянныхъ Высочайшихъ Указовъ содержать и излишне оставить житіе его Генералъ Фельдмаршала въ томъ-же Экстрактѣ предписалъ; а по неже де Военной Коллегіи о всемъ томъ самой иногда рѣшить не возможно, то требуетъ—скорѣйшаго куда надлежитъ представленія, да-

бы онъ могъ полезную въ томъ резолюцію исходатайствовать, что единственно на свое попеченіе и пріемлетъ.

3-мъ, въ томъ же 1758 году Октября 16 неоднократно де отъ него Генерала Фельдмаршала Военной Коллегіи о учиненіи разсмотрѣнія о изнеможеніяхъ Слободскихъ полковъ представлено, но въ резолюцію ничего не имѣетъ; а какъ де изъ присылаемыхъ отъ команды рапортовъ усматривается, что и вяще тѣ полки отъ излишнихъ положеній приходятъ во изнуреніе и побѣги жителей умножаются, того ради за нужно нашелъ еще Военной Коллегіи о тѣхъ прежде поданныхъ его представленіяхъ напомянуть чтобъ безъ разсмотрѣнія было не оставлено и оные полки впредь къ службѣ надежными быть могли-бъ.

4-мъ, 1760 года Марта 30 дня оной де Коллегіи изъ поданныхъ ею представленій довольно уже извѣстно, что отъ наложенныхъ на Слободскіе полки сверхъ данныхъ имъ привелегій тягостей приходятъ оные въ вящее изнеможеніе и чинять безпрестанные побѣги, (а нынѣ-де и еще Острогожскаго Слободскаго полка Полковникъ Тевяшовъ и Ротмистръ Татарчюковъ поданнымъ къ нему доношеніемъ представляютъ яко и нынѣ изъ тѣхъ полковъ многія, оставя свои жилища, цѣлыми семьями съ женами и съ дѣтьми бѣгутъ въ безвѣстныя мѣста и остающія отъ безпрерывнаго комплектованія и сооруженія мундирными и аммуничными вещами какъ опредѣленнаго 5000 числа казаковъ такъ особливо Гусарскаго полка остаются въ крайней бѣдности): и хотя де отъ него по представленіямъ Генералитета и по доношенію оныхъ Тевяшова и Татарчюкова о тѣхъ ихъ изнеможеніяхъ и дабы оные къ полезному содержанію учреждены были разсмотрѣніе и чинится и Ея Императорскому Величеству всеподданнѣйше въ Высочайшее благоволеніе сомнѣніемъ его представлено будетъ, однако-де и Военной Коллегіи во извѣстіе о томъ рапортуетъ.

Токмо по тѣмъ представленіямъ въ Коллегіи разсмотрѣнія и рѣшенія не учинено.

А въ нынѣшнемъ 1761 году Марта отъ 22 въ полученномъ Высочайшемъ Ея Императорскаго Величества въ Военную Коллегію рескриптѣ написано: Генералъ Фельдмаршалъ Графъ Бутурлинъ въ бытность его еще здѣсь по поводу возобновленнаго—чрезъ пріѣхавшаго сюда Острогожскаго Слободскаго полка Полковника Тевяшова прошенія представилъ Ея Императорскому Величеству мнѣніе свое съ штатомъ о приведеніи со всѣмъ Слободскихъ полковъ на другое основаніе, а именно: учредя изъ нихъ регулярной корпусъ, состоящей въ 3-хъ Драгунскихъ и 2-хъ пѣхотныхъ полкахъ, что и Ея Императорское Величество, какъ для службы Ея Императорскаго Величества, такъ и для благосостоянія сего народа признавали весьма полезнымъ, ежели-бъ послѣ того не получили челобитной Бригади-

ра Банческуля, со всѣмъ тому противной, и какъ необходимо надлежитъ сіе дѣло вновь порядочно и прилежно разсмотрѣть, то, прилагая при томъ поданное отъ помянутаго Генерала Фельдмаршала представленіе и мнѣніе также и челобитную Бригадира Банческуля Военной Коллегіи, повелѣно, собравъ къ тому всѣ обстоятельства, разсмотрѣть и по разсмотрѣніи, на какомъ основаніи тѣмъ Слободскимъ полкамъ быть, о томъ представить Ея Императорскому Величеству со мнѣніемъ, чего ради и вышерѣченной Полковникъ Тевяшовъ до окончанія сего дѣла здѣсь при той-же Коллегіи остаться имѣетъ.

И по опредѣленію Военной Коллегіи въ поданномъ въ Правительствующій Сенатъ Апрѣля 30 дня доношеніи представлено, что при томъ слушаніи Господинъ Генералъ Фельдмаршалъ Сенаторъ обоихъ Россійскихъ орденовъ Кавалеръ и Коллегіи президентъ Князь Никита Юрьевичъ Трубецкой объявилъ, что о приведеніи помянутыхъ Слободскихъ полковъ въ другое основаніе и въ Правительствующемъ Сенатѣ многія представленіи и разныя проэкты имѣются того ради требовано дабы повелѣно было всѣ имѣющіяся во ономъ о приведеніи тѣхъ Слободскихъ полковъ въ другое основаніе представленіи и разныя проэкты для вышеизъясненнаго разсмотрѣнія и Ея Императорскому Величеству представленія прислать въ Военную Коллегію.

На которое доношеніе Іюня 7 дня при указѣ изъ Правительствующаго Сената со всѣхъ имѣющихся въ Правительствующемъ Сенатѣ о помянутыхъ Слободскихъ полкахъ проэктовъ представленіевъ и мнѣніевъ для означеннаго разсмотрѣнія копіи присланы и велѣно какое въ той Коллегіи объ оныхъ полкахъ разсмотрѣніе и на какомъ основаніи имъ быть положеніе учинено будетъ о томъ и въ Сенатъ подать рапортъ.

А въ вышеобъявленныхъ при Высочайшемъ Ея Императорскаго Величества рескриптѣ приложеніяхъ явствуетъ:

Въ представленіи Ея Императорскому Величеству Генерала Фельдмаршала Графа Бутурлина 1760 года Мая 30 дня, какія-де въ прошедшія времена стараніи прилагались по обширной Имперіи степныя мѣста народами населить и тѣмъ на границахъ людей пріумножить, Ея Императорскому Величеству изъ многихъ примѣровъ уже извѣстно, а особливо изъ поселенія Слободскихъ полковъ какой плодъ пріобрѣтенъ, но токмо время отъ времяни въ великую слабость приходять и жалованныя грамоты въ дѣйствіи своемъ умаляются отъ чего не токмо, чтобъ въ предь придать охоту къ выходу, но и нынѣ живущіе въ тѣхъ полкахъ уменьшаются какъ и видно отъ переписи *1733 года до 1759 года уже убыло болѣе 82000* и жилища ихъ тѣмъ опустошаются и оставшія болѣе службу съ прочностію нести, какъ то должность и званіе ихъ требуетъ, не въ состояніи, о чемъ

де неоднократно Военной Коллегіи представлено отъ него было, но рѣшенія не воспослѣдовало; а нынѣ де и еще о томъ отъ тѣхъ полковъ представлении имѣются да и въ самомъ дѣлѣ сходственно, видно интересу не малой ущербъ, по чему убѣжденъ сталъ быть и принужденнымъ нашелся въ Высочайшее Ея Императорскаго Величества Монаршеское благоволеніе все то подвергнуть со мнѣніемъ его Генерала Фельдмаршала и во вредъ ихъ нынѣ происходимое лутчею полезностію поправить и возставить ихъ раззорѣніе еще до тѣхъ поръ докаместь успѣть, можно по ихъ изнеможенію, нежель у пустить еще время и довести до такова состоянія, что и все Монаршескія Ея Императорскіе милости помочь уже немогутъ; а какъ по означенному его Генерала Фельдмаршала мнѣнію за лутчее и способнѣйшее противъ нынѣшней ихъ службы признавается да и сами они желаніе имѣютъ изъ оныхъ полковъ учредить регулярной корпусъ, состоящій въ 3-хъ драгунскихъ и 2-хъ пѣхотныхъ полкахъ, о которыхъ при томъ его мнѣніи и штатъ взносится; и егда оное Высочайшей Ея Императорскаго Величества апробаціи удостоено будетъ, то однакожъ въ разсужденіи тѣхъ полковъ поселенія близь Турецкихъ границъ и что весь тотъ регулярной ихъ корпусъ содержаніе и довольствіе свое имѣть будетъ изъ сборной суммы съ ихъ же свойственниковъ и подпомощиковъ; да и комплектованіе людьми всѣхъ чиновъ изъ нихъ же; то дабы, во первыхъ, къ защищенію въ случаѣ нужды того краю на и всегда оной въ прибавокъ армейскихъ войскъ готовымъ состоялъ также и по близости своихъ селеній исправнѣе быть могъ, а, на противъ того, отъ отдаленія напраснаго убытку и въ людяхъ умаленія не причинить, тобъ ихъ въ другія походы, кромѣ той Турецкой стороны, также и содержанія тамъ, карауловъ и разъѣздовъ, не командировать; ибо какъ и выше сего значить, отъ чрезвычайныхъ тягостей да и въ Прускомъ походѣ весьма многое число и болѣе тысячи человѣкъ изъ тѣхъ полковъ людей разными случаи убыло, а лошадей почти всѣхъ коихъ было до двѣнадцати тысячъ лишились, не упоминая протчихъ убытковъ, что съ крайнею ихъ трудностію должно было вновь комплектовать изъ ихъ же кошту и людьми дополнять изъ тѣхъ же самыхъ, кои всѣ тягости несутъ и исправляютъ.

Во мнѣніи его Генерала Фельдмаршала, на какомъ основаніи Слободскіе полки по жалованнымъ грамотамъ учреждены и въ перемѣну тѣмъ жалованнымъ грамотамъ состоятъ и нынѣ какимъ порядкомъ учредить надлежитъ включено:

1-е, по грамотамъ 7177, 7192, 7196 и 7700 годовъ быть въ тѣхъ полкахъ въ конной службѣ 3577-ми, а достальнымъ помогать въ службѣ по ихъ обыкновенію, а кромѣ той службы на годовую ни куда непосылать и другихъ тягостей не налагать, и вмѣсто жалованья всякими промыслами

имъ промышлять, и товары торговать безъ пошлинно, и угодьями владѣть, и вино курить, и шинковать безъ оброчно.

2) Въ 733 году имяннымъ указомъ повелѣно учредить казаковъ 4200 и къ нимъ подпрапорныхъ сколько надлежитъ да регулярныхъ при каждомъ полку по 100, а достальнымъ Казачьимъ дѣтямъ и свойственникамъ быть для укомплектованія убылыхъ мѣстъ, избирать съ нихъ ради казацкихъ нуждъ и вооруженія въ годъ по 10 коп. съ души, а съ подсосѣдковъ и подпомощиковъ по 18 коп. по три четверти для употребленія въ расходъ, куда въ предь указомъ опредѣлено будетъ.

3) Въ 743 году по имяннымъ Ея Императорскаго Величества указомъ по прошенію тѣхъ полковъ повелѣно содержать ихъ при прежнихъ вольностяхъ и на такомъ основаніи, какъ были при вседражайшемъ Ея Императорскаго Величества родителѣ блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти Государѣ Императорѣ Петрѣ Великомъ, точію казаковъ имѣть 5000, а учрежденной драгунской полкъ потому жъ ихъ прошенію, что казакамъ причиняютъ обиды и раззорѣніе, раскосовать и въ тожъ число въ казаки помѣстить.

По чему тѣ полки и содержались по 1751 годъ, а нынѣ де отъ тѣхъ полковъ представляется:

Представленіе Слободскихъ полковъ.	Мнѣніе Генерала Фельдмаршала.
Часть 1-я	
Вольности у нихъ пресѣчены.	
1-е.	на 1-й.
Торгъ всякими сольми, а довольствуются только Торскою и Бахмутскою и то съ крайнею—нуждою и за отдаленіемъ нѣкоторыхъ мѣстъ недостаткомъ и дороговизною.	Сей пунктъ предается на Высочайшее лутчее разсмотрѣніе, ибо по указу 1749 года Генерально во всей Имперіи установлено, почему и мнѣнія его представить не можетъ.

По справкѣ въ Военной Коллегіи

на 1-й пунктъ.

Въ 1757 году Марта 18 дня Генералъ Фельдмаршалъ Графъ Александръ Борисовичъ Бутурлинъ въ Коллегію рапортомъ представлялъ, Генералъ и Кавалеръ (что нынѣ Генералъ Фельдмаршалъ) Графъ Салтыковъ къ нему представлялъ же по указамъ де Главной Соляной конторы въ Слободскихъ полкахъ съ того 1757 года опредѣляется выварочною на Бахмут-

скихъ соляныхъ заводахъ соль содержать на откупѣ великороссійскимъ купцамъ Орловскимъ на 6 лѣтъ съ прибавкою къ указной цѣнѣ на пудъ по 1 коп.; а изъ Сумской и Ахтырской полковыхъ канцелярій представляютъ, что въ Слободскихъ полкахъ таковой подрядной соляной продажи никогда не бывало да и быть не слѣдуетъ, ибо по имяннымъ указамъ и жалованнымъ грамотамъ Слободскія полки состоятъ на особливыхъ привелегіяхъ и промыслъ имѣютъ безъ пошлинно и безъ оброчно и изъ того казачью службу продолжаютъ безъ жалованья; и ежели оную соль казакамъ продавать запретится, то они, по отъ рѣшеніи ихъ вольности, и службы исправлять не въ состояніи будутъ и могутъ отъ того по разнымъ мѣстамъ разойтится; и требуютъ тѣ Полковыя канцеляріи чтобы тѣхъ подрядчиковъ до продажи въ Слободскихъ полкахъ подрядной соли не допущать, а повелѣно бъ было оную продавать, какъ и прежде продавано было тѣхъ полковъ казакамъ по вольно выварочную на Бахмутскихъ и Торскихъ Заводахъ о чемъ Военной Коллегіи въ разсмотрѣніе онъ Генералъ Фельдмаршалъ представилъ, и съ присланной къ нему съ доношенія Генерала Лейтенанта Князя Кантемира копіи при томъ таковуюжъ копію приложилъ.

Въ которой написано:

Сумская и Ахтырская полковыя канцеляріи доношеніями къ нему Генералу Лейтенанту Князю Кантемиру представляли а именно: 1-мъ, Сумская по имянному Ея Императорскаго Величества 743 года Сентября 28 дня указу и поданнымъ жалованнымъ въ Слободскія полки грамотамъ велѣно тѣхъ полковъ Полковниковъ. Полковую и сотенную старшину и всѣхъ казаковъ содержать при прежнихъ ихъ вольностяхъ и на такомъ основаніи, какъ оныя содержаны были по силѣ жалованныхъ въ тѣ полки данныхъ въ 7171, 7172, 7196 и 1700 годовъ грамотъ. Полковникамъ Полковой и сотенной старшинѣ и казакамъ имѣть всякія вольности и всякими промыслы промышлять. и шинки держать, и шинковать, и вино курить безъ оброчно и безъ пошлинно и изъ тѣхъ промысловъ Полковую службу служить безъ жалованья. По имянному жъ Ея Императорскаго Величества 749 г. Декабря 15 указу повелѣно во всей Имперіи, гдѣ казенной соли продажа происходитъ, соль какъ выварочную такъ и самосадку бузунъ и протчую изъ казны, кромѣ Астрахани и Краснаго Яру, равною одною цѣною продавать по 35 копѣекъ, а въ Астрахани и въ Красномъ Яру противъ того въ полы по $17^1/_2$ коп. пудъ, а о Слободскихъ полкахъ о томъ не упомянуто; въ прошломъ же 750 г. Марта 10 по присланному изъ Бѣлогородской Губернской канцеляріи въ Сумскую полковую канцелярію указу въ силѣ Главной Соляной конторы указа жъ велѣно Слободскимъ полкамъ по прежнему обязательству и по силѣ посланныхъ изъ Главной Соляной

конторы въ 721 и 732 годахъ указовъ довольствіе солью имѣть съ казенныхъ Бахмутскихъ и Торскихъ соляныхъ заводовъ и о томъ тѣхъ всѣхъ полковъ Старшинамъ объявить указъ съ запискою и съ приложеніемъ рукъ, чтобъ они довольствовались солью покупая, или за заплату пошлинъ варили на сковородахъ въ тѣхъ казенныхъ Бахмутскихъ и Торскихъ заводахъ, а кромѣ оной другой не указной соли довольствія не имѣли подъ такимъ штрафомъ и истязаніемъ, какъ прежними указами подтверждено; и по силѣ тѣхъ указовъ какъ старшина такъ и казаки вываркою въ Бахмутскихъ и Торскихъ соляныхъ заводахъ съ указнымъ платежемъ солью и довольствуются и имѣя оною промыслъ продолжаютъ службу. А нынѣ не безъ извѣстно Сумской Полковой канцеляріи, что Орловскіе или другихъ городовъ великороссійскіе купцы компаніею взяли Бахмутскую соль на откупъ, чтобъ имъ оную варить и продавать въ Слободскихъ полкахъ такъ, какъ и въ великороссійскихъ городахъ; и ежели де оные купцы для продажи той соли по такой цѣнѣ такъ, какъ и въ великороссійскихъ городахъ продается, допущены будутъ, то какъ старшина такъ и казаки, яко уже многіе за запрещеніемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сумскаго полка виннаго куренія, пришли въ крайнее разорѣніе и лишились Ея Императорскаго Величества службы на ивяще тѣмъ отъ несвободной продажи, а паче что ихъ вольность пресѣчена будетъ въ довольствіи самимъ вываркою соли могутъ придти къ раззорѣнію и къ несостоянію Ея Императорскаго Величества продолжать положенной на нихъ казачей службы. 2-мъ, Ахтырская, съ прописаніемъ выше означенныхъ же жалованныхъ въ Слободскія полки грамотъ: въ прошлыхъ-де давныхъ годахъ, по Всемилостивѣйшимъ соизволеніямъ предковъ Ея Императорскаго Величества, Слободскія въ томъ числѣ и Ахтырской полки населены призванными изъ заднѣпрскихъ и малороссійскихъ мѣстъ вольными людьми въ Украинѣ въ самыхъ дикихъ степныхъ мѣстахъ отъ непріятельской стороны на татарскихъ сакляхъ и перелазахъ для защиты великороссійскихъ мѣстъ, подъ которые непріятели *свободной* проходъ имѣли и многія раззорѣнія чинили. И по на селеніи оныя полки служили вѣрно и безпорочно, во многихъ походахъ и знатныхъ баталіяхъ и акціяхъ и тамошнихъ Украинскихъ мѣстъ отъ приходовъ и набѣговъ непріятельскихъ оберегали и, показывая мужественное надъ непріятельскими людьми ополченіе, поиски и отпоръ чинили, не щадя живота и головъ своихъ. И чрезъ то все прошедшее время даже до учрежденія Украинской линіи въ пограничныхъ мѣстахъ разъѣзды и фарпосты сами отъ себя содержали и, про непріятельскіе намѣренія провѣдывая, заблаговременно, куда надлежало, вѣдомости чинили и во всемъ предковъ Ея Императорскаго Величества Высочайшее повелѣніе со всякимъ усердіемъ радѣніемъ и ревностію, не разсуждая о томъ, что сколько кратко чрезъ

непріятельскія нападѣніи всего своего имѣнія лишились и многія въ плѣнъ забраны исполняли, какъ вѣрноподданнымъ рабамъ принадлежитъ, и въ такомъ добромъ и порядочномъ состояніи находились, что на нихъ всегда твердая надежда была; и за таковые вѣрныя и не поколебимыя службы пожалованы отъ предковъ-же Ея Императорскаго Величества, а особливо блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти его Величества Государя Императора Петра Великаго, Всемилостивѣйшими грамотами и Высочайшею монаршею милостію снабдены и впредь обнадежены, чемъ они пользуясь, по вѣрно присяжной должности положенную службу изъ едыныхъ тѣхъ, кто чѣмъ сможетъ, промысловъ продолжаютъ; а въ 756 году Декабря 31 въ присланномъ изъ—Главной Соляной Конторы въ Ахтырскую—Полковую канцелярію указѣ, между протчимъ, написано: Сентября 3, въ Главную Соляную контору купцы Орловскіе Иванъ Рябовъ съ товарыщи поданнымъ въ оной соляной конторѣ доношеніемъ представляли, что они, для приращенія Ея Императорскаго Величества интереса и народной якобы пользы, желаютъ, варя въ Бахмутскихъ и Торскихъ соляныхъ заводахъ на казенныхъ сковородахъ своими дровами и работными людьми съ платежемъ за казенные сковороды положенныхъ указныхъ пошлинъ на передъ такъ какъ и протчія вольно варельщики платятъ и по вываркѣ ту соль для народнаго удовольствія развозить по всѣмъ Украинскимъ Слободскимъ полкамъ, гдѣ нынѣ казенныхъ продажъ не учреждено, и въ тѣхъ полкахъ, считая съ Января 757 года чрезъ 6 лѣтъ, продавать съ приложеніемъ къ указной продажной цѣнѣ по одной копѣйкѣ на пудъ и для тогобъ на Бахмутскихъ и Торскихъ соляныхъ заводахъ, гдѣ имъ способнѣе на ту выварку соли, сколько имъ потребно, давать казенные сковороды, чтобъ отъ другихъ вольно варельщиковъ помѣшательства чинено не было; и ежели де во время варенія во оныхъ сковородахъ учинится какая худоба и отъ того или отъ протчихъ какихъ нечаянныхъ случаевъ остановка, то оное время, сколько въ остановкѣ будетъ, вываривать ихъ допускать послѣ того безъ воспрещенія, дабы имъ въ томъ не понести напрасныхъ убытковъ; во время же того ихъ содержанія въ показанныя Слободскія полки другихъ всякаго чина людей для продажи съ солью не пускать и того чинить запретить, ибо они ту соль, какъ выше показано, варить, ставить и содержать будутъ своимъ коштомъ; и по поставкѣ той вывареной соли въ Слободскихъ полкахъ, сколько потребно будетъ имъ построить амбары и сараи, и для продажи лавки; и подъ тобъ строеніе отведены были имъ удобныя мѣста, и о протчемъ, какъ въ томъ указѣ значится и по оному тѣхъ Орловскихъ и мценскихъ купцовъ Рябова съ товарищи прошенію рѣченная Главная Соляная Контора опредѣлила выварку на Бахмутскихъ и Торскихъ соляныхъ заводахъ казенныхъ сковородахъ соли совзятьемъ съ нихъ за наемъ тѣхъ

сковородъ положенныхъ указныхъ пошлинъ и протчего какъ обыкновенно съ вольно варельщиковъ берется и отвозъ оной вываренной соли для народнаго удовольствія въ показанныя Слободскія полки и продажу оной чрезъ 6 лѣтъ учинить и посланнымъ отъ нихъ Рябова съ товарыщи прикащикомъ или повѣреннымъ по обязательству ихъ прикладывая къ указной продажной цѣнѣ за трудъ и на провозъ по одной копѣйкѣ, а именно: по 51 коп. пудъ безъ всякаго сверхъ того излишняго приложенія и ни малѣйшаго вольно-варельщикамъ продолженія и волокиты, и озлобленія не чинить и на складку той соли кладовыя амбары для продажи лавки, гдѣ пристойно, построить имъ Рябову съ товарыщи или повѣреннымъ ихъ изъ своего собственнаго капитала и для тогобъ отвесть удобныя мѣста, и въ томъ-бы строеніи воспрещенія имъ ни какого не чинить и чтобъ завозная имъ соль праздна безъ продажи не лежала, другихъ въ тѣ Слободскіе полки въ кои они Рябовъ съ товарыщи повезутъ изъ Бахмута и тому отпуску соли кромѣ Слободскихъ полковъ старшинъ и казаковъ, которымъ по вышеобъявленнымъ указамъ велѣно довольствоватся, покупая соль въ Бахмутѣ и Тору, не чинить а по неже де, какъ выше упомянуто, Слободскихъ полковъ Полковники, Полковая и Сотенная старшина и казаки по вышеобъявленнымъ жалованнымъ въ тѣ полки за вѣрные дѣдовъ и отцовъ безпорочныя службы тожъ кровопролитіе и полонное терпѣніе и осадное сидѣніе грамотамъ Всемилостивѣйше пожалованы вмѣсто годоваго денежнаго жалованья всякими промыслами промышлять безъ пошлинно и безъ оброчно, чего для и опредѣленная подмога отобрана въ сходность чего до сего достаточно безъ завозной казенной, которой ни когда въ Слободскихъ полкахъ не бывало, и откупщиковъ не имѣлось покупаемою у вольно варельщиковъ и вывариваемою на казенныхъ сковородахъ съ платежемъ указныхъ окладныхъ денегъ на Бахмутскихъ и Торскихъ соляныхъ заводахъ солью по всѣмъ городкамъ и селамъ довольствуются такожъ подданныхъ своихъ и работниковъ по деревнямъ и хуторамъ достаточно снабдеваютъ, а затѣмъ излишнюю другъ другу добровольно продаютъ и изъ того въ положенной службѣ исправными себя содержутъ;—ради какой надобности и нынѣ у старшины и казаковъ въ наличности немало оной имѣется, а что де кромѣ той соли другою неуказною не довольствовались и въ иные мѣста не провозили въ силѣ Ея Императорскаго Величества указовъ въ Ахтырскомъ полку въ подлежащихъ мѣстахъ караулы и заставы учреждены и въ крѣпкомъ того смотрѣніи Полковникъ и старшина обязаны подписками и затѣмъ обязательствомъ ежели въ томъ Бахмутѣ и въ Тору рѣченныя куппы сами соль варя въ Слободскихъ полкахъ продажу оной производить станутъ, а Слободскихъ полковъ казаки и обыватели къ тому вольно варенію по ихъ купеческимъ злохитреннымъ проискамъ съ платежемъ указ-

ныхъ пошлинъ къ продажѣ въ полковыхъ городахъ допущены не будутъ, то оныхъ полковъ какъ старшинѣ и казакамъ такъ и всѣму посполитству изъ того послѣдуетъ въ покупкѣ у нихъ купцовъ сверхъ свободности и и вольноварства немалая тягость и раззорѣніе, а къ тому и лишась своихъ вольностей во исправленіи положенной казачей службы крайней недостатокъ окажется да и Всемилостивѣйшимъ имяннымъ Ея Императорскаго Величества указомъ и милостиво жалованными грамотамъ нарушеніе послѣдовать можетъ, ибо-де оные купцы въ помянутой Главной Соляной Конторѣ о той имъ продажѣ въ Слободскихъ полкахъ соли съ прошеніемъ—исканіе имѣли ни ради приращенія интереса и народной пользы, но по единому ихъ откупщиковъ *не насытному лакомству* къ крайнему тѣхъ Слободскихъ полковъ старшины казаковъ и обывателей раззорѣнію, а какъ при тѣхъ казенныхъ заводахъ не только отъ нихъ купцовъ казенная съ вольно варенія прибыль но равная такъ какъ отъ старшинъ казаковъ и обывателей безъ упущенія доходить можетъ и сверхъ того оныя Старшина и казаки по своимъ жалованнымъ привелегіямъ вольностьми безъ отнятія онымъ пользоваться имѣютъ, а не такъ-де, какъ нынѣ отъ Главной Соляной Конторы помянутымъ купцамъ въ оброки въ Слободскихъ полкахъ та соль въ продажу въ отмѣну вышеписанныхъ милостиво пожалованныхъ въ полки грамотъ изображенныхъ въ томъ присланномъ указѣ состоявшихся имянныхъ 721, 732 и 749 годовъ Ея Императорскаго Величества указовъ по однимъ только предписанныхъ купцовъ для ихъ собственнаго прибытка неправильнымъ искательствамъ отдана да и въ состоявшемся Сентября 12 дня 756 г. по Высочайшей Ея Императорскаго Величества конфермаціи подписанной Правительствующимъ Сенатомъ указѣ между протчимъ напечатано: продавать соль во всѣхъ городахъ и мѣстахъ, гдѣ казенной соли продажа происходитъ, а въ Слободскихъ полкахъ таковой казенной продажи до сего никогда не бывало и нынѣ не состоитъ; и такъ, ежели-де они до той продажи дѣйствительно допущены будутъ, то какъ чрезъ самихъ ихъ такъ и отъ опредѣленныхъ отъ нихъ прикащиковъ и повѣренныхъ разными примѣтками не малыя причинятся могутъ обиды и раззорѣнія еще же по обширности Слободскихъ полковъ и въ нихъ населенныхъ городовъ, мѣстечекъ селъ и деревень, и хуторовъ достаточной продажи соли быть отъ нихъ не уповательно, по неже во всѣхъ тѣхъ населеніяхъ оной продажи быть не можно, а будежъ казакамъ и обывателямъ изъ отдаленныхъ мѣстъ къ покупкѣ отъ одной до десяти копѣекъ и свыше пріѣзжать и покупать по бѣдности ихъ въ раздробицу то иногда для какихъ примѣтокъ за не продажею отъ нихъ, откупщиковъ, и ихъ прикащиковъ и повѣренныхъ той соли время въ проѣздѣ напрасно тратить и во изнеможеніе съ домашними безъ соли приходить и чрезъ то, оставя по-

ложенную на нихъ службу, въ другіе свободныя мѣста расходиться могутъ, отъ чего бъ въ казачей службѣ и въ положенныхъ на нихъ денежныхъ окладахъ не послѣдовало умаленія и за то Полковой Канцеляріи не остатся въ безъвинномъ отвѣтѣ; и тѣми доношеніями помянутыя Полковыя канцеляріи требуютъ о не продажѣ показаннымъ откуповщикамъ соли и о отрѣшеніи оныхъ и о невводѣ въ предь въ Слободскіе полки таковыхъ откупщиковъ, яко оныя полки отъ великороссійскихъ городовъ на особливыхъ привилегіяхъ состоятъ да и ни какимъ откупамъ и откупщикамъ въ тѣхъ Слободскихъ полкахъ быть не велѣно, а повелѣно бъ было по прежнему на Бахмутскихъ и Торскихъ соляныхъ заводахъ за указныя окладныя деньги не чиня ни отъ кого ни какихъ препятствій и озлобленій старшинѣ и казакамъ соль свободно варить и оную какъ для себя такъ подданныхъ и работниковъ своихъ къ продовольствію содержать а за удовольствіемъ излишнюю ради содержанія себя впредь къ продолженію службы исправными, гдѣ кто пожелаетъ въ Слободскихъ полкахъ своей братьи продавать куда надлежитъ о представленіи и до полученія на то резолюціи тѣхъ полковъ старшинѣ и казакамъ продажею имѣющейся у нихъ вываренной на тѣхъ Бахмутскихъ и Торскихъ соляныхъ заводахъ соли о дозволеніи, а поненеже де уповательно и отъ протчихъ Полковыхъ канцелярій таковыя жъ представленіи будутъ, того ради о всемъ вышеписаномъ въ разсмотрѣніе представя, что повелѣно будетъ, онъ Генералъ-Лейтенантъ требуетъ резолюціи.

Узаконеніе.

Въ прошлыхъ годахъ въ данныхъ въ Слободскія полки жалованныхъ грамотахъ (съ которыхъ въ коллегіи имѣются копіи) между протчимъ изображено:

Въ 1-й, 7177 (1669) года Его Царское Величество пожаловали Слободскихъ полковъ Полковниковъ Старшину и все посольство за ихъ службы вмѣсто годоваго денежнаго жалованья отдать оброки съ промысловъ ихъ съ котловъ съ винныхъ и съ пивныхъ, и съ шинковъ и впредь для полковой службы такими промыслы въ городахъ тѣхъ полковъ промышлять безъ оброчно.

Во 2-й, 7192 (1684) г. таможенную пошлину съ русскихъ со всякихъ чиновъ людей и съ пріѣзжихъ съ русскихъ-же и черкасъ со всякихъ ихъ продажныхъ товаровъ сбирать имъ черкасомъ самимъ по уставной грамотѣ, а пошлинныя деньги платить въ Бѣлгородѣ безъ недобору по вся годы сполна, а виномъ и пивомъ, и медомъ торговать имъ въ своихъ городахъ по прежнему безъ пошлинно.

Въ 3-й, 7196 (1688) г. съ мельницъ оброчныхъ денегъ не имать и владѣть имъ тѣми мельницами и всякими промыслы промышлять по прежнему-жъ безъ оброчно.

Въ 4-й, 1700 г. кромѣ воловой Полковой Конной службы, ни куда на годовую службу не посылать и иныхъ тягостей и подводъ у нихъ безъ указу и безъ грамотъ изъ разряду никому не имать и промыслами своими, какія у нихъ есть, въ городахъ мельницами и рыбными ловлями и всякими угодьями владѣть и всякими жъ промыслами промышлять и шинки держать безъ оброчно и безъ пошлинно.

По ихъ черкаскому обыкновенію по прежнимъ указамъ и жалованнымъ грамотамъ, а въ которыхъ городахъ построены кабаки, таможни и мосты, и перевозы на оброкѣ и отданы имъ на откупъ безъ перекупки и отосланы въ ратушу и тѣмъ сборамъ и откупамъ быть въ ратушѣ по прежнему указу.

Въ 743 году въ присланныхъ изъ Правительствующаго Сената въ Военную Коллегію указахъ между протчимъ же написано:

Въ 1-мъ, Октября 12 дня Ея Императорское Величество въ Высочайшемъ присутствіи въ Правительствующемъ Сенатѣ Сентября 28 дня имяннымъ указомъ подписаннымъ собственною Ея Императорскаго Величества рукою на докладѣ Правительствующаго Сената по прошенію Слободскихъ полковъ Полковниковъ и старшины указать соизволила: оныя Слободскія полки содержать на прежнихъ ихъ вольностяхъ и на такомъ основаніи, какъ содержаны были Ея Императорскаго Величества при вселюбезнѣйшемъ родителѣ блаженныя и вѣчно достойныя памяти Государѣ Императорѣ Петрѣ Великомъ по силѣ жалованныхъ и данныхъ въ тѣ полки грамотъ 7177, 7192, 7196 и 1700 годовъ и тѣхъ полковъ Полковниковъ старшинѣ и казакамъ за ихъ службы вмѣсто годоваго денежнаго жалованья всякими промыслами и всякими жъ товарами торговать безъ пошлинно и мельницами рыбными ловлями и всякими угодьи владѣть, и шинки держать во всѣхъ ихъ городахъ, и вино курить, и шинковать безъ оброчно и съ тѣхъ промысловъ служить имъ полковую службу по прежнему безъ жалованья; а въ которыхъ городахъ на оброкѣ содержатся у нихъ таможни, мосты, перевозы и отданы имъ на откупъ безъ перекупки, тѣмъ и отъ нынѣ по силѣ вышеписанныхъ грамотъ быть за ними-жъ по прежнему и сборные деньги записывать въ книги, а откупныя платить въ тѣжъ мѣста, куда прежде платили по всягодно и безъ доимочно и того ради жалованныя прежнія грамоты вновь—Ея Императорскаго Величества жалованными грамотами подтвердить изъ Сената.

Во 2-мъ, Декабря 7 дня каковымъ по силѣ имяннаго Сентября 28 дня 1743 г. указа изъ Правительствующаго Сената Слободскихъ полковъ Пол-

ковникамъ съ старшиною и казаками жалованныя грамоты въ томъ 743 г. Ноября 22 даны изъ оныхъ съ одной приложена при томъ копія,

а во оной написано:

Ея Императорское Величество въ разсужденіи всеподданнѣйшаго къ Ея Императорскому Величеству Слободскихъ полковъ Полковниковъ и старшины прошенія Всемилостивѣйше тѣхъ Слободскихъ полковъ Полковниковъ Полковую и Сотенную старшину и всѣхъ казаковъ пожаловали: повелѣли содержать ихъ при прежнихъ ихъ вольностяхъ и на такомъ основаніи какъ оные содержаны были Ея Императорскаго Величества при вседражайшемъ Государѣ родителѣ и по силѣ вышеобъявленныхъ жалованныхъ и въ тѣ полки данныхъ 7177, 7192, 7196 и 1700 годовъ грамотъ и тѣхъ Слободскихъ полковъ Полковникамъ Старшинѣ и казакамъ за ихъ службы вмѣсто годоваго денежнаго жалованья всякими промыслами промышлять и всякими товарами торговать безъ пошлинно, также мельницами рыбными ловлями и всякими угодьи владѣть и шинки держать во всѣхъ ихъ городахъ, и вино курить и шинковать безъ оброчно и съ тѣхъ промысловъ служить имъ полковую службу по прежнему безъ жалованья.

Въ 749 году Декабря 15 и 756 г. Сентяб. 12 числъ по состоявшимся публикованнымъ по 1-му Имянному а по 2-му Сенатскому указамъ повелѣножъ соль изъ казны продавать во всѣхъ городахъ и мѣстахъ гдѣ казенной соли продажа происходитъ, кромѣ Астрахани и Краснаго Яру, по 1-му, по 35 коп., а по 2-му по 50 коп. пудъ, а въ Астрахани и въ Красномъ Яру противъ того въ полы.

Въ 760 году Января отъ 7 числа въ указѣ изъ Правительствующаго Сената объявлено во ономъ де Сенатѣ опредѣлено Главной Соляной Конторѣ по сношенію съ Оберъ Штеръ Кригсъ Коммисаромъ Волковымъ ко учрежденію въ Малороссіи и въ Слободскихъ полкахъ казенной соляной продажи чрезъ нарочно посланныхъ людей въ Малороссіи и Слободскихъ полкахъ и въ пограничныхъ къ Малороссіи городахъ въ способныхъ мѣстахъ, а особливо въ такихъ, гдѣ водяной ходъ есть, по Тракту отъ Дмитріевскихъ магазейновъ слѣдуя къ Малой россіи на половинѣ дороги учредить магазейны и построить или на первой случай готовыя нанять амбары и для продажи изъ казны соли во всѣхъ тамошнихъ городахъ и въ знатныхъ мѣстахъ лавки и учредить казенные вѣса и для того по требованіямъ Главной и Низовой соляныхъ конторъ и посланныхъ отъ нихъ въ отводѣ подъ строеніе магазейновъ и лавокъ мѣстъ и на первой случай у тѣхъ магазейновъ въ опредѣленіи для караула и въ протчемъ къ тому принадлежащемъ Малороссійскому Гетману, Губернаторамъ и Воеводамъ и находящимся въ тѣхъ мѣстахъ воинскимъ командамъ и до кого оное касатся

будетъ чинить безъ упущенія времяни вспоможеніе ибо въ томъ зависитъ Высочайшей Интересъ.

Въ томъ же 760 году Апрѣля 17 дня въ Военную коллегію промеморіею изъ Главной Соляной Конторы между протчимъ объявлено: по указу де изъ Правительствующаго Сената Декабря отъ 18 полученному 24 числа 759 года велѣно въ Малороссіи и въ Слободскихъ полкахъ съ нынѣшняго 761 года учредить казенную соляную продажу и соль продавать одною равною цѣною по 50 коп. пудъ.

Представленіе Слободскихъ полковъ.	Мнѣніе Генерала Фельдмаршала.
2.	на 2.
О безпошлинномъ торгу товарами. Когда товарами безъ пошлинно торговали, то каждой довольствовался для себя, и были въ лутчемъ состояніи къ томужъ приборныя сверхъ окладовъ отдавались въ ихъ общую пользу.	Какъ уже оное внутреннее взятье пошлинъ во всемъ Государствѣ Генерально имяннымъ Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества Декабря 20 дня 1753 года указомъ отмѣнено, а тарифная по всей границѣ учреждена, то остается и нынѣ въ сходственной съ содержаніемъ того указа силѣ.

По справкѣ въ Коллегіи.

на 2-й пунктъ

Узаконеніе.

Какія о безъ пошлинномъ торгу и о протчихъ вольностяхъ въ Слободскія полки жалованныя грамоты даны и указы состоялись, о томъ въ справкѣ Коллегской на 1-й пунктъ во узаконеніи росписано выше сего.

Да въ 753 году Декабря 20 числа въ состоявшемся имянномъ Ея Императорскаго Величества Всемилостивѣйше публикованномъ указѣ между протчимъ-же напечатано: Ея Императорское Величество Всемилостивѣйше жалуетъ и освобождаетъ всякаго званія людей, которые слѣдующимъ платежемъ подвергнуты отъ платежа внутри Государства таможенныхъ и мелочныхъ сборовъ то есть 1-е, таможенныхъ съ товаровъ, съ хлѣба и со всякихъ съѣстныхъ припасовъ, съ сѣна и дровъ и съ протчаго что въ Москвѣ въ большую помѣрную и мытенную также и въ другихъ городахъ въ таможни сбиралось, кромѣ конскихъ пошлинъ, 2-е, съ найма извощиковъ и сплавныхъ судовъ десятой доли и съ извозу, 3-е, съ клейменія хомутовъ, 4-е, съ мостовъ и перевозовъ, 5-е, вмѣсто валешныхъ подъемныхъ, 6-е съ подпалыхъ и палыхъ лошадиныхъ и яловочныхъ кожъ изъ скотины,

7-е, привальныхъ и отвальныхъ, 8-е, съ яицкой рыбы десятаго сбору, 9-е, канцелярскихъ мелочныхъ, 10-е, съ ледоколу и водопою, 11-е, съ четвериковъ помѣрныхъ, 12-е, съ продажи дегтя, 13-е, съ вѣсовъ вещихъ товаровъ, 14-е, съ каменнаго жерноваго промысла и горшечной глины, 15-е, съ проѣзжихъ грамотъ печатныхъ, которыя сбираются въ Казанской таможнѣ, съ проѣзжихъ торговыхъ людей при объявленіи выпесей, 16-е, вычетныхъ у винныхъ подрядчиковъ и у объявителей за домовыми расходы не донимаемыхъ по выписямъ таможенныхъ пошлинъ, 17-е, съ таможеннаго письма; чего ради Всемилостивѣйше повелѣно: всѣ таможни, имѣющіяся внутри Государства, кромѣ портовыхъ и пограничныхъ, уничтожить и какъ имъ не быть, такъ и вышеписаннаго сбору не сбирать, а ту сумму сбирать въ портовыхъ и пограничныхъ таможняхъ съ провознаго и отвознаго товару внутренныя пошлины единственно по 30 коп. съ каждаго рубля болѣе жъ сего съ того товару, съ котораго вышеписанное возмется внутренней ни гдѣ не брать, которую какъ иностранные и Россійскіе купцы съ привозныхъ такъ подданные Ея Императорскаго Величества съ отвозныхъ товаровъ платить имѣютъ, ибо Россійскіе купцы внутри Государства всякіе товары продавать и покупать будутъ безъ пошлинно, которой пошлины съ одного товару съ продажи и съ покупки въ одинъ рядъ бываетъ въ платежѣ по гривнѣ съ рубля, а съ перепродажи одинъ другому сверхъ того пошлину жъ платили и тако съ одного товару тройная пошлина и болѣе въ платежѣ бываетъ а нынѣ тѣ купцѣ отъ того всего уже будутъ свободны, а только той внутренней пошлины какъ выше сего явствуетъ платить будутъ въ однихъ портовыхъ и пограничныхъ таможняхъ противъ прежняго при портахъ внутренного платежа 5-ти копѣекъ съ прибавкою — токмо по 8 коп. съ рубля также и иностранные купцы отъ платежа той внутренней пошлины излишняго убытка претерпѣть не могутъ, ибо они тѣ свои товары продавать будутъ Россійскимъ купцамъ не инако какъ съ пріумноженіемъ той пошлины; кто жъ изъ Россійскихъ купцовъ о поставкѣ къ портамъ товаровъ до нынѣшняго новаго учрежденія съ иностранными купцами контракты заключили, тѣмъ быть въ своей силѣ токмо по сему учрежденію при портахъ и пограничныхъ таможняхъ съ тѣхъ товаровъ прежнее положеніе внутренней пошлины платитъ тѣмъ, кто контрактомъ обязался, а къ тому вновь прибавочную 8 коп. съ рубля платить Ея Императорскаго Величества подданнымъ, а не иностраннымъ въ разсужденіи послѣдующей имъ изъ того пользы, буде же прежняго положенія пошлину кому платить въ контрактахъ, заключенныхъ не написано, то и оная остается въ платежъ съ стороны подданныхъ Ея Императорскаго Величества, положенные жъ платежемъ съ привозу и отвозу товаровъ по тарифу портовыя — ефимочныя пошлины остаются впредь до указу на прежнемъ основаніи.

Представленіе Слободскихъ полковъ.

3.

О порубкѣ лѣсовъ.

Протчими жъ вольностьми весьма мало пользуются—рыбныхъ ловель—почти совсѣмъ нѣтъ, сѣнокосные луга многіе отошли на Кирасирскіе заводы, а и лѣсные дачи рубятъ армейскіе команды безъ всякой заплаты и крайне уже опустошены и сверхъ того въѣзжаютъ отъ губернскихъ канцелярій вальдмейстеры, отъ коихъ не токмо сбереженія лѣсамъ, но паче казакамъ чинятъ обиды и раззорѣніи.

Мнѣніе Генерала Фельдмаршала.

на 3-й.

По рубку лѣсовъ армейскимъ командамъ самовольно такожъ и въѣздъ вальдмейстеровъ, что оные угодьи точно по привилегіямъ для ихъ довольствія оставлены, запретить, а когда для полковъ востребуется тобъ по ассигнаціямъ отъ Полковыхъ и Сотенныхъ канцелярій ту рубку лѣсовъ имѣли, а и смотрѣніе лѣсовъ поручить тѣмъ же Полковымъ и Сотеннымъ Командирамъ, дабы отъ напрасныхъ примѣтокъ не претерпѣвали раззорѣнія и о томъ въ губернскіе канцеляріи подтвердить указами.

По справкѣ въ Коллегіи

на 3-й пунктъ.

Въ 758 году Мая 5 числа Генералъ Фельдмаршалъ Графъ Александръ Борисовичъ Бутурлинъ при доношеніи въ Коллегію со мнѣніемъ его Генерала Фельдмаршала о избавленіи Слободскихъ полковъ отъ излишнихъ въ силѣ жалованныхъ въ тѣ полки грамотъ наложеній представилъ экстрактъ, въ которомъ между протчимъ въ 8 пунктѣ написано: отъ Воронежской губерніи посылаются офицеры ежегодно въ должность валтмейстеровъ съ немалою командою въ полкъ Острогожской въ такія мѣстечка, гдѣ не токмо заповѣдныхъ лѣсовъ, но для домашнихъ надобностей весьма мало имѣется, и чинятъ казакамъ немалыя грабительства и раззорѣніи; на что во мнѣніи его Генерала Фельдмаршала изображено: сіе де принадлежить до разсмотрѣнія Правительствующаго Сената, добы единственное въ силѣ состоявшихся Ея Императорскаго Величества указовъ опредѣленіе положить и во всѣ мѣста о не чиненіи излишнихъ имъ примѣтокъ и раззорѣній подтвержденіе учинить.

Въ 760 году Декабря 31 дня Генералъ и Кавалеръ Стрешневъ рапорь томъ представлялъ въ Сумскую де Полковую канцелярію: опредѣленной въ Бѣлогородскую и Воронежскую губерніи къ смотрѣнію и береженію заповѣдныхъ лѣсовъ Главной надзиратель Подполковникъ Рахмановъ двумя промеморіями представлялъ, 1-й по силѣ де Правительствующаго Сената

указа велѣно ему, Подполковнику, быть во оныхъ губерніяхъ у смотрѣнія заповѣдныхъ лѣсовъ Главнымъ надзирателемъ, по чему онъ для того осмотру находится въ Бѣлогородской губерніи; и въ проѣздѣ его въ городѣ Сумахъ усмотрѣно, что близь онаго города чрезъ рѣку Пчелъ большой мостъ построенъ изъ заповѣднаго дубоваго лѣсу; такожъ вышеписаннаго города у жителей близь дворовъ по улицамъ какъ въ строеніи, такъ и въ нестроеніи заповѣднаго лѣсу имѣется многое число а о вырубкѣ тѣхъ заповѣдныхъ лѣсовъ на казенныя дѣла и на домовыя надобности дозволительныя указы имѣются-ль такожь и объявленной мостъ казенной-ли или на содержаніи обывательскомъ состоитъ, требовалъ извѣстія. 2-й, въ силѣ де валтмейстерской инструкціи о не чиненіи какъ въ городѣ Сумахъ, такъ и онаго полка въ слободахъ заповѣдному лѣсу порубки о запрещеніи и къ смотрѣнію той порубки какъ въ городѣ Сумахъ, такъ вѣдомства онаго города въ сотняхъ и слободахъ о выборѣ въ каждомъ мѣстѣ по 4 человѣка лѣсовыхъ надсмотрщиковъ, которыхъ прислать къ нему для дачи имъ какимъ порядкомъ имѣть смотрѣніе и лѣса беречь инструкціи, такожъ и чтобъ оказавшейся въ порубкѣ безъ указовъ дубовой лѣсъ, осмотря, вынуть и свесть въ удобные мѣста и до указу отдать подъ сохраненіе требовалъ о присылкѣ къ Главно надзирательнымъ дѣламъ депутата; И потѣмъ-де промеморіямъ по справкѣ въ Сумской Полковой Канцеляріи пожалованнымъ въ Слободскіе полки въ 7171, 7172, 7196 и 1700 годахъ грамотамъ сначала оныхъ поселенія старшинамъ и казакамъ дозволено земли и лѣсныя дачи, пасеки и всякія угодьи занимать, вино курить, шинковать, торговать, промыслы промышлять безъ оброчно и безъ пошлинно и изъ того служить казачью службу безъ жалованья что и въ 743 году Сентября 28 дня, по имянному Ея Императорскаго Величества указу, Всемилостивѣйше подтверждено и особливыми жалованными грамотами тѣ Слободскія полки снабдены; и, въ силѣ де тѣхъ жалованныхъ грамотъ, сначала поселенія Сумскаго полка старшина и казаки имѣютъ заимочныя лѣса и съ тѣхъ времянъ довольствуются оными свободно, но и тѣ лѣса по тамошнимъ больше въ положеніи степнымъ мѣстамъ, а особливо дубоваго весьма имѣется мало заповѣдныхъ же въ Сумскомъ полку и описныхъ лѣсовъ ни какихъ не имѣется да и чтобъ заимочными лѣсы въ Слободскихъ полкахъ старшина и казаки не довольствовались и безъ дозволительныхъ указовъ не рубили запретительныхъ указовъ не имѣлось, по чему Сумской большой Псельской мостъ, яко состоитъ на казенномъ содержаніи, за казенныя-жъ деньги исправляется покупнымъ лѣсомъ отъ близь владѣльческихъ и казачьихъ лѣсныхъ дачь, то жь старшина и казаки въ строеніе употребляютъ дерево изъ своего лѣса и надъ состоящими въ Сумскомъ полку лѣсами опредѣленныхъ смотрителей не бывало по состоявшейся жъ въ 732 году валтмей-

стерской инструкціи запрещеніе токмо о таковыхъ лѣсахъ подтверждается, которые въ указныхъ и за указными отъ рѣкъ верстами состоятъ, по которымъ рѣкамъ лѣсъ плавить можнобъ было, а въ Сумскомъ полку находящіяся рѣки, яко мельничными запружены плотинами и построенныхъ мостовъ перебиты пальмы, коммуникацей и большими рѣками не имѣеть и въ близости большихъ рѣкъ отъ Сумскаго полка не имѣется; и по той инструкціи къ запрещенію не слѣдуетъ и дабы казаки и протчіе жительствующіе отягощенія и вящихъ побѣговъ не имѣли о не воспрещеніи рубить лѣсовъ и о—не выборѣ лѣсовыхъ надсмотрщиковъ тожи и о—не отправленіи депутата Полковая Канцелярія требовала резолюціи о чемъ Военной Коллегіи въ разсмотрѣніе представилъ и требовалъ указа.

Узаконеніе.

Какія о вольностяхъ Слободскихъ полковъ жалованныя въ тѣ полки грамоты даны и указы состоялись, о томъ въ справкѣ Коллежской на 1-й пунктъ во узаконеніи росписано выше сего, а о заимкахъ ниже сего въ 4 пунктѣ.

Да и въ 732 году Мая 11 дня въ указѣ изъ Правительствующаго Сената напечатано: въ 1-мъ пунктѣ по рѣкамъ Волгѣ начиная отъ Нижегородскаго уѣзда внизъ пока по той рѣкѣ лѣса находятся и по впадающимъ въ Волгу въ тѣхъ мѣстахъ рѣкамъ-же Окѣ, Курѣ, Камѣ и въ нихъ впадающихъ въ Вяткѣ, Араторѣ, Черемшанѣ, Свіягѣ и подругимъ, которыя вnихъ теченія имѣютъ и въ Новгородской губерніи около Ладожскаго, Ильменя, Онѣга озеръ и повпадающимъ въ нихъ рѣкамъ и по рѣкамъ же Лугѣ и Плюсѣ и текущихъ вnихъ и по рѣкамъ Дону, Воронежу, Битюгу и Корцу, Хопру и другимъ вnихъ впадающимъ по Днѣпру и Дѣснѣ рѣкѣ и вnихъ принадлежащимъ рѣкамъ же по Двинѣ рѣкѣ, которая впадаетъ въ Бѣлое морѣ и по текущимъ въ нее и по протчимъ рѣкамъ, какъ о томъ въ инструкціи 1-мъ въ уставѣ изображено на строеніе караблей и иныхъ морскихъ судовъ, кромѣ Башкирскаго владѣнія и отдаленныхъ въ Сибирѣ городовъ отъ оныхъ озеръ и по большимъ рѣкамъ въ стороны по сту а по малымъ, по которымъ къ Адмиралтействамъ лѣса сплавливать можно, хотя судами или плотами по 25 верстъ—дубу, клену, илиму, ясеню, вязу, лиственицы и сосны, которая толщиною отъ корени въ діаметрѣ въ 12 вершковъ и больше, а дубу и далѣе тѣхъ верстъ какъ къ казеннымъ, такъ и къ другимъ ни къ какимъ дѣламъ безъ позволенія Адмиралтейской—коллегіи Губернаторовъ и воеводъ и опредѣленныхъ валтмейстеровъ отнюдь ни кому не рубить и сдираніемъ коры и на борты не портить, и не поджигать, и ни какого вреда не чинить, а хранить оные для корабельнаго строенія, во 2-мъ, въ смотрѣніи заповѣдныхъ лѣсовъ росписавъ по частямъ

которымъ селамъ или деревнямъ принадлежить, такъ какъ прежде засѣчныя лѣса въ смотрѣніи расписанные были звенами и опредѣлить въ лѣсные надсмотрщики, выбравъ въ тѣхъ же селахъ и деревняхъ изъ обывателей по общему Губернаторовъ и воеводъ разсмотрѣнію и при томъ обывателямъ объявить, чтобъ каждой въ своихъ дачахъ описной заповѣдной лѣсъ на крѣпко берегли и осматривали и не токмо чужимъ въ рубкѣ позволяли, но и сами не рубили и людямъ ихъ и крестьянамъ отнюдь безъ отводу надсмотрщика и не запятнавъ указнымъ пятномъ рубить не велѣли и въ томъ велѣть подписываться владѣльцамъ самимъ, а гдѣ самихъ нѣтъ, прикащикамъ ихъ, а буде прикащиковъ нѣтъ—старостамъ и лутчимъ крестьянамъ, что оной указъ слышали и исполнять будутъ.

Въ инструкціи или уставѣ какимъ образомъ потребныя для содержанія флотовъ лѣса, гдѣ заказаны и порядочно готовлены и рублены быть имѣютъ и какъ въ береженіи ихъ поступать, того жь 11 числа Мая въ 2 пунктѣ напечатано: валтмейстеромъ быть по рѣкамъ, а именно: по Волгѣ отъ Воронежа до Нижняго одному, а другому отъ Нижняго до тѣхъ мѣстъ, пока лѣса обрѣтаются, а въ Волгу по текущимъ рѣкамъ Окѣ, по Курѣ, по Камѣ и по другимъ знатнымъ мѣстамъ, которыя въ тѣ рѣки впадаютъ, на каждой рѣкѣ и по нихъ впадающихъ же знатныхъ рѣкахъ по одному жъ или по препорціи разстоянія мѣста; надъ рѣками жъ, впадающими въ Ладожское да въ Ильмень и въ Онегу озера, одному жъ, а которыя мелкіе рѣки въ тѣ—вышеписанные рѣки впадаютъ и можно ими лѣса сплавливать, смотрѣніе имѣть тѣмъ же опредѣленнымъ по знатнымъ рѣкамъ валтмейстерамъ, которыхъ выбирать изъ дворянъ или отставныхъ офицеровъ тамошнихъ мѣстъ ближнихъ помѣщиковъ, кои бъ могли пропитаніе имѣть отъ деревень своихъ добрыхъ, извѣстныхъ людей и, перемѣняя по два или по три года, и валтмейстерамъ меньшихъ рѣкъ быть подъ командою Валтмейстеровъ большихъ рѣкъ, а по рѣкамъ Двинѣ, Дону и Днѣпру и принадлежащимъ къ нимъ смотрѣніе имѣть тѣхъ губерній, въ которыхъ они обрѣтаются, Губернаторамъ и воеводамъ и для лутчаго выбрать лѣсныхъ надзирателей по тому жъ изъ тамошнихъ дворянъ.

А нынѣ справкою изъ Правительствующаго Сената на требованіе въ Военную Коллегію показано: прошлаго де 760 года Сентября 4 и 13, Октября 23, Ноября 6 и 17 числъ опредѣленіями Правительствующаго Сената и посланными въ Адмиралтейскую Коллегію и въ губерніи и провинціи указами велѣно всѣхъ опредѣленныхъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ по послѣдней описи годныхъ на карабельное строеніе лѣсовъ нѣтъ, валтмейстеровъ немедленно отрѣшить, а гдѣ годные есть, то и тамъ опредѣлять по силѣ валтмейстерской инструкціи изъ дворянъ или изъ отставныхъ офицеровъ тамошнихъ мѣстъ ближнихъ помѣщиковъ добрыхъ и извѣстныхъ людей

безъ излишества, а за указными отъ рѣкъ верстами помѣщикомъ годныя беречь такъ, какъ свои собственныя, и валдмейстерамъ къ нимъ не въѣзжать, чего за ними смотрѣть Губернаторамъ и воеводамъ и Адмиралтейской Коллегіи.

Въ 742 году Августа 18 дня по состоявшемуся имянному Ея Императорскаго Величества печатному публикованному указу между протчимъ повелѣно по 3-му пункту: Генералитету, Штабъ и Оберъ-офицерамъ, кои чрезъ Малую Россію и Слободскіе полки времянно проѣзжаютъ или винтеръ квартиры имѣть будутъ на квартиры свои уголья и дровъ отъ тамошнихъ обывателей и лѣсовъ для отводу на дрова и на другія потребности (кромѣ того, что необходимо принадлежать будетъ къ казеннымъ полковымъ потребностямъ) безъ денежно отнюдь не требовать и не брать подъ опасеніемъ военнаго суда, а довольствоваться каждому, покупая да и на казенныя полковыя потребности, что необходимо понадобится, онаго требовать отъ тамошней старшины и исправлять людьми и лошадьми полковыми, не требуя къ тому для работы людей и лошадей; по 6-му: стоящимъ на винтеръ квартирахъ Генералитету-жъ, такожъ Штабъ, Оберъ и унтеръ-офицерамъ и ни кому для своихъ лошадей на конюшенные и на другіе строеніи и потребности тамошнихъ обывательскихъ лѣсовъ безъ денежно и къ тѣмъ строеніямъ людей отнюдь небрать и не требовать, а ежели случатся необходимо какія полковыя строеніи, безъ которыхъ ни какимъ образомъ обойтится не возможно, и на такое строеніе лѣсовъ требовать отъ тамошней же старшины, а для строенія и въ работу отъ полковъ употреблять драгунъ и солдатъ и протчихъ заротныхъ чиновъ, а казаковъ и посполитыхъ людей отнюдь къ такимъ строеніямъ и ни подъ какими виды въ работу неупотреблять же подъ опасеніемъ воинскаго суда и безъ отводу обывательскихъ лѣсовъ собою ни на что не рубить.

Представленіе Слободскихъ полковъ.	Мнѣніе Генерала Фельдмаршала.
4.	на 4.
О Винномъ куреніи и о земляхъ. Винное куреніе, которое имъ за послѣдней и способной промыслъ оставался, во многихъ ихъ мѣстечкахъ запрещено, и причинены не малыя раззорѣніи, ибо смежные къ Слободскимъ полкамъ воеводскія канцеляріи показали, якобы тѣ мѣстечка состоятъ въ уѣздахъ Великороссійскихъ городовъ, но по слѣдствію того не нашлось, о чемъ и въ Правительствующій Сенатъ	Какъ уже точное о не запрещеніи онымъ Слободскимъ полкамъ въ куреніи и въ шинкованіи вина въ Правительствующемъ Сенатѣ рѣшеніе воспослѣдовало, но онаго до нынѣ не исполняется, того ради Правительствующаго Сената указомъ подтвердить вновь, а сверхъ того привилигированные по пожалованнымъ грамотамъ земли отъ великороссійскихъ отмѣже-

отъ бывшаго при томъ Маiора Трунова съ ландъ картами представлено, по которымъ въ 738 г. Ноября 19 въ Сенатѣ и опредѣлено по силѣ жалованныхъ Слободскимъ полкамъ грамотъ и состоявшагося въ 743 году имяннаго Высочайшаго указу въ куренiи имъ вина и въ шинкованiи ни какого запрещенiя и напрасныхъ примѣтокъ отнюдь не чинить, кромѣ означенныхъ точно въ томъ опредѣленiй шести мѣстечекъ, а и о тѣхъ мѣстечкахъ, кои въ сумнительствѣ остались, велѣно разсмотрѣть Камеръ Коллегiи обще съ вотчинною Коллегiею жъ,—точiю онаго до нынѣ не исполнено; а между тѣмъ казакамъ отъ воеводскихъ и корчемныхъ канцелярiй потому-жъ чинятся притесненiи и несносныя раззорѣнiи.

вать, чего для и послать отъ межевой канцелярiи нарочнаго а при томъ и отъ тѣхъ Слободскихъ полковъ быть изъ старшинъ по одному и когда оное межеванiе кончится, то живущихъ въ тѣхъ полкахъ и поселенныхъ отъ помѣщиковъ на купленныхъ у нихъ земляхъ великороссiйскихъ крестьянъ всѣхъ безъ изъятiя перевесть на прежнiя жилища и въ предь имъ казакамъ и ихъ старшинамъ тѣ земли, яко пожалованныя по грамотамъ для ихъ службы, великороссiйскимъ въ сходство имяннаго 734 года Мая 19 числа указу продавать запретить и уже какъ Воронежской такъ и Бѣлогородской губернiямъ ни какого до тѣхъ полковъ дѣла неимѣть и въ винномъ куренiи и въ продажѣ внутрь тѣхъ полковъ и мѣстечекъ, изъ коихъ нѣкоторые хотя и особо отъ полковъ и между великороссiйскими землями жительство имѣютъ, однакожъ не на великороссiйскихъ, но на ихъ жалованныхъ земляхъ поселены ни какого запрещенiя не чинить точiю съ таковымъ тѣмъ полкамъ подтвержденiемъ, дабы отнюдь въ великороссiйскiе городы вина не вывозили и съ великороссiйскими людьми не шинковали, а ежели кто изъ обывателей тѣхъ полковъ въ такомъ преступленiи явится, то поступать какъ съ корчебниками, токмо отсылать для штрафовъ въ полковые канцелярiи, гдѣ и чинить оные какъ регулярнымъ воинскимъ, такъ и неслужащимъ на основанiи указовъ, а сверхъ того наказанiя, ежели таковыя преступники будутъ изъ отдаленныхъ мѣстечекъ то чтобъ впредь отъ—нихъ таковыхъ же шалостей не было отдаляя отъ Великороссiйскихъ городовъ переселять ихъ внутръ полковъ ежели-жъ кто пойманы будутъ съ корчемнымъ виномъ великороссiйскiе а показывать станутъ

что оное куплено ими у Слободскихъ жителей таковыхъ продавцовъ и съ тѣми пойманными для надлежащего слѣдствія отсылать въ городовые корчемные или и въ полковые Слободскихъ полковъ канцеляріи точію по способности куда ближе при депутатахъ ибо отъ примѣтокъ городскихъ канцелярій въ великія раззорѣніи—впадаютъ и слѣдствіи продолжаются.

По справкѣ въ Коллегіи.

на 4-й пунктъ.

Въ 758 году Мая 5 дня Генералъ Фельдмаршалъ Графъ Александръ Борисовичъ Бутурлинъ при доношеніи въ Коллегію со мнѣніемъ своимъ о—избавленіи Слободскихъ полковъ отъ излишнихъ въ силѣ жалованныхъ въ тѣ полки грамотъ наложеній представилъ экстрактъ, въ которомъ между протчимъ въ 7-мъ пунктѣ написано: отъ Бѣлгородской и Воронежской губернскихъ канцелярій во многихъ Слободскихъ полковъ сотенныхъ мѣстахъ промыслы ихъ, то есть, куреніе винъ и шинковъ имѣть запрещано, а по мнѣнію де его, Генерала Фельдмаршала, сіе принадлежитъ до разсмотрѣнія Правительствующаго Сената, дабы единственное въ силѣ указовъ опредѣленіе положить и во всѣ мѣста о не чиненіи излишнихъ имъ примѣтокъ и раззорѣній подтвержденіе учинить.

А по вѣдомостямъ, поданнымъ отъ него, Генерала Фельдмаршала, Августа 18 того жъ 758 года показано: въ запрещеніи винное куреніе, а именно: въ Сумскомъ въ городѣ Суджѣ да того города въ уѣздѣ въ селахъ Лопнѣ,—Мартыновкѣ, Воробжѣ, по рѣчкѣ Уланковѣ въ городѣ Мирополье того города въ уѣздахъ въ селахъ великой-Рыбицѣ, Малой-Рыбицѣ, Осявкѣ, въ мѣстечкѣ Пѣнахъ, въ *Ахтырскомъ* въ мѣстечкѣ Олешне да въ селѣ Ямномъ, въ *Харьковскомъ* въ мѣстечкѣ Волчаѣ, Нежеголе, Сальтовѣ, въ селахъ Хотомлѣ, Мартовѣ, въ *Изюмскомъ* въ мѣстечкѣ Печенѣгахъ, въ слободѣ Тополѣ, въ селахъ Малиновѣ, Двулучковѣ, въ *Острогожскомъ* полкахъ въ слободахъ Карачовѣ, Слоновѣ мостѣ, Ливенкѣ, Коровинѣ, Бирючѣ, Осердѣ, Трастинкѣ, Ольшанкѣ, Кобынѣ, Уривѣ, Ендавищѣ, Талецкой, Ливенской, Перлевнѣ,—Гвоздевкѣ.

Узаконеніе.

А какія о вольностяхъ Слободскихъ полковъ жалованныя въ тѣ полки грамоты даны и указы состоялись, о томъ въ справкѣ Каллежской на 1-й пунктъ во узаконеніи росписано выше сего.

Да сверхъ того въ данной Сумскаго полка столнику и Полковнику Андрею Кандратьеву въ 705 году Сентября въ 1 день грамотѣ, съ которой при доношеніи Полковника Тевяшова въ Коллегію сообщена копія между протчимъ написано: что били челомъ Его Императорскому Величеству того полка старшина въ прошлыхъ де годахъ по указу великихъ Государей Царей и Великихъ Князей Алексѣя Михайловича, Федора Алексѣевича, Іоанна Алексѣевича велѣно имъ, вмѣсто Государева денежнаго и хлѣбнаго жалованья, Полковую службу служить по Черкаской обыкности при всякихъ вольностяхъ и заимки занимать пасеки и всякія грунта заводить въ своихъ полкахъ, на которыя ихъ вольности и въ предъидущіе годы даны Государевы жалованные грамоты изъ разряду и изъ приказу Великія России и для того по вышеобъявленной грамотѣ велѣно въ селахъ и деревняхъ, въ которомъ Сумскаго полку черкасы живутъ всякими угодьи владѣть по прежнимъ указамъ и пожалованнымъ грамотамъ, какъ прежде владѣли безо всякаго премененія.

Въ указахъ блаженныя и вѣчно достойныя памяти Государя Императора Петра втораго напечатано:

въ 727 году Мая 22 данномъ въ верховномъ тайномъ совѣтѣ.

Мая 12 Его Императорское Величество указалъ по доношенію изъ Сената великороссійскимъ всякихъ чиновъ людямъ въ Малой россіи земель и грунтовъ покупать, а Малороссіянамъ продавать запретить, а которые изъ великороссійскаго народа до сего указа такія земли и грунты купили, у *тѣхъ взять* къ тѣмъ же полкамъ, заплатя имъ по купчимъ деньги, чтобъ отъ того Малороссійскому народу обиды небыло, а кто въ предь съ сего указа изъ великороссійскихъ людей станетъ въ Малой россіи земли покупать, у тѣхъ брать *безъ денежно.*

въ 728 году Октября 15 по пунктамъ Гетмана—Апостола о разныхъ дѣлахъ между протчимъ.

въ 15 пунктѣ: хотя де въ указѣ Его Императорскаго Величества 727 года изъ Сената отправленномъ писано, что въ Малой россіи великороссійскимъ персонамъ грунтовъ хуторовъ, мельницъ и протчихъ недвижимыхъ вещей не покупать и которые купили, тѣмъ, взявъ свои деньги, уступить, однакожъ Его Императорское Величество соизволяя чтобъ продажа во всей Россійской Имперіи маетностей и прочаго недвижимаго была свободна, указалъ какъ великороссійскимъ (кромѣ иноземцовъ) въ Малой россіи, такъ и Малороссійскому народу въ великороссійскихъ городахъ всякія недвижимые имѣнія покупать и продавать не возбранно, а при семъ опредѣляется всѣмъ великороссійскимъ людемъ, которые въ Малороссіи нынѣ имѣютъ маетности и которые въ предь себѣ купятъ надлежащіе въ Малой россіи съ тѣхъ маетностей службу подати и повинности—отправлять и все нести

съ протчими малороссіаны равно и быть подъ судомъ малороссійскимъ, какъ полковымъ такъ и Генеральнымъ вовсемъ противъ того какъ протчіе Малороссійскихъ людей маетности не отмѣнно только великороссійскимъ вотчинникамъ; при семъ *запрещается*, чтобъ они въ Малороссійскіе свои деревни рускихъ крестьянъ изъ великороссійскихъ деревень для поселенія тамо не переводили, а ежели кто въ томъ будетъ изобличенъ и за то жестоко будетъ штрафованъ; также и Малороссіянамъ, которые купятъ себѣ въ великороссійскихъ городахъ деревни, быть вовсемъ противъ великороссійскихъ вотчинниковъ; въ 17 пунктѣ: которые владѣльцы Слободскихъ полковъ покупили себѣ земли у полчанъ Годяцкихъ и Полтавскихъ и поселили слободы тѣмъ быть противъ пункта 15, какъ во ономъ о великороссійскихъ людяхъ которые въ Малороссіи маетности имѣютъ опредѣлено.

Въ 734 году Іюля 31 дня по данному покойному Генералу Князю Шаховскому имянному указу, съ котораго при сообщеніи изъ бывшаго Кабинета Августа 15 въ Коллегію сообщена копія, и по 19 пункту между протчимъ велѣно: въ Слободскихъ Полковыхъ городахъ на земли дворы и протчее имѣющееся въ тѣхъ полкахъ всякіе крѣпости писать совзятьемъ указныхъ пошлинъ и съ запискою въ книги.

Оное выписано изъ опредѣленія Коллежскаго 748 г. Февраля 12 дня.

Въ 746 году Іюля 1 дня въ Военную Коллегію въ доношеніи изъ Харьковской полковой канцеляріи между протчимъ написано: въ 735 г. Іюля 7 въ указахъ-де изъ бывшей надъ Слободскими Полками Канцеляріи Коммисіи во всѣ Слободскіе полки предложено по 1-му, на казацкіе и подпомощичьи грунта крѣпостей въ монастыри и попамъ и ни кому великороссійскимъ и протчимъ обрѣтающимся на линіи Слободскихъ полкахъ писать и ни кому продавать и закладывать и ни подъ какимъ видомъ никому оныхъ земель и грунтовъ за собою укрѣплять, такожъ и въ монастыри вотчины никому жъ продавать и въ поминовеніе отдавать и укрѣплять не велѣно подъ отобраніемъ того безъ денежно—служивымъ казакамъ по прежнему, а на которые казачьи и подпомощичьи грунта и протчія угодья великороссійскіе владѣльцы такожъ попы и отъ монастырей для записки къ крѣпостнымъ дѣламъ приносить будутъ старые крѣпости оныхъ до будущаго указу во всѣхъ Слободскихъ полкахъ въ Полковыхъ канцеляріяхъ не записывать, а прислать о таковыхъ старыхъ крѣпостяхъ къ разсмотрѣнію обстоятельные вѣдомости, по 2-му,— Слободскихъ полковъ старшинѣ и дѣйствительно служащимъ казакамъ (кромѣ подпомощиковъ) другъ у друга пополненія ихъ службы земель ихъ и угодей и заводовъ покупать и продавать позволено и для того, дабы на тѣ грунта земли и протчія угодьи

отъ оныхъ казаковъ и отъ старшинъ крѣпостей въ великороссійскихъ городахъ писать было запрещено, ибо въ тѣхъ полкахъ крѣпостные дѣла имѣются о томъ изъ помянутой Коммисіи въ Бѣлгородскую и Воронежскую Губернскіе канцеляріи писано; токмо и за тѣмъ опредѣленіемъ въ Харьковскомъ полку у казаковъ и подпомощиковъ посторонніе разныхъ чиновъ люди на жалованные и купленные Полковые земли крѣпости пишутъ въ разныхъ великороссійскихъ городахъ безъ опасно а продавцы, продавъ тѣ грунта, бѣгутъ въ слободы въ подданство, отъ чего-де въ полку пустота и въ казачей службѣ умаленіе приключается; а по имянному 743 года Сентября 28 дня указу и по жалованнымъ въ Слободскія полки грамотамъ велѣно тѣ полки содержать на такомъ основаніи, какъ по жалованнымъ-же 7177, 7192, 7196 и 700 годахъ грамотамъ содержаны были, по которымъ тѣхъ полковъ Полковники Старшина и казаки за службы ихъ пожалованы и повѣлѣно имъ мельницами рыбными ловлями и всякими угодьи владѣть и шинки держать во всѣхъ ихъ городахъ изъ тѣхъ грунтовъ и промысловъ служить конную службу безъ денежнаго жалованья; и требовала оная канцелярія, чтобъ въ Бѣлгородской и Воронежской губерніяхъ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ имѣются крѣпостные дѣла, въ писмѣ на земли грунта и протчіе угодьи отъ казаковъ подпомощиковъ и протчихъ служителей великороссійскимъ и протчимъ владѣльцамъ такожь въ монастыри и попамъ крѣпостей учинить запрещеніе.

И по опредѣленіямъ Военной Коллегіи въ 746 и 747 годахъ велѣно о запрещеніи въ Бѣлогородской и Воронежской губерніяхъ въ писмѣ на земли грунта и протчія угодья отъ казаковъ подпомощиковъ и протчихъ служителей великороссійскимъ и протчимъ владѣльцамъ такожъ въ монастыри и попамъ, разсмотря, по указамъ рѣшеніе учинить въ Бѣлогородской Губернской канцеляріи, о чемъ во оную канцелярію и указы посланы токмо что учинено не рапортовано.

Въ 751 году Декабря 25 въ имянномъ Ея Императорскаго Величества указѣ между протчимъ въ 1-мъ пунктѣ о продажѣ вина пива и меду съ кабаковъ напечатано: въ С.-Петербургѣ въ Москвѣ и во всѣхъ великороссійскихъ городахъ (кромѣ Малороссіи, Гетманскихъ и Слободскихъ полковъ и Остзейскихъ губерней и провинцій ибо оныя содержатся особливо на ихъ правахъ и привилегіяхъ) кто изъ приставленныхъ къ питейной продажѣ и выборныхъ ларешныхъ и цѣловальниковъ станутъ продавать вино пиво и медъ въ противность указовъ, тѣхъ штрафовать какъ во ономъ указѣ изображено.

въ 752 году Апрѣля 17 дня по указу изъ—Правительствующаго Сената на доношеніе Военной Коллегіи велѣно оной Коллегіи отправить въ тѣ мѣста, гдѣ Слободскихъ полковъ казаки на земляхъ въ великороссійскихъ городахъ живутъ, Штабъ и съ нимъ Оберъ-офицера да Бѣлгородской и Воронежской губерніямъ кого надлежитъ опредѣлить по одному человѣку при чемъ быть и отъ Слободскихъ полковъ—старшинамъ и всѣмъ имъ обще тѣхъ Слободскихъ полковъ Казацкія земли, которыя въ великороссійскихъ уѣздахъ состоятъ, осмотря, описать какими званіями на тѣхъ земляхъ селы и деревни, мѣстечки и городки по званіямъ находятся и въ которыхъ именно уѣздахъ и сколько къ онымъ земли и угодей и освидѣтельствовать съ данными на тѣ земли подлинными жалованными грамотами и толь число явится, сколько по тѣмъ грамотамъ дано сверхъ тѣхъ дачь, въ которыхъ мѣстахъ казаки поселились, и какія на то крѣпости имѣютъ изъяснить, о всемъ со всякимъ обстоятельствомъ и въ тѣхъ мѣстахъ отъ тѣхъ—казацкихъ дачь въ какомъ разстояніи села и деревни въ коихъ живутъ великороссійскіе люди и крестьяне и казенные кабаки для продажи питей состоятъ и, окончивъ, учинить планы и вѣдомости съ подробнымъ —описаніемъ каждаго мѣстечка села и деревни и другихъ урочищъ порознь, показавъ при томъ жалованныя онымъ Слободскимъ полкамъ земли особо также и сверхъ того покупныя или другими какими случаи доставшіяся или жъ собою поселились за общими руками при доношеніи для надлежащего объ оныхъ земляхъ разсмотрѣнія прислать въ Сенатъ немедленно.

И по опредѣленію Военной Коллегіи о командированіи для описи тѣхъ земель изъ Бѣлогородскаго и Воронежскаго Гарнизоновъ Штабъ офицеровъ двухъ человѣкъ и о бытіи при томъ отъ Слободскихъ полковъ изъ старшинъ по одному человѣку къ командамъ указы посланы.

На что въ 753 году Сентября 21 дня бывшей Бригадиръ Копнистъ рапортовалъ, что командированныя для описи показанныхъ земель Бѣлогородскаго Гарнизона Преміеръ-Маіоръ Труновъ да Титулярной Совѣтникъ Шаховцовъ и съ Коммиссіею въ мѣстечко Хотомлю Іюля 20 дня прибыли да сверхъ того по требованію его, Копниста, для сочиненія плановъ знающіе геодезію опредѣлены Бѣлогородской осадной Артиллерійской команды Каптенармусъ да Капралъ.

Октября 11 числа въ указѣ изъ Правительствующаго Сената объявлено: бывшей Бригадиръ Копнистъ представлялъ, что Слободскихъ полковъ въ мѣстечкахъ Тору, Райгородкѣ, Моякахъ, Ямполѣ, Цареборисовѣ, Спѣваковкѣ, Волчьемъ, Подгороднѣ и Нежеголи Воронежская Губернская и Бахмутская провинціальная Канцеляріи въ несходство жалованныхъ грамотъ и Сенатскихъ указовъ въ винномъ куреніи чинятъ запрещеніи также

пришлые изъ великороссійскихъ городовъ однодворцы, изъ коихъ многіе явились и бѣглые помѣщичьи люди и поселились самовольно, а имъ не токмо угодьи владѣть, но надлежитъ всѣхъ ихъ, въ силѣ грамотъ, отсылать въ городы, кто отъ куда пришли; да присланные изъ Бѣлогородской Губернской Канцеляріи офицеры да корчемной конторы Титулярной Совѣтникъ Бавыкинъ съ командами винное куреніе, казакамъ запретили и немалое число пожитковъ, денегъ, скота котловъ и протчаго, по грабя, забрали и казаковъ обывателей и ихъ женъ и дѣтей брали подъ караулъ и били; и хотя-де въ Бѣлогородскую и Воронежскую Губернскія и въ Бахмутскую провинціальныя Канцеляріи и куда надлежало о возвращеніи пограбленнаго и взятыхъ объ отпускѣ изъ подкараула и виннаго куренія о не запрещеніи, а съ офицерами и Совѣтникомъ о учиненіи по указамъ и писано, но чтобъ исполненіе учинено-не надежно, и требовалъ о указѣ; и того ради по опредѣленію Правительствующаго Сената велѣно Военной Коллегіи ежели по силѣ прежнихъ указовъ для того дѣла офицеры не отправлены, то отправить въ самомъ скоромъ времени, а до разсмотрѣнія о томъ; Слободскихъ полковъ казакамъ живущимъ въ Россійскихъ городахъ по силѣ имяннаго 751 года и Правительствующаго Сената указовъ вина не курить, а о причиненныхъ казакамъ обидахъ и грабительствахъ и о живущихъ однодворцахъ и другихъ чинахъ на Слободскихъ земляхъ немедленное разсмотрѣніе и рѣшеніе по указамъ учинить Воронежской и Бѣлгородской губерніямъ и что учинено будетъ,—въ Сенатъ рапортовать о чемъ изъ Сената и изъ военной Коллегіи куда надлежало указы посланы.

Въ 754 году Іюля 11 дня промеморіею изъ Камеръ Коллегіи объявлено, что Изюмскаго Слободскаго полка живущимъ въ Тору, въ Райгородкѣ въ Ямполѣ, въ Цареборисовѣ, въ Мoякахъ и Спѣваковкѣ старшинѣ и казакамъ и протчимъ въ куреніи вина и въ торгованіи всякими промыслы запрещенія чинить не велѣно, и изъ жилищъ команды, буде не выведены, вывесть и взятое у нихъ Командами отдать велѣно.

Въ 755 году Сентября 4 и въ 756 г. Октября 11 числъ въ Военную Коллегію при рапортахъ отъ Генерала Аншефа (что нынѣ Генералъ-Фельдмаршалъ) Графа Петра Семеновича Салтыкова присланы—представленные къ нему отъ помянутаго Маіора Трунова всѣхъ Слободскихъ полковъ освидѣтельствованнымъ казацкимъ землямъ планы и вѣдомости съ подробнымъ описаніемъ.

И по опредѣленіямъ Военной Коллегіи оныя планы и вѣдомости для разсмотрѣнія поданы въ Правительствующій Сенатъ при рапортахъ.

Въ 759 году Января 23 дня въ указѣ изъ Правительствующаго Сената объявлено: въ Сенатѣ, слушавъ внесенныхъ при доношеніяхъ изъ Военной Коллегіи освидѣтельствованныхъ *Сумскаго*, *Харьковскаго*, *Ахтыр-*

скаго, Изюмскаго и Острогожскаго Слободскихъ полковъ казацкихъ земляхъ по притчинѣ запрещенія отъ губернскихъ и воеводскихъ канцелярій въ нѣкоторыхъ мѣстахъ казакамъ въ куреніе вина описей и разсматривая плановъ и по учиненной въ Сенатѣ изъ указовъ и изъ опредѣленіевъ выпискѣ, опредѣлено: по неже въ тѣхъ приложенныхъ описяхъ явствуетъ, что оныхъ Слободскихъ полковъ въ городахъ Суджѣ, Миропольѣ, Салтовѣ и Корочѣ, которые якобы состоятъ на ихъ жалованныхъ казацкихъ земляхъ находятся воеводы и въ городахъ же Мирапольѣ, Корочѣ, Землянкѣ и Ольшанкѣ казенные кабаки состоятъ и какъ въ тѣхъ городахъ, такъ якобы на казачьей же земли въ ихъ округѣ поселеніе имѣютъ многіе великороссійскихъ помѣщиковъ и однодворческія селы и деревни и въ нихъ живутъ подданные черкасы и крестьяне, а почему, оныя крестьяне и однодворцы тамъ поселеніе имѣютъ и не было-ль помѣщикамъ и однодворцамъ на тѣ земли жалованныхъ грамотъ или отъ куда данныхъ указовъ и отъ тѣхъ казаковъ не имѣлось-ли тѣмъ землямъ продажи и протчихъ сдѣлокъ, о томъ при свидѣтельствѣ оныхъ земель отъ тѣхъ помѣщиковъ и владѣльцовъ, чьи въ тѣхъ якобы казацкихъ округахъ крестьяне жительство имѣютъ, требовано-ль извѣстія и что показали въ тѣхъ описяхъ, не значится; и потому слѣдуетъ-ли въ тѣхъ мѣстахъ винному куренію по силѣ жалованныхъ Слободскимъ полкамъ грамотъ безъ запрещенія быть или по силѣ имяннаго Ея Императорскаго Величества 751 года Декабря 25 дня указу яко живущимъ на великороссійскихъ земляхъ запрещеніе учинить, о томъ безъ обстоятельнаго извѣстія точнаго рѣшенія учинить не можно. Того ради оные взнесенные въ Сенатъ изъ Военной Коллегіи о земляхъ Слободскихъ полковъ описи и планы отослать въ Камеръ Коллегію при указѣ и велѣть оной обще съ вотчинною Коллегіею о тѣхъ показанныхъ якобы казацкихъ земляхъ, выправясь съ имѣющимися въ той Коллегіи пищевыми и межевыми книгами и дѣлами и истребовавъ отъ выше писанныхъ поселенныхъ на тѣхъ якобы казацкихъ земляхъ великороссійскихъ помѣщиковъ и однодворцовъ давно ль тѣ селы и деревни и по какимъ указамъ или сдѣлкамъ тамъ поселены, разсмотрѣть и изъ тѣхъ земель, сколько гдѣ имянно окажется, подлинно ихъ казацкой, а не великороссійской и которые-жъ и гдѣ къ нимъ не принадлежатъ и должно счислять великороссійскими землями, о всемъ со обстоятельствомъ и со мнѣніемъ онымъ Коллегіямъ для единственнаго о тѣхъ казацкихъ земляхъ положенія представить въ Правительствующій Сенатъ. А до коле о томъ представлено и въ Сенатѣ разсмотрѣно и рѣшеніе будетъ учинено, до того времяни по силѣ означеннаго состоявшагося въ 751 году и прежде посланныхъ изъ Правительствующаго Сената указовъ живущимъ въ разныхъ на великороссійскихъ земляхъ черкасамъ и малороссійскихъ и Слободскихъ полковъ казакамъ вина не курить

и онымъ отнюдь не шинковать и никому не продавать и того Камеръ Коллегіи и Губернаторамъ и воеводамъ и Корчемнымъ канцеляріи и конторамъ на крѣпко наблюдать, а въ протчихъ мѣстахъ Слободскихъ полковъ полковникамъ, старшинѣ и казакамъ по силѣ жалованныхъ данныхъ тѣмъ полкамъ грамотъ и состоявшагося въ 743 году имяннаго Высочайшаго указу въ куреніе имъ вина и въ шинкованіи ни какого запрещенія и напрасныхъ примѣтокъ отнюдь не чинить подъ опасеніемъ не токмо причинившихся убытковъ взысканія, но сверхъ того по силѣ указовъ штрафа безъ упущенія; и о томъ изъ Камеръ Коллегіи къ кому надлежитъ на крѣпко подтвердить, о чемъ изъ Сената въ Камеръ и вотчинную Коллегіи, а изъ Военной Коллегіи для вѣдома къ Генералу Фельдмаршалу Графу Александру Борисовичу Бутурлину указы посланы.

Въ нынѣшнемъ 761 г., Іюля 4 дня по опредѣленію Военной коллегіи и по посланному къ генералу и кавалеру Стрешневу указу между протчимъ велѣно: обо всѣхъ находящихся при Слободскихъ полкахъ Полковникахъ Полковыхъ и сотенныхъ старшинахъ сколько у кого имянно покупныхъ въ противность указовъ земель и грунтовъ у нихъ есть и когда и по какимъ повелѣніямъ оныя куплены и тѣ казаки и подпомощики кто оныя продавалъ, гдѣ нынѣ находятся и чѣмъ довольствіе свое имѣютъ, о всемъ со обстоятельствомъ въ коллегію рапортовать, токмо еще не рапортовано.

А въ какой силѣ въ 734 году Мая 19 дня о не продажѣ Слободскихъ полковъ казакамъ великороссійскимъ земель какъ Генералъ Фельдмаршалъ Графъ Александръ Борисовичъ Бутурлинъ во мнѣніи своемъ объявляетъ имянной указъ состоялся, онаго по справкѣ въ Военной Коллегіи не имѣется.

Представленіе Слободскихъ полковъ.	Мнѣніе Генерала Фельдмаршала.
Часть 2-я.	
Тягости на оные полки наложены въ не сходство привилегіевъ.	
1.	на 1-е.
О командированныхъ сверхъ обыкновенной воловой службы. Сверхъ обыкновенной ихъ воловой службы въ разныхъ мѣстахъ по линіи за Торомъ и Бахмутомъ и у Славяно сербіи имѣется для содержанія карауловъ и разъѣздовъ изъ учрежденныхъ 5000 казаковъ болѣе 2000 на своемъ коштѣ.	По неже оные полки желаніе имѣютъ учредится регулярными, что и онъ Генералъ Фельдмаршалъ за полезное признаваетъ, и на какомъ основаніи оные содержать о томъ особливо учиненной имъ Штатъ при томъ подъ литерою А: подноситъ, то დву тысячное число казаковъ для разъѣздовъ и карауловъ содер-

жать точію до у формированія регулярныхъ полковъ, а когда оныя учредятся, тогда изъ тѣхъ же и командированіе чинить.

По справкѣ въ Коллегіи

на 1-й пунктъ.

Въ 744 году Мая 22 дня въ присланномъ въ Военную Коллегію отъ Слободскихъ полковъ доношеніи между протчимъ въ 3-мъ пунктѣ объявлено: тѣхъ полковъ Полковники Полковая и Сотенная Старшина, будучи въ собраніи, во исполненіе Ея Императорскаго Величества Всемилостивѣйшаго имяннаго указу и жалованныхъ въ Слободскія полки грамотъ опредѣлили для содержанія по силѣ тѣхъ жалованныхъ грамотъ предосторожности имѣть отъ Слободскихъ полковъ посты въ пристойныхъ мѣстахъ и для того по числу состоянія казаковъ командировать со всѣхъ полковъ пристойное число казаковъ при старшинахъ и быть имъ при содержаніи тѣхъ постовъ съ перемѣною.

Въ 754 году Мая 11 дня въ данной изъ военной Коллегіи въ силѣ присланнаго изъ Правительствующаго Сената указа опредѣленному къ поселенію Генералъ-Маіоровъ Прерадовича и Шевича съ ихъ командами на назначенной отъ Правительствующаго Сената землѣ Инженеръ Полковнику (что нынѣ Генералъ-Маіоръ) Бибикову инструкціи, между протчимъ въ 9-мъ пунктѣ написано: для помянутыхъ Генералъ-Маіоровъ съ командою селеніе имѣетъ чинится въ степномъ и открытомъ мѣстѣ, для прикрытія котораго також'ь и себя для посылокъ и караулу надлежащаго числа воинскихъ командъ требовать отъ Командующаго на Украинѣ Генералитета, тому Генералитету по оному требованію тѣ команды командировать велѣть изъ ближнихъ Украинскихъ мѣстъ въ самой скорости и быть въ командѣ его Бибикова.

Въ 756 году Октября 30 дня по указу изъ Правительствующаго Сената оной Бибиковъ опредѣленъ въ оружейную канцелярію, а на мѣсто его въ Славяносербію дѣйствительной Статскій Совѣтникъ Фливеркъ, которой тамъ и находится.

И по опредѣленію Военной Коллегіи и по посланному указу велѣно ему Фливерку, будучи тамъ, поступать по означенной данной Бибикову инструкціи и указомъ во всемъ непремѣнно.

Въ 758 году Мая 18 дня, по опробованной отъ Ея Императорскаго Величества о расположеніи въ нутрь Россіи полковъ рапортиціи повелѣно для закрытія Украинской линіи, то есть, къ Тору и Бахмуту имѣть въ готовности два полка изъ Слободскихъ казацкихъ при чемъ имъ быть по

перемѣнно на своемъ содержаніи, ибо они отъ жилищъ не въ дальномъ разстояніи и свои селеніи прикрывать будутъ а для потребной нужды и всѣмъ Слободскимъ 5 полкамъ быть во всякой готовности, въ 5000 человѣкахъ.

Въ 759 году Іюня 4 дня по опредѣленію военной коллегіи а по доношеніямъ Генерала-Фельдмаршала Графа Александра Борисовича Бутурлина и означеннаго Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Фливерка и Генералъ-Маіора Прерадовича велѣно для прикрытія въ Славяносербіи селенія помянутыхъ Генералъ-Маіоровъ Прерадовича и Шевича отъ нечаянныхъ непріятельскихъ нападѣній и воровскихъ Гайдамацкихъ партей командировать изъ Слободскихъ полковъ достаточную команду доброконныхъ казаковъ при надежныхъ старшинахъ по разсмотрѣнію помянутаго Генерала-Фельдмаршала и содержать ихъ поперемѣнно и сколько изъ которыхъ полковъ для того Славяносербіи прикрытія командировано будетъ въ Коллегію рапортовать о чемъ куда надлежало и указы посланы.

Іюля 8 дня въ доношеніи отъ помянутаго Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Фливерка между протчимъ объявлено, что по ордеру рѣченнаго Генерала Фельдмаршала велѣно: у закрытія Славяносербіи въ прибавокъ къ прежде состоящимъ у онаго закрытія 50 человѣкамъ одноконнымъ казачьимъ подпомощикамъ быть при старшинѣ 50-ти же человѣкамъ изъ настоящихъ казаковъ, которыя де команда у прикрытія Славеносербіи и находится.

А въ нынѣшнемъ 761 году Іюня 6 дня по присланной отъ Генерала и Кавалера Стрешнева за Сентябрскую 760 года треть вѣдомости показано: Слободскихъ полковъ въ расходѣ всѣхъ чиновъ, а именно: въ дальнихъ у содержанія карауловъ и разъѣздовъ на Украинской линіи 516, въ Бахмутѣ 208, у прикрытія Славеносербіи 208, состоящихъ въ разныхъ мѣстахъ на караулѣ и разъѣздахъ 123, въ С. Петербургѣ для разныхъ дѣлъ 27, при выступленіи въ Пруской походъ оставлено въ Польшѣ при магазейнахъ 321, взято въ бытность въ Прускомъ походѣ къ артиллеріи въ фурлейты 25, въ городѣ Саратовѣ 1, итого въ дальныхъ 1429, въ ближнихъ командированіяхъ въ прописанныхъ въ той вѣдомости мѣстахъ дѣйствительно служащихъ дву конныхъ 716, одноконныхъ 6, всего ближнихъ и дальнихъ расходахъ 2151 человѣкъ.

Представленіе Слободскихъ полковъ.	Мнѣніе Генерала Фельдмаршала
2.	на 2, 3 и 4-й пункты.
О вооруженномъ всемъ народѣ и о выборныхъ — По опредѣленію покойнаго Бригадира Копниста *вооруженъ*	Весь народъ вооруженнымъ также и дву конныхъ не числить

5000-хъ дву конныхъ да одноконныхъ вооруженныхъ же 2500.

весь народъ, кромѣ престарѣлыхъ и малолѣтнихъ, и хотя съ несносною трудностію въ томъ исправлялись, однако почти всѣ ружья и протчее распропало и по портилось.

3.

Выборные 5000 казаковъ по егожъ Бригадира опредѣленію безъ всякаго указу исправлены о дву конь и съ двойнымъ убором да сверхъ того къ провіантскимъ повозкамъ подъемныхъ лошадей 1666 и столькожъ погонщиковъ почему въ Прускомъ походѣ и было всѣхъ лошадей до 12000.

4.

И когда были полки въ томъ походѣ, то еще выбрано и во оружено изъ сродниковъ и подпомощиковъ 2500 казаковъ, которые и высланы на линію съ таковымъ же содержаніемъ.

и положенныхъ къ провіантскимъ повозкамъ подъемныхъ лошадей и погонщиковъ уничтожить и вооруженныхъ сверхъ 5000 числа сродственниковъ и подпомощиковъ 2500 для укомплектованія регулярныхъ ихъ полковъ возвратить въ ихъ домы, по неже все оное учреждено безъ указовъ, а единственно только по разсужденію тамошнихъ командировъ.

По справкѣ въ Коллегіи.

на 2, 3 и 4-й пункты:

Въ 758 году Мая 5 и Іюля 15 чиселъ въ Военную Коллегію Генералъ-Фельдмаршалъ Графъ Александръ Борисовичъ Бутурлинъ доношеніями представлялъ о избавленіи Слободскихъ полковъ отъ излишнихъ въ силѣ жалованныхъ въ тѣ полки грамотъ наложеней при чемъ приложилъ въ разсмотрѣніе Коллегіи со мнѣніемъ своимъ экстрактъ, въ которомъ между протчимъ написано: по ордерамъ де Бригадира Копниста, а о нѣкоторыхъ и по опредѣленіямъ Военной Коллегіи, вновь положено и содержится: 1-е, опредѣленные 5000 казаковъ о — дву конь, а по мнѣнію де его Генерала Фельдмаршала за не положеніемъ того по указамъ яко излишнее отмѣнить, а имѣть точію по одной лошади исправной ибо въ походахъ людямъ излишней для при смотру ихъ расходъ, а въ дѣйствіе и паче употреблятся воинской порядокъ недозволяетъ и такъ, кромѣ одного казакамъ убытка, ни какой пользы быть не можетъ, а когда у кого и убылъ будетъ, то чрезъ стараніе команды могутъ тогдажъ покупкою комплектоватся, 2-е, сверхъ того 5000 числа за бывшимъ походомъ выбрано еще къ содержанію линейныхъ и протчихъ карауловъ и фарпостовъ одноконныхъ и дѣй-

ствительно служащихъ 2500, которые и нынѣ тамъ находятся, а по мнѣнію жъ де его Генерала Фельдмаршала, хотя Военною Коллегіею оное и апробовано, однако по случаю тогда выступленія всѣхъ полковъ въ походъ (а нынѣ оные въ домы возвратились) къ тому жъ и на нынѣшнею компанію отъ походу уволены, то и показанные фарпосты безъ прибавочныхъ содержать могутъ а особливо что оные 2500 человѣкъ и положены—сверхъ опредѣленнаго по имянному Ея Императорскаго Величества указу 5000 числа роспуститъ по прежнему, которыми и убылыя во время походу того настоящаго числа мѣста комплектовася будутъ, и при томъ онъ Генералъ Фельдмаршалъ въ тѣхъ своихъ доношеніяхъ объявилъ, что посланнымъ отъ него ордеромъ велѣно оные полки всѣми потребными аммуничными и протчими вещами объ одной доброй и къ казачей службѣ надежной лошади, а не о дву конь убылые жъ во время похода казачьи мѣста комплектовать изъ опредѣленныхъ сверхъ положенныхъ по имянному Ея Императорскаго Величества указу 5000 числа изъ одноконныхъ же, находящихся на линіи 2500-хъ человѣкъ, а сверхъ сего во облегченіе жъ имъ и то быть можетъ что въ нынѣшнюю компанію въ походъ высылать ихъ не велѣно будучи въ домахъ Экономію свою по надлежащему исправить и оною пользоватся могутъ, чего ради и подтверждено дабы оные во всякой исправности по ихъ обыкновенію къ внезапному иногда походу быть могли.

Въ 752 году Января 7 дня бывшей Бригадиръ Копнистъ рапортовалъ, что имъ въ силѣ 743 г. указу опредѣлено во оныхъ полкахъ имѣть казакамъ по 2 добрыхъ лошади во всякой казачей исправности и чтобъ одна была не меньше двухъ аршинъ, а другая хотя и ниже, токмо крѣпкія и къ службѣ надежныя, дабы въ случаѣ внутренней малой командираціи и розсылокъ или безъ опасныхъ розъѣздовъ другою лошадью то исполнить было можно, а—лутчія имѣть въ береженіи для нужнѣйшихъ партій и воловыхъ походовъ.

Іюня 28 дня по опредѣленію Военной Коллегіи, а по представленію Генерала Аншефа (что нынѣ Генералъ Фельдмаршалъ) Графа Петра Семеновича Салтыкова велѣно: Слободскихъ полковъ казакамъ въ случаѣ выступленія въ походъ провіантъ и протчее возить какъ въ Турецкія и Польскія походы то чинилось и чтобъ обозъ былъ не умноженъ на казацкихъ лошадяхъ, которые обыкновенно въ походы двуконными наряжаются.

Тогожъ Іюня 30 дня въ Военную Коллегію помянутой же Генералъ Фельдмаршалъ Графъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ по представленію Брегадира Копниста доношеніемъ объявилъ: предъ симъ де въ Слободскихъ полкахъ казачьего званія народу, о кромѣ выборныхъ казаковъ, имуществомъ довольнѣйшіе лошадьми и ружьемъ, порохомъ и пулями исправлены были для такой надобности, дабы за выступленіемъ иногда всѣхъ выбор-

ныхъ казаковъ въ походъ во время непріятельскаго нападенія сами они свои городки и мѣстечки, въ коихъ жительства имѣютъ, защитить и оборонить могли, а по прибытіи де его Бригадира въ Слободскіе полки къ командѣ усмотрѣно, что вышеписанное прежнее содержаніе крайне упущено и кромѣ двухъ конныхъ выбранныхъ казаковъ и вспомогателей ружье хотя и имѣется точію весьма малымъ числомъ безъ всякой исправности и въ случаѣ выступленія выборныхъ козаковъ въ походъ во время иногда, чего Боже сохрани, внутрь, а паче и въ пограничныя не закрытыя тамошныя мѣста непріятельскаго нападенія при городахъ и мѣстечкахъ ни какой защиты имѣть и оборониться не могутъ, и требовалъ де оной Бригадиръ, чтобъ ради вышеписанныхъ обстоятельствъ и надежнаго впредь охраненія тамошнихъ казачьихъ родственниковъ и подпомощиковъ, какъ и прежде сего было, ружьемъ, порохомъ и пулями исправить на ихъ собственномъ коштѣ, что имъ по тамошнимъ вольностямъ и изобиліямъ за тягость не признавается, по которому его Бригадира представленію посланнымъ отъ него Генерала Фельдмаршала ордеромъ означенныхъ казачьихъ родственниковъ и подпомощиковъ для всегдашней надобности чтобъ въ случаѣ нужды при тамошнихъ пограничныхъ городахъ и мѣстечкахъ защиту и оборону имѣть могли ружьемъ, порохомъ и пулями изъ ихъ собственнаго кошту, какъ и на предъ того было исправить велѣно.

И по опредѣленію Военной Коллегіи въ томъ же 752 году Августа 25 дня велѣно въ Слободскихъ полкахъ казачьимъ родственникамъ и подпомощикамъ для всегдашней надобности, чтобъ въ случаѣ нужды при тамошнихъ пограничныхъ городахъ и мѣстечкахъ защиту и оборону имѣть, ружье, порохъ и пули содержать и изъ ихъ собственнаго кошту, какъ и на предъ сего было, что наблюдать Полковникамъ съ старшиною, о чемъ къ помянутому Генералъ Фельдмаршалу и указъ посланъ.

Въ 756 году Апрѣля 10 дня въ Военную Коллегію въ экстрактѣ изъ протокола держанной при дворѣ Ея Императорскаго Величества въ 4 день того Апрѣля во исполненіе Всевысочайшей Ея Императорскаго Величества конфирмаціи о расположеніи войскъ и чтобъ оныя къ воинскимъ дѣйствіямъ въ готовности и въ потребномъ случаѣ немедленно въ походъ выступить могли между протчимъ изображено: наряда 4000 Слободскихъ казаковъ при Брегадирѣ Копнистѣ всѣхъ о дву конь, какъ обыкновенно легкія войски служатъ, расположить отъ Чернигова Стародуба Брянска и до Смоленска.

Тогожъ Апрѣля 26 дня по экстракту-жъ изъ протокола конференціи велѣно въ прибавокъ къ прежде опредѣленному числу Слободскихъ казаковъ еще 1000 человѣкъ нарядить и чтобъ оныя со всѣмъ въ готовности были и по первому указу въ походъ выступить могли.

И по опредѣленіямъ Военной Коллегіи о исполненіи по тѣмъ экстрактамъ куда надлежало указы посланы.

Въ томъ же 756 году Мая 29 дня по опредѣленію жъ Военной Коллегіи а по представленію Генерала Аншефа (что нынѣ Генералъ Фельдмаршалъ) Графа Петра Семеновича Салтыкова велѣно: Слободскихъ полковъ казаковъ 5000 человѣкъ съ старшиною къ походу изготовить и для того изо всѣхъ расходовъ смѣнить и на ту смѣну употребить тѣхъ же полковъ вооруженныхъ подпомощиковъ каждаго полку по препорціи и чтобъ помянутой Генералъ Фельдмаршалъ командированіе чинилъ безъ сумнѣнія потому, что 5000 казаковъ они должны содержать для походовъ не оставляя изъ того для защищенія и прикрытія полковыхъ городковъ ничего для того, что оное прикрытіе не изъ пяти тысячъ, но изъ оставшихъ затѣмъ при полкахъ жителей чинить надлежитъ, а что казаки употреблены въ разъѣзды при Украинской линіи и въ Бахмутской провинціи и въ Славеносербіи и тамъ вмѣсто тѣхъ казаковъ для того будутъ подпомощики и того ради въ разсужденіи, что чрезъ много прошедшее спокойное время казаковъ ни сколько въ наряды и въ походы не бывало слѣдственно и подпомощики казакамъ помощи сполна не чинили и имъ въ тягость почитать не должно, но вмѣсто того что они долгое время спокойствомъ довольствовались и тѣхъ расходовъ людямъ, кои имѣть должны, не имѣли тогда требуемую отъ нихъ службу не токмо во опредѣленномъ имъ числѣ людей но и болѣе сколькобъ отъ нихъ ни требовалось оказать должны безъ отговорокъ, о чемъ къ нему Генералу Фельдмаршалу указъ посланъ.

Іюля 1 дня Генералъ Лейтенантъ Князь Кантемиръ рапортовалъ во исполненіе де военной Коллегіи указа во всѣхъ полкахъ для вышеобъявленныхъ надобностей съ 5000 числа казаковъ изъ свойственниковъ и подпомощиковъ кои безъ нужды оружіемъ противъ непріятельскихъ нападеній дѣйствовать могутъ выбрано 2500 человѣкъ одноконныхъ и велѣно, ихъ лошадьми съ уборы ружьями и саблями и протчими вещами исправя, на смѣну находящимся въ показанныя воономъ рапортѣ мѣста казакамъ отправить и впредь содержать оныхъ съ перемѣною, а за тѣмъ достальныхъ въ каждомъ полку для всякихъ случающихся впредь необходимостей и ради содержанія городскихъ карауловъ приведши во всемъ въ готовое состояніе оставить при ихъ домахъ и впредь изъ оныхъ употреблять же и въ отдаленныя командираціи по перемѣнно.

И по опредѣленію Военной Коллегіи того жъ Іюля 19 велѣно дѣйствительныхъ казаковъ съ ихъ старшинами находящихся въ раскомандированіяхъ къ полкамъ собрать, а вмѣсто оныхъ казаковъ въ раскомандированіе употреблять изъ подпомощиковъ, какъ и отъ Генерала Лейтенанта Князя Кантемира опредѣлено, и для смотрѣнія надъ ними опредѣлить стар-

шинами изъ подпрапорныхъ находящихся при наряженныхъ 5000 человѣкахъ казакахъ.

А по присланной при рапортѣ въ Коллегію отъ Генерала Фельдмаршала Графа Александра Борисовича Бутурлина въ 758 году Іюня 1 вѣдомости показано во отправленіи было Слободскихъ полковъ въ повелѣнной походъ, а именно: полковыхъ старшинъ Полковниковъ и протчихъ чиновъ 15, Полковыхъ служителей или полковаго унтеръ штаба 237, состоящихъ при сотняхъ сотниковъ урядниковъ и казаковъ о дву конь 5082, а всѣхъ чиновъ 5335 человѣкъ, лошадей казачьихъ верховыхъ и вьючныхъ 9881, Артиллерійскихъ 81, всего 9962.

Въ 757 году Октября 7 по Высочайшему Ея Императорскаго Величества рескрипту велѣно Слободскихъ казаковъ отпустить въ ихъ жилища съ подтвержденіемъ, дабы они къ будущему походу во всякой исправности и готовности находились и ранѣе другихъ въ повелѣнныя мѣста выступить могли.

Въ нынѣшнемъ 761 году Января 17 дня въ присланныхъ при доношеніи Бригадира—Банческуля въ конференцію а изъ оной въ Коллегію копіяхъ явствуетъ.

съ доношенія жъ къ Генералу-Лейтенанту Князю Кантемиру его Бригадира Банческуля 758 года Февраля 1-го въ полученномъ де имъ Бригадиромъ отъ него Генералъ-Лейтенанта ордерѣ предложено о взысканіи съ Слободскихъ полковъ отъ чего подлинно оныхъ полковъ отъ многихъ казаковъ такія побѣги, что не токмо одни, но и цѣлыми семьями оказываются обстоятельно рапортовъ, а между тѣмъ не имѣютъ-ли въ чемъ какого отягощенія и какія съ казаковъ и ихъ свойственниковъ и подпомощиковъ опредѣленныя сборы положены и по чему съ души берется и о протчемъ такожъ о десяти копѣечной суммѣ наличной и сколько въ доимкѣ состоитъ вѣдомостей и о представленіи къ нему Генералу Лейтенанту по чему бъ можно было, усмотря обывательскія изнеможеніи, въ силѣ Ея Императорскаго Величества военной Коллегіи указу и Командующаго Генералитета ордеровъ, во укомплектованіи и приведеніи во всѣмъ въ надлежащую—исправность прибывшихъ изъ походу въ домы казаковъ, кои какъ-де изъ присланныхъ къ нему Генералу Лейтенанту отъ нѣкоторыхъ полковъ рапортовъ видно—изъ того походу прибыли пѣшіе и безъ всякой воинской исправности, довольное о томъ разсужденіе въ присутствіи его Генерала Лейтенанта обще съ нимъ Бригадиромъ и тѣхъ полковъ Полковниками имѣть и ко облегченію обывательскому наилутчей способъ сыскать, въ силѣ котораго повелѣнія отъ него, Бригадира, помянутыхъ Слободскихъ полковъ къ Полковникамъ предложено; а нынѣ они представляютъ, что по полученнымъ ими предъ симъ отъ него Генерала Лейтенанта ордеромъ о

показанныхъ чинимыхъ казаками и ихъ свойственниками и подпомощиками побѣгахъ и о положенныхъ ихъ сборахъ и о протчемъ съ подлежащимъ обстоятельствомъ рапорты а о десяти копѣечной суммѣ вѣдомости въ канцеляріи его, Генерала Лейтенанта, поданы, а при томъ каковы и ему Бригадиру поданы-жъ о изнеможеніяхъ обывательскихъ и наложенныхъ вновь тягостяхъ сверхъ Высочайшихъ имянныхъ Ея Императорскаго Величества указовъ и милостиво жалованныхъ въ тѣ полки о содержаніи оныхъ грамотъ со испрошеніемъ о представленіи куда надлежитъ и о помилованіи доношеніи оныя, оставя въ канцеляріи его Бригадира точныя копіи, во орегиналѣ при томъ къ разсмотрѣнію ему Генералу Лейтенанту представлены; а по неже де имъ Бригадиромъ присмотрѣно, что въ комплектъ 5000 числа казаковъ опредѣлено—содержать дву конныхъ, отъ котораго содержанія тамъ въ домахъ ихъ будучи признавается народу не малое отягощеніе употребленіемъ на довольствіе оныхъ чрез зимніе мѣсяцы фуража и покупкою коимъ коштомъ они могли-бъ въ домашней Экономіи съ гулящей скотины пріумножить содержаніемъ да въ походѣ удовольствіемъ оныхъ казенныхъ фуражемъ не малаго ущербу казны, а сверхъ того что единственно интересъ требуетъ—при случаяхъ сраженія съ непріятелемъ надлежитъ все удобъ возможныя мѣры употребить—приумножить людей на противу чего содержаніемъ оныхъ и прикрытія принуждено немалаго числа оставить, ибо двумя лошадьми въ дѣйствіе употребится воинской порядокъ не дозволяетъ, а оные казаки могутъ во всегдашней исправности добрыми одноконными верховыми лошадьми находится; ежели жъ имѣлабъ иногда какой экстрой убыль въ лошадяхъ послѣдовать, съ десяти копѣчнаго сбору съ суммы безъ нужды укомплектовать.—Изъ рапортовъ-же ихъ видѣть можно, что они до послѣдней вещи исправности вновь требуютъ, которая противъ числа людей, полагая хотя по одной лошади, и то не свыше цѣною 18 р., сабли, ружья да и пистолеты, кромѣ протчихъ по ихъ казачьимъ обрядамъ мундиръ и другихъ мелочныхъ вещей, что не меньше 100000 руб. по крайней мѣрѣ употребить должно, которую исправность возможно-ли за предписанными отъ нихъ резонами и весьма бѣднымъ нынѣ ихъ содержаніемъ въ такое весьма короткое время привесть, предаетъ на разсмотрѣніе его Генерала Лейтенанта и проситъ, гдѣ надлежитъ съ приложеніемъ мнѣнія по извѣстному о нынѣшнемъ ихъ бѣдномъ состояніи и содержаніи о увольненіи отъ излишнихъ тягостей, а паче отъ содержанія прибавочнаго числа 2500 одноконныхъ казаковъ, съ которыхъ можно будетъ въ комплектъ требуемаго немалаго числа 5000 употребить, а ихъ лошадей, которыя годны явятся, подъ артель взять; а вовсе негодныхъ, продавъ, на ихъ же казачьи исправности издержать не оставить; а до воспослѣдованія резолюціи не повелѣно-ль будетъ за вышепрописанными отъ него Бригадира ре-

зонами ко облегченію и къ скорѣйшему по возможности исправностію одноконными и протчими надобностьми приводить.

На то съ ордера помянутаго Генерала Лейтенанта къ нему Бригадиру Банческулю 761 года Февраля 5 дня въ резолюцію—предложено, что де принадлежитъ до прописанныхъ въ представленіяхъ казачьихъ изнеможеніи и о протчихъ ихъ много трудныхъ тягостей за чемъ въ самоскорѣйшую ихъ исправность и совершенную къ выступленію въ походъ готовность привесть не возможно, отъ него Генерала Лейтенанта съ прописаніемъ всего обстоятельства и особливо того и имъ предъ усмотрѣнныхъ невозможностей къ Генералу Фельдмаршалу и Кавалеру Графу Александру Борисовичу Бутурлину имѣетъ быть представлено, а между тѣмъ до полученія на то представленіе резолюціи ему Бригадиру во исполненіе Высочайшаго Ея Императорскаго Величества указу Слободскихъ полковъ къ Полковникамъ отъ себя наистрожайше черезъ нарочныхъ подтвердить и приказать учинить слѣдующее: 1-е) о приводѣ казаковъ во всякую воинскую исправность и къ ежечастному выступленію готовность прилагать все удобь возможное стараніе; хотя по прежнему опредѣленію и надлежало о дву конь, однако въ разсужденіи прописанныхъ въ поданныхъ отъ нихъ представленіяхъ не возможностей до полученія резолюціи въ одной доброй и казацкой службѣ надежной лошади, 2-е) въ комплектъ подлежащего 5000 числа казаковъ впредь до таковой же разолюціи употреблять изъ состоящихъ по указу Военной Коллегіи опредѣленныхъ одноконныхъ 2500 казаковъ, дабы въ скорой исправности полнаго 5000 числа ни какой остановки и въ потребномъ случаѣ къ выступленію медленія слѣдовать немогло, оставшихъ же за укомплектованіемъ вышеписаннаго 500 числа одноконныхъ казаковъ впредь до резолюціи жъ, а особливо для нужнаго содержанія линейныхъ и протчихъ фарпостовъ имѣть въ таковой же исправности, какъ они до нынѣ состояли; а дабы все выше писанное и къ ежечастному въ походъ выступленію казаковъ исправленіе безъ отговорочно исполнено было и ему Бригадиру о всемъ томъ не ослабное подтвержденіе чинить.

Узаконеніе.

Какія о содержаніи въ Слободскихъ полкахъ комплектнаго числа людей и о вольностяхъ ихъ жалованныя въ тѣ полки грамоты даны и указы состоялись о томъ въ справкѣ Коллежской части второй на 8 и 9-й и третей части на 1 и 2 пункты во узаконеніи со обстоятельствомъ росписано ниже сего.

Въ 733 году Іюня 7 дня по имянному блаженныя памяти Государыни Императрицы Анны Іоанновны данномъ покойному Генералу Князю Шаховскому на представленіи его о учрежденіи Слободскихъ полковъ указу между

протчимъ повелѣно: которые казаки будутъ состоять въ указномъ числѣ, и имъ служить казацкую службу, которую имѣютъ отправлять на своихъ лошадяхъ и своимъ провіантомъ, и ружье, и порохъ, и протчее, что надлежитъ до службы покупать своими деньгами.

Въ 752 году Апрѣля 23 дня въ присланномъ въ Военную Коллегію отъ бывшаго Бригадира Копниста доношеніи между протчимъ объявлено: что по указу бывшаго Кабинета 737 года Февраля 1 дня велѣно, чтобъ Слободскихъ полковъ у каждаго казака было по 2 лошади хорошихъ якоже имъ для того по указу подпомощики опредѣлены.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗДАНІЯ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

СБОРНИКИ.

1-й томъ „Сборника“ заключаетъ въ себѣ „Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ., собранные *Д. И. Багалѣемъ*. ***Цѣна 2 р. сер.***

2-й томъ содержитъ слѣдующія статьи: а) отчеты о засѣданіяхъ Общества и прочитанныхъ на нихъ рефератахъ; б) Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта Харьк. и сос. Курской и Воронежской губ., собранные *Д. И. Багалѣемъ*; в) Сказки, пословицы и т. п., записанныя въ Екатеринославской и Харьковской губ. *И. И. Манжурою*; г) Игры крестьянскихъ дѣтей въ Купянскомъ уѣздѣ Харьковской губ., собранныя *П. Ивановымъ* (съ предисловіемъ Н. Θ. Сумцова). ***Цѣна 4 р. сер.***

3-й томъ. Отчетъ о дѣятельности Историко-Филологическаго Общества въ 18⁹⁰/₉₁ академическомъ году, составленный секретаремъ общества *Н. Θ. Сумцовымъ*, и отчетъ объ архивѣ Общества съ 1-го октября 1889 по 1-е октября 1890 года.

В. Саввы. О времени и мѣстѣ крещенія русской великой княгини Ольги (опытъ историко-критическаго разбора).

М. Плохинскаго. Матеріалы для исторіи внутренней жизни лѣвобережной Украйны. Бобровники. Стрѣльцы (съ приложеніемъ документовъ).

П. Иванова. Народные разсказы о вѣдьмахъ и упыряхъ (матеріалы для характеристики міросозерцанія крестьянскаго населенія Купянскаго уѣзда).

Н. Θ. Сумцова. Колдуны, вѣдьмы и упыри.

Д. И. Багалѣя. Сочиненія, матеріалы, статьи и замѣтки, относящіеся къ исторіи Слободской украйны (критико-библіографическій очеркъ). Выпускъ 2-й. 1885—1890 годы. Часть 1-я: обзоръ источниковъ.

В. П. Бузескула. Библіографическая замѣтка о книгахъ, изданныхъ въ Харьковѣ.

Мелкія замѣтки: 1) Къ біографіи В. Н. Каразина (*Д. И. Багалѣя*).

Челобитная острогожскихъ старшинъ Императрицѣ Екатеринѣ II-й (*Д. И. Багалѣя*).

Раскопка кургановъ въ Изюмскомъ уѣздѣ Харьковской губ., произведенная И. М. Бичъ-Лубенскимъ (*Д. И. Багалѣя*).

Замѣтка о консистентахъ въ Малороссіи (*Н. Н. Бакая*).

О доставкѣ фруктовъ изъ Малороссіи къ царскому двору (*М. Плохинскаго*).

Описаніе графскаго диплома гетмана Разумовскаго (*М. Плохинскаго*).

О гетманскихъ рыболовныхъ озерахъ (*М. Плохинскаго*).

Письма студента Харьковскаго университета И. Я. Тросницкаго 1824—1827 г. (*Н. Θ. Сумцова*).

Три письма В. Н. Каразина (*Н. Θ. Сумцова*). ***Цѣна 2 руб.***

4-й томъ. Сборникъ статей объ А. А. Потебнѣ.

Отчетъ о дѣятельности Общества и Историческаго Архива 1891—1892 г.

Уставъ Педагогическаго отдѣла Историко-Филологическаго общества.

Николай Бакай. Къ исторіи колонизаціи лѣвобережной Украйны въ XV—XVI в.

М. М. Плохинскій. Гетманъ Мазепа въ роли великорусскаго помѣщика.

П. В. Ивановъ. Народные разсказы о долѣ.

А. А. Русовъ. Нѣкоторые документы, касающіеся Густынскаго и Мгарскаго монастырей.

А. С. Лебедевъ. Вотчинный бытъ монастырей Курско-Знаменскаго и Бѣлгородскаго-Николаевскаго, по архивнымъ документамъ.

Н. Θ. Сумцовъ. Къ сорокалѣтнему юбилею служебной и учено-литературной дѣятельности М. И. Сухомлинова.

М. Е. Халанскій. Пушкинъ и г-жа Ризничъ.

А. С. Лебедевъ. Синодскій указъ 1766 г. по поводу самовластія епископа Бѣлгородскаго Порфирія.

Н. Ѳ. Сумцовъ. Заговоры. Библіографическій указатель.

П. П. Короленко. Черноморскіе заговоры.

М. Гавриловъ. Заговоры изъ Черниговской губерніи (доставлены П. С. Ефименкомъ).

И. А. Семенцова. Заговоры изъ Черниговской губерніи (доставлены П. С. Ефименкомъ).

М. Д. Линда и *И. Ѳ. Любицкій.* Нѣсколько заговоровъ.

А. Н. Деревицкій. Летература по вопросу о заговорахъ, заклинаніяхъ и т. п. въ древней Греціи. *Цѣна 3 руб.*

Къ этому тому приложенъ сборникъ статей объ А. А. Потебнѣ.

5-й томъ. Отчетъ о дѣятельности Историко-Филологическаго общества въ 1892—1893 акад. году, составленный Н. Ѳ. Сумцовымъ.

Отчетъ объ историческомъ архивѣ Общества, составленный Д. И. Багалѣемъ и М. М. Плохинскимъ.

Два отчета о пожертвованіяхъ на премію имени А. А. Потебни.

М. М. Плохинскій. Поселеніе грузинъ въ Малороссіи въ XVIII в.

П. В. Ивановъ. Народные разсказы о домовыхъ, лѣшихъ, водяныхъ и русалкахъ.

В. И. Савва. Къ исторіи духоборцевъ Харьковской губерніи.

С. А. Чернявская. Обряды и пѣсни с. Бѣлозерки Херсонской губ.

Д. И. Багалѣй. О новыхъ матеріалахъ для исторіи Слободской украйны.

Н. Ѳ. Сумцовъ. Дополненіе къ библіографіи заговоровъ.

Объ изданіяхъ Общества любителей древней письменности и Русскаго историческаго общества, поступившихъ въ библіотеку Историко-Филологическаго общества.

М. М. Плохинскій. Опись дѣлъ Историческаго архива.

Объявленіе отъ Харьковскаго Историко-Филологическаго общества.

Труды Педагогическаго отдѣла. Вып. I. *Цѣна 3 руб.*

6-й томъ. Отчеты о дѣятельности И.-Ф. Общества и Педагогич. Отдѣла.

Свящ. В. Спѣсивцевъ. Случайныя археологическія находки.

Е. П. Трифильевъ. Изъ исторіи промышленности Слободской украины.

Я. П. Новицкій. Сборникъ малорус. народ. пѣсенъ, преимущ. историческихъ.

И. И. Манжура. Малорус. народныя сказки.

Ф. Л. Германъ. Врачебное сословіе древняго Рима.

А. С. Лебедевъ. Къ исторіи школъ въ Бѣлгородской епархіи въ XVIII в.

Д. П. Миллеръ и М. М. Плохинскій. Книга справъ поточныхъ Стародубскаго магистрата XVII в.

М. М. Плохинскій. Опись дѣлъ Историческаго архива.

Труды Педагогическаго Отдѣла Вып. II. *Цѣна 3 руб.*

7-й томъ. ***Сочиненія Г. С. Сковороды,*** съ приложеніемъ портрета, вида могилы, снимковъ съ почерка, біографіи, состав. его другомъ Ковалинскимъ, и критико-библіографической статьи проф. Д. И. Багалѣя. *Цѣна 4 руб.*

8-й томъ. *А. Н. Стояновъ.* Памяти И. М. Собѣстіанскаго. *Н. Ѳ. Сумцовъ.* Памяти И. М. Собѣстіанскаго.

А. Н. Стояновъ и Н. О. Куплеваскій. Надгробныя рѣчи.

М. С. Дриновъ. Обзоръ ученой дѣятельности И. М. Собѣстіанскаго.

А. Г. Левандовскій, Н. Ф. Одарченко (некрологъ).

Н. Ѳ. Сумцовъ. Отчетъ о дѣятельности Историко-Филологическаго Общества и Педагогическаго отдѣла въ 1894—95 г.

Д. И. Багалѣй и М. М. Плохинскій. Отчетъ объ историческомъ архивѣ.

1) Правила о преміи имени А. А. Потебни. Предложенныя въ 1895 г. темы. Первое присужденіе преміи. Отзывы о сочиненіяхъ Н. Грунскаго и В. Рогачевскаго.

2) Записка проф. Г. В. Левицкаго. Къ вопросу объ организаціи раскопокъ кургановъ и городищъ Харьковской и смежныхъ губерній.

3) Научныя чтенія для женщинъ весной 1895 г. Програмы чтеній. Временная организація. Статистическія данныя.

4) Юбилейное чествованіе памяти Г. С. Сковороды 13 ноября 1895 года.

А. С. Лебедевъ. Г. С. Сковорода, какъ богословъ.

Ѳ. А. Зеленогорскій, Г. С. Сковорода, какъ философъ.

Д. И. Багалѣй, Г. С. Сковорода, его жизнь, ученіе и значеніе.

Н. И. Аляскритскій. Памяти Н. С. Тихонравова.

А. I. Лященко. Циркуляръ попечителя З. Я. Карнѣева и письмо В. Н. Каразина по поводу его къ гр. В. П. Кочубею.

Ѳ. Е. Коршъ. Нѣсколько замѣчаній къ греческой фонетикѣ Бругмана.

Д. П. Миллеръ. Очерки изъ исторіи и юридическаго быта старой Малороссіи. Суды земскіе, гродскіе и подкоморскіе въ XVIII столѣтіи.

В. А. Мякотинъ. Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Переяславскаго полка.

М. М. Плохинскій. Путешествіе Тарасія Каплонскаго въ Италію въ концѣ XVII столѣтія.

Н. Ѳ. Сумцовъ. Сказанія о провалившихся городахъ.

Н. Ѳ. Сумцовъ. Къ библіографіи старинныхъ малорусскихъ религіозныхъ сказаній.

М. Д. Линда. Историческія преданія о селѣ Рублевкѣ Богодуховскаго уѣзда.

М. М. Плохинскій. Списокъ книгъ, присланныхъ И.-Ф. Обществу въ даръ академіей наукъ. Приложеніе.

М. М. Плохинскій. Опись историческаго архива. *Цѣна 3 руб.*

9-й томъ. *Д. И. Багалѣй.* О. Николай Лащенко (некрологъ) съ приложеніемъ портрета.

М. А. Масловъ. Д. А. Матовъ (некрологъ).

А. В. Ветуховъ. Памяти Р. I. Каширенинова (некрологъ).

Отчетъ о дѣятельности Историко-Филологическаго Общества въ 18⁹⁵/₉₆ ак. г.

С. А. Рѣзниковъ. О текстѣ договора Мстислава Давыдовича съ нѣмцами.

В. К. Савва. О чинѣ царскаго вѣнчанія.

М. А. Остроумовъ. О происхожденіи Синопсиса.

А. С. Лебедевъ. Ѳеоктистъ Мочульскій.

Н. А. Лащенковъ. Е. И. Станевичъ.

Н. Ѳ. Сумцовъ. Личные обереги отъ сглаза.

Б. М. Ляпуновъ. Д-ръ Ватрославъ Облакъ.

Н. Ѳ. Сумцовъ. Литературная родня разсказа гр. Л. Н. Толстаго „Чѣмъ люди живы“.

П. П. Короленко. Матеріалы по исторіи Войска Запорожскаго.

Н. Ѳ. Сумцовъ. Пожеланія и проклятія.

Н. И. Аляскритскій. Обзоръ трудовъ Н. С. Тихонравова съ 1859—1874 (продолженіе).

Н. Ѳ. Сумцовъ. Опытъ историческаго изученія малорусскихъ пословицъ.

Н. Ѳ. Сумцовъ. Жаба и лягушка въ народныхъ повѣрьяхъ и сказаніяхъ.

М. М. Плохинскій. Опись Историческаго Архива (продолженіе). *Цѣна 2 рубля.*

10-й томъ. Отчетъ о дѣятельности Историко-Филологическаго Общества въ 18⁹⁶/₉₇ акад. году.

Ѳ. Ю. Зелинскій. О заговорахъ.

Н. Ѳ. Сумцовъ. Пѣсни о Травинѣ.

Г. Ю. Ирмеръ. Латышская этнографическая выставка на X археологическомъ съѣздѣ въ Ригѣ 1896 г.

Н. И. Аляскритскій Памяти Н. С. Тихонравова (окончаніе).

В. П. Милорадовичъ. Сборникъ малорусскихъ пѣсенъ Лубенскаго уѣзда Полтавской губерніи. *Цѣна 2 рубля.*

11-й томъ. 1) Денежный отчетъ Ист.-Фил. Общества.

2) Протоколы засѣданій.

Е. К. Рѣдинъ. Памяти Ле-Блана.

Н. Ѳ. Сумцовъ. Памяти Ѳ. И. Буслаева.

Н. И. Аляскритскій. Памяти Ѳ. И. Буслаева

М. Е. Халанскій. Памяти Ѳ. И. Буслаева.
Е. К. Рѣдинъ. Памяти Ѳ. И. Буслаева.
В. И. Харціевъ. Памяти Ѳ. И. Буслаева.
Н. Ѳ. Сумцова. Раскольническій сборникъ.
В. И. Савва. О посольскомъ обрядѣ Московскаго Государства.
Н. А. Максимейко. Проектъ новаго уложенія законодательной коммиссіи 1754—1766 г.
3) О собираніи историко-этнографическихъ матеріаловъ.
4) Темы на соисканіе преміи имени А. А. Потебни въ 1898 г.
5) Организація иногородныхъ чтеній.
6) Книги, поступившія въ библіотеку И.-Ф. О.
7) Отчетъ объ Историческомъ Архивѣ $18^{97}/_{98}$.
8) Отчетъ о дѣятельности Педагогическаго Отдѣла И.-Ф. О. въ $18^{97}/_{98}$.
9) Отчетъ о дѣятельности Лекціонной Коммиссіи.
10) Списокъ свѣтовыхъ картинъ, пріобрѣтенныхъ И.-Ф. Обществомъ въ $18^{97}/_{98}$ г.
11) Списокъ членовъ И.-Ф. О. и Педаг. Отдѣла.
12) Рѣчь проф. *Н. Ѳ. Сумцова* по поводу пятилѣтія Педагогическаго Отдѣла.
Е. К. Рѣдинъ. Ѳ. И. Буслаевъ. Обзоръ трудовъ его по исторіи искусства.
А. С. Лебедевъ. Разъѣзды Бѣлгородскихъ архіереевъ по епархіи.
А. П. Пельтцеръ. Происхожденіе анекдотовъ въ русской народной словесности.
Н. Ѳ. Сумцовъ. Разысканія въ области анекдотической литературы. Анекдоты о глупцахъ.
Экстрактъ о изнеможеніи слободскихъ полковъ.

Труды Педагогическаго Отдѣла Историко-Филологическаго Общества. Вып. I-й.

Отчетъ о дѣятельности Педагогическаго отдѣла за первое полугодіе.
М. С. Дриновъ. Рѣчь при открытіи Отдѣла.
Н. Ѳ. Сумцовъ. Рѣчь при открытіи Отдѣла.
М. Е. Халанскій. О методѣ обученія писанію сочиненій въ средне-учебныхъ заведеніяхъ.
Н. С. Протопоповъ. Къ вопросу о сочиненіяхъ.
С. А. Новицкій. Чтеніе и языкъ сочиненій.
А. Г. Левандовскій. Рѣчь въ засѣданіи Отдѣла 13 декабря.
А. Г. Левандовскій. О классномъ чтеніи древнихъ авторовъ.
А. В. Ветуховъ. Янъ Амосъ Коменскій.
Н. И. Алякритскій. А. В. Кольцовъ.
И. М. Собѣстіанскій. Отчетъ г. попечителя Кавказскаго учебнаго округа за 1891 годъ.
Г. Ѳ. Шульцъ. Julius Keller. Die Grenzen der Uebersetzungskunst 1892.
В. П. Бузескулъ. По поводу новыхъ учебниковъ по всеобщей исторіи (проф. П. Виноградова и К. А. Иванова).
Н. И. Алякритскій. П. А. Висковатовъ. Сжатый обзоръ исторіи новой литературы 1892 г.
Н. Ѳ. Сумцовъ. М. Л. Песковскій: К. Д. Ушинскій 1892 г.
Н. Ѳ. Сумцовъ. А. Д. Твердохлѣбовъ. Столѣтіе Ахтырскаго уѣзднаго училища. 1893 г.
Б. А. Краевскій. Объяснительная замѣтка къ таблицамъ спряженія и склоненія въ нѣмецкомъ языкѣ. *Цѣна 1 руб.*

Труды Педагогическаго Отдѣла Историко-Филологическаго Общества. Вып. II-й.

Уставъ Педагогическаго Отдѣла И.-Ф. общества.
Д. И. Багалѣй. Объ элементарной методикѣ исторіи.
Н. И. Алякритскій. О классномъ и внѣклассномъ чтеніи.
М. П. Знаменскій. Греческій optativ (опытъ преподаванія въ IV классѣ).

В. И. Харціевъ. О преподаваніи грамматики русскаго языка въ низш. классахъ гимназіи.

М. И. Демковъ. О задачахъ серіозной педагогической литературы.

И. Н. Стефановскій. О грамматическ. разборѣ на урокахъ русск. языка.

С. А. Новицкій. Путь къ обновленію школьной грамматики.

И. М. Собѣстіанскій. „Объ отчетѣ Тифлисской 1 гимназіи 1893 г.“.

А. В. Ветуховъ. О книгѣ Д. В. Аверкіева о драмѣ.

Н. Ѳ. Сумцовъ. О лекціяхъ А. А. Потебни о баснѣ. *Цѣна 1 руб.*

Труды Педагогическаго Отдѣла Историко-Филологическаго Общества. Вып. III-й.

Отчетъ о дѣятельности П. О. Х. И.-Ф. О. въ 18⁹⁵/₉₆ акад. году.

Н. Ѳ. Сумцовъ. Организація общественныхъ и школьныхъ библіотекъ.

Н. С. Иваницкій. Организація домашняго чтенія и литературныхъ вечеровъ въ гимназіяхъ.

А. В. Ветуховъ. Основные вопросы литературной критики.

В. К. Вальтеръ. Французскій языкъ въ коллегіи Роллена и въ Сорбоннѣ.

С. В. Соловьевъ. В. Гюго и Диккенсъ, какъ проповѣдники гуманности и друзья дѣтей.

Е. П. Трифильевъ. Н. И. Новиковъ, какъ педагогъ.

И. Н. Стефановскій. Къ вопросу о грамматическомъ разборѣ на урокахъ русскаго языка въ средне-учебныхъ заведеніяхъ (обстоятельственныя слова).

Н. Ѳ. Сумцовъ. 1) Гюйо, „Искусство съ точки зрѣнія соціалогіи“. Спб. 1891. 2) Смирновъ, А. И. „Эстетика“ Казань. 1894. 3) Прельсъ, „Эстетика“. Спб. 1895. 4) Жизнь замѣчательныхъ людей, Павленкова. „Ломоносовъ“.

Д. В. Гутниковъ. 1) Куницкій, Значеніе изученія словесности для нравственнаго воспитанія юношества, Кіевъ, 1894. 2) Минскій, „Иліада“ Гомера, М. 1896. 3) Ланге, Художественное воспитаніе въ дѣтской, М. 1895. 4) Кейръ, Воображеніе и память, Спб. 1896.

Труды Педагогическаго Отдѣла Историко-Филологическаго Общества. Вып. IV-й.

Отчетъ о дѣятельности Педагогическаго Отдѣла Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества за 18⁹⁶/₉₇ акад. годъ.

Н. Ѳ. Сумцовъ. Эдуардъ Лабулэ и Жюль Мишле, какъ педагоги и друзья дѣтей.

В. И. Харціевъ. Объ организаціи ученическихъ экскурсій.

М. А. Остроумовъ. Августъ Германъ Франке.

В. К. Вальтеръ. О связываніи словъ во французскомъ языкѣ.

Н. Ѳ. Сумцовъ. Къ вопросу о составленіи руководства для студентовъ Императорскаго Харьковскаго Университета.

Харьковская педагогическая хроника: Открытіе новыхъ университетскихъ клиникъ.

Н. Ѳ. Сумцовъ и Е. К. Рѣдинъ. Опытъ организаціи образовательныхъ чтеній преимущественно для учащихся.

В. И. Харціевъ. Дѣтская колонія въ Березовскихъ минеральныхъ водахъ.

Н. Ѳ. Сумцовъ и А. Я. Ефимовичъ. Докладъ коммиссіи о способахъ умноженія городскихъ школъ.

Выставка воскресныхъ школъ.

Музыкальный кружокъ.

Проектируемая народная аудиторія.

Н. Ѳ. Сумцовъ. Къ вопросу объ организаціи въ Харьковѣ дѣтскихъ общественныхъ игръ.

Б. А. Краевскій и В. И. Харціевъ. Объ устройствѣ библіотеки учебниковъ при обществѣ попеченія о бѣдныхъ ученикахъ 2-й Харьковской гимназіи.

Н. А. Власенко. Субботняя школа.

Библіографія:

К. И. Турчаковскій. Baumeyster, Handbuch der Erziehungs und Unterrichtslehre für höhere Schulen 1895.

Г. Ю. Ирмеръ. Людвигъ Шейнъ, психическое происхожденіе и соціальный характеръ языка.

В. А. Лезинъ, Обзоръ учебной и научной литературы по русскому языку.

В. А. Лезинъ. Шереметевскій В. П. сочиненія 1897 г.

Н. С. Софоклъ, трагедія „Электра", пер. съ греческаго языка подъ редакціей П. М. Григоровскаго.

Н. С-въ. Николаевъ, Переселенка съ острова Андроса (Andria) Теренція.

Н. С-въ. Отчеты объ ученическихъ поѣздкахъ на Нижегородскую выставку.

Изъ газетъ и журналовъ:

О гимназическихъ отмѣткахъ.

Заботы о выразительномъ чтеніи.

Лекція о школьныхъ завтракахъ.

Надѣленіе школъ землей и лѣсомъ.

Защита дѣтей.

Справочное педагогическое бюро Курскаго губернскаго земства

Поминка умершаго учителя Сумской мужской гимназіи И. В Кривенка. *Цѣна 1 рубль.*

Сборникъ статей объ А. А. Потебнѣ (съ портретомъ), *ц. 1 р.* рекомендовано Уч. Комитетомъ М. Н. Пр. для фундам. библ. сред. учеб. заведеній).

Сборникъ статей объ И. М. Собѣстіанскомъ (съ портретомъ), *цѣна 20 коп.*

Сборникъ статей о Н. Ф. Одарченко (съ портретомъ) *ц. 40 коп.*

Пособіе для устройства научныхъ и литературныхъ чтеній, *цѣна 1 руб.,* на лучшей бумагѣ *2 руб.* I и II изданія.

Первое изданіе „Пособія" рекомендовано Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія особому вниманію педагогическихъ совѣтовъ средне-учебныхъ заведеній для пріобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія старшаго возраста библіотеки, а также для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и для учительскихъ библіотекъ низшихъ училищъ (Ж. М. Н. П. 1896 III).

Содержаніе: 1) Святки. 2) Небо и земля. 3) Море. 4) Горы. 5) Степи. 6) Лѣса. 7) Царство пернатыхъ. 8) Хлѣбные злаки и земледѣльческій трудъ. 9) Родство и дружба. 10) Музыка. 11) Поэзія. 12) Наука.

Основы поэтики, *цѣна 20 коп.* (рекомендовано).

Тетрадь для записыванія прочитанныхъ книгъ, *ц. 5 коп.* (рекомендована въ качествѣ необязательнаго учебнаго пособія).

Ивановъ. Народные разсказы о долѣ (матеріалы для характеристики міросозерцанія крестьянскаго населенія Купянскаго уѣзда). *40 коп. Черняховская.* Обряды и пѣсни села Бѣлозерки Херсонской губерніи. *Цѣна 40 коп.* Изъ числа книгъ, пожертвованныхъ И.-Ф. Обществу въ значительномъ числѣ экземпляровъ продаются:

Короленко. Черноморцы, Сбп. 1874. *Цѣна 1 р.*

Автобіографія Степана Лукича Геевскаго (1813—1862 г.). Кіевъ 1894. *Ц. 50 к.*

Н. Сумцовъ. Очеркъ исторіи южнорусскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ, 1888. *1 р. 50 к.*

Пересылка безплатная, а при выпискѣ на сумму не менѣе *20 руб.* 30% уступки

Адресъ: Въ Харьковъ, университетъ, Историко-Филологическое Общество.